

Античная
КЛАССИКА

ЭЛЛИНСКИЕ
ПОЭТЫ

ΕΛΛΗΝΙΚΟΙ ΠΟΙΗΤΑΙ

ΑΠΟ Ζ' ΜΕΧΡΙ Γ' ΑΙΩΝΟΣ

ЭЛЛИНСКИЕ ПОЭТЫ

VIII—III вв. до н. э.

ЭПОС,
ЭЛЕГИЯ, ЯМБЫ,
МЕЛИКА

Издание подготовили
М. А. Гаспаров,
О. П. Цыбенко, В. Н. Ярхо

Научно-издательский центр
«ЛАДОМИР»
Москва

Вступительная статья и составление
В. Н. ЯРХО

Примечания
М. А. ГАСПАРОВА, О. П. ЦЫБЕНКО,
В. Н. ЯРХО

Ответственный редактор
М. А. ГАСПАРОВ

Оформление
В. В. ИСТОМИНА

ISBN 5-86218-237-3

© В. Н. Ярхо. Состав, статья, примечания, 1999.
© М. А. Гаспаров. Примечания, 1999.
© В. В. Истомин. Оформление, 1999.
© Переводы (авторы, см. содержание), 1999.
© НИИЦ «Ладомир». 1999.

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без договора с издательством запрещается*

ПЯТЬ ВЕКОВ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Не слишком искушенный читатель знает поэзию древних эллинов главным образом по ее вершинным достижениям — Гомер, Пиндар, Софокл, Аристофан. Кто-то еще, может быть, припомнит Эсхила, так как его «Орестею» показывали в конце 1993 г. на сцене Театра Российской армии в постановке Петера Штайна, и едва ли не все газеты так или иначе на нее откликнулись. Между тем вершины бывают заметны только тогда, когда они возникают над более или менее обширной горной цепью, в которой есть и другие возвышения.

Более подготовленный читатель — например студент филологического факультета, прослушавший краткий курс истории античной литературы, может быть, даже сохранил воспоминание о последовательной смене жанров, происходившей в VIII—V вв. до н. э. в греческой поэзии: начиналась она с гомеровского эпоса (VIII в.)*, потом преобладала лирика (VII—VI вв.), на смену которой пришла афинская драма V в., после чего наступил перерыв примерно до середины III в. — так называемой александрийской «ученой» поэзии. И опять же, с точки зрения ведущего положения в идейной жизни общества представление о месте в ней каждого поэтического жанра недалеко от истины. Между тем и эпос в различных разновидностях (героический, наставительный, философский), и лирика в обеих ее ветвях (декламационной и песенной) продолжали существовать и в V в., и позже, хоть и подвергаясь определенным модификациям. Заполнить пробел, существующий в наших представлениях об эллинской поэзии от рубежа VIII/VII в. до III в. (за исключением драмы, которая требует нескольких отдельных томов, и Пиндара с Вакхилидом, вышедших не так давно специальным изданием¹), и составляет задачу предлагаемого двухтомника. При этом охват представленных в нем имен и произведений оказывается таким обширным и пестрым, что дать им сколько-нибудь законченную и целостную характеристику оказывается не менее трудным делом, чем объять в одной статье путь русской поэзии от Гаврилы Державина до Андрея Вознесенского.

Как ни медленно протекало развитие общества две с половиной тысячи лет тому назад, все же за представленные здесь пять веков Греция подвергалась довольно интенсивным переменам. К началу этого периода относится становление греческих полисов (городов-государств), колонизация Южной Италии и побережья Малой Азии; все это сопровождалось классовыми смутами в самих полисах, пока в одних не победила демократическая форма правления, а в других верх не взяла аристократия. Затем возникла опасность греческой независимости со стороны могущественной персидской монархии, и раз-

* Все даты, не оговоренные особо, относятся к летосчислению до нашей эры и особой пометкой не снабжаются.

¹ См.: Пиндар, Вакхил и др. Оды. Фрагменты. Изд. подготовил М. А. Гаспаров. — М., 1980.

разились греко-персидские войны, самый острый этап которых пришелся на 490–479 гг., включая сражения при Марафоне, Саламине и Платеях. После заключения мира с Персией (449) обострилось вечное соперничество между Афинами и Спартой, которое привело к Пелопоннесской войне (431–404) и бесконечным столкновениям «местного значения» на протяжении всего IV в., пока Греция не оказалась под властью Македонии (336–323), а затем необъятная держава Александра Великого распалась на отдельные царства. Естественно, поэзия не могла оставаться в стороне от всех этих событий и должна была как-то на них откликаться.

К тому же в нашем собрании представлены произведения различных жанров, и имеет смысл сначала дать их краткую характеристику, а затем проследить важнейшие аспекты их развития².

1

Древние греки, а каких-нибудь два столетия тому назад и современные исследователи, считали, что в самом начале эллинской поэзии стоял великий старец Гомер с его двумя бессмертными поэмами «Илиадой» и «Одиссеей», и, действительно, в хронологическом плане они являются первыми письменными поэтическими памятниками западноевропейской литературы. Между тем уже само их художественное совершенство могло подсказать мысль, что такие шедевры не рождаются на пустом месте и что их возникновению должен был предшествовать, как у всех народов, длительный путь дописьменного героического эпоса, отшлифованного поколениями сказителей. Здесь не место углубляться в двухсотлетнюю историю так называемого гомеровского вопроса — нам достаточно констатировать, что наряду с «Илиадой» и «Одиссеей» — одновременно или чуть позже — были созданы и другие эпические поэмы; сами греки называли их «киклическими» (от слова *kúklos* — «круг»), поскольку содержание каждой из них составляли не одно событие (скажем, 50 дней из последнего года Троянской войны) или судьба одного человека (например, скитания и возвращение Одиссея), а целый «круг происшествий», имевших отношение к определенной теме (судьба царского рода в Фивах, или захват Трои, или возвращение героев). Эпизодичность этих киклических поэм послужила причиной того, что от них до потомства дошли только поздний прозаический пересказ да какая-нибудь сотня стихов, сохранных столь же поздними компиляторами. С гомеровским эпосом объединяли их литературный диалект и внешняя форма — дактилический гексаметр³, который на многие века остался размером всякого эпоса — героического, назидательного, научного и даже гастрономического.

Более поздняя, во многом эпигонская стадия героического эпоса представлена поэмой «Щит Геракла», которая сохранилась под именем Гесиода. Но наряду с ней известны еще около двух десятков других эпиков (одного из них — Паниасида — ставили в один ряд с Гомером и Гесиодом) и названий анонимных произведений от VIII до V в., посвященных происхождению и подвигам легендарных героев, основанию греческих городов и даже событиям современных автору греко-персидских войн. Дошедшие до нас не слишком обширные отрывки из этих поэм тоже представлены в нашем собрании.

К другому типу эпоса — назидательному (дидактическому) — принадлежат две полностью уцелевшие поэмы Гесиода и опять же приписанный ему «Ката-

² Биографические данные об отдельных поэтах приводятся в комментариях.

³ Название дано потому, что стих состоит из шести (*греч.* *hexa*) дактилических стоп (— ∪ ∪); дактиль — «палец» руки с одной длинной косточкой и двумя короткими.

лог женщин», которые от союза с богами произвели на свет героев, давших, в свою очередь, начало целым поколениям новых героев и героинь; вступая между собой в браки, они создали очень разветвленную генеалогическую сеть мифологических персонажей. От «Каталога женщин» дошли значительные отрывки благодаря папирусным находкам, которые показывают, что эта поэма-справочник была очень популярна на протяжении всей античности.

Гексаметром стал пользоваться в V в. и философский эпос. Если от поэмы основателя элейской школы Ксенофана «О природе» дошло только около двух десятков отдельных стихов, то от такой же поэмы Парменида сохранилось значительно больше, а поэтическое наследие Эмпедокла вообще известно нам сравнительно хорошо. Отсюда уже лежал путь к философскому эпосу в римской поэзии — знаменитой назидательной поэме Лукреция «О природе вещей».

Эпос не прекратил своего существования и в IV в.: до нас дошли отрывки из огромной и, вероятно, достаточно темной поэмы Антимаха «Фиваида», но наряду с ним возникает и новый жанр — так называемый «эпиллий», малый эпос, — небольшая поэма, посвященная одной теме или одному событию. Представление об этом жанре, получившем развитие в III в., дают папирусные отрывки из «Прялки» Эринны или «Гекалы» Каллимаха. Впрочем, продолжали писать в III в. и «полнометражные» эпические поэмы на историко-мифологические темы. От одного из представителей этого жанра (Риана) дошли небольшие отрывки, другой (Аполлоний Родосский) представлен целиком сохранившейся «Аргонавтикой», выходящей по объему за пределы нашего собрания.

Не могли быть включены в него (также и по хронологическим соображениям) и образцы употребления эпического гексаметра в поздней греческой поэзии (IV–V вв. н. э.), когда Квинт из малоазийской Смирны сочинил огромную поэму «После Гомера», а в египетском городе Панополе христианский епископ Нонн — еще большую поэму о походе Диониса в Индию.

К эпическому жанру следует отнести и гимны, ошибочно приписанные Гомеру и потому так и вошедшие в научный обиход как «гомеровские». Наиболее древними (VII–VI вв.) и художественно совершенными из них являются первые пять — они же и самые обширные. Какая судьба постигла жанр эпических гимнов в III в., читатель увидит из приводимого здесь «Гимна к Деметре» Каллимаха.

Разновидностью гексаметра явился так называемый элегический дистих, в котором за шестистопной строкой следовала другая, состоявшая из двух половинок, дававших в сумме пять стоп — пентаметр⁴. Свое название дистих получил от жанра элегии — по-видимому, это фригийское слово, означавшее первоначально заплачку. Однако уже первый памятник элегии с греческого побережья Малой Азии — отрывок поэта Каллина (VII в.) — не имеет никаких признаков погребальной тематики, а совсем наоборот, призывает к сплочению сил против внешней опасности⁵. Элегии писались, как и эпос, на ионийском наречии, но отнюдь не в одной Малой Азии. Элегиями — побуждениями к бою прославился в Спарте Тиртей, элегиями-размышлениями на общественно-политические темы были знамениты на о-ве Парос Архилох, а в материковой Греции — Тиртей, Солон и Симонид с о-ва Кеос.

В V в. в элегию активно проникают симпатические (пиршественные) мотивы (см. отрывки из Евена, Крития, Дионисия), знакомые уже по Ксенофану, от которых недалеко до любовной тематики. Ее первым представителем счи-

⁴ Схема пентаметра: — ∪ ∪ — ∪ ∪ — || — ∪ ∪ — ∪ ∪ —

⁵ Назидательно-утешительный характер в связи с кораблекрушением у берегов о-ва Парос носят разве только фр. 45–53 Архилоха.

тался Мимнерм (VI в.); большое распространение она получила в IV в. (практически не дошедшая поэма Антимаха «Лида»), а в III в. жанр элегии претерпел существенную трансформацию: в этом размере написал Каллимах сочинение в четырех книгах «Причины», составленное примерно из 40 эпизодов самого различного содержания: мифологического, исторического, любовного. Поэма эта целиком не сохранилась, хотя за последние 100 лет и набралось довольно много отрывков, добытых разными путями, — главным образом на папирусах. Наиболее цельные из них представлены в нашем собрании. Пути проникновения элегии в ее эротическом облике в Рим (Проперций, Овидий) остаются до сих пор спорными.

Последний декламационный жанр в древнегреческой поэзии — восходящий к насмешливым народным песенкам ямб. Признанным мастером ямбографии являлся уже известный нам Архилох; сатирическая поэма о женщинах сохранилась от поэта Семонида Аморгосского; необычный вид ямбического стиха, так называемый холиямб («хромой ямб») — с перебивкой ударения в последней стопе — ввел Гишпонакт. Нижней хронологической границей холиямба является опять же VI в., а затем он был возрожден в Александрии Каллимахом, а в Риме Катуллом (I в.).

Иную разновидность поэтического творчества древних греков составлял жанр, который в наше время называют относительно поздним термином «лирика» (по сопровождавшему исполнению инструменту — лире), а древние греки обозначали словом «мелика» (от *melos* — «песнь»). Прослеживаемые в настоящее время истоки мелики уводят нас к поэту с о-ва Лесбос Терпандру (VII в.), к которому восходит также учреждение поэтических состязаний в Спарте. От самого Терпандра ничего не дошло (даже единственное четверостишие — призыв к Зевсу — считается неподлинным), но о творчестве его преемника в Спарте Алкмана (VII–VI вв.) мы теперь осведомлены несколько лучше благодаря папирусным находкам: его парфений («девичья песнь»), обнаруженный в 1855 г. и опубликованный восемь лет спустя, стал одной из первых ласточек, возвестивших о возникновении папирылогии как науки, благодаря которой открылись многие дотоле неизвестные сокровища древнегреческой литературы и, в частности, именно мелики. В нашем сборнике это будут в первую очередь два поэта с о-ва Лесбос — Алкей и Сапфо и два поэта с западной окраины греческого мира — Стесихор и Ивик. Разносторонним мелическим поэтом был и уже упомянутый Симонид с Кеоса, чье творчество до сих пор известно совершенно недостаточно.

По своим функциям и исполнению мелика делилась на две ветви — хоровую и сольную. В жанре хоровой мелики писали гимны богам для религиозных празднеств (пеаны — в честь Аполлона, дифирамбы — в честь Диониса и т. д.) и эпиникии — «победные песни», прославлявшие по возвращении домой победителей на общегреческих спортивных играх. Как считали древние, своей вершины эпиникий достиг в творчестве Пиндара. Произведения сольной лирики предназначались для исполнения в более узком кругу: в фиасе — объединении девушек, обслуживавших культ Афродиты (Сапфо), или на совместной пирушке мужчин, сплоченных единством общественных интересов в так называемую гетерию (Алкей). К ним могут быть прибавлены и сколии («кривые песни»), которыми обязаны были поочередно обмениваться участники пира.

Поскольку многие поэты-мелики выступали и в ее хоровой и в сольной разновидности, античные ученые не отделяли их друг от друга, а из имен наиболее выдающихся поэтов классической мелики составили так называемый канон из 9 поэтов: Алкман, Стесихор, Алкей, Сапфо, Анакреонт, Ивик, Симонид, Пиндар, Вакхилид. В нашем собрании мы последуем примеру древних филологов.

В дальнейшем судьба мелики складывается по-разному. Сольная ее разновидность после Анакреонта представлена для нас энкомием («прославлением») Симонида на пиру у Скопадов, так называемым номом Тимофея и еще небольшим числом отрывков. Впоследствии, уже в римское время Гораций (65–8) будет гордиться тем, что перенес на италийскую землю эолийские размеры (и другие метрические схемы греческой лирики), но в его время никто уже не пел под лиру ни Сапфо, ни Алкея, так что «певческий» характер мелики был в значительной степени утрачен, и она превратилась в поэзию для чтения.

Что касается хоровой мелики, то здесь картина совсем иная. До нас дошло десятка два гимнов — и авторских (например, Арифрона, Филодама), и анонимных, предназначенных для исполнения в культовой обстановке и, следовательно, посвященных различным богам. К традиционным адресатам — Артемиде, Дионису, юному Зевсу — присоединились с IV–III в. новые божества, в первую очередь бог врачевания Асклепий, чей культ с конца V в. распространился по всей Греции, Гиги́ея — олицетворенное «здоровье», Пан и даже Тиха — персонафикация Случая, на которую в IV–III вв. стали возлагать больше надежд, чем на устаревших олимпийских богов. Многие из этих произведений найдены высеченными на каменных плитах в соответствующих святилищах — верный признак того, что их стремились сохранить для многократного исполнения; и в самом деле, эрифрейский пеан в честь Асклепия, написанный не позже рубежа V–IV вв., встречается вплоть до первых веков н. э. и в эпиграфических и в письменных памятниках.

Что касается мелики светской, то здесь достаточно упомянуть отрывок из анонимного пеана, адресованного в конце V в. спартанскому флотоводцу Лисандру. Тот факт, что живому человеку посвящается не эпникий, не энкомий, а песнь из области культовых жанров, говорит о падении их авторитета. Другой пример потери хоровой меликой своего общественного назначения — гимн некоего Гермокла на возвращение в Афины Деметрия Полиоркета, блестящего авантюриста эпохи бесконечных войн, которые после смерти Александра Македонского вели между собой его преемники, а потом их сыновья. Высокими нравственными качествами Деметрий отнюдь не отличался и меньше всего заслуживал обожествления и прославления в одном ряду с Деметрой.

Две особенности, характеризующие эллинскую поэзию VII–III вв., должны обратить на себя внимание читателя.

Во-первых, это ее пирочайший географический ареал: Гесиод творит в Беотии, Солон — в Афинах, Алкман и Тиртей — в Спарте, Стесихор и Ивик — в Сицилии и Южной Греции, Каллин и Мимнерм — в Малой Азии, Архилох — на о-ве Парос и во время своих бесконечных скитаний в северной части Эгейского моря, где на о-ве Фасос у паросцев была колония. К тому же элегики и ямбографы пишут на ионийском наречии, Алкей и Сапфо — на эолийском, в языке Стесихора присутствуют элементы западногреческих говоров. Однако эта языковая пестрота не мешает грекам во всех концах восточного Средиземноморья понимать друг друга, откликаться на чужое творчество, полемизировать с другими авторами. В конце концов, несмотря на огромный по тем временам хронологический и территориальный охват, греческая поэзия живет определенной суммой идей, образов, художественных средств в их развитии и взаимодополнении.

Во-вторых, мы часто говорили о *дошедших* до нас, о *сохранившихся* произведениях древних поэтов, и это наводит на мысль, что дошло и сохранилось отнюдь не все. И это действительно так. Как уже упоминалось, «Каталог женщин» мы знаем преимущественно по папирусным отрывкам, и если подчас целые строки без особого труда восстанавливаются современными филологами благодаря «формульному стилю» эпоса («взял в жены» такую-то «прекрасно-

кудрую», «прекраснолodyжную», и она родила «безупречного», «мощного», «богоравного» героя и т. п.), то с поэтами-лириками дело обстоит далеко не так просто. Филологи, собиравшие в древней Александрии стихотворения поэтов прошлого, поделили творчество Сапфо на 9 книг, Алкея — на 10, Стесихора — на 26 (античная книга соответствовала папирусному свитку, достаточно удобному для чтения, и вмещала в среднем 1300–1500 стихов). И вот от Сапфо мы до сих пор располагаем всего лишь одним цельным стихотворением и четырьмя строфами другого, еще несколько дошло в сравнительно крупных отрывках, да и то либо без начала, либо без конца; все остальное — многочисленные цитаты в один-два стиха, сохраненные античными грамматиками и лексикографами ради редкого слова или необычной грамматической формы. От Алкея, по-видимому, не дошло ни одного цельного стихотворения, а когда счастливая папирусная находка приносит целых 7 или 8 строф небольшой поэмы, то она порождает больше споров и вопросов, чем дает ответов.

Несколько лучше обстоит дело с представителями другого поэтического жанра — элегии и ямба. Здесь от некоторых авторов дошли довольно связные отрывки, а иногда и цельные произведения (например, элегия Солона к Музам), но величайшего поэта VII в., писавшего и элегии, и ямбы, и тетраметры, и басни, — Архилоха — мы все еще знаем по скудным отрывкам, так что впервые опубликованный в 1974 г. папирусный текст объемом в 35 стихов вызвал столько споров и противоречивых толкований, что отзвуки их не затихают и по сей день.

В этих условиях трудно дать сколько-нибудь полную и единую картину эллинской поэзии за пять веков, вошедшей в это собрание. Попытаться, однако, надо.

2

Как уже говорилось, VII–VI вв. в истории Греции — время становления самостоятельных городов-государств — полисов, которых насчитывалось несколько сотен. Они могли быть, по греческим понятиям, достаточно обширными — например Афины с прилегающей к ним областью Аттикой, Спарта с покоренной Мессенией, большие острова Эгейского моря: Самос, Лесбос, Хиос; могли быть и совсем крошечными, но все равно имели свой совет старейшин и народное собрание. В зависимости от того, кому фактически принадлежала власть — крупным (опять же по греческим масштабам) землевладельцам или простому люду — крестьянам, ремесленникам, поденщикам, морякам, — полисы носили характер аристократической или демократической республики. Конечно, это очень схематичная классификация, и могло быть множество различных вариантов; власть могла переходить от одного сословия к другому, что сопровождалось изгнанием политических противников (такую судьбу испытал, например, Феогнид из Мегары). Иногда сам народ, утомленный бесконечными распрями знатных родов, вручал единоличную власть какому-нибудь посреднику (эсимнету), иногда ее захватывал сам предприимчивый человек из аристократии — такого правителя называли тираном, что означало приход к власти не по праву наследования, а некую-нибудь сверхчеловеческую жестокость. Напротив, часто при дворах таких тиранов (Писистрата в Афинах, Поликрата на Самосе) создавались очень благоприятные условия для художественного творчества (на Самосе подолгу гостили Анакреонт и Ивик).

При любой форме государственного устройства античных полисов идеологической основой, объединявшей граждан, была вера в олимпийских богов (по названию горы Олимп в Фессалии, где предполагалось их жилище). Сре-

ди них в каждом полисе были особо почитаемые: в Афинах — одноименная богиня-«градодержица» и морской бог Посейдон, в Аргосе — Гера, в Эфесе — Артемида, в Спарте — Зевс и те же Афина с Герой и т. д. Разумеется, культы этих богов и поклонение им возникли задолго до появления известной нам древнегреческой поэзии, но как раз в ней образы богов не отличались первоначально особой привлекательностью.

В «Илиаде» боги превосходят смертных своей физической силой, способностью быстро передвигаться на огромные расстояния и принимать образ любого человека; в остальном же они своенравны, тщеславны и мстительны, как люди, так что Зевсу нередко приходится прибегать к угрозам, чтобы навести порядок в божественном семействе. При этом соображения высокой нравственности неведомы ни самому верховному Олимпийцу, ни его подчиненным. Только в «Одиссее», оформившейся, вероятно, на поколение позже «Илиады», уже встречаются мысли о том, что боги, и в первую очередь Зевс, блюдут справедливость и карают за ее нарушение. Поэтому создание такого образа главы олимпийского пантеона, который оправдывал бы надежды смертных на справедливость мироздания, становилось первейшей задачей поэтов, творивших в греческих полисах, и первым, кто взялся за ее выполнение, был Гесиод, хотя к ее окончательному решению он пришел не сразу. В более ранней поэме «Теогония» определяющим свойством Зевса все еще является его огромная физическая сила. С ее помощью он свергает своего жестокого отца Крона, а затем одерживает победу над поколением старших богов-титанов и огнедышащим чудовищем — великаном Тифоном. Только в «Трудах и Днях» Зевс выступает как гарант справедливости: он дарует успех и процветание жителям того города, где блюдет правду, но насылает всяческие бедствия и губит в море корабли граждан того города, где вершат несправедливый суд и преступают законы Справедливости. И сама Справедливость, олицетворенная в облике божественной девы Дики, становится с этих пор постоянной спутницей Зевса, сообщая ему обо всех нравственных преступлениях смертных и навлекая на них кару.

Если у Гесиода под наблюдением Зевса находится главным образом судопроизводство (так как сам поэт пострадал от продажности судей), то у Солона, творившего во время тяжелого политического и экономического кризиса в Аттике, Зевс и Дика следят за всеми проявлениями гражданской нравственности и особенно тяжело карают за несправедливое обогащение, казнокрадство, богохульство, причем наказание может постигнуть даже не самих виновных, а их потомков. Утвержденная Гесиодом и Солоном забота Зевса о соблюдении людьми заповедей нравственности становится затем в классическую эпоху общепризнанным убеждением греческих поэтов, и только в минуту крайнего отчаяния кто-нибудь из них может усомниться в верности этой истины:

Или еще, о владыка богов: справедливо ли это,
Что справедливейший муж, чуждый несправедных дел,
Не совершивший греха и обманчивых клятв не дававший,
Должен так часто терпеть незаслуженную скорбь? —

воскликает изгнанник Феогнид (743—746, ср. 377—380), считающий себя жертвой «дурных» и «низких» соотечественников.

А еще два века спустя, когда социальные противоречия в Греции достигли небывалой остроты, поэт Керкид — отнюдь не изгнанник, а вполне уважаемый гражданин г. Мегалополя — тем не менее вопрошает:

Иль нет у Дики глаз — словно крот ослепла?
...Иль Фемиды светлая покрылась мраком?

Божества ли это? — Ни слуха, ни зренья!
А ведь весы неподкупные мечущий молнийный огонь
Держит — они никогда не дрогнут...

(фр. 1)

Однако в классическую эпоху приобретение Зевсом нравственных функций налагает определенные обязательства и на смертных. Для героев Гомера не существует взаимосвязи между их жизненным сроком и поведением на земле. От рождения смертному назначена его доля (мойра), и уклониться от нее он не в состоянии. Так, троянский герой Гектор, возглавляющий оборону осажденного города, и храбр, и благочестив, и Зевсу очень не хочется осуждать его на раннюю смерть. Но в момент единоборства Гектора с Ахиллом весы судьбы склоняют чашу со жребием Гектора к Аиду, боги отступаются от него, и он становится жертвой разгневанного противника. Тот, в свою очередь, ведет себя, с нашей точки зрения, не очень благородно: привязав тело мертвого Гектора к оси своей колесницы, он несколько раз волочит его по праху вокруг стен Трои, насыщая свой гнев (от руки Гектора погиб лучший друг Ахилла Патрокл). Однако боги не делают ничего, чтобы предотвратить такое недостойное поведение; они только заботятся о сохранности тела Гектора и велят Ахиллу выдать его за большой выкуп престарелому отцу для погребения. Если Ахилл погибнет вскоре вслед за Гектором, то причиной этого будут не его позорные действия, а написанная ему на роду краткость жизни. Об этом знают и его мать Фетида, и он сам, и его божественные кони, но сужденного не избежать. В этом смысле для гомеровских героев не существует проблемы ответственности, как не существует и проблемы нравственного выбора.

Для благородного вождя его поведение в бою всегда определяется однозначно заданной нормой: сражаться в первых рядах, не отступая, чтобы этим самым прославить себя и свое потомство. Норма эта всегда сугубо эгоцентрична: герой заботится о своей личной «бессмертной славе», о репутации своего рода, о своем благородном происхождении, которое не позволяет ему поступать иначе. Некоторую поправку вносит в это мировоззрение только Гектор, который призывает соотечественников не снимать с убитых врагов их доспехи, а думать о благе полиса.

Иначе решает эти вопросы поэзия VII — VI вв.: сначала все тот же Гесиод в уже известной нам притче о несправедном городе, а затем на протяжении двух веков ее развивают авторы элегий, да и мелика не остается совсем в стороне от этой темы, очень тесно связанной с представлением о моральных обязательствах каждого гражданина.

Уже самый ранний из элегических поэтов — Каллин из Эфеса — не только побуждает своих соотечественников к отпору чужеземцам, но и рисует перед ними идеал доблестного мужа, в котором все граждане видят свою опору и защиту; тот же, кто уклоняется от битвы, «ни желанен, ни дорог не будет» для города. Еще более обширную программу выдвигает Тиртей, противопоставляя долю народного защитника участи дезертира. Первый, если и погибнет в бою, сохранит свое честное имя у грядущих поколений, а, оставшись в живых, будет пользоваться почетом среди сограждан; второй станет скитаться по всей земле со старыми родителями, супругой и детьми, встречая всюду только позор и бесчестье. Еще важнее, однако, что ни одно из качеств, составляющих порознь или в различных сочетаниях славу гомеровских героев (быстроходность ног, физическая сила, красота, богатство, красноречие), не имеет для Тиртея никакого значения, если гражданин, заняв свое место среди таких же бойцов, не грянет вместе с ними на врага. Героический эпос воспекает индивидуальную доблесть, элегия — коллективный подвиг, когда все идет в рукопашную схватку,

Ногу приставив к ноге и щит свой о щит опирая,
 Грозный султан — о султан, шлем — о товарища шлем,
 Плотно сомкнувшись грудь с грудью, пусть каждый дерется с врагами,
 Стиснув рукою копье или меча рукоять!

(фр. 64, 31–34)

Для Каллина и Тиртея речь идет о воинском подвиге, который, естественно, всегда любезен богам. Солон прямо ставит вопрос о том, что вопреки воле богов люди могут вовсе погубить свой город. Над его родными Афинами простерла мощную длань такая надежная заступница, как Афина, но люди своим корыстолюбием и несправедливостью способны отвратить от себя милость богов. И тогда — беда: всему государству грозят междоусобицы, внутренние войны, продажа обедневших и задолжавших граждан в рабство — одним словом, в каждый дом войдет всенародное горе, и не будет защиты для тех, кто пренебрег священным законом правды. Благо всего гражданского коллектива ставится теперь в зависимость от индивидуального поведения его членов не только в области судопроизводства, как это было у Гесиода, но и во всей совокупности гражданских прав и обязанностей. Наконец встает вопрос и о том, что не всегда добрым намерениям человека суждено сбыться, и на него отвечает Симонид в своем энкомии, произнесенном на пиру в доме фессалийского знатного рода Скопадов. Пригласившие поэта хозяева, несомненно, ждали от него — в соответствии с задачами жанра — прославления их прошлого и настоящего, а взамен слышали потрясающие своей будничностью строки:

И того я рад любить и хвалить,
 Кто не делал в жизни нарочного зла;
 С неизбежным же и боги не борются...
 Пусть не будет он недобр, пусть не будет закоснел,
 Пусть он знает правду, нужную городу, —
 И такой он здоров, и такого мне довольно, и такого я не попрекну:
 Ведь и так несчетно племя пустых людей;
 Что без примеси дурного — то и благо!

(Раздел III, Симонид. фр. 1, 17–24)

Нетрудно заметить, что жизненный идеал эпических героев сильно потускнел в устах Симонида, но зато значительно приблизился к реальной жизни с ее непредсказуемыми переменами и неизбежными компромиссами.

3

Оппозиция аристократическому идеалу исходила еще с одной стороны: от одиночек, поставленных в силу обстоятельств в такие условия, в которых они не чувствовали тесной связи с родным полисом и сознательно противопоставляли себя его верхам.

Первым здесь должен быть назван Архилох. Нельзя сказать, чтобы дела его родного Пароса его совсем не интересовали: он не один раз принимал участие в сражениях паросцев с жителями соседнего Наксоса и откликался в стихах на перипетии этой борьбы; после смерти ему воздвигли так называемый героон — святилище, стены которого впоследствии заполнили надписью о важнейших событиях истории острова, иллюстрируя их стихами поэта. И все же, будучи сыном знатного гражданина и рабыни-фракиянки, он не мог рассчитывать на долю в отцовском наследстве и возглавил движение таких же немущих граждан для организации новой колонии на далеком о-ве Фасосе. Здесь ему часто приходилось принимать участие в стычках с местными и пришлыми фракийскими племенами, и он на собственном опыте убедился, что война —

это не блистательный путь к славе, а тяжелое испытание в борьбе за место под солнцем. Отсюда — скептическое отношение к подвигам рыцарей-одиночек:

Мы настигли и убили счетом ровно семерых.
Целых тысяча нас было...

(фр. 10)

Отсюда — неприязнь к военачальнику-франту в завитых кудрях; надежнее — испытанный в бою товарищ, даже если осанка его не слишком благородна (фр. 13). Наконец, отсюда же — неслыханное и невозможное в героическом эпосе пренебрежение к посмертной славе и к своему щиту, который всегда считался символом чести, а совлечение доспехов даже с убитого противника навлекало на него вечный позор. Но вот Архилох без тени смущения сообщает, что он бросил в бою свой щит, зато спас себе жизнь, — эпическая доблесть ставится ни во что, потому что человеку, ищущему себе пристанища на чужой земле, важнее сохранить жизнь, чем щит.

Примерно столетие спустя мы слышим голос другого ямбографа — Гиппонакта, известного своими натуралистическими стихами и пародией на героический эпос. В стихах Гиппонакта, как и у Архилоха, нет, собственно, прямого обличения аристократических доблестей — он просто выставляет на всеобщее обозрение фигуру вечно голодного попрошайки, участника всяких скабрезных приключений, каким трудно представить себе Ахилла или Гектора. Именно эта откровенность поэта побудила многих филологов в прошлом, да и в нашем веке считать его выразителем интересов беднейших слоев полиса, чуть ли не первым пролетарским поэтом: Между тем высокая поэтическая культура Гиппонакта выдает в нем не полутрамотного выскочку из обнищавших низов, который говорит от их имени, а человека, сознательно эпатирующего родовую знать обращением к той сфере жизни и быта, которой в их взгляде на мир не было места.

Третьего из включенных в этот параграф поэтов — Ксенофана из Колофона никто не заподозрит ни в низком происхождении, ни в отсутствии поэтической культуры. Один из основателей философской школы в Элее (Южная Италия), странствующий поэт-рапсод, знающий, стало быть, весь эпический репертуар, он тем не менее чувствует, что наступили новые времена: мыслящего человека не удовлетворяют теперь ни гомеровские боги, наделенные всеми людскими пороками, ни односторонний идеал аристократа-атлета, обделенного истинной мудростью.

Впрочем, обличение аристократического высокомерия не обязательно носит в ранней поэзии такой прямолинейно-агрессивный характер. Так, безымянный автор гомеровского гимна к Гермесу, примерно современник Гиппонакта и Ксенофана, дает внешне вполне беспристрастную эпическую картину конфликта между Аполлоном и Гермесом: последний, не успев родиться, украл и спрятал любимое стадо Аполлона, а тот — всеведущий бог, за советом к которому обращается вся Греция, — без помощи рядового крестьянина, свидетеля похищения, не может ни найти свое стадо, ни разгадать секрет следов, хитроумно запутанных воришкой. Наконец, обнаружив виновного, он прямо в пеленках тащит его на суд олимпийских богов, где возбуждает хохот самого Зевса, впервые видящего Аполлона с такой добычей. В конце концов боги по велению их общего отца примиряются, и Гермес даже дарит старшему брату лиру, которую он попутно смастерил из панциря черепахи, но благополучный конец не должен заслонять от нас идеологического содержания гимна: дельфийский храм — главное святилище и прорицалище Аполлона — испокон веку занимал антидемократическую позицию, считаясь надежным оплотом аристократии;

Гермес, напротив, покровитель путников, торговцев, жуликов, был гораздо ближе низам общества. И хотя гимн написан вполне традиционным эпическим гексаметром, суть его отнюдь не героическая: недалекому Аполлону противопоставлен пронырливый и вороватый Гермес, привлекающий к себе симпатии и автора, и слушателей гимна.

Не следует, впрочем, думать, что знатные терпеливо сносили нападки. Под именем Феогнида, изгнанного из Мегары аристократа, дошел сборник коротких элегий, не объединенных каким-либо единым планом. Кое-что в нем заимствовано из более ранних авторов, кое-что, возможно, добавлено потом, но его общий антидемократический характер очевиден. «Низким» людям, то есть выпешшим из народа, нельзя доверять, они не знают чувства благодарности, всегда готовы предать оказавшего им услугу, ценят выгоду выше благородного нрава. Обращаясь к своему юному любимцу Кирну, Феогнид объясняет:

Люди хорошие, Кирн, никогда городов не губили.
То негодяи, простор наглости давши своей,
Дух развращают народа и судьями самых бесчестных
Делают, лишь бы самим пользу и власть получить
(фр. 43–46)

Отсюда следует призыв:

Крепко пятою топчи пустодушный народ, беспощадно
Острою палкой коли, тяжким ярмом придави!
(847 сл.)

Впрочем, самому Феогниду так и не удалось реализовать свой призыв, хотя борьба между знатью и простым народом принимала в V – IV вв. достаточно острые и подчас кровавые формы. Но других откликов на нее в поэзии до нас не дошло.

4

Говоря об общественном окружении, в котором выросла эллинская поэзия VII – III вв., необходимо отметить то место, какое занимал в ней миф и его осмысление. Музы, посетившие Гесиода, гордятся в прологе «Теогонии» тем, что ведают и ложь и правду и могут сообщить как то, так и другое (ст. 27 сл.). Как видно, поэт хочет сказать этим, что все дальнейшее повествование, внушенное ему Музами, — чистейшая правда, включая сюда и рождение Афродиты от члена осклопленного Урана, и поглощение Кроном своих детей, равно как извержение их из его чрева целыми и невредимыми, и борьбу Зевса с титанами, и чудовищное обличье Ехидны или Тифоея, и многое другое. Не приходится удивляться, что для греческого поэта на рубеже VIII–VII вв. образы народной религии и фантазии представляются реальностью, и мы можем только быть благодарны Гесиоду за их систематизацию. Другой задачи он перед собой, как видно, не ставил, если не считать, как уже говорилось, возвеличения Зевса как самого могучего из богов.

Эпизодами из «биографий» других богов являются и древнейшие из гомеровских гимнов — к их героям, кроме уже упоминавшегося Гермеса, надо прибавить еще Аполлона, Деметру и Афродиту, чья деятельность связана у одного — с установлением пророческого центра в Дельфах, у другой — с учреждением очистительных Элевсинских мистерий, у третьей — с любовными чарами и продолжением рода.

Иначе воспринимала миф лирика VII — VI вв., и при этом преимущественно мелика. Элегия и ямб так были заняты насущными политическими проблемами, что, кроме общих представлений о богах и героях как защитниках родного города и вдохновителях гражданского ополчения, в глубины мифологических преданий не погружались. Другое дело — мелика, и прежде всего хоровая. Уже первый, далеко не полностью дошедший ее образец — папирусный парфений Алкмана — начинается с упоминания спартанских героев, павших в междоусобных битвах. Несколько дальше пойдет речь о сраженных гигантах — постоянном примере надменного поведения, почему в мифологические реминисценции вторгается предупреждение:

На небо взлететь, о смертный, не пытайся,
Не дерзай мечтать о браке с Афродитой...
(фр. 1, 4 сл.)

Здесь миф впервые для нас выступает в мелике в своей назидательной функции, которая приобретет впоследствии немалое значение и у Стесихора, насколько можно судить по дошедшим фрагментам. Так, внешне мирное расставание сыновей Эдипа в «Фиваиде» можно расценивать как реализацию известного положения, что «худой мир лучше доброй ссоры» (другой вопрос, что мир этот окажется очень хрупким); Клитемestra в «Орестее», по-видимому, боялась заслуженной ею кары за убийство мужа. Но нагляднее всего назидательность мифа проступает в «ГерIONEИДЕ». Хотя герой ее — трехтельный великан — и происходит от божественных родителей, это не дает ему права претендовать на бессмертие и приобщение к олимпийцам. Поэтому не напрасно мать молит его отказаться от рокового единоборства с Гераклом, в котором Гериона неизбежно постигнет гибель за явное превышение меры, доступной смертному. Конечно, в наиболее полной форме и назидательная и общественная функция мифа в хоровой лирике проявится в V в. в творчестве Пиндара и Вакхилида, которое требует особого разговора. В нашем собрании можно назвать несколько фрагментов, предположительно относимых к VI—V вв.; авторами их называют подчас Алкмана, Софокла и Еврипида. Атрибуция эта маловероятна. Но гимн Мойрам (разд. III, Гимны богам, фр. 6) видит в богинях подателей Благозаконности и Справедливости — основных столпов здоровой государственности, а в хоровом отрывке из дифирамба (разд. III, Из других хоровых жанров, фр. 1) ставится вопрос о происхождении рода человеческого, что сближает его с философским эпосом V в., для которого познавательное все еще неразрывно связано с образно-мифологическим.

Что касается гимнической продукции IV—III вв., то Филодаму нельзя отказать ни в искреннем чувстве, ни даже в некоторой вакхической одержимости, вполне согласующейся с характером адресата — бога Диониса; в пеане Исилла миф отчасти увязывается с военно-политической обстановкой в Пелопоннесе в конце III в. Чаше же мы имеем дело — и у Исилла, и у других авторов, в том числе и анонимных, — с культовой легендой и призывами к тому или иному божеству, ничего принципиально нового в трактовку мифа не вносящими.

Заметное место для мифологической парадигмы находится в сольной мелике. Алкей напоминает своему другу о бренности земного и неизбежности смерти: в качестве примера приводится судьба Сисифа, который дважды обманул смерть, но в конце концов все равно оказался в царстве Аида (фр. 48). Обратный пример — судьба Тифона, для которого его возлюбленная Эос выпросила у Зевса бессмертие, позабыв прибавить просьбу о сохранении ему вечной юности. Теперь Сапфо, думая о неизбежной старости, не хочет для себя

повторения участи Тифона, а предпочитает пользоваться жизнью и любоваться лучами солнца, пока это возможно (фр. 71).

Оба эти примера показывают, помимо всего прочего, что мифологические имена служили своеобразным коммуникативным кодом, объединявшим поэта с его аудиторией: ни Алкею, ни Сапфо не надо излагать в подробностях историю Сисифа или Тифона. Достаточно назвать имя, чтобы вызвать у слушателей необходимые ассоциации.

Но, конечно, больше всего переживают эолийские поэты долю участников Троянской войны.

Во-первых, это самое близкое к ним хронологически поколение мифических героев, замыкающее все героические генеалогии. Во-вторых, Лесбос ближе всего к Трою и территориально. Здесь, согласно «Одиссее» (III, 165–169), задержались на обратном пути корабли Нестора и Менелая, дожидаясь благоприятного знамения для дальнейшего путешествия. По другому сообщению — на этот раз самой Сапфо, — ахейские вожди выбрали Лесбос как промежуточную остановку по дороге из-под Трои, чтобы заручиться поддержкой особо почитаемой на острове триады богов (фр. 11), к которым кроме Зевса и Геры принадлежал еще Дионис (об их священном участке на острове упоминает Алкей, фр. 40). Как по-человечески близко воспринимали на Лесбосе судьбу троянских героев, видно из папирусного отрывка поэмы Сапфо, описывающей свадебный поезд Гектора и Андромахи (фр. 86). Если заменить мифические имена на имена современников Сапфо, то мы почувствуем себя среди жителей Лесбоса, принимающих живейшее участие в брачной церемонии, сопутствующей обручению молодого человека из местной знати с невестой, привезенной далеко из-за моря. Но чаще всего у обоих эолийских поэтов встретится, конечно, имя Елены — главной виновницы Троянской войны, причем отношение к ней у Сапфо и Алкея прямо противоположно.

Известное стихотворение Сапфо (фр. 53), в котором она с тоской вспоминает о выданной замуж в Лидию Анактории, начинается с размышления о том, что является самым прекрасным на земле. Для одних это конница, для других — пеший строй, для третьих — быстрые корабли, то есть иными словами — предметы из реального окружения. Сама же Сапфо предпочитает нечто совершенно субъективное: прекрасно то, что кому любо, — и тотчас подкрепляет свою мысль неопровержимым примером Елены. Самая прекрасная женщина всей Греции не поколебалась оставить благородного супруга, родителей и дочь и бежать в Трою, потому что любовь победила в ней чувство материнского долга и семейные обязанности. И при этом Сапфо сочувствует Елене, тоскуя по Анактории, и не находит слов для осуждения женщины и последствий ее бегства (в плохо сохранившихся ст. 12 и 13 было, вероятно, названо имя Киприды, символизирующее высшее могущество любовного чувства).

Алкей придерживается об Елене совсем другого мнения. Как аристократ и воин он мог понять, каких жертв стоило лучшим домам Эллады бегство легкомысленной царицы. Кроме того, лесбийцы издавна претендовали на ближайшую к ним часть Троады, особенно на город Сигей при входе в Геллеспонт. Здесь находилась гробница фессалийского героя Ахилла, а Фессалию лесбийцы считали своей родиной, тем более что там тоже говорили на эолийском диалекте. Алкей неоднократно вспоминает Ахилла и его мать Фетиду, противопоставляя ее Елене, в борьбе за которую пала Троя и погибло множество фригийцев (фр. 15). Все стихотворение начинается и кончается осуждением Елены, чья вина становится еще нагляднее при сравнении с добродетельной дочерью Нерее (т. е. морской богиней Фетидой). С еще большей силой этот мотив звучит в другом стихотворении — сплошном обвинительном акте Елене. Перечисляя все те же признаки ее страсти, что и Сапфо (бросила мужа и

дочь), Алкей видит в них не высшее выражение любовного чувства, а преступную страсть и безумие, обрекшие на гибель сотни воинов на троянской равнине (фр. 16).

Впервые и Париса Алкей называет «оскорбителем гостеприимства», и это обвинение звучит очень веско, так как долг хозяина перед гостем и гостя перед хозяином — одно из древнейших общественных установлений, находящееся под покровительством самого Зевса и особенно ценимое в знатных домах.

Особый интерес вызывает отрывок из поэмы Алкея, которая образовалась недавно из двух папирусов, хранящихся в разных собраниях и опубликованных с интервалом почти в 20 лет (фр. 20). Речь идет здесь о том, как ахейский вождь Аякс из Локриды после падения Трои изнасиловал Кассандру в храме Афины и его соратники хотели сначала побить святоотца камнями, но затем сжалились и жестоко за это поплатились: разгневанная Афина наслала на возвращающийся флот страшную бурю, погубившую многих. По началу можно думать, что Алкей просто воспроизводит один из эпизодов троянского мифа, если бы в конце папируса не мелькнуло родовое имя тирана Питтака, заклятого врага Алкея. Соблазнительно увидеть в мифологической парадигме наставление поэта согражданам — с Питтаком надо расправиться, пока не поздно. В этом случае миф становится уже средством политической агитации. От титанической мифологии Гесиода с его борьбой богов к сиюминутному, «домашнему» восприятию героического прошлого — таков путь, пройденный мифом в поэзии за какое-нибудь столетие.

Миф теряет свою привлекательность по мере того, как тускнеют образы его персонажей. От Ивика, благодаря папирусной находке, дошел отрывок энкомия в честь Поликрата (фр. 1). Ивика по традиции считают представителем хоровой мелики, но упомянутый энкомий мог быть с таким же успехом исполнен солистом — хотя бы и самим поэтом. На слушателя сыплются пригоршнями имена персонажей троянского мифа: и Приам, и его дети, включая Париса и Кассандру, и Елена, и ахейские вожди, Агамемнон, Ахилл, Аякс; однако подробное описание событий Троянской войны поэт оставляет на долю «искусных Муз», а для него самого перечень эпических героев с их традиционными эпитетами служит только фоном для прославления ныне живущего покровителя.

5

Согласно формуле Аристотеля, человек есть «животное общественное». Русский перевод нельзя признать вполне удачным, так как под животным мы привыкли понимать льва, слона, лошадь, собаку и меньше всего — человека. Латинский перевод «animal sociale» лучше объясняет, что хотел сказать древнегреческий философ: animal — одного корня с anima («душа»); стало быть, человек — это существо, наделенное душой и поставленное в определенные общественные условия. Тому, как проявляет себя эллинская поэзия в этих условиях, мы уже посвятили немало страниц. Теперь пора выяснить, как раскрывается в ней душа человека, как передаются поэтами чувства любви, страха, негодования и т. п.

Начинать приходится опять же с Гомера. К огорчению поклонников великого старца, надо сказать, что эпос еще не знает души как совокупности эмоциональных и интеллектуальных действий человека: слово *psuché*, которое вскоре после Гомера, а затем во всех европейских языках будет обозначать внутренний мир индивидуума, у Гомера не более чем «живое дыхание», которое покидает человека в момент его смерти, вылетая через рот или рану. Для изображения же психической деятельности героев служит понятие *thymós*, которое далеко не вполне покрывается русским словом «дух». *Thymós* это как бы

отдельный от человека, хотя и помещенный внутри него регулятор его воли, желаний и поступков. *Thymós* может побуждать человека к боевым действиям, может задуматься над их последствиями, в *thymós* какой-нибудь бог или старший по положению может «вложить» отвагу, но может также «изъять» ее, наконец, к *thymós* сам его обладатель может обращаться с вопросом, побуждением, запретом. Другими словами, *thymós* — нечто внешнее по отношению к человеку, его «другое “я”».

Что касается всяких эмоций, то они к *thymós*, как правило, отношения не имеют, кроме, как уже сказано, отваги, боевого пыла, которые в нем формируются и внушаются человеку. Остальные ощущения передаются либо внешними симптомами (от страха слабеют колени, встают дыбом волосы, стучат зубы; от отчаяния люди катаются в пыли по земле; при неожиданном известии женщина роняет из рук пряжу), либо единообразной формулой «смешавшись в любви», которая тоже указывает на внешнюю сторону дела. О зарождении любовного чувства, неуверенности полюбившего, боязни признаться эпос никогда не задумывается.

Послегомеровская поэзия остается еще в значительной степени в рамках эпического словоупотребления: человек гневается, наслаждается, горюет, смягчается «в духе» (в переводе Вересаева — в сердце). Архилох обращается к нему с известным призывом не унывать в бедствиях и не возноситься в удаче (фр. 29). От страха у человека слабеют колени, он лишается голоса; от возмущения хлопает себя по бедрам и т. п. Персонажи «Теогонии» и «Каталога женщин» без конца «смешиваются в любви», ибо без этого не будет продолжения рода. Вместе с тем появляется — главным образом в лирике — нечто совершенно новое, и как раз в изображении любовного чувства. «Эта вот любовная страсть, свернувшись под сердцем, заволокла глаза густым мраком, уничтожив в груди нежные чувства», — гласят в прозаическом переводе три стиха из Архилоха (ср. фр. 64). Строительным материалом для создания образа служит здесь гомеровская фразеология, но переосмысленная таким образом, что внешнее переносится вовнутрь. Деепричастие «свернувшись» прилагается в IX книге «Одиссеи» (ст. 433) к ее герою, который выбирается из пещеры Полифема, вцепившись руками в длинную шерсть на брюхе матерого барана. «Густой мрак» часто застилает глаза героев у Гомера, когда они падают в обморок или умирают, сраженные вражеским копьём. У Гектора «мрак застлал глаза» при виде брата Полидора, смертельно раненного Ахиллом («Илиада», XX, 421), и он в гневе ринулся в бой. Архилох посредством этого симптома передает самочувствие влюбленного.

Другой пример перенесения на психическое состояние конкретных физических признаков — фр. 64 (ниже дается в прозаическом переводе): «Лежу, несчастный от страсти, бездыханный, по воле богов пронзенный до костей ужасными мучениями». Здесь прежде всего интересно, что любовное чувство по-прежнему воспринимается как насланное богами, и потому с ним бессмысленно бороться — это убеждение греческая литература сохранит до конца дней своих (оно составляет, в частности, основу поведения Федры в еврипидовской трагедии «Ипполит»). Во-вторых, снова обращает на себя внимание гомеровская лексика. Выражение «пронзенный мучениями» встречается один раз у Гомера («Илиада», V, 399), но здесь это результат полученной раны, то есть образ употреблен в чисто физическом значении. Точно так же вертелом «пронзают» мясо, острой — рыбу, копьём — руку. Ближе всего к архилоховскому словоупотреблению эпизод, в котором копьё Патрокла «пронзило до зубов» голову Фестора («Илиада», XVI, 405), но с той разницей, что для Архилоха физическое ощущение является результатом не нанесенного удара, а сильной любовной страсти.

Таким образом, передавая аффект через физические симптомы, Архилох как будто бы продолжает эпическую традицию, но там эти симптомы доступны постороннему наблюдателю (слезы, набежавшие на глаза; задрожавшие колени; пот, покрывший члены; вставшие торчком волосы), в то время как никто не может видеть «свернувшейся» под сердцем у Архилоха страсти, «пронзающей до костей мучениями».

Еще дальше идет в этом направлении Сапфо. В известнейших строфах (фр. 52), на истолкование которых филологи перевели не одну сотню страниц, описывается состояние безответно влюбленной: стоит ей взглянуть на объект страсти, как у нее пропадает голос, язык немеет, под кожей пробегает огонь, глаза ничего не видят, в ушах стоит звон, ее всю охватывает дрожь и выступает холодный пот, и лицо становится зеленее травы. Если и здесь многие признаки носят внешний характер, то ощущение внезапной немоты, звон в ушах и огонь, пробегающий под кожей, хотя и являются по-прежнему конкретно-физическими спутниками чувства, доступны для восприятия только уже самому переживающему индивиду.

Не менее важно, что в глазах и Архилоха и особенно Сапфо любовь теряет ту свою однозначную привлекательность, которой она отмечена в эпосе и у его последователей. Ахиллу, опечаленному смертью Патрокла, Фетида советует в «Илиаде», среди других средств, смягчить горе общением с женщиной; в гомеровском гимне к Афродите очень подробно описывается, как царевич Анхис, которому Киприда внушила неукротимую страсть к ней же самой, увлекает с ее тела украшения и одежды и укладывает ее на ложе, чтобы «смешаться в любви». Только потом, узнав, с кем он имел дело, Анхис испытывает страх. Иначе у Сапфо: «Словно ветер, с гор на дубы налетающий, / Эрос душу потряс мне», — читаем мы в одном двустишии (фр. 54). «Снова терзает меня расслабляющая члены любовь, сладостно-горькое чудовище, от которого нет защиты», — гласит другой фрагмент (55, в прозаическом переводе). Слово «чудовище» не передает всей силы оригинала, где любовь названа *órpeton* — «пресмыкающееся», которое завораживает жертву своим взглядом; определение же «сладостно-горькая» является совершенно новым для характеристики всей противоречивости любовной страсти (ср. опять же еврипидовское: «Да, слаще нет, дитя, и нет больней»).

Может быть, еще ярче характеризует этот экстаз несколько десятилетий спустя Ивик, в чьем представлении Эрос уподобляется яростному фракийскому (т. е. северному) ветру, который мощно до самого дна колышет душу «жгучим безумием» (фр. 6). Используя, как и Архилох, гомеровскую лексику, рисующую действие ураганного ветра, Ивик передает любовное чувство не только с чрезвычайной конкретностью, но и как бы пропускает его через человека, отданного во власть неукротимой стихии.

В изображении любовного чувства поэзия Архилоха, Сапфо, Ивика является, как назвал это один крупный немецкий филолог, «открытием духа». Героический и последующий эпос эта тема либо не интересует, либо любовь не представляет для него самостоятельной эстетической ценности. В лирике поэт «открывает» для себя свою собственную душу, ищет способ и средства изобразить то, что с ним происходит, и достигает в этом отношении наивысших вершин, доступных для того времени.

Современник Ивика Анакреонт, хоть и считается «классическим певцом любви», в действительности воспринимает ее как сладостное развлечение, очередное приключение, которое приятно пережить, но и не жаль расстаться с одним из них ради такого же другого. «Как кузнец молотом, вновь Эрот по мне ударил, / А потом бросил меня он в ледяную воду» (фр. 25), — говорит Анакреонт об очередном своем увлечении, и трудно сказать, чего больше в этих сло-

вах — живой страсти или самоиронии: Эрос опускает влюбленного в холодную воду, чтобы остудить его пыл. И даже признание «Люблю опять и не люблю...» (фр. 27) — свидетельствует не о внутренней противоречивости чувства, как у Сапфо, а звучит скорее иронически и, во всяком случае, не свидетельствует о трагическом самоощущении поэта. Недаром в античности возник целый жанр анакреонтических стихотворений, подражавших своему зачинателю в легкомысленно-игровом отношении к Эроту, и эта традиция перешла позднее в греческую любовную эпиграмму. Настоящую силу чувства мы найдем в эллинской поэзии за пределами этого двухтомника — в знаменитой «Колдунье» Феокрита и в III книге «Аргонавтики» Аполлония Родосского, изображающего Медею в сложной борьбе чувств между долгом и страстью⁶.

6

«От любви до ненависти один шаг» — эту древнюю истину легче всего проверить на примере того же Архилоха. Знатный паросский гражданин Ликамб пообещал выдать за него замуж свою дочь Необулу, но затем передумал. И вот на отца и на дочь Архилох изливает все негодование отвергнутого («В этом мастер я большой / Злом отплачивать ужасным тем, кто зло мне причинит», — признавался сам поэт, фр. 57); существует даже предание, что Ликамб и Необула, не выдержав нападок Архилоха, предпочли окончить жизнь в петле. Это, конечно, анекдот, что видно, кстати, и из уже упоминавшегося папирусного отрывка, где Необула представлена живой и здоровой. Нас, однако, больше интересуют те средства, которыми пользуется поэт в своих обличениях.

В древней Греции девушек выдавали замуж лет в 15, Архилох же в разговоре со своей юной собеседницей утверждает, что Необула старше ее в два раза, да к тому же ненасытна в любовных желаниях и часто переходит из рук в руки. Такая бурная жизнь превратила ее в старуху с морщинистой кожей (это в неполные 30 лет!) (фр. 60, ст. 17–20; фр. 61). И в других фрагментах Архилох называл Необулу потаскухой с опухшими ногами, используя еще ряд не менее выразительных синонимов. Конечно, для девушки из благородной семьи, живущей в городе, где все друг друга знают, обвинения эти совершенно невероятны, и источником их является так называемая фольклорная инвектива: удар направляется на самое чувствительное место в репутации обвиняемого. Для девушки это, конечно, скромность и невинность, и как раз эти качества Необулы подвергаются развенчанию у Архилоха.

Другой пример фольклорной инвективы — отношение Алкея к Питтаку. Когда-то Питтак был союзником Алкея и его братьев в борьбе с очередным тираном на Lesbos, а затем изменил своим клятвам. Алкей простить этого не может, и на Питтака, происходившего, конечно, из знатного рода (иначе кто бы стал принимать его всерьез в борьбе за власть?) и отличавшегося разумной рассудительностью (его причисляли к семи легендарным мудрецам), сыплются обвинения и в чужеродном происхождении, и в непробудном пьянстве, и в скаредности, и в неряшливости, и в плоскостопии, и даже в том, что у него большой живот⁷. Первый и последние два упрека особенно показательны: если любовь к выпивке, жадность, неряшливость человек в состоянии подавить в себе сам, то в своем происхождении, каким бы оно ни было, он вовсе не виноват, равно как и в том, какой фигурой наделила его природа. Все это типичные черты фольклора, который всегда высмеивает рыжих, хромых, косых, заик и т. п., хотя никто из них этих свойств себе не искал.

⁶ Александрийская поэзия. — М., 1972. — С. 29–34, 231–236.

Если у Архилоха инвектива, восходящая к фольклору, носит личный характер, то у Алкея, а затем Анакреонта, Гипонакта, Феогнида, Керкида она приобретает ярко выраженный социальный оттенок — осмеянию подвергаются лица из враждебного сословия: разбогатевшие выскочки, люди, изменившие своему сословию, безжалостные займодавцы.

Конечно, фольклорность эллинской поэзии находит проявление не только в нападениях. Может быть, гораздо чаще фольклорные по своему происхождению характеристики служат возвышению образа. Алкман в своих парфениях сравнивает предводительниц девичьих хоров то с «быстрым в беге конем», то с восходящей в небе звездой: волосы их сверкают золотом, лик отливают серебром.

От Сапфо дошел целый ряд отрывков из эпиталямиев — брачных песен, которые возникли, конечно, задолго до появления всякого рода индивидуального творчества. Однако их образная система оставалась достаточно устойчивой в течение столетий, и Сапфо примыкает к ней, сравнивая невесту со спелым яблоком, уцелевшим на самой верхушке дерева; в то же время образ пурпурных цветов, растоптанных на земле, символизирует потерю девичества. Подруга Сапфо, вышедшая замуж в далекую Лидию, затмевает местных жен, как луна своим блеском — звезды. Жених сравнивается со стройной веткой и с самим богом Аресом. Фольклорный характер носит и насмешка над привратником с его огромными ножищами.

В формальном плане к фольклорным песнопениям восходит, по-видимому, строфическое членение хоровой мелики. Уже первый ее образец — парфений Алкмана — делится на одинаковые строфы, исполнявшиеся первоначально, вероятно, поочередно двумя полухориями. Впоследствии Стесихор прибавил к двум симметричным строфам завершающий их эпод, но происхождение свое эта строфическая композиция так или иначе ведет от народного творчества.

После первых мелических поэтов непосредственные связи лирики с фольклором слабеют, если не считать всяких присловий, вроде «Иэ!», «Пеан!», «Эвое!» в поздних гимнах, и интерес к нему возникает снова только в александрийской поэзии, но совсем на другой, «ученой» основе; в это время ищут не столько возрождения фольклора, сколько стилизации «под фольклор» (ср. IV ямб Каллимаха).

7

Существенным элементом поэзии для всякого современного читателя является описание природы. Для героического эпоса эта сторона не представляет самостоятельного интереса: картины природы, и к тому же очень яркие и выразительные, мы найдем у Гомера только в многочисленных сравнениях (например, «Илиада», XVII, 735—750). Однако уже Гесиод отступает от этой традиции: в «Работах и Днях» он дает чрезвычайно насыщенное изображение зимней стужи (504—560) и летнего зноя (582—596), не пренебрегая при этом выразительными деталями («Дикие звери, хвосты между ног поджимая, трясются!»). В описании лета Гесиоду явно подражает Алкей (звон цикады, всеиссушающий жар, любвеобильность женщин и слабосилие мужчин — фр. 50), способный, впрочем, и сам на сжатые, сильные образы природы, как, например, в отрывке из гимна реке Гебру (фр. 5). Напротив, картины светлой, ликующей природы, среди которой проводят время девушки из фиаса Сапфо, мы найдем у самой лесбийской поэтессы.

⁷ По сообщению Диогена Лаэртского (I, 81), Алкей обзывал Питтака «плосконогом», «пузаном» и «брюханом», «распустехой» и т. п.

Это — описание священной рощи, где дым с алтарей напоен ароматом благоволий, где журчит ручей под сенью яблонь и манит привольем луг (фр. 22). Но это и описание далекой Лидии, где луна озаряет своим сиянием море и нивы и сверкающие капельки росы.

Наконец, нарушая хронологическую последовательность, отошлем читателя к фр. 17 Алкмана, который в свободной обработке начертил на двери охотничьего домика в Ильменау Гёте, а на русский перевел Лермонтов («Горные вершины...»). К сожалению, мы не знаем, имело ли это описание ночного сна природы у Алкмана продолжение, которое дали ему Гёте и Лермонтов, увидевшие в отдыхающей природе параллель к вечному успокоению человека («... отдохнешь и ты»).

8

Читатель, наверное, уже заметил, что мы не в одинаковой мере использовали различные жанры эллинской поэзии для выявления ее различных аспектов. Эта избирательность не является произвольной — просто одни жанры активнее откликаются на современность с ее проблемами (элегия, ямб, отчасти Гесиод в «Трудах и Днях»), другие ищут аналогии и материал для размышления в мифе (преимущественно мелика). Существует, однако, некая общая сумма художественных приемов, объединяющая и назидательный эпос Гесиода, и культовое обращение Сапфо или призыв Алкея в некую общую художественную систему, характерную для поэзии VII—VI вв., то есть для эпохи так называемой архаической культуры. Приемы эти отчасти восходят к гомеровскому эпосу, отчасти к народному творчеству, но так или иначе поддаются выявлению и систематизации.

Мы начнем с техники мотивов и лейтмотивов, сущность которой сводится к тому, что определенная мысль прочно владеет поэтом и он находит выражение ей в многократном повторении какого-либо одного слова — либо на протяжении короткого, в несколько стихов, отрезка текста (тогда можно говорить о мотиве), либо всего, достаточно обширного произведения (тогда мы назовем такое слово-образ лейтмотивом). Так, в «Трудах и Днях» Гесиод объясняет важность хороших отношений с соседом, которому всегда можно дать взаймы и надо вовремя вернуть долг. И вот, в пяти следующих друг за другом стихах (345—349) пять раз повторяется слово «сосед», в следующих десяти (349—358) — двенадцать раз глаголы «давать», «отдавать» и родственные им существительные (в том числе в ст. 354 и 355 — четырежды, в 356 — дважды⁸). Такие же скопления мотивов мы найдем в ст. 697—701 («брак» и «жениться»), 760—763 («молва»). Бывают, однако, мысли, которые владеют поэтом на протяжении более длительного времени, сменяя друг друга, — мы их вправе считать лейтмотивами. К ним, в частности, относится идея *зла*, которое видит вокруг себя поэт; к ней он возвращается неоднократно (88—103, 191—271, 346—356, 703—721). Средством спасения от зла служит, с одной стороны, собственный честный труд, с другой — общественная справедливость. Соответственно, оба эти лейтмотива накапливаются на протяжении всей поэмы. «Труд», «трудолюбие» и его антитеза «безделье»: ст. 20—28, 43—46, 299—316 (едва ли не в каждом стихе); 382—398, 409—412, 438—444, 494—498, 578—579, 767—779. «Справедливость», «справедливый», «несправедливый»: ст. 36—39, 190—192, 213—230, 249—283 (всего в этих стихах — 17 раз). Автор явно не ищет лексического разнообразия, а собирает воедино все известные ему доводы в пользу труда и справедливости.

Бывает, однако, и так, что лейтмотивы не покидают художественную площадь, отслужив свое дело, как это происходит у Гесиода с той же «справедли-

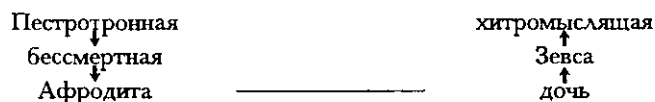
востью», а, переплетаясь друг с другом, составляют различные комбинации. Например, в 1-й элегии Солона можно выделить 4 комплекса идей, владеющих сознанием автора:

- а) человеку свойственно стремление к *благополучию и богатству*;
- б) они надежны, если дарованы *богами*;
- в) в погоне за богатством человек склонен к *насилию и несправедливости*;
- г) за это ему грозит *расплата*, посылаемая *судьбой*.

Если мы проследим, как представлены эти идеи в элегии, то увидим, что в ст. 3 совмещаются мотивы *аб*, в ст. 7–8 — *авг*, в ст. 9–13 — *бвг*, в ст. 16–32 — *вг*, в ст. 33–42 — *ва*, в ст. 43–64 — *аг*, в ст. 65–68 — *звг*, в ст. 71–76 — *абг*. Получается то, что один голландский ученый назвал «сплетенной сетью», — Солон все время возвращается к каждой из четырех идей не в силу хаотичности своего мышления, а потому что считает их все для себя одинаково важными.

Другой прием архаической техники — так называемая рамочная (или кольцевая) композиция. Древнейший ее образец мы найдем в XIX книге «Одиссеи» при описании шрама, полученного героем в юности на охоте. Смысл этого рассказа в том, что по давней примете старая нянька узнала Одиссея и неумеренным выражением радости могла испортить его тайный план мести женихам. Однако, вместо того чтобы сразу описать эмоции старушки, автор вставляет подробный рассказ о том, как юноша поехал в гости к деду, как он вышел на охоту и на него напал кабан, ранивший его кляком в ногу, как потом рану лечили и как, наконец, отпустили гостя домой с подарками. Весь рассказ, занимающий около 70 стихов, обрамляется лексически близкими формулами (ст. 392–394 и 465–468): «Вдруг узнала рубец, кабаном нанесенный когда-то...», «Только коснулась рубца...» (в подлиннике сходство еще отчетливее).

По такому же принципу построена, например, и 1-я ода Сапфо: 1-я строфа — призыв к богине («...не круши мне горем сердца, благая»), последняя строфа — воззвание о помощи («...союзницей верной будь мне, богиня»). Между этими строфами уместается воспоминание о прежнем явлении богини и ее ответ на новую просьбу. Отличие кольцевой структуры в оде Сапфо от эпизода в «Одиссее» состоит в том, что там рамочная композиция как бы изымает подробное описание детали, столь любимое в эпосе, из сплошного повествования, придавая ему самостоятельное значение; у Сапфо рамочная композиция, напротив, придает цельность и завершенность ее рассказу. Некоторое сходство с этим приемом, усиленное концентрическим расположением членов, являет и сама 1-я строфа. В прозаическом переводе ее первые два стиха составляют такую схему:

Два определения расположены по краям стихов; в центре — имя бессмертной богини, значение которой усиливается ее происхождением: «дочь Зевса».

Такой же пример рамочной композиции дает одно из стихотворений Алкея (фр. 15), которое мы уже привлекали, характеризуя его отношение к Елене. Соответственно в 1-й строфе звучит воспоминание о тех бедах, которые

⁸ Эта небольшая статистика исходит из оригинала; в переводе повторяемость лейтмотивов не всегда выражена достаточно точно.

Елена навлекла на Илион (ст. 1–4); в последней — снова о бойцах, погибших с обеих сторон ради Елены (ст. 15 сл.). Внутри рамы — противопоставление: добродетельная дочь Нерея (т. е. Фетида) и ее сын (т. е., разумеется, Ахилл).

Характерен для эолийской лирики и так называемый «нанизывающий стиль»: предметы или действия не описываются подробно, а перечисляются один за другим, создавая сжатый, но очень насыщенный образ. Таково, например, знаменитое описание зала, где собрано все необходимое для вооруженной борьбы (Алкей, фр. 42). Первый объект занимает в оригинале два стиха (дом сверкает бронзой, на стенах шлемы с султанами), второй — полтора (бронзовые поножи). Затем в одном стихе названы два предмета (панцири и щиты), в следующем — уже три (мечи, пояса, перевязи). Выводом служит последний стих: не забудем же о своем деле. Подводящее к нему описание построено во все более ускоряющемся темпе, напоминая пружину, которую все туже сжимают, прежде чем дать ей распрямиться с новой силой.

Несколько обширней, но по тому же принципу построена картина встречи свадебного поезда у Сапфо (фр. 86). Достаточно пространное описание самого поезда, занимающее 6 стихов (5–10), сменяется целой вереницей кратких предложений, уместающихся в одном-полтора стихах: быстро поднялся отец Гектора (11), молва промчалась по городу (12); запрягают в колесницы мулов (13–14), навстречу шествию двинулось множество жен и девушек (14–15), отдельно от них — дочери Приама (16), мужчины же запрягли коней в колесницы (17). То же самое в конце отрывка: смешивается аромат благовоний (30), ликуют жены (31), мужи возносят радостный клич, прославляя Аполлона-Дальновержца (32–33), и славят новобрачных (34).

Если нанизывающий стиль служит усилению единства создаваемой картины, то противоположный прием — антитеза — освещает явление в контрастном противопоставлении двух характеристик. Один из кратчайших примеров — четверостишие Архилоха о брошенном щите (фр. 5). Первый дистих воспроизводит ситуацию («Носит теперь ... санец мой щит»), второй — неожиданный вывод («Сам я кончины зато избежал»).

Более расширенный вариант — элегия Тиртея (фр. 7); первые пять дистихов содержат в оригинале восьмикратное анафорическое отрицание «и не», и только в ст. 11 формулируется требование, предъявляемое к истинному гражданину: «Если не выстоит он при виде кровавой сечи». Затем начинается перечисление положительных качеств (ст. 1–20). Следующая, важнейшая часть (ст. 21–34) прославляет героя, павшего с отвагой на поле битвы; заключают элегию последние пять дистихов, снова начинающихся с противопоставления: «Кто, однако, избежит смертной доли...» Таким образом, антитетически построенная элегия не чужда и кольцевого принципа, который в соответствии с основной задачей тоже служит противопоставлению двух нравственных кодексов.

9

Четкое членение разобранной элегии Тиртея подводит нас к еще одному вопросу о характере ранней эллинской поэзии (VII–VI вв.). В последние десятилетия усиленно обсуждается место в ней устного творчества. Толчок этому дало, естественно, изучение гомеровского эпоса, в котором многие стилистические приемы необъяснимы без учета его фольклорной стадии. Правда, не обошлось и без преувеличений, вплоть до перенесения законов устного («формульного») творчества на афинскую трагедию V в. и даже на прозу Платона. Ознакомление с композиционными приемами, употребительными в поэзии VII–VI вв., с почти математической соразмерностью

частей произведения, к которой можно прибавить достаточно сложное метрическое строение эподов Архилоха, делают приложение теории «устной поэзии» к послегомеровским авторам маловероятным. Конечно, произведения ранних меликов, элегических поэтов и ямбографов часто производят впечатление импровизации, родившейся применительно к данному моменту и данной аудитории, и *восприятие* поэтического слова действительно долгое время оставалось в Греции акустическим, т. е. его не читали, а слушали. В то же время совершенство и продуманность формы произведения заставляют предполагать достаточно длительный творческий процесс его создания, отбора ритма и лексических средств. Едва ли можно сомневаться и в том, что однажды оглашенное в аудитории стихотворение записывалось и таким образом передавалось из рук в руки. Без этого трудно представить себе ответ Солона (фр. 21) на высказывание Мимнерма (фр. 12) или цитаты у Феогнида из его предшественников. Для середины VI в. есть сведения о больших книжных собраниях при дворах Поликрата и афинского тирана Писистрата — значит, было достаточно материала, чтобы из него могли составляться библиотеки и чтобы поэты следующих поколений изучали труды своих предшественников. Таким образом, не отрицая воздействия фольклора (о чем мы тоже говорили выше) на формирование эллинской поэзии VII–VI вв., надо все-таки признать ее поэзией письменной, хоть и рассчитанной на устное исполнение и восприятие на слух. Для поэзии последующих веков это условие сохраняется. Только во времена александрийских авторов, то есть с начала III в., «светское» творчество могло рассчитывать на единичного образованного читателя, способного оценить всю «ученость» автора. Гимническая поэзия, обращенная к широкой аудитории, по-прежнему предназначалась для устного исполнения в сопровождении музыкального инструмента, хотя и она, как мы знаем, тоже закреплялась в записи на каменных плитах. Следовательно, с какой стороны ни подходить к функционированию и сохранению эллинской поэзии VII–III вв., она остается для нас наравне с гомеровским эпосом первым письменным памятником поэтического творчества в Европе, отразившим мысли и чувства людей своего времени, доступные для понимания и сопереживания и нам в наши нелегкие и непростые дни.

В. ЯРХО

Раздел I

ЭПОС

ГЕСИОД
ТЕОГОНΙΑ
(О ПРОИСХОЖДЕНИИ БОГОВ)

- С Муз, геликонских богинь, мы песню свою начинаем.
На Геликоне они обитают высоком, священном.
Нежной ногою ступая, обходят они в хороводе
Жертвенник Зевса-царя и фиалково-темный источник.
Нежное тело свое искупавши в теченьях Пермесса,
Иль в роднике Иппокрене, иль в водах священных Ольмея,
На геликонской вершине они хоровод заводили,
Дивный для глаза, прелестный, и ноги их в пляске мелькали.
Снявшись оттуда, туманом одевшись густым, непроглядным,
- 10 Ночью они приходили и пели чудесные песни,
Славя эгидодержавца Кронида с владычицей Герой,
Города Аргоса мощной царицею златообутой,
Зевса великую дочь, синеокую деву Афину,
И Аполлона-царя с Артемидою стрелолюбивой,
И земледержца, земных колебателя недр Посейдона,
И Афродиту с ресницами гнутыми, также Фемиду,
Златовенчанную Гебу-богиню с прекрасной Дионой,
С ними — Лето, Иапета и хитроразумного Крона,
Эос-Зарю и великого Гелия с светлой Селеной,
- 20 Гею-мать с Океаном великим и черною Ночью,
Также и все остальное священное племя бессмертных.
Песням прекрасным своим обучили они Гесиода
В те времена, как овец под священным он пас Геликоном.
Прежде всего обратились ко мне со словами такими
Дщери великого Зевса-царя, олимпийские Музы:
«Эй, пастухи полевые, — несчастные, брюхо сплошное!
Много умеем мы лжи рассказать за чистейшую правду.
Если, однако, хотим, то и правду рассказывать можем!»
Так мне сказали в рассказах искусные дочери Зевса.
- 30 Вырезав посох чудесный из пышнозеленого лавра,
Мне его дали и дар мне божественных песен вдохнули,
Чтоб воспевал я в тех песнях, что было и что еще будет.
Племя блаженных богов величать мне они приказали,
Прежде ж и после всего — их самих воспевать непрестанно...
Впрочем, ну, как я могу говорить о скале или дубе?
С Муз песнопенье свое начинаем, которые пеньем

- Радуют разум великий отцу своему на Олимпе,
 Все излагая подробно, что было, что есть и что будет,
 Хором согласно звучащим. Без устали сладкие звуки
- 40 Льют их уста. И смеются палаты родителя — Зевса
 Тяжкогремящего, лишь зазвучат в них лилейные песни
 Славных богинь. И ответно звучат им жилища блаженных
 И олимпийские главы. Богини же гласом бессмертным
 Прежде всего воспевают достойное почестей племя
 Тех из богов, что Землей рождены от широкого Неба,
 И благодавцев-богов, что от этих богов народились.
 Зевса вторым после них, отца и бессмертных и смертных,
 [В самом начале и в самом конце воспевают богини, —]
 Сколь превосходнее всех он богов и могучее силой.
- 50 Племя затем воспевая людей и могучих Гигантов,
 Радуют разум великий отцу своему на Олимпе
 Дщери великого Зевса-царя, олимпийские Музы.
 Семя во чрево приняв от Кронида-отца, в Пиерии
 Их родила Мнемосина, царица высот Елевфера,
 Чтоб улетали заботы и беды душа забывала.
 Девять ночей сопрягался с богинею Зевс-промыслитель,
 К ней вдалеке от богов восходя на священное ложе.
 После ж того как исполнился год, времена обернулись,
 Месяцы круг совершили и дней унеслося немало,
- 60 Единомысленных девять она дочерей родила,
 С рвущейся к песням душой, с беззаботным и радостным духом,
 Близ высочайшей вершины одетого снегом Олимпа.
 Светлые там хороводы у них и прекрасные дома.
 Рядом жилища имеют Хариты и Гимер-Желанье,
 В празднествах жизнь проводя. Голосами прелестными Музы
 Песни поют о законах, которые всем управляют,
 Добрые нравы богов голосами прелестными славят.
 Песней бессмертной своею и голосом тешась прекрасным,
 Музы к Олимпу пошли. И далеко звучали их гимны,
- 70 Милый их топот по черной земле раздавался в то время,
 Как возвращались богини к родителю. В небе царит он,
 Громом владеющий страшным и молнией огненно-жгучей,
 Силою верх одержавший над Кроном-отцом. Меж богами
 Все хорошо поделил он и каждому почесть назначил.
 Это вот пели в дворцах олимпийских живущие Музы,
 Девять богинь, дочерей многославного Зевса-владыки —
 Девы Клио и Евтерпа, и Талия, и Мельпомена,
 И Эрато с Терпсихорой, Полимния и Урания,
 И Каллиопа — меж всеми другими она выдается:
- 80 Шествует следом она за царями, достойными чести.
 Если кого отличить пожелают Кронидовы дщери,
 Если увидят, что родом от Зевсом вскормленных царей он, —
 То орошают счастливицу язык многосладкой росой.
 Речи приятные с уст его льются тогда. И народы

- Все на такого глядят, как в суде он выносит решенья,
 С строгой согласные правдой. Разумным, решительным словом
 Даже великую ссору тотчас прекратить он умеет.
 Ибо затем и разумны цари, чтобы всем пострадавшим,
 Если к суду обратятся они, без труда возмещение
 90 Полное дать, убеждая обидчиков мягкой речью.
 Благоговейно его, словно бога, приветствуют люди,
 Как на собрание пойдет он: меж всеми он там выдается.
 Вот сей божественный дар, что приносится Музами людям.
 Ибо от Муз и метателя стрел, Аполлона-владыки,
 Все на земле и певцы происходят, и лирики-мужи.
 Все же цари — от Кронида. Блажен человек, если Музы
 Любят его: как приятен из уст его льющийся голос!
 Если неожиданное горе внезапно душой овладеет,
 Если кто сохнет, печалью терзаясь, то стоит ему лишь
 100 Песню услышать слугителя Муз, песнопевца, о славных
 Подвигах древних людей, о блаженных богах олимпийских,
 И забывает он тотчас о горе своем; о заботах
 Больше не помнит: совсем он от дара богинь изменился.
 Радуйтесь, дочери Зевса, даруйте прелестную песню!
 Славьте священное племя богов, существующих вечно, —
 Тех, кто на свет родился от Земли и от звездного Неба,
 Тех, кто от сумрачной Ночи, и тех, кого Море вскормило.
 Все расскажите: как боги, как наша земля зародилась,
 Как беспредельное море явилось шумное, реки,
 110 Звезды, несущие свет, и широкое небо над нами;
 [Кто из бессмертных подателей благ от чего зародился,]
 Как поделили богатства и почести между собою,
 Как овладели впервые обильноложбинным Олимпом.
 С самого это начала вы все расскажите мне, Музы,
 И сообщите при этом, что прежде всего зародилось.

 Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом
 Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,
 119 Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких,
 120 И, между вечными всеми богами прекраснейший, — Эрос
 Сладкоистомный — у всех он богов и людей земнородных
 Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает.
 Черная Ночь и угрюмый Эреб родились из Хаоса.
 Ночь же Эфир родила и сияющий День, иль Гемеру:
 Их зачала она в чреве, с Эребом в любви сочетавшись.

 Гея же прежде всего родила себе равное ширью
 Звездное Небо, Урана, чтоб точно покрыл ее всюду
 И чтобы прочным жилищем служил для богов всеблаженных;
 130 Нимф, обитающих в чащах нагорных лесов многотенных;
 Также еще родила, ни к кому не всхлывши на ложе,
 Шумное море бесплодное, Понт. А потом, разделивши

Ложу с Ураном, на свет Океан породила глубокий,
Коя и Крия, еще — Гипериона и Иапета,
Фею и Рею, Фемиду великую и Мнемосину,
Златовенчанную Фебу и милую видом Тефию.
После их всех родился, меж детей наиболее ужасный,
Крон хитроумный. Отца многомошного он ненавидел.

Также Киклопов с душою надменною Гея родила —
140 Счетом троих, а по имени — Бронта, Стеропа и Арга.
Молнии сделали Зевсу-Крониду и гром они дали.
Были во всем остальном на богов они прочих похожи,
Но лишь единственный глаз в середине лица находился:
Вот потому-то они и звались «Круглоглазы», «Киклопы»,
Что на лице по единому круглому глазу имели.
А для работы была у них сила, и мощь, и сноровка.

Также другие еще родились у Геи с Ураном
Трое огромных и мощных сынов, несказанно ужасных, —
Котт, Бриарей крепкодушный и Гиес — надменные чада.
150 Целою сотней чудовищных рук размахивал каждый
Около плеч многомошных, меж плеч же у тех великанов
По пятьдесят поднималось голов из туловищ крепких.
Силой они неподступной и ростом большим обладали.

Дети, рожденные Геей-Землею и Небом-Ураном,
Были ужасны и стали отцу своему ненавистны
С первого взгляда. Едва лишь на свет кто из них появился,
Каждого в недрах Земли немедленно прятал родитель,
Не выпуская на свет, и злодейством своим наслаждался.
С полной утробой тяжко стонала Земля-великанша.
160 Злое пришло ей на ум и коварно-искусное дело.
Тотчас породу создавши седого железа, огромный
Сделала серп и его показала возлюбленным детям,
И, возбуждая в них смелость, сказала с печальной душою:
«Дети мои и отца нечестивого! Если хотите
Быть мне послушными, сможем отцу мы воздать за злодейство
Вашему: ибо он первый ужасные вещи замыслил».

Так говорила. Но, страхом объятые, дети молчали.
И ни один не ответил. Великий же Крон хитроумный,
Смелости полный, немедля отвечивал матери милой:
170 «Мать! С величайшей охотой за дело такое возьмусь я.
Мало меня огорчает отца злоимянного жребий
Нашего. Ибо он первый ужасные вещи замыслил».

Так он сказал. Взвеселилась душой исполинская Гея.
В место укромное сына запрягав, дала ему в руки
Серп острозубый и всяким коварствам его обучила.

Ночь за собою ведя, появился Уран и возлег он
Около Геи, пылая любовным желаньем, и всюду
Распространился кругом. Неожиданно левую руку
Сын протянул из засады, а правой, схвативши огромный

- 180 Серп острозубый, отсек у родителя милого быстро
 Член детородный и бросил назад его сильным размахом.
 И не бесплодно из Кроновых рук полетел он могучих:
 Сколько на землю из члена ни вылилось капель кровавых,
 Все их Земля приняла. А когда обернулись годы,
 Мощных Эриний она родила и великих Гигантов
 С длинными копьями в дланях могучих, в доспехах блестящих,
 Также и нимф, что Мелиями мы на земле называем.
 Член же отца детородный, отсеченный острым железом,
 190 По морю долгое время носился, и белая пена
 Взбилась вокруг от нетленного члена. И девушка в пене
 В той зародилась. Сначала подплыла к Киферам священным,
 После же этого к Кипру пристала, омьтому морем.
 На берег вышла богиня прекрасная. Ступит ногою —
 Травы под стройной ногой вырастают. Ее Афродитой,
 [«Пенорожденной», еще «Кифереей» прекрасновенчанной]
 Боги и люди зовут, потому что родилась из пены.
 А Кифереей зовут потому, что к Киферам пристала,
 «Кипророжденной», — что в Кипре, омьтом волнами, родилась.
 201 К племени вечных блаженных отправилась тотчас богиня.
 Эрос сопутствовал деве, и следовал Гимер прекрасный.
 С самого было начала дано ей в удел и владенье
 Между земными людьми и богами бессмертными вот что:
 Девичий шепот любовный, улыбки, и смех, и обманы,
 Сладкая нега любви и пьянящая радость объятий.
 Детям, на свет порожденным Землею, название *Титанов*
 Дал в поношенье отец их, великий Уран-повелитель.
 Руку, сказал он, *протерли* они к нечестивому делу
 210 И совершили злодейство, и будет им кара за это.

- Ночь родила еще Мора ужасного с черною Керой.
 Смерть родила она также, и Сон, и толпу Сновидений.
 Мама потом родила и Печаль, источник страданий,
 215 И Гесперид, — золотые, прекрасные яблоки холят
 За океаном они на деревьях, плоды приносящих.
 Мойр родила она также и Кер, беспощадно казнящих.
 [Мойры — Клофо именуются, Лахесис, Атропос. Людям
 Определяют они при рожденье несчастье и счастье.]
 220 Тяжко карают они и мужей и богов за проступки,
 И никогда не бывает, чтоб тяжкий их гнев прекратился
 Раньше, чем полностью всякий виновный отплату получит.
 Также еще Немесиду, грозу для людей земнородных,
 Страшная Ночь родила, а за нею — Обман, Сладострастье,
 Старость, несущую беды, Эриду с могучей душою.
 Грозной Эридою Труд порожден утомительный, также
 Голод, Забвенье и Скорби, точащие слезы у смертных,
 Схватки жестокие, Битвы, Убийства, мужей Избиенья,
 Полные ложью слова, Словопренья, Судебные Тяжбы,

- 230 И Ослепление души с Беззаконьем, родные друг другу,
И, наиболее горя несущий мужам земнородным,
Орк, наказующий тех, кто солжет добровольно при клятве.
Понт же Нерей родил, ненавистника лжи, правдолюбца,
Старшего между детьми. Повсеместно зовется он старцем,
Ибо душою всегда откровенен, беззлобен, о правде
Не забывает, но сведущ в благих, справедливых советах.
Вслед же за этим Фавманта великого с Форкием храбрым
Понту Земля родила, и прекрасноланитную Кето,
И Еврибию, имевшую в сердце железную душу.
- 240 Многожеланные дети богинь родились у Нерей
В темной морской глубине от Дорида прекрасноволосой,
Дочери милой отца-Океана, реки совершенной.
Дети, рожденные ею: Плото, Сао и Евкранта,
И Амфитрита с Евдорой, Фетида, Галена и Главка,
Дальше — Спейо, Кимофоя, и Фоя с прелестной Галией,
И Эрато с Пасифеей и розоворукой Евникой,
Дева Мелита, приятная всем, Евлимена, Агава,
250 Также Дото и Прото, и Фэруса, и Динамина,
Дальше — Несея с Актеей и Протомедея с Доридой,
Также Панопейя и Галатея, прелестная видом,
И Гишпофоя, и розоворукая с ней Гишпоноя,
И Кимодока, которая волны на море туманном
И дуновения ветров губительных с Киматологой
И с Амфитритой прекраснородной легко укрощает.
Дальше — Кимо, Эиона, в прекрасном венке Галимеда,
И Главконома улыбкалюбивая, Понтопоря,
И Леагора, еще Евагора и Лаомедея,
И Пулиноя, а с ней Автоноя и Лиспанасса,
Ликом прелестная и безупречная видом Еварна,
260 Милая телом Псамафа с божественной девой Мениппой,
Также Несо и Евпомпа, еще Фемисто и Проня,
И, наконец, Немертея с правдивой отцовской душою.
Вот эти девы, числом пятьдесят, в беспорочных работах
Многоискусные, что рождены беспорочным Нереем.
Дочь Океана глубокотекущего деву Электру
Взял себе в жены Фавмант. Родила она мужу Ириду
Быструю и Аэлло с Окипетою, Гарпий кудрявых.
Как дуновение ветра, как птицы, на крыльях проворных
Носятся Гарпии эти, паря высоко над землею.
270 Граий прекрасноланитных от Форкия Кето родила.
Прямо седьми они родились. Потому и зовут их
Граями боги и люди. Их двое: одета в изящный
Пеплос одна, Пемфредо, Энио же, другая, — в шафранный.
Также Горгон родила, что за славным живут Океаном
Рядом с жилищем певиц Гесперид, близ конечных пределов
Ночи: Сфенно, Евриалу, знакомую с горем Медузу.

Смертной Медуза была. Но бессмертны, бесстаростны были
 Обе другие. Сопрягся с Медузою той Черновласый
 На многотравном лугу, средь весенних цветов благовонных.

280 После того как Медузу могучий Персей обезглавил,
 Конь появился Пегас из нее и Хрисаор великий.
 Имя Пегас — оттого, что рожден у *ключей* океанских,
 Имя Хрисаор — затем, что с *мечем золотым* он родился.
 Землю, кормилицу стад, покинул Пегас и вознесся
 К вечным богам. Обигает теперь он в палатах у Зевса
 И Громовержцу всеумудрому молнию с громом приносит.

Этот Хрисаор родил трехголового ГерIONEЯ,
 Соединившись в любви с Каллироею Океанидой.
 ГерIONEЯ того умертвила Гераклова сила

290 Возле ленивых коров на омытой водой Ерифее.
 В тот же направился день к Тиринфу священному с этим
 Стадом коровьим Геракл, через броды пройдя Океана,
 Орфа убивши и стража коровьего Евритиона
 За Океаном великим и славным, в обители мрачной.

Кето ж в пещере большой разрешилась чудовищем новым,
 Ни на людей, ни на вечноживущих богов не похожим, —
 Неодолимой Ехидной, божественной, с духом могучим,
 Наполовину — прекрасной с лица, быстроглазою нимфой,
 Наполовину — чудовищным змеем, большим, кровожадным,

300 В недрах священной земли залегающим, пестрым и страшным.
 Есть у нее там пещера внизу глубоко под скалою,
 И от бессмертных богов, и от смертных людей в отдаленье:
 В славном жилище ей там обитать предназначили боги.
 Так-то, не зная ни смерти, ни старости, нимфа Ехидна,
 Гибель несущая, жизнь под землей проводила в Аримах.

Как говорят, с быстроглазою девою той сочетался
 В жарких объятиях гордый и страшный Тифон беззаконный.
 И зачала от него, и детей родила крепкодушных.

Для ГерИОНА сперва родила она Орфа-собаку;

310 Вслед же за ней — несказанного КерБЕРА, страшного видом,
 Медноголосого адова пса, кровожадного зверя,
 Нагло-бесстыдного, злого, с пятьюдесятью головами.
 Третьей потом родила она злую Лернейскую Гидру.
 Эту вскормила сама белорукая Гера-богиня,
 Неукротимую злобой пылавшая к силе Геракла.
 Гибельной медью, однако, ту Гидру сразил сын Кронида,
 Амфитрионова отрасль Геракл, с Иолаем могучим,
 Руководимый советом добычницы мудрой Афины.

Также еще разрешилась она изрыгающей пламя,

320 Мощной, большой, быстроногой Химерой с тремя головами:
 Первою — огненноокого льва, ужасного видом,
 Козьей — другою, а третьей — могучего змея-дракона.
 [Спереди лев, позади же дракон, а коза в середине;
 Яркое, жгучее пламя все пасти ее извергали.]

Беллерофонт благородный с Пегасом ее умертвили.
 Грозного Сфинкса еще родила она в гибель кадмейцам,
 Также Немейского льва, в любви сочетавшись с Орфом.
 Лев этот, Герой вскормленный, супругою славною Зевса,
 Людям на горе в Немейских полях поселен был богиней.
 330 Там обитал он и племя людей пожирал земнородных,
 Царствуя в области всей Апесанта, Немен и Трета.
 Но укротила его многомогущая сила Геракла.
 Форкию младшего сына родила владычица Кето —
 Страшного змея: глубоко в земле залегая и свившись
 В кольца огромные, яблоки он сторожит золотые.
 Это — потомство, рожденное на свет от Форкия с Кето.

От Океана ж с Тетфией пошли быстротечные дети,
 Реки Нил и Алфей с Эриданом глубокопучинным,
 Также Стримон и Меандр с прекраснотрующим Истром,
 340 Фасис и Рес, Ахелой серебристопучинный и быстрый,
 Несс, Галиакмон, а следом за ними Гептапор и Родий,
 Граник-река с Симоентом, потоком божественным, Эсеп,
 Реки Герм и Пеней, и прекраснотрующийся Каик,
 И Сангарийский великий поток, и Парфений, и Ладон,
 Быстрый Евен и Ардеск с рекою священной Скамандром.
 Также и племя священное дев народила Тетфия.
 Вместе с царем Аполлоном и с Реками мальчиков юных
 Пестуют девы — такой от Кронида им жребий достался.
 Те Океановы дочери: Адмета, Пейфо и Электра,
 350 Янфа, Дорида, Примно и Урания с видом богини,
 Также Гипшо и Климена, Роденя и Каллироя,
 Дальше — Зейксо и Клития, Идийя и с ней Пасифоя,
 И Галаксавра с Плексаврой, и милая сердцу Диона,
 Фоя, Мелобосис и Полидора, прекрасная видом,
 И Керкеида с прелестным лицом, волоокая Плуты,
 Также еще Персеида, Янира, Акаста и Ксанфа,
 Милая дева Петрея, за ней — Менесфо и Европа,
 Полная чар Калипсо, Телесто в одеянии желтом,
 Асия, с ней Хрисеида, потом Евринома и Метис.
 360 Тиха, Евдора и с ними еще — Амфиро, Окироя,
 Стикс, наконец: выдается она между всеми другими.
 Это — лишь самые старшие дочери, что родились
 От Океана с Тетфией. Но есть и других еще много.
 Ибо всего их три тысячи, Океанид стройноногих.
 Всюду рассеявшись, землю они обегают, а также
 Бездны глубокие моря, богинь знаменитые дети.
 Столько же есть на земле и бурливо текущих потоков,
 Также рожденных Тетфией, — шумливых сынов Океана.
 Всех имена их назвать никому из людей не под силу.
 370 Знает название потока лишь тот, кто вблизи обитает.
 Фейя — великого Гелия с яркой Селеной и с Эос,

Льющую сладостный свет равно для людей земнородных
И для бессмертных богов, обитающих в небе широком,
С Гиперионом в любви сочетавшись, на свет породила.

С Крием в любви сочетавшись, богиня богинь Еврибия
На свет родила Астрея великого, также Палланта
И между всеми другими отличного хитростью Перса.

Эос-богиня к Астрею взошла на любовное ложе,
И родились у нее крепкодушные ветры от бога —
380 Быстролетящий Борей, и Нот, и Зефир белопенный.
Также звезду Зареносца и сонмы венчающих небо
Ярких звезд родила спозаранку рожденная Эос.

Стикс, Океанова дочь, в любви сочетавшись
с Паллантом,

Зависть в дворце родила и прекраснородную Нике.

Силу и Мощь родила она также, детей знаменитых.
Нет у них дома отдельно от Зевса, пристанища нету,
Нет и пути, по которому шли бы не следом за богом;
Но неотступно при Зевсе живут они тяжкогремящем.
Так это сделала Стикс, нерушимая Океанида,

390 В день тот, когда на великий Олимп небожителей вечных
Созвал к себе молневержец Кронид, олимпийский владыка,
И объявил им, что тот, кто пойдет вместе с ним на Титанов,
Почестей прежних не будет лишен и удел сохранит свой,
Коем дотоле владел меж богов, бесконечно живущих.
Если же кто не имел ни удела, ни чести при Кроне,
Тот и удел и почет подобающий ныне получит.
Первой тогда нерушимая Стикс на Олимп поспешила
Вместе с двумя сыновьями, совету отца повинувшись.
Щедро за это ее одарил и почтил Громовержец:
400 Ей предназначил он быть величайшею клятвой бессмертных,
А сыновьям приказал навсегда у него поселиться.
Также и данные всем остальным обещанья сдержал он,
Сам же с великою властью и силой царит над вселенной.

Феба же к Кою вступила на многожеланное ложе
И, восприявши во чрево, — богиня в объятиях бога, —
Черноодежной Лето разрешилася, милою вечно,
Милою искони, самую кроткой на целом Олимпе,
Благостной к вечноживущим богам и благостной к людям.
Благоименную также она родила Астерию, —
410 Ввел ее некогда Перс во дворец свой, назвавши супругой.

Эта, зачавши, родила Гекату, — ее перед всеми
Зевс отличил Громовержец и славный удел даровал ей:
Править судьбою земли и бесплодно-пустынного моря.
Была ей и звездным Ураном почетный удел предоставлен,
Более всех почитают ее и бессмертные боги.
Ибо и ныне, когда кто-нибудь из людей земнородных,
Жертвы свои принося по закону, о милости молит,

То призывает Гекату: большую он честь получает
 Очень легко, раз молитва его принята благосклонно.
 420 Шлет и богатство богиня ему: велика ее сила.
 Долю имеет Геката во всяком почетном уделе
 Тех, кто от Геи-Земли родился и от Неба-Урана,
 Не причинил ей насилья Кронид и не отнял обратно,
 Что от Титанов, от прежних богов, получила богиня.
 Все сохранилось за ней, что при первом разделе на долю
 Выпало ей из даров на земле, и на небе, и в море.
 Чести не меньше она, как единая дочь, получает, —
 Даже и больше еще: глубоко она чтима Кронидом.
 Пользу богиня большую, кому пожелает, приносит.
 430 Хочет — в народном собрании любого меж всех возвеличит.
 Если на мужегубительный бой снаряжаются люди,
 Рядом становится с теми Геката, кому пожелает
 Дать благосклонно победу и славою имя украсить.
 Возле достойных царей на суде восседает богиня.
 Очень полезна она, и когда состязаются люди:
 Рядом становится с ними богиня и помощь дает им.
 Мощью и силою кто победит — получает награду,
 Радуюсь в сердце своем, и родителям славу приносит.
 Конникам также дает она помощь, когда пожелает,
 440 Также и тем, кто, среди синих, губительных волн промышляя,
 Станет молиться Гекате и шумному Энносигею.
 Очень легко на охоте дает она много добычи,
 Очень легко, коль захочет, покажет ее — и отнимет.
 Вместе с Гермесом на скотных дворах она множит скотину;
 Стадо ль вразброску пасущихся коз иль коров круторогих,
 Стадо ль овец густорунных, душой пожелав, она может
 Самое малое сделать великим, великое ж — малым.
 Так-то, — хотя и единая дочь у матери, — все же
 Между бессмертных богов почтена она всяческой честью.
 450 Вверил ей Зевс попечение о детях, которые узрят
 После богини Гекаты восход многовидящей Эос.
 Искони юность хранит она. Вот все уделы богини.
 Рея, поягая Кроном, детей родила ему светлых —
 Деву-Гестию, Деметру и златообутую Геру,
 Славного мощью Аида, который живет под землею,
 Жалости в сердце не зная, и шумного Энносигея,
 И промыслителя Зевса, отца и бессмертных и смертных,
 Громы которого в трепет приводят широкую землю.
 Каждого Крон пожирал, лишь к нему попадал на колени
 460 Новорожденный младенец из матери чрева святого:
 Сильно боялся он, как бы из славных потомков Урана
 Царская власть над богами другому кому не досталась.
 Знал он от Геи-Земли и от звездного Неба-Урана,
 Что суждено ему свергнутым быть его собственным сыном,
 Как он сам ни могуч — умышлением великого Зевса.

Вечно на страже, ребенка, едва только на свет являлся,
Тотчас глотал он. А Рею брало неизбывное горе.

- Но наконец, как родить собралась она Зевса-владыку,
Смертных отца и бессмертных, взмолилась к родителям Рея,
470 К Гее великой, Земле, и к звездному Небу-Урану –
Пусть подадут ей совет рассудительный, как бы, родивши,
Спрятать ей милого сына, чтоб мог он отмстить за злодейство
Крону-владыке, детей поглотившему, ею рожденных.
Вняли молениям дщери возлюбленной Гея с Ураном
И сообщили ей точно, какая судьба ожидает
Мощного Крона-царя и его крепкодушного сына.
В Ликтос послали ее, плодородную критскую область,
Только лишь время родить наступило ей младшего сына,
Зевса-царя. И его восприяла Земля-великанша,
480 Чтобы на Крите широком владыку вскормить и взлелеять.
Быстрою, черною ночью сначала отправилась в Дикту
С новорожденным богиня и, на руки взявши младенца,
Скрыла в божественных недрах земли, в недоступной пещере,
На многолесной Эгейской горе, среди чащи тенистой.
Камень в пеленки большой завернув, подала его Рея
Мощному сыну Урана. И прежний богов повелитель
В руки завернутый камень схватил и в желудок отправил.
Злой нечестивец! Не ведал он в мыслях своих, что остался
Сын невредимым его, в безопасности полной, что скоро
490 Верх над отцом ему взять предстояло, руками и силой
С трона низвергнуть и стать самому над богами владыкой.
Начали быстро расти и блестящие члены, и сила
Мощного Зевса-владыки. Промчались года за годами.
Перехитрил он отца, предписаний послушавшись Геи:
Крон хитроумный обратно, великий, извергнул потомков,
Хитростью сына родного и силой его побежденный.
Первым извергнул он камень, который последним пожрал он.
Зевс на широкодорожной земле этот камень поставил
В многосвященном Пифоне, в долине под самым Парнасом,
500 Чтобы всегда там стоял он как памятник, смертным на диво.
Братьев своих и сестер Уранидов, которых безумно
Вверг в заключение отец, на свободу он вывел обратно.
Благодеянья его не забыли душой благодарной
Братья и сестры и отдали гром ему вместе с палящей
Молнией: прежде в себе их скрывала Земля-великанша.
Твердо на них полагаясь, людьми и богами он правит.
- Океаниду прекраснородную, деву Климену,
В дом свой увел Иапет и всходил с ней на общее ложе.
Та же ему родила крепкодушного сына Атланта,
510 Также Менетия, славой затмившего всех, Прометея
С хитрым, искусным умом и не дальнего Эпиметея.
С самого этот начала несчастьем явился для смертных:

Первый от Зевса он девушку, им сотворенную, принял
 В жены. Менетия ж наглого Зевс протяженногремящий
 В мрачный отправил Эреб, ниспровергнувши молнией дымной
 За нечестивость его и чрезмерную, страшную силу.
 Держит Атлант, принужденный к тому неизбежностью мощной,
 На голове и руках неустанных широкое небо
 Там, где граница земли, где певичы живут Геспериды,
 520 Ибо такую судьбу ниспослал ему Зевс-промыслитель.
 А Прометея, на выдумки хитрого, к средней колонне
 В тяжких и крепких оковах Кронид привязал Громовержец
 И длиннокрылого выслаал орла: бессмертную печень
 Он пожирал у титана, но за ночь она вырастала
 Ровно настолько же, сколько орел пожирал ее за день.
 Сыном могучим Алкмены прекраснородной, Гераклом,
 Был тот орел умерщвлен, а сын Иапета избавлен
 От жесточайших страданий и тяжко-мучительной скорби —
 Не против воли высокоцарящего Зевса-Кронида:
 530 Ибо желалось Крониду, чтоб сделалась слава Геракла
 Фиворожденного больше еще на земле, чем дотоле;
 Честью великой решив отличить знаменитого сына,
 Гнев прекратил он, который дотоле питал к Прометею
 Из-за того, что тягался он в мудрости с Зевсом могучим.
 Ибо в то время, как боги с людьми препирались в Меконе,
 Тушу большого быка Прометей многохитрый разрезал
 И разложил на земле, обмануть домогаясь Кронида.
 Жирные в кучу одну потроха отложил он и мясо,
 Шкурою все обернув и покрывши бычачьим желудком,
 540 Белые ж кости собрал он злокозненно в кучу другую
 И, разместивши искусно, покрыл ослепительным жиром.
 Тут обратился к титану родитель бессмертных и смертных:
 «Сын Иапета, меж всеми владыками самый отличный!
 Очень неровно, мой милый, на части быка поделил ты!»
 Так насмеялся Кронид, многосведущий в знаниях вечных.
 И, возражая, ответил ему Прометей хитроумный,
 Мягко смеясь, но коварных повадок своих не забывши:
 «Зевс, величайший из вечноживущих богов и славнейший!
 Выбери то для себя, что в груди тебе дух твой укажет!»
 550 Так он сказал. Но Кронид, многосведущий в знаниях
 вечных,
 Сразу узнал, догадался о хитрости. Злое замыслил
 Против людей он и замысел этот исполнить решился.
 Правой и левой рукою блистающий жир приподнял он —
 И рассердился душою, и гнев ворвался ему в сердце,
 Как увидал он искусно прикрытые кости бычачьи.
 С этой поры поколенья людские во славу бессмертных
 На алтарях благовонных лишь белые кости сжигают.
 В гневе сказал Прометею Кронид, облаков собиратель:
 «Сын Иапета, меж всех наиболее на выдумки хитрый!»

560 Козней коварных своих, мой любезный, еще не забыл ты!»
 Так говорил ему Зевс, многосведущий в знаниях вечных.
 В сердце великом навеки обман совершённый запомнив,
 Силы огня неустанной решил ни за что не давать он
 Людям ничтожным, которые здесь на земле обитают.
 Но обманул его вновь благороднейший сын Иапета:
 Неутомимый огонь он украл, издалика заметный,
 Спрятавши в нарфексе полом. И Зевсу, гремящему в высях,
 Дух уязвил тем глубоко. Разгневался милым он сердцем,
 Как увидал у людей свой огонь, издалика заметный.
 570 Чтоб отплатить за него, изобрел для людей он несчастье:
 Тотчас слепил из земли знаменитый Хромец обоногий,
 Зевсов приказ исполняя, подобие девы стыдливой;
 Пояс на ней застегнула Афина, в серебристое платье
 Деву одевши, руками держала она покрывало
 575 Ткани тончайшей, с главы ниспадавшее — диво для взоров:
 578 Голову девы венцом золотым увенчала богиня.
 Сделал венец этот сам знаменитый Хромец обоногий
 580 Ловкой рукою своей, угождая родителю Зевсу.
 Много на нем украшений он вырезал, — диво для взоров, —
 Всяких чудовищ, обильно питаемых сушей и морем.
 Много их тут поместил он, сияющих прелестью многих,
 Дивных: казалось, что живы они и что голос их слышен.
 После того как создал он прекрасное зло вместо блага,
 Деву привел он, где боги другие с людьми находились, —
 Гордую блеском нарядов Афины могучеотцовной.
 Диву бессмертные боги далися и смертные люди,
 589 Как увидали приманку искусную, гибель для смертных.
 591 Женщин губительный род от нее на земле происходит.
 Нам на великое горе они меж мужчин обитают,
 В бедности горькой не спутницы — спутницы только в богатстве.
 Так же вот точно в покрытых ульях хлопотливые пчелы
 Трутней усердно питают, хоть пользы от них и не видят;
 Пчелы с утра и до ночи, покуда не скроется солнце,
 Изю дня в день суетятся и белые соты выводят;
 Те же все время внутри остаются под крышею улья
 И пожидают чужие труды в ненасытный желудок.
 600 Так же высокогремящим Кронидом, на горе мужчинам,
 Посланы женщины в мир, причастницы дел нехороших.
 Но и другую еще он беду сотворил вместо блага:
 Кто-нибудь брака и женских вредительных дел избегает
 И не желает жениться: приходит печальная старость —
 И остается старик без ухода! А если богат он,
 То получает наследство какой-нибудь родственник дальний!
 Если же в браке кому и счастливый достанется жребий,
 Если жена попадется ему сообразно желаньям,
 Все же немедленно зло начинает с добром состязаться
 610 Без передышки. А если жену из породы зловредной

Он от судьбы получил, то в груди его душу и сердце
Тяжкая скорбь наполняет. И нет от беды избавленья!
Не обойдет, не обманет никто многомудрого Зевса!
Сам Иапетионид Прометей, благодетель великий,
Тяжкого гнева его не избег. Как разумен он ни был,
Все же хотел не хотел — а попал в неразрывные узы.

Ко Бриарею, и Котту, и Гиесу с первого взгляда
В сердце родитель почуял вражду и в оковы их ввергнул,
Мужеству гордому, виду и росту сынов удивляясь.
620 В недрах широкодорожной земли поселил их родитель.
Горестно жизнь проводили они глубоко под землею,
Возле границы пространной земли, у предельного края,
С долгой и тяжкою скорбью в душе, в жесточайших страданиях.
Всех их, однако, Кронид и другие бессмертные боги,
Реей прекрасноволосой рожденные на свет от Крона,
Вывели снова на землю, совета послушавшись Геи:
Точно она предсказала, что с помощью тех великанов
Полную боги победу получают и громкую славу.
Ибо уж долгое время сражались друг против друга
630 В ярых, могучих боях, с напряжением, ранящим душу,
Боги-Титаны и боги, рожденные на свет от Крона:
Славные боги-Титаны — с Офрийской горы высочайшей,
Боги, рожденные Реей прекрасноволосой от Крона,
Всяких податели благ, — с вершин многоснежных Олимпа.
Гневом, душе причиняющим боль, пламенея друг к другу,
Десять уж лет непрерывно они меж собою сражались,
А разрешенья тяжелой вражды иль ее окончания
Не приходило, и не было видно конца межусобью.
Вызволив тех великанов могучих, подали им боги
640 Нектар с амвросией — пищу, которой питаются сами.
И преисполнилось сердце у каждого смелостью мощной.
[После того как амвросией с нектаром те напитались,]
Слово родитель мужей и богов обратил к великанам:
«Слушайте, славные чада, рожденные Геей с Ураном!
Слово скажу я, какое душа мне в груди приказала.
Очень уж долгое время, сражаясь друг против друга,
Бьемся мы все эти дни непрерывно за власть и победу, —
Боги-Титаны и мы, рожденные на свет от Крона.
Встаньте навстречу Титанам, в жестоком бою покажите
650 Страшную силу свою и свои необорные руки.
Вспомните нашу любовь к вам, припомните, сколько страданий
Вы претерпели, пока мы вам тягостных уз не расторгли
И из подземного мрака сырого не вывели на свет».
Так он сказал. И ответил тотчас ему Котт безупречный:
«Мало, божественный, нового нам говоришь ты: и сами
Ведаем мы, что и духом и мыслью ты всех превосходишь,
Злое проклятие разве не ты отвратил от бессмертных?»

И не твоим ли советом из тьмы преисподней обратно
 Возвращены мы сюда из оков беспощадных и тяжких,
 660 Вынеся столько великих мучений, владыка, сын Крона!
 Ныне разумною мыслью, с внимательным духом тотчас же
 Выступим мы на защиту владычества вашего в мире
 И беспощадной, ужасной войною пойдем на Титанов».

Так он сказал. И одобрили, слово его услышавши,
 Боги, податели благ. И войны возжелали их души
 Пламенной даже, чем раньше. Убийственный бой возбудили
 Все они в этот же день — мужчины, равно как и жены, —
 Боги-Титаны и те, что от Крона родились, а также
 Те, что на свет из Эреба при помощи Зевсовой вышли, —
 670 Мощные, ужас на всех наводящие, силы чрезмерной.
 Целою сотней чудовищных рук размахивал каждый
 Около плеч многомошных, меж плеч же у тех великанов
 По пятьдесят поднималось голов из туловищ крепких.

Вышли навстречу Титанам они для жестокого боя,
 В каждой из рук многомошных держа по скале крутобокой.
 Также Титаны с своей стороны укрепили фаланги
 С бодрой душою. И подвиги силы и рук проявили
 Оба врага. Заревело ужасно безбрежное море,
 Глухо земля застонала, широкое ахнуло небо
 680 И содрогнулось; великий Олимп задрожал до подножья
 От ужасающей схватки. Тяжелое почвы дрожанье,
 Ног топотанье глухое и свист от могучих метаний
 Недр глубочайших достигли окутанной тьмой преисподней.
 Так они друг против друга метали стелящие стрелы.
 Тех и других голоса доносились до звездного неба.
 Криком себя ободряя, сходились боги на битву.

Сдерживать мощного духа не стал уже Зевс, но тотчас же
 Мужеством сердце его преисполнилось, всю свою силу
 Он проявил. И немедленно, с неба, а также с Олимпа
 690 Молнии сыпая, пошел Громовержец-владыка. Перуны,
 Полные блеска и грома, из мощной руки полетели
 Часто один за другим; и священное взвихрилось пламя.
 Жаром палимая, глухо и скорбно земля загудела,
 И затрещал под огнем пожирающим лес неисчетный.
 Почва кипела кругом. Океана кипели течения
 И многошумное море. Титанов подземных жестокий
 Жар охватил, и дошло до эфира священного пламя
 Жгучее. Как бы кто ни был силен, но глаза ослепляли
 Каждому яркие взблески перунов летящих и молний.
 700 Жаром ужасным объят был Хаос. И когда бы увидел
 Все это кто-нибудь глазом иль ухом бы шум тот услышал,
 Всякий, наверно, сказал бы, что небо широкое сверху
 Наземь обрушилось, — ибо с подобным же грохотом страшным
 Небо упало б на землю, ее на куски разбивая, —
 Столь оглушительный шум поднялся от божественной схватки.

С ревом от ветра крутилась пыль, и земля содрогалась;
Полные грома и блеска, летели на землю перуны,
Стрелы великого Зевса. Из гуши бойцов разъяренных
Клики неслись боевые. И шум поднялся несказанный
710 От ужасающей битвы, и мощь проявилась деяний.
Жребий сраженья склонился. Но раньше, сошедшись друг
с другом,

Долго они и упорно сражались в схватках могучих.

В первых рядах сокрушающе-яростный бой возбудили
Котт, Бриарей и душой ненасытный в сражениях Гиес.
Триста камней из могучих их рук полетело в Титанов
Быстро один за другим, и в полете своем затенили
Яркое солнце они. И Титанов отправили братья
В недра широкодорожной земли и на них наложили
Тяжкие узы, могучеством рук победивши надменных.
720 Подземь их сбросили столь глубоко, сколь далеко до неба,
Ибо настолько от нас отстоит многосумрачный Тартар:
Если бы, медную взяв наковальню, метнуть ее с неба,
В девять дней и ночей до земли бы она долетела;
Если бы, медную взяв наковальню, с земли ее бросить,
В девять же дней и ночей долетела б до Тартара тяжесть.

Медной оградой Тартар кругом огорожен. В три ряда
Ночь непроглядная шею ему окружает, а сверху
Корни земли залегают и горько-соленого моря.

Там-то под сумрачной тьмою подземною боги Титаны
730 Были сокрыты решением владыки бессмертных и смертных
В месте утрюмом и затхлом, у края земли необъятной.
Выхода нет им оттуда – его преградил Посидаон
Медною дверью; стена же все место вокруг обегает.
[Там обитают и Котт, Бриарей большедушный и Гиес,
Верные стражи владыки, эгидодержавного Зевса.

Там и от темной земли, и от Тартара, скрытого в мраке,
И от бесплодной пучины морской, и от звездного неба
Все залегают один за другим и концы и начала,
Страшные, мрачные. Даже и боги пред ними трепещут.
740 Бездна великая. Тот, кто вошел бы туда чрез врага,
Дна не достиг бы той бездны в течение целого года:
Ярые вихри своим дуновеньем его подхватили б,
Стали б швырять и туда и сюда. Даже боги боятся
Этого дива. Жилища ужасные сумрачной Ночи
Там расположены, густо одетые черным туманом.]

Сын Иапета пред ними бескрайне широкое небо
На голове и на дланях, не зная усталости, держит
В месте, где с Ночью встречается День: чрез высокий ступая
Медный порог, меж собою они перебросятся словом –
750 И разойдутся; один поспешает наружу, другой же
Внутрь в это время нисходит: совместно обоих не видит

Дом никогда их под кровлей своею, но вечно вне дома
Землю обходит один, а другой остается в жилище
И ожидает прихода его, чтоб в дорогу пуститься.
К людям на землю приходит один с многовидящим светом,
С братом Смерти, со Сном на руках, приходит другая —
Гибель несущая Ночь, туманом одетая мрачным.

Там же имеют дома сыновья многосумрачной Ночи,
Сон со Смертью — ужасные боги. Лучами своими
760 Ярко сияющий Гелий на них никогда не взирает,
Всходит ли на небо он иль обратно спускается с неба.
Первый из них по земле и широкой поверхности моря
Ходит спокойно и тихо и к людям весьма благосклонен.
Но у другой из железа душа и в груди беспощадной —
Истинно медное сердце. Кого из людей она схватит,
Тех не отпустит назад. И богам она всем ненавистна.

Там же стоят невдали многозвонкие гулкие дома
Мощного бога Аида и Персефонеи ужасной.
Сторожем пес беспощадный и страшный сидит перед входом.
770 С злою, коварной повадкой: встречает он всех приходящих,
Мягко виляя хвостом, шевеля добродушно ушами.
Выйти ж назад никому не дает, но, наметясь, хватает
И пожирает, кто только попробует царство покинуть
Мощного бога Аида и Персефонеи ужасной.

Там обитает богиня, будящая ужас в бессмертных,
Страшная Стикс — Океана, текущего кругообразно,
Старшая дочь. Вдалеке от бессмертных живет она в доме,
Скалы нависли над домом. Вокруг же повсюду колонны
Из серебра, и на них высоко он вздымается к небу.
780 Быстрая на ноги дочь Фавманта Ирида лишь редко
С вестью примчится сюда по хребту широчайшему моря.
Если раздоры и спор начинаются между бессмертных,
Если солжет кто-нибудь из богов, на Олимпе живущих,
С кружкою шлет золотою отец-молневержец Ириду,
Чтобы для клятвы великой богов принесла издалика
Многоименную воду холодную, что из высокой
И недоступной струится скалы. Под землею пространной
Долго она из священной реки протекает средь ночи,
Как океанский рукав. Десятая часть ей досталась:
790 Девять частей всей воды вкруг земли и широкого моря
В водоворотах серебряных вьется и в море впадает.
Эта ж одна из скалы вытекает, на горе бессмертным.
Если, свершив той водой возлияние, ложною клятвой
Кто из богов поклянется, живущих на снежном Олимпе,
Тот бездыханным лежит в продолжение целого года.
Не приближается к пище — к амвросии с нектаром сладким,
Но без дыхания и речи лежит на разостланном ложе.
Сон непробудный, тяжелый и злой, его душу объемлет.
Медленный год протечет — и болезнь прекращается эта.

- 800 Но за одною бедою другая является следом:
 Девять он лет вдалеке от бессмертных богов обитает,
 Ни на собрания, ни на пиры никогда к ним не ходит.
 Девять лет напролет. На десятый же год начинает
 Вновь посещать он собрания богов, на Олимпе живущих.
 Так-то вот клясться богами положено ненарушимой
 Стиксовой древней водою, текущей меж скал каменистых.
 Там и от темной земли, и от Тартара, скрытого в мраке,
 И от бесплодной пучины морской, и от звездного неба
 Все залегают один за другим и концы и начала —
- 810 Страшные, мрачные; даже и боги пред ними трепещут.
 Там же — ворота из мрамора, медный порог самородный,
 Неколебимый, в земле широко утвержденный корнями.
 Перед воротами теми снаружи, вдали от бессмертных,
 Боги-Титаны живут, за Хаосом, утрюмым и темным.
 Там же, от них невели, в глубочайших местах Океана,
 В крепких жилищах помощники славные Зевса-владыки,
 Котт и Гиес живут. Бриарея ж могучего сделал
 Зятем своим Колебатель земли протяженногремящий.
 Кимополею отдав ему в жены, любезную дочь.
- 820 После того как Титанов прогнал уже с неба Кронион,
 Младшего между детьми, Тифоея, Земля-великанша
 На свет родила, отдавшись объятиям Тартара страстным.
 Силою были и жаждой деяний исполнены руки
 Мощного бога, не знал он усталости ног; над плечами
 Сотня голов поднималась ужасного змея-дракона.
 В воздухе темные жала мелькали. Глаза под бровями
 Пламенем ярким горели на главах змеинных огромных.
 [Взглянет любой головою — и пламя из глаз ее брызнет.]
 Глотки же всех этих страшных голов голоса испускали
- 830 Невыразимые, самые разные: то раздавался
 Голос, понятный бессмертным богам, а за этим как будто
 Яростный бык многомогущий ревел оглушительным ревом;
 То вдруг рыканье льва доносилось, бесстрашного духом,
 То, к удивлению, стая собак заливалась лаем,
 Или же свист вырывался, в горах отдаваясь эхом.
 И совершилось бы в этот же день невозвратное дело,
 Стал бы владыкою он над людьми и богами Олимпа,
 Если б остро не удумал отец и бессмертных и смертных.
 Загрохотал он могуче и глухо, повсюду ответно
- 840 Страшно земля зазвучала, и небо широкое сверху,
 И Океана теченья, и море, и Тартар подземный.
 Тяжко великий Олимп под ногами бессмертными вздрогнул,
 Только лишь с места Кронид поднялся. И земля застонала.
 Жаром сплошным отовсюду и молния с громом, и пламя
- 845 Чудища злого обьяли фиалково-темное море.
- 847 Все вокруг бойцов закипело — и почва, и море, и небо.

С ревом огромные волны от яростной схватки бессмертных
 Бились вокруг берегов, и тряслась земля непрерывно.
 850 В страхе Аид задрожал, повелитель ушедших из жизни,
 Затрепетали Титаны под Тартаром около Крона
 От непрерывного шума и страшного грохота битвы.
 Зевс же владыка, свой гнев распалив, за оружие схватился —
 За грозовые перуны свои, за молнию с громом.
 На ноги быстро вскочивши, ударил он громом с Олимпа,
 Страшные головы сразу спалил у чудовища злого.
 И укротил его Зевс, полосуюя ударами молний.
 Тот ослабел и упал. Застонала Земля-великанша.
 После того как низвергнул перуном его Громовержец,
 860 Пламя владыки того из лесистых забило расселин
 Этны, скалистой горы. Загорелась Земля-великанша
 От несказанной жары и, как олово, плавиться стала —
 В тигле широком — умело нагретое юношей ловким.
 Так же совсем и железо — крепчайшее между металлов, —
 В горных долинах лесистых огнем укрощенное жарким,
 Плавится в почве священной под ловкой рукою Гефеста.
 Так-то вот плавиться стала Земля от ужасного жара.
 Пасмурно в Тартар широкий Кронид Тифоея забросил.
 Влагу несущие ветры пошли от того Тифоея,
 870 Все, кроме Нота, Борея и белого ветра Зефира:
 Эти — из рода богов и для смертных великая польза,
 Ветры же прочие все — пустовей, и без толку дуют.
 Сверху они упадают на мгlisto-туманное море,
 Вихрями злыми крутятся, на великую пагубу людям;
 Дуют туда и сюда, корабли во все стороны гонят
 И мореходчиков губят. И нет от несчастья защиты
 Людям, которых те ветры ужасные в море застигнут.
 Дуют другие из них на цветущей земле беспредельной
 И разоряют прелестные нивы людей земнородных,
 880 Пылью обильною их заполняя и тяжким смятеньем.

 После того как окончили труд свой блаженные боги
 И в состязанье за власть и почет одолели Титанов,
 Громогремящему Зевсу, совету Земли повинуюсь,
 Стать предложили они над богами царем и владыкой.
 Он же уделы им роздал, какой для кого полагался.

 Сделалась первой Зевса супругой Метида-Премудрость;
 Больше всего она знает меж всеми людьми и богами.
 Но лишь пора ей пришла синеокою деву-Афину
 На свет родить, как хитро и искусно ей ум затуманил
 890 Льстивою речью Кронид и себе ее в чрево отправил,
 Следуя хитрым Земли уговорам и Неба-Урана.
 Так они сделать его научили, чтоб между бессмертных
 Царская власть не досталась другому кому вместо Зевса.
 Ибо премудрых детей предназначено было родить ей —

- Деву-Афины сперва, синеокою Тритогенею,
 Равную силой и мудрым советом отцу Громовержцу;
 После ж Афины еще предстояло родить ей и сына —
 С сердцем сверхмощным, владыку богов и мужей земнородных.
 Раньше, однако, себе ее в чрево Кронион отправил,
 900 Дабы ему сообщала она, что зло и что благо.
 Зевс же второю Фемиду блестящую взял себе в жены.
 И родила она Ор — Евномию, Дику, Ирену
 (Пышные нивы людей земнородных они охраняют),
 Также и Мойр, наиболее почтенных всемудрым Кронидом.
 Трое всего их: Клофо и Лахесис с Атропос. Смертным
 Людям они посылают и доброе все и плохое.
 Трех ему розовощеких Харит родила Евринома,
 Славная дочь Океана с прелестным лицом. Имена их:
 Первой — Аглая, второй — Евфросина и третьей — Фалия.
 910 Взглянут — и сладко-истомная страсть из-под век их прелестных
 Льется на всех, и блестят под бровями прекрасные очи.
 После того он на ложе взошел к многокормной Деметре,
 И Персефоной его белолокотной та подарила:
 Деву похитил Аид у нее с дозволения Зевса.
 Тотчас затем с Мнемосиной сошелся он пышноволоосой.
 Муз родила ему та, в золотых диадемах ходящих,
 Девять счетов. Пирь они любят и радости песни.
 С Зевсом эгидодержавным в любви и Лето сочеталась.
 Феба она родила с Артемидою стрелолюбивой;
 920 Всех эти двое прелестней меж славных потомков Урана.
 Самой последнею Геру он сделал своею супругой.
 Гебой, Ареем его и Илифией та подарила,
 Совекупившись в любви с владыкой бессмертных и смертных,
 Сам он родил из главы синеокою Тритогенею,
 Неодолимую, страшную, в битвы ведущую рати,
 Чести достойную, — мила ей войны и грохот сражений.
 В гневе великом на это поссорилась Гера с супругом
 И, не познавши любовных объятий, родила Гефеста.
 Между потомков Урана в художествах всех он искусней.
 930 От Амфитриты и тяжкогремящего Энносигея
 Широкомощный, великий Тритон родился, что владеет
 Глубью морской. Близ отца он владыки и матери милой
 В доме живет золотом — ужаснейший бог. Киферея
 Щитодробителю Аресу Страх родила и Смятенье,
 Ужас вносящих в густые фаланги мужей-ратоборцев
 В битвах кровавых, совместно с Ареем, рушителем градов.
 Дочь родила она также Гармонию, Кадма супругу.
 Майя, Атлантова дочь, взошла на священное ложе
 К Зевсу и вестником вечных богов разрешилась, Гермесом.
 940 Кадмова дочь, Семела, в любви сочетавшись с Кронидом,

Сына ему родила Диониса, несущего радость,
Смертная — бога. Теперь они оба бессмертные боги.

Мощную силу Геракла на свет породила Алкмена,
В жаркой любви сочетавшись с Кронидом, собирающим тучи.
Сделал Аглаю Гефест, знаменитый хромец обоногий,
Младшую между Харит, своею супругой цветущей.

А Дионис златовласый Миносову дочь Ариадну
Русоволосую сделал своею супругой цветущей.
Зевс для него даровал ей бессмертье и вечную юность.

950 Сын необорно-могучий Алкмены прекраснородыжной,
Сила Геракла, приведши к концу многостонные битвы,
Сделал супругой почтенной своею на снежном Олимпе
Златообутою Герой от Зевса рожденную Гебу.
Дело великое между богов совершил он, блаженный,
Ныне ж, бесстаростным ставши навеки, живет без страданий.

Кирку на свет родила Океанова дочь Персеида
Неутомимому Гелию, также Ээта-владыку.

Царь же Ээт, лучезарного Гелия сын знаменитый,
Взял себе в жены Идию, прекрасноранитную деву,
960 Дочь Океана, реки совершенной, богам повинувась.
Та же его подарила Медеей прекраснородыжной,
Силою чар Афродиты любви его страстной отдавшись.

Всем вам великая слава, живущие в домах Олимпа,
Материкам, островам и соленому морю меж ними.

Ныне ж воспойте мне племя богинь, олимпийские Музы,
Сладкоречивые дочери эгидодержавного Зевса, —
Тех, что, с мужчинами смертными ложе свое разделивши, —
Сами бессмертные, — на свет родили детей богоравных.

Плутос-богатство рожден был Деметрой, великой богиней.
970 С Иасионом-героем в любви сопряглась она страстной
В критской богатой округе на три раза вспаханной нови.
Бродит он, благостный бог, по земле и широкому морю,
Всюду. И кто его встретит, кому попадетсся он в руки,
Тот богатеет и много добра наживать начинает.

Кадму Гармония, дочь золотой Афродиты, родила
В Фивах, стеною прекрасновенчаных, Ино и Семелу,
Также Агаву с прелестным и милым лицом, Полидора
И Автоною (супругом ей был Аристей длинновласый).

980 Силой Кипридных чар Океанова дочь Каллироя
Соединилась в любви с крепкодушным Хрисаором мощным
И родила Гериона ему — между смертными всеми
Самого мощного. Сила Геракла его умертвила
Из-за коров тяжконогих в омытой водой Эрифее.

Эос-Заря от Тифона родила царя эфиопов
Мемнона меднооружного с Эмафионом-владыкой.
После того от Кефала она родила Фазтона,

Светлого, мощного сына, бессмертным подобного мужа.
 Был он с земли унесен Афродитой улыбкалюбивой
 В то еще время, как был беззаботно-веселым ребенком,
 990 В нежном цветении детства прекрасного. Храмы святые
 Он по ночам охраняет, божественным демоном ставши.
 Деву, дочь Ээта-владыки, вскормленного Зевсом,
 Внявши совету бессмертных богов, у Ээта похитил
 Сын благородный Эсона, труды многостонные кончив;
 Много ему поручил совершить их владыка сверхмощный,
 Мыслей и дел нечестивых исполненный, Пелий надменный.
 Их совершивши и бед претерпевши немало, к Иолку
 Прибыл на резвом своем корабле Эсонид с быстроглазой
 Девой и сделал цветущей своею супругой ту деву.
 1000 И сочетался с ней пастырь народов Ясон. И родила
 Сына Медея она. В горах Филиридом Хироном
 Был он вскормлен. И свершилось решение великого Зевса.
 Из дочерей же Нерее, великого старца морского,
 Сына Фока на свет породила богиня Псамафа,
 Чрез золотую Киприду в любви сочетавшись с Эаком.
 Со среброногой богиней Фетидой Пелей сочетался,
 И родился Ахиллес, львинодушный рядов прорыватель.
 Славный Эней был рожден Кифереей прекрасновенчанной.
 В страстной любви сопряглася богиня с Анхисом-героем
 1010 На многолесных вершинах богатой оврагами Иды.
 Кирка же, Гелия дочь, рожденного Гиперионом,
 Соединилась в любви с Одиссеем, и был ею на свет
 Агрий рожден от него и могучий Латин безупречный.
 [И Телегона она родила чрез Киприду златую.]
 Оба они на далеких святых островах обитают
 И над тирренцами, славой венчанными, властвуют всеми.
 В жаркой любви с Одиссеем еще Калипсо сочеталась,
 И Навсифоя — богиня богинь — родила с Навсиноем.
 Эти, с мужчинами смертными ложе свое разделивши, —
 1020 Сами бессмертные, на свет родили детей богоравных.
 Ныне же племя воспойте мне жен, олимпийские Музы,
 Сладкоречивые дщери эгидодержавного Зевса...

ГЕСИОД ТРУДЫ И ДНИ

Вас, пиерийские Музы, дающие песнями славу,
 Я призываю, — воспойте родителя вашего Зевса!
 Слава ль кого посетит, неизвестность ли, честь иль бесчестье —
 Все происходит по воле великого Зевса-владыки.
 Силу бессильному дать и в ничтожество сильного ввергнуть,
 Счастье отнять у счастливица, безвестного вдруг возвеличить,

Выпрямить сгорбленный стан или спину надменному сторбить —
Очень легко громовержцу Кронида, живущему в вышних.
Глазом и ухом внимай мне, во всем соблюдай справедливость,
10 Я же, о Перс, говорить тебе чистую правду желаю.

Знай же, что две существуют различных Эриды на свете,
А не одна лишь всего. С одобреньем отнесся б разумный
К первой. Другая достойна упреков. И духом различны:
Эта — свирепые войны и злую вражду вызывает,
Грозная. Люди не любят ее. Лишь по воле бессмертных
Чтут они против желанья тяжелую эту Эриду.
Первая раньше второй рождена многосумрачной Ночью;
Между корнями земли поместил ее кормчий всевышний,
Зевс, в эфире живущий, и более сделал полезной:
20 Эта способна понудить к труду и ленивого даже;
Видит ленивец, что рядом другой близ него богатеет,
Станет и сам торопиться с посадками, с севом, с устройством
Дома. Сосед соревнует соседу, который к богатству
Сердцем стремится. Вот эта Эрида для смертных полезна.
Зависть питает гончар к гончару и к плотнику плотник;
Нищему нищий, певцу же певец соревнуют усердно.

Перс! Глубоко себе в душу вложи, что тебе говорю я:
Не поддавайся Эриде злорадной, душою от дела
Не отвращайся, беги словопрений судебных и тяжб.
30 Некогда времени тратить на всякие тяжбы и речи
Тем, у кого невелики в дому годовые запасы
Вызревших зерен Деметры, землей посылаемых людям.
Пусть, кто этим богат, затевает раздоры и тяжбы
Из-за чужого достатка. Тебе же совсем не пристало б
Сызнова так поступать; но давай-ка рассудим сейчас же
Спор наш с тобою по правде, чтоб было приятно Кронида.
Мы уж участок с тобой поделили, но много другого,
Силой забравши, унес ты и славил царей-дароядцев,
Спор наш с тобою вполне, как желалось тебе, рассудивших.
40 Дурни не знают, что больше бывает, чем все, половина,
Что на великую пользу идут асфодели и мальва.

Скрыли великие боги от смертных источники пищи:
Иначе каждый легко бы в течение дня наработал
Столько, что целый бы год, не трудясь, имел пропитанье.
Тотчас в дыму очага он повесил бы руль корабельный,
Стала б ненужной работа волов и выносливых мулов.
Но далеко Громовержец источники пищи запрятал,
В гневе на то, что его обманул Прометей хитроумный.
Этого ради жестокой заботой людей поразил он:
50 Спрятал огонь. Но опять благороднейший сын Иапета
Выкрал его для людей у всемоудрого Зевса-Кронида,

- В нарфлекс порожний запрятав от Зевса, метателя молний.
В гневе к нему обратился Кронид, облаков собиратель:
«Сын Иапета, меж всеми искуснейший в замыслах хитрых!
Рад ты, что выкрал огонь и мой разум обманом опутал
На величайшее горе себе и людским поколениям!
Им за огонь ниспошлю я беду. И душой веселиться
Станут они на нее и возлюбят, что гибель несет им».
- Так говоря, засмеялся родитель бессмертных и смертных.
- 60 Славному отдал приказ он Гефесту как можно скорее
Землю с водою смешать, человеческий голос и силу
Внутрь заложить и обличье прелестное девы прекрасной,
Схожее с вечной богиней, придать изваянью. Афине
Он приказал обучить ее ткать превосходные ткани,
А золотой Афродите — обвеять ей голову дивной
Прелестью, мучащей страстью, грызущую члены заботой.
Аргоубийце ж Гермесу, вожатаю, разум собачий
Внутрь ей вложить приказал и двуличную, лживую душу.
- Так он сказал. И Кронида-владыки послушались боги.
- 70 Зевсов приказ исполняя, подобие девы стыдливой
Тотчас слепил из земли знаменитый Хромец обоногий.
Пояс надела, оправив одежды, богиня Афина.
Девы-Хариты с царицей Пейфо золотым ожерельем
Нежную шею обвили. Прекрасноволосые Оры
Пышные кудри цветами весенними ей увенчали.
Все украшенья на теле оправила дева Афина.
Аргоубийца ж, вожатай, вложил после этого в грудь ей
Льстивые речи, обманы и лживую, хитрую душу.
- 80 Женщину эту глашатай бессмертных Пандорою назвал,
Ибо из вечных богов, населяющих дома Олимпа,
Каждый свой дар приложил, хлебоядным мужам на погибель.
- Хитрый, губительный замысел тот приводя в исполнение,
Славному Аргоубийце, бессмертных гонцу, свой подарок
К Эпиметею родитель велел отвести. И не вспомнил
Эпиметей, как ему Прометей говорил, чтобы дара
От олимпийского Зевса не брать никогда, но обратно
Тотчас его отправлять, чтобы людям беды не случилось.
Принял он дар и тогда лишь, как зло получил, догадался.
- 90 В прежнее время людей племена на земле обитали,
Горестей тяжких не зная, не зная ни трудной работы,
Ни вредоносных болезней, погибель несущих для смертных.
- 94 Снявши великую крышку с сосуда, их все распустила
Женщина эта и беды лихие наслала на смертных.
Только Надежда одна в середине за краем сосуда
В крепком осталась своем обиталище — вместе с другими
Не улетела наружу: успела захлопнуть Пандора
Крышку сосуда по воле эгидодержавного Зевса.
- 100 Тысячи ж бед улетевших меж нами блуждают повсюду,
Ибо исполнена ими земля, исполнено море.

К людям болезни, которые днем, а которые ночью,
Горе неся и страдания, по собственной воле приходят
В полном молчании: не дал им голоса Зевс-промыслитель.
Замыслов Зевса, как видишь, избежать никак невозможно.

Если желаешь, тебе расскажу хорошо и разумно
Повесть другую теперь. И запомни ее хорошенько.

109 Создали прежде всего поколение людей золотое
110 Вечноживущие боги, владельцы жилищ олимпийских,
Был еще Крон-повелитель в то время владыкою неба.
Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны
Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили.
А умирали, как будто объятые сном. Недостаток
Был им ни в чем не известен. Большой урожай и обильный
Сами давали собой хлебодарные земли. Они же,
Сколько хотелось, трудились, спокойно собирая богатства.
120 [Стад обладатели многих, любезные сердцу блаженных.]
После того как земля поколение это покрыла,
В благодетных демонов все превратились они наземельных
Волей великого Зевса: людей на земле охраняют,
[Зорко на правые наши дела и неправые смотрят.
Тьмою туманной одевшись, обходят всю землю, давая]
Людям богатство. Такая им царская почесть досталась.

После того поколение другое, уж много похуже,
Из серебра сотворили великие боги Олимпа.
Было не схоже оно с золотым ни обличьем, ни мыслью.
130 Сотню годов возрастал человек неразумным ребенком,
Дома близ матери доброй забавами детскими тешась.
А наконец, возмужавши и зрелости полной достигнув,
Жили лишь малое время, на беды себя обрекая
Собственной глупостью: ибо от гордости дикой не в силах
Были они воздержаться, бессмертным служить не желали,
Не приносили и жертв на святых алтарях олимпийцам,
Как по обычаю людям положено. Их под землею
Зевс-громовержец сокрыл, негодуя, что почестей люди
Не воздавали блаженным богам, на Олимпе живущим.
140 После того как земля поколение и это покрыла,
Дали им люди название подземных смертных блаженных,
Хоть и на месте втором, но в почете у смертных и эти.

Третье родителю Крониду поколение людей говорящих
Медное создал, ни в чем с поколением не схожее с прежним.
С копьями. Были те люди могучи и страшны. Любили
Грозное дело Ареса, насильщину. Хлеба не ели.
Крепче железа был дух их могучий. Никто приближаться
К ним не решался: великою силой они обладали,
И необорные руки росли на плечах многомошных.

- 150 Были из меди доспехи у них и из меди жилища,
 Медью работы свершали: никто о железе не ведал.
 Сила ужасная собственных рук принесла им погибель.
 Все низошли безыменно; и, как ни страшны они были,
 155 Черная смерть их взяла и лишила сияния солнца.
- После того как земля поколение и это покрыла,
 Снова еще поколение, четвертое, создал Кронион
 На многодарной земле, справедливее прежних и лучше –
 Славных героев божественный род. Называют их люди
 160 Полубогами: они на земле обитали пред нами.
 Грозная их погубила война и ужасная битва.
 В Кадмовой области славной одни свою жизнь положили,
 Из-за Эдиповых стад подвизаясь у Фив семивратных;
 В Трое другие погибли, на черных судах переплывши
 Ради прекрасноволосой Елены чрез бездны морские.
 Многих в кровавых боях исполнение смерти покрыло;
 Прочих к границам земли перенес громовержец Кронион,
 Дав пропитание им и жилища отдельно от смертных.
 170 Сердцем ни дум, ни заботы не зная, они безмятежно
 Близ океанских пучин острова населяют блаженных.
 Трижды в году хлебодарная почва героям счастливым
 Сладостью равные меду плоды в изобилие приносит.
- Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
 Раньше его умереть я хотел бы иль позже родиться.
 Землю теперь населяют железные люди. Не будет
 Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя,
 И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им.
 [Все же ко всем этим бедам примешаны будут и блага.
 180 Зевс поколение людей говорящих погубит и это
 После того, как на свет они станут рождаться седьми.]
 Дети – с отцами, с детьми – их отцы сговориться не смогут.
 Чуждыми станут товарищ товарищу, гостю – хозяин.
 Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то.
 Старых родителей скоро совсем почитать перестанут;
 Будут их яро и зло поносить нечестивые дети
 Тяжкою бранью, не зная возмездья богов; не захочет
 Больше никто доставлять пропитанья родителям старым.
 Правду заменит кулак. Города подпадут разграблению.
 190 И не возбудит ни в ком уваженья ни клятвохранитель,
 Ни справедливый, ни добрый. Скорей наглецу и злодею
 Станет почет воздаваться. Где сила, там будет и право.
 Стыд пропадет. Человеку хорошему люди худые
 Лживыми станут вредить показаньями, ложно клянясь.
 Следом за каждым из смертных несчастных пойдет неотвязно
 Зависть злорадная и злоязычная, с ликом ужасным.
 Скорбно с широкодорожной земли на Олимп многоглавый,
 Крепко плащом белоснежным закутав прекрасное тело,
 К вечным богам вознесутся тогда, отлетевши от смертных,

200 Совесть и Стыд. Лишь одни жесточайшие, тяжкие беды
Людям останутся в жизни. От зла избавленья не будет.

Басню теперь расскажу я царям, как они ни разумны.
Вот что однажды сказал соловью пестрогласному ястреб,
Когти вонзивши в него и неся его в тучах высоких.
Жалко пищал соловей, пронзенный кривыми когтями,
Тот же властительно с речью такою к нему обратился:
«Что ты, несчастный, пищишь? Ведь намного тебя я сильнее!
Как ты ни пой, а тебя унесу я куда мне угодно,
И пообедать могу я тобой, и пустить на свободу.
210 Разума тот не имеет, кто мериться хочет с сильнейшим:
Не победит он его — к униженью лишь горе прибавит!»
Вот что стремительный ястреб сказал, длиннокрылая птица.

Слушайся голоса правды, о Перс, и гордости бойся!
Гибельна гордость для малых людей. Да и тем, кто повыше,
С нею прожить нелегко; тяжело она ляжет на плечи,
Только лишь горе случится. Другая дорога надежней:
Праведен будь! Под конец посрамит гордеца непременно
Праведный. Поздно, уже пострадав, узнаёт это глупый.
Ибо тотчас за неправым решением Орк поспешает.
220 Правды же путь неизменен, куда бы ее ни старались
Неправосудьем своим своротить дароядные люди.
С плачем вослед им обходит она города и жилища,
Мраком туманным одевшись, и беды на тех посылает,
Кто ее гонит и суд над людьми сотворяет неправый.

Там же, где суд справедливый находят и житель туземный,
И чужестранец, где правды никто никогда не преступит,
Там государство цветет, и в нем процветают народы;
Мир, воспитанью способствуя юношей, царствует в крае;
Войн им свирепых не шлет никогда Громовержец-владыка,
230 И никогда правосудных людей ни несчастье, ни голод
Не посещают. В пирах потребляют они, что добудут:
Пищу обильную почва приносит им; горные дубы
Желуди с веток дают и пчелиные соты из дупел.
Еле их овцы бредут, отягченные шерстью густою,
Жены детей им рожают, наружностью схожих с отцами.
Всякие блага у них в изобилие. И в море пускаться
Нужды им нет: получают плоды они с нив хлебодарных.

Кто же в надменности злой и в делах нечестивых коснеет,
Тем воздает по заслугам владыка Кронид дальнзоркий.
240 Целому городу часто в ответе бывать приходилось
За человека, который грешит и творит беззаконье.
Беды великие сводит им с неба владыка Кронион:
Голод совместно с чумой. Исчезают со света народы.

Женщины больше детей не рожают, и гибнут дома их
Предначертаньем владыки богов, олимпийского Зевса.
Или же губит у них он обильное войско, иль рушит
Стены у города, либо им в море суда потопляет.

Сами, цари, поразмыслите вы о возмездии этом.
Близко, повсюду меж нас, пребывают бессмертные боги
250 И наблюдают за теми людьми, кто своим кривосудьем,
Кару презревши богов, разоренье друг другу приносит.
Посланы Зевсом на землю-кормилицу три мириады
Стражей бессмертных. Людей земнородных они охраняют,
Правых и злых человеческих дел соглядатаи, бродят
По миру всюду они, облеченные мглой туманной.
Есть еще дева великая Дике, рожденная Зевсом,
Славная, чтимая всеми богами, жильцами Олимпа.
Если неправым деяньем ее оскорбят и обидят,
Подле родителя-Зевса немедля садится богиня
260 И о неправде людской сообщает ему. И страдает
Целый народ за нечестье царей, злоумышленно правду
Неправосудьем своим от прямого пути отклонивших.
И берегитесь, цари-дароядцы, чтоб так не случилось!
Правду блюдите в решениях и думать забудьте о кривде.
Зло на себя замышляет, кто зло на другого замыслил.
Злее всего от дурного совета советчик страдает.
Зевсово око все видит и всякую вещь примечает;
Хочет владыка, глядит, — и от взоров не скроется зорких,
Как правосудье блюдется внутри государства любого.
270 Нынче ж и сам справедливым я быть меж людей не желал бы,
Да приказал бы и сыну; ну, как же тут быть справедливым,
Если чем кто неправее, тем легче управу находит?
Верю, однако, что Зевс не всегда же терпеть это будет.

Перс! Хорошенько запомни душою внимательной вот что:
Слушайся голоса правды и думать забудь о насилье.
Ибо такой для людей установлен закон Громовержцем:
Звери, крылатые птицы и рыбы, пощады не зная,
Пусть поедают друг друга: сердца их не ведают правды.
Людям же правду Кронид даровал — высочайшее благо.
280 Если кто, истину зная, правдиво дает показанья,
Счастье тому посылает Кронион широкоглядающий.
Кто ж в показаньях с намереньем лжет и неправо клянется,
Тот, справедливость разя, самого себя ранит жестоко.
Жалким, ничтожным у мужа такого бывает потомство;
А доброклятвенный муж и потомков оставит хороших.
С доброю целью тебе говорю я, о Перс безрассудный!
Зла натворить сколько хочешь — весьма немудреное дело.
Путь не тяжелый ко злу, обитает оно недалеко.
Но добродетель от нас отделили бессмертные боги

290 Тягостным потом: крута, высока и длинна к ней дорога,
И трудновата вначале. Но если достигнешь вершины,
Легкой и ровною станет дорога, тяжелая прежде.

Тот — наилучший меж всеми, кто всякое дело способен
Сам обсудить и заране предвидит, что выйдет из дела.
Чести достоин и тот, кто хорошим советам внимает.
Кто же не смыслит и сам ничего и чужого совета
К сердцу не хочет принять, — совсем человек бесполезный.
Помни всегда о завете моем и усердно работай,
Перс, о потомок богов, чтобы голод тебя ненавидел,
300 Чтобы Деметра в прекрасном венке неизменно любила
И наполняла амбары тебе всевозможным припасом.
Голод, тебе говорю я, всегдашний товарищ ленивца.
Боги и люди по праву на тех негодуют, кто праздно
Жизнь проживает, подобно безжальному трутню, который,
Сам не трудясь, работой питается пчел хлопотливых.
Так полюби же дела свои вовремя делать и с рвением —
Будут ломиться тогда у тебя от запасов амбары.
Труд человеку стада добывает и всякий достаток,
Если трудиться ты любишь, то будешь гораздо милее
310 Вечным богам, как и людям: бездельники всякому мерзки.
Нет никакого позора в работе: позорно безделье,
Если ты трудишься, скоро богатым, на зависть ленивцам,
Станешь. А вслед за богатством идут добродетель с почетом.
Хочешь бывалое счастье вернуть, так уж лучше работай,
Сердцем к чужому добру перестань безрассудно тянуться
И, как советую я, о своем пропитанье подумай.
Стыд нехороший повсюду сопутствует бедному мужу,
Стыд, от которого людям так много вреда, но и пользы.
Стыд — удел бедняка, а взоры богатого смелы.
320 Лучше добром богоданным владеть, чем захваченным силой.
Если богатство великое кто иль насильем добудет,
Или разбойным своим языком — как бывает нередко
С теми людьми, у которых стремлением жадным к корысти
Ум отуманен и вытеснен стыд из сердца бесстыдством, —
Боги легко человека такого унижат, разрушат
Дом, — и лишь краткое время он тешиться будет богатством.
То же случится и с тем, кто обидит просящих защиты
Иль чужестранцев, кто к брату на ложе взойдет, чтобы тайно
Совокупиться с женою его, — что весьма непристойно!
330 Кто легкомысленно против сирот погрешит малолетних,
Кто нехорошею бранью отца своего обругает,
Старца, на грустном пороге стоящего старости тяжелой.
Истинно, вызовет гнев самого он Кронида, и кара
Тяжкая рано иль поздно постигнет его за нечестье!
Этого ты избегай безрассудной своею душою.
Жертвы бессмертным богам приноси сообразно достатку,

Свято и чисто, сжигай перед ними блестящие бедра.
Кроме того, возлиянья богам совершай и куренья,
Спать ли идешь, появление ль священного света встречаешь,
340 Чтобы к тебе относились они с благосклонной душою,
Чтоб покупал ты участки других, а не твой бы — другие.

Друга зови на пирушку, врага обходи приглашеньем.
Тех, кто с тобою живет по соседству, зови непременно:
Если несчастье случится, — когда еще пояс подвывает
Свойственник твой! А сосед и без пояса явится тотчас.
Истая язва — сосед нехороший; хороший — находка.
В жизни хороший сосед приятнее почестей всяких.
Если бы не был сосед твой дурен, то и бык не погиб бы.
Точно отмерив, бери у соседа займы: отдавая,
350 Меряй такую же мерой, а можешь, — так даже и больше,
Чтобы наверно и впредь получить, коль нужда приключится.
Выгод нечистых беги: нечистая выгода — гибель.
Тех, кто любит, — люби; если кто нападет, — защищайся.
Только дающим давай; ничего не давай недающим.
Всякий дающему даст, недающему всякий откажет.
Дать — хорошо; но насильно берущего смерть ожидает.
Тот, кто охотно дает, если даже дает он и много,
Чувствует радость, давая, и сердцем своим веселится.
Если же кто своевольно берет, повинуюсь бесстыдству, —
360 Пусть и немного он взял, — но печалит нам милое сердце.
Если и малое даже прикладывать к малому будешь,
Скоро большим оно станет; прикладывай только почаше.
Жгучего голода тот избежит, кто копить приучился.
Если что заперто дома, об этом заботы немного.
Дома полезнее быть, оставаться снаружи опасно.
Брать — хорошо из того, что имеешь. Но гибель для духа
Рваться к тому, чего нет. Хорошенько подумай об этом.
Пей себе вволю, когда начата иль кончается бочка,
Будь на середке умерен; у дна же смешна бережливость.
370 Другу всегда обеспечена будь договорная плата.
С братом и с тем, как бы в шутку, дела при свидетелях делай.
Как подозрительность, так и доверчивость гибель приносит.
Женщин беги вертихвосток, манящих речей их не слушай.
Ум тебе женщина вскружит и живо амбары очистит.
Верит поистине вору ночному, кто женщине верит!
Единородным да будет твой сын. Тогда сохранится
В целости отческий дом и умножится всяким богатством.
Пусть он умрет стариком — и опять одного лишь оставит.
Впрочем, Крониду легко осчастливить богатством и многих:
380 Больше о многих заботы, однако и выгоды больше.

Если к богатству в груди твоей сердце стремится, то делай,
Как говорю я, свершая работу одну за другою.

Лишь на востоке начнут всходить Атлантиды-Плеяды,
 Жать поспешай; а начнут заходить — за посев принимайся.
 На сорок дней и ночей совершенно скрываются с неба
 Звезды-Плеяды, потом же становятся видными глазу
 Снова в то время, как люди железо точить начинают,
 Всюду таков на равнинах закон: и для тех, кто у моря
 Близко живет, и для тех, кто в ущелистых горных долинах,
 390 От многошумного моря седого вдали, населяет
 Тучные земли. Но сеешь ли ты, или жнешь, или пашешь —
 Гольм работой всегда! Только так приведешь к окончанию
 Вовремя всякое дело Деметры. И вовремя будет
 Все у тебя возрастать. Недостатка ни в чем не узнаешь
 И по чужим безуспешно домам побираться не будешь.
 Так ведь ко мне ты теперь и пришел. Но тебе ничего я
 Больше не дам, не отмерю: работай, о Перс безрассудный!
 Вечным законом бессмертных положено людям работать.
 Иначе вместе с детьми и женою, в стыде и печали,
 400 По равнодушным соседям придется тебе побираться.
 Разика два или три подадут вам, но если наскучишь,
 То ничего не добьешься, напрасно лишь речи потратишь.
 Пастбище слов твоих будет без пользы. Подумай-ка лучше,
 Как расплатиться с долгами и с голодом больше на знаться.

В первую очередь — дом и вол работающий для пашни,
 Женщина, чтобы волов подгонять: не жена — покупная!
 Все же орудия в доме да будут в исправности полной,
 Чтоб не просить у другого; откажет он, — как обернешься?
 Нужное время уйдет, и получится в деле заминка.
 410 И не откладывай дела до завтра, до послезавтра:
 Пусты амбары у тех, кто работать ленится и вечно
 Дело откладывать любит: богатство дается стараньем.
 Мешкотный борется с бедами всю свою жизнь непрерывно.

В позднюю осень, когда ослабляет палящее солнце
 Жгучий свой зной потогонный, и льется на землю дождями
 Зевс многомошный, и снова становится тело людское
 Быстрым и легким, — недолго тогда при сиянии солнца
 Над головами рожденных для смерти людей совершает
 Сириус путь свой, но больше является на небе ночью.
 420 Леса, который теперь ты подрубишь, червяк не источит.
 Сыплются листья с деревьев, побеги свой рост прекращают.
 Самое время готовить из дерева нужные вещи.
 Срезывай ступку длиной в три стопы, а пестик — в три локтя;
 Ось — длиной в семь стоп, всего это будет удобней;
 Если ж и в восемь, то выйдет еще из куска колотушка.
 Режь косяки по три пяди к колесам в десять ладоней.
 Режь и побольше суков искривленных из падуба; всюду
 В поле ищи и в горах и, нашедши, домой относим их:

Нет превосходнее скрепы для плуга, чем скрепа такая,
 430 Если рабочий Афины, к рассохе кривую ту скрепу
 Прочно приладив, гвоздями прибьет ее к плужному дышлу.
 Два снаряди себе плуга, чтоб были всегда под рукою, —
 Цельный один, а другой составной; так удобнее будет:
 Если сломаешь один, остается другой наготове.
 Дышло из вяза иль лавра готовь, — не точат их черви;
 Скрепу из падуба делай, рассоху — из дуба. Быков же
 Девятилетних себе покупай ты, вполне возмужалых:
 Сила таких немала, и всего они лучше в работе.
 Драться друг с другом не станут они в борозде, не сломают
 440 Плуга тебе, и в работе твоей перерыва не будет.
 Сорокалетний за ними да следует крепкий работник,
 Съевший к обеду четыре куса восьмидольного хлеба,
 Чтобы работал усердно и борозду гнал бы прямую,
 Вбок на приятелей глаз не косил бы, но душу в работу
 Вкладывал. Лучше его никогда молодой не сумеет
 Поля засеять, чтоб не было нужды в посеве вторичном.
 Кто помоложе, тот больше на сверстников в сторону смотрит.
 Строго следи, чтобы вовремя крик журавлиный слышать,
 Из облаков с поднебесных высот ежегодно звучащий;
 450 Знак он для сева дает, провозвестником служит дождливой
 Зимней погоды и сердце кусает мужам безволовным.
 Слово корми у себя в это время волов криворогих.
 Слово нетрудно сказать: «Одолжи мне волов и телегу!»
 Но и нетрудно отказом ответить: «Волы, брат, в работе!»
 Самонадеянно скажет иной: «Сколочу-ка телегу!»
 Но ведь в телеге-то сотня частей! Иль не знает он, дурень?
 Их бы вот загодя он на дому у себя заготовил!

Только что время для смертных придет приниматься
 за вспашку,

Ревностно все за работу берись — батраки и хозяин.
 460 Влажная ль почва, сухая ль — паши, передышки не зная,
 С ранней вставая зарею, чтоб пыльная выросла нива.
 Вспашешь весною, а летом вдвоишь — и обманут не будешь.
 Передвоив, засевай, пока еще борозды рыхлы.
 Пар вдвоенный детей от беды защитит и утешит.
 Жарко подземному Зевсу молись и Деметре пречистой,
 Чтоб полновесными вышли священные зерна Деметры.
 В самом начале посева молись им, как только, за ручку
 Плужную взявшись рукой, острием батога прикоснешься
 К спинам волов, на ярмо налегающих. Сзади с мотыгой
 470 Мальчик-невольник пускай затруднение птицам готовит,
 Семя землей засыпая. Для смертных порядок и точность
 В жизни полезней всего, а вреднее всего беспорядок.
 Склонятся так до земли наливные колосья на ниве, —
 Только бы добрый конец пожелал даровать Олимпиец!

От паутины очисти сосуды. И будешь, надеюсь,
 Всею душой веселиться, припасы из них доставая.
 В полном достатке до светлой весны доживешь, и не будет
 Дела тебе до соседей, — в тебе они будут нуждаться.
 Если священную почву засеешь при солновороте,
 480 Жать тебе сидя придется, помалу горстями хватая;
 Пылью покрытый, не очень-то радуясь, свяжешь колосья
 И понесешь их в корзине; никто на тебя и не взглянет.
 Впрочем, изменчивы мысли у Зевса-эгидодержавца,
 Людям, для смерти рожденным, в решенья его не проникнуть.
 Если посеешь поздно, то вот что помочь тебе может:
 В пору, когда куковать начинает кукушка в дубовой
 Темной листве, услаждая людей на земле беспредельной,
 К третьему дню пусть Кронид задождит и струится, доколе
 В уровень станет с воловым копытом, — не выше, не ниже.
 490 Так и посеявший поздно сравняется с сеявшим рано.
 Все это в сердце своем сбереги и следи хорошенько
 За наступающей светлой весной, за дождливыми днями.

Не заходи ни в корчму, разогретую жарко, ни в кузню
 Зимней порою, когда человеку работать мешает
 Холод: прилежный работу найдет и теперь себе дома.
 Бойся, чтоб бедность жестокой зимою тебя не настигла:
 Будешь ты тискать рукой исхудалой опухшие ноги.
 Часто лентяй, исполнения надежды пустой ожидая,
 Впавши в нужду, на дела нехорошие сердцем склонялся.
 500 Трудно тому бедняку, кто в корчмах заседает, надеждой
 Тешится доброй, когда он и хлеба куска не имеет.
 Предупреждай домочадцев, когда еще лето в разгаре:
 «Помните, лето не вечно продлится, — готовьте запасы!»
 Месяц очень плохой — ленеон, для скотины тяжелый.
 Бойся его и жестоких морозов, которые почву
 Твердою кроют корой под дыханием ветра Борея:
 К нам он из Фракии дальней приходит, кормилицы коней,
 Море глубоко взрывает, шумит по лесам и равнинам.
 Много высоковетвистых дубов и раскидистых сосен
 510 Он, налетев безудержно, бросает на тучную землю
 В горных долинах. И стонет под ветром весь лес неисчетный.
 Дикие звери, хвосты между ног поджимая, трясутся —
 Даже такие, что мехом одеты. Пронзительный ветер
 Их продувает теперь, хоть и густокосматы их груди.
 Даже сквозь шкуру быка пробирается он без задержки,
 Коз длинношерстных насквозь продувает. И только не может
 Стад он овечьих продуть, потому что пушисты их руна, —
 Он, даже старцев бежать заставляющий силой своею.
 Не продувает он также и девушки с кожей нежной;
 520 Дома сидеть остается она подле матери милой,
 Чуждая мыслей пока о делах многозлатной Киприды;

Тщательно нежное тело омывши и смазавши жирно
 Масло, во внутренней комнате спать она мирно ложится
 В зимнюю пору, когда в своем доме холодном и темном
 Грустно *безкостый* ютится и сам себе ногу кусает;
 Солнце не светит ему и не кажет желанной добычи:
 Ходит оно далеко-далеко, над страной и народом
 Черных людей, и приходит к всеэллинам много позднее.
 Все обитатели леса, без рог ли они иль с рогами,
 530 Щелкая жалко зубами, скрываются в чащи лесные.
 Всем одинаково душу тревожит им та же забота:
 Как бы в лесистом ущелье каком иль скалистой пещере
 Скрыться от холода. Выглядят люди тогда, как *триногий*
 С горбленной круто спиной, с головою, к земле обращенной:
 Бродят, подобно ему, избегая блестящего снега.
 В эту бы пору советовал я, для укрытия тела,
 Мягкий плащ надевать и хитон, до земли доходящий,
 Вытканый густо уточною нитью по редкой основе,
 В них одевайся, чтоб волосы кожи твоей не дрожали
 540 И не стояли по телу торчмя, не ерошились зябко.
 На ноги — обувь из кожи быка, что не сдох, а зарезан;
 Впору тебе чтоб была и выслана войлоком мягким.
 Шкуры козлят первородных, лишь холод осенний наступит,
 Сшей сухожильем бычачьим и на спину их и на плечи,
 Если под дождь попадаешь, накидывай. Голову сверху
 Войлочной шляпой искусной покрой, чтобы уши не мокли.
 Холодны зори в то время, как наземь Борей упадает.
 Зорями с звездного неба на землю туман благодатный
 Сходит и нивам владельцев блаженных несет плодородье.
 550 С рек, непрерывно текущих, набравши воды изобильно
 И высоко от земли унесенный дыханием ветра,
 То он вечерним дождем проливается, то улетает,
 Если подует фракийский Борей, разгоняющий тучи.
 Раньше тумана работу кончай и домой отправляйся,
 Чтоб непроглядный туман тот, спустившись, тебя не окутал,
 Не промочил бы одежды и влажным не сделал бы тела.
 Этого ты избегай. Тяжелейший за целую зиму
 Названный месяц; тяжел для людей он, тяжел для скотины.
 Корму довольно волам половины теперь, человеку ж
 560 Больше давай: тут поможет сама долгота *благоклонной*.
 Строго за этим следи и до самого нового года
 Ночи выравнивай с днями, пока не родит тебе снова
 Общая мать-земля пищевых всевозможных припасов.
 Только лишь царственный Зевс шестьдесят после
 солноворота
 Зимних отмеряет дней, как выходит с вечерней зарею
 Из океанских священных течений Арктур светоносный
 И в продолжение ночи все время сверкает на небе.
 Следом за ним, с наступившей весною, является к людям

Ласточка-Пандионида с звенящею, громкою песнью;
570 Лозы подрезывать лучше всего до ее появления.

В пору, когда, от Плеяд убегая, с земли на растенья
Станет вползать *дамоносец*, не время окапывать лозы.
Нужно серпы наострять и рабочих будить спозаранку;
Долгого сна по утрам избегай и тенистых местечек
В жатву, когда иссыхает от солнца и морщится кожа.
Утром пораньше вставай и старайся домой поскорее
Весь урожай увезти, чтобы пищей себя обеспечить.
Добрую треть целодневной работы заря совершает.
Путь ускоряет заря, ускоряет и всякое дело.
580 Только забрезжит заря, — и выводит она на дорогу
Много людей и на многих волов ярмо налагает.

В пору, когда артишоки цветут и, на дереве сидя,
Быстро, размеренно льет из-под крыльев трескучих цикада
Звонкую песню свою средь томящего летнего зноя, —
Козы бывают жирнее всего, а вино всего лучше,
Жены всего похотливей, всего слабосильней мужчины:
Сириус сушит колени и головы им беспощадно,
Зноем тела опаляя. Теперь для себя отыщи ты
Место в тени под скалой и вином запасися библинским.
590 Сдобного хлеба к нему, молока от козы некормлящей,
Мяса кусок от телушки, вскормленной лесною травой,
Иль первородных козлят. И вино попивай беззаботно,
Сидя в прохладной тени и насытивши сердце едою,
Свежему ветру Зефиру навстречу лицо повернувши,
Глядя в прозрачный источник с бегущею вечно водою.
Часть лишь одну ты вина наливай, воды же три части.

Только начнет восходить Орионова сила, рабочим
Тотчас вели молотить священные зерна Деметры
На округленном и ровном току, не закрытом от ветра.
600 Тщательно вымерив, ссыпь их в сосуды. А после того как
Кончишь работу и дома припасы готовые сложишь,
Мой бы совет — батраком раздобудься бездомным да бабой,
Но чтоб была без ребят! С сосунком неудобна прислуга.
Псом заведись остроzubым, да с кормом ему не скупися, —
Спящего днем человека ты можешь тогда не бояться.
Сена к себе наноси и мякины, чтоб на год хватило
Мулам твоим и волам. И тогда пусть рабочие отдых
Милым коленям дадут и волов отпрягут подъяремных.

Вот высоко середь неба уж Сириус стал с Орионом,
610 Уж начинает Заря разоперстая видеть Арктура:
Режь, о Перс, и домой уноси виноградные гроздья.
Десять дней и ночей непрерывно держи их на солнце,

Дней на пяток после этого в тень положи, на шестой же
Лей уже в бочки дары Диониса, несущего радость.
После ж того как Плеяды, Гиалы и мощь Ориона
Станут на западе, — помни, что время посева настало.
Вот как дели полевые работы в течение года.

Если же по морю хочешь опасному плавать, то помни:
После того как ужасная мощь Ориона погонит
620 С неба Плеяд и падут они в мглисто-туманное море,
С яростной силою дуть начинают различные ветры.
На море темном не вздумай держать корабля в это время —
Не забывай о совете моем и работай на суше.
Черный корабль из воды извлеки, обложи отовсюду
Камнем его, чтобы ветра выдерживал влажную силу;
Выгаси втулку, иначе сгниет он от Зевсовых ливней;
После того отнесешь к себе в дом корабельные снасти,
Да поладнее свернешь корабля мореходного крылья;
Прочно сработанный руль корабельный повесишь над дымом
630 И дожидайся, пока не настанет для плаванья время.
В море тогда свой корабль быстроходный спускай и такую
Кладью его нагружай, чтоб домой с барышом воротиться,
Как это делал отец наш с тобою, о Перс безрассудный,
В поисках добрых доходов на легких судах разъезжая.
Некогда так и сюда вот на судне заехал он черном
Длинной дорогой морской, эолийскую Киму покинув.
Не от избытка, богатства иль счастья оттуда бежал он,
Но от жестокой нужды, посылаемой людям Кронидом.
Близ Геликона осел он в деревне нерадостной Аскре,
640 Тягостной летом, зимою плохой, никогда не приятной.
В памяти сроки держи и ко времени всякое дело
Делай, о Перс. В мореходстве особенно все это важно.
Малое судно хвали, но товары грузи на большое:
Больше положишь товару — и выгоды больше получишь;
Только бы ветры сдержали дурные свои дуновенья!
Если же в плаванье вздумаешь ты безрассудно пуститься,
Чтоб от долгов отвертеться и голода злого избегнуть,
То покажу я тебе многошумного моря законы,
Хоть ни в делах корабельных, ни в плаванье я неискусен.
650 В жизнь я свою никогда по широкому морю не плавал,
Раз лишь в Евбею один из Авлиды, где некогда зиму
Пережидали ахейцы, собирая в Элладе священной
Множество войск против славной прекрасными женами Трои.
На состязание в память разумного Амфидаманта
Ездил туда я в Халкиду; заране объявлено было
Призов немало сынами его большедушными. Там-то,
Гимном победу стяжав, получил я ушатый треножник.
Этот треножник в подарок я Музам принес Геликонским,
Где они звонкому пенью впервые меня обучили.

- 660 Вот лишь насколько я ведаю толк в кораблях многогвоздных,
 Все ж и при этом тебе сообщу я, что в мыслях у Зевса,
 Ибо обучен я Музами петь несравненные гимны.
 Вот пятьдесят уже минуло дней после солнноворота,
 И наступает конец многотрудному знойному лету.
 Самое здесь-то и время для плаванья: ни корабля ты
 Не разобьешь, ни людей не поглотит пучина морская,
 Разве нарочно кого Посейдон, сотрясающий землю,
 Или же царь небожителей Зевс погубить пожелают.
 Ибо в руке их кончина людей — и дурных и хороших.
- 670 Море тогда безопасно, а воздух прозрачен и ясен.
 Ветру доверив без страха теперь свой корабль быстроходный,
 В море спускай и товаром его нагружай всевозможным.
 Но воротиться обратно старайся как можно скорее:
 Не дожидаясь вина молодого и ливней осенних,
 И наступленья зимы, и дыханья ужасного Нота;
 Яро вздымает он волны и Зевсовым их поливает
 Частым осенним дождем и тягостным делает море.
 Плавают по морю люди нередко еще и весною.
 Только что первые листья на кончиках веток смоковниц
- 680 Станут равны по длине отпечатку вороньего следа,
 Станет тогда же и море для плаванья снова доступным.
 В это-то время весною и плавают. Но не хвалю я
 Плаванья этого; очень не по сердцу как-то оно мне:
 Краденым кажется. Трудно при нем от беды уберечься,
 Но в безрассудстве своем и на это пускаются люди:
 Ныне богатство для смертных самою душою их стало.
 Страшно в волнах умереть. Не забудь же моих увещаний,
 Все хорошенько обдумай в уме, что тебе говорю я.
 И на чреватое судно всего не грузи, что имеешь;
- 690 Большую часть придержи, нагрузи же лишь меньшую долю:
 Страшно несчастью подпасть на волнах многобурного моря.
 Страшно, когда на телегу чрезмерную тяжесть наложишь,
 И переломится ось под телегой, и груз твой погибнет.
 Мери во всем соблюдай и дела свои вовремя делай.

* * *

В дом свой супругу вводи, как в возраст придешь
 подходящий.

- До тридцати не спеши, но и за тридцать долго не медли:
 Лет тридцати ожениться — вот самое лучшее время.
 Года четыре пусть зреет невеста, женись на пятом.
 Девушку в жены бери — ей легче внушить благонравье.
- 700 Взять постарайся из тех, кто с тобою живет по соседству.
 Все обгляди хорошо, чтоб не на смех соседям жениться.
 Лучше хорошей жены ничего не бывает на свете,
 Но ничего не бывает ужасней жены нехорошей,
 Жадной сластены. Такая и самого сильного мужа

Высушит пуще огня и до времени в старость загонит.
[Кару блаженных бессмертных навлечь на себя опасайся.]

- Также не ставь никогда наравне товарища с братом.
Раз же, однако, поставил, то зла ему первым не делай
И не обманывай, чтобы язык потрепать. Если ж сам он
710 Первый тебя обижать или словом начнет, или делом,
Это попомнив, вдвойне отплати ему. Если же снова
В дружбу с тобой он захочет вступить и обиду загладить,
Не уклоняйся: друзей то и дело менять не годится.
Только чтоб видом наружным не ввел он тебя в заблужденье!
Слыгть нелюдимым не надо, не надо и слыгть хлебосолом;
Бойся считаться товарищем злых, ненавистником добрых.
Также людей не дерзай попрекать разрушающей душу,
Гибельной бедностью: шлют ее людям блаженные боги.
Лучшим сокровищем люди считают язык неболтливый.
720 Меру в словах соблюдаешь — и всякому будешь приятен;
Станешь злословить других — о себе еще хуже услышишь.
На многоядном, в складчину устроенном пире не хмурься;
Радостей очень он много дает, а расход пустяковый.
Также, не вымывши рук, не твори на заре возлияний
Черным вином ни Кронида, ни прочим блаженным бессмертным;
Так они слушать не станут тебя и молитвы отвергнут.
Стоя и к солнцу лицом обратившись, мочиться не гоже.
Даже тогда на ходу не мочись, как зайдет уже солнце,
Вплоть до утра — все равно по дороге ль идешь, без дороги ль;
730 Не обнажайся при этом: над ночью ведь властвуют боги.
Мочится чтущий богов, рассудительный муж либо сидя,
Либо — к стене подойдя на дворе, огороженном прочно.
Совокупившись, не стой не одетый, с.....
Перед огнем очага, но держись в это время подальше.
Также, не с похорон грустно-зловещих домой воротившись,
Сей потомство свое, а с пира пришедши бессмертных.
Прежде чем в воду струистую рек, непрерывно текущих,
Ступишь ногой, помолись, поглядев на прекрасные струи,
И многомилою, светлой водою умой себе руки.
740 Рук не умывши, души не очистив, пойдешь через реку, —
Боги тебя покарают, несчастье пославши вдогонку.
На пятипалом суку средь цветущего пира бессмертных
Светлым железом не надо с зеленого срезывать суши.
Также, в то время как пьют, черпака на кратерную крышку
Не помещай никогда: не весельем окончится это.
Дом себе строить начав, приводи к окончанию постройку,
Чтобы не каркала, сидя на доме, болтушка-ворона.
Также не ешь и не мойся из тех горшконогов, в которых
Не приносилось жертв: и за это последует кара.
750 Мало хорошего, если двенадцатидневный ребенок
Будет лежать на могиле, — лишится он мужеской силы;

Или двенадцатимесячный: это нисколько не лучше.
Также не мой себе тело водою, которою мылась
Женщина: ибо придет и за это со временем кара
Тяжкая. Если увидишь горящую жертву, не смейся
Над непонятною тайной: воздаст тебе бог и за это.
Также, смотри, не мочись никогда ни в истоки, ни в устье
В море впадающих рек, — берегись и подумать об этом!
Не опоражнивай в них и желудка, — то будет не лучше.
760 Так поступай: от ужасной молвы человеческой бегай.
Слава худая мгновенно приходит, поднять ее людям
Очень легко, но нести тяжеленко и сбросить непросто.
И никогда не исчезнет бесследно молва, что в народе
Ходит о ком-нибудь: как там никак, и Молва ведь богиня.

Тщательно Зевсовы дни по значенью и сам различай ты,
И обучай домочадцев. Тридцатое — день наилучший
767 Для обозренья свершенных работ, для дележки припасов.
769 Вот что различные дни у Кронида всемудрого значат,
768 Если в сужденьях народов об этом содержится правда.
770 Дни священные: день перед первым числом и четвертый.
День седьмой — в этот день родился Аполлон златолирный, —
Также восьмой и девятый. Особенно ж в месяце два есть
Дня при растущей луне, превосходных для смертных свершений,
День одиннадцатый и двенадцатый — оба счастливы
Для собиранья плодов и для стрижки овец густорунных.
Но между ними двоими — двенадцатый много счастливей.
Ткет паутину высоко парящий паук в это время,
Летом — в ту пору, когда *запасливый* кучу готовит,
Женщина пусть в этот день к тканью на станке приступает.
780 Сев начинать на тринадцатый день опасайся всемерно,
Но для посадки растений тринадцатый день превосходен.
В среднем десятке шестое число для растений опасно,
Но хорошо для зачатия мальчика. Девочке вредно
Замуж идти в этот день, равно как и на свет рождаться.

Также и в первом десятке шестое число для рожденья
Девочек мало полезно; козлят вылегчать и баранов
В это число хорошо и поскотину строить для стада.
День недурен для зачатия мальчика: будет любить он
Шутки, лукавые речи, обманы и шепот любовный.
790 В день восьмой кабанов подрезай и протяжно мыгчащих,
Крепких быков, а в двенадцатый день — выносливых мулов.
День наиболее длинный меж чисел двадцатых рождает
Мужа искусного — будет весьма он умом выдаваться.
День недурной мужеродный — десятый; а день женородный —
В среднем десятке четвертый; овец и собак острозубых,
Тяжелоногих, рогатых быков и выносливых мулов
В этот же день хорошо приручать. Берегись в четвертый

День после новой иль полной луны допускать себе в сердце
 Скорби, грызущие дух: ибо день этот очень священный.
 800 Также в четвертый вводи к себе в дом молодую супругу,
 Птиц перед тем спросив, наилучших для этого дела.
 Пятых же дней избегай: тяжелы эти дни и ужасны;
 В пятый день, говорят, Эринии пестуют Орка,
 Клятвопреступным на гибель рожденного на свет Эридой.
 В среднем десятке седьмого священные зерна Деметры
 Вей на току округленном, душою отдавшись работе.
 В этот же день лесорубы пусть рубят домовые бревна
 И деревянные части для стройки судов быстроходных.
 А за постройку саму приниматься четвертого надо.
 810 В среднем десятке девятка лишь к вечеру лучше бывает.
 Что же до первой девятки — вреда не несет она людям:
 День для посадки растений хорош, для рожденья ребенка —
 Мальчика ль, девочки ль. Очень он плох никогда не бывает.
 Мало кто знает, как в месяце третья девятка полезна:
 Бочку ль с вином начинать, налагать ли ярмо на затылки
 Мулам, быкам и коням быстроногим, спускать ли на воду
 Многоскамейчатый быстрый корабль — в этот день превосходно.
 Мало, однако, таких, кто про день этот правильно скажет.
 820 Винную бочку вскрывай четвертого; самый священный
 День меж четвертыми — средний; про тот, что идет за двадцатым,
 Мало кто знает, что утром хорош он, но к вечеру хуже.
 Эти вот дни для людей земнородных — великая польза.
 Прочие все — ничего не несущие дни, без значенья.
 Каждый различное хвалит. Но толком лишь мало кто знает.
 То, словно мачеха, день, а другой раз — как мать, человеку,
 Тот меж людьми и блажен и богат, кто, все это усвоив,
 Делает дело, вины за собой пред богами не зная,
 Птиц вопрошает и всяких деяний бежит нечестивых.

[ГЕСИОД] НАСТАВЛЕНИЯ ХИРОНА

1 (283)

Ныне мне любо, подумав о всем с рассудительной мыслью,
 Молвить. Запомни, что, в дом приходя, ты должен немедля
 Добрую жертву богам принести неизменно живущим.

[ГЕСИОД]
ВЕЛИКИЕ ТРУДЫ

1 (286)

Если посеять зло, то зло прорастет урожаем.
Если за дело страдаешь, то суд совершается правый.

[ГЕСИОД]
АСТРОНОМИЯ

1 (288)

...их называют Плеядами люди...

2 (289)

...зимние вот уж заходят Плеяды...

3 (290)

Тою порой исчезают Плеяды...

4 (291)

...Харитам подобные нимфы —
Сестры Фесила, Клея и в пышном венке Коронида,
Милая дева Фео с Евдорею длинноодежной, —
Их на земле называет Гиадами род человек.

[ГЕСИОД]
ИЗ ДРУГИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

1 (303)

Нет прорицателя средь человек, на свете живущих,
Ведал который бы думу эгидодержавного Зевса.

2 (308)

Ибо и царь и владыка над всеми бессмертными оный,
С ним в боренье о власти вступать никто не помыслит.

3 (307)

Если же Феб Аполлон его не избавит от смерти
Или же сам Пеон, в исцелении всяческом сведущ.

4 (309)

Полнится всюду земля богов бессмертных дарами.

5 (321)

Юношам — труд, совещанье — мужам, старикам же — молитвы.

6 (338)

Суд не старайся вершить, не выслушав стороны обе.

7 (373)

Строящий козни другому — себе их во вред воздвигает.

[ГЕСИОД] ЩИТ ГЕРАКЛА

...Или же та, что, и дома и отчую землю оставив,
В Фивы пришла, за воительным следуя Амфитрионом, —
Ратевздымателя Электриона дочь Алкмена.
Род нежноласковых жен она затмевала блистаньем
Лица и стана, нравом же с ней ни одна не равнялась,
Та, что дитем рождена от смертной, почившей со смертным.
Веянье шло у нее от чела, от очей сине-черных
Сильное столь, сколь идет от обильнозолотой Афродиты.
Всею душою она своего возлюбила супруга,
10 Как не любила еще ни одна из жен кротконежных,
Хоть и убил он отца ее милого, силой повергнув,
Из-за коров прогневленный, и, отчую землю оставив,
Ко щитоносным кадмейцам молитвенно в Фивы прибегнул.
Здесь в чертогах он обитал со стыдливой супругой,
Ласки ее не издевал: взойти ему было запретно
Прежде на ложе к прекраснородной Электрионе,
Нежели он не отмстит убиение могучих душою
Братьев супруги и пламенем буйным не выжжет селенья
Храбрых тафийских мужей и отважных бойцов телебоев.
20 Так надлежало ему, и свидетели этому боги,
Коиx во гнев привести опасаясь, он порывался
Труд свой великий исполнить, что был ему долгом от Зевса.

Следом за ним устремилась, ища ратоборства и распри,
 Конностремительных рать беотийцев, ярясь над щитами,
 Локров, бойцов рукопашных, и мощных душою фокеев.
 Добрый сын Алкея пошел на челе этих воев,
 Славный средь ратей. Однако ж отец и бессмертных и смертных
 Вил промышленье иное во персях, бессмертным и людям
 Трудноусердным желая родить отвратителя бедствий.
 30 Хитрость в душе глубоко воздвигая, с Олимпа он прянул,
 Ласки пышнопоясной жены вождедеющий страстно
 В темной ночи, и достиг Тифаония, с коего сразу
 Зевс-Промыслитель не медлил на Фикий вступить высочайший.
 Там восседая, деянья он дивные в сердце замыслил:
 Оною ночью с протяжноступающей Электрионной
 Лаской и ложем сочелся — исполнил свое вождеденье.
 Оною ж Амфитрион ратевзъемлющий, добрый воитель,
 Труд исполнил великий и в дом к себе возвратился.
 Не пожелал посетить он ни слуг, ни пастырей сельских
 40 Прежде, доколе не вступит к своей супруге на ложе:
 Пастырем ратей столь сильная страсть овладела во сердце.
 Словно когда избегает безгорестно муж злоключенья
 То ли от немощи тяжкой, а то ль от оков нерушимых,
 Так же и Амфитрион, суровую тяготу кончив,
 В дом родной беззаботно и счастливо вновь возвратился.
 Он теперь возлежал со стыдливой супругой всенощно,
 Радуюсь щедрым дарам обильнозлатой Афродиты.
 Так, покорившись и богу, и лучшему мужу из смертных,
 Двойню сынов во Фивах она родила семивратных,
 50 Духом, однако ж, не равных, хоть братьями были родными —
 Худшего вместе с воистину многодостойнейшим мужем,
 Мужем могучим и крепостновластным — с Геракловой силой:
 Сына сего — покоренная облачно-мрачным Кронидом;
 Копьевздымательным Амфитрионом — второго, Ификла, —
 Разноудельных потомков: того, — сочетавшись со смертным,
 Этого — с Зевсом Кронидом, который богам повелитель.
 Муж сей Кикна сразил веледушного Аретиада,
 Встретив в пределе свягом дальновержного Аполлона,
 Оного вместе с Аресом-отцом, ненасытным сраженьем,
 60 Бронями свет излучающих, словно пылающий пламень,
 На колесницу взошел. Копытами быстрые кони,
 Прянувши в бег, били оземь, и пыль вокруг них опускалась,
 Взбитая бегом крепких колес и копытами коней.
 Обод и дно колесницы, соделанной пышно, гремели,
 Бегом влекомые конным, и Кикн ликовал безупречный,
 Храброго Зевсова сына с возницей его вознадеясь
 Медью повергнуть во прах и совлечь преславные брони.
 Но моления эти Феб Аполлон не услышал,
 Ибо на Кикна он сам устремил Гераклову силу.
 70 Роща святая, алтарь Пагасейского Аполлона,

- Бронями всюду сверкали и Кикна и грозного бога,
 Огонь такой же в очах сверкал: ужели противу
 Оного кто бы из тех, что смертны, дерзнул устремиться,
 74 Кроме только Геракла и славного Иолая?!
- Так Геракл Иолаю, вознице могучему, молвил:
 «О, Иолай-воитель, всех смертных премного милейший!
 Верно, немало блаженным бессмертным, владыкам Олимпа,
 80 Амфитрион прегрешил, во пышновенчанье Фивы
 Прибыл когда, Тиринф оставив, град пышностенный:
 Электриона за широколобых коров ниспровергнув,
 Он ко Креонту прибег, к Гениохе покрововлекущей,
 Кои его обласкали и всем сообразным почтили,
 В чем для молителей право, уважили щедро от сердца.
 Счастлив он жил с прекраснородною Электрионой,
 Милой своею супругой. И мы, как исполнилось время,
 Там родились — ни телом не равные, ни помышленьем —
 Я и отец твой. Но Зевс у него рассудок восхитил.
 90 Ибо и отчий дом, и родителей милых оставив,
 Честь он ушел воздавать преступному Еврисфею.
 Горестный! Много ему затем довелось сокрушаться,
 Это безумье верша, но оно воспать невозвратно.
 Тяжкие мне тогда божество ниспослало деянья.
 Друг, возьми же скорей червлёные пурпуром вожжи
 Сих быстроногих коней и, дерзанье в груди воздымая,
 Стойко владей колесницей и мощью коней быстроногих,
 Не устрашась грохотанием мужеубийцы Ареса,
 Рыщет который, крича обуянно, по роще священной
 100 Феба-владыки далекоразящего Аполлона, —
 Истинно он премного могуч и сражения алчет».
- Так ему промолвил в ответ Иолай безупречный:
 «Много, родимый, дает отец и бессмертных и смертных
 Чести твоей главе, а с ним и Твердевоздыматель
 Бычий, что держит фиванскую твердь в попеченье о граде,
 Ибо такого могучего, столь же великого мужа
 В руки твои ведут, да стяжаешь ты громкую славу!
 Ныне ж во крепкую бронь облачись, дабы поскорее
 Нам, своей колесницей с Аресовой сринувшись близко,
 110 В битву вступить: ему ни бесстрашного Зевсова сына,
 Ни Ификлида не ввергнуть во страх, но сам обратится
 В бегство от двух сынов безупречного Алкеида,
 Кои теперь пред ним недалеко и жаждут воздвигнуть
 Бранную схватку, что пиршества им премного милее».
- Так он рек, и ему улыбнулась Гераклова сила,
 Духом ликуя, — ведь оный весьма сообразное молвил.
 И ответствовал так, устремляя крылатые речи:
 «О, Иолай-воитель, Зевесов питомец! Уж близко
 Бой суровый. Как прежде ты подле стоял мощнодухий,
 120 Так и теперь Арионом, великим конем черногривым,

- Правь, направляя повсюду, и мне помоги, сколь сумеешь».
- Так промолвив, поножи из горной сияющей меди —
 Дар преславный Гефеста — вокруг наложил на голени,
 Панцирем сразу затем облек могучие перси,
 Многоискусным, прекрасным, златым — его даровала
 Зевсова дочь Паллада Афина, когда собирался
 Ко изнурительным подвигам он устремиться впервые.
 На рамена возложил железо, оплот от несчастья,
 Взмечтивый муж и просторный колчан вкрут груди по оплечью
- 130 Сзади навесил, где много стрел внутри пребывало —
 Гибели гласозабвенной подателей цепенящих:
 Гибель несли пред собою и слезы несчетные людям.
 Были точены посредь и предлинны, в своем окончанье
 Хищного флегия мрачным пером они сокрывались.
 Мощное взял он копье, совершенное жаркою медью,
 Шлем на могучую голову пышнотворенный надвинул,
 Вдоль облежавший чело, — адамантовой стали изделие —
 Шлем такой возложил на главу Геракл богоравный.
- В руки он щит пестроблещущий взял, который ни разу
- 140 Дальний иль ближний удар не пронзил — восхищение взору.
 Весь по круту эмалию белой и костью слоновой,
 Светлым он мерцал янтарем и притом излучался
 Златом блестящим, его пробегали полосы лазури.
 Был посредине дракон и страх от него несказанный:
 Часто взирал он очами, из коих светилосся пламя,
 Полнилась пасть его от зубов, белевших рядами,
 Неумолимых и грозных. Вверху над ужасной главою
 Грозная Распря витала, к сраженью мужей побуждая,
 Страшная, — разум и мысли она у мужей отнимает,
- 150 Кои противу Зевесова сына воздвигли сражение.
 Оных души в землю уже погрузились к Аиду,
 Кости же их, лишенные кожи, изгнившей вкрут членов,
 Сириус в черной пыли жарким лучом растлевают.
 [Там Напор и Отпор вблизи изваяны были,
 Там и Рокот, и Ужас, и Мужеубийство пылало,
 Там и Смятенье, и Распря метались, и лютая Гибель,
 Свежею раной смиряя живых, а иных и без раны,
 Третьих — уже убиенных — сквозь битву влачила за ноги,
 Тканью, багровой от крови людской, укутала плечи,
- 160 Грозным взором глядя и криком вопя иступленным.]
 Были там головы змей, несказанно ужасных и страшных,
 Счетом двенадцать, что племя людей на земле устрашают,
 Кои против Зевесова сына воздвигли сражение.
 Шло от зубов скрежетанье, во битву когда устремлялся
 Амфитриониад, и чудесно сверкало ваянье, —
 Словно пятна являлись взиравшим на грозных драконов:
 Синими спины казались, и сумрачно пасти чернели.
 Там же и вепрей дикое стадо, и львы недалече,

- Кои взирали на них и, злобой ярясь, нападали,
 170 Друг на друга бросались рядами: ни стая, ни стадо;
 Страха не знали, но выи щетинили те и другие.
 Вот уж лев огромный повержен, а рядом и вепрей
 Дух испускающих двое, — и черная с них изобильно
 Наземь кровь изливалась. Выи назад запрокинув,
 Там лежали они, убиенные страшными львами.
 Пуще еще устремлялись иные, ярясь сраженьем,
 Те и другие — и дикие вепри, и львы буйнооки.
 Там же сражение шло копьеборных воев-лапифов:
 Вкруг там были владыка Кеней и Дриант с Пирифоем,
 180 Там и Гоплей, и Эксадий, Фалер совокупно с Пролохом,
 Там и Мопс Ампикид, Титаресий — Аресова отрасль,
 Там и сын Эгеев Тесей, бессмертным подобный, —
 Из серебра их тела, а брони вкруг тела златые.
 Им противу с другой стороны устремлялись кентавры:
 Вкруг там великий Петрей со птицепровидцем Асболом,
 Там и Аркт, и Урей, и с ними Мимант черновласый,
 Там и два Певкеева сына — Дриал с Перимедом, —
 Из серебра их тела, но сосны во дланях златые.
 Соустремленно они — воистину, словно живые, —
 190 Между собою сошедшись, разили копьем иль сосною.
 Там быстроногие кони грозного бога Ареса
 Встали златые. Доспехосовлечный Арес-погубитель
 В дланях имел копие и передним приказывал воям,
 Сам от крови пурпурный, как будто сражал он живущих,
 На колесницу взошед, а Ужас вместе со Страхом
 Подле стояли, во схватку мужей углубиться желая.
 Там и Зевесова дочь — добыгчица Тритогенея,
 Вид имея такой, словно битву желает подвигнуть,
 В шлеме златом на главе, копье во дланях сжимая.
 200 Плечи покрыла эгидой и шла во грозную распряю.
 201 Там и пляска святая бессмертных: там посредине
 202 Зевса сын и Лето извлекал прелестные звуки
 205 Лиры златой. Вслед за нею песнь начинали богини —
 Звонкопоющих подобие дев — Пиерийские Музы.
 Там прекраснопричальный залив неудержного моря
 Оловом был чистоплавным изваян округлоточеный,
 209 С морем волнуемым схожий, и двое вздымающих струи
 212 Было дельфинов серебряных, рыб гоняющих быстрых.
 Медные рыбы от них убегали, а рядом на бреге
 Муж сидел, рыболову подобный, имея во дланях
 Невод, который, казалось, для рыбной забрасывал ловли.
 Был там конный Персей, дитя пышнокудрой Данаи,
 И, не касаясь ногами щита и держась недалеко, —
 Диво великое молвить! — но был он лишенным опоры.
 Сам его золотым изваял своими руками
 220 Славный Хромец. Вкруг ног сандали были крылаты,

Меч повисал вкруг плечей, облеченный в черные ножны,
 В медную перевязь вдетый, — летел он, мысли подобный.
 Всю же спину его исполинши глава занимала
 Грозной Горгоны. Серебряна сумка округло свисала —
 Диво для взора! — и яркие вниз от нее ниспадали
 Кисти златые, вкруг же чела возвышался ужасный
 Шлем Аида-владыки, сумрак ночной сохранявший.
 Так, подобный тому, кто застыл во беге поспешном,
 Сын Данаи Персей проносился. За ним порывались
 230 Следом Горгоны — суровы они, несказанно ужасны, —
 Сияясь настигнуть его и ходьбою своей попирая
 Бледную сталь, а щит оглашался великим гуденьем
 Звонко и резко. Долю же с их поясов нависали
 Змеи, округло вздымавшие главы, по двое у каждой.
 Жалом они поводили и лязгали гневно зубами,
 Дико взирая, а сверху на грозных Горгоновых главах
 Страх великий витал. Поверх над ними сражались
 Мужи, которые были в доспех ратоборный одеты:
 Эти — стараясь от милых отцов и родимого града
 240 Смертную гибель отвести, иные — стремясь к разрушенью.
 Много уже полегло, но боле еще воевало,
 Распря подъемля. На медных пышновоздвигнутых башнях
 Жены громко вопили, себе раздирая ланиты,
 Жен подобье живых — Гефеста преславного дело.
 Мужи, что были в летах и коих старость настигла,
 Стали толпой пред вратами градскими и руки к блаженным
 Ввысь к богам простирали молебнo, за долю сыновью
 Страхом объаты. Те ж битву вели, а у них за спиною
 С лязгом белые зубы сводили черные Керы.
 250 Ликом ужасны они, кровавы, грозны, неприступны,
 Распря за павших вели и все порывались гурьбою
 Черной крови испить: лишь только которая схватит
 Труп ли, со свежей ли павшего раной, стремится окружно
 Когти вонзить огромные, душу ж низринуть к Аиду
 В Тартар холодный. Когда же сердце свое насыщают
 Кровью людскою они, то долу бросают немедля
 257 И устремляются вновь туда, где грохот и схватка.
 261 Вот за воя они затеяли лютую битву:
 Грозно одна на другую взирали во гневе очами,
 Когти и страшные руки пускали в ход попеременно.
 Рядом с ними и Тьма стояла, грозна и ужасна,
 265 Грязью покрыта, бледна и долу согбенная голодом,
 Пухлоколенна, персты изострялись в огромные когти,
 Слизь текла у нее из ноздрей, со щек изливалась
 Кровь на землю. Она ж, оскалившись неумолимо,
 Там стояла, и прах обволакивал плечи обильно,
 270 Влажен слезами. А рядом был град мужей пышностенный:
 Семеро врат золотых его окружало, объатых

Сводами вкрут. Мужи в ликованье и пляске усладу
 Здесь имели. Во пышноколесной повозке невесту
 К мужу везли, и брачная песнь воздымалася громко.
 Свет далеко от факелов, яро горящих, кружился,
 В дланях прислуги несомых. Красою расцветшие девы
 Шли вперед, и тянулись, ликуя, вослед хороводы.
 Там от нежных уст свирелями звонкими песню
 Юноши слали, вокруг преломлялось гудение звучно.
 280 Рядом прелестный напев исторгали формингами девы.
 Юноши там иные под флейту справляли веселье.
 Были средь них и такие, что тешились пляской и пеньем.
 284 Шли вперед. Сей град всецельно веселие, пляски,
 Радость объяли. Мужи, что были пред стенами града,
 Мчались верхом, взойдя на коней, а пахари рядом
 Землю пахали святую, у пояса платья скрепивши
 Кругообразно. Была и высокая нива, на коей
 Лезвием острым одни срезали согбенные стебли,
 290 Тяжкие столь же зерном, как пышные хлебы Дементры.
 Их во снопы другие вязали и клали на пашню.
 292 Гроздь срезали третьи, серпы имевшие в дланях,
 296 Их-то иные сносили в корзины. Лозняк недалеко
 297 Был золотой — Гефеста премудрого славное дело.
 299 Он стоял в колыханье листвы и серебряных жердей,
 300 Гроздьями винными тяжек, кои уже почернели.
 Там виноград давили и винное сусло черпали.
 Там состязались в борьбе и в кулачном бою. Быстроногих
 Зайцев гоняли, охотясь, другие, а псы острозубы
 Дичь норовили настигнуть, она ж ускользнуть норовила.
 Всадники рядом труды совершали, в своем состязанье
 Спор и тягость имея; возницы там погоняли
 Быстрых коней, на пышноскрепленные став колесницы
 И оттянув повода. Летели вперед, громыхая,
 Сбитые крепко повозки, и ступицы мощно гудели.
 310 Труд они нескончаем имели: свершенья победы
 Им никогда не достигнуть, но спор вели нерешимый.
 Им треножник большой — за боренье награда — поставлен
 Был златой — Гефеста премудрого славное дело.
 Обод вкрут обтекал Океан, как поток наводненный.
 Целостно он охватывал щит премногоискусный.
 Лебеди выпреннелетные громко кричали на оном:
 Много плавало их по глади, где рыбы сновали, —
 Диво для взора и тяжкогремящему Зевсу, по воле
 Коего щит Гефест сотворил огромный и крепкий,
 320 Дланями плотно скрепив. Щитом сим Зевсов могучий
 Сын пременно сотряс, к колеснице ринувшись конной,
 Молнии Зевса-отца эгидодержавца подобный,
 Поступью легкой. Возница его, Иолай достославный,
 С ним на повозку взошел, колесницей изгибною правил.

- Подле представ, совоокая дева богиня Афина
 Им в ободренье такие вещала крылатые речи:
 «Радуйтесь, о дальнеславного мужа Линкея потомки,
 Ибо силу дает вам Зевс, владыка блаженных,
 Ныне Кикна сразить и совлечь преславные брони!
 330 Речь иную я молвлю тебе, наилучший средь ратей.
 Кикна когда ты от сладостной жизни отторгнешь, немедля
 Оного тело оставь и доспехов его не касайся,
 Сам же воззри на Ареса, как тот грядет, мужегубный.
 Только узришь обнаженным его под щитом ты искусным
 Оком своим, как немедля рази заостренною медью.
 Сам, однако ж, отпрянь: судьбой не дано тебе ныне
 Коней его захватить и его преславные брони».
- Молвив так, средь богинь богиня взошла на повозку,
 В дланях бессмертных своих держа и победу и славу,
 340 Бурностремительна. Тотчас тогда Иолой Зевсородный
 Коням ужасно вскричал, и они, побужденные гласом,
 Быструю резво помчали повозку, вскуря равнину, —
 Мошь им дала совоокая дева богиня Афина,
 Грозно потрясши эгидой. Земля застонала окрестно.
 Тут появились вдвоем, подобны огню или буре,
 Кикн конеборный с Аресом, сражением ненасытимым.
 Кони же их, когда сошлись противу друг друга,
 Громко заржали, и вкруг преломлялось гудение звучно.
 К оному первой воззвала тогда Гераклова сила:
 350 «Кикн любезный! Противу нас стремительных коней
 Гонишь зачем, коли мужи мы сведущи тягот и бедствий?
 Пышноточенную мимо веи колесницу — путем сим
 Мимо проехать позволь. Я ныне в Трахин направляюсь,
 Где владыкою Кеик, что мощью своей и честью
 Всех превзошел в Трахине, — ты сам то знаешь прекрасно,
 Дочь его взяв женой — черноокою Фемистоною.
 О любезный! Тебя не удержит Арес от кончины
 Гибельной, ежели мы с тобой подвизаться сойдемся.
 Ныне молвлю о том, ибо в оное время изведаль
 360 Он моего копья, когда за Пилос песчаный
 Мне стоял супротив, сраженьем ярясь чрезмерно.
 Трижды моим пораженный копьем, опирался о землю
 Он с пронзенным щитом, но в бедро я четвертым ударом
 Силою всей поразил и премного рассек ему плоти.
 Долю главою во прах от удара копья он повергся.
 Так средь бессмертных ему случилось быть посрамленным,
 Дланям моим в удел кровавый доспех оставляя».
- Молвил так. Но Кикн, пышноосясенный вой, не возжаждал
 С ним во согласии коней сдержать, колесницу влекущих.
 370 С пышноскрепленных повозок тогда устремились на землю
 Зевса великого сын с Эниалия сыном владыки.
 Вблизи от них отогнали возницы коней пышногривых.

Ринущих коней ногами широкая твердь оглашалась.
 Словно когда от высокой вершины горы величавой
 Ринутся камни прыжками, один о другой ударяясь,
 Выспреннелистых много дубов, несчетные сосны
 И без числа тополей повергают протяжнокорнистых,
 Вниз во вращенье стремясь, пока не достигнут равнины, —
 Так они меж собою сошлись с криком великим.
 380 Град мирмидонян всецело и с ним Иолк достославный,
 Арна с Геликою вместе и травобильной Анфеей
 Гласам обоих откликнулись громко. Они с восклицаньем
 383 Страшным сошлись, и мощно ударил Зевес-Промыслитель,
 385 Знаменье битвы подав своему веледержкому сыну.
 [Так в лесистом ущелии горном взору свирепый,
 Грозный клыками вепрь исполняется гневом сраженья
 К мужам-ловцам и белый клык на них заостряет,
 Круто согнувшись. Около рта в скрежетанье зубовном
 390 Пена струится, глаза же блестящему огню подобны,
 Дыбом щетина воздета на холке и около шеи.
 С ним-то схожий сын Зевса ринулся с конной повозки.]
 Тою порою, когда чернокрыла певунья цикада,
 Сев на ветке зеленой, людям петь начинает
 Песни о лете, — ей нежные росы еда и напиток, —
 Пенье она и на утренней зорьке струит, и вседневно,
 В невыносимой жаре, когда Сириус кожу сжигает
 (Просо тогда ж созревает в колосьях, венчающих стебли,
 Летом которое сеют, — в ту пору пестреют и гроздья,
 400 Кои дал людям Дионис к их ликованью и скорби), —
 Тою порою сражались, и гул воздымался великий.
 [Так и двое львов вокруг растерзанной лани
 Между собой свирепеют, чтоб друг устремиться на друга,
 Грозный рев раздается тогда и зубов скрежетанье.]
 Словно коршуна два, кривоклювы и острокогтисты,
 Криком великим крича, на высоком утесе дерутся,
 То ли козы горнопастбищной, то ли лесной оленицы
 Тучной желая, что муж могучий повергнул метаньем
 Стрел с тетивы, но сам иною дорогой блуждает,
 410 Здешнего края несведущ, они ж ее тотчас узрели —
 Бурностремительно сразу воздвигли свирепую битву.
 [С криком подобным они устремились друг против друга.]
 Вот уж Кикн, порожденного Зевсом премногомогучим
 Жаждав низвергнуть, во щит поразил копьем медноострым.
 Медь не пробил его, отринута божеским даром.
 Амфитриониад — Гераклова сила, — однако ж,
 Между щитом и шоломом своим копием длиннотенным
 Быстро гортань, что открылась тогда под самым подбородком,
 Мощно пронзил, и оба рассек сухожилия ясень
 420 Мужегубительный. Пала воителя грозная сила,
 Рухнул он, как некогда рушатся дуб или камень

Высестремнинный, разбитые молнией дымной Зевеса.
Так он рухнул, звеня вокруг тела полным доспехом.

- Оного тут же оставил Зевесов сын мощносердный,
Ибо узрел, как Арес мужегубный к нему устремился,
Грозно очами взирая. И лев, на тело набредший,
Так же премного усердно когтями могучими кожу
Рвет, чтоб оттоль сердцерадостный дух поскорее отринуть, —
Мрачное сердце его при том исполняется гнева, —
430 Грозно сверкая очами, себя по бокам и ключицам
Хлещет хвостом он и лапами роет, — никто не дерзает,
Видя его, ни близ подойти, ни со зверем сразиться.
Так же сын Амфитриона, еще ненасытный сраженьем,
Стал противу Ареса, дерзанье в груди воздымая,
Бурностремителен. Тот же приблизился, сердцем кручинясь.
С криком оба они устремились один на другого.
Так, когда от высокой скалы отрывается камень,
Длинным прыжком устремляется вниз во вращенье и с гулом,
Буйства исполненный, мчится, но холм противится вышний:
440 Камень тот бьется о холм, пока не сдержится оным.
С криком таким колесничный ристатель Арес-погубитель
Ринул тогда, восклицая, но оный сдержал его рьяно.
Тут Афина, эгидодержавного дочь Зевеса,
Вышла противу Ареса с черной эгидой своею.
Грозно глядя исподлобья, крылатые молвила речи:
«Мощную ярость, Арес, укроти и незыблемы длани,
Ибо тебе не судьба совлечь преславные брони,
Зевсова дерзостносердого сына Геракла повергнув.
Брань, однако ж, уйми, да мне противу не станешь!»
450 Молвила. Дух велемощный Ареса тем не смирила.
Оный, однако, доспехом, подобным огню, потрясая,
С криком великим к Геракловой силе рьяно стремился,
Буйно волнуем убийством: копьем ударил он медным,
Сильно яряся за гибель сраженного сына родного,
В щит великий, но прочь совоокая дева Афина
Натиск копья отвела, с колесницы стремительно прянув.
Горе объяло нещадно Ареса. Изъяв заостренный
Меч, к веледушному ринул Гераклу, но в том устремление
Амфитриониад, ненасытный грозным сраженьем,
460 Прямо в бедро, что щит обнажил искуснотворенный,
Мощно его поразил и премного рассек ему плоти,
Твердо уметив копьем, и посреде земли ниспровергнул.
Страх и Ужас коней с колесницею пышноколесной
Тотчас пригнали к нему и с тверди широкодорожной
На колеснице многоискусной его уложили,
Сразу хлестнули коней и на дальний Олимп удалились.
Сын же Алкмены тогда и с ним Иолай достославный,
Кикну совлеки с плечей его прекрасные брони,
Снова отправились в путь и града Трахина достигли

470 На быстроногих конях. Совеокая дева Афина
 На великий Олимп удалилась во отчие дома.
 Кикна предал погребению Кеик с народом несметным, —
 С тем, что тогда населял бацилея преславного грады, —
 [Анфу, град мирмидонян, и с ней Иолк достославный,
 Арну с Геликою вместе, — премного сошлось народу,]
 Кеику честь воздавая, что мил блаженным бессмертным.
 Этот курган и могилу Анавр незримыми сделал,
 Полнясь ненастным дождем. Ему повеленье такое
 Дал Аполлон Летоид во кару, что оный насильем
 480 Тех обирал, кто славные вел гекатомбы Пифийцу.

[ГЕСИОД] КАТАЛОГ ЖЕНЩИН, ИЛИ ЭОИ

1 (1)

Ныне ж о племени женщин поведайте, сладкоречивы
 Музы Олимпа, Зевеса эгидодержавного дочери,
 Кои тогда наилучшими были...
 Пояс они разрешали...
 Связью с богами сплетясь...
 Общими были тогда и пиры, и общими встречи
 Между бессмертных богов и смертных земных человеков.
 Вовсе они не равны...
 Муж и жены...
 10 Старость в сердце изведав...
Эти всегда обладают возлюбленным младости цветом,
 Юные, тех же...
 Младостью чуждые смерти...
 Оных жен воспевайте, о Музы...
 Всех, с которыми Зевс Олимпийский возлег дальнегромный,
 Семя излив...
Также и тех, Посейдон которых...

2 (56)

Дева Пандора в чертогах преславного Девкалиона
 С мощным Зевесом-отцом, что владыка над всеми богами,
 Ложем она сочеталась, родив многоборного Грека...

3 (7)

Ею, принявшей зачатие от радостногромного Зевса,
 Двое сынов рождены: Македон конеборный с Магнетом,
 Во Пиерийском краю обитавшие подле Олимпа.

4 (8)

Были Магнету сыны Полидект богоравный и Диктис.

5 (9)

Бранелюбивому Элину были, владыке, сынами
Дор и Ксуф, а с ними еще и Эол конеборный.

ПОТОМКИ ЭОЛА

6 (123, 10, 11, 14, 245)

- 17 ...Горные нимфы-богини от них затем появились,
Племя сатиров никчемных и нерасторопных в работах,
Также танцовщики игролюбивые — боги-куреты.
- 20 Ксуф же Креусу, которая облик прекрасный имела,
Пышноланитную взяв, богоравного дочь Эреффея,
Милой супругою сделал, покорствуя воле бессмертных.
Та же Ахея ему родила с коннославным Ионом,
Дочь Диомеду дала, сочетавшись в ласках любовных.
Были Эолова рода блюдущие правду владыки:
Чада Крефей с Афамантом и мыслеизменным Сисифом,
Сын Салмоной правдочуждый и с ним Перьер веледушный, —
Юность они проводили в чертогах высоких отцовских.
-
- 33 Дщерь Алкиону и с ней Писидику, подобных Харитам,
Таже Калику, Канаку с прекрасной лицом Перимедой...
-
- 45 ...Гипподамант ее взял, обладавшую ликом прекрасным,
.....
- Та же, покорствуя..... пастыря ратей
Сына дала Антимаха, богам что любезен блаженным,
Дочь дугобровую с ним, что Харитам подобна, — Евриту.
- 50 Оную взял Порфаон, от Плевронова сына рожденный.
Та же в чертогах ему родила безупречных потомков:
Коней смирителя Агрия и Алкафоя с Ойнеем,
Конника также Мелана, в бою ненасытного грозном.
Младшим был Пилон, живущий в прекраснопостроенном доме.
Их конеборец Тидей гордославный, Ойнеево чадо,
Кроме родителя, всех порастил сокрушительной медью.
-
- Богоподобного Аэфлиога могучая сила...
Деву Калику взяла, цветущею сделав супругой.

- 60 Эндимиона она родила, что любезен бессмертным,
...дал ему дар превеликий —
Ключником смерти и старости собственной оный да будет.
Чадо его же — Этол: Калидон был рожден ему сыном
Вместе с Плевроном копейным, который бессмертным подобен.

7 (12)

Эту ж Амаринкеид Гишпострат, Аресова отрасль,
Доблестный сын Фиктея, эпейских мужей предводитель...

8 (13)

Жизнь проводя на скале Оленийской, что около берега
Пира, широкой реки...

9 (16)

-
2 Смертных...
...обитает в пучине...
Кеик *все ж непрестанно...*
К ней устремляется...
Он к Алкионе спешит...
Но сокровенна Зевесова воля: ее не по силам
Смертным изведать...
Оную ж мощная сила божественного Мирмидона
10 В жены взяла Писидику...
Актора сына она родила и Антифа...
В нежных объятьях сошлась с Посейдоном-владыкой другая
Дочь Эолова...

10 (17)

-
.....
...прекрасноланидную *деву*
...священная *сила*, с которой юница
...сочеталась блаженно любовью и ложем:
...годов теченьем окружным
...облик имевшую многожеланный
...и козы стада, и овечьи, родитель взлелеял
Пившую белое молоко, вкушавшую мясо от агнцев.
10 *Оную видеть никто из смертных не мог* человек
...созывали...
...Актор цветущею сделал супругой
...земледержца, вздымателя суши.
Оная двойню сынов родила во чертогах, зачатые

Актора впив и земли колебателя, гулкою плеском,
Двух исполинов — Ктеата с Евритом, которым досталось
Четверо ног и две головы. *Опускалися длани*
Долу от плеч...

11 (22)

-
.....
...божественного Агенора
- 5 Дочь Демодика: премногие землеживущие мужи
Сватались к оной, и много преславных даров подносили
Мощные силой владыки за облик ее несравненный,
Духа во персях ее преклонить не сумели однако.
...сопричастною ложу назваться.

12 (23)

-
.....
- 3 Иль таковые, как девы...
Словно трое богинь, в рукоделье преславном искусных:
Леда, Алфея с сестрой волоокою своей Гиперместрой
-
- Ко Тиндарею-супругу взойдя на цветущее ложе,
Пышнокудрява Леда, с сиянием месяца схожа,
Дочь Тимандру дала, волоокую дочь Клитеместру,
10 С ними еще Филоною, чей облик с богинями спорил.
Ей... стреловержица...
Дни навсегда положила в бессмертии жить, не старея.
Взял за ее красоту владыка мужей Агамемнон
Клитеместру женой, темноокую дочь Тиндарея.
Оная пышнолодыжных затем родила во чертогах
Дочь Ифимеду с Электрой, чей облик с богинями спорил.
Но Ифимеду ахейне пышнопоножны сразили
При алтаре Артемиды, гремящей златыми стрелами,
В день, как они на судах супротив Илиона стремились,
20 За аргивянку прекраснородную кару готовя.
Призрак сразили, но та стреловержица-ланеубийца
Деву поспешно с собой унесла и амвросией сладкой
Тело с главы умастила, чтоб оное стало нетленным,
Дни навсегда положила в бессмертии жить, не старея.
Ныне ее называет племя земных человеков
Спутницей славной метальщицы стрел Артемидой Дорожной.
Младшим Орест Клитеместрой в чертогах рожден темноокою,
Дан во супружестве был Агамемнону сын богоравный,
Тот, что убийцу отца покарал, возмужанья достигнув,
30 Мать умертвил несмиримую медью своей беспощадной.

Деву ж Тимандру Эхем цветущею сделал супругой:
 Онный над всею Тегеей с Аркадией овцеобильной
 Властвовал в полном достатке, любезный блаженным бессмертным.
 Мощного пастыря ратей ему родила Лаодока
 Чрез Афродиту златую, покорствуя в ласках, супруга.

.....

13 (25)

- Равно среди погубительной брани, слезами обильной,
 10 Мощного зря Мелеагра, ему супротив не дерзали
 Выйти воители-мужи, коль онный на битву стремился:
 Нет, Аполлоновой дланью и *стрелами он ниспровергнут*
 В битве за вышний Плеврон, подвизаясь противу куретов.
 Были Ойнею еще рождены темноокой Алфеей
 Чада – Ферей конеборный и с ним Агелай копьеомощный,
 Также Токсей и Климен-властелин, равносильный Аресу,
 Горг пышнокудрый и благоразумная дочь Деянира –
 Та, что затем родила, покорившись Геракловой силе,
 Гилла и Глена, а также Ктесиппа еще и Онета.
 20 Их родила и свершила ужасное в гнев великом,
Гибельным зельем когда пропитав одеянья обильно,
 Лиху-глашатаю несть их вручила, а тот властелину
 Градорушителю отдал Амфитриониду Гераклу:
 Онный, принявши сей дар, ко пределу погибели вышел,
 Умер и полных стenanьем чертогов Аида достигнул.
 Ныне бессмертный он бог, отошедший от всех злоключений,
 Вместе с другими живет, имущими дома Олимпа,
 Чуждый старенью и смерти, с прекраснoлoдыжнoю Гебой,
 Зевсом великим рожденной и Герою златообутой.
 30 Гере лилейнoраменнoй ранее был ненавистен
 Он среди смертных людей и бессмертных богов наиболее.
 Ныне ж его возлюбила, меж прочих бессмертных возвысив
 Честью особою после великого мощью Кронида.
 Богоподобная ратей вождя родила Гипермистра
 Амфиарая, взойдя на цветущее ложе Оикла,
 В коннопитающем Аргосе многих водителя ратей.
 Онный доблестен был в собраниях и доблестен в битвах,
 В помыслах благостен был и богам любезен бессмертным.
 Ифианиру еще родила, прекрасную видом,
 40 Вместе с Эндеем, владыкой мужей, прекрасным и мощным.

14 (26)

...В браке *смирил*...
 ... Амфимах *веледушный*...
 В женопрекрасную Спарту *привел во супруги из Феи*.
 Сына ему родила велемощного...

Иль таковы, как те, что Порфаону дочерьми были,
 Словно трое богинь в рукоделье преславном искусных:
 Некогда сих Лаофоя, преславная Гипереида,
 Дев родила, разделяя с Порфаоном пышное ложе, —
 Еврифемисту, Стратонику, с ними еще и Стеропу.
 10 Оные девы спутницы были для нимф лепокудрых
 ...и Муз среди гор по ущельям лесистым,
 17 ...Домы покинув отца и почтенную мать оставив.
 Обликом милым красуясь и неискушенностью, девы
 Вкруг у *ручья*... среброкружащие *струи*,
 20 Утром ступали... росой,
 Благоуханный венец для чела — цветы собирая.
 Оных Феб Аполлон...
 Пышнопоясну Стратонику взял, уведя без подарка,
 Милому сыну цветущей супругой ее нарекая,
 Богоподобному дал Меланею, в горах досточтимой
 Этовой дочерью Проноей *рожденному*...
 Впивши зачатъе, Стратоника, пышнопоясная дева,
 Чадом любимым — Евритом тогда разрешилась в чертогах.
 Клитий затем с Деионом родились его сыновьями,
 30 Также Аресова поросль — Ифит и Токсей богоравный.
 После сынов рождена светловласая дева Иола
 31a [Славной женой Антихой из древнего рода Навбола.]
 Ради нее Эхалию, град *пышностенный*, *разрушил*
 Амфитриониад...
Еврифемисту же взял от отца, помогаясь для брака,
 Конеборительный Фестий...
 Взял и увез на конях в колеснице, сколоченной крепко,
 Много даров принеся за прекраснокудрявую деву.

15 (27)

Остров Анфемозессу, что выделен им Кронионом.

16 (30)

3 ...звездного неба
 ...коней запряг быстроногих
 5 ...медные также треноги
 ...с колесницею быстрою коней
 ...медные также треноги
 ...отец бессмертных и смертных
 ...под ярмом колесницу имевших
 10 ...огня пламеневшего отблеск
 ...на земле племена человеков,
 ...Но исполнился гнева отец бессмертных и смертных,
 Страшно он возгремел от обильного звездами неба,
Мощно и долго, встряся всецельно широкую землю.

В ярости ринулся он^{ый} с Олимпа и вскоре явился
 В край Салмоней-безумца, где люди уже помышляли
 Волей владыки-презрителя гибельным верить деяньям.
 Их громами бог поразил и молнией жгучей,
 Кару обрушив на целый народ за преступность владыки.
 20 *Гибели предал* и чад, и жену, и его домочадцев,
 Град и чертоги, *водой затопивши*, незримыми сделал.
 Взяв же его самого, низринул во Тартар широкий, —
 Смертный в грядущем дабы не дерзал на Зевеса-владыку.
 Дочь, однако ж, осталась любезна блаженным
 бессмертным,
 Дева Тиро пышнокудрая, облик златой Афродиты,
 Ибо она непрестанно противилась в том Салмоней,
 Будучи смертным дабы не пытался равняться с богами.
 И потому ее спас отец бессмертных и смертных.
 ...безупречному отдал Крефею в чертоги,
 30 ...радостно принял ее и лелеял.
 Юности велепреlestной предела когда уж достигла,
 Страстию к ней воспыал Посейдон-земледержец: *замысли*
 Бог любовью *смешаться* со смертной, чрез то, что красую
 Всех нежноласковых жен оказалась она превосходней.
 Часто она посещала прекрасный поток Энипея...

17 (31)

«*Радуйся ласке, жена! Пред собою ты зришь* Посейдона.
 Ты превосходных родишь сыновей: не бывает бесплодным
 Ложе бессмертных богов, — возлелей и воспитывай он^{ых}!
 Имя ж мое ты в молчанье храни, чтоб сынов превосходных
 В радости ты родила, а не то средь позора погибнут!»
 Молвив так, погрузился опять в рокотавшее море.
 Дочь Салмоней покинула брег и вернулась в чертоги.

18 (33)

.....
 Пелий с Нелеем, что стали владыками многим народам.
 Их затем разлучил отец бессмертных и смертных:
 Порознь они поселились во градах...
 Пилос обрел во владенье Нелей и прекрасное царство
 Там основал, Амфиона, потомка Иасова, дочь
 Пышнопоясную сделав Хлориду цветущей супругой.
 Оной пресветлые чада ему рождены во чертогах —
 Богоподобный Аластор и с ним Антимен с Евагором,
 10 Тавр, а также Астерий, еще Пилаон веледушный,
 Славный Еврибий и братья его Деимах с Эпилаем,
 Нестор, и Хромий, и Периклимен колесницегонящий, —
 Сына сего Посейдон-земледержец вознес дарованьем
 Вид принимать всевозможный: меж птиц он являлся пернатых

Хищным орлом, а затем муравьем становился, бывало, —
 Диво для взора! — бывал и пчелой из блестящего роя,
 Змеем ужасным бывал беспощадным. Тому дарованью
 Многообразья не счесть, но он ниспровергнут коварно
 Волей Афины, когда поражал многочисленных мужей,
 20 Битву ведя за твердьню богатого славой Нелея
 Отчую, — многих тогда распростер он во ярости черной,
 Насмерть сразив. Но, исполнившись гнева, Афина Паллада
 Пыл ратоборный его укротила. Геракловой силе
 Скорбь нестерпимая сердце объяла, коль воинства гибли.
 Оный тогда на ярме противу Геракловой силы,
 Сидя на дышле срединном, возжаждал деяний великих,
 Пыл могучий дабы укротить конеборца Геракла,
 Духом отважного Зевсова сына, сей муж несмышленный,
 Славного лука его не страшась, что дан Аполлоном,
 30 Стал подвизаться тогда супротив Геракловой силы.
 ...но сама совоокая дева Афина
 Амфитриониаду вручила прекраснособенный
 Лук, указуя ему боговидного Периклимена,
 Пыл могучий *вдохнула во сердце...*
 Ей повинаясь и лук натягая во дланях привычных,
 Быструю он извергнул стрелу тетивою витую...

19 (35)

...Гераклова сила.
 Периклимен богоравный доколе в живых оставался,
 Пилос, однако, сожечь не могли, хоть ярились премного.
 Доля ж когда завладела смертельная Периклименом,
 Сын могучий Зевеса Пилосскую твердь обезлюдил,
 Духом могучего добрых сынов ниспровергнул Нелея
 Насмерть одиннадцать. Нестор, двенадцатый, конник Геренский,
 Гостем тогда пребывал среди конеборных геренов,
 Тем и смерти сумев избежать, и погибели черной.
 10 Были сынами его Антилох с Фрасимедом копейным,
 Стратий еще и Персей, а с ними Арет и Эхефрон,
 Дщерью была Писидика, чей облик с богинями спорил.
 Русокудрявую младшей из чад родила Поликасту
 Розоворукая с Нестором Анаксибия в любви...

20 (37)

2 ...На оное только провидец дерзнул безупречный.
 Труд таковой он свершил, хоть год *оставалось* в неволе
 Узы позора влачить, *Нелеевой дщери взыскав*:
 Брак он готовил Бианту-воителю, брату родному.
 Свадьбы желанной добился, *сумев привести* круторогих
 Телок, наградой приняв за труд безупречную деву.

Был *могучий* Талай пышнокудрой Перо во чертогах
Сыном Бианту рожден, *покоренной объятьем супружьи*.

- 10 Оные также и в Аргос пришли к богоравному Прету.
Там *обоим прेमного* земли во владение отдал
Прет могучий, *а с нею и дочерей* своих во супруги
Дал конеборцу Бианту и брату его Меламподу:
Даром пророческим дев исцелить он сумел, на которых
Тяжкое буйство наслал Дионис, *во гнев приведенный*.
Род таков от Нелея...

Брат же его обитал во прославленном пляской Иолке,
Пелий, владеющий скипетром.

21 (40)

...Сына Ясона Эсон породил, предводителя ратей.
Он был Хироном взращен на горном лесном Пелионе.

22 (43)

- 18 ...Ею обманут Сисиф, хоть сам был коварен прेमного.
...прекрасноланитную дочь буйноокую...
- 20 ...душою возжаждал соделать супругой
Во чертогах своих... составил несметное вено
.....
- 31 ...от пут разрешившись, к родителю милому в дома
Вновь устремилась возвратно и вскоре женой обратилась
Снова в отцовских чертогах, а следом *Сисиф* появился.
Деву узрев подле матери *ткацкий станок обходящей*
Кругом, с собой увести пожелал он и *вено отторгнуть*.
Сразу меж ними взаимно пошли словопренья и распря,
Спорил с Эфоном Сисиф за плавноступавшую деву.
Смертные их не могли рассудить, *но одной лишь Афине*
Вверили спор и просили решения. Оным богиня
- 40 Твердый дала приговор и *промолвила сущую правду*:
«Выкупу если взамен получить достоянье желают,
Плате взамен надлежит получить и *товар равноценный*,
Ибо то неизменно, что ранее отдано было».
.....
- 51 Ведал заранее он и желанья, и мысли людские,
Промысла все ж не изведal эгидодержавного Зевса,
Ибо не дали ему Ураниды, чтоб Главка потомство,
Местрой рожденное, семя его, среди людей оставалось,
Ибо оную сам покориl Посейдон-земледержец,
Вдаль унеся от отца, посреди виноцветного моря
В Косской земле круговодной, хоть та и была велемудра.
Там родила Еврипила, вождя многочисленных ратей,
...сына дала, обладавшего мощью чрезмерной.
- 60 Были ему затем сыновьями Хаалконт с Антагором;

Власть же его не продлилась долго: сын Зевса могучий
 Град его милый поверг, разоряя окрестные пашни,
 Плыл из Трои возвратно тогда на судах быстроходных,
 Град ниспровергнув за коней *стремительных* Лаомедонта,
 Дерзостных он тогда ж истребил гигантов во Флегре.
 Кос покинув затем, во землю родимую Местра
 К холмам священных Афин уплыла на ладье быстроходной.
 ...сына когда родила Посейдону-владыке.
 ...отца злополучного чтит заботой.

- 70 *Иль такова, как дитя* Пандионовой отрасли — *Ниса*,
 Дочь *Евринома*. Ее мастерству обучила Афина.
Нравом радушна была, в рассужденьях подобна богиням.
 С нежного тела ее, с одежий серебрянотканых
 Свет *изливался божественный*, веяло милой красою.
 Оной Сисиф Эолид во желаньях своих домогался,
 Стадо пригнав, но не ведал эгидодержавного Зевса
 Промысла, ибо с дарами пришел добиваться супруги,
 Волей Афины ведомый, но ранее тучегонитель
 Зевс промысленъем бессмертным решил, что не быть
во грядущем
 80 *Главка*, Сисифова сына, *потомству средь племени смертных*.
 Ибо она, сочетавшись в объятьях тогда с Посейдоном,
 Главку *в чертогах дала* безупречного Беллерофонта,
 Доблестью высшего прочих людей на земле беспредельной,
 Коему в юные годы отец в обладанье Пегаса,
 Быстрого отдал коня...
 Всюду его *направляя*...
 С этим конем *ниспровергнул* дышавшую огнем Химеру.
 Взял он супругою душемогучего дочь Иобата,
 Милое чадо владыки достойного...
 90 Был повелителем...
 Та ему родила...

23 (49)

Он Алазига и Сема имел, сыновей благородных.

24 (50)

С сыном Лето и Зевеса любовно сошлась Арсиноя:
 Оною был Асклепий рожден, безупречный и мощный.

25 (51)

...отца бессмертных и смертных
 Ярость объяла, и, молнией жгучей ударив с Олимпа,
 Он Летоида сразил, тем Феба во гнев повергая.

26 (54)

Или же ту, что увез в колеснице, сколоченной крепко,
Фок пышноясенный Астеродию, *введя во чертоги*,
Деионея дочь веледушного взяв из Филаки:
10 Криса она родила с Панопеем, душою надменным,
Ночью одною...
Он же, прежде чем светоч сияющий солнца узрели,
Бой повели меж собой в материнской утробе просторной.
Им при рождении *Мойры недобрую долю соткали*:
Горе и гибельный спор...

27 (59)

Иль такова, что, в Дидиме на кручах святых обитая,
Подле Амира, что гроздьями щедр, на равнине Дотийской,
В озере дева невинная, в Бебеиде омывшая стопы...

28 (60)

Вестником ворон явился тогда со священного пира
В божью обитель Пифийскую молвить о сумрачном деле
Длиннокудрявому Фебу, что Исхий поял Корониду,
Сын Элата, — рожденную Флегием боголюбезным.

29 (61)

Глупо, оставив испытанный труд, за сомнительным гнаться.

30 (62)

Он по верхушкам колосьев бежал без ущерба для пашни,
В беге стремительном неся над гладью пшеничного поля,
Стеблей при том не ломая...

31 (64)

- 2 ...в женопрекрасной Фокиде
...нареченье...
...владыки...
.....
- 14 ...божественная Филонида,
Коей Автолик рожден с Филаммоном, прославленным речью;
Дальноразящему Фебу сего родила, покоряясь,
Оного ж, — лаской любовной затем сочетавшись с Гермесом
Аргоубийцею, богом Килленским — Автолика сына...

32 (67)

Все, что во длани возьмет, умел он незримым соделать.

33 (69)

Разум тогда из груди Зевес изъял Афаманта.

34 (70)

- 27 И от бессмертных богов и от смертных людей воздаянье
...дщери Левкона... свершили.
Взял Писидику Копрей, возлюбленный сын...
30 Внуком онъй рожден веледушному был Орхомену.
...на конях увез в колеснице, сколоченной крепко.
Та же в чертогах супругу сынов родила богоравных:
Мощного воя Аргинна с бойцом веледушным Гиппоклом.
Браком... Андреид Этеокл сочетался
...Миния внук, Орхоменом рожденный.
Ею был *Евемон* рожден, великий и мощный
...владел прекрасной землею
...блеском Харит обладавшую *взял Халкиопу*
...Комета. Из всех ему предпочтенье
40 *Отдал бог Аполлон* — из всех умирающую подвластных.
Сына она родила...

35 (73)

- Или же та, что великому славой Схенею-ладыке*
Дщерью была, — Аталанта, божественна, быстрая в беге,
...Харит обладавшая блеском.
Но отвергала она с человеческим родом общенье,
5 С трудоусердными мужами брака избежать желая.
...ради протяжноступавшей девы.

36 (75)

- ...Зевес, *протяженногремящий*
3 ...коней *быстроногих*...
6 ...устремилась протяжноступавшая дева
...вокруг многочисленной стали толпою
Мужи, пришедшие сватать. И все исполнялись восторга,
Взором приема, как дева дыхание Зефира одежды
10 Вкруг у нежных грудей *при движение* ее колыхало.
...премного сошлось народу
...Схеней возгласил громогласно:
«Всяк меня да услышит, хоть стар он будет, хоть молод!
Слово промолвлю, которое дух во груди побуждает:

Муж сей сватать желает мою круглоликую дочь,
 Я ж подвизанье назначу — да будет для нас уговором
 То, что теперь возмашу, а Зевес да свидетелем будет!
 ...испытанью подвергнется в беге. Коль оный
 Сможет победы достичь, Зевес наградит его славой,
 20 Также и прочие боги, имущие дома Олимпа.
 Милую деву тогда уведет он во отчую землю,
 Мне за нее ни коров, ни моши коней быстроногих
 В пышное вено из отчих не выдав чертогов, но сердцем
 Я возликую, труда исполненье нелегкого видя.
 Если ж того не изволит отец бессмертных и смертных...»

 Правой рукою...
 К ней потянулся в своем устремленье. Она же, увидев,
 Прянула вспясть. Не равное то состязанье, однако,
 30 Было для них: Аталанта, божественна, быстрая в беге,
 Мчалась, даров золотой Афродиты принять не желая,
 Оный же душу борению отдал, во коем иль смерти,
 Или спасенья искал, и промолвил, замыслив коварство:
 «Дочь Схенея, имущая чуждое жалости сердце!
 Дар сей приемли прекрасной богини златой Афродиты...»

 Так он сказал и стыд отчуждавшее яблоко бросил,
 40 Плод богини златой Афродиты...

 Сразу к стопам стремительно...
 Гарпия словно, парящими дланями дева немедля
 С почвы схватила. Другое он яблоко бросил на землю.
 Два уж взяла Аталанта, божественна, быстрая в беге,
 Яблоко третье у цели вблизи он бросил на землю,
 Так и смерти избежать сумев, и погибели черной.
 Бег свой окончил, дыша глубоко...

37 (86)

Ради нее во распрю вступили друг с другом...

ПОТОМКИ ИНАХА

38 (122)

Чад Ойней Инах — Крониду любезные воды...

39 (123)

Горные нимфы-богини от них затем появились,
Племя сатиров никчемных и нерасторопных в работах,
Также танцовщики игролюбивые — боги-куреты.

40 (124)

Клятву с тех пор утвердил, за которую нет наказания,
Людям для тайных деяний Киприды...

41 (128)

Аргос, безводный дотоле, Данай многоводным соделал.

42 (129)

...отдал...

10 Прета она родила и владыку Акрисия также.
Властвовал в Аргосе, пышновоздвигнутом граде, Акрисий

...гибельным камнем уметил. Супругой
Взял Евридику себе — богоравного Лакедемона
Дочь прекрасноразлитую, милую сердцем любезным.
В домах прекрасноразлитой Данаей она разрешилась,
Коей мощный Персей рожден, возбуждающий трепет.
Брат же Акрисия Прет во пышновознесенном Тирифе
Стал обитать и дочь веледушного Афиданта,
Сына Аркадова, взял во прекрасных кудрях Сфенебею.

.....
...волоокая их родила Сфенебея,
...взойдя на совместное ложе:
Афидантова дочь, веледушного сына Аркада.
...в рукоделье преславном искусных:
Ифианассу, Лисиппу и с ними еще Ифиною...

43 (132)

Похоти лютой во благо нежный цветок погубили.

44 (133)

.....
...беспредельную землю
Ибо насрал на главы чесотку ужасную оным:
Тело их повсеместно лишай покрывал, выпадали
5 Волосы долу с чела, и плешивели пышные главы.

45 (135)

- 2 ...Абант, чьим сыном родился Акрий.
 Ею Персей *был рожден*, в пучину во *полам* ковчеге
Брошенной. Оной для Зевса взлелеян *златой повелитель*,
Златорожденный Персей, любезный...
 Коему чад родила Андромеда, Кефеева дочь, —
 Электрионову силу, Алкея, а также Сфенела.
Электриону родить *сыновей*...
Тафии коих за бычьи стада...
 10 ...телебоям...
 Амфитрион...

46 (137)

Дочь Араба, который от бога благого Гермеса
 Фронией был рожден, что Бела-властителя дочь.

47 (141)

- ...уплыла за соленое море
Из отчизны на Крит, покоровшись коварству Зевеса.
 С ней сочетался любовью отец и почтил ее даром,
 Дав ожерелье златое: его Гефест славноковный
Сам сотворил — *украшение дивное*, — знаньем искусный,
Сам же отцу преподнес, и отец воспринял подарок,
После ж его вручил преславного Феника дочери.
 ...Европе протяжноступающей был он по сердцу,
 ...отец бессмертных и смертных.
 10 *Прянул тогда он с Олимпа* к прекраснокудрявой юнице.
 Оною были сыны рождены велемощному Зевсу
 ...мужей повелители многих —
 Минос, владеньем могучий, и с ним Радаманф справедливый,
 Божий еще Сарпедон, безупречный и мощновеликий.
Почести меж сыновьями Зевес разделил Промыслитель:
 ...над просторною Ликией властвует мощно
 ...пышнообительных градов
 ...удостоился чести великой
 ...велемощному пастырю ратей.
 20 *Оному три пережить поколения смертного люда*
Дал его возлюбивший премного Зевес Промыслитель
 ...вершил справедливость над многим народом
 ...для троян отвратителя бедствий
 ...сведущий брани
 ...знаки явив роковые
 ...Зевес, что в замыслах сведущ нетленных,
 ...объемля
 ...знак сей был от Зевеса

...Гектора-мужеубийцы
30 ...страдания соделал
...аргивянам.

48 (144)

Он же средь смертных царей пребывал наиболее царствен,
Властвовал множеством окрест живущих людей наибольшим,
Скипетр от Зевса имея, над градами властвовал мощно.

49 (145)

13 Взгляд на нее устремляя, исполнился страсти могучей
К зрелищу быка...
Миноса ласки познав, родила она мощного сына —
Диво для взора! — от плеч опускалось тело мужское
К самым стопам, но бычья глава возносилась над выей.

50 (146)

Также и юный Евригий во граде священном Афинах.

51 (150)

В недрах живущего люда и *неможных* также пигмеев
10 Рода несметного черных и с ними *еще длинноглазов*
...родила Земля-исполища
...всеобщего Зевса
...дабы богам во покорстве бессмертным, —
...К оним народам, что разум имеют сильнее, чем речи, —
К скифам кобылодоильным, к ливийцам, к мужам-эфиопам.
(Скиф был сыном рожден велемощного Кронова чада,
Люд эфиопов, великих душою, ливийцев и черных,
В недрах живущий народ и бессильное племя пигмеев —
Оные все из властного Мощнокрушителя рода.)
20 Эти народы они повидали, стремясь по кругу,
Гипербореев *затем* племена пышноконных *узрели.*
Мать-Земля многодетная их родила щедросевных
Подле возвышенных струй глубеводной реки Эридана,
...янтаря...
Атланта вышние кручи и скалообильную Этну,
26 *Остров* Ортигию также и край лестригонского люда.
28 Дважды вокруг ее облетели, кружась окрестно,
Эти — желая схватить, а те — ускользнуть и избегнуть.
30 Ринулись после они к племенам кефалленов надменных, —
Нимфа могучая их родила Калипсо от Гермеса, —
Также и в земли властителя Ниса, Аретова чада, —

- 27 Мощновеликому сыном оный рожден Посейдону.
33 Слышали голос волшебный Сирен, самих же, однако...

52 (151)

В край млекоедов, имеющих дома свои на повозках.

53 (156)

Тут взмолились они вышневластному богу энейцев.

54 (158)

...шум приглушенный от ног раздавался

55 (159)

Им же самим великое горе...

ПОТОМКИ ПЕЛАСГА

56 (161)

Были сыны рождены Ликаоном, царем богоравным,
Сам же он сыном Пеласговым был...

57 (165)

- 3 «...премного любезна бессмертным».
Молвил. И хладный у одного выступил пот, как услышал
Слово бессмертных, ему свой облик открыто явивших.
Деву заботою он окружил и взлелеял, в чертогах
Принял ее и почтил наравне с дочерями родными.
Царь мисиян Телеф был рожден, потомок Аркада,
Оною, в ласках любви сочетавшейся с мощью Геракла, —
10 Коней тогда добывал он славного Лаомедонта,
Лучших в беге, которые вскормлены твердью Азийской.
Оный тогда разорил веледушных потомков Дардана,
Карой воздав и изгнав отовсюду из отчего края.

- Сам же Телеф поворачивал меднодоспешным ахейцам
15 *Рати воспятъ, что во оные дни* на судах чернобоких
...приблизилась к мужепитающей тверди...

58 (166)

Были Эпитом сыны рождены Тлесенор с Пирифоем.

59 (167)

Фелл, пышноясенный воин, рожден Мелибеей преславной.

ПОТОМКИ АТЛАНТА

60 (169)

Милую деву Тайгету с сестрой темноокой Электрой,
Дев Келено, Алкиону, божественную Астеропу,
Майю с Меропой — их всех породил блистательный Атлант.

61 (170)

В горной Киллене рожден был Гермес, возвеститель
бессмертных.

62 (171)

...Амикл...
...дочь Лапифа,
...земного...
...что красу обрела от бессмертных,
...пышнокудрую взял Диомеду.
Оною был рожден Гиакинф, безупречный и мощный,
...которого некогда собственной дланью
Феб длинновласый сразил ненароком губительным диском.

63 (175)

Дочь Гермину она Менелаю дала копьеборцу,
Младшим ко брани рожден Никострат, Аресова поросль.

64 (176)

...Милоулыбчивая Афродита,
Это проведав, во гневе послала им славу худую.
Так удалилась Тимандра, оставив супруга Эхема,
С мужем Филеем, который блаженным бессмертным любезен;
Так, с Агамемноном богоподобным расставшись, Эгисфа
К ложу взяла Клитемистра и худшего мужа избрала;
Так Менелай светлокудрый Еленю был опозорен.

65 (177)

⁵ Дева Электра...
Чад родила, покоренная облачномрачным Кронидом:
Сына Дардана...
С Этионом...

Некогда онъй на ложе взошел к многодатной Деметре,
10 Жизнь, однако, отринул отец бессмертных и смертных
Этиону-владыке, блестящую молнию бросив,
В кару, что лаской и ложем он сочетался с Деметрой.
Брат же Дардан...
Чада его — Эрихтоний...
С Илом...

66 (180)

.....
2 ...возлежал заботой, как сына родного,
...Азии край хлебодатной
...пастыри подле кружащего Герма
...с Дарданом пришли, добродетельным сыном Электры,
...грозодушного мужа Бротей
...вено несметное дав за пышнокудрявую деву:
Дал драгоценное золото и коней пригнал русогривых,
Также коров *велемощных* стада и отары овечьи,
10 Ибо средь женского рода она красотою блистала.
Чад ему родила, взойдя на совместное ложе, —
Сына дала Пандиона в чертогах высоких...
Пышноланитную дочь круглолицую, скромную нравом
...чей облик с богинями спорил.
15 Деву на конях увез в колеснице, сколоченной крепко,
Муж пышноясенный, *сделав* цветущей *супругой*...

67 (181)

Или же ту, что в Беотии в Гирии девой взрастала.

68 (190)

.....
...на кровь ополчились родную.
После сынов родила несравненная дочерей в чертогах —
Астидамею, Никиппу и с ними еще Лисидику,
5 Кних Персеевы чада за вено супругами взяли.
Астидамею своею супругой цветущею сделал
Равновеликий бессмертным Алкей, побудитель...
.....
10 Сила Сфенела-владыки в любви сочеталась с Никиппой.
.....

69 (193)

1 ...Алкмеона, пастыря ратей,
...кадмеянки длинноодежны

...застыла, взирая на тело
...велеславного чада Эдипа *могучие длани*
.....

- Или же ту, что в Тиринф от Алфеевых глубоководий*
10 Электрион увез в колеснице, сколоченной крепко, —
Пелопа дочь Лисидику, красой знаменитую деву.
Ею сыны рождены, на совместное ложе взошедшей, —
Славный боец Горгофон и с ним *Перилай* копьеборный,
...Келаней с Амфимахом и Номий,
Также еще Деимах, Эпилай и Еврибий преславный.
Тафии славноладейные с оных восхитили брони,
Ради протяжнобредущих коров с островов Эхинадских,
Вдаль на своих устремясь кораблях чрез просторы морские,
Только Алкмена утехой осталась родителям милым —
20 Славному Электриону, супруге его Лисидике.

70 (195)

- 3 ...прекраснолодыжную взял Аэропу
...в чертог, нарекая супругою милой.
Оной рожден Менелай *многомощный*, любезный Аресу,
Доблестный с ним Агамемнон, что в Аргосе многораздольном,
Радость отцу принося, предводителем был и владыкой.

СВАТОВСТВО ЕЛЕНЫ

71 (196)

- ...предводитель мужей копьеносных
...среди всех мужей наилучший
...копием заостренным
...процветающий град за единую деву
5 ...что облик имела златой Афродиты.
Леда ее родила, Харит обладавшую блеском.
Так проходили года: у царя Тиндарея и Леды
В пышных чертогах взростала их дочь — темноокая дева...

72 (197 — 199)

- Столько и жен, в рукодельных трудах безупречных искусниц,
Каждая кубок златой при этом имела во дланях.
Так вот Кастор тогда и с ним Полидевк *многомощный*
Зятя себе избирали по доблести, но Агамемнон,
15 Зятем уж бывший, о брате старался родном — Менелает.
Двое сынов Оиклида державного Амфиарая
С Аргоса ближнего прибыли свататься, оных, однако,
Гнев бессмертных настиг, а с ними и возмездие смертных...
.....

- 20 Чужды были деянья коварные чадам Тиндара.
 Сватать явилась с Итаки священная мощь Одиссея—
 Сын Лаэрта, что в замыслах был многоковных искусен.
 Этот даров не принес за прекрасноступавшую деву,
 Ибо о том уже ведал в душе: Менелай светлокудрый
 Всех превзойдет, коль сильнее богатствами прочих ахеян.
 Оный во Лакедемон отправлял непрестанно посольства
 Кастору, коней смирителю, с мощным бойцом Полидевком.
 Сватать пришел с Этолийского края Фоант, Андремоном,
 Чадом Арета, рожденный, давая несметное вено:
 30 Много сребристых овец и ленивых быков круторогих...
(Оный во Лакедемон отправлял непрестанно посольства)
 Кастору, коней смирителю, с мощным бойцом Полидевком,
 Стать супругом дабы пышнокудрой Елены Аргивской,
 Лика не видел ее, но слушая речи чужие.
 Доблестью славные сватались двое мужей из Филаки:
 Сын Ификла Подарк, Филакова рода потомок,
 С Актора сыном достойным — безудержным Протесилаем.
 Оба во Лакедемон они отправляли посольства
 40 В дом Тиндарея, Ойбалова духом отважного сына,
 Много давали даров за великую женскую славу —
 Меди...
 Злата...

73 (200)

- ...душою премного желая,
 Стать супругом Елены Аргивянки пышнокудрявой,
 Сватать пришел из Афин Менесфей, Петеево чад.
 Многие дал он дары и премного обильным приданым
 5 Он обладал, поелику котлы, и треноги, и злато —
 Много добра пребывало во доме царя Петеея,
 Коими сердце его побуждало сосватать супругу.
 Отдал всего в изобилье, дабы превзойти не случилось
 Прочим мужам знаменитым его ни в дарах, ни в богатстве.

74 (203)

...Ибо дал копие Олимпиец потомкам Эака,
 Амифаоновой поросли — разум, богатство — Атридам.

75 (204)

...Сватал. Обильем даров светловласому лишь Менелаю
 Он уступил, поелику премного стремился душою
 Стать супругом Елены Аргивянки пышнокудрявой.
 Из Саламина явился Аякс, безупречный воитель,
 Сватать. Творения дивные веном давал он достойным,

- Ибо Трезеном владели и с ней Эпидавром прибрежным,
 Также Эгиной с Масетом ахейн сыны обладали,
 Градом тенистым мегар и на холме стоящим Коринфом,
 Градами подле пучины морской — Гермионой с Асиной.
- 10 Людям тучных овец и быков праздногого во вено
 Гнать приказал властелин, протяженным копьем знаменитый.
 Вождь мужей Элефенор явился с Эвбейского края —
 Сын Халкодонта, властитель нетрепетных духом абантов, —
 Сватать с обильем даров, премного стремясь душою
 Стать супругом Елены Аргивянки пышнокудрявой.
 Идоменева мощная сила явилась с Крита —
 Сватать пришел Девкалид, гордовластного Миноса отрасль.
 Оный посла не отправил жены для него добиваться —
 Сам на веслообильном своем корабле чернобоком
- 20 Прибыл он чрез темные воды Огилова моря
 К душеотважному в дом Тиндарею, своими очами
 Жажда Елену Аргивянку зреть, не довольствуясь словом,
 С уст изреченным чужих, что молвой по земле прокатилось...
-
- 40 Он пожелал, чтобы все женихи нерушимую клятву
 Дали, ...велел возлиянье
 Вместе свершить, что, кроме отца, никто да не смеет
 Брака с прекраснораменною девою решать: коль посмеет
 Силой же кто захватить, справедливость и стыд презирая, —
 Всем противу того надлежит устремиться немедля,
 Кару ему воздавая. И сразу же все согласились,
 Ибо на свадьбу надеялся каждый, однако над всеми
 Верх одержал Атрид Менелай, любезный Аресу,
 Веном всех превзойдя, коль Хирон на густом Пелионе
- 50 Лучшего в сонме мужей — быстрого сына Пелея
 Тою порою растил: Менелай ведь, любезный Аресу,
 Не превозмог бы его, и никто из мужей землеродных,
 Брака с Еленой искавших, коль встретился б с оною девою,
 В дом с Пелиона возвратно придя, Ахиллес быстрый.
 Взял, однако ж, ее Менелай, любезный Аресу.
- Та ж родила пышноноспную дочь Гермиону в чертогах
 Вне ожиданий. Все боги в душе меж собой разделились
 Распрею, ибо замыслил в те дни богодивное дело
 В высях гремевший Зевес — беспредельную твердь во смятенье
- 60 Мощно повергнуть и род человеков, судьбине подвластных,
 Многовозросший скорей истребить, дабы не стубили
 Души свои полубоги средь люда, подвластного смерти, —
 Дети богов, чьи очи средь смертных взирали на солнце, —
 Нет, но, блаженными став, дабы пребывали, как прежде,
 Жизнь и обитель имея поодаль от смертного люда.
 ...и богов, и людей, умирающую подвластных.
 ...терпеть за страданьем страданье
- 78 ...сказать не сумеют

80 Смерти подвластные люди и сами блаженные боги,
Прежде чем медью в Аид ниспровергнутся многие главы
 Мужей-воителей, смертию павших во яростной сече.
 Нет, не постичь никому промышления отчего силы.
 Словно избегнувших гибели *радут* чада родные
 Смертных людей, веселился и сам бушеванием сердца
 Велемогучий родитель, дерзая измысливший мужам.
 Много на землю с высоковетвистых деревьев облетевшей
 Сыплется пышной листвы, и плод низвергается долу,
 Дует когда многомощно Борей по велению Зевса,
 90 *Грозно* вздымается море, и все пребывает в испуге,
 Сила смертного люда слабеет, и плод погибает,
 Вешней порою, когда среди гор безволоса рождает
 В недрах глубинных земли троегодно потомство тройное.
 Она в горные чащи, в густые дубравы весною
 Ринет, спеша от людской ненавистной тропы удалиться.
 Склоны и доли...
 Зимнее время когда же проходит...
 Будет лежать облаченным...
 Грозный змей на багровой спине...

ФРАГМЕНТЫ,
 МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ КОТОРЫХ
 НЕ УСТАНОВЛЕНО

76 (205)

Та же, зачатие впив, родила конеборца Эака.
 Младости срока когда ж он премногожеланной достигнул,
 Скорбь одиночества нес, но отец и бессмертных и смертных
 Всех муравьев, что на острове том обитали прекрасном,
 Во мужей обратил и во жен, подпоясанных низко,
 Те же корабль обоюдовскругленный впервые воздвигли,
 Парус воздели впервые — крыла мореходного судна...

77 (209)

Сердцу его наконец показалась лучшею дума:
 Гостя там задержать и клинок схоронить неприметно
 Пышный, который тому изготовил Хромец многославный,—
 Меч пытаясь найти, сей муж среди гор Пелиона
 Горноживущими будет кентаврами вскоре растерзан.

78 (211)

...Во Фтию, отары овечьи кормящую, прибыл,
 Много богатств принеся из Иолка, что плясками славен,
 Сын Эака Пелей, богам бессмертным любезный.

Зрел на то весь народ, и сердце у всех волновалось:
Пышновоздвигнутый град он повергнул, теперь же справляет
Свадьбу желанную. Слово такое ему изрекают:
«Трижды, четырежды счастлив Пелей Эакид да
пребудешь!

Даром великим Зевес Олимпиец широкогремящий
Честь тебе оказал, а боги блаженные — свадьбой.
10 В этих чертогах теперь, восходя на священное ложе...

79 (215)

Или же та, что во Фтии, красую Харит обладая,
Возле Пеней жила, прекрасная дева Кирена.

80 (221)

Но с Телемахом прекраснопоясная Поликаста —
Самая младшая Нестора, чада Нелеева, дочь, —
Властью златой Афродиты сойдясь, родила Персеполю.

81 (227)

Мужи Евмолп и Долих, и Гиппофоонт веледушный

82 (228)

...Керик, узревший гонителя коней

83 (229)

6 ...Ныне на снегообильном Олимпе во сонме блаженных
Он обитает вседневно вдали от забот и печалей,
Чуждый старенью и смерти с *премногожеланною* Гебой,
Зевсом великим рожденной и Герою златообутой.
10 Гере лилейнораменной ранее был ненавистен
Онъй средь смертных людей и блаженных богов наиболее,
Ныне ж его возлюбила, меж прочих бессмертных возвысив
Честью особою после великого мощью Кронида...
...снегообильный Олимп...
...Харитам подобную ликом и станом
...сокрушителю градов Гераклу
...глубиннострующийся сребротекущий
...волны к пучине божественной катит

84 (233)

...Им *тредольное* всем нареченье:
Натрое землю вдали от отчизны они разделили.

85 (234)

Ибо Локр выводил во сражения рати лелегов —
Некогда Зевсом Кронидам, что в замыслах сведущ нетленных,
Девкалиону врученные рати землею рожденных.

86 (235)

Воя Илея, что Фебом возлюблен, Зевесовым сыном,
Имя такое ему утвердившим за то, что, с любезной
Девою встретившись, с ней сочетался любовною лаской
В день, в который стену вкруг пышновзнесенного града
Ввысь воздвигали стараньем своим Посейдон с Аполлоном.

87 (239)

...Кои людям Дионис дал к ликованью и скорби:
Пьющего вдоволь хмельное вино сотворяет безумцем,
Вяжет и руки, и ноги, и речь, и рассудок сжимает
Цепью незыблемой, сладкое нежит его сновиденье.

88 (240)

Край Геллопия есть многолюдный и пажитнопышный,
Щедрый стадами овец и коров, лениво бредущих,
Мужи в коем живут с изобильем коров и баранов,
Племени там не счесть человеков, подверженных смерти.
Подле границ той земли воздвигнута ими Додона.
Град сей Зевес возлюбил и свое прорицалище в оном,
Чтимое родом людским...

...пребывает в подножии бука:

Люд, населяющий землю, вещанья оттоль получает.

- ¹⁰ Всякий, бессмертного бога сюда вопрошать приходящий,
Дар принеся и явившись при благодном птичьим полете...

89 (РОху 2509)

...Ринувшись бурно, она пронеслась чрез эфир непосевный.
После ж достигла великой пещеры Хирона, в которой
С нимфой-наядой Хирон обитал, с милой сердцу супругой.
Там ко Филлирину чаду крылатое молвила слово:
«Ведаешь сам ты, Хирон, ибо ты — из блаженных бессмертных,
Будет в грядущем преславной Семелы потомок прекрасный,
Зевса эгидодержавного сын Дионис, ликованьем
Щедрый. Когда по горам с псами...

- ¹⁰ Так забавляясь. Когда же отец и бессмертных и смертных
Снова его уведет меж богов в вечносущее племя,

...все дни напролет...»

Так говорила эгидодержавного Зевса великого дочь.

[ГЕСИОД]
ВЕЛИКИЕ ЭОИ

1 (248)

Сын мой! Рожден ты воистину многострадальным и лучшим
Зевсу-отцу...

2 (249)

...многострадальным и лучшим ты Мойрами создан.

3 (251)

...Розоводланную дочь Евехму дала с Аристехмой,
Коих Бутиды...
К бранелюбивому Кеику в царские взяли чертоги:
Поликаон одеянья влекущую взял Аристехму,
Деву на конях увез в колеснице, сколоченной крепко.
Оная чад боговидных ему родила во чертогах —
Добрых сынов Деимаха, Стефана...
Поликреонт же своею супругой цветущею сделал
Деву Евехму, что женское племя красой затмевала.
10 Хересилай же, Иасия сын...
Деву на конях увез в колеснице, сколоченной крепко.

4 (252)

В жены себе Филант Иолая преславного дочь
Взял Липефилу, чей облик с богинями спорил Олимпа.
Сына Гиппота она родила во чертогах супругу
С дивною вместе Феро, что с блистанием месячным схожа,
С тою Феро, что, в объятия нежные пав к Аполлону,
Крепкую мощь родила Херона, смирителя коней...

5 (253)

Или же велеразумная Мекнионика, которой
В Гирии дан Земледержцу Евфем, со Вздымателем суши
В ласках любовных смешались обильнозлатой Афродиты.

6 (257)

Муж Гиетт, Арисбантова милого сына Молура
Во чертогах сразив, — осквернителя брачного ложа,
Дом оставил и конепитающий Аргос покинул,
В Миниев град бежал Орхомен, в котором воитель
5 Принял его и почтил надлежащею долей богатства...

[ГЕСИОД]
СОШЕСТВИЕ ПИРИФОЯ

1 (280)

«...ни силой сразить, ни копьем длиннотелым:
Нет, но гибельной Мойрой и сыном Лето я погублен!
Ныне ж поведай, о том рассказав непреложную правду:
Путь столь далекий проделав, в Аид для чего ты спустился?
Кто сей муж, что идет за тобою соратником верным?

...для чего живым ты здесь оказался?»

...и первым вымолвил слово:

...к пастырю ратей, —

То ему вложено в мысль Эринией, грозной богиней:

10 «Зевсова ветвь, Мелеагр, грознодушного чадо Ойнея!

Словом ответным тебе нерушимую истину молваю:

...достославную Ферсефонею

...радостногромного Зевса

Также согласно законам бессмертных сосватать супругой,

Ибо о том говорят, что *сестер велеславные* братья

Брали в супруги, сосватав без воли родителей милых.

Так средь блаженных сосватать супругу и оный возжаждал,

Взяв родную сестру — своего же родителя дочь:

Ближе ему, чем Аиду великому, — он полагает, —

20 Ферсефонея рождением — дщерь пышновласой Деметры.

Молвит, что брат он родной, одним отцом порожденный,

...Аид его встретит как дядя любезный.

Вот для чего, говорит он, сошли мы во сумрак воздушный».

Молвил. И, слово его услышав, Ойнеид содрогнулся.

Так затем говоря, он отвечал сладостной речью:

«Внемли, Тесей, совещатель доспешномогучих афинян!

Иль целомудрую *Гипподамию* не взял во супруги

...Пирифой веледушный?»

[ГЕСИОД]
ЭГИМИЙ

1 (294)

Стражем к Ио был Аргус приставлен, великий и мощный,
Четверо глаз у которого бдели, взирая повсюду.
Силой богиня его наделила безустальной: очи
Сон ему не смежал, он был непрестанно в дозоре.

2 (296)

...на божественном острове: звали его Абантидой
Некогда вечно живущие боги, но именем бычьим
Зевс ту землю нарек — «*Прекрасной быками*» Евбей.

3 (298)

Страстью ужасной томим к Панопеевой дочери Эгле.

4 (301)

Ратей владыка! Моя прохладная роща здесь будет.

[ГЕСИОД] МЕЛАМПОДИЯ

1 (270)

Кедра и сумраконосной сосны безжалостным дымом...

2 (271)

Вестник стремительный Мар устремился к нему чрез покои,
Полный серебряный кубок принес и вручил властелину...

3 (272)

Дланями упряжь с быка совлекает тогда прорицатель,
Зверю Ификал по спине проводит руками, а сзади,
Кубок одною рукой воздымая и скипетр другою,
Шаг направляет Филак и так говорит домочадцам...

4 (273)

Сладостно также узнать и о том, что соделали смертным
Боги бессмертные — доблести явственный знак иль позора.

5 (274)

...среди яств и роскошного пира
В слове усладу черпать, насытившись яствами вдоволь.

6 (275)

Муж из десятка частей наслаждается частью одною,
Чувством своим в наслаждение жена восполняет десяток.

7 (276)

Зевс-родитель! О, если бы менее века для жизни
Я от тебя получил и промыслы сердцем изведal
Те, что смертным знать подобает. Нерадостно ныне,
Хоть наделил ты меня многодлительным веком для жизни,
Равным семи поколениям людей, умирающую подвластных.

8 (278)

- а. «Мне изумление душу объемлет: на древе столь низком
Смоквы в таком изобилии выросли. Сосчитать их попробуй!»
б. «Десять тысяч плодов — их мера медуны составляет.
Лишняя смоква одна, но ее не сумеешь исчислить».
Так он сказал. Измерения число оказалось точным.
Смерти тогда забытие укрыло навеки Калханта.

КИКЛИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

ТИТАНОМАХИЯ

1 (4)

Там златовидные резвые рыбы, идущие в зыбях,
Плыли по морю, резвяся игриво в нетленной пучине.

2 (6)

А посредине плясал отец бессмертных и смертных.

3 (11)

Племя людское привел к справедливости он, указуя
Клятвы, свершение жертв в ликовании, облик Олимпа.

ЭДИПОДИЯ

1 (1)

Также средь прочих красой превосходный и обликом милым,
Гемон, подобный богам, безупречного чадю Креонта...

ФИВАИДА

1 (1)

Аргос, богиня, воспой многожаждущий, в коем владыки...

2 (2)

Тут Полиник светлокудрый, воитель Зевесова рода,
Стол пред Эдипом сперва не замедлил поставить прекрасный
Богоразумного Кадма серебряный, после ж наполнил
Сладостным винным напитком прекрасную чашу златую.
Тот же, однако, поняв, что подле него пребывает
Дар многоценный отца, превеликой исполнился злобы:
Грозным проклятьем родимых сынов — и того, и другого, —
Тут же он проклял, и долго Эринии ждать не пришлось:
В добром согласье наследство отца сыновья не делили
¹⁰ Между собою, но распри всегда и сраженья обоим...

3 (3)

Наземь он бросил бедро, распознав, и слово промолвил:
«Горе! Коль чада мои, нанося оскорбленье, прислали...»
К Зевсу-владыке взмолился о том и ко прочим бессмертным,
Дабы в Аид низойти сыновьям убиеньем взаимным.

4 (4)

Следуй повадкам полипа, дитя, Амфилох-ратоборец:
Всюду, куда б ни явился, туземный приемли обычай,
С местностью будь в сообразье, превратным в превратную пору.

5 (7)

Мчал Арион темногивый прикрытого рубищем жалким.

6 (10)

Равно он мог прорицать и копьем подвизаться в сраженьях.

ЭПИГОНЫ

1 (1)

Ныне же, Музы, начнем о младших мужей поколение...

2 (4)

Стали дары для людей причиною многих несчастий.

3 (7)

Но, отдохнувши, взялись они снова...
Бросились бешено к башням с неистовым воинским криком.

АЛКМЕОНИДА

1 (1)

Фоку тогда Теламон, подобный богам, воскрутленным
Диском уметил в главу, а в средину спины пышномедной
Рьяно ударил Пелей сотрясенной во длани секирой.

2 (2)

...уложив мертвеца на широком
Низкоустроенном ложе, обильные им предоставил
Яства и чаши, а также венки, чтобы главы украсить.

3 (3)

Гейя Владычица! Ты, о Загрей, средь богов величайший!

КИПРСКИЕ ПЕСНИ

1 (1)

В оные дни разрослось по земле повсеместно без счету
Племя людское, давящее Гейе простор пышногрудой.
Сжалился видевший это Зевес и во частых раздумьях
Мысль возымел облегчить от людей всекормящую землю,
Распря великую битв Илионских на то возбуждая,
Опустошение тягостной смертью дабы наступило.
Гибли у Трои воители: Зевсова воля свершалась.

2 (4)

Тело свое облачила в покровы: Хариты и Оры
Их сотворили, окрасивши соками внешнего цвета.
Оры ступают в покрывах таких: гиацинта, шафрана,
Пышноцветущей фиалки, прекраснейшей завязи розы,
Сладким нектаром пропитанных в чашечках пищи бессмертной,
В благоухающем цвете нарцисса. И так Афродита
В ткань облачилась, хранящую каждой поры благовонье.

3 (5)

В сонме прислужниц своих Афродита с улыбкою нежной,
Свивши венки из душистых цветов луговых, возложила
Их на главу, и за нею богини в повязках блестящих —
Нимфы, Хариты и с ними сама Афродита золотая,
Песнь возглашая на Иде — прекрасной горе многоструйной.

4 (6)

Нить самоцветных камней на мраморной вые сомкнулась.

5 (7)

Внутрь устремляется он, во владенье берет почивальню.

6 (8)

Смертен был Кастор, ему причиталась смертная доля;
 Был Полидевк, однако ж, бессмертен, Аресова отрасль.

7 (9)

Третьей она родила всем смертным на диво Елену;
 Ласки насильно приняв, в прекрасных кудрях Немесида
 Зевсу, владыке богов, родила ее против желанья.
 Бегством пыталась уйти, сочетание в ласках отринуть
 С Зевсом-отцом Кронионом, стыдом во сердце терзаясь,
 Праведным гневом. На суше, во мрачных потоках бесплодных
 Бегством от Зевса спасалась, но оный возжаждал настигнуть.
 То под волной многошумной пучины она укрывалась,
 Рыбье обличье приняв, воздымала великое море,
 10 То на окраине мира земного в реке-Океане,
 То на земле, изобильной полями, то в образе зверя,
 Коих обильно питает земля, — искала спасенья.

8 (15)

Линкей же немедля
 В горы Тайгета пошел, полагаясь на быстрые ноги.
 Там, на вершину взойдя, обозрел он остров всецельно
 Пелопа, сына Танталова. Славный воитель обоих
 В дубе очами могучими вскоре узрел в пустотелом —
 Кастора, коней смирителя, вместе с бойцом Полидевком...

9 (16)

Эту ль толпу от меня не прогонишь, старик горемычный?

10 (17)

Ибо вино, Менелай, сотворили бессмертные лучшим
 Средством печали унять для людей, умирающих подвластных.

11 (18)

Зевса-творца, от которого сущее все возрастает,
 Он помянуть не желает? Где страх, там всегда и почтение.

12 (25)

Нет, не желал я отнюдь Ахиллеса могучее сердце
 Ввергнуть во гнев столь великий, — ведь он мне любезен
 премного.

13 (32)

Чудищ ужасных, зачав от него, Горгон породила:
Стал Сарпедон обителью им в Океане глубоком,
Остров скалистый...

14 (33)

Кто убивает отца, но щадит сыновей, — неразумен.

15 (40)

Плыли на Скирос — долопову землю...

ЭФИОПИДА

1 (1)

Гектора так они погребали. Затем амазонка,
Дщерь веледушного мужеубийцы Ареса, явилась
Пенфесилея, прекрасная ликом, дочь Отреры.

2 (2)

Мне расскажи, из какого ты рода, жена, приходишь?

МАЛАЯ ИЛИАДА

1 (1)

Муза, скажи мне о том, чего не случилось прежде,
Также чего не случится в грядущем...

2 (2)

Ибо поднял Аякс от земли и вынес из битвы
Воя Пелида, чего не дерзнул Одиссей богоравный.

.....
Что я в ответ изреку? Что слово твое недостойно?
Тягость снесет и жена, коли муж ее сильный возложит,
Но не сразится жена...

3 (5)

.....вокруг повершенья
Злато сверкает, поверх острие двоедольное вздето.

4 (9)

Ночи середина была, появился сияющий месяц.

5 (21)

Сын знаменитый, что был Ахиллесом рожден веледушным,
Гектора взявши супругу, увел к кораблям крутобоким,
Чадо ж, отторгнув от лона кормилицы пышноволосой,
С башни низринул, за ногу схватив, и оного павшим
Вмиг обуяла багровая смерть и всеильная участь.
[В плен Андромаху увел он, пышнопоясну супругу
Гектора, — оною лучшие в стане ему всеахейском
Дали владеть, отмечая наградой желанною мужа.
Также преславную отрасль Анхиса, смирителя коней,
¹⁰ Онъй увел к кораблям пучиннопроходным — Энея,
Дар в обладанье взяв между всеми данаями лучший.]

6 (23)

В пору, когда огурец возрастает на поле росистом.

7 (24)

К Скиросу буря тогда занесла Ахиллеса Пелида,
Пристани он неприветной достигнул ночью порою.

8 (28)

Град Илион с пышноконной Дарданием я воспеваю,
Множество бед ниспославшей данаям — Аресовым слугам.

9 (29)

Винную поросль за сына ему искупительной платой
Отдал Кронид, покрытую нежной листвою золотою
С гроздьями. Дар сей Зевесу-отцу изготовлен Гефестом.
Лаомедонту же после вручен взамен Ганимеда.

10 (32)

.....
...к островам *посреди Океана в обитель блаженных*
...боги пошлют, где живет Радаманф светлокудрый». *»*.
Так возгласил, а затем на далекий Олимп удалился.
...устремились ахеяне пышнопоножны.
Лишь увидали ахеян, поднимающих труп Ахиллеса,
...во брони облекшись, а оные все совокупно

...подвизаться вкруг мертвого тела.
 Слово тогда Лаэртид Теламонову сыну промолвил:
 10 «Сын Теламонов, Аякс богородный, владыка народов!
 ...на плечах да вынесем мервое тело
 ...в душе...
 Вынесу я на плечах, а ты...»
 ...достигли троян и ахеян
 ...Ахиллесово мертвое тело...
 ...с неба на землю
 ...на многопитальную землю
 ...с высот...
 ...дуновеньем...
 20 ...твердь увлажняла...
 ...труп Одиссей поднимал...

РАЗРУШЕНИЕ ИЛИОНА

1 (1)

В граде, тобою основанном, боги в чести непрестанной
 Вечно да будут, опекою чтимые, жертвами, пляской,
 Ибо доколе пребудет на вашей земле сей священный
 Дар от Зевесовой дщери супруге твоей, неприступным
 Будет твой город вседневно стоять и во всякое время.

2 (4)

Их ведь обоих почтил отец Земледержец преславный
 Даром, но каждого в деле ином знаменитым соделал:
 Легкие длани тому сотворил к извлеченью из плоти
 Лезвий, к сечению тел, к исцелению всяческой раны,
 Этому — знание в перси вложил обо всем, что незримо,
 Точное — дар врачевания неизлечимых болезней.
 Первым оный узнал потому о безумье Аякса,
 Видя сверканье очей и рассудок его отягченный.

3 (6)

Чадам Тесея наградой воздал Агамемнон могучий,
 Пастырю ратей воздал Менесфею великому духом.

4 (7)

...А Ямб непоодаль,
 Выставив ногу, стоял, чтоб его напряженные члены
 Силу давали ему и вид, готовый к движенью.

ВОЗВРАЩЕНИЯ

1 (1)

Юношей милым Эсона она сотворила цветущим,
Старость немедля ему отрешив промышлением искусным,
Многие зелья в котлах золотых для того приготовив.

2 (8)

Вводят дары в заблуждение и разум людской, и деянье.

3 (11)

Гермионей, во стремительном беге настигнувший Иса,
Оному меч в поясицу вонзил...

ТЕЛЕГОНΙΑ

1(1)

Жадно и мясом питался без меры, и сладостным медом.

ДРУГИЕ ЭПИЧЕСКИЕ ПОЭТЫ VIII — V вв.

ЕВМЕЛ КОРИНФСКИЕ СКАЗАНИЯ

1 (2)

Множество было голов у него и множество дланей.

2 (3)

После ж, однако, когда родилися Ээт с Алоэем, —
Гелию чад сих дала Антиопа, — страну равнодольно
Гипериона блистательный сын разделил меж потомков:
Дал богоравному он Алоэю Асоповы земли,
Все же владенья Эфиры богатой достались Ээту.
Волей своею он Буну ее поручил для опеки,
Сам не вернется пока или кто из его поколения —
Сын или внук, поелику отправился в землю Колхиды.

3 (8)

Выя благая, богатствами щедрая хвойного Истма,
Край Океановой дщери Эфиры, во коем родитель
Ламии, матери милой моей, Посейдон в состязанье
С Гелием первый вступил и сподобился чести единый.

ЕВРОПИЯ

4 (12)

Мы ж божеству в десятину отборную часть да повесим
В храме святом на высоком столбе, подпирающем кровлю.

ФОРОНИДА

1 (2)

Там чародей
Мужи Идейцы Фригийские в горных домах обитали —
Келмий и Дамнеменей, и огромный Акмон многомощный,
В деле проворные слуги владычицы гор Адрастеи,
Первыми кои искусства обильного мыслью Гефеста

В рощах измыслили горных: фиалково-темные руды
В огонь погрузили они и свершили прекрасное дело.

2 (4)

Ключницей дева была Каллифоя царицы Олимпа
Геры Аргивской, она же венцами, повитьми шерстью,
Первая столб увенчала высокий окружно богине.

3 (5)

Оному имя «Гермес-благодаеть» измыслил родитель:
Всех — и бессмертных богов, и людей, умирающе подвластных,
Он превзошел в мастерстве воровства и искусстве наживы.

4 (6)

...и сама меченосная дева,
К битвам зовущая, ярых мужей защитить не сумеет.

ДАНАИДА

1 (1)

Дщери Даная поспешно взялися тогда за оружие
Подле теченья прекраснотекущего Нила-владыки.

НАВПАКТСКИЕ СКАЗАНИЯ

1 (1)

Самой же младшей из дев наречение дал Эриопа,
Звали, однако, ее Алкимахой Адмет и родитель.

2 (2)

Он же вблизи побережья просторно бегущего моря
В доме своем обитал с изобилием быков и баранов.

3 (6)

Страсть Афродита-богиня наслала тогда на Ээта
В ласках любовных смешаться с супругой своей Еврилитой,
В сердце стараясь о том, Ясон дабы по совершенно
Подвига в дом возвратился, а с ним и соратники-други.

4 (7)

Прочь из чертогов бежать бысролетною черною ночью.

АСИЙ

1 (1)

Зет Антипой рожден и с ним Амфион богоравный,
Дщерью Асопа — реки, глубоводные струи катящей, —
Зевсу в любви покорясь и ратей вождю Эпопею.

2 (2)

Он миловидной рожден Меланипой в чертогах у Дия.

3 (8)

Был богоравный Пеласг среди гор, густо лесом покрытых,
Черной Землею рожден, чтобы племя людей прибывало.

4 (10)

Также и дщери Икария — Меда и с ней Пенелопа.

5 (13)

Так торопились они, упорядочив гребнями кудри,
Геры святыню почтить, во прекрасны покровы облекшись.
Были на них до широкой земли ниспадавшие платья,
⁴ Грозди златые вносились на главах, подобно цикадам,
⁵ Ветер власы колебал, золотою скрепленные вязью.
Наручья дивной работы смыкались у них на запястьях,
Им придавая тем самым подобье бойцов щитоносных.

МЕРОПИДА

1 (1)

Ко племенам же когда он пришел беспощадных меропов,
Лук напрягая...

2 (2)

Но не могла укротить стрела боевая Астера.
Трижды ее он метал, но тела его не достигнул:

Словно от твердой скалы отражалось, падая наземь,
Грозное жало, и горькой кручиной Геракл сокрушался,
Видя...

3 (3)

Он самого бы Геракла повергнул, однако Афина
Громом великим вздремела, с заоблачных высей спустившись.
Дланью ударив по нежному телу, она появилась,
Став пред Гераклом-владыкой, а онный узрел и, волнуясь
Духом, богиню узнал...

4 (4)

Он устремился на толпы меропов, она же пронзила
Грудь копием супротивнику, — Астер низвергнулся долу:
Силы неравны бессмертных и землеобительных смертных.
С грохотом пал он, и черный ему опустился на очи
Сумрак, а дух нечестивый ушел во владенья Аида.

5 (5)

В шкуру его облачиться решила немедля Афина.

6 (6)

Всю совлекла с него крепкую кожу. Затем, не замедлив
Высушить, вдоволь богиня ее умастила, принеся
Яство бессмертных, и всюду укутала тщательно тело:
Ею укрыла и длани, и все до широких сандалий.
Так облачившись...

МИНИАДА

1 (1)

Нет, ни челна, мертвецов отвозящего, правит которым
Старый Харон-перевозчик, не взяли они средь залива.

ХЕРСИЙ

1 (1)

От Посейдона-владыки и славной красою Миден
Сын Асплендон был рожден, чтобы царствовать в граде
просторном...

АТТИДА

1 (1)

С Аскрою ложе делил Посейдон, земли колебатель.
Оная чадо ему родила, как исполнилось время, —
Сына Эокла, что первым с сынами воздвиг Алоэя
Аскру у стоп Геликона — горы, изобильной ручьями.

АРИСТЕЙ АРИМАСПИЯ

1 (4)

Длинные волосы носят кичливо мужи-исседоны.

2 (5)

Молвят они, что за ними живут сопредельные люди
К северу — доблестны в битвах они, числом же велики,
Кони у них в изобилие и много быков и баранов.

3 (6)

Каждый имел на прекрасном челе лишь единое око.
Гривы густые у них, нет мужей столь свирепых, как эти.

4 (11)

Диво великое это для нас и для помыслов наших.
Мужи вдали от земли средь морей на воде обитают,
Мужи злосчастные, ибо свершают коварное дело:
Очи у них среди звезд, а душа пребывает во море,
Руки покорно они поелику к богам воздымая,
Молятся, в мыслях своих сокровенных ко злу устремляясь.

АСТРОЛОГИЯ

1 (1)

Третий когда ж по свершенью десятков восьми наступает
День Скорпиона, погрузится в море с приходом Денницы...

КРЕОФИЛ
ВЗЯТИЕ ЭХАЛИИ

1 (1)

Зри, о жена, сама ты все это своими очами.

ПИСАНДР
ГЕРАКЛИЯ

1 (7)

При Фермопилах ему совоокая дева Афина
Теплую баню воздвигла вблизи у морского прибоя.

2 (8)

Нет, непристойно и ложно вести о душе разговоры.

3 (9)

...разуму чужды кентавры

ПАНИАСИД
ГЕРАКЛИЯ

1 (2)

Быстрой стопою Парнас миновав заснеженный, явился
К водам бессмертным Касталии, дщери реки Ахелоя.

2 (3)

Ибо страдала Деметра, страдал и Хромец велеславный,
Ибо страдал Посейдон и страдал Аполлон сребролукий,
Службу у смертного мужа неся в продолжение года,
Ибо страдал и Арес кровожадный, отцом принужденный.

3 (4)

Шкуру звериную льва, что в окрестностях рыщет Бембины.

4 (5)

Шкуру огромного льва, что рыщет вблизи у Бембины.

5 (7)

Вылив вино во огромную, златом сиявшую чашу,
Кубками часто черпал он и пил сладчайший напиток.

6 (8)

Резвым прыжком от груди у Фионы-пестуны стремился.

7 (15)

Слово такое изрек и сокрыт был водою Стигийской.

8 (16)

Пей же, о гость, ибо есть и в питье самом добродетель:
Тот из мужей, кто хмельного на пиршестве более выпьет,
Верно, со знанием дела приказывать прочим способен.
Муж ведь, который в бою и на пиршестве равно проворен,
Выдержит скорбеобильную схватку, когда лишь немногим
Храбрость дано проявить, устояв пред жестоким Аресом,
Равно прославлю того я, кто среди людного пира,
Сам наслаждаясь, дает приказания прочему люду.
Нет, полагаю, ни жить человеческой жизнью, ни долю
10 Несть горемычного смертного тот не способен, который
Дух отвратил от вина, но тот лишь, кто весел душою.
В бедах оплот благородный, причастный ко всяческой песне.
Суть его — доля прелестная и красоты и веселья,
Суть его — радостный танец, и суть его — страстные ласки,
Суть его есть от забот отрешенье, от горестных мыслей.
Должен и ты на пиру, приняв с благодарной душою,
Чашу испить, а не так, как стервятник, кусок заглотивший,
Есть до отвала без меры, забывши о благоразумье.

9 (17)

Первая доля — Харитам и благомыслительным Орам,
С ними ж — шумливому богу — Вакху, что пир созывают,
Доля вторая — опять Дионису с богиней Кипридой:
Лучшее тут для мужей совершается виноиспитье.
Пусть же две доли испивший возвратно направится к дому
С милого пира, дабы не случилось в дороге несчастья.
Если же кто устремится к той мере, что третья есть доля,
Во питии безудержном, година Глумленья с Безумьем

- Злая тогда наступает, несущая людям несчастья.
10 Ты же, мой милый, во сладком питье соблюдающий меру,
К милой отправься супруге, унявши товарищей буйных,
Ибо того я боюсь, что вина медосладкого третью
Долю ты выпьешь, и дух во груди растревожит Глумленье,
Тем несчастливый конец утверждая гостям благородным.
Так что, приемля совет, от обилья вина воздержися.

10 (18)

Ибо тогда наступает година Глумленья с Безумьем.

11 (19)

Ибо для смертных вино — от богов наилучший подарок.
Радостно, если оно согласуется с песнею всякой,
С пляскою всякой, а также со всякой любовной усладой.
Всякую скорбь изгоняет оно из груди человека,
В меру когда его пить, и становится злом — коль сверх меры.

12 (23)

Жил там великий Тремил, возымевший супругою нимфу,
Бывшую дочерью Отига, — звалась она Праксидика, —
Подле потоков серебристых глубокопучинного Сибра.
Чада ее грознодушные — Тлой и Пинар русокудрый,
Также владетельный Краг, везде промышлявший добычу.

13 (21)

Слухи противные шли: сожалел о народах владыка.

ХЕРИЛ ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА

1 (1)

Слово иное скажи мне — о том, как с Азийского края
В земли Европы война явилась великая...

2 (2)

О, блажен, кто был песне в то давнее время причастен,
Музам служил, когда луг еще оставался некошен!
Ныне ж, когда все известно, искусствам предел установлен.

Словно последние мы на пути: озираясь, возница
Новояремной своей колесницей не в силах уж править.

3 (3)

...у источников водоструящих
Роем пчелиным густым волновались племен мириады.

4 (5)

Овцепасущие саки из скифского рода: обитель —
Азии край хлебодатный для них, поселенцами были
Мужей законоблюдающих кочевников...

5 (6)

Двигался следом за ними народ необычного вида,
Ибо из уст испускал он глагол финикийского люда,
Но обитал у широкого озера в горах Солимских:
Грязный, с округлою стрижкой у темени, сверху носящий
С конского черепа снятую кожу, сушенную дымом.

6 (8)

Некий корабль быстроходный самосский с личиной свиною.

7 (9)

Ценный осколок во дланях держу я — разбитую чашу,
Бурей разбитый корабль пировавших, как часто бывает,
Выброшен он Диониса дыханьем на скалы Презренья.

8 (10)

Клятвы несправедной быть не должно, но и праведной также.

9 (11)

Капля воды пробивает скалу при падении частом.

ГОМЕРОВСКИЕ ГИМНЫ

I. К АПОЛЛОНУ ДЕЛОССКОМУ

Вспомню — забыть не смогу — о метателе стрел Аполлоне.
По дому Зевса пройдет он — все боги и те затрепещут.
С кресел своих повскакавши, стоят они в страхе, когда он

Ближе подступит и лук свой блестящий натягивать станет.
 Только Лето остается близ молнелюбивого Зевса;
 Лук распускает богиня и крышкой колчан закрывает,
 С Фебовых плеч многоможных оружие снимает руками
 И на колок золотой на столбе близ седалища Зевса
 Вешает лук и колчан; Аполлона же в кресло сажает.
 10 В чаше ему золотой, дорогого приветствуя сына,
 Нектар отец подает. И тогда божества остальные
 Тоже садятся по креслам. И сердце Лето веселится,
 Радуюсь, что родила луконогого, мощного сына.
 19 Что же мне спеть о тебе? Песнопений во всем ты достоин.
 25 Спеть ли, как смертных утеша, Лето, тебя на свет родила,
 К Кинфской горе прислонясь, на утесистом острове бедном
 Делосе, всюду водою омытом? Свистящие ветры
 На берег гнали с обеих сторон почерневшие волны.
 Выйдя оттуда, над всеми ты смертными властвуешь ныне.
 30 Родами мучаясь, Крит посетила Лето и Афины,
 Остров Эгину, Евбею, страну моряков знаменитых,
 Морем омытый кругом Пепарет и Пейреские Эги,
 Также Фракийский Афон, Пелиона высокие главы,
 Самофракию и тенью покрытые Идские горы,
 Скирос, Фокею, крутые высоты горы Автоканы,
 Благоустроенный Имброс и Лемнос труднодоступный,
 Эолиона Макара обитель, божественный Лесбос,
 Хиос, тучнейших из всех островов, расположенных в море,
 И каменистый Мимант, и высокие главы Корики,
 40 Кларос блестящий, крутые высоты горы Эсагеи,
 Самос, богатый водою, высокие главы Микале,
 Коос, город людей мерописских, Милет и высоко
 Вверх возносящийся Книд, и Карпаф, от ветров не закрытый,
 Рений, остров с землей каменистой, и Наксос, и Парос —
 Все их Лето обошла, собираясь родить Дальновержца,
 Всех опросила, не хочет ли кто стать родиной сыну.
 Но трепетали все земли от страха, никто не решился
 Фебу пристанище дать, хоть и были они плодородны.
 В Делос пришла наконец каменистый Лето пречестная
 50 И, обратившись к нему, окрыленное молвила слово:
 «Делос! Не хочешь ли ты, чтоб имел тут пристанище сын мой,
 Феб-Аполлон, чтобы храм на тебе был основан богатый?
 Вряд ли тобою другой кто прельстится иль почесть окажет:
 Думаю я, ни овцами ты не богат, ни быками,
 Зелень скудна на тебе и плодов никаких не родится.
 Если же будешь ты храм Аполлона иметь Дальновержца,
 Станут все люди на остров сюда пригонять гекатомбы,
 Жертвенный дым без конца над тобою начнет подниматься...

 Если б ты только кормил их, владыка, имели бы боги...

- 60 От посторонней руки: под почвой твоею нет жира».
 Так говорила. И радостно Делос богине ответил:
 «Верь мне, Лето, многославная дочь великого Коя:
 С радостью принял бы я Дальновержца-владыки рождение,
 Ибо ужасно я сам по себе для людей неприятен.
 После же этого все бы почет мне оказывать стали.
 Сильно, однако, — не скрою, богиня, — страшат меня слухи:
 Больно уж будет рожденный тобой Аполлон, как я слышал,
 Неукротим и суров, и великая власть над богами
 И над людьми ожидает его на земле хлебодарной.
- 70 Вот я чего опасаюсь ужасно умом и душою:
 Ну как, сияние солнца впервые увидев, презреньем
 К острову он загорится, — скалиста, бедна моя почва, —
 И в многошумное море меня опрокинет ногами.
 Будут бежать чередой непрерывной высокие волны
 Там над моей головою. А он себе больше по вкусу
 Землю найдет, чтобы храм заложить и тенистые рощи.
 Черные вместо людей лишь тюлени одни да полипы
 Гнезда и домики будут на мне возводить безобидно.
 Если б, однако, посмела ты клятвой поклясться великой,
- 80 Что благолепнейший храм свой на мне он воздвигнет на первом
 Для провещения божьих велений, и после того лишь...

 Всюду, меж всеми людьми. Ибо много имен он имеет».
 И поклялася Лето великою клятвой бессмертных:
 «Этой Землею клянуся и Небом широким над нами,
 Стикса подземно текущей водой, — меж богов всеблаженных
 Клятвою, самой ужасной из всех и великою самой:
 Истинно Фебов душистый алтарь и участок священный
 Вечно останутся здесь, и почтит он тебя перед всеми».
- После того как она поклялась и окончила клятву,
- 90 С радостью роды царя Дальновержца приветствовал Делос.
 Девять уж мучилась дней и ночей в безнадежно тяжелых
 Схватках родильных Лето. Собрались вокруг роженицы
 Все наилучшие между богинь: Ихнея-Фемида,
 Рея, шумящая плесками волн Амфитрита, Диона,
- 95 Также другие. Лишь не было там белолокотной Геры.
- 97 Да ни о чем не слыхала Илифия, помощь родильниц:
 Под облаками златыми сидела она на Олимпе;
 Хитростью там удержала ее белокурая Гера,
- 100 Злобой ревнивой горя, потому что могучего сына
 На свет родить предстояло в то время Лето пышнокудрой.
 С острова спешно богини послали Ириду с приказом,
 Чтобы Илифию к ним привела, обещав ожерелье
 Длинное, в девять локтей, золотое, из зерен янтарных.
 Но приказали богиню позвать потихоньку от Геры,
 Чтобы словами ее, как пойдет, не вернули обратно.
 Только сказали они ветроногой и быстрой Ириде, —

Та побежала и вмиг через все пронеслася пространство.
 Быстро примчавшись в обитель богов на высоком Олимпе,
 110 Вызвала тотчас Ирида Илифию вон из чертога
 И с окрыленными к ней обратилась словами, сказавши
 Все, что сказать олимпийские ей приказали богини,
 И убедила Илифии душу в груди ее милой.
 Обе помчались, походкой подобные робким голубкам.
 Только ступила на Делос Илифия, помощь родильниц,
 Схватки тотчас начались, и родить собралась богиня.
 Пальму руками она охватила, колени уперла
 В мягкий ковер луговой. И под нею земля улыбнулась.
 Мальчик же выскочил на свет. И громко богини вскричали.
 120 Тотчас тебя, Стреловержец, богини прекрасной водою
 Чисто и свято омыли и, белою тканью повивши, —
 Новою, сделанной тонко, — ремнем золотым закрепили.
 Грудь своей не давала Лето златолирному Фебу:
 Нектар Фемида впустила в нетленные губы младенца
 Вместе с амвросией чудной. И сердцем Лето веселилась,
 Радуюсь, что родила луконосного, мощного сына.
 После того как вкусил ты, владыка, от пищи бессмертной,
 Бурных движений твоих не сдержали ремни золотые,
 Слабы свивальники стали, и все распустились завязки.
 130 Тотчас же Феб-Аполлон обратился к бессмертным богиням:
 «Пусть подадут мне изогнутый лук и любезную лиру.
 Людям начну прорицать я решения неложные Зевса!»
 Молвивши так, зашагал по земле неисчислимо дорожной
 Феб длинновласый, далеко стреляющий. Все же богини
 135 Остолбенели. И весь засиял, словно золотом, Делос:
 139 Так покрываются гор возвышенья лесными цветами.
 140 Ты же, о, с луком серебряным царь, Аполлон
 дальнострельный,
 То поднимался на Кинф, каменисто-суровую гору,
 То принимался блуждать, острова и людей посещая.
 Много, владыка, имеешь ты храмов и рощ многодревних;
 Любы все вышки тебе, уходящие в небо вершины
 Гор высочайших и реки, течение стремящие в море.
 К Делосу больше всего ты, однако, душой расположен.
 Длиннохитонные сходятся там ионийцы на праздник,
 С ними и жены, достойные их, и любезные дети.
 Помнят они о тебе и, когда состязанья назначат,
 150 Боем кулачным, и пляской, и пеньем тебя услаждают.
 Кто б ионийцев ни встретил, когда они вместе сберутся,
 Всякий сказал бы, что смерть или старость над ними бессильны.
 Видел бы он обходительность всех и душой веселился б,
 Глядя на этих детей и на жен в поясах несравненных,
 На корабли быстроходные их и на все их богатства.
 К этому ж — диво большое, которого славе не гинуть:
 Острова Делоса девы, прислужницы Феба-владыки.

Песнью хвалебной они Аполлона сначала прославят;
 После, Лето помянув пышнокудрую и Артемиду
 160 Стрелолюбивую, песни поют о мужах и о женах,
 В древности живших, и племя людей в восхищенье приводят.
 Дивно умеют они подражать голосам и напевам
 Всяких людей; и сказал бы, услышав их, каждый, что это
 Голос его, — до того хорошо их налажены песни.
 Милость свою ниспошлите на нас, Аполлон с Артемидой!
 Вам же, о девы, привет! Обо мне не забудьте и позже.
 Если какой-либо вас посетит человек земнородный,
 Странник, в скитаньях своих повидавший немало, и спросит:
 «Девы, скажите мне, кто здесь у вас из певцов наилучший?»
 170 Кто доставляет из них наибольшее вам наслаждение?»
 Страннику словом хорошим немедленно все вы ответьте:
 «Муж слепой. Обитает на Хиосе он каменистом.
 Лучшими песни его и в потомстве останутся дальнем», —
 Мы же великую славу об вас разнесем повсеместно,
 Сколько ни встретим людей в городах, хорошо населенных,
 Все нам поверят они, потому что мы правду расскажем.
 Я же хвалить не устану метателя стрел Аполлона,
 Сына Лето пышнокудрой, владыку с серебряным луком.

II. К АПОЛЛОНУ ПИФИЙСКОМУ

Ликийей ты, повелитель, владеешь, Меонией милой,
 Около моря лежащим Милетом, желаемым всеми;
 Сам же с великою честью на Делосе царствуешь славном.
 Стопы свои направляешь к утесам скалистым Пифона,
 Сын многославной Лето, на блистающей лире играя.
 Благоухают на божье одежды бессмертные. Струны
 Страстно под плектром звучат золотым на божественной лире.
 Мысли быстрее с земли на Олимп перенесшись, оттуда
 Входит в палаты он Зевса, в собрание прочих бессмертных.
 10 Тотчас желанье у всех появляется песен и лиры.
 Сменными хорами песнь начинают прекрасные Музы,
 Божьи дары воспевают бессмертные голосом чудным
 И терпеливую стойкость, с какою под властью бессмертных
 Люди живут, — неумелые, с разумом скудным, не в силах
 Средства от смерти найти и защиты от старости грустной.
 Пышноволосяные девы Хариты, веселые Оры,
 Зевсова дочь Афродита, Гармония, юная Геба,
 За руки взявшись, водить хоровод начинают веселья.
 Не безобразная с ними танцует, не малая с виду, —
 20 Ростом великая, видом дивящая всех Артемида,
 Стрелолюбивая дева, родная сестра Аполлона.
 С ними же здесь веселятся и Арес могучий, и зоркий
 Аргоубийца. А Феб-Аполлон на кифаре играет,
 Дивно, высоко шагая. Вокруг него блещет сиянье,

- Быстрые ноги мелькают, и пышные выются одежды.
И веселятся, душою великою радуясь много,
Фебова мать, Лето златокудрая, с Зевсом всемудрым,
Глядя на милого сына, как тешится он меж бессмертных.
Что же мне спеть о тебе? Песнопений во всем ты достоин.
- 30 Спеть ли о том, как ты был женихом, как любовью горел ты,
Как приходил, помогаясь Азановой дочери милой,
С Исхием, равным богам, многоконным Элатионидом?
Иль как Форбанга из рода Триопова, иль Амаринфа...
Или как вместе с Левкиппом и вместе с женою Левкиппа...
- 35 Пеший, а он на конях.....
- Или о том, как, замысливши первый для смертных оракул,
Места ища для него, по земле ты бродил, Дальновержец?
Прежде всего в Пиерию ты путь свой направил с Олимпа;
Лакмос, Эмафию после того миновал, Эниены,
40 Через Перребы прошел ты. И скоро достиг Иаолка.
В славной судами Евбее на мыс поднимался Кенейский.
Стал пред Лелантской равниной, — но сердце твое
не прельстилось
Храм твой на ней заложить и тенистые рощи густые.
После того перешел ты Еврип, Аполлон-дальновержец,
И поднялся на зеленую гору святую, с нее же
Быстро сошел в Микалесс и в луга травяные Тевмесса.
В Фивы оттуда пришел ты, дремучим одетые лесом:
Не жили в те времена еще люди в божественных Фивах,
И ни дорог, ни тропинок еще никаких не бежало
50 По хлебоборобной равнине фиванской: лишь лес простирался.
Дальше оттуда отправился ты, Аполлон дальнострельный,
И до Онхеста дошел, Посейдоновой рощи блестящей.
Новообъезженный конь, в колеснице идущий прекрасной,
Там переводит дыханье от бремени: добрый возница,
Спрыгнувши наземь с повозки, пешком по дороге шагает;
Кони ж, не зная вожжей, опустевшей гремят колесницей.
Если с повозкою въедут они в многодревнюю рощу, —
Ждет уход лошадей, а ее, прислонив, оставляют.
Ибо таков изначально священный обычай: владыке
60 Молятся люди, а божью повозку судьба охраняет.
Дальше оттуда отправился ты, Аполлон дальнострельный.
Вскоре достиг ты прекрасно струящейся речки Кефриса,
Льющейся светлотекучей своею водой из Лелеи.
Через Кефис перейдя, миновав Окалейские башни,
Ты пересек, Дальновержец, густые луга Галиарта
И до Тельфусы дошел. И прельстился ты местом спокойным.
Здесь захотел ты свой храм заложить и тенистые рощи,
Встал пред Тельфусою близко и слово такое ей молвил:
«Здесь основать я, Тельфуса, прекраснейший храм
собираюсь.

- 70 Чтоб прорицалищем был для людей он, которые вечно
Станут сюда пригонять безукорные мне гекатомбы, —
В пелопоннесском ли кто обитает краю плодоносном,
На островах ли, водой отовсюду омывтых, в Европе ль.
Будут они вопрошать мой оракул. И всем непреложно
В храме моем благолепном начну подавать я советы».
- Молвивши так, заложил основание сплошное для храма
Феб-Аполлон широко и пространно. Увидевши это,
Сильно разгневалась сердцем Тельфуса и слово сказала:
«Феб-дальновержец, владыка, скажу тебе некое слово.
- 80 Храм заложить благолепный на этом замыслил ты месте,
Чтоб прорицалищем был для людей он, которые вечно
Станут тебе приносить безукорные здесь гекатомбы.
Вот что, однако, скажу я тебе, — и подумай об этом:
Топотом будут тебя раздражать быстроногие кони
И у божественных наших истоков пойманные мулы.
Станет иной тут охотней глядеть на коней пышногривых,
С топотом мчащих в пыли колесницу с отделкой прекрасной,
Чем на великий твой храм и сокровища многие в храме.
Если б, однако, меня ты послушал, — могучей и лучше
- 90 Ты, о владыка, чем я, и весьма велика твоя сила, —
Храм ты построил бы в Крисе, в долине под снежным Парнасом.
На колеснице прекрасной никто уже там не промчится,
Топот коней быстроногих вокруг алтаря не раздастся.
Станут в безмолвии там племена знаменитые смертных
Изпеану дары приводить, и прекрасные будут
Жертвы окрестных людей доставлять тебе радость большую».
- Так говоря, убедила она Дальновержца, чтоб слава
Не Дальновержцу была на земле, а самой ей, Тельфусе.
Дальше оттуда отправился ты, Аполлон дальнострельный.
- 100 В город флегийцев, мужей нечестивых и гордых, пришел ты:
Знать не желая о Зевсе, они на земле обитают
Недалеко от болот кефисийских в прекрасной долине.
Быстро оттуда бегом на скалистый хребет поднялся ты.
В Крису пришел наконец, под Парнасом лежащую снежным;
Обращена она склоном на запад, над ней нависает
Сверху скала, а внизу глубоко пробегает долина
Дикая. Там-то в душе порешил Аполлон-повелитель
Храм свой построить уютный и слово такое промолвил:
«Вот где прекраснейший храм для себя я воздвигнуть
решаю,
- 110 Чтоб прорицалищем был для людей он, которые вечно
Станут сюда пригонять безупречные мне гекатомбы, —
В пелопоннесском ли кто обитает краю плодоносном,
На островах ли, водой отовсюду омывтых, в Европе ль.
Будут они вопрошать мой оракул. И всем непреложно
В храме моем благолепном начну подавать я советы».
- Молвивши так, заложил основание сплошное для храма

- Феб-Аполлон широко и пространно. На том основанье
Входный порог из камней Трофоний возвел с Агамедом,
Славные дети Эргина, любезные сердцу бессмертных.
- 120 Вкруг же порога построили храм из отесанных камней
Неисчислимые роды людей, на бессмертную славу.
Близко оттуда — прекрасноструистый родник, где владыкой,
Зевсовым сыном, дракон умерщвлен из могучего лука, —
Дикое чудище, жирный, огромный, который немало
Людям беды причинил на земле, — причинил и самим им,
И легконогим овечьим стадам, — бедоносец кровавый.
- Был на вскормление отдан ему златотронною Герой
Страшный, свирепый Тифаон, рожденный на пагубу людям.
Некогда Гера его родила, прогневившись на Зевса,
- 130 После того как Афины преславную из головы он
На свет один породил. Разъярилась владычица Гера
И средь собрания бессмертных такое промолвила слово:
«Слушайте, слушайте все вы, о боги, и вы, о богини,
Как опозорил меня мой супруг, облаков собиратель, —
Первый, в то время как я остаюсь женой ему доброй:
Он совоокой Афиной помимо меня разрешился,
Всех остальных превзошедшей блаженных богов олимпийских.
Мной же самую рожденный Гефест между тем оказался
На ноги хилым весьма и хромым между всеми богами...
.....
- 140 В руки поспешно схватив, и в широкое бросила море.
Нореброногая дочь Нерее Фетида младенца
Там приняла и его меж сестер меж своих воспитала.
Лучше б другим, чем она, угодить постаралась бессмертным...
Жалкий, коварный изменник! Теперь еще что ты замыслишь?
Как же один породить светлоокою смел ты Афины?
Разве бы я не сумела родить? Ведь твоею женою
Я средь бессмертных зовусь, обладающих небом широким.
Ныне, однако, и я постараюсь, как бы дитя мне,
Не опозоривши наших с тобою священных постелей,
- 150 На свет родить, чтоб блистало оно между всеми богами.
Больше к тебе на постель не приду. От тебя в отдаленье
Буду я с этой поры меж бессмертных богов находиться».
- Молвивши так, от богов удалилась с разгневанным
сердцем.
- И возложила на землю ладонь волоокая Гера
И, сотворяя молитву, такое промолвила слово:
«Слушайте ныне меня вы, Земля и широкое Небо!
Слушайте, боги-Титаны, вкруг Тартара в глубинах подземной
Жизнь проводящие, — вы, от которых и люди и боги!
Сделайте то, что прошу я: помимо супруга Кронида,
160 Дайте мне сына, чтоб силою был не слабее он Зевса.
Но превзошел бы его, как Кроноса Зевс превосходит».
- Так восклицала. И в землю ударила пышной рукою.

Заколебалась земля живородящая. Это увидев,
 Возвеселилась Гера: решила — услышана просьба.
 И ни единого разу с тех пор в продолжение года
 Не восходила она на постель многомудрого Зевса
 И не садилась, как прежде, на пышный свой трон, на котором
 Часто советы супругу разумные в спорах давала.
 В многомолитвенных храмах священных своих пребывая,
 170 Тешилась жертвами, ей приносимыми, Гера-царица.
 После ж того, как и дней и ночей завершилось течение,
 Год свой закончил положенный круг и пора наступила,
 Сын у нее родился — ни богам не подобный, ни смертным,
 Страшный, свирепый Тифаон, для смертных погибель и ужас.
 Тотчас дракону его отдала волоокая Гера,
 Зло приложивши ко злу. И дракон принесенного принял.
 Славным людским племенам причинил он несчастий немало.
 День роковой наступал для того, кто с драконом встречался.
 Но поразил наконец-то стрелою его многомогущей
 180 Царь Аполлон-дальновержец. Терзаемый болью жестокой,
 Тяжко хрипя и вздыхая, по черной земле он катался.
 Шум поднялся несказанный, безмерный. А он, извиваясь,
 По лесу ползал туда и сюда. Наконец кровожадный
 Дух испустил он. И, ставши над ним, Аполлон похвалялся:
 «Здесь ты теперь изгнивай, на земле, воскормляющей
 смертных!
 Больше, живя, ты не будешь свирепой пагубой людям!
 Мирно вкушая плоды многодарной земли, постоянно
 Станут они приносить мне отборные здесь гекатомбы.
 Ныне от гибели злой не спасти тебя ни Тифоею,
 190 Ни злоимянной Химере. На этом же месте сгниешь ты
 Силою черной Земли и лучистого Гипериона».
 Так он хвалился. Глаза же драконовы мглою покрылись.
 Гелиос в *гнись* превратил его силой своею святою.
 Вот почему он *Пифоном* зовется теперь, а владыку
 195 Мы называем *Пифийским*: на месте на этом сгноила
 Острого Гелия сила останки свирепого гада.
 Здесь только понял в уме своем Феб-Аполлон
 дальнострельный,
 Из-за чего он обманут прекрасноструистой криницей.
 Гневом пылая, пошел он к Тельфусе, достиг ее быстро,
 200 Стал очень близко пред нею и слово такое ей молвил:
 «Ты обманула, Тельфуса, меня. Не хотела ты, видно,
 Местом прелестным владея, струить светлобежную воду.
 Славу свою ты зато здесь отныне разделишь со мною».
 Так сказавши, скалой завалил каменистое устье
 Царь Аполлон-дальновержец и скрыл под обвалом течение.
 Здесь же себе он построил и жертвенник в роще тенистой
 Около самой криницы прекраснотекущей. Владыке
 Все там возносят мольбы, именуя его *Тельфусийским*.

- Так как *Тельфусы* священной течение там посрамил он.
 210 Начал в уме своем тут размышлять Аполлон-дальновержец,
 Как бы ему и кого из людей привести в это место,
 Чтобы жрецами его они стали в Пифоне скалистом.
 Так размышляя, узрел он в дали винно-черного моря
 Быстрое судно. Везло оно много мужей благородных,
 Критян из града Миногова Кноса, — и сразу решил он,
 Что совершать станут жертвы и всем возвещать предсказанья
 Золотолукого Феба-властителя, что б ни изрек он,
 Из-под Парнасской скалы прорицанья давая из лавра.
 220 Ради богатств и товаров они на судне своем черном
 Плыли в песчанистый Пирос, к родившимся в Пиросе людям.
 Вдруг повстречался им Феб-Аполлон. На корабль быстроходный
 Выскочил он из воды, уподобившись видом дельфину.
 Там и остался лежать он чудовищем страшным, огромным.
 Из моряков же никто догадаться не мог о причине.
 И отовсюду толкал он и тряс корабельные балки.
 Молча, объятые страхом, сидели внутри мореходцы;
 Не распустили снастей на бокастом судне они черном
 И парусов корабля черноносого ставить не стали:
 Как они что-либо где укрепили ремнями сначала,
 230 Так и поплыли. Порывами Нот быстроходный корабль их
 Сзади, с кормы, подгонял. Миновали сначала Малею,
 Землю Лаконскую мимо проплыли и Гелос приморский,
 Прибыли в Тенар, страну, где царит утешающий смертных
 Гелиос; в мягких лугах превосходного этого края
 Много пасется обычно овец густорунных владыки.
 Здесь пожелали они свой корабль задержать и, сошедши,
 Дивное диво вблизи осмотреть и глазами увидеть,
 Будет ли чудище дальше на днище лежать корабельном
 Иль в многорыбную бездну морскую опустится снова.
 240 Не подчинился, однако, рулю превосходный корабль их —
 Дальше пошел самовольно вдоль тучного Пелопоннеса:
 Легким своим дуновеньем его направлял потихоньку
 Царь Аполлон дальнострельный. Дорогу свою совершая,
 Судно в Арину пришло, в Аргифею, приятную видом,
 В Фриос на броне Алфейском и славные зданьями Эпи,
 Дальше — в песчанистый Пирос, к родившимся в Пиросе людям.
 Круны потом их корабль миновал, и Халкиду, и Диму,
 Мимо Элиды священной прошел он — державы эпейцев.
 Зевсову радуясь ветру попутному, Феры покинул.
 250 И показались вдали из-за облак утесы Итаки,
 Следом — Дулихий, и Сам, и Закинф, покрытый лесами.
 Пелопоннес целиком обогнул их корабль быстроходный,
 И беспредельный Крисейский залив пред глазами открылся,
 Пелопоннес плодоносный собой отделивший от суши.
 Вдруг, при безоблачном небе, бурливо рванул из эфира
 С запада ветер великий, по Зевсовой воле, чтоб морем

Горько-соленным как можно скорее промчался корабль их.
Быстро обратной дорогой они на зарю и на солнце
Поплыли. Вел же Кронионов сын, Аполлон-повелитель.
260 К Крисе пришли они, издали видной, богатой лозами,
В гавань. И врезался в берег песчаный корабль мореходный.

Из корабля поднялся тут наверх Аполлон-дальновержец,
Видом средь белого полдня звезде уподобившись; искры
Сыпались густо с нее; достигало до неба сиянье.
В храм он спустился, пронесшись дорогой треножников ценных.
Ярко сверкнувши лучами, зажег он в святилище пламя,
И осветилась вся Криса сияньем. И громко вскричали
Жены крисейцев и дочери их в поясах многоценных
От Аполлонова взблеска. И ужас объял их великий.
270 Снова оттуда назад к кораблю он, как мысль, устремился,
Образ принявши весьма молодого и сильного мужа;
Длинные кудри его на широкие падали плечи.
Громко он критян окликнул и слово крылатое молвил:

«Странники, кто вы? Откуда плывете дорогою влажной?
Едете ль вы по делам иль блуждаете в море бесцельно,
Как поступают обычно разбойники, рыская всюду,
Жизнью играя своею и беды неся чужеземцам?
Что так печально сидите вы здесь, отчего не сойдете
На берег вы, отчего не свернете снастей корабельных?
280 Нет меж трудящихся тяжело людей, кто бы делал иначе,
После того как на черном своем корабле быстроходном
К суше пристанет, трудом изнуренный; душой его тотчас
Овладевает желанье великое сладостной пищи».

Так он сказал и сердца их отвагою бодрой наполнил.
Критян начальник немедля в ответ ему слово промолвил:
«О чужестранец! Осанкой и всем своим видом походишь
Ты не на смертнорожденных людей — на бессмертного бога.
Здравствуй! Привет тебе наш! Да пошлют тебе счастье боги!
Дай мне, прошу я, правдивый ответ, чтоб доподлинно знать мне:
290 Что за земля? Что за край? Что за смертные здесь обитают?
В место другое держали мы путь по великому морю —
В Пилос из Крита: оттуда мы родом и этим гордимся.
Ныне ж сюда мы пришли с кораблем не по собственной воле,
Плыли б домой мы другою дорогой, другими путями:
Против желания кто-то сюда нас привел из бессмертных».

Им, на их речь отвечая, сказал Аполлон-дальновержец:
«Странники! В Кносе, богатом деревьями, вы обитали
Раньше. Но ныне домой вы к себе не воротитесь больше,
В город возлюбленный ваш и в прекрасные ваши жилища,
300 К милым супругам. Но здесь вы получите храм мой богатый,
Здесь вы останетесь жить, почитанием пользуясь общим.
Сын я великого Зевса. Горжуся я быть Аполлоном,

Вас же сюда я привел чрез великую бездну морскую,
 Не замышляя вам зла. Богатейший мой храм во владенье
 Здесь вы получите, всеми людьми почитаемый много.
 Волю бессмертных вы будете знать и, богов изволением,
 Станете жить в величайшем почете во вечные веки.
 Ну а теперь поскорее исполните все, что скажу я:
 Прежде всего развяжите ремни и спустите ветрила;
 310 Сделавши это, ваш черный корабль извлеките на сушу,
 Из равнобокого выньте судна все богатства и снасти,
 Соорудите мне жертвенник здесь высоко над прибоем,
 И разожгите огонь, и ячмень принесите мне в жертву,
 И обступите алтарь, и молитву ко мне сотворите.
 Так как впервые из моря туманного в виде *дельфина*
 Близ корабля быстроходного я поднялся перед вами,
 То и молитесь мне впредь, как *Дельфинию*, и да зовется
 Жертвенник этот *дельфийским*. И будет он славен вовеки.
 Кончивши, сядьте обедать близ черного вашего судна
 320 И возлиянья свершите блаженным богам олимпийским.
 После ж того, как свой голод вы сладкой едой утолите,
 Вместе идите со мною, пеан затянувши, доколе
 Вы не придете в страну, где получите храм богатейший».
 Так он промолвил. Они же приказу его подчинились.
 Прежде всего развязали ремни и ветрила спустили,
 Мачту к гнезду притянули, спустивши ее на канатах,
 Сами же вышли на берег крутой многошумного моря.
 После того из воды высоко на песок оттащили
 Свой быстроходный корабль, укрепив на огромных подпорках.
 330 Жертвенник богу воздвигли над берегом шумноприбойным,
 Белых насыпали зерен ячменных в огонь разожженный,
 Сами же стали вокруг и молились ему, как велел он.
 Кончивши, сели обедать вблизи быстроходного судна
 И возлиянье свершили блаженным богам олимпийским.
 После того как желание питья и еды утолили,
 Двинулись в путь. Во главе их пошел Аполлон-далновержец,
 С лирой блестящей в руках, превосходно и сладко играя,
 Дивно, высоко шагая. И, топая дружно ногами,
 Критяне следом спешили в Пифон и пеан распевали,
 340 Как распевается песня у критян, которым вложила
 В груди бессмертная Муза искусство сладчайшего пенья.
 Неутомимо на холм поднимались они и достигли
 Вскоре Парнаса и края уютного, где предстояло
 Жить им остаться теперь, почитанием пользуясь общим.
 Храм свой богатый он им показал и святилище в храме.
 Но нерешимостью в милой груди волновалась душа их,
 И, вопрошая владыку, сказал ему критян начальник:

«О повелитель! Сюда, далеко от друзей и отчизны,
 Нас ты завел, ибо так твоему пожелалось сердцу.

- 350 Как же, однако, мы будем тут жить? Укажи нам, владыка!
 Ни виноградников нет, ни лугов в этом крае прелестном,
 Чтобы прожить хорошо и не хуже людей оказаться.
 И, улыбнувшись, отвечивал им Аполлон
 дальнострельный:
 «Вечно вы ищете, духом нестойкие, глупые люди,
 Тягостных мук для себя, и забот, и душевных стеснений!
 Легкое слово скажу я и в души его заложу вам:
 В правую руку возьмите вы жертвенный нож и закланью
 Будете скот предавать, что сюда чередой непрерывной
 Станут ко мне пригонять племена знаменитые смертных.
 360 Храм сторожите священный и роды людей принимайте,
 Сколько б сюда ни пришло их, и, волю мою соблюдая...

 Если же слово пустое за вами замечу иль дело,
 Если проявите гордость, что часто меж смертных бывает, —
 Люди другие тогда властелинами станут над вами,
 И в подчиненье у них навсегда вам придется остаться.
 Сказано все. А тебе сохранить это следует в сердце!»
 Славься, о сын Громовержца-царя и Лето пышнокудрой!
 Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

III. К ГЕРМЕСУ

- Муза! Гермеса восславим, рожденного Майей от Зевса!
 Благостный вестник богов, над Аркадией многоовечной
 И над Килленою царствует он. Родила его Майя,
 Нимфа, достойная чести великой, в любви сочетавшись
 С Зевсом-Кронионом. Сонма блаженных богов избегая,
 В густотенистой пещере жила пышнокудрая нимфа.
 Там-то на ложе всходил к ней Кронион глубокою ночью,
 В пору, как сон многосладкий владел белолокотной Герой.
 Втайне равно от богов и людей заключен был союз их.
 10 Время пришло, — и свершилось решение великого Зевса:
 13 Сын родился у богини, — ловкач изворотливый, дока,
 Хитрый пролаз, быкокрад, сновидений вожатай, разбойник,
 В двери подглядчик, ночной соглядатай, которому вскоре
 Много преславных деяний явить меж богов предстояло.
 Утром, чуть свет, родился он, к полудню играл на кифаре,
 К вечеру выкрал коров у метателя стрел, Аполлона;
 Было четвертого это числа, как явился он на свет.
 20 После того как из недр материнских он вышел бессмертных,
 В люльке священной своей лишь недолго Гермес оставался:
 Вылез и в путь припустился на розыск коров Аполлона,
 Через порог перешедши пещеры со сводом высоким.
 Там, черепаху найдя, получил он большое богатство.
 26 Встретил ее многославный Гермес у наружного входа.
 Сочную траву шипала она перед самым жилищем,

- Мягко ступая ногами. Увидев ее, рассмеялся
 Сын благодетельный Зевса и слово немедля промолвил:
- 30 «Знаменье очень полезное мне, — и его не отвергну!
 Здравствуй, приятная видом, размерная спутница хора,
 Пира подруга! Откуда несешь ты так много утечи,
 Пестрый ты мой черепок, черепаха, живущая в скалах?
 Дай-ка возьму я тебя и домой отнесу: ты нужна мне.
 Мимо тебя не пройду; мне на выгоду первую будешь.
 Дома полезнее быть, оставаться снаружи опасно.
 Правда, пока ты жива, то защитой от чар вредоносных
 Служишь; зато, как умрешь, превосходною станешь певичей».
- Так он сказал. И, руками обеими взяв черепаху,
- 40 Снова домой воротился, неся дорогую утеху.
 Стиснувши крепко руками, резцом из седого железа
 Горную стал потрошить черепаху Гермес многославный.
 Как через грудь человека, которого злые заботы
 Мучают, быстрые мысли несутся одна за другою,
 Как за миганием глаза другое миганье приходит,
 Так у Гермеса за словом немедленно делалось дело.
 Точно по сделанной мерке нарезав стеблей тростниковых,
 Их укрепил он над камнеподобной спиной черепахи,
 Шкурой воловьей вокруг обтянул, догадавшись разумно,
- 50 Пару локтей прикрепил, перекладину сделал меж ними
 И из овечьих кишок семь струн приладил созвучных.
 Милую эту утеху своими сготовив руками,
 Плектром одну за другою он струны испробовал. Лира
 Звук испустила гудящий. А бог подпевал ей прекрасно,
 Без подготовки попробовав петь, как на пире веселом
 Юноши острой насмешкой друг друга язвят не готовясь.
 Пел он о Зевсе-Крониде и Майе прекраснообутой,
 Как сочетались когда-то они в упоенье любовном
 В темной пещере; о собственном пел многославном рожденье;
- 60 Славил прислужников он, и жилище блестящее нимфы,
 И изобилие прочных котлов и треножников в доме.
 Пел он одно, а другое в уме уж держал в это время.
 Кончив, отнес он и бережно спрягал блестящую лиру
 В люльке священной своей. И мясца ему вдруг захотелось.
 Выскочил вон из чертога душистого быстро в пещеру,
 Хитрость в уме замышляя высокую: темною ночью
 Замыслы часто такие в умах воровских возникают.
- Гелий меж тем в Океан опустился под землю с конями
 И с колесницей своею. Сын Майи бежал без оглядки
- 70 И к Пиерийским горам наконец прибежал многотенным.
 Там у блаженных богов на прелестных лугах некопёных
 Стойло имели коровы стада их, не знавшие смерти.
 Быстро полсотни протяжно мычащих коров криворогих
 Аргуса зоркий убийца, сын Майи, отрезал от стада.
 Путаной он их дорогой погнал по песчанистой почве,

Перевернувши следы им: повадки он хитрые помнил.
 Задом ведя их, копыта передние задними сделал,
 Задние сделал передними, задом и сам подвигался.
 Снявши сандалии с ног, на морской он песок их забросил
 80 И принялся измышлять несказанные, дивные вещи:
 Миртоподобные ветви с ветвями смешав тамариска,
 Эти охапки ветвей зеленеющих крепко связал он,
 Их под подошвами в виде сандалий искусно приладил
 Вместе с листвою и пошел, избегая проезжей дороги,
 86 Словно спеша напрямик, чтобы путь сократить себе дальний.
 И увидел тут старик, в винограднике землю копавший,
 Как чрез богатый травую Онхест на равнину спешил он.
 Это заметивши, первым Гермес к старику обратился:
 90 «Старец с согнутой спиною! Мотыжишь ты землю усердно.
 Только бы вызрели лозы, — вина ты получишь немало!

 Если и видишь — не видь! Оглохни, если и слышишь!
 Сделайся нем, раз тебе самому здесь не будет убытка!»
 Столько сказавши, погнал он гурьбою коров крепколобых.
 Много в пути за собою Гермес многославный оставил
 Гор густотенных, цветущих лугов и шумливых ущелий.
 Но уже близкий конец надвигался помощнице черной —
 98 Ночи священной. Вставало к работе зовущее утро.
 101 Сын многомогущий Кронида к Алфею-реке в это время
 Широколобых коров подогнав Аполлона-владыки.
 Бодро приблизилось стадо к загону со сводом высоким
 И к водопойным корытам, стоявшим пред лугом прелестным.
 Вволю протяжно мычащих коров накормивши травую,
 Всех их гурьбою направил в пещеру Гермес многославный.
 Шли они, клевер жуя и россою обрызганный кипер.
 Сам же искусство огонь добывать он измысливать начал.
 Ветку блестящую лавра ножом от коры он очистил,
 110 Чтоб по руке приходилась. И дым за клубился горячий.
 112 Много поленьев набравши сухих, он обильно и тесно
 Яму глубокую ими набил. Засветилось пламя
 И далеко задышало горячим, пылающим жаром.
 Силой Гефеста огонь разгорался, а он в это время
 Двух крепкорогих, протяжно мычащих коров из загона
 Вывел наружу к огню: обладал он великою силой.
 Дышащих тяжело коров повалил он спиною на землю,
 И, наклонив, опрокинул, и мозг им спинной перерезал.
 120 Дело свершалось за делом. Отрезавши мясо от жира,
 Тщательно начал он жарить, на вертел надев деревянный,
 Бедрa и спины — почетный кусок — и наполненный черной
 Кровью кишечник; а рядом на землю сложил остальное.
 Шкуры ж убитых коров на кремнистом утесе развесил:
 И до сих пор еще те, долговечными ставшие, шкуры
 Можно на той же скале увидеть. А потом, разложивши

Жирное мясо на камне широком и гладком, разрезал
 Радостнодушный Гермес на двенадцать частей это мясо,
 Жребий метнув. И почет соответственный каждой воздал он;
 130 Очень хотелось Гермесу попробовать мяса от жертвы:
 Хоть и бессмертен он был, раздражал его ноздри призывно
 Запах приятный. Но дух его твердый ему не позволил
 Жертвенной шеи священной попробовать, как ни тянуло.
 Часть приношенья сложил он в загоне со сводом высоким, —
 Мясо обильное, сало; другую ж на воздух вознес он,
 Нового знак воровства. И, сухих набросавши поленьев,
 Ноги и головы все целиком сожжению предал.
 После того как исполнил он все сообразно обряду,
 В водовороты Алфея сын Майи сандалии бросил,
 140 Угли костра затушил и по воздуху пепел развеял.
 142 Утром, едва рассвело, на священные главы Киллены
 Снова вернулся Гермес. И на длинном пути никого он
 Ни из бессмертных богов, ни из смертнорожденных не встретил.
 145 Даже собаки молчали. И Зевсов Гермес-благодаеть,
 Съежившись, в дом сквозь замочную скважину тихо пробрался,
 Ветру осеннему или седому подобный туману.
 150 Здесь в колыбельку поспешно улегся Гермес многославный.
 Плечи окутав пеленкой, лежал он, как глупый младенец,
 В руки простынку схватил и ею играл вокруг коленок.
 Лиру же милую слева под мышкой прижал. Но не смог он
 Скрыться от матери — бог от богини. И молвила Майя:
 «Выдумщик хитрый! Откуда сюда, облеченный
 бесстыдством,
 Ты возвращаешься ночью глухой? погоди, мой голубчик!
 Крепкими узами скрутит по ребрам тебя Дальновержец,
 И под тяжелой рукой Летоида пойдешь ты отсюда, —
 Либо же впредь воровством заниматься начнешь по долинам.
 160 Прочь убирайся, несчастный! Ведь вот на какую заботу
 Людям и вечным богам произвел тебя на свет отец твой!»
 Матери тотчас Гермес хитроумный отвечивал речью:
 «Мать! Не пугай, не старайся! Меня запугать не удастся!
 Или меня ты считаешь младенцем невинным и глупым?
 Видит, разгневалась мать, — испугался младенец, затрясся.
 Знай, заниматься я стану искусством, из всех наилучшим:
 Будем мы в день изо дня скотоводничать вместе с тобою.
 И уж тогда без даров и молитв меж блаженных бессмертных
 Нам не придется с тобой никогда оставаться, как ныне.
 170 Много приятней с богами бессмертными вечно общаться,
 В полном довольстве, в богатстве, с запасами хлеба, чем дома
 В сумрачной этой пещере сидеть. И с великою честью
 Буду такую ж, как Феб, отправлять я священную службу.
 Ну а не даст мне ее мой родитель, — так что же? Другое
 Я попытаю: могу предводителем жуликов стать я.
 Если же здесь меня сын многославной Лето и отыщет,

Штуку другую, куда покрупней уж, ему я устрою:
 Тотчас отправлюсь в Пифон, проломаю дворцовую стену,
 Вдоволь котлов и прекрасных треножников там наворую,
 180 Золота вдоволь себе наберу с искрометным железом,
 Много и разной одежды. Увидишь сама, коль захочешь».

Так они оба словами вели меж собой разговоры,
 Зевса эгидодержавного сын и почтенная Майя.

Смертным несущая свет, спозаранку рожденная Эос
 Из Океана вставала глубокотекущего. Прибыл
 Феб в это время в Онхест, многомилую рощу святую
 Земледержателя громкошумящего. Там увидал он:
 Скармливал изгородь старец вола в стороне от дороги.
 Первым сын многославной Лето к старику обратился:

190 «Старец, срыватель колючек в Онхесте, богатом травой!
 Из Пиерии пришел я, ищу я мой скот запропавший:
 Все это были коровы из стада, с кривыми рогами.
 Бык же пасся один, от других в отдалении, черный;
 Огненнооких четыре собаки за стадом ходили,
 Дружно его охраняя, как будто разумные люди.
 Бык и собаки остались — и это особенно странно, —
 Все же коровы, как только стемнело, куда-то исчезли,
 Мягкий покинувши луг и от вкусной травы удалившись.
 Вот что, о древнерожденный старик, мне скажи, не видал ты,
 200 Не прогонял ли какой человек их по этой дороге?»

И Аполлону словами ответил старик и промолвил:
 «Друг! Нелегко рассказать обо всем, что придется глазами
 Видеть кому: по дороге тут путников много проходит.
 Эти идут, замышляя худые дела, а другие —
 Очень хорошие. Где там узнать, что у каждого в мыслях?
 Я же весь день непрерывно, покуда не скрылось солнце,
 Землю прилежно копал в винограднике, там вот, на склоне.
 Точно, хороший, не знаю, однако мальчишку я словно
 Видал, который мальчишка коров подгонял крепкорогих.
 210 Малый младенец, с хлыстом. И, ступая, усердно вертелся,
 Взад он коров оттеснял, с головою, к нему обращенной».

Так он сказал. Аполлон поскорее отправился дальше.
 Вдруг быстрокрылую птицу узрел он и понял тотчас же,
 Что похититель — родившийся сын Громовержца-Кронида.
 Чтобы коров отыскать тяжконогих, в божественный Пилос
 Быстро направил шаги Аполлон-повелитель, сын Зевса,
 Облаком темно-багряным покрывши широкие плечи.
 И увидал Дальновержец следы, и промолвил он слово:
 «Боги! Великое чудо своими глазами я вижу!
 220 Вот на дороге следы предо мною коров круторогих,
 Снова, однако, они повернули на луг асфодельный.
 Эти же вот отпечатки — ни женщины след, ни мужчины,
 Также ни серого волка, ни дикого льва, ни медведя;
 И не сказал бы я также, что это кентавр густогривый

Быстрым копытом своим тот чудовищный след наворочал.
Жутки следы и туда, но оттуда — того еще жутче».

- Так сказавши, пошел Аполлон-повелитель, сын Зевса.
Вскоре пришел он на гору Киллену, заросшую лесом,
К густотенистой пещере в скале, где бессмертная нимфа
230 Милого сына на свет родила Громовержцу-Крониду.
Склоны священной горы той окутывал запах прелестный.
Много овец легконогих паслося на пастбище мягком.
Там, через каменный входный порог торопливо шагнувши,
В сумрак тенистый пещеры сошел Аполлон-дальновержец.
Только завидел сын Зевса и Майи могучего Феба,
Из-за пропавшего стада горящего гневом ужасным,
Быстро нырнул он в пеленки душистые. Как под покровом
Пепла скрывается куча углей, раскаленных и ярких,
Так под пеленками скрылся Гермес, увидав Дальновержца.
240 Голову, руки и ноги собрал в незаметный комочек,
Только что будто из ванны, приятнейший сон предвкушая,
Хоть и не спящий пока. А под мышкой держал черепаху.
Сразу узнал — не ошибся — Кронионов сын

дальнострельный

- Майю, горную нимфу прекрасную, с сыном любезным,
Малым младенцем, исполненным каверз и хитрых уловок.
Все оглядев закоулки жилища великого нимфы,
Ключ захватил он блестящий и три отомкнул кладовые:
Нектаром были они и приятной амвросией полны,
Золота много хранили внутри, серебра и блестящих
250 Платев серебряно-белых и пурпурных нимфы прекрасной —
То, что обычно хранится в священных домах у бессмертных.
Все оглядевши места потайные великого дома,
С речью такой Аполлон-Летоид обратился к Гермесу:
«Мальчик! Ты! В колыбели! Показывай, где тут коровы?
Живо! Не то мы с тобою неладно расстанемся нынче!
Ибо тебя ухвачу я и в Тартар туманный заброшу,
В сумрак злосчастный и страшный, и на свет тебя не сумеют
Вывести оттуда обратно ни мать, ни отец твой великий.
Будешь бродить под землею, погибших людей провожая».
260 Тотчас лукавою речью Гермес отвечал Аполлону:
«Сын Лето! На кого ты обрушился словом суровым?
Как ты искать здесь придумал коров, обитательниц поля?
Видом твоих я коров не видал, и слыхом не слышал,
И указать бы не мог, и награды не взял бы за это.
Я ли похож на коров похитителя, мощного мужа?
Нет мне до этого дела, совсем я другим озабочен:
Сон у меня на уме, молоко материнское — вот что.
Мысли мои — о пеленках на плечи, о ванночке теплой.
Как бы нас кто не услышал, чего ради спор происходит:
270 Право, великое было бы то меж бессмертными чудо,
Если бы новорожденный ребенок да выскочил за дверь,

Чтобы коров воровать. Несуразную вещь говоришь ты!
 Я лишь вчера родился, ноги нежны, земля камениста.
 Хочешь, великою клятвой — отца головой — поклянуся,
 Что и ни сам я ничем в этом деле ничуть не повинен,
 И не видал никого, кто украл. Да притом и не знаю,
 Что за коровы бывают: одно только имя их слышал».

Так он ответил и начал подмигивать часто глазами,
 Двигать бровями, протяжно свистать и кругом озираясь,
 280 Чтоб показать, сколь нелепой считает он речь Аполлона.
 И, добродушно смеясь, отвечал Аполлон-дальновержец:
 «О мой голубчик, хитрец и обманщик! Я чую, как часто
 Будешь в дома хорошо населенные ты пробираться
 Темною ночью, — как много народу дотла ты очистишь,
 Делая в доме без шума свою воровскую работу.
 Много и в горных долинах ты бед принесешь овцепасам,
 Жизнь проводящим под небом открытым, когда, возжелавши
 Мяса, ты встретишься с стадом коров и овец руноносных.
 Если, однако же, сном ты последним заснуть не желаешь,
 290 Черной ночи товарищ, — вставай, покидай колыбельку!
 Почесть же эту, мой друг, и потом меж богов ты получишь:
 Будешь главою воров называться во вечные веки».

Так сказал Аполлон. И, схвативши, понес он мальчишку.
 В руки попав Дальновержца, в уме своем принял решение
 Аргоубийца могучий и выпустил знаменье в воздух —
 Наглое вестника брюха, глашатая с запахом гнусным;
 Вслед же за этим поспешно чихнул он. Услышавши это,
 Наземь из рук Аполлон многославного бросил Гермеса,
 Сел перед ним, хоть и очень с дальнейшим путем торопился,
 300 И, над Гермесом глумясь, такое сказал ему слово:
 «Не беспокойся, пеленочник мой, сын Зевса и Майи:
 Время придет, и позднее найду я по знаменьям этим
 Крепкоголовых коров. И дорогу мне ты не укажешь!»
 Так он промолвил. И быстро Гермес поднялся

килленийский

И побежал, поспешая за Фебом. К ушам он руками
 Крепко пеленку прижал, облакавшую плечи, и молвил:
 «О Дальновержец, в богах силачина! Куда меня мчишь ты?
 Из-за каких-то коров, разозлившись, ты так меня треплешь.
 Пусть бы пропало все племя коров! Да клянусь же, не крал я
 310 Ваших коров, не видал никого, кто украл, и не знаю,
 Что за коровы бывают. Одно только имя их слышал.
 Дай же ты мне и прими правосудье пред ликом Кронида!»

Так, препираясь, подробно в отдельности все перебрали
 Пастырь овечий Гермес с Аполлоном далекоразящим,
 Разное в сердце имея: один — говорящий лишь правду,
 Знающий верно, что сцапал того за коров не напрасно,
 Тот же, другой, Киллениец, — коварно ласкательной речью
 Только хотел обмануть Аполлона с серебряным луком.

Но не сумел многохитрый от многоразумного скрыться,
 320 И, поспешая, шагал он теперь по песчаной дороге
 Спереди, сзади же, следом за ним — Аполлон-дальновержец.
 Прибыли скоро на многодушистые главы Олимпа
 К Зевсу-родителю оба прекрасные сына Кронида.
 Там ожидали того и другого весы правосудья.
 Ясен и тих был Олимп многоснежный. Толпою сбирались
 Боги бессмертные после восхода Зари златотронной.
 Остановились Гермес с Аполлоном серебрянолуким
 Перед коленями Зевса. И Зевс, в поднебесье гремящий,
 330 Спрашивать сына блестящего начал и слово промолвил:
 «Феб! Откуда несешь ты богатую эту добычу —
 Мальчика, только что на свет рожденного, с видом герольда?
 Важное дело, я вижу, встает пред собранием бессмертных!»
 Царь Аполлон дальнострельный немедля в ответ ему
 молвил:
 «О мой родитель! Услышишь сейчас не пустое ты слово:
 Ты ведь смеялся, что я лишь один до добычи охотник.
 Путь совершивши великий, нашел я в горах Киаленийских
 Этого вот негодяя мальчишку — плута продувного.
 В мире мошенников много, — такого, однако, ни разу
 Ни меж бессмертных богов, ни меж смертных людей не встречал я.
 340 Выкрал он с мягкого луга коров у меня и погнал их
 Вечером поздно песками прибрежными шумного моря.
 К Пилосу он их пригнал. Но на диво чудовищны видом
 Были следы их — деянье поистине славного бога!
 В черной пыли подорожной коровьих следов отпечатки
 Шли в направлении обратном опять к асфодельному лугу.
 Неуловимый же этот хитрец за коровами следом
 Сам не ногами ступал, не руками по почве песчаной:
 Способ измыслив какой-то особый, следы натоптал он
 350 Столь непонятные, словно ступал молодыми дубами!
 Первое время с коровами шел он по почве песчаной,
 И отпечатались ясно следы их в пыли подорожной.
 После ж того как песчаной дороги прошел он немало,
 Сделалась твердою почва; и стал на дороге не виден
 След ни его, ни коров. Но один человек заприметил,
 Как направлялся со стадом лобастых коров он на Пилос.
 После того как коров преспокойно куда-то он запер,
 Накуролесивши в разных местах в продолжение дороги, —
 С черною сходствуя ночью, залег он в свою колыбельку.
 В темной пещере, во мраке. И даже орел остроглазый
 360 Там рассмотреть бы его не сумел. И руками усердно,
 Хитрые замыслы в сердце питая, глаза протирает он.
 А на вопрос мой тотчас же решительным словом ответил:
 Видом твоих я коров не видал, и слыхом не слышал,
 И указать бы не мог, и награды не взял бы за это!»
 Так сказав, замолчал Аполлон и уселся на место.

Начал с своей стороны и Гермес отвечать, и промолвил,
И указал на Кронида, богов олимпийских владыку:
«Зевс, мой родитель! Всю правду как есть от меня ты
услышишь.

- Правдолюбив я и честен душою и лгать не умею.
370 Только что солнышко нынче взошло, как приходит вот этот
В дом наш и ищет каких-то коров, и притом не приводит
Вместе с собой ни свидетелей, ни понятых из бессмертных.
Дать указанья приказывал мне с принуждением великим
И многократно грозился швырнуть меня в Тартар широкий.
Он-то вон в нежном цвету многорадостной юности крепкой,
Я же всего лишь вчера родился — он и сам это знает —
И не похож на коров похитителя, мощного мужа.
Верь мне, ведь хвалишься ты, что отцом мне приходишься милым:
Если коров я домой пригонял, — да не буду я счастлив!
380 И за порогом я не был совсем, говорю тебе верно!
Гелія я глубоко уважаю и прочих бессмертных,
Также тебя я люблю и вот этого чу. И ты знаешь
Сам, как невинен я в том. Поклянуся великою клятвой:
Этой прекрасною дверью бессмертных клянусь — невиновен!
А уж за обыск я с ним сосчитаюсь так или этак,
Будь он как хочешь силен! Ты ж тому помогай, кто моложе!»
Кончил Килленец и глазом хитро подмигнул Громовержцу.
Так и висела на локте пеленка, — ее он не сбросил.
Расхотался Кронид, на мальчишку лукавого глядя,
390 Как хорошо и искусно насчет он коров отпирался.
И приказал он обоим с согласной душою на поиск
Вместе идти, а Гермес чтоб указывал путь, как вожатай,
И чтоб привел Аполлона-владыку, умом не лукавя,
К месту, в котором коров крепколобых его он запрягал.
Зевс головою кивнул, и Гермес не ослушался славный:
Разум Эгидодержавца его убедил без усилия.
Оба прекрасные сына владыки Кронида поспешно
Прибыли в Пилос песчаный, лежащий на броне Алфейском,
К полю пришли наконец и к загону со сводом высоким,
400 Где сберегал он добычу свою в продолжение ночи.
Тут многославный Гермес, подойдя к каменистой пещере,
Крепкоголовых коров Аполлоновых вывел наружу.
В сторону взор Летоид обратил, на высоком утесе
Шкуры коровьи заметил и быстро Гермесу промолвил:
«Как же, однако, сумел ты, хитрец, две коровы зарезать, —
Этакий малый младенец, едва только на свет рожденный?
Будущей силы твоей я страшусь. Невозможно позволить,
Чтобы ты вырос большой, о Майи сын, Киллениец!»
Так он промолвил и прутьями ивы скрутил ему крепко
410 Руки. Но сами собою на нем распустилися узы
И, перепугавшись, тотчас к ногам его наземь упали
413 По измышленью Гермеса, лукавого бога. Увидел

- Феб-Аполлон и весьма изумился. Усердно моргая,
 415 Аргоубийца могучий оглядывал искоса местность...

 Спрятать пытаясь. И очень легко, как желал, успокоил
 Сердце он сына Лето многославной, царя-Дальновержца,
 Как тот ни был могуч. Положивши на левую руку,
 Плектром испробовал струны одну за другою. Кифара
 420 Звук под рукою гудящий дала. Аполлон засмеялся,
 Радуюсь; в душу владыки с божественной силой проникли
 Эти прелестные звуки. И всею душою он слушал,
 Сладким объятый желаньем. На лире приятно играя,
 Смело сын Майи по левую руку стоял Аполлона.
 Вскоре, прервавши молчанье, под звонкие струнные звуки
 Начал он петь, и прелестный за лирою следовал голос.
 Вечноживущих богов воспевал он и темную землю, —
 Как и когда родились и какой кому жребий достался.
 Первою между богинями он Мнемосину восславил,
 430 Матерь божественных Муз: то она вдохновляла Гермеса.
 Следом и прочих богов по порядку, когда кто родился,
 И по достоинству стал воспевать сын Зевса преславный,
 Все излагая прекрасно. На локте же лиру держал он.
 Неукротимой любовью душа разгорелась Феба,
 И, обратившись к Гермесу, слова он крылатые молвил:
 «О скоторез, трудолюбец, искусник, товарищ пирушки,
 Всех пятьдесят бы коров подарить тебе можно за это!
 Мирно отныне с тобою, я думаю, мы разойдемся.
 Вот что, однако, скажи мне, о Майи сын многохитрый:
 440 Дивные эти деянья тебе от рожденья ль присущи,
 Либо же кто из бессмертных иль смертных блистательным этим
 Даром тебя одарил, обучив богогласному пенью?
 Слушаю я этот дивный, доселе неслыханный голос, —
 Нет, никогда не владел тем искусством никто ни из смертных,
 Ни из бессмертных богов, в олимпийских чертогах живущих,
 Кроме тебя одного, сын Зевса и Майи, воришка!
 Что за искусство? Откуда забвенье забот с ним приходит?
 Как научиться ему? Три вещи дает оно сразу:
 Светлую радость духа, любовь и сон благодатный.
 450 Сопровождаю и сам я божественных Муз олимпийских,
 Дело же их — хороводы и песенный строй знаменитый,
 Пышно цветущие песни и страстные флейт переливы.
 Но никогда ни к чему еще сердце мое не лежало
 Больше, чем к этим деяньям искусным, явленным тобою.
 Сын Кронидов, игре превосходной твоей удивляюсь!
 Хоть невелик ты, но что за прекрасные знаешь ты вещи!
 Сядь же, голубчик, и слово послушай того, кто постарше.
 Ныне же славу великую ты меж бессмертных получишь, —
 Верно тебе говорю я, — и сам ты, и мать твоя также.
 460 Этим тебе я клянуся кизиловым дротиком крепким:

Славным тебя и богатым я сделаю между богами,
 Пышных даров надарю и ни в чем никогда не надую!»
 Речью лукавою Фебу Гермес отвечал многославный:
 «Как осторожно меня ты пытаешь! А мне бы завидно
 Не было вовсе, когда бы искусство мое изучил ты.
 Нынче ж узнаешь. Желаю тебе от души угодить я
 Словом своим и советом: ведь все тебе ведомо точно.
 Ибо на первом ты месте сидишь меж богов всеблаженных,
 Смелый душой и могучий. И любит тебя не напрасно
 470 Зевс-промыслитель. По праву так много даров и почета
 Ты от него получил. Говорят, прорицать ты умеешь
 С голоса Зевса-отца: ведь все прорицанья от Зевса.
 Нынче ж и сам я узнал хорошо, до чего ты всеведущ.
 Выбор свободный тебе — обучаться чему пожелаешь.
 Так как, однако, желаешь душой на кифаре играть ты —
 Пой и играй на кифаре и праздник устраивай пышный,
 В дар ее взяв от меня. Ты же, друг, дай мне славу за это.
 Звонкую будешь иметь на руках ты певицу-подругу,
 Сможет она говорить обо всем хорошо и разумно.
 480 С нею ты будешь желанным везде — и на пире цветущем,
 И в хороводе прелестном, и в шествии буйно-веселом.
 Радость дает она ночью и днем. Кто искусно и мудро
 Лиру заставит звучать, все приемы игры изучивши, —
 Много приятных для духа вещей он узнает чрез звуки,
 Тешиться нежными станет привычками с легкой душою
 И от работы несчастной забудется. Если же неуч
 Грубо за струны рукою неопытной примется дергать,
 Будет и впредь у него дребезжать она плохо и жалко.
 Выбор свободный тебе — обучаться чему пожелаешь.
 490 Сын многославный Кронида, тебе отдаю эту лиру!
 Мы же на пастбищах этой горы и равнины привольной
 Будем пасти, Дальновержец, коров, обитательниц поля.
 И в изобилии станут коровы, сопрягшись с быками,
 Нам и бычков и телушек рожать. А тебе не годится —
 Как бы о выгоде ты ни заботился — гневаться слишком!»
 Так говоря, протянул он кифару. И Феб ее принял.
 Сам же Гермесу вручил он блистающий бич свой и отдал
 Стадо коровье в подарок. И с радостью принял сын Майи.
 499 В левую руку точас же кифару Гермесову взявши,
 505 На многоснежный Олимп воротились, в собрание бессмертных,
 Лирою тешась. И радость взяла Промыслителя Зевса.
 Дружбу меж ними возжег он. И с этого времени крепко
 И нерушимо навеки Гермес возлюбил Летоида,
 Милую дав Дальновержцу кифару как знаменье дружбы.
 510 И, обучившись приемам, играл он, с кифарой на локте.
 Сам же Гермес изобрел уж искусство премудрости новой:
 Тотчас создал далеко разносящийся голос свирелей.
 И обратился к Гермесу тогда Летоид со словами:

«Очень боюсь я, сын Майи, вожатай, на выдумки хитрый,
 Как бы кифары моей не стянул ты и гнutoго лука:
 Ибо в удел тебе Зевсом дано всевозможные мены
 Производить между смертных людей на земле многодарной.
 Если б, однако, великою клятвой богов поклялся ты —
 Либо кивком головы, либо Стикса могучей водою, —
 520 Все бы тогда мне приятным и милым ты сделал для сердца».

И головою кивнул знаменитый Гермес, обещаясь
 Не воровать никогда ничего из имущества Феба,
 Не приближаться и к прочным палатам его. И ответно
 Клятву в союзе и дружбе принес Аполлон дальнострельный —
 В том, что милее не будет ему ни один из бессмертных —
 Ни человек, от Кронида рожденный, ни бог. «Превосходным
 Будешь посредником ты у меня меж людьми и богами,
 Веры достойным моей и почтенным. Поздней тебе дам я
 Посох прекрасный богатства и счастья — трилистный, из золота.
 530 Будет тебя этот посох повсюду хранить невредимым,
 Все указуя дороги к хорошим словам и деяньям,
 Сколько бы я их ни знал по внушению вещему Зевса.
 Что ж до гаданий, которым ты, друг, научиться желаешь,
 Этой наукой владеть не дано ни тебе, ни другому.
 Ведает только Кронида великого ум. Поручившись,
 Я головою кивнул и поклялся великою клятвой,
 Что, исключая меня, средь богов, бесконечно живущих,
 Знать ни единый не будет решений обдуманных Зевса.
 Так не настаивай также и ты, златожезленный брат мой,
 540 Чтобы тебе я поведал Кронидовы вещие мысли.
 Вред я несу одному человеку и пользу другому:
 Много имею я дела с родами несчастными смертных.
 И от оракула пользу получит лишь тот, кто, доверясь
 Лёту и голосу птицы надежной, ко мне обратится:
 Тот от оракула пользу получит, не будет обманут,
 Кто ж, положившись на знаменья птиц, для гаданий негодных,
 За прорицанием к нам безрассудно захочет прибегнуть,
 Больше узнать домогаясь, чем знают бессмертные боги, —
 Тот, говорю я, без пользы придет и дары принесет мне.
 550 Но расскажу я тебе и другое, сын Майи преславной
 И Эгиоха-Кронида, в богах божество-благодаеть!
 Некие Фрии на свете живут, урожденные сестры,
 Девы. На быстрые крылья свои веселятся те девы.
 Трое числом. Волоса их посыпаны белой мукою.
 А обитают они в углубленье Парнасской долины,
 Там обучая гаданью. И мальчиком подле коров я
 Им занимался и сам. Но отец ни во что его ставил.
 Дом свой покинув и с места на место проворно летая,
 К сотам они приникают и каждый дотла очищают.
 560 Если безумьем зажгутся, поевши янтарного меда, —
 Всею душою хотят говорить они чистую правду.

Если же сладостной пищи богов не отведают нимфы,
Тех, кто доверится им, поведут безо всякой дороги.
Их я тебе отдаю. Обо всем вопрошая подробно,
Тепь себе душу. А если гадать ты и смертному станешь,
Часто твоих прорицаний запросит он: лишь бы сбывались!
Это возьми ты, сын Майи, и стадо коров криворогих.
На попечение прими лошадей и выносливых мулов...

- Огненноокие львы, белоклыкие вепри, собаки,
570 Овцы, сколько бы их на земле ни кормилось широкой, –
Четвероногие все да пребудут под властью Гермеса!
Быть лишь ему одному посланцом безупречным к Аиду.
Дар принесет он немалый, хоть сам одарен и не будет».
Так возлюбил Дальновержец Гермеса, рожденного Майей,
Всяческой дружбой. А прелесть придал их союзу Кронион.
Дело имеет Гермес и с людьми, и со всеми богами.
Пользы кому-либо мало дает, но морочит усердно
Смертных людей племена, укрываемый черною ночью.
Радуйся также и ты, сын Зевса-владыки и Майи!
580 Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

IV. К АФРОДИТЕ

- Муза! Поведай певцу о делах многозлатной Киприды!
Сладкое в душах богов вожденье она пробудила,
Власти своей племена подчинила людей земнородных,
В небе высоком летающих птиц и зверей всевозможных,
Скольким из них ни дает пропитанье земля или море,
Всем одинаково близко сердцам, что творит Киферея.
Только троих ни склонить, ни увлечь Афродита не в силах:
Дочери Зевса-владыки, сиятельноокой Афины, –
Мало лежит ее сердце к делам многозлатной Киприды.
10 Любит она только войны и грозное Ареса дело,
Схватки жестокие, битвы, заботы о подвигах славных.
Плотников, смертных мужей, обучила впервые богиня
Сооружать для боев колесницы, пестрящие медью.
Девушек с кожей нежной она обучила в чертогах
Славным работам, вложив понимание каждой в рассудок.
Также не в силах Киприда улыбкалюбивая страстью
Жаркой и грудь Артемиды зажечь златострельной и шумной:
Любит она только луки, охоту в горах за зверями,
Звяканье лир, хороводы, далеко звучащие клики,
20 Рощи, богатые тенью, и город мужей справедливых.
Дел Афродиты не любит и скромная дева-Гестия,
Перворожденная дочь хитроумного Крона-владыки,
Снова ж потом и последнерожденная волею Зевса.
Феб-Аполлон добивался ее, Посейдон-земледержец, –
Не пожелала она, но сурово обоих отвергла.

- Клятвой она поклялася великой — и клятву сдержала, —
До головы прикоснувшись эгидодержавного Зевса,
Что навсегда она в девах пребудет, честная богиня.
Дал ей отличие прекрасное Зевс в возмещение безбрачья:
- 30 Жертвенный тук принимая, средь дома она восседает;
С благоговеньем богине во всех поклоняются храмах,
Смертными чтится она как первейшая между богами.
- Этих троих ни склонить, ни увлечь Афродита не в силах.
Из остальных же избежать ее никому невозможно,
Будь то блаженные боги иль смертнорожденные люди.
Зевс-молнелюбец и тот обольщаем бывал не однажды, —
Он, величайший из всех, величайшей чести причастный!
Разум глубокий вскружив, без труда и его Афродита —
Стоило лишь пожелать ей — сводила со смертной женою
- 40 И забывать заставляла о Гере, сестре и супруге,
Между бессмертных богинь выдающейся видом прекрасным.
Славную Крон хитроумный и мать Рея родили.
Знающий вечные судьбы, властительный Зевс-молнелюбец
Сделал разумную Геру своею супругой почтенной.
- Но и саму Афродиту зажег сладострастным желаньем
Ласк человеческих Зевс, чтоб как можно скорей оказалось,
Что не смогла и она не взойти к человеку на ложе,
И чтоб нельзя уже было хвалиться пред всеми богами
Сладко смеющейся, любящей смех Афродите прекрасной,
- 50 Как она с женами сводит земными богов всеблаженных,
И сыновей для бессмертных богов они смертных рожают,
Как и с мужами земными блаженных богинь она сводит.
- Зевс ей забросил к Анхису желание сладкое в душу.
Пас в это время быков на горах он высоковершинных
Иды, богатой ключами, — осанкой бессмертным подобный.
И загорелось любовью улыбкалюбивой Киприды
Сердце. И, ужас будя, вожденье ей в душу проникло.
Быстро примчавшись на Кипр, низошла она в храм свой
душистый
- В Пафосе: есть у нее там алтарь благовонный и роща.
- 60 В храм Афродита вошла и закрыла блестящие двери.
Там искупали богиню Хариты и тело натерли
Маслом бессмертным, какое обычно для вечноживущих.
Чудной облекшись одеждой и все превосходно оправив,
- 65 Золотом тело украсив, покинула Кипр благовонный
И понеслась Афродита улыбкалюбивая в Трою,
На высоте, в облаках, свой стремительный путь совершая.
Быстро примчалась на Иду, зверей многоводную мать.
Прямо к жилищам пошла через гору. Виляя хвостами,
- 70 Серые волки вослед за богинею шли и медведи,
Огненноокие львы и до серн ненасытные барсы.
И веселилась душою при взгляде на них Афродита.
В грудь заронила она им желание страстное. Тотчас

- По двое все разошлись по логом тенистым. Она же
 Прямо к пастушьям куреням приблизилась, сделанным прочно.
 Там-то Анхиса-героя нашла. В отдаленье от прочих,
 Он в шалаше пребывал, от богов красоту получивший.
 Вслед за стадами бродили по пастбищам густотравистым
 Все остальные. От них вдалеке, он туда и обратно
- 80 По шалашу одиноко ходил, на кифаре играя.
 Встала внезапно пред ним Афродита, Кронидова дочь,
 Ростом и видом вполне уподобившись деве невинной,
 Чтобы Анхис не пугался, ее увидавши глазами.
 Он же, увидев богиню, в уме размышлял и дивился
 Виду, и росту ее, и блестящим ее одежням.
 Пеплос надела она, лучезарный, как жаркое пламя,
 Яркие блеснули на теле витые запястья и пряжки,
 И золотые висели на шее крутой ожерелья,
 Разнообразные, видом прекрасные; словно блестящий
- 90 Месяц вокруг нежных грудей Афродиты светился чудесно.
 Страсть овладела Анхисом. Он слово навстречу ей молвил:
 «Здравствуй, владычица, в это жилище входящая, — кто бы
 Ты ни была из блаженных — Лето, Артемида, Афина,
 Иль Афродита золотая, иль славная родом Фемида!
 Или же ты мне явилась, одна из Харит, что бессмертных
 Сопровождают богов и бессмертными сами зовутся?
 Или ты нимфа — из тех, что источники рек населяют,
 Влажногустые луга и прекраснотенистые рощи?
 Или из тех, что на этой горе обитают прекрасной?
- 100 Я для тебя на холме, отовсюду открыгом для взоров,
 Жертвенник пышный воздвигну и буду на нем постоянно
 Жертвы тебе приносить многоценные. Ты же, богиня,
 Будь благосклонна ко мне, возвеличь меж сограждан троянских,
 Даруй, как время настанет, цветущих потомков и сделай
 Так, чтоб, в народах блаженный, и сам хорошо я и долго
 Жил и на солнце глядел, и до старости дожил глубокой».
 Зевсова дочь Афродита немедля ему отвечала:
 «Славный Анхис! Из мужей, на земле порожденных,
 славнейший!
- Я не богиня. Напрасно меня приравнял ты к бессмертным.
 110 Смерти подвержена я. И жена родила меня, мать.
 Славноименный Отрей — мой отец, коли слышал о нем ты.
 Царствует он нераздельно над всей крепкостенной Фригией.
 Но языком хорошо я и нашим и вашим владею,
 Ибо меня вскормила троянка-кормилица дома,
 Девочкой малой принявши от матери многолюбимой.
 Вот почему хорошо языком я и вашим владею.
 Ныне же Аргоубийца с лозой золотою из хора
 Золотострельной и шумной похитил меня Артемиды:
 Много нас, нимф, веселилось и дев, для мужей вожденных,
 120 И неисчетные толпы венком хоровод окружали.

Там-то меня и похитил Гермес с золотою лозою.
 Нес он меня через земли, являвшие труд человека,
 Нес и чрез дикие земли, лишенные меж, на которых
 Лишь плотоядные звери блуждают по логом тенистым;
 Кажется мне, что ногами я даже земли не касалась.
 Он мне сказал, что на ложе Анхиса законной супругой
 Я призываюсь взойти и детей народить тебе славных.
 Все указавши и все объяснив, возвратился обратно
 130 Аргоубийца могучий в собрание прочих бессмертных.
 Я же к тебе вот пришла: принуждает меня неизбежность.
 Именем Зевса тебя заклинаю! Родителей добрых
 Именем, ибо худые такого, как ты, не родили б!
 Девой невинной, любви не познавшей, меня отведи ты
 И покажи как отцу твоему, так и матери мудрой,
 Также и близким, с тобой находящимся в родственных связях,
 Буду ли я подходящей невесткой для них иль не буду?
 Быстрого вестника тотчас пошли к резвokonным фригийцам,
 Пусть сообщит и отцу он, и матери, тяжко скорбящей.
 Золота много они тебе вышлют и тканой одежды.
 140 Ты же прими за невестой в приданое эти богатства.
 Все это сделавши, свадебный пир снаряди богатейший,
 Чтob оценили его и бессмертные боги и люди».
 Так говорила и сладким желаньем наполнила душу.
 Страсть овладела Анхисом; он слово сказал и промолвил:
 «Если ты смертная впрямь и жена родила тебя мать,
 Если отец твой — Отрей знаменитый, как ты утверждаешь,
 Если ты здесь по решению бессмертного Аргоубийцы
 И навсегда суждено тебе быть мне законной женою, —
 То уж никто из богов и никто из людей земнородных
 150 Мне помешать не сумеет в любви сочетаться с тобою
 Тотчас, теперь же! Хотя б даже сам Аполлон-дальновержец
 Луком серебряным слал на меня многостонные стрелы!
 Мне бы хотелось, о дева, богиням подобная видом,
 Ложе с тобой разделивши, спуститься в жилище Аида!»
 Руку он взял Афродиты улыбкалюбивой. Она же,
 Светлый потупивши взор, повернулась и тихо скользнула
 К посланной пышно постели. Там сложено было уж раньше
 Ложе из мягких плащей для владыки и сверху покрыто
 Шкурами тяжело рыкающих львов и косматых медведей,
 160 Собственноручно в высоких горах умерщвленных Анхисом.
 Рядом воссели они на прекрасно устроенном ложе.
 Снял он ей прежде всего украшенья блестящие с тела:
 Пряжки, застежки, витые запястья для рук, ожерелья.
 Пояс потом распустил и сиявшие светом одежды
 С тела богини совлек, и на стуле сложил среброгвоздном.
 И сочетался любовью, по божеской мысли и воле,
 С вечной богинею смертный, и сам того точно не зная.
 В час же, когда пастухи на стоянку коров пригоняют

- С тучными овцами к дому с цветами усыпанных пастбищ,
 170 Крепкий и сладостный сон излила на Анхиса богиня,
 С ложа сама поднялась и прекрасное платье надела.
 Все со вниманием вкрут тела оправив, у самого входа
 Остановилась богиня богинь, головой достигая
 Притолки, сделанной прочно, и ярко сияли ланиты
 Той красотой нетленной, какою славна Киферея.
 И пробудила от сна, и такое промолвила слово:
 «Встань поскорей, Дарданид! Что лежишь ты во сне
 непробудном?»
 Встань и ответь себе точно, кажусь ли сейчас я подобной
 Деве, какою сначала меня ты увидел глазами».
 180 Так говорила. Ее он из сна очень быстро услышал.
 И увидел он глаза и прекрасную шею Киприды,
 И ужаснулся душою, и, в сторону взор отведя,
 Снова закрылся плащом, и лицо несравненное спрягал,
 И, умоляя богиню, слова окрыленные молвил:
 «Сразу, как только тебя я, богиня, увидел глазами,
 Понял я, кто ты, и понял, что ты мне неправду сказала.
 Зевсом эгидодержавным, простершись, тебя заклинаю:
 Не допусти, чтоб живой между смертных я жить оставался
 Силы лишенным. Помилуй! Ведь силы навеки теряет
 190 Тот человек, кто с бессмертной богиней ложе разделит!»
 И отвечала ему Афродита, Кронидова дочь:
 «Славный Анхис! Из людей, на земле порожденных,
 славнейший!
 Духом не падай и в сердце своем не пугайся чрезмерно.
 Ни от меня, ни от прочих блаженных богов ты не должен
 Зол испытать никаких: олимпийцы к тебе благосклонны.
 Милого сына родишь. Над троянцами он воцарится.
 Станут рождать сыновья сыновей чередой непрерывной.
 Имя же мальчику будет Эней, потому что в ужасном
 Горе была я, попавши в объятия смертного мужа.
 200 Больше всего меж людей походили всегда на бессмертных
 Люди из вашего рода осанкой и видом прекрасным.
 Так златокудрого некогда Зевс Ганимеда похитил
 Ради его красоты, чтобы вместе с бессмертными жил он
 И чтобы в Зевсовом доме служил для богов виночерпшем, —
 Чудо на вид и богами блаженными чтимый глубоко, —
 Из золотого кратера пурпуровый черпая нектар.
 Тросом же тяжкая скорбь овладела: не знал он, куда же
 Сына его дорогого умчало божественным вихрем.
 Целые дни непрерывно оплакивал он Ганимеда.
 210 Сжалился Зевс над отцом и ему, в возмещение за сына,
 Дал легконогих коней, на которых бессмертные ездят.
 Их ему дал он в подарок. Про сына ж, велением Зевса,
 Аргоубийца, глашатай бессмертных, владыке поведал,
 Что нестареющим стал его сын и бессмертным, как боги.

После того как услышал он Зевсово это известье,
 Трос горевать перестал и душою внутри веселился,
 И, веселясь душой, разъезжал на конях ветроногих.
 Так и Тифона к себе увлекла златотронная Эос, —
 Тоже из вашего рода и видом подобного богу.
 220 С просьбой прибегла она к чернотучему Зевсу-Крониду,
 Сделать бессмертным его, чтобы жил он во вечные веки.
 Зевс головою на это кивнул и исполнил желание.
 Глухая! Вон из ума упустила владычица Эос
 Вымолить юность ему, избавление от старости жалкой.
 Первое время, пока многомалою юностью цвел он,
 Рано рожденною он наслаждался Зарей златотронной,
 Близ океанских течений у граней земли обитая.
 С той же поры, как сединки в его волосах появились
 На голове благородной и на подбородке прекрасном,
 230 Ложе его посещать перестала владычица Эос,
 Но за самим продолжала ходить и амвросией сладкой,
 Пищей кормила его, одевала в прекрасное платье.
 После ж того, как совсем его грозная старость настигла
 И ни единого члена не мог ни поднять он, ни двинуть, —
 Вот каковое решение представилось ей наилучшим:
 В спальню его положила, закрывши блестящие двери;
 Голос его непрерывно течет, но исчезла из тела
 Сила, которую были исполнены гибкие члены.
 Не пожелала бы я, чтоб, подобным владея бессмертьем,
 240 Между блаженных бессмертных ты жил бесконечною жизнью.
 Если б, однако, с такою, как ныне, осанкой и видом
 Жить навсегда ты остался, моим именуясь супругом,
 Заволочить не могло бы рассудка мне ясного горе.
 Ныне же быстро тебя беспощадная старость охватит —
 Старость, пред вами так скоро встающая, общая всем вам,
 Трудная, полная горя, которой и боги боятся.
 Ныне позор величайший и тяжкий на вечное время
 Из-за тебя между всеми бессмертными я заслужила:
 Раньше боялись боги моих уговоров и козней,
 250 Силой которых сводила бессмертных богов на любовь я
 С смертными женами: всех покоряла я мыслью своею.
 Но никогда уже уст я отныне своих не раскрою
 Перед бессмертными чем похвалиться. Бедою ужасной,
 Невыразимой постигнута я, заблудился мой разум:
 Сына под поясом я зачала, сочетавшись со смертным!..
 После того как впервые он солнца сиянье увидит,
 Горные нимфы с грудями высокими вскормят младенца, —
 Здесь обитают они, на горе на божественной этой.
 Род их — особый; они не бессмертны, но также не смертны:
 260 Долгое время живут, амвросийной питаются пищей
 И в хороводах прекрасных участвуют вместе с богами.
 Их в закоулках уютных пещер заключают в объятия

С лаской любовной Силены и Аргуса зоркий убийца.
 С ними, как только родятся они, появляются на свет
 Из многоплодной земли на высоких горах либо сосны,
 Либо высокие дубы, прекрасные зеленью пышной.
 Стройно стоят и высоко. Священною рощей бессмертных
 Их называют. И люди рубить их железом не смеют.
 Но наступает судьбою назначенный час умиранья —
 270 И на корню засыхают деревья прекрасные, гибнет
 И отмирает кора, опадают зеленые ветви.
 В это же время и души тех нимф расстаются со светом.
 Сына они моего у себя воспитают и вскормят.
 После ж того как впервые придет к нему милая юность,
 275 Мальчика нимфы сюда же к тебе приведут и покажут.
 278 Милый свой отпрыск впервые когда ты увидишь глазами,
 Радость тобой овладеет: бессмертным он будет подобен,
 280 Мальчика тотчас в открытый ветрам Илион отведешь ты.
 Если ж какой-нибудь смертный о матери спросит, приявшей
 В страстных объятьях твоих многомилого сына под пояс,
 То отвечай, — и навеки запомни мое приказанье, —
 Что родила тебе сына того цветколикая нимфа —
 Из обитающих здесь вот, на этих горах многолесных.
 Если же правду ты скажешь и хвастать начнешь безрассудно,
 Что сочетался в любви с Кифереей прекрасновечной, —
 Зевс тебя в гнев низвергнет, обугливши молнией жгучей.
 Все я сказала тебе. А ты поразмысли об этом:
 290 Не проболтайся, сдержись, — трепещи перед гневом
 бессмертных!»
 Так Афродита сказала и в ветренном небе исчезла.
 Радуйся много, богиня, прекрасного Кипра царица!
 Песню начавши с тебя, приступаю к другому я гимну.

V. К ДЕМЕТРЕ

Пышноволосяю петь начинаю Деметру-богиню
 С дочерью тонколодыжной, которую тайно похитил
 Аидоней, с изволения пространногремящего Зевса.
 Не было матери с ней, златосерпой Деметры, в то время.
 В сонме подруг полногрудых, рожденных седым Океаном,
 Дева играла на мягком лугу и цветы собирала,
 Ирисы, розы срывая, фиалки, шафран, гиацинты,
 Также нарциссы — цветок, из себя порожденный Землею,
 По наущению Зевса, царю Полидекту в угоду,
 10 Чтоб цветколикую деву прельстить — цветок благовонный,
 Ярko блистающий, диво на вид для богов и для смертных.
 Сотня цветочных головок от корня его поднималась,
 Благоуханью его и вверху все широкое небо,
 Вся и земля улыбалась, и горько-соленое море.
 Руки к прекрасной утехе в восторге она протянула

- И уж сорвать собиралась, как вдруг раскололась широко
Почва Нисийской равнины и прынул на конях бессмертных
Гостеприимец-владыка, сын Кроноса многоименный.
Деву насильно схватив, он ее в золотой колеснице
20 Быстро помчал. Завопила пронзительным голосом дева,
Милого клича отца, высочайшего Зевса-Кронида.
Но не услышал призыва ее ни один из бессмертных.
Слышала только из темной пещеры Персова дочь,
Нежная духом Геката, с блестящей повязкою дева.
Слышал и Гелиос-царь, Гиперионов сын лучезарный,
Как призывала богиня Кронида-отца. Но далеко
В многомолитвенном храме отец пребывал в это время,
От земнородных людей принимая прекрасные жертвы.
30 Деву же, против желанья ее, наущением Зевса,
Прочь от земли на бессмертных конях увлекал ее дядя,
Гостеприимец-властитель, сын Кроноса многоименный.
Все же, покамест земля, и богатое звездами небо,
И многорыбное, сильно текущее море, и солнце
С глаз не исчезли у девы, — надежды она не теряла
Добрую мать увидеть и племя богов вековечных:
В горькой печали надежда ей все еще тешила душу...
.....
Ахнули тяжело от вопля бессмертного темные бездны
Моря и горные главы. И вопль этот мать услышала.
40 Горе безмерное остро пронзило смущенное сердце.
Разодрала на бессмертных она волосах покрывало,
Сбросила с плеч сине-черный свой плащ и на поиски девы
Быстро вперед устремила по суше и влажному морю,
Как легкокрылая птица. Но правды поведать никто ей
Не захотел ни из вечных богов, ни из смертнорожденных,
И ни одна к ней из птиц не явилась с правдивою вестью.
Девять скиталась дней непрерывно Део пречестная,
С факелом в каждой руке обходя всю широкую землю,
И не вкусила ни разу амвросии с нектаром сладким,
50 Кожи нетленной своей не омыла ни разу водою.
Но лишь десятая в небе забрезжила светлая Эос,
Встретилась скорбной богине Геката, державшая светоч, —
Вестуя матери, слово сказала и так взговорила:
- «Пышнодарящая, добропогодная мать Деметра!
Кто из небесных богов или смертных людей дерзновенно
Персефонею похитил и милый твой дух опечалил?
Голос ее я слышала, однако не видела глазом,
Кто — похититель ее. По совести все говорю я...»
- Так говорила Геката. И ей не ответила речью
60 Реи прекрасноволосая дочь, но вперед устремила
С факелом в каждой руке, в спутствии девы Гекаты.
К Гелию обе пришли, пред конями его они стали,
И взговорила к богов и людей соглядатаю мать:

«Гелиос! Сжался над видом моим, если словом иль делом
 Я хоть когда-нибудь сердце и душу тебе утешала.
 Дева, дитя мое, отпрыск желанный, прекрасная видом, —
 Слышала я сквозь пустынный эфир ее громкие вопли,
 Словно бы как от насилья, однако не видела глазом.
 Ты из священного смотришь эфира своими лучами,
 70 Все озираешь ты сверху — широкую землю и море.
 Если ты милую дочь мою видел, скажи мне всю правду.
 Кто из бессмертных богов иль, быть может,
 из смертнорожденных,
 Быстро схватив ее, силой похитил от матери тайно?»
 Так говорила. В ответ же ей сын Гиперионов молвил:
 «Реи прекрасноволосая дочь, о царица Деметра!
 Все я поведаю. Чту я тебя глубоко и о деве
 Тонколодыжной печалюсь совместно с тобой. Не иной кто
 В том из бессмертных виновник, как Зевс, облаков собиратель.
 Брату Аиду назвать твою дочь цветущей супругой
 80 Зевс разрешил, и ее он, вопящую громко, схвативши,
 В сумрак туманный под землю увлек на конях быстроногих.
 Но прекрати, о богиня, великий свой плач. Понапрасну
 Гневом безмерным себя не терзай. Недостойным ужели
 Зятем себе считаешь властителя Аидонея,
 Единокровного брата родного? Притом же и чести
 Он удостоен немало, как натрое братья делились.
 С теми живет он, над кем ему властвовать жребий достался».
 Так отвечав, на коней закричал он. И быстрые кони,
 Как легкокрылые птицы, помчали вперед колесницу.
 90 Ей же еще тяжелей и ужасней печаль ее стала,
 Гневом исполнилось сердце на тучегонителя Зевса.
 Сонма богов избегая, Олимп населяющих светлый,
 Долго она по людским городам и полям плодоносным
 Всюду блуждала, свой вид изменив. И никто благодатной
 Ни из мужей не узнал, ни из жен, подпоясанных низко,
 Прежде чем в дом не пришла она храброго духом Келея
 (Был в это время царем благовонного он Элевсина).
 Сердцем печалуясь милым, богиня близ самой дороги
 У Парфенейского села колодца, где граждане воду
 100 Черпают, — села в тени под оливковым деревом, образ
 Древней старухи приняв, для которой давно уже чужды
 Венколюбивой дары Афродиты и деторождение.
 Няни такие бывают у царских детей или также
 Ключницы, в гулко звучащих домах занятые хозяйством.
 Дочери там элевсинца Келея ее увидали.
 Шли за водою они легкочерпную, чтобы, сосуды
 Медные ею наполнив, в родительский дом воротиться.
 Четверо, словно богини, цветущие девичьим цветом, —
 Каллидика, Демо миловидная, и Клейсидика,
 110 И Каллифоя (меж всеми другими была она старшей).

И не узнали: увидеть богов нелегко человеку.
Остановились вблизи и крылатое молвили слово:
«Кто ты из древнерожденных людей и откуда, старушка?
Что ты сидишь здесь одна, вдалеке от жилищ, и не входишь
В город? Немало там женщин нашла б ты в тенистых чертогах
В возрасте том же, в каком и сама ты, равно и моложе.
Все бы любовь проявили к тебе на словах и на деле».
Так говорили. Ответила им пречестная богиня:
«Милые детки! Кто б ни были вы между жен малосильных,
120 Здравствуйте! Все расскажу я. Ведь было бы мне непристойно
Гнусной неправдою вам на вопросы на ваши ответить.
Доя мне имя: такое дала мне почтенная мать.
Ныне из Крита сюда по хребту широчайшему моря
Я прибыла не по воле своей. Но, помимо желанья,
Силой меня захватили разбойники. Вскоре пристали
На быстроходном они корабле к Форикосу, где все мы,
Женщины, на берег вышли, равно и разбойники сами.
Близ корабельных причалов они там устроили ужин.
Сердце ж мое не к еде, услаждающей душу, стремилось.
130 Тайно от всех я пустилась бежать через черную сушу
И от хозяев надменных ушла, чтобы, в рабство продавши
Взятую даром меня, барышей бы на мне не нажили;
Так вот, блуждая, сюда наконец я пришла и не знаю,
Что это здесь за земля, что за люди ее населяют.
Дай вам великие боги Олимпа законных супругов,
Дай вам и деток они, по желанью родителей ваших, —
Вы же, о девы, меня пожалейте, во мне благосклонно,
Милые детки, примите участие и в дом помогите
Мужа попасть и жены, чтоб могла я для них со стараньем
140 Делать работу, какая найдется для женщины старой.
Я и за новорождённым ходить хорошо бы сумела,
Нянча его на руках; присмотрела б в дому за хозяйством;
Стлала б хозяевам ложа в искусно устроенных спальнях
И обучать рукодельям могла бы служительниц-женщин».
Тотчас ответила ей Каллидика, не знаящая мужа
Дева, из всех дочерей Келеевых лучшая видом:
«Бабушка! Как ни горюй человек, все же волей-неволей
Сносит он божьи дары, ибо много сильнее нас боги.
Все я подробно тебе расскажу и мужей перечислю,
150 Кто здесь у нас обладает великою силой почета,
Кто выдается в народе и кто многомудрым советом
И справедливым судом охраняет у города стены.
Встретишь у нас хитроумного ты Триптолема, Диокла,
Долиха и Поликсена, и знатного родом Евмолпа,
Также отца моего, знаменитого храбростью духа.
Дома у всех их обширным хозяйством заведуют жены:
Вряд ли из них изо всех хоть одна, после первого ж взгляда,
Видом твоим пренебрегши, твое предложение отвергнет.

- Все тебя примут охотно: богине ты видом подобна.
- 160 Если желаешь, то здесь подожди нас. Домой воротившись,
 Всё подпоясанной низко Метанире, матери нашей,
 Мы по порядку расскажем. Быть может, к себе она примет
 В дом наш тебя, и к другим обращаться тебе не придется.
 Сын у нее многомиль в чертоге, устроенном прочно,
 Позднорожденный растет, горячо и издавна желанный.
 Если б его ты вскормила и юности мальчик достиг бы, —
 Право, любую из жен слабосильных, тебя увидавших,
 Зависть взяла бы: такую награду бы ты получила».
- Так говорила. Она головою кивнула. И девы
- 170 Воду в блестящих сосудах назад понесли величаво.
 Прибыли быстро в великий отцовский дворец и поспешно
 Матери все сообщили, что видели, что услышали.
 Тотчас велела им мать поскорей за безмерную плату
 К ней чужестранку призвать. Как олени иль юные телки
 Прыгают по лугу в пору весеннюю, сытые кормом,
 Так понеслись по дороге ущелистой девы, руками
 Тщательно складки держа прелестных одежд; развевались
 Волосы их над плечами, подобные цвету шафрана.
 Возле дороги богиню нашли они, там же, где прежде
- 180 С нею расстались. К чертогам отца повели ее девы.
 Сердцем печалуясь милым, богиня за девами следом
 Шла, с головы на лицо опустив покрывало, и пеплос
 Черный вокруг ее ног развевался божественно легких.
 Быстро жилища достигли любимого Зевсом Келея
 И через портик пошли. У столба, подпиравшего крышу
 Прочным устоем, сидела почтенная мать их, царица,
 Мальчика — отпрыск недавний — держа у груди. Подбежали
 Дочери к ней. А богиня взошла на порог и достала
 До потолка головой и сияньем весь вход озарила.
- 190 Благоговенье и бледный испуг охватили царицу.
 С кресла она поднялась и его уступила богине.
 Не пожелала, однако, присесть на блестящее кресло
 Пышнодарящая, добропогодная мать Деметра,
 Но молчаливо стояла, прекрасные очи потупив.
 Пестрый тогда ей придвинула стул многоумная Ямба,
 Сверху овечьим руном серебристым покрывши сиденье.
 Села богиня, держа пред лицом покрывало руками.
 Долго без звука на стуле сидела, печалуясь сердцем,
 И никого не старалась порадовать словом иль делом.
- 200 Но без улыбки сидела, еды и питья не касаясь,
 Мучаясь тяжелой тоскою по дочери с поясом низким.
 Бойким тогда балагурством и острыми шутками стала
 Многоразумная Ямба богиню смешить пречестную:
 Тут улыбнулась она, засмеялась и стала веселой.
 Милой с тех пор навсегда ей осталась и в тайнствах Ямба.
 Кубок царица меж тем протянула богине, наполнив

Сладким вином. Отказалась она. Не годится, сказала,
 Красное пить ей вино. Попросила, чтоб дали воды ей,
 Ячной мукой для питья замесивши и нежным полеем.
 210 Та, приготовивши смесь, подала, как велела богиня.
 Выпила чашу Део. С этих пор стал напиток обрядным.
 И говорить начала ей Метанира с поясом пышным:
 «Радуйся, женщина! Не от худых, а от добрых и славных
 Ты приходишь, я вижу, родителей. В царских родах лишь
 Благоволеньем таким и достоинством светятся взоры.
 Что же до божьих даров, все мы волей-неволей их сносим,
 Как ни горюем душой: под ярмом наши согнутые шеи.
 Здесь же, в дому у меня, будешь так же ты жить, как сама я.
 Мальчика этого мне воспитай. Ниспослали мне боги
 220 Поздно его и неожиданно, его горячо я желала.
 Если б его ты вскормила и юности мальчик достиг бы, —
 Право, любую из жен слабосильных, тебя увидавших,
 Зависть взяла бы: такую награду бы ты получила».
 Тотчас прекрасновечная ей отвечала Деметра:
 «Радуйся также и ты, да пошлют тебе счастье боги!
 Сына с великим стараньем вскормить я тебе обещаюсь,
 Как ты велишь. Никакие, надеюсь, по глупости няньки,
 Чары иль зелья вреда принести не смогут ребенку:
 Противоядье я знаю сильнее, чем всякие травы,
 230 Знаю и против вредительских чар превосходное средство».
 Молвила так и прижала младенца к груди благовонной,
 Взяв на бессмертные руки; и радость объяла царицу.
 Вскармливать стала богиня прекрасного Демофонта,
 Поздно рожденного на свет Метанирой с поясом пышным,
 Сына Келея-владыки. И рос божеству он подобным.
 Не принимал молока материнского, пищи не ел он;
 Днем натирала Деметра амвросией тело младенца,
 Нежно дыша на него и к бессмертной груди прижимая;
 Ночью же, тайно от милых родителей, мальчика в пламя,
 240 Словно как факел, она погружала, и было им дивно, —
 Так он стремительно рос, так богам становился подобен.
 И неподверженным стал бы ни старости мальчик, ни смерти,
 Если бы, по неразумью, Метанира с поясом пышным,
 Ночи глубокой дождавшись, из спальни своей благовонной
 Не подглядела. Вскричав, по обоим ударила бедрам
 В страхе за милого сына, и ум у нее помутился.
 Проговорила слова окрыленные в горе великом:
 «Сын Демофонт! Чужестранка в великом огне тебя держит,
 Мне же безмерные слезы и горькую скорбь доставляет!»
 250 Так говорила печалась. Услышала это богиня.
 Гневом наполнилось сердце Деметры прекрасновечной.
 Милого сына, царицей неожиданно рожденного на свет
 В прочных чертогах, из рук уронила бессмертных на землю,
 Вырвав его из огня, возмущенная духом безмерно.

И взговорила при этом к Метанире с поясом пыльным:
 «Жалкие, глупые люди! Ни счастья, идущего в руки,
 Вы не способны предвидеть, ни горя, которое ждет вас!
 Непоправимое ты неразумьем своим совершила.
 Клятвой богов я клянуся, водой беспощадною Стикса, —
 260 Сделать могла бы навек нестареющим я и бессмертным
 Милого сына тебе и почет ему вечный доставить.
 Ныне же смерти и Кер уж избежать ему невозможно.
 В непреходящем, однако, почете пребудет навеки:
 К нам он всходил на колени, и в наших объятиях спал он.
 Многие годы пройдут, и всегда в эту самую пору
 Будут сыны элевсинцев войну и жестокую свалку
 Против афинян вчинять ежегодно во вечные веки.
 Чтимая всеми Деметра пред вами. Бессмертным и смертным
 Я величайшую радость несу и всегдашнюю помощь.
 270 Пусть же великий воздвигнут мне храм и жертвенник в храме
 Целым народом под городом здесь, под высокой стеною,
 Чтобы стоял на холме, выдающемся над Каллихором.
 Таинства ж в нем я сама учрежу, чтобы впредь, по обряду
 Чин совершая священный, на милость вы дух мой склоняли».
 Так сказала богиня, и рост свой и вид изменила,
 Сбросила старость и вся красотою обвеялась вечной.
 Запах чудесный вокруг разлился от одежд благовонных,
 Ярким сиянием кожа бессмертная вдруг засветилась,
 И по плечам золотые рассыпались волосы. словно
 280 Светом от молнии прочно устроенный дом осветился.
 Вон из чертога пошла. А у той ослабели колени.
 Долго немой оставалась царица и даже забыла
 Многолюбимого сына поднять, уроненного наземь.
 Жалобный голос младенца услышали издали сестры,
 С мягких постелей вскочили и быстро на крик прибежали.
 Мальчика с полу одна подняла и на грудь возложила;
 Свет засветила другая; на нежных ногах устремилась
 К матери третья — из спальни ее увести благовонной.
 Бился младенец, купали его огорченные сестры,
 290 Нежно лаская. Однако не мог успокоиться мальчик:
 Было кормилицам этим и няням далеко до прежней!
 Целую ночь напролет, трепеща от испуга, молились
 Славной богине они. А когда засветилось утро,
 Все рассказали Келею широкодержавному точно,
 Что приказала Деметра прекрасновечная сделать.
 Он же, созвавши немедля на площадь народ отовсюду,
 Отдал приказ на холме выдающемся храм богатейший
 Пышноволосой воздвигнуть Деметре и жертвенник в храме.
 Тотчас послушались все, и словам его вняли, и строить
 300 Начали, как приказал. И с божественной помощью рос он.
 После того как исполнили все и труды прекратили,
 Каждый домой воротился. Тогда золотая Деметра

Села во храме одна, вдалеке от блаженных бессмертных,
 Мучаясь тяжкой тоскою по дочери с поясом низким.
 Грозный, ужаснейший год низошел на кормилицу-землю
 Волею гневной богини. Бесплодными сделались пашни:
 Семя сокрыла Деметра прекрасновечная в почве.
 Тщетно по пашням быки волокли искривленные плуги,
 Падали в борозды тщетно ячменные белые зерна.
 310 С голоду племя погибло 6 людей, говорящих раздельно,
 Все без остатка, навек прекратились бы славные жертвы
 И приношенья богам, в олимпийских чертогах живущим,
 Если же Зевс не размыслил и в сердце решения не принял.
 Прежде всего златокрылой Ириде призвать повелел он
 Пышнокудрявую, милую видом Деметру-богиню.
 Так он сказал. И, словам чернотучего Зевса-Кронида
 Внявши, помчалась Ирида на быстрых ногах сквозь
 пространство,
 В город сошла Элевсин, благовонным куреньем богатый,
 В храме сидящей нашла в одеянии черном Деметру
 320 И окрыленное слово, окликнув богиню, сказала:
 «Вечное знающий Зевс-промыслитель тебя, о Деметра,
 К племени вечноживущих богов призывает вернуться.
 Ты же иди, — да не будет напрасным Кронидово слово!»
 Так говорила, прося. Но душой не склонилась богиня.
 Тотчас отец и других к ней отправил богов всеблаженных,
 Вечно живущих. И все к ней один за другим приходили,
 Звали богиню и много дарили даров превосходных,
 Почестей много сулили, ее меж бессмертными ждущих.
 Но не сумел ни один убедить ни рассудка, ни сердца
 330 Гневной Деметры. Сурово все речи отвергла богиня.
 На благовонный Олимп и ногою, сказала, не ступит,
 Черной земле не позволит плода ни единого выслать,
 Прежде чем дочери милой своей не увидит глазами.
 Это услышавши, Зевс, тяжело и пространно гремевший,
 Тотчас отправил в Эреб златожезлого Аргоубийцу,
 Чтобы, приятною речью хитро обольстивши Аида,
 Чистую Персефонею из темного мрака он вывел
 На свет, в собрание богов, чтоб, ее увидавши глазами,
 Мать оскорбленная гнев свой великий в душе прекратила.
 340 И не послушался Зевса Гермес, но в глубины земные
 Тотчас поспешно спустился, покинув жилище Олимпа.
 Аидонея-владыку нашел он в подземных чертогах;
 С ним, против воли своей, восседала на ложе супруга,
 Черной терзаясь тоскою по матери. Гневом безмерным
 Все еще дух волновался ее на решение бессмертных.
 Близко представши, могучий сказал ему Аргоубийца:
 «Чернокудрявый Аид, повелитель ушедших от жизни!
 Зевс мне, родитель, велел достославную Персефонею
 Вывести вон из Эреба к своим, чтоб, ее увидавши,
 350 Гнев на бессмертных и злобу ужасную мать прекратила.

Ибо великое дело душою она замышляет —
 Слабое племя людей земнородных вконец уничтожить,
 Скрывши в земле семена, и лишит олимпийцев бессмертных
 Почестей. Гневом ужасным богиня полна. Не желает
 Знаться с богами. Сидит вдалеке средь душистого храма,
 Город скалистый избрав Элевсин для себя пребываньем».

Так он сказал. Улыбнулся бровями владыка умерших,
 Аидоней, и, послушный веленьям властителя Зевса,
 Персефонею разумной тотчас же отдал приказанье:

360 «К матери черноодежной немедля иди, Персефона,
 Кроткую силу и благодный дух во груди сохраняя.
 И не печалься чрезмерно: не хуже других твоя доля.
 Право, не буду тебе я в богах недостойным супругом,
 Брат родителя Зевса родной. У меня пребывая,
 Будешь владычицей ты надо всем, что живет и что ходит,
 Почести будешь иметь величайшие между бессмертных.
 Вечная кара постигнет того из людей нечестивых,
 Кто с подобающим даром к тебе не придет и не будет
 Радовать силы твоей, принося, как положено, жертвы».

370 Так он промолвил. Вскочила, объятая радостью, с ложа
 Мудрая Персефонея. Тогда повелитель умерших
 Зерньшко дал проглотить ей граната, сладчайшее меда,
 С замыслом тайным, чтоб навек супруга его не осталась
 Там наверху с достославной Деметрою черноодежной.
 Раньше того уж бессмертных своих лошадей быстроногих
 Многодержавный Аид в колесницу запряг золотую.
 На колесницу богиня вступила. И, в милые руки
 Вожжи и бич захвативши, коней устремил из чертогов
 Аргоубийца могучий; охотно они полетели.

380 Быстро великий проделали путь; ни широкое море
 Бега бессмертных коней задержать не могло, ни речные
 Воды, ни гор высота, ни зеленых долин углубленья.
 Поверху резали воздух они высоко над землею.
 Там, где сидела Деметра в прекрасном венке, колесницу
 Остановил он — пред храмом душистым. Она же, увидев,
 Ринулась, словно менада в горах по тенистому лесу.
 А Персефона
 Матери милой своей
 Бросилась

390 Ей же

 «Дочь моя
 Пищи. Скажи откровенно
 Ибо тогда, возвратившись,
 Подле меня и отца твоего чернотучего Зевса
 Будешь ты жить на Олимпе, бессмертными чтимая всеми.
 Если ж вкусила, обратно пойдешь и в течение года
 Третью будешь ты часть проводить в глубине преисподней.

400 Две остальные — со мною, а также с другими богами.
 Чуть же наступит весна и цветы благовонные густо
 Черную землю покроют, — тогда из туманного мрака
 Снова ты явишься на свет, на диво бессмертным и смертным.

 Также о том, как тебя обманул Полидегмон могучий».

Тотчас в ответ ей сказала прекрасная Персефонея:
 «Все, как случилось, тебе откровенно, о мать, расскажу я.
 После того как Гермес-благадавец, глашатай проворный,
 Мне приказанье принес от Кронида и прочих бессмертных
 К ним из Эреба прийти, чтоб, меня увидавши глазами,
 410 Гнев на бессмертных и злобу ужасную ты прекратила, —
 Радостно тотчас вскочила я с ложа. Тогда потихоньку
 Сунул зерно мне граната он в руку — сладчайшее вкусом —
 И, против воли моей, проглотить его силой заставил.
 Что ж до того, как похитил меня он по мысли коварной
 Зевса, отца моего, как увлек в преисподнее царство, —
 Я расскажу, без ответа вопросов твоих не оставив.
 Все мы, собравшись на мягком лугу, беззаботно играли.
 Было нас много: Левкиппа, Ианфа, Фэно и Электра,
 Также Мелита, Ияха, Родения и Каллироя,
 Тиха, Мелобосис и цветколикая с ней Окироя,
 И Хрисеида с Акастой, Адмета с Янирою вместе,
 Также Родопы, Плуто и прелестная видом Калипсо,
 С ними Урания, Стикс и приятная всем Галаксавра,
 Дева-Паллада, к сраженьям зовущая, и Артемида
 Стрелолюбивая — все мы играли, цветы собирали,
 Ирисы рвали с шафраном приветливым и гиацинты,
 Роз благовонных бутоны и лилии, дивные видом,
 Также нарциссы, коварно землею рожденные черной.
 Радужа сердцем, цветок сорвала я. Земля из-под низу
 430 Вдруг раздалась. Взялся из нее Полидегмон могучий.
 Быстро под землю меня он умчал в золотой колеснице,
 Как ни противилась я. Закричала я голосом громким.
 Хотя и с печалью, но все я по правде тебе сообщаю».

Так целый день непрерывно, душе отзываясь душою,
 Крепко обнявшись, сидели они и душой веселились,
 Глядя одна на другую. Забыло все горести сердце.
 Радость взаимно они получали и радость давали.
 Дева-Геката приблизилась к ним в покрывале блестящем;
 Чистую дочь Деметры в объятья она заключила.
 440 С этой поры ей служанкой и спутницей стала царица.
 С вестью отправил к ним Зевс, тяжело и пространно гремевший,
 Пышноволосяную Рею, чтоб в пеплосе черном Деметру
 В сонме олимпийцев обратно она привела, обещая
 Почести ей даровать величайшие между бессмертных.
 Постановил он, чтоб дочь ее в продолжение года
 Треть проводила одну в многосумрачном царстве подземном,
 Две ж остальные — с Деметрой, а также с другими богами.

Так он сказал, и приказа его не ослушалась Рея.
 Быстро покинув вершины Олимпа, она ниспустилась
 450 В Рарион. Выменем был он земли живоносным дотолѣ,
 Но живоносным теперь уже не был. Без зелени, дикий,
 Он простирался, в себе сохранивши ячменные зерна,
 Как порешила Деметра прекраснoлoдыжная. Вскоре,
 С новой весной предстояло, однако, опять ему пышно
 Заколоситься, густые колосья с зерном полновесным
 К самой земле преклонить и снопами обильно покрыться.
 Там-то впервые сошла из эфира пространного Рея.
 Радуюсь духом, с любовью они друг на друга взглянули.
 И взговорила к ней вот как блестящеoдежная Рея:
 460 «Встань, о дитя мое! Зевс, тяжело и пространно гремящий,
 В сонѣ олимпийцев тебя призывает вернуться и много
 Почестей хочет тебе даровать средь блаженных бессмертных.
 Постановил он, чтоб дочь твоѣ в продолжение года
 Треть проводила одну в многосумрачном царствѣ подземном,
 Две остальные — с тобою, а также с другими богами.
 Так он решил и главою своею кивнул в подтвержденье.
 Встань же, дитя мое, волю исполни его и чрезмерно
 В гнѣве своем не упорствуй на тучегонителя Зевса.
 Произрасти для людей живоносные зерна немедля!»
 470 Так говорила. И ей не была непослушна Деметра.
 Выслала тотчас колосья на пашнях она плодородных,
 Зеленью буйной, цветами широкую землю одела
 Щедро. Сама же, поднявшись, пошла и владыкам державным —
 С хитрым умом Триптолему, смирителю коней Диоклу,
 Силѣ Евмолпа, а также владыке народов Келею —
 Жертвенный чин показала священнѣй и всех посвятила
 В таинства. Святы они и велики. Об них ни расспросов
 Дѣлать не должен никто, ни ответа давать на расспросы:
 В благоговѣнье великом к бессмертным уста замолкают.
 480 Счастливы те из людей земнородных, кто таинство видел.
 Тот же, кто им непричастен, по смерти не будет вовеки
 Доли подобной имѣть в многосумрачном царствѣ подземном.
 Все учредив и устроив, богиня богинь воротилась
 С матерью вместе на светлѣй Олимп, в собранье бессмертных.
 Там обитают они подле Зевса, метателя молний,
 В славе и чести великой. Блажен из людей земнородных,
 Кто благосклонной любви от богинь удостоится славных:
 Тотчас нисходит в жилище его очага покровитель —
 Плутос, дарующий людям обилье в стадах и запасах.
 490 Вы же, под властью которых живут Элевсин благовоный,
 Парос, водой отовсюду омытый, и Антрон скалистѣй, —
 Ты, о царица Део, пышнодарная, чтимая всеми,
 С дочерью славной своею, прекрасною Персефонеей, —
 Нам благосклонно счастливую жизнь ниспошлите за песню!
 Ныне ж, вас помянув, я к песне другой приступаю.

VI. К АФРОДИТЕ

- Песня моя – к Афродите прекрасной и златовенчанной,
Чести великой достойной. В удел ей достались твердьни
В море лежащего Кипра. Туда по волнам многозвучным
В пене воздушной пригнало ее дуновение Зефира
Влажною силой своею. И Оры в златых диадемах,
Радостно встретив богиню, нетленной одели одеждой:
Голову вечную ей увенчали сработанным тонко,
Чудно прекрасным венцом золотым и в проколы ушные
Серьги из золотомеди и ценного золота вдели;
10 Шею прекрасную вместе с серебряно-белою грудью
Ей золотым ожерельем обвили, какими и сами
Оры в повязках златых украшают себя, отправляясь
На хоровод ли прелестный бессмертных, в дворец ли отцовский.
После того как на тело ее украшения надели,
К вечным богам повели. И, Киприду приветствуя, боги
Правую руку ей жали, и каждый желаньем зажегся
Сделать супругой законной своей и ввести ее в дом свой,
Виду безмерно дивясь Кифереи фиалковенчанной.
Славься, с ресницами гнутыми, нежная! Даруй победу
20 Мне в состязании этом, явись мне помощницей в песне!
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

VII. ДИОНИС И РАЗБОЙНИКИ

- О Дионисе я вспомню, рожденном Семелою славной, –
Как появился вблизи берегов он пустынного моря
На выступающем мысе, подобный весьма молодому
Юноше. Вкрут головы волновались прекрасные кудри,
Иссиня-черные. Плащ облекал многомощные плечи
Пурпурный. Быстро разбойники вдруг появились морские
На крепкопалубном судне в дали винно-черного моря,
Мужи тирренские. Злая вела их судьба. Увидали,
Перемигнулись и, на берег выскочив, быстро схватили
10 И посадили его на корабль, веселяся душою.
Верно, то сын, говорили, царей, питомцев Кронида.
Тяжкие узы они на него наложить собрались.
Но не смогли его узы сдержать, далеко отлетели
Вязи из прутьев от рук и от ног. Восседал и спокойно
Черными он улыбался глазами. Все это заметил
Кормчий и тотчас, окликнув товарищей, слово промолвил:
«Что за могучего бога, несчастные, вы захватили
И заключаете в узы? Не держит корабль его прочный.
Это иль Зевс-громовержец, иль Феб-Аполлон сребролукий,
20 Иль Посейдон. Не на смертнорожденных людей он походит,
Но на бессмертных богов, в олимпийских чертогах живущих.

Ну же, давайте отчалим от черной земли поскорее,
Тотчас! И рук на него возлагать не держайте, чтоб в гнев
Он не воздвигнул свирепых ветров и великого вихря!»

Так он сказал. Но сурово его оборвал предводитель:
«Видишь — ветер попутный! Натянем же парус,

несчастный!

Живо за снасти берись! А об нем позаботятся наши.
Твердо надеюсь: в Египет ли с нами прибудет он, в Кипр ли,
К гиперборейцам, еще ли куда, — назовет наконец он
30 Нам и друзей и родных и богатства свои перечислит,
Ибо само божество нам в руки его посылает».

Так он сказал и поднял корабельную мачту и парус.
Ветер парус срединный надул, натянулись канаты.
И совершаться пред ними чудесные начали вещи.
Сладкое прежде всего по судну быстроходному всюду
Вдруг зажурчало вино благовонное, и амвросийный
Запах вокруг поднялся. Моряки в изумленье глядели.
Вмиг протянулись, за самый высокий цепляясь парус,
Лозы туда и сюда, и в обилии гроздьев повисли;
40 Черный вкруг мачты карабкался плющ, покрываясь цветами,
Вкусные всюду плоды красовались, приятные глазу,
А на уключинах всех появились венки. Увидавши,
Кормчему тотчас они приказали корабль поскорее
К суше направить. Внезапно во льва превратился их пленник.
Страшный безмерно, он громко рычал; средь судна же являя
Знаменья, создал медведицу он с волосистым затылком.
Яростно встала она на дыбы. И стоял на высокой
Палубе лев дикоглазый. К корме моряки побежали:
Мудрого кормчего все они в ужасе там обступили.
50 Лев, к предводителю прыгнув, его растерзал. Остальные,
Как увидали, жестокой судьбы избегая, поспешно
Всею гурьбой с корабля повскакали в священное море
И превратились в дельфинов. А к кормчему жалость явил он,
И удержал, и счастливейшим сделал его, и промолвил:
«Сердцу ты мил моему, о божественный кормчий,

не бойся!

Я Дионис многошумный. На свет родила меня мать,
Кадмова дочь Семела, в любви сочетавшись с Кронидом».

Славься, дитя светлоокой Семелы! Тому, кто захочет
Сладкую песню наладить, забыть о тебе невозможно.

VIII. К АРЕСУ

Арес, сверхмощный боец, колесниц тягота, златошлемный,
Смелый оплот городов, щитоносный, медянооружный,
Сильный рукой и копьем, неустанный, защита Олимпа!
Многосчастливой Победы родитель, помощник Фемиды,

Грозный тиран для врагов, предводитель мужей справедливых,
 Мужества царь скиптоносный, скользящий стезей огнелазарной
 Меж семипутных светил по эфиру, где вечно коней ты
 Огненных гонишь своих по небесному третьему кругу!
 Слух преклони, наш помощник, дарующий смелую юность,
 10 Жизнь освещающий нам с высоты озарением кротким,
 Ниспосылающий доблесть Аресову. Если бы мог я
 Горькое зло от моей отогнать головы, незаметно
 Разумом натиск обманный души укротить и упрочить
 Сызнова острую силу в груди, чтоб меня побуждала
 В бой леденящий вступить. Ниспошли же, блаженный, мне
 смелость,
 Сень надо мной сохрани неколеблемых мирных законов,
 И да избегну насильственных Кер и схватки с врагами!

IX. К АРТЕМИДЕ

Муза, воспой Артемиду, родную сестру Дальновержца,
 Стрелолюбивую деву, совместно взращенную с Фебом!
 Поит она лошадей в тростниках высоких Мелита
 И через Смирну несется в своей всезлатой колеснице
 В Кларос, богатый лозами, — туда, где сидит, дожидаясь
 Стрелолюбивой сестры-дальновержицы, Феб сребролукий.
 Радуйся ж песне и ты, и с тобой все другие богини!
 Первая песня — тебе, с тебя свою песнь начинаю.
 Славу ж воздавши тебе, приступаю к другому я гимну.

X. К АФРОДИТЕ

Кипророжденную буду я петь Киферею. Дарами
 Нежными смертных она одаряет. Не сходит улыбка
 С милого лика ее. И прелестен цветок на богине.
 Над Саламином прекрасным царящая с Кипром
 обширным,
 Песню, богиня, прими и зажги ее страстью горячей!
 Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

XI. К АФИНЕ

Славить Палладу-Афину, оплот городов, начинаю,
 Страшную. Любит она, как и Арес, военное дело,
 Яростный воинов крик, городов разрушение и войны.
 Ею хранится народ, на сражение ль идет, из сраженья ль.
 Славься, богиня! Пошли благоденствие нам и удачу!

XII. К ГЕРЕ

Золотогронную славу я Геру, рожденную Реей,
Вечноживущих царицу, с лицом красоты необычной,
Громкогромающего Зевса родную сестру и супругу
Славному. Все на великом Олимпе блаженные боги
Благоговейно ее наравне почитают с Кронидом.

XII. К ДЕМЕТРЕ

Пышноволовую петь начинаю Деметру-богиню
С дочерью славной ее, прекрасною Персефоней.
Славься, богиня! Наш город храни. Будь первая в песне.

XIV. К МАТЕРИ БОГОВ

Мать всех бессмертных богов и смертных людей
восславь мне,
Дочь великого Зевса, о звонкоголосая Муза!
Любы ей звуки трещоток и бубнов и флейт переливы,
Огненнооких рыканье львов, завывания волчьи,
Звонкие горы и лесом заросшие логи глухие.
Радуйся ж песне и ты, и с тобой все другие богини!

XV. К ГЕРАКЛУ ЛЬВИНОДУШНОМУ

Зевсова сына Геракла пою, меж людей земнородных
Лучшего. В Фивах его родила, хороводами славных,
С Зевсом-Кронидом в любви сочетавшись, царица Алкмена.
Некогда, тяжко трудясь на службе царю Еврисфею,
По бесконечной земле он и по морю много скитался;
Страшного много и сам совершил, да и вынес немало.
Ныне, однако, в прекрасном жилище на снежном Олимпе
В счастье живет и имеет прекраснолодыжную Гебу.
Славься, владыка, сын Зевса! Подай добродетель
и счастье.

XVI. К АСКЛЕПИЮ

Всяких целителя болей, Асклепия петь начинаю.
Сын Аполлона, рожден Коронидою он благородной,
Флегия царственной дочерью, на пышной Дотийской равнине, —
Радость великая смертных и злых облегчитель страданий.
Радуйся также и ты, о владыка! Молюсь тебе песней.

ХVII. К ДИОСКУРАМ

Кастора и Полидевка пою, Тиндаридов могучих.
От олимпийского Зевса-владыки они происходят.
Их родила под главами Тайгета владычица Леда,
Тайно принявшая бремя в объятиях Зевса-Кронида.
Славьтесь вовек, Тиндариды, коней укротители быстрых!

ХVIII. К ГЕРМЕСУ

Петь начинаю Гермеса Килленского, Аргобийцу.
Благостный вестник богов, над Аркадией многоовечной
И над Килленою царствует он. Родила его Майя.
Чести достойная дочь Атланта, в любви сочетавшись
С Зевсом-Кронионом. Сонма блаженных богов избегая,
В густотенистой пещере жила пышнокудрая нимфа.
Там-то на ложе взошел к ней Кронид непогодною ночью,
В пору, как сладостный сон овладел белолокотной Герой,
Втайне равно от бессмертных и смертных свершился союз их.
10 Радуйся с нами и ты, сын Зевса-владыки и Майи!
Песню начавши с тебя, приступаю к другому я гимну.

ХIX. К ПАНУ

Спой мне, о Муза, про Пана, Гермесова милого сына.
С нимфами светлыми он — козлоногий, двурогий, шумливый —
Бродит по горным дубравам, под темною сенью деревьев.
Нимфы с верхушек скалистых обрывов его призывают,
Пана они призывают с курчавою, грязною шерстью,
Бога веселого пастбищ. В удел отданы ему скалы,
Снежные горные главы, тропинки кремнистых утесов.
Бродит и здесь он и там, продираясь сквозь частый кустарник;
То приютится над краем журчащего нежно потска,
10 То со скалы на скалу понесется, все выше и выше,
Вплоть до макушки, откуда далеко все пастбища видны.
Часто мелькает он там, на сверкающих, белых равнинах,
Часто, охотясь, по склонам проносится, с дикого зверя
Острых очей не спуская. Как только же вечер наступит,
Кончив охоту, берет он свирель, одиноко садится
И начинает так сладко играть, что тятаться и птичка
С ним не могла бы, когда она в чаще, призывно тоскуя,
В пору обильной цветами весны заливается песней.
Звонкоголосые к богу собираются горные нимфы,
20 Пляшут вблизи родника темноводного быстрюю пляску,
И далеко по вершинам разносится горное эхо.
Сам же он то в хороводе ступает, а то в середину

Выскочит, топает часто ногами, на звонкие песни
 Радуюсь духом. И рысья за ним развеивается шкура.
 Так они пляшут на мягком лугу, где с травой вперемежку
 Крокусы и гиацинты душистые густо пестреют.
 Песни поют про великий Олимп, про блаженных бессмертных,
 И про Гермеса, — как всех, благодетельный, он превосходит,
 Как для богов олимпийских посланником служит проворным
 30 И как в Аркадию он, родниками обильную, прибыл,
 В место, где высится роща его на Киллене священной.
 Бог — у смертного мужа там пас он овец густорунных.
 Там, для себя незаметно, зажегся он нежною страстью
 К дочери Дриопа, нимфе прекрасноволосой и стройной.
 Скорый устроился брак. Родила ему нимфа в чертогах
 Многолюбивого сына, поистине чудище с виду!
 Был он с рогами, с ногами козлиными, шумный, смешливый.
 Ахнула мать и вскочила и, бросив дитя, убежала:
 В ужас пришла от его бородатого, страшного лика.
 40 На руки быстро Гермес благодетельный принял ребенка.
 Очень душой веселился он, глядя на милого сына.
 С ним устремился родитель в жилище блаженных бессмертных,
 Сына укутавши шкурой пушистою горного зайца.
 Сел перед Зевсом-властителем он меж другими богами
 И показал им дитя. Покатались со смеху боги.
 Больше же прочих бессмертных Вакхей-Дионис был утешен.
 Всех порадовал мальчик, — и назвали мальчика *Паном*.
 Радуйся также и сам ты, владыка! Молюсь тебе песней,
 Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

XX. К ГЕФЕСТУ

Муза, Гефеста воспой, знаменитого разумом хитрым!
 Вместе с Афиною он светлоокою славным ремеслам
 Смертных людей на земле обучил. Словно дикие звери,
 В прежнее время они обитали в горах по пещерам.
 Ныне ж без многих трудов, обученные всяким искусствам
 Мастером славным Гефестом, в течение целого года
 Время проводят в жилищах своих, ни о чем не заботясь.
 Милостив будь, о Гефест! Поддай добродетель и счастье!

XXI. К АПОЛЛОНУ

Феб! Воспевает и лебедь тебя под плескание крыльев,
 С водоворотов Пенейских взлетая на берег высокий.
 Также и сладкоречивый певец с многозвучною лирой
 Первым всегда и последним тебя воспевает, владыка.
 Радуйся много! Да склонит тебя моя песня на милость!

XXII. К ПОСЕЙДОНУ

Песня — о боге великом, владыке морей Посейдоне.
Землю и море бесплодное он в колебанье приводит,
На Геликоне царит и на Эгах широких. Двойную
Честь, о земли колебатель, тебе предоставили боги:
Диких коней укрощать и спасать корабли от крушенья.
Слава тебе, Посейдон, — черновласый, объемлющий землю!
Милостив будь к мореходцам и помощь подай им, блаженный!

XXIII. К ЗЕВСУ

Зевс, меж богов величайший и лучший, к тебе моя песня!
Громораскатный, владыка державный, судья-воздаятель,
Любишь вести ты беседы с Фемидой, согбенно сидящей.
Милостив будь, громозвучный Кронид, — многославный,
великий!

XXIV. К ГЕСТИИ

Дом священный метателя стрел, Аполлона-владыки,
Ты охраняешь в Пифоне божественном, дева-Гестия!
Влажное масло с твоих нистекает кудрей непрестанно.
Этот, владычица, дом посети — низойди благосклонно
Вместе с Кронидом всеумудрым. И дай моей песне приятность.

XXV. К МУЗАМ И АПОЛЛОНУ

С Муз мою песню начну, с Аполлона и с Зевса-Кронида,
Ибо от Муз и метателя стрел, Аполлона-владыки,
Все на земле и певцы происходят, и лирики-мужи;
Все же цари — от Кронида. Блажен человек, если Музы
Любят его: как приятен из уст его льющийся голос!
Радуйтесь, дочери Зевса, и песню мою отличите!
Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.

XXVI. К ДИОНИСУ

Шумного славить начну Диониса, венчанного хмелем,
Многохвалимого сына Кронида и славной Семелы.
Пышноволосяе нимфы вскормили младенца, принявши
К груди своей от владыки-отца, и любовно в долинах
Нисы его воспитали. И, волей родителя-Зевса,
Рос он в душистой пещере, причисленный к сонму бессмертных.
После того как возрос он богинь попечением вечных,

Вдаль устремился по логом лесным Дионис многопетый,
Хмелем и лавром венчанный. Вослед ему нимфы спешили,
10 Он же их вел впереди. И гремел весь лес необъятный.
Так же вот радуйся с нами и ты, Дионис многогрозный!
Дай и на будущий год нам в веселии снова собраться!

XXVII. К АРТЕМИДЕ

Песня моя — к златострельной и любящей шум Артемиде,
Деве достойной, оленей гоняющей, стрелолюбивой,
Одноутробной сестре златолирного Феба-владыки.
Тешась охотой, она на вершинах, открытых для ветра,
И на тенистых отрогах свой лук всезлатой натягает,
Стрелы в зверей посылая стелящие. В страхе трепещут
Главы высокие гор. Густотенные чащи лесные
Стонут ужасно от рева зверей. Содрогаются суша
И многорыбное море. Она же с бестрепетным сердцем
10 Племя зверей избивает, туда и сюда обращаясь.
После того как натешится сердцем охотница-дева,
Лук свой красиво согнутый она наконец ослабляет
И направляется к дому великому милого брата
Феба, царя-далновержца, в богатой округе дельфийской.
Чтобы из Муз и Харит хоровод устроить прекрасный.
Там она вешает лук свой с концами загнутыми, стрелы,
Тело приятно украсив, вперед выступает пред всеми
И хоровод зачинает. И пеньем бессмертным богини
Славят честную Лето, как детей родила она на свет,
20 Между бессмертными всеми отличных умом и делами.
Радуйтесь, дети Кронида-царя и Лето пышнокудрой!
Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.

XXVIII. К АФИНЕ

Славную петь начинаю богиню, Палладу-Афину,
С хитро искусным умом, светлоокую, с сердцем немягким,
Деву достойную, градов защитницу, полную мощи,
Тритогенею. Родил ее сам многомудрый Кронион.
Из головы он священной родил ее, в полных доспехах,
Золотом ярко сверкавших. При виде ее изумленье
Всех охватило бессмертных. Пред Зевсом эгидодержавным
Прыгнула быстро на землю она из главы его вечной,
Острым копьем потрясая. Под тяжким прыжком Светлоокой
10 Заколебался великий Олимп, застонали ужасно
Окрест лежащие земли, широкое дрогнуло море
И закипело волнами багровыми; хлынули воды
На берега. Задержал Гиперионов сын лучезарный
Надолго быстрых коней, и стоял он, доколе доспехов

Богopodobных своих не сложила с бессмертного тела
Дева Паллада-Афина. И радость объяла Кронида.
Радуйся много, о дочь эгидодержавного Зевса!
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

XXIX. К ГЕСТИИ

Почетъ большая на долю тебе, о Гестия, досталась:
Вечно иметь пребыванье внутри обиталищ высоких
Всех олимпийцев и всех на земле обитающих смертных.
Дар превосходный и ценный тебе: у людей не бывает
Пира, в котором бы кто, при начале его, возлиянья
Первой тебе и последней не сделал вином медосладким.
Также и ты, сын Кронида и Майи, Аргобийца,
Вестник блаженных бессмертных, с жезлом золотым,
Помощь пошли благосклонно с Гестией почтенной и милой!
10 Оба в прекрасных жилищах людей, населяющих землю,
Вы обитаете, зная душою, что мило другому,
Разум и молодость в людях успехом прекрасным венчая.
Радуйся, Кроноса дочь, и ты, о Гермес златожезлый!
Ныне ж, вас помянув, я к песне другой приступаю.

XXX. К ГЕЕ, МАТЕРИ ВСЕХ

Петь начинаю о Гее-всематери, прочноустойной,
Древней, всему, что живет, пропитанье обильно дающей.
Ходит ли что по священной земле или плавает в море,
Носится ль в воздухе — все лишь твоими щедротами живо.
Ты плодovitость, царица, даешь и даешь плодородье;
Можешь ты жизнь даровать человеку и можешь обратно
Взять ее, если захочешь. Блажен между смертных, кого ты
Благоволеньем почтишь: в изобилии все он имеет.
Тяжкие гнутся колосья на ниве, на пастбище тучном
10 Бродит бесчисленное стадо, и благами дом его полон.
Сами ж они изобильный красивыми женами город
Правят по добрым законам. Богатство и счастье с ними.
Хвалятся их сыновья жизнерадостным, свежим весельем,
Девушки — дочери их — в хороводах кружась цветоносных,
Нежные топчут цветы на лугах в ликовании светлом.
Так отличаешь ты их, многотимая, щедрая Гея!
Радуйся, мать богов, о жена многозвездного Неба!
Сердцу приятную жизнь ниспослали благосклонно за песню!
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

XXXI. К ГЕЛИОСУ

- О Каллиопа, от Зевса рожденная Муза! Восславь мне
Гелия: был он рожден волоокою Эйрифаессой
Сыну Геи-Земли и звездного Неба-Урана.
Эйрифаессу, родную сестру, Гиперион в супруги
Взял, и его подарила богиня потомством прекрасным:
Эос-Зарей розорукой, кудрявой Селеной-Луною
И богоравным, не знающим устали Гелием-Солнцем.
Свет с высоты посылает бессмертным богам он и людям,
На колесницу взойдя. Из-под шлема глядят золотого
10 Страшные очи его. И блестящими сам он лучами
Светится весь. От висков же бессмертной главы ниспадают
Волосы ярко блестящие, лик обрамляя приятный,
Складки прекрасных и тонких одежд. Жеребцы же под богом...
.....
15 Там, задержавши коней с колесницею златояремной,
К вечеру с неба на них в Океан опускается Гелий.
Радуйся, царь! Благоклонно счастливую жизнь
подари нам!
Песню начавши с тебя, воспою я людей говорящих,
Полубогов. Их дела показали бессмертные людям.

XXXII. К СЕЛЕНЕ

- О длиннокрылой, прекрасной Луне расскажите мне, Музы,
Сладкоречивые, в пенье искусные дочери Зевса!
Неборожденное льется сиянье на темную землю
От головы ее вечной, и все красотой великой
Блещет в сиянии том. Озаряется воздух бессветный
Светом венца золотого, и небо светлее, едва лишь
Из глубины Океана, омывши прекрасную кожу,
Тело облекши блестящей одеждою, издали видной,
И лучезарных запрягши коней — крепкошеих, гривастых, —
10 По небу быстро погонит вперед их Селена-богиня
Вечером, в день полнолуния. Великий свой круг совершая,
Ярче всего в это время она, увеличившись, блещет
В небе высоком, служа указаньем и знаменьем людям.
С нею когда-то сопрягся Кронион любовью и ложем.
Затяжелевши, ему родила она деву Пандию,
Между бессмертными всеми отличную видом прекрасным.
Слава царице, Селене святой, белокурой богине,
С мудрым умом, пышнокудрой! Начавши с тебя, воспою я
Полубогов, знаменитых героев, деянья которых
20 Сладкими славят устами служители Муз, песнопевцы.

XXXIII. К ДИОСКУРАМ

- Об Тиндаридах начните рассказ, быстроглазые Музы, —
Зевсовых детях, рожденных прекраснородною Ледой, —
Касторе, коннике мощном, и брате его Полидевке
Безукоризненном. С Зевсом-владыкой в любви сочетавшись,
Их под главою Тайгета, великой горы, во спасенье
Людям она родила, населяющим черную землю,
И кораблям быстроходным, когда на неласковом море
Зимние бури бушуют. С судна воссылая молитвы,
Люди на помощь зовут сыновей многомогущего Зевса,
10 Режут им белых ягнят, на носу корабельном собравшись.
Ветер великий меж тем и свирепые волны морские
В воду корабль погрузили. Но вдруг появились братья.
Быстро промчавшись эфиром на крыльях своих золотистых,
Ветров неистово злых бушеванье тотчас прекратили.
Сделали гладкой поверхность над бездною белого моря —
Для мореходцев прекраснейший знак и трудов разрешение.
Радость взяла их, и горестный труд свой они прекратили.
Славьтесь вовек, Тиндарида, коней укротители быстрых!
Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.

XXXIV. ОТРЫВКИ ГИМНА К ДИОНИСУ

-
Кто говорит, что в Дракане, а кто — что в Икаре ветристом,
Кто — что на Наксосе иль на Алфее глубокупчинном
Зевсу Семела тебя, забеременев, на свет родила,
Отрасль Кронида, Защи́тый в бедро! Утверждают другие,
Будто бы в Фивах божественных ты, повелитель, родился.
Все они лгут. Вдалеке от людей породил тебя, прячась
От белолокотной Геры, родитель бессмертных и смертных.
Есть, вся заросшая лесом, гора высочайшая, Ниса:
От Финикии вдали и вблизи от течений Египта...
.....
10 «Изображений ее [?] немало воздвигнется в храмах.
Так как их три, то и будут на третьем году постоянно
Люди тебе приносить гекатомбы из жертв безупречных...»
Молвил Кронион и иссиня-черными двинул бровями:
Волны нетленных волос с головы Громовержца бессмертной
На плечи пали его. И Олимп всколебался великий.
Так сказавши, кивнул головою Кронид-промыслитель.
Милостив будь, женолюб, Защи́тый в бедро! И в начале
Мы воспеваем тебя, и в конце. Для того, кто захочет
Помнить о песне священной, забыть о тебе невозможно.
20 Радуйся также и ты, Дионис, из бедра порожденный,
С матерью славной Семелой, что ныне зовется Фионой!

ПЕСНЬ ГОНЧАРОВ (302)

- Если за песню мою, гончары, воздадите наградой,
В помощь Афина вам будет, простершая длань над горнилом,
Славно дабы почернели и чаши, и всякие миски,
Обжиг дабы удался и прибыли стало довольно:
Всюду — на рынке, на улицах — бойкой да будет торговля!
Выручка щедрой да будет, и то да смогу я изведать!
Если ж, бесстыдство являя свое, воздадите обманом,
Вам супротив не замедлю созвать супостатов горнила —
Сажекоптителя, Треска, Разбива совместно с Расколом,
10 Непросыхателя, вред наносящего вашей работе.
Пусть мастерская горит и жилище, а с ними горнило
Грудю рухнет, и вопль гончаров да исторгнется громкий!
Скрежетом челюсти конской пускай заскрежещет горнило,
Грудюю мелких осколков свою наполняя утробу!
Дщерь Гелиоса, услышь, ты в зельях искусная Кирка!
Дикого зелья подбрось во зло гончарам и посуде!
Явится пусть и Хирон с огромной толпою кентавров —
Тех, что избегли Геракловых дланей, и тех, что погибли, —
Пусть разобьют беспощадно посуду и рушат горнило!
20 Пусть гончары во кручине глядят на деяния злые,
Я ж возликую, увидев, что их мастерство злополучно!
Кто ж над горнилом склонится, — да оному пламя вкрут лика
Вспыхнет! Свержение грозное всем да пребудет наукой!

ФИЛОСОФСКИЙ ЭПОС

ПАРМЕНИД Из поэмы «О ПРИРОДЕ»

ВСТУПЛЕНИЕ

1 (1)

- Те кобылицы, что носят меня, куда дух пожелает,
Были со мной и меня увлекали на путь многовещий
Той Богини, что всюду ведет приобщенного к знанью.
Мчался я этим путем, искушенные лошади в беге
Крепко держали ярмо, а девы казали дорогу.
Ось, накаляясь в ступице, свистела, подобно свирели,
Ибо стремили ее, вихревым вращаясь вращеньем,
Два колеса с двух сторон, а дочери светлого Солнца,
Бросивши за собой чертоги сумрачной Ночи,
10 К свету меня торопили, откинув с голов покрывала.
Там восстали Врата меж стезею ночной и дневною —
Притолока в выси и порог из твердого камня,
А между ними эфирный проем и огромные створы;
Держит от них двойные ключи казнящая Правда.
К ней-то ласкательно речь обратили спутные девы
И умолили искусной мольбой поспешить перед ними
Сдвинуть с ворот железный засов. Заияло безмерным
Зевом разъятие створ, повернулись медные стержни
В гнездах, один за другим, утвержденные справа и слева
20 Скрепам и острием; и меж них на широкий и торный
Девы направили путь моих лошадей с колесницей.
И благосклонно Богиня меня приняла, и рукою
Правую руку взяла, и вещала ко мне, и сказала:
«Юноша, спутник бессмертных возниц, под чьею охраной
Лошади эти тебя домчали до наших чертогов,
Радуйся! ибо не злая судьбина тебе указала
Странствовать этим путем, столь дальним от троп человеческих,
А указали Правда и Суд. Познай же как должно
И кругловидную Истину с сердцем незыбким, и вместе —
30 Мнения смертного люда, которым нет истинной веры;
Нужно, однако, и то изучить, как мнимости эти,
Все проникая насквозь, убедительны виделись людям.

2 (2)

Слово тебе изреку — склони же внимание слуха! —
Слово о том, какие пути предлежат разысканью.
Первый тебе указывает: «Есть!» и «Не-быть — невозможно!»
Это — путь Убежденья, оно же вслед Истине правит.
Путь же второй указывает: «Не есть!», «Не-быть — непременность!»
Этот путь — так я говорю — уводит в незнанье,
Ибо тебе ни уведать того, что не есть, невозможно,
Ни об этом сказать.

МИР ИСТИНЫ

3 (3)

...мыслить и быть — не одно ли и то же?

4 (4)

Взглянь на то, что не рядом, но что на уме неотрывно, —
Ибо уму не рассечь сопричастности Бытного с Бытным.
Ни рассеяв его целиком во всяком порядке,
Ни воедино собрав.

5 (5)

...одно мне и то же —
Здесь начать или там: все равно ворочусь я обратно.

6 (6)

Быть тому, чтоб сказать и помыслить Бытное. Ибо
Есть лишь «Быть», а Ничто — не есть: раздумай об этом!
Ибо я возбраняю тебе первый путь разысканья,
Но возбраняю и тот, по которому бродят невежды,
Люди о двух головах, в чьем сердце беспомощность правит
Праздно бредущим умом. Глухие они и слепые
Мечутся, ошеломясь, неспособное племя к суждению,
Те, кому быть и не быть, — одно и то же и вместе
Не одно и то же: всему у них путь есть попятный.

7 (7)

Ибо ничем нельзя убедить, что Не-бытное может
Быть. Воздержи свою мысль от этой дороги исканий:
Пусть тебя на нее не толкнет бывалая свычность,
Чтобы лелеять невидящий глаз, полнозвонное ухо,
Праздный язык. Будь лишь разум судьей многоспорному слову,
Произреченному мной!

На этом пути остается
Только то, что Есть. На этом пути перед нами
Много примет у него: оно нерожденно, бессмертно,
Цельно, однородно, недвижно, полнопредельно,
Не было и не будет, но есть, но ныне, но вкупе,
Слитно, едино.

- Какое ему ты приищешь начало?
Как и откуда ему возрасти? Из Небытного Бытным
Я не позволю его ни сказать, ни подумать: ни сказа
Нет, ни думы о том, что не есть. И какая потреба
10 Из ничего повелит ему стать — иль раньше, иль позже?
Нет: или только быть, или только не быть ему должно.
Точно так же из Бытного стать чему-то иному
Мощь Убеждения не даст. Оттого-то в крепчайших оковах
Держит Правда ее, ни в рождение, ни в смерть не пуская.
Стало быть, нам осталось одно измыслить решение:
Есть иль не Есть? Но нами уже решено неизбежно
Бросить неистинный путь, недоступный ни думе, ни сказу,
И на другой восступить путь, сущий и истинно сущий.
Как же Бытному в будущем стать? Как в прошлом начаться?
20 То, что было, — не есть; не есть и то, что в грядущем.
Вот и погасло Рождение, и стала неслышима Гибель.
Далее, всё подобно себе, потому — неделимо:
Нет нигде ничего ни больше, ни меньше, — слиянность
Не нарушима ничем. Всё единым исполнено Бытным,
Всё слиянно, что есть, Бытным к Бытному плотно прикинув.
Так в пределах великих оков существует недвижно
То, чему нет ни конца, ни начала: и Смерть и Рождение
Изгнаны, их отвела достоверная Истины сила.
Так, само в себе и само по себе пребывает
30 Бытное там, где оно неизменно лежит. Неизбежность
Мощная держит его, сжав кругом, в оковах предела,
Ибо тому, что Есть, неместна незавершенность.
С ней бы оно нуждалось во всем, а оно есть безнуждно.
Мысль и цель этой мысли — одно: ведь ты не приищешь
Мысли без Бытности той, которая в ней изречется.
Ибо нет ничего и не будет на свете иного,
Кроме Бытного, кроме того, что Мойра в оковах
Держит недвижным и цельным. А все остальное — лишь имя,
Все, что смертные в вере своей как истину ставят,
40 Все, что есть и не есть, рождается и погибает,
Место меняет свое и меняет яркие краски.
Так как оно — последний предел, то оно завершено
Сразу со всех сторон, как тело круглого шара,
Вкруг середины всегда равновесного, ибо не нужно
Быть ему ни с какой стороны ни больше, ни меньше.

13 (15)

...и вечно вперяясь в сияние
Солнца...

МИР МНЕНИЯ: СОСТАВ ЧЕЛОВЕКА

14 (12)

Более узкий круг огнем несмешанным полон;
В тех, что далее, — Ночь, там доля пламени меньше;
А в середине кругов — Богиня, которая правит
Всем: от нее — начало слияний, мучительных родов,
Это она посылает смешаться мужнее с женским,
Женское с мужним.

15 (13)

Первым среди богов измыслила бога Эроса.

16 (16)

Ибо когда каково смешенье в изменчивых членах,
Точно таков и ум предстает в человеке изменчив:
Членов людских естество и то, что мыслит, — едино
В каждом и во всех, ибо мысль — это то, чего больше.

17 (17)

...справа мальчиков, девочек слева.

18 (18)

Женщина с мужем когда мешает Венерино семя,
То если разная кровь соблюдает в смешении меру,
Сила ее, творя, порождает складное тело;
Если же, семя смешав, в нем силы враждуют и спорят
И не сливают себя воедино в смешанном теле,
То народившийся пол двояким семенем страждет.

19 (19)

Так, по мненьям людским, и рождается это, и длится
Ныне, и будет возрастать, и встретит урочную гибель.
Каждой из этих вещей люди дали отдельное имя.

ЭМПЕДОКЛ
Из поэмы «О ПРИРОДЕ»

ВСТУПЛЕНИЕ

1 (1)

Ты же послушай, Павсаний, разумного отпрыск Анхита!

2 (2)

Скудные средства у нас в телесных рассеяны членах,
Много разительных бед притупляет пытливые думы.
Только малую часть узрев человеческой жизни,
Быстрою смертью, как дыма струя, разметаются люди,
Только то и узнав, что каждому встретить случилось
В суетной жизни стезе; а всякий мнит целое ведать!
Оку людскому незримо оно, ни уху не внятно,
Ни умом не объемлемо. Ты же, сюда приспешивши,
Будешь не большее знать, чем смертная мысль воздымает.

3 (3)

Но от глаголов моих отвратите безумцев гордыню,
Чистый источник из уст непорочных излейте, о боги!
Ты же, молю, белорукая, многожеланная дева,
Муза, ко мне ниспошли на послушной тебе колеснице
Благочестивую весть, краткодневным сужденную смертным...
...Пусть не заставят тебя цветы обольстительной славы
Превозноситься людьми за слова превыше священной
Дерзости и восседать в обителях мудрости горней, —
Нет! Исследовать должен ты всячески, где что открыто,
10 Зренью не более веры давая, чем гулкому слуху,
Слуху — не более, чем языка показаниям ясным;
Ни остальных твоих членов, где только есть путь для познания,
Веры твоей не лишай, а исследуй, где что открыто.

4 (4)

Свойственно людям негодным сильнейшему слову не верить.
Ты же, как то велят откровенья правдивые Музы,
В сердце своем рассеки слово истины, правду чтоб сведать.

5 (5)

...скрыть в сердце, немому, как рыба.

ЧЕТЫРЕ СТИХИИ

6 (6)

Выслушай прежде всего, что четыре есть корня вселенной:
Зевс лучезарный, и Аидоней, и живящая Гера,
Также слезами текущая в смертных источниках Нестис.

7 (8)

Но и другое тебе я поведаю: в мире сем тленном
Нет никакого рожденья, как нет и губительной смерти:
Есть лишь смешенье одно и размен того, что смешалось, —
Что и зовут неразумно рождением темные люди.

8 (9)

Что бы за смесь ни явилась на свет: в человеческом ли виде,
В виде ли дикого зверя, куста или птицы летучей, —
Люди родившимся это зовут; когда ж разрешится
Смесь на части свои, — говорят о губительной смерти.
Правды нет в их речах; но и я их обычаю верен.

9 (11–12)

Глупые! как близорука их мысль, коль они полагают,
Будто, действительно, раньше не бывшее может родиться
Или же нечто вконец умереть и разрушиться может.
Ибо из вовсе не бывшего сущее стать неспособно;
Также и сущему сгинуть нельзя, ни подумать об этом, —
Ибо оно, куда ни поставь, там и вечно пребудет.

10 (13)

Нет во Всем нигде пустоты, как нет и излишка.

11 (14)

Нет во Всем нигде пустоты: и откуда ей взяться?

12 (15)

Мудрый муж никогда в своем сердце того не помыслит,
Будто жизни предел в том, что жизнью зовем мы, положен,
Будто лишь в нем до поры люди есть — и во зле, и во благе, —
А до него — ничто, и после в ничто разрешатся.

ЛЮБОВЬ И РАЗДОР

13 (16)

Мнится: как были они искони, так и впредь они будут —
Будут оба они наполнять несказанное время.

14 (17)

- Речь моя будет двойной: ибо — то прорастает Единством
Многость, то вновь разделяется рост Единства на Многость.
Смертных вещей двояко рождение, двояка и гибель:
Ибо одно от слиянья Всего и рождается и гибнет, —
И в разделенье Всего растёт и гибнет другое.
Сей непрерывный размен никак прекратиться не может:
То, Любовью влекомое, сходится всё воедино,
То враждою Раздора вновь гонится врозь друг от друга.
Так, поскольку Единство из Многости вечно рождается,
10 А разделеньем Единства опять совершается Многость, —
То возниканье в них есть, но нет в них стойкого века.
Но, поскольку размен сей никак прекратиться не может,
Вечно постольку они, неизменные, движутся в круге.
Выслушай слово мое: от учения множится разум!
Как я и раньше сказал, поясняя предел рассужденья,
Речь моя будет двойной: ибо — то прорастает Единством
Многость, то вновь разделяется рост Единства на Многость:
Огонь, и Воду, и Землю, и Воздух безмерно высокий.
Вне их — Вражда смертоносная, всем равновесная порознь,
20 В них — Любовь, в ширину и в длину одинакая всюду.
К ней обрати созерцанье ума, не сиди ослепленный!
Ею считались всегда проникнуты смертные члены,
Ею доброе мыслят и ею согласное деют,
Радостью и Афродитой-богиней ее величая;
Но что она одна извилась за всеми за теми, —
Смертные люди не знают. Послушай же верные речи!
Все те стихии равны и все одинако исконны,
Всякой, однако, и должность иная, и свойство иное:
В крутовороте времен есть доля господства для каждой.
30 К ним ничто не прибавится, в них ничто не убудет:
Если бы гибли они непрерывно, то их бы не стало, —
Что и откуда тогда бы вселенную снова воздвигло?
Где ж и погибнуть бы им, если места от них нет пустого?
Только они и есть, и все те же; но входят друг в друга
И, становясь то одним, то другим, остаются все теми ж.

15 (20)

Ясно то можно узреть в совокупности членов телесных:
То, Любовью влекомые, сходятся все воедино

Части целого тела, в расцвете жизненной силы, —
То, напротив, Враждой разъятые злой, каждый порознь
В шумном прибое житейского моря у берега блуждают.
Так у растений бывает, у рыб, населяющих воду,
Так и у горных зверей и у птиц — ладей окрыленных.

16 (21)

Но на свидетельства прежних речей обрати свои взоры, —
Может быть, что-нибудь там недостаточно сказано было?
Вот пред тобой лучезарное Солнце, горячее всюду,
Вот и Бессмертная Часть, залитая сиянием светлым,
Вот и дождем нисходящая темная, холодная Влага,
Вот из Земли течет вкорененная твердость и тяжесть.
Все во Гневе они разнообразны и врозь существуют,
Но в Любви сочетаются, страстью пылая взаимной.
Ибо из них — всё то, что было, что есть и что будет,
Ибо из них — деревья, из них стали мужи и жены,
Дикие звери, и птицы, и в море живущие рыбы,
Также и боги из них, многочислимые, долгие днями.
Только они и есть, и все те же, но входят друг в друга,
Разный вид принимая — настолько их смесь изменяет.

17 (22)

Все они — Солнце, Земля, необъятное Небо и Море, —
Все стремятся равно к единению всеми частями,
Сколько их ни блуждало бы врозь по смертным составам.
Так равно и все те, что более склонны к смешению,
Друг на друга похожи, в единой любясь Афродите;
Те же, что сильно враждебны, взаимно с собой разногласят
Происхождением, смесью и формы своей отпечатком:
Купно сойтись неспособны они, и много им горя —
Так повелел Раздор, такую им давший природу.

18 (23)

Как живописцы, глубоким умом изучивши искусство,
Дар многоцветный бессмертным богам принести собираясь,
Краски различные в руки берут и потом, соразмерно
Смешивать их начиная — одних и других понемногу, —
Образы схожие всяких предметов из них производят:
То вырастают деревья, то мужи выходят и жены,
Дикие звери, и птицы, и в море живущие рыбы,
Даже и боги, почетом отличные, долгие днями, —
Так да ума твоего не коснется обман заблужденья,
10 Будто иной есть источник всех смертных существ,
что в несметном
Множестве явлены нам. Убедись: гласу бога ты внималешь!

19 (24)

...главу на главу взгромождая,
Не добрести до конца по тропе единого сказа.

20 (25)

...ведь что нужно, то славно поведать и дважды.

21 (26)

Властвуют поочередно они во вращении круга,
Слабнут и вновь возрастают, черед роковой соблюдая.
Только они и есть, и все те же, но входят друг в друга
И возникают в обличье людей и различных животных:
То, Любовью влекомы, сойдутся в единый порядок,
То враждою Раздора вновь гонятся врозь друг от друга
Вплоть до поры, когда, покорясь, воедино срастутся.
Так, поскольку Единство из Многости вечно рождается,
А разделеньем Единства опять совершается Многость,
10 То возниканье в них есть, но нет в них стойкого века.
Но, поскольку размен сей никак прекратиться не в силах,
Вечно постольку они, неизменные, движутся в круге.

СФЕРОС, ЕГО РАЗЛОЖЕНИЕ И ВОССОЕДИНЕНИЕ

22 (27)

Там различить невозможно ни Солнца проворные члены,
Ни косматую силу Земли не увидишь, ни Моря:
Так, под плотным покровом Гармонии, там утвердился
Сферос, шару подобный, гордясь, что единствен и замкнут.

23 (27a)

Ни непристойной борьбы, ни раздора нет в его членах.

24 (28)

Равный то отовсюду и всяких лишенный пределов,
Сферос, шару подобный, гордясь, что единствен и замкнут.

25 (29)

Нет у него ни двух ветвей, что из плеч вырастают,
Нет ни быстрых колен, ни ступней, ни частей детородных:
Сферос, шару подобный, был равен себе отовсюду.

26 (30)

Но как скоро Раздор возрос и окреп среди членов,
Вспрянув в высокую честь, когда совершилось время,
Определенное их чередой великою Клятвой...

27 (31)

...Дрогнули божии члены один за другим чередой.

28 (33)

Как смоковничный сок молоко заставляет сседаться...

29 (34)

Склеив муку ячменя с водою...

30 (35)

Но, обратившись вспять, пойду по пути песнопений,
Раньше избранному мной, из глагола глагол извлекая.
После того как Раздор отошел в глубочайшие недра
Вихря и стала Любовь средоточием круговращения,
В ней сливается всё воедино, однако не разом,
Но постепенно, оттоль и отсель доброхотно сближаясь;
А из смешенья того — несчетные толпища смертных.
Многое, впрочем, в смеси чередуясь, легло, не смешившись,
И тяготело оно к парящему свыше Раздору, —
10 Ибо Раздор не вполне отступил ко внешним пределам
Круга, но частью остался в телах, а частью исторгся.
Вечно он истекал вовне, и такую же мерой
Вечно вливался наплыв Любви, бессмертной и кроткой.
Тотчас сделалось смертным, что прежде было бессмертным,
Чистое в крепкую смесь обратилось, свой путь изменивши,
А из смешенья того — несчетные толпища смертных,
В образах многообразных и дивных на вид происходят.

31 (36)

Соединялись они, а Раздор отступал до предела...

32 (37)

Тело земли из Земли, из Эфира эфир вырастает...

СОСТАВ МИРОЗДАНИЯ

33 (38)

Прежде всего тебе я скажу о первых началах,
В коих возникло все то, что ныне мы зрим во вселенной:
Бурное Море, Земля, увлажненный Воздух и с ними
Тот Титан – Эфир, что кругом облег мирозданье.

34 (39)

Если Земли глубина и Эфира простор беспредельны,
Как то гласят празднословные многих людей утвержденья,
Малый узревших удел из всего, что открыто познанью...

35 (40)

С кротким ликом луна и разящее стрелами солнце...

36 (41)

Стекшись огонь воедино, обходит великое небо.

37 (42)

...луна лучи у него затмевает,
Прямо под ним протекая и тень полагая на землю
Той ширины, какая луне светлоокой присуща.

38 (43)

Солнечный свет, отразясь от широкого лунного круга...

39 (44)

Солнце бестрепетным ликом к Олимпу свой свет отражает.

40 (45)

Круглый заемный свет обтекает всю землю по кругу.

41 (46)

Втулка так в колеснице вращается, а по ободьям...

42 (47)

В лик священный владыки глядит, предлежащий пред нею...

43 (48)

Ночь же земля производит, лучи преграждая собою.

44 (49)

...ночи пустой, слепоокой...

45 (50)

С моря приносит Ирида дождь проливной или ветер.

46 (52)

...под землей горит много огней...

47(53)

Двигался именно так он в то время, но часто иначе...

48 (54)

Длинными в землю эфир проникал, внедряясь, корнями...

49 (55)

Море — пот земли...

50 (56)

Быстрыми солнца лучами разимая, соль отвердела.

СОСТАВ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ

51 (57)

Выросло много голов, затылка лишенных и шеи,
Голые руки блуждали, в плечах не имея приюта,
Очи скитались по свету, одни, безо лбов сиротей.

52 (58)

...одночленные части блуждали...

53 (59)

Но как скоро тесней божество с божеством сочеталось,
Стали тогда и они как попало сходиться друг с другом;
Множество также других прирождалося к ним непрерывно.

54 (60)

...с ногами без сил и с руками без счету...

55 (61)

Множество стало рождаться двуликих существ и двутрудых,
Твари бычачьей породы являлись с лицом человека,
Люди с бычачьими лбами, создания смешанных полов:
Женщин с мужчинами смесь, с бесплодными членами твари.

56 (62)

Ныне услышь и о том, как Огонь, выделяясь особо,
Вывел в ночи сокровенные отпрыски многострадальных
Жен и мужей, — ибо речь та не будет пуста, ни бесцельна.
Цельноприродные облики первыми встали из персти,
Равную долю Тепла имея и равную Влаги;
Огонь их выгакивал вверх, сочетаться желая с подобным,
Вовсе еще не имевших ни милого образа тела,
Ни звучащей речи, ни мужам присущего члена.

57 (63)

Надвое членов природа разорвана: часть у мужчины...

58 (64)

После приходит Желание, зреньем будя воспоминанье...

59 (65)

[СЕМЯ]

В чистое место вольтется и, ежели встретится с хладом, —
Женские даст плоды, [а если с теплом, то мужские].

60 (67)

В более теплых частях самец зарождается в чреве:
Вот почему все мужчины смутлее и членами крепче
И волосатее жен...

61 (68)

В месяц восьмой, в день десятый сок появляется белый...

62 (98)

После того как Земля в совершенную гавань Киприды
Якорь забросила, — равными там сочеталась частями
С ясно блестящим Эфиром, с Гефестом и с Влагой дождливой,
Разве лишь малой частицей то меньше, то больше бывая.
Вот откуда и кровь, и прочие виды все плоти.

63 (96)

Но Земля преблагая в своих мощногрудых горнилах
Две из восьми частей получила от светлой Нестиды,
Дважды же две от Гефеста: из них стали белые кости,
Связями дивной Гармонии складно с собой сочетавшись.

64 (71)

Если вера твоя ненадежна в мои поученья,
Как из смешенья Воды, и Земли, и Эфира, и Солнца
Образы все и цвета преходящих возникли созданий, —
Все, сколько ныне на свет их вышло из рук Афродиты...

65 (72)

Как деревья огромные вышли, как рыбы морские...

66 (73)

Землю Киприда Дождем оросив и согревши Дыханьем
Образы, в быстрый Огонь предала их для твердой закалки.

67 (74)

Рыб обильносемянных ведя неразумное племя...

68 (75)

Внутренность тела плотна, но рыхлы наружные части:
Свойство такое они получили из дланей Киприды.

69 (76)

Так то бывает у тварей морских, скорлупой отягченных, —
У черепах, у улиток, закованных в каменный панцирь:
Видно у них, как Земля сселилась к поверхности кожи.

70 (77–78)

Вечнозеленые, вечноплодовые, в силу состава
Воздуха, круглый весь год процветают плодов изобилием.

71 (79)

Рослая маслина прежде всех прочих родит свои яйца.

72 (80)

Позднего сбора гранаты и яблоки с сочным наливом...

73 (81)

В кору проникнув извне, вином бродит в дереве влага.

74 (82)

Волосы, листья и перья густые у птиц и на рыбах
Плотный покров чешуи — из одной происходят основы.

75 (83)

Спину ежей покрывает щетиной колючая грива.

ЖИЗНЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

76 (84)

Как путешественник, в бурную ночь собираясь в дорогу,
В ярко горящем огне очага запасается светом
И зажигает фонарь, защищенный от всяческих ветров:
Тщетно бушующих ветров дыхание он отражает,
Свет же, поскольку он тоньше, наружу проходит, лучами
Неодолимыми путь освещая вперед от порога, —
Так и огонь изначальный, — что в глаза покровов и тканях
Тонких, дивно насквозь пробуравленных в виде воронок,
Замкнут, — за круглым зрачком стал с этой поры укрываться,
¹⁰ Ткани удерживать стали наплыв обтекающей влаги,
Доступ огню открывая наружу, поскольку он тоньше.

77 (85)

Кроткое пламя в глазу с частичкой земли сочеталось.

78 (86)

Неутомимые очи из них создала Афродита...

79 (87)

...Та Афродита, искусная в скрепах Любви единящей...

80 (88)

...зренье одно из обоих

Глаз...

81 (89)

Знай: из всего, что родилось, тончайшие токи исходят.

82 (90)

Сладкое к сладкому, горькое к горькому стало стремиться,
Кислое с кислым сошлось, теплота с теплотой сочеталась.

83 (91)

Смесь охотно с вином образует вода, но не с маслом.

84 (92)

С оловом медь в смеси...

85 (93)

Светлый бузинный багрец мешается с цветом виссона.

86 (94)

Черный цвет на дне реки происходит от тени;
То же самое видно и в гротах пещерообразных.

87 (95)

Как создаваться глаза под дланями стали Киприды...

88 (100)

Вот как в дыхании выдох и вдох происходят. Из плоти
Трубки, лишённые крови, к поверхности тела подходят,
В устьях которых наружные кожи покровы сквозными
Мелкими щелями густо усеяны, так что для крови
Доступа нет, но эфир проникает легко через поры:
Всякий раз, как оттуда нежная кровь отливает,
Бурной волною эфир устремляется внутрь с клочкотаньем;

Но лишь только прильет она вновь, он опять вылетает.
 Так играет клепсидрой из ярко блестящей меди
 10 Девочка: ибо, когда, зажавши отверстие трубки
 Ручкой хорошенькой, в мягкую массу воды серебристой
 Этот сосуд она погрузит, то воды он не впустит,
 Воздухом сжатым ее тесня от частых отверстий.
 Но лишь только откроется выход стесненному току —
 Воздух уйдет, а влага войдет в количестве равном.
 Точно так же, когда заполнена медная полость
 Влагой, а выход сосуда зажат человеческой рукою, —
 Внутрь устремляясь извне, эфир препятствует влаге,
 Сам занимая места при свистящем сетчатом входе;
 20 Но с удаленьем руки обратное прежнему зрится:
 Воздух втянется внутрь, влага выйдет в количестве равном.
 Точно так, когда нежная кровь, разлитая по членам,
 Вспять обращаясь, вовнутрь отливает, — течение эфира
 Тотчас же, бурной волною вздымаясь, ей вслед проникает;
 Но лишь прильет она вновь, он выйдет в количестве равном.

89 (101)

Пес, чутьем находя частицы животного тела,
 Те, что на пастбище сочном от ног остаются у дичи...

90 (102)

Так у всего, что живет, обоняние есть и дыханье.

91 (103)

Воля Судьбы такова, что присуща всем тварям разумность.

92 (104)

И, поскольку тончайшие тельца столкнулись в паденье...

93 (105)

Сердце питается кровью, прибором ее и отбоем,
 В нем же находится то, что у нас называется мыслью —
 Мысль человека есть кровь, что сердце вокруг омывает.

94 (106)

Разум растет сообразно тому, что встречается людям.

95 (107)

Ибо из них все, что есть, сочеталось в стройный порядок,
Ими же думают люди и чувствуют радость и скорби.

96 (108)

За день поскольку свою изменяют все люди природу,
Ночью постольку всегда предстают переменчивы мысли.

97 (109)

Землю Землей созерцаем и Воду мы видим Водой,
Дивный Эфир — Эфиром, Огнем — Огонь беспощадный,
Также Любовью — Любовь, и Раздор — ядовитым Раздором.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

98 (110)

Если, в мои поучения твердым уверовав сердцем,
Чистою мыслию станешь ты их созерцать благосклонно,
То несомненно они на всю жизнь тебе будут опорой.
Множество также других обретешь из них ценных стяжаний,
Ибо они вытекают одно из другого согласно
С качеством каждого. Если же будешь стремиться к иному,
В чем бесконечных скорбей и забот притупляющих бездна, —
Скоро покинут тебя мимолетные эти стяжанья,
К милому лону, родившему их, воротиться желая.
10 Ибо знай, что во всем есть разумности доля и мысли.

99 (111)

Зелья узнаешь, какими недути и дряхлость врачуют;
Только тебе одному и открыть это все собираюсь.
Ветров, не знающих отдыха, ярость удерживать будешь,
Что, устремляясь на землю, порывами пажити губят;
Если ж захочешь — обратное вновь их воздвигнешь дыханье.
Мрачного после ненастья доставишь желанное ведро,
В летнюю ж засуху зелень питающий вызовешь ливень —
Хлынет потоками влага с эфирного неба на землю.
Даже усопшего мужа вернешь из чертогов Аида!

ЭМПЕДОКЛ
Из поэмы «ОЧИЩЕНИЯ»

ВСТУПЛЕНИЕ

100 (112)

Други! о вы, что на склонах золотого холма Акраганта
Град обитаете верхний, ревнители добрых деяний,
Злу непричастные, гостю почтенному кров и защита, —
Ныне привет вам! Бессмертному богу подобясь средь смертных,
Шествую к вам, окруженный почетом, как то подобает,
В зелени свежих венков и в повязках золотых утопая.
Сонмами жен и мужей величаемый, окрест грядущих,
В грады цветущие путь направляю; они же за мною
Следуют все, вопрошая, где к пользе стезя пролегает:
10 Те прорицаний желают, другие от разных недугов
Слово целебное слышать стремятся, ко мне обращаясь, —
Подлинно, тяжких страданий исполнена жизнь злополучных!

101 (113)

Впрочем, стоит ли мне похваляться как славным деяньем
Тем, что выше я всех обреченных погибели смертных?

102 (114)

Други! я знаю, что истину те заключают глаголы,
Ныне которые я прореку; но тяжело дается
Людям внедрение веры в их ум, подозрения полный.

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

103 (115)

Древний божий устав, глагол Неизбежности вещей
Есть во веки веков, скрепленный великою клятвой:
Если из демонов кто, долговечною жизнью живущих,
Члены свои обогрит нечестиво кровавым убийством
Или, вступивши в раздор, поклянется преступною клятвой, —
Тридцать тысяч времен вдали от блаженных скитаться
Тот осужден, возрождаясь в различных облициях смертных,
Тяжкие жизни пути проходя одни за другими.
Ярость Эфира в морскую его изгоняет пучину,
10 Море на Землю извергнуть стремится, Земля же — в сиянье
Яркого Солнца, а Солнце в эфирные вихри бросает:
Все друг от друга его принимают, но все с омерзеньем!

Ныне и сам я таков: изгнанник богов и скиталец,
Внявший Раздору безумному...

104 (116)

...А Неизбежность постылая непереносна Харите.

105 (117)

Был уже некогда отроком я, был и девой когда-то,
Был и кустом, был и птицей, и рыбой морской бессловесной.

106 (118)

Плакал я, горько рыдал, непривычную видя обитель!

107 (119)

Горе мне! чести какой и какого лишившись блаженства,
Свергнутый ныне на землю, средь смертных людей обращаюсь!

ЛЮДСКОЙ УДЕЛ

108 (120)

...Пришли мы в закрытую эту пещеру...

109 (121)

...дол безотрадный,
Где и Убийство, и Злоба, и сонмы всех Бед смертоносных,
Немощей, плоть изнуряющих, Язв и текучих Недугов
В черном мраке бредут по лугам, где обитель Обмана.

110 (122)

Там находились: Земля и богиня зоркого Солнца,
Окровавленная Распря, Гармония с ликом степенным,
С ними Краса, Безобразие, Медленность и Торопливость,
Милая видом Правдивость и темноволосая Смутность...

111 (123)

...И Нарожденье, и Убыль, и Сон, и от сна Пробужденье,
И неподвижный Покой, и Движение, и в пышных уборах
Важность, и Низость, Молчанье и Речь...

112 (124)

Горе, о, горе тебе, злополучный и жалкий род смертных:
Распрей и тяжких стенаний исполнен твой век с колыбели!

113 (125)

Стала живых в мертвецов обращать, изменяя их образ...

114 (126)

Чуждой одеждою плоти их дух облачая, природа...

115 (127)

Между диких зверей становятся спящими в скалах
Львами, становятся лаврами меж лепокудрых деревьев...

ЗОЛОТОЙ ВЕК

116 (128)

Вовсе не знали они ни Войны, ни Смятения битвы,
Зевса не знали царя, Посейдона не знали, ни Крона,
Но лишь Киприду царицу...
Милость ее обретали смиренных даров приношением,
Дивных картин живописных, священных елеев душистых,
Чистой несмешанной миррой и ладана благоуханьем,
Рыжего меда на землю из сотов струи проливая.
Но облагать алтари непорочною кровью животных,
Душу из них исторгать, пожирать благородные члены, —
10 Все это гнусным грехом почиталось у них справедливо.

117 (129)

Жил среди них некий муж, умудренный безмерным познанием,
Подлинно мыслей высоких владевший сокровищем ценным,
В разных искусствах премудрых свой ум глубоко изоштивший.
Ибо как скоро всю силу ума напрягал он к познанию,
То без труда созерцал любое, что есть и что было,
За десять или за двадцать провидя людских поколений.

118 (130)

Кроткими были все твари, и к людям легко приучались
Звери и птицы: везде дружелюбно Любовь процветала.

БОЖЕСТВО

119 (131)

Ежели ради людей краткодневных, бессмертная Муза,
Было угодно тебе снизойти до моих начинаний, —
Ныне я снова молю, о блаженных богах собираясь
Слово благое изречь: осени мою мысль, Каллиопа!

120 (132)

Счастлив, кто мыслей божественных ценным владеет богатством,
Жалок, кто о богах лишь мнением смутным доволен.

121 (133)

Нет, божество недоступно ни зрению нашего ока,
Ни осязанию рук, — а ведь в них пролегает главнейший
Путь, чтоб внедрить убежденье в сердца недоверчивых смертных.

122 (134)

Нет у него головы человеческой, венчающей члены,
Нет ни двух ветвей, что ввысь из плечей вырастают,
Нет ни быстрых колен, ни ступней, ни частей волосатых:
Дух лишь один существует святой, несказанный, от века
Мыслями быстрыми вкруг обегаящий все мирозданье.

123 (135)

Но безразделен всеобщий закон над широкодержавным
Всем простором эфира и всем безмерным сияньем...

ВОЗДЕРЖАНИЕ И СПАСЕНИЕ

124 (136)

Где же убийствам ужасным предел? Неужели беспечный
Ум ваш не видит того, что снедью вы стали друг другу?

125 (137)

Милого сына схватив, изменившего только наружность,
В жертву с молитвой его закаляет отец неразумный!
Жертва с мольбою к стопам припадает, палач же, не внемля,
Режет и мерзостный пир готовит в просторных палатах.
Также бывает, что сын из родителя или же дети,
Душу исторгнув из матери, плоть пожирают родную.

126 (139)

Горе мне! если бы день роковой ниспослал мне кончину
Прежде, чем губы мои нечестивой коснулись пищи!

127 (140)

...листьев лавра всецело чуждайтесь!

128 (141)

О злополучные! бойтесь к бобам прикасаться руками!

129 (142)

Ни чертоги эгидодержавного Зевса не примут,
Ни Аидов чертог...

130 (143)

В крепкую медь от пяти почерпая источников воду...

131 (144)

...не вкушать от порока...

132 (145)

Ибо доколе средь тяжких пороков мятетесь безумно,
Душу от скорбей жестоких никак облегчить вы не в силах.

133 (146)

После всего выходят из них пророки, поэты,
Или врачи, иль вожди для людей, населяющих землю,
И возрастают из них, как боги, обильны почетом...

134 (147)

...Купно с другими бессмертными стол и очаг разделяя,
Скорбей не зная людских, не причастны томящей кручине...

К Л Е А Н Ф
ГИМН ЗЕВСУ

(1 Р)

- Ты, из бессмертных славнейший, всеильный и многоименный,
Зевс, произведший природу и правящий всем по закону!
Зевсу привет мой! Тебя всем смертным хвалить подобает,
Мы – порожденье твое, и все твой образ мы носим,
Смертные все, что живем на земле и ее попираем.
Вот почему твою мощь восхваляю и петь буду вечно.
Все мироздание это, что землю обходит крутами,
Двигается волей твоей, тебе повинуюсь охотно.
Держишь в своих ты руках, никогда поражения не знавших,
10 Молнии блеск огневой, ослепительный, вечноживущий,
Молнии той, чей удар в смятенье ввергает природу;
Этим огнем направляешь по миру ты разум всеобщий,
Всюду проносится он, меж светил великих и малых.
Ты повелитель всего, над всем величайший владыка.
Нет ничего на земле, что помимо тебя бы возникло,
Нет ни в эфире небесном, ни в моря глубокой пучине,
Кроме того, что безумцы в своем безрассудстве свершают.
Ты же умеешь, однако, соделать нечетное четным,
Дать безобразному вид, у тебя и немилое мило.
20 Ты согласишься в единстве дурное совместно с хорошим,
Так что рождается разум, всеобщий и вечноживущий,
Разум, чья сила страшна одним лишь дурным среди смертных;
В зависти злобной они стремятся к владениям добрых,
Общий священный закон не видят, ему не внимают;
Если б ему покорились, то жили бы честно, разумно.
Ныне ж пылают одни необузданной жаждою славы;
Эти стремятся лукаво к наживе бесчестной, иные
Преданы только распутству и, тело свое ублажая,
Ищут одних наслаждений, взамен же страданье находят.
30 Ты же, о Зевс, всех даров властелин, темнокудрий, громовый,
Дай человеку свободу от власти прискорбной незнания;
Ты изгони из души неразумье и путь укажи нам
К мудрости вечной, с которой ты правишь над всем справедливо,
Честь от тебя восприяв, и тебе будем честь воздавать мы,
Вечно твои воспевая деянья, как смертному должно.
Нет награждения прекрасней для смертных и нет
для бессмертных,

Кроме как общий закон восхвалять и чтить справедливость.

ПОЗДНИЙ ЭПОС

АНТИМАХ ФИВАИДА

1 (1)

Дщери великого Зевса Кронида, поведайте, Музы...

2 (2)

Есть там холм небольшой, овеваемый ветром...

3 (3)

Ради нее же Кронид, что царствует мощно над всеми,
Сумрачный создал вертеп, дабы пребывала во оном
Феника дочь сокрытой: ее же никто не сумеет
Зреть и никто из богов обменяться с ней словом не сможет.

4 (5)

Путь был проложен широкий, для конной езды подходящий.

5 (7)

Рек ему, восклицая: «Тидей, Ойнеево чадо...»

6 (10)

...те, что были царями мужей-эгаляев...

7 (19)

Пусть же другие кратер, из серебра целиком сотворенный,
С чашами вместе златыми несут, что хранятся в чертогах —
В доме моем...

8 (20)

Все, что глашатаям крутоидушим соделать Адрастом
Велено было, — и воду, и мед изливали пречистый,
Их во кратере серебряном благоразумно мешая.
После же чаши проворно царям ахейским вручили,

Рядом стоящим, и те возлиянье свершили немедля
Кубком златым...

9 (21)

Мужам-глашатаям несть для бессмертных наполненный темной
Влагою винною мех с наилучшею чашею вместе,
В этих чертогах стоящую, полную доверху медом.

10 (22)

Всем предводителям мужи-глашатаи поочередно
Каждому дали по кубку златому искусной работы.

11 (23)

Чаши златые, а с ними и кубок, что доверху полон
Медом пречистым, — да будет ему превосходнейшим подан.

12 (24)

...взявшие кубок затем двусторонний,
Медом наполненный, — был он ему превосходнейшим подан.

13 (25)

...и, наливши, наполнила кубок.

14 (27)

Так угрожали они, как некогда город кавконов,
Диму, эпейских сынов полководцы предали пожару.

15 (28)

Ты же соратником к ним, устремившись со рвением в сердце,
Прибыл, когда разорили вы прочные Димские стены...

16 (32)

Сын Талаев Адраст, потомок Крефеева рода,
Муж из данаев первейший, коней погонял достославных —
Бурного Кера и с ним Ариона — фельпусского зверя,
Коего подле священных деревьев Аполлона Онкея
Гея сама родила к почитанью средь смертного люда.

17 (33)

Третьему он покорился тогда властелину — Адрасту.

18 (34)

Там недалече и струи Ладона-реки протекают.

19 (35)

Где, говорят, Деметры-Эринии встали чертоги...

20 (36)

Он синекудрому богу покорен — отцу Посейдону.

21 (37)

Ужас и Страх, порожденные Бурею, славные в беге.

22 (39)

Оба они подвизались на вздымающей пыль колеснице.

23 (42)

Мощные рати народов своих укрепили владыки.

24 (43)

Так и аргивское войско вскричало...

25 (44)

Член у отца — Акмонида Урана серпом отрубивший,
Крон криводушный на троне его утвердился жестокий.

26 (45)

Племя землерожденных богов — первородных титанов.

27 (46)

...подобный Гефестову жару, который разводит
Бог на Мосихле-горе, на ее высочайших вершинах.

28 (47)

...и недолго,
Дух выдыхая, нутро ты сокроешь средь тука в утробе.

29 (48)

Каждый болеет душой о супруге и чадах родимых.

30 (52)

Тотчас, ко близким своим обращаясь, он слово промолвил.

31 (53)

Есть Немесида, богиня великая, что от блаженных
Все это в дар получила. Адраст ей воздвигнул впервые
Жертвенник на берегу священного тока Эсепа;
Почести там воздают ей под именем Адрастеи.

32 (82)

И могучего Ида, храбрейшего меж землеродных.

33 (77)

Ввысь от черной земли в порыве стремительном прынув,
Сын Пелеев взметнулся легко, как ястреб взлетает, —
Вечнотекущий источник забил у него под ногами.

34 (91)

Каждый во дланях держал пастушеский посох ушастый.

ЭРИННА ПРЯКА

- ...Мы хороводом ходили вокруг, покуда внезапно
15 Ты прыжком не бросаешься в море, как с лошади белой.
«Ай, это я!» — кричу я; меня ты поймала — теперь уж
Мой черед черепахою быть — и раз я попалась,
В нашем дворе по площадке большой за тобой я гоняюсь.
Милая Бавкис, о, как по тебе я горько рыдаю!
20 В сердце моем не остыли еще наши игры и шутки,
Живы, нетронуты, там остаются забавы и куклы,
Наши с подружками пляски и сон по ночам безмятежный,
А на рассвете — работа, как строгая мать, разбудит,
Вместе засадит за шерсть — ведь с этой работы мы жили,
Так мы, бывало, сидим за окрашенной пурпуром шерстью.
А прилежаем не сильно — так строгая мать тотчас же
Кличет страшил у Мормо — на макушке огромные уши
Страшно торчат у нее, и четыре ноги ее носят,

- И то и дело она меняется видом ужасным.
30 Время пришло, и ушла ты, взошла на ложе супруга,
Слушая мать мою, — и ребячества наши забыла.
Я не хочу говорить, как по смерти твоей я рыдала,
Милая Бавкис моя! Не несли меня ноги из дома,
Мертвое тело твое я сил не имела увидеть,
Выйти, волосы распустив. И все-таки мне постоянно
Пурпурный Стыд раздирает ланиты и, став предо мною,
Так говорит: «О Эринна, вот ты при матери милой
Уж девятнадцать годков прожила, все глядя на прялку.
Помни, что быстро прядут свою нить веретена у Мойры,
40 Помни, что руки Гелло обнимают объятием крепким».
Вот как Стыд поучает меня у девичьего ложа.
Я молодою рукой беру мое зеркальце тотчас —
Вижу: проходит и вянет уже моей юности свежесть,
Вижу, что в кудри мои, что убраны славно, вкрапились
45 Пряди седые — такие цветы людям старость вплетает.
51 ...О Гименей, что девам дарует мирное счастье,
Много утех, почему же сменил ты сладкую радость
Горем...
Бедная Бавкис моя!..

КАЛЛИМАХ ГИМН К ДЕМЕТРЕ

- Вот и кошницу несут! О жены, промолвите звонко:
«Радуйся, мать Деметра, обильная кормом и хлебом!»
Вот и кошницу несут! С земли взирайте на тайну,
Кто посвящению чужд; не смейте подглядывать с кровель,
Ни жена, и ни дева, ни та, что волосы распустила,
Все мы покуда должны голодную сплевывать влагу.
Геспер сквозь дымку сверкнул — когда же ты выйдешь,
о Геспер?
Это ведь ты убедил испить Деметру впервые
В оное время, как Деву она безуспешно искала.
10 Ах, Владычица наша, и как тебя ноги носили
В странствии к черным мужам и к плодам Гесперидина сада?
Сколько же маялась ты, не омывшись, не пивши, не евши!
Трижды ты перешла серебряный ток Ахелоя,
Каждую реку ты столько же раз пересечь потрудилась,
Трижды у струй Каллихора ты наземь садилась уныло,
Солнцем палима, пылью покрыта, терзаема голодом!
Нет, о нет! О том промолчим, как Део горевала.
Лучше припомним, как градам она даровала законы,
Лучше припомним, как жатву она совершала впервые
20 Свято и как подложила быкам под ноги колосья

В те времена, как был Триптолем в искусстве наставлен;
Лучше припомним, дабы научиться бежать преступлений
И своеволия, о том, как был Эрисихтон наказан.

- В давнее время не Книда предел, но Дотий священный
Племя пеласгов еще населяло; они посвятили
Рощу богине густую — сквозь листья стреле не пробиться,
Там и сосна возрастала, и статные вязаи, и груши,
Там и сладчайшие яблоки зрели; электра яснее,
Там струилась вода из протоков. Не меньше ту рощу,
30 Чем Элевсин, иль Триоп, иль Энну, любила богиня.
Демон благой отошел меж тем от Триопова рода.
И через то Эрисихтон был злым подвигнут советом:
Двадцать служителей он повел с собою, могучих,
Словно Гиганты, способных хоть целый град ниспровергнуть,
Их секирами всех ополчил, ополчил топорами —
И предерзких толпа к Деметриной кинулась роще.
Был там тополь огромный, до неба росшее древо,
Тень в полуденный час для игры дарившее нимфам;
Первый принявши удар, печально оно восстало.
40 Вот Деметра вияла, как тополь страждет священный,
И промолвила в гневе: «Кто дивные рубит деревья?»
Тотчас она уподобилась видом Никиппе, что жрицей
От народа была богине назначена, в руки
Взявши мак и повязки, ключами же препоясавшись.
Кроткие речи она обратила к негодному мужу:
«О дитя, что стволы, богам посвященные, рубишь,
О дитя, отступись! О дитя, ведь мил ты родившим!
Труд прекрати и слуг отошли, да не будешь постигнут
Гневом властной Деметры, чью ты бесчестишь святыню!»
50 Он же воззрися в ответ страшней, чем дикая львица
На зверобоя глядит, в горах его встретив Тмарийских,
Только что родшая чад (говорят, страшны у них очи):
«Прочь! — он вскричал, — иль моим топором тебя поражу я!
Что до этих дерев, то они пойдут на укрьтье
Для чертога, где радостный пир сотворю я с друзьями!»
Юноша кончил; была записана речь Немесидой.
Гневом вскипев, свое божество Деметра явила, —
Праха касались стопы, глава же касалась Олимпа.
Слути, от страха мертвея, узрели богиню и тотчас
60 Прочь пустились бежать, в лесу топоры покидавши.
Их Госпожа отпустила, людей подневольных, не доброй
Волей пришедших сюда; но владыке молвила гневно:
«Так, хорошо, хорошо, о, пес, о, пес! О веселых
Ныне пекися пирах! Предстоит тебе трапез немало». —
Так провещала она, Эрисихтону горе готова;
В тот же миг он был обуян неистовым голодом,
Жгучим, ярости полным, и злой в нем недуг поселился.
О, злосчастный! Чем больше он ел, тем больше алкал он.

- Двадцать слуг подносили еду, а вина — двенадцать,
 70 Ибо гневом пылал Дионис с Деметрой согласно:
 Что ненавидит Деметра, всегда Дионис ненавидит.
 Срама такого стыдясь, своего родители сына
 В гости не смели уже отпускать, отговорки слагая.
 Как-то на игры Афины итонской его Ормениды
 Призывали — но им ответила мать отказом:
 «Нет его дома сейчас; вчера в Краннон поспешил он,
 Во сто быков ценой востребовать долг». Посетила
 Их Поликсо, Акториона мать, на сыновнюю свадьбу
 Звать вознамерясь Триопа, а с ним и Триопова сына.
 80 Скорбь держа на душе, в слезах ей молвила мать:
 «Будет с тобою Трип; Эрисихтон же, вепрем на склонах
 Пинда ранен, лежит на одре уж девятые сутки».
 Бедная, нежная мать, какой ты лжи не сплетала!
 Коль устроится пир — так «нет Эрисихтона дома»;
 Свадьбу справляет сосед — «Эрисихтон диском ушиблен»,
 Или «упал с колесницы», иль «числит офрийское стадо».
 Дома меж тем запершись, целодневно, с утра и до ночи
 Ел он и ел без конца, но вотще — свирепый желудок
 Только ярился сильней; как будто в пучину морскую
 90 Все погружались бесплодно, нимало не пользуя, яства.
 Словно снег на Миманте иль воск в сиянии солнца,
 Так он таял, и таял сильней, пока не остались
 Только жилы одни у страдальца, да кожа, да кости.
 Горько плакала мать, и сестры тяжко скорбели,
 И сосцы, что вскормили его, и десять служанок.
 Сам Триоп, седую главу поражая руками,
 Громко воззвал к Посейдону, ему не внимавшему вовсе:
 «О лжеродитель! Воззри на внука, если и вправду
 Твой я сын от Канаки, Эоловой дщери; мое же
 100 Семя — этот злосчастный. Когда бы стрелой Аполлона
 Был он сражен и его схоронил я своими руками!
 Ныне же мерзостный голод в его очах поселился.
 Или недуг отврати, иль его под свое попечение
 Сам прими и питай; мои же иссякли запасы.
 Пусты конюшни мои, на дворе моем больше не видно
 Четвероногих; меж тем повара, из сил выбиваясь,
 Уж и месков моих отпрягли от большой колесницы.
 Он и корову пожрал, что готовила мать для Гестии,
 И боевого коня с ристалищным вместе, и даже
 110 Самое белохвостку, страшившую малых зверюшек!»
 Всё же, покуда в Триоповом доме столы накрывались,
 Только родимый покой об этом ведал злосчастье.
 Но когда от зубов ненасытных все опустело,
 На перекрестке дорог уселся царственный отпрыск,
 Клянча сухие куски и стола чужого отбросы.
 Другом моим да не будет, Деметра, твой оскорбитель,

Ни соседом моим! Не терплю соседей злонаправных.

Молвите звонко, о девы, и вы подхватите, о жены:
«Радуйся, мать Деметра, обильная кормом и хлебом!»

120 Как четыре коня провозят святую кошницу,
Белые мастью, так нам царящая мощно богиня
Белую пусть ниспошлет весну и белое лето,
Также и осень, и зиму, блюдя обращение года!
Как мы, ноги не обув и волос не связав, выступаем,
Так да пребудут у нас и ноги и головы здоровы!
Полную злата несут кошниценосные жены
Ныне кошницу; таков да будет злата избыток!

Те, кто таинствам чужд, идите до пританея;
Вы ж, посвященные жены, до самого храма богини,
130 Если шести не достигли десятков. А вы, кто во чреве
Носите плод, Илифию моля, или мучимы болью, —
Сколько ноги пройдут; и вас Део в изобилие
Всем одарит, а когда-нибудь вы и до храма дойдете.
Радуйся много, богиня, и граду даруй удачу
Ты и согласие, в полях возрасти плоды нам и злаки,
Скот возрасти, дай яблокам сок, дай колосу зрелость,
Сладостный мир возрасти, чтоб жатву пожал, кто посеял.
Милость яви мне, молю, меж богинями дивная силой!

КАЛЛИМАХ

ГЕКАЛА

...приладил вторую, а вот уже меч прикрепляет —
Как увидали они, так все задрожали от страха:
Ужас внушил им и муж превеликий, и зверь исполинский,
Жались, покуда Тесей им издали громко не крикнул:
«Стойте, не бойтесь меня! Пускай между вами быстрейший
В город к Эгею, отцу моему, понесется как вестник,
Пусть успокоит его и от сильной тревоги избавит,
Скажет: «Тесей недалече, ведет с Марафонского поля,
Влагой богатого, зверя-быка»». И они, услышавши,
10 Разом воскликнули: «Иэ, Пеан!» — И на месте остались.
Столько листвы дуновеньем ни Нот, ни Борей не вздымают,
Столько не гонит сам месяц, что все обнажает деревья,
Сколько тогда на Тесея посыпалось веток и листьев —
Жители сел их кидали, его окружив, а селянки
Славным венком увенчали...

(Пропущены примерно 22 стиха)

...я своим бы крылом защитила — однако Паллада
Семя Гефеста надолго сокрыла...
20 И до поры, пока Кекропиды...
Камень тот потайной, запретный...

- Только откуда он родом — не ведаю я и не знаю,
 Птицы же древние встарь говорили, что якобы был он
 Сыном Земли, и она родила его будто Гефесту.
 После Афина в Пеллену ахейскую путь направляет.
 Ей укрепление хотелось поставить, прикрыть свою землю,
 Что получила недавно она по воле Зевеса,
 Равно двенадцати прочих богов, змея же свидетель.
 Девы, ларца сторожа, на отвратное дело решились,
 30 Скрепы замков отомкнули...
 (Пропущены примерно еще 22 стиха)
 Вот и отвергла Афина наш род. — О, если бы только
 Не попадать нам в немилость — ведь гнев у Паллады тяжелый.
 Правда, тогда я малюткой была — поколение восьмое
 Смертных я ныне живу, что родителям стало десятым.
 (Пропущены 8 стихов)
 35 Только одно и спасало меня от голода злого...
 (испорченные 3 стиха)
 36 От кикео́на ячмень, что на землю просыпался...

 38 Вестница злых новостей. А живи ты в то время, узнала б,
 Как вдохновляли вещать ворону старую Фрии!
 40 Я клянусь — только чем? — клянусь я сморщенной кожей
 Старой моей, и клянусь я деревом этим засохшим,
 Солнцем клянусь, что оно не сломало колеса и дышало
 И не исчезло на Западе, — будет поистине время,
 Будет и утро, и полдень, и вечер, и ночь, когда ворон,
 Ныне способный и с лебедем спорить своей белизною,
 В перьях, чей цвет — молоко или пена морского прибоя,
 Черное, словно смола, носить оперение станет.
 Вот какова будет Фебова плата за вести
 В пору, когда он узнает о мерзости, что сотворила
 50 Флегия дочь, Коронида, с Исхийем, наездником смелым.
 Смолкла, и сон ее взял, и внимавшая тоже уснула,
 Только поспать не пришлось хорошенько — приблизился скоро
 Хлад предрассветный — и вот уже воры не ищут поживы —
 Их освещает светильник зари, что выходит на небо.
 Вот уж и песни свои завели водоносы по граду,
 Вот уж и грохот колес разбудил и того, кто укрылся
 В доме, что смотрит на улицу; вот загремели несносно
 Медной посудой рабы — да так, что можно оглохнуть.

Р И А Н

1 (1 Р)

Разума все лишены мы поистине, смертные люди,
 Сердцем своим неразумным все то, что нам боги даруют,
 Мы принимаем. Кто беден, нуждается в пище насущной,

- Горько вздыхает, к блаженным свои воссылает упреки,
 Жалобы шлет, забывая и доблесть, и мужество духа,
 Смелое слово промолвить боится, решиться на дело,
 Робостью полон, что вдруг его жадные люди услышат;
 И пожирают ему и печаль и смятение душу.
 Если же кто в богатстве живет и ему в изобилие
- 10 Бог посылает, то сколь он легко забывает, что ходят
 Ноги его по земле, что лишь смертных людей он потомок:
 Полон надменности он и, преступный и гордый душою,
 Зевсу подобно гремит, шею выше главы поднимает,
 Ростом хоть будь невелик он; как будто бы деву Афины
 Сделал своей он женой, и как будто бы прямо к Олимпу
 Шествовал он, чтобы там за трапезу сесть меж блаженных.
 Но приближается Ата, ногой своей нежной ступая;
 Старцам является юной она, иногда же старухой
 Станет пред юношей; взвесив, укажет нам наши проступки,
- 20 Дике подмогу несет, помогает и Зевсу-владыке.

Р И А Н

Из поэмы «ИСТОРИЯ МЕССЕНИИ»

2 (54 P)

...Возле ущелий Белой горы они воевали;
 Двадцать два раза хлеба поднимались и стужей сменялись.

3 (946 SH)

Битву приказом прервал он, и войско его подчинилось
 Ночи, смиряющей всех; впрочем, страстно желали сражение
 Даже во тьме продолжать, хоть и сильно уже утомились.
 А для спартанцев желанною стала сошедшая тьма.

* * *

- 2 Будем стоять, как и раньше...
 Также по воле богов об этом подумаем после.
 С помощью Зевса увидим бегущими их без оглядки:
 Только лишь солнце взойдет, не снести им стрел наших метких.
 После когда-нибудь в Спарте, страдая от раны тяжелой,
 Вспомнит нас тот из врагов, кто однажды укрыться хотел бы.
 Впрочем, свершение дела оставим во власти Кронида.
 Вы ж, сторожа у костров, несите с готовностью службу,
- 10 Город извне охраняйте любимый.....

Сам я домой не вернусь, но так, как вождю подобает,
Стражу кругом обойду.....
Нет, не боюсь нападения, однако, полезнее будет,
Чтобы о завтрашнем дне вождь думал, душой укрепившись.
Речь его криком одобрили люди.....

4 (922 SH)

- 2 Ибо не так далеко стоит от нас неприятель.
Если до них донесется ваш крик.....
Плач и шумливые вопли, то скоро сюда соберутся
Многие тысячи их, и ни муж.....
Также ни бог всемогущий не спасет вас от гибели верной.
.....
- 10 В криках спасения нет — сокройте в сердце несчастье.
.....
- 13 Лучше корабль снарядить, в туманной дали нам укрыться,
Пусть вдоль прибрежных утесов несут нас сердитые вихри,
Землю оставив свою, будем землю искать мы другую.
Стены на прежних устоях опять мы построить сумеем.

ЕВФОРИОН

1 (9)

ПРОКЛЯТЯ, или ПОХИТИТЕЛЬ ЧАШИ

- 4 ...Герса с Главкопия долу,
В казнь, что они приоткрыли ларец священный Афины,
Их госпожи. Или так, как странники вниз низвергались
После позорного ног мытия, что Скирон уготовил,
Впрочем, недолго, коль Эфры повергнутый чадом, последним
Нашей тогда черепахи собой он питал горловину.
- 10 Или ж его, тетиву натягая на луке могучем,
Дева Тенарская, женам помощница в муках родильных,
Да поразит Артемида виновника вечным страданьем:
Близ Ахеронта пусть тяжкую глыбу несет Аскалафа,
Тело которому накрепко камнем прижала Деметра
В казнь, что единственно он был свидетелем Ферсефонее.

2 (51)

- 5 Сзади него, устрашая, вставали от брюха густого
Змеи хвостатые подле боков, шевеля языками,
Синею сталью у них сверкали глаза под бровями.

Истинно так во горячих печах в Мелигуновой тверди
Яркие искры, когда на железо обрушится молот,
10 Мечутся в воздух (и гул по широкой идет наковальне),
Или по Этне, укутанной чадом, — в дому Астеропа.
Веден в Тиринф неустанно враждебному был Еврисфею
Взятый живым из Аида — последний, двенадцатый подвиг,
Коего средь ячменем изобильных трехпутий Мидеи
Жены и дети тогда созерцали, объятые страхом.

Раздел II

ЭЛЕГИЯ, ЯМБЫ

АРХИЛОХ ВОИН И ПОЭТ

1 (1)

Я – служитель царя Эниалия, мощного бога.
Также и сладостный дар Муз хорошо мне знаком.

2 (2)

В остром копье у меня замешен мой хлеб. И в копье же –
Из-под Исмара вино. Пью, опершись на копье.

3 (3)

То не пращи засвистят и не с луков бесчисленных стрелы
Вдаль понесутся, когда бой на равнине зачнет
Арес могучий: мечей многостонная грянет работа.
В бое подобном они опытны боле всего –
Мужи, владыки Евбеи, копейщики славные...

4 (4, 6 – 9)

С чашей в руках ты ходи по настилу ладьи быстроходной,
Крышку проворной рукой с бочки долбленной снимай,
Красное черпай вино до густого осадка! На страже
Трезвым всю ночь простоять силы не хватит и нам!

5 (5)

Носит теперь горделиво саниец мой щит безупречный:
Волей-неволей пришлось бросить его мне в кустах.
Сам я кончины зато избежал. И пускай пропадает
Щит мой. Не хуже ничуть новый могу я добыть.

6 (6)

Гибельных много врагам в дар мы гостинцев несли.

7 (105)

Главк, смотри: уж будоражат волны море глубоко,
И вокрут вершин Гирейских круто стали облака —
Признак бури. Ужас душу неожиданно берет...

8 (15)

Главк, до поры лишь, покуда сражается, дорог наемник.

9 (111)

В новичках буди отвагу. А победа — от богов.

10 (101)

Мы настигли и убили счетом ровно семерых:
Целых тысяча нас было...

11 (110)

Воистину, для всех ведь одинаков он,
Великий Арес...

12 (107)

И средь них, надеюсь, многих жаркий Сириус пожжет,
Острым светом обливая.

13 (114)

Нет, не люб мне вождь высокий, раскоряка-вождь не люб,
Гордый пышными кудрями иль подстриженный слегка.
Пусть он будет низок ростом, ноги — внутрь искривлены,
Чтоб ступал он ими твердо, чтоб с отвагой был в душе.

14 (216)

И, как кариец, буду слыть наемником.

15 (117)

Главка мне воспой с кудрями, завитьми в рог...

16 (115)

Леофил теперь начальник, Леофил над всем царит,
Все лежит на Леофиле, Леофила слушай все.

И владыке Дионису дифирамб умею я
Затянуть прекрасноручный, дух вином воспламенив.

.....Афина, Зевса дочь.
Вкруг высоких стен зубчатых бой идет за родину.
.....там, где башня круглая,
.....укрываясь от камней.
.....
Облаченные в доспехи, мы руками.....
.....Зевс, Олимпа господин.
Копья острые метали, нанося ущерб врагам,
А оня, неся потери, возле башни.....
Лестниц ставили ограду, разжигая храбрость в нас.
—У—У, то взмывают стрелы тучей в небеса,
И в колчанах притаилась неожиданная смерть.

...Но Афина, вставши рядом, дочь могучего отца,
Дух бойцов вздымала мощно, хоть слабели силы их
В этот день.....
—У—У— по воле олимпийских всех богов

АРХИЛОХ
ПЕРЕСЕЛЕНИЕ С ПАРОСА.
ЖИЗНЬ НА ФАСОСЕ

Брось морскую жизнь, и Парос, и смоковницы его.

24 (20)

О Фасосе скорблю, не о Магнесии.

25 (228)

О Фасосе, несчастном трижды городе.

26 (102)

Словно скорби всей Эллады в нашем Фасосе сошлись.

27 (91, 14 – 15)

...чтоб, над островом нависший,
Камень Тангала исчез.

28 (21 + 22)

[О ФАСОСЕ]

...как осла хребет,
Заросший диким лесом, он вздымается.
Невзрачный край, немилый и нерадостный,
Не то что край, где плещут волны Сириса.

АРХИЛОХ ЖИЗНЕОТНОШЕНИЕ

29 (128)

Сердце, сердце! Грозным строем встали беды пред тобой.
Ободришь и встретить их грудью, и ударим на врагов!
Пусть везде кругом засады, — твердо стой, не трепещи.
Победишь, — своей победы напоказ не выставляй,
Победят, — не огорчайся, запершись в дому, не плачь.
В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй.
Познавай тот ритм, что в жизни человеческой сокрыт.

30 (130)

В каждом деле полагайся на богов. Не раз людей,
На земле лежащих черной, ставят на ноги они.
Так же часто и стоящих очень крепко на ногах
Опрокидывают навзничь, и тогда идет беда.
Бродит он тогда по свету, нет ни разума, ни средств...

31 (122, 1 – 9)

Можно ждать чего угодно, можно веровать всему,
Ничему нельзя дивиться, раз уж Зевс, отец богов,
В полдень ночь послал на землю, заградивши свет лучей
У сияющего солнца. Жалкий страх на всех напал.
Всё должны отныне люди вероятным признавать
И возможным. Удивляться вам не нужно и тогда,
Если даже зверь с дельфином поменяются жильем
И милее суши станет моря звучная волна
Зверю, жившему доселе на верхах скалистых гор.

32 (19)

[Говорит плотник Харон]
О многозлатом Гигесе не думаю
И зависти не знаю. На деяния
Богов не негодую. Царств не нужно мне.
Все это очень далеко от глаз моих.

33 (134)

Непристойно насмехаться над умершими людьми.

34 (127)

Погрешил я, — и с другими так случилось не раз.

35 (131)

Настроения у смертных, друг мой Главк, Лептинов сын,
Таковы, какие в душу в этот день вселит им Зевс.
И, как сложатся условия, таковы и мысли их.

36 (133)

Кто падет, тому ни славы, ни почета больше нет
От сограждан. Благодарность мы питаем лишь к живым,
Мы, живые. Доля павших — хуже доли не найти.

37 (132)

Но каждому другое душу радует.

38 (14)

Если, мой друг Эсимид, нарекания черни бояться,
Радостей в жизни едва ль много изведает ты.

АРХИЛОХ

РЕЛИГИЯ

39 (298)

Пророк неложный меж богов великий Зевс —
Сам он над будущим царь.

40 (26, 5 — 6)

И ты, владыка Аполлон, виновников
Отметь и истреби, как истребляешь ты.

41 (322)

Деметры чистой с Девой
праздник я глубоко чту.

42 (108)

О Гефест! Услышь, владыка, стань союзником моим,
Будь мне милостив и счастье дай, как ты давать привык!

43 (210)

Но что за божество? И кем разгневано?

44 (324)

ГИМН ГЕРАКЛУ

Тенелла, победитель!
Радуйся, о царь Геракл,
Тенелла, победитель!
Ты сам и Иолай, бойцы-копейщики!
Тенелла, победитель!

АРХИЛОХ

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ У ПАРОСА

45 (215)

Ни ямбы, ни утехи мне на ум нейдут.

46 (9, 10 — 11)

Если б его голова, милые члены его,
В чистый одеты покров, уничтожены были Гефестом.

47 (13)

Скорбью стнящей крушась, ни единый из граждан, ни город
Не пожелает, Перикл, в пире услады искать.
Лучших людей поглотила волна многошумного моря,
И от рыданий, от слез наша раздулася грудь.
Но и от зол неизбывных богами нам послано средство:
Стойкость могучая, друг, вот этот божеский дар.
То одного, то другого судьба поражает: сегодня
С нами несчастье, и мы стонем в кровавой беде,
Завтра в другого ударит. По-женски не падайте духом,
Бодро, как можно скорей перетерпите беду.

48 (16)

Все человеку, Перикл, судьба посылает и случай.

49 (12)

Скроем же горе, что нам даровал Посидаон-владыка.

50 (8)

Жарко молясь средь волн густокудрого моря седого
О возвращенье домой...

51 (11)

Я ничего не поправлю слезами, а хуже не будет,
Если не стану бежать сладких утех и пиров.

52 (213)

В свои объятья волны взяли души их.

53 (192)

Спас из пятидесяти только Койрана
добрый Посидаон.

АРХИЛОХ ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

54 (129)

...и друзья-то сами мучают тебя.

55 (124в)

...жадно упиваясь неразбавленным вином
И своей не внесши доли...
И никто тебя, как друга, к нам на пир не приглашал.
Но желудок твой в бесстыдство вверх тебе и ум и дух.

56 (125)

И, как жаждущий — напиться, боя я с тобой хочу.

57 (126)

В этом мастер я большой —
Злом отплачивать ужасным тем, кто зло мне причинит.

58 (200)

И даром не спущу ему я этого!

59 (24)

Судьба превратна. Ты — на малом челноке
Большую радость из Гортины мне привез —
Ты жив! Добычей рыб и коршунов не стал!
Как хорошо! А я
.....
Я о товарах думал
Чтоб не зевал
.....никого я не нашел
.....волна морская поглотила
10 от руки мужей-копейщиков.
.....цвет жизни погубив
Ты видел бы меня! Остался я один
.....погружен в глубокий мрак.
Но вижу с радостью я снова милый свет!

АРХИЛОХ ЛЮБОВЬ. НЕОБУЛА

60 (196а)

«.....
Ты, воздержанье блюдя. Решись на это...
Но коль неймется и печет желание,
Есть на примете у нас готовая к замужеству —

- Красавица и скромница. Мне кажется,
 Стать безупречна ее. На ней бы и женился ты».
 На эту речь девицы я отвечивал:
 «Дочь доброславной в делах и благородной женщины
 Амфимедо, чей прах лежит теперь в земле,
 Знай: у Богини не счесть услад для молодых людей
 10 В обход священных таинств; хватит нам одной.
 Мы, как покой снизойдет и тьма, о свадьбе все с тобой
 Обговорим, обсудим с божьей помощью.
 Я поступлю, как велишь; желание влечет меня
 Под верх венечный, под округлый свод ворот.
 Милая, не отвергай: в богатом травami саду
 Причаляю. Вот что я решил: пусть женится
 На Необуле другой. Ведь, старше раза в два тебя,
 Сумела иссушить цветок девичества —
 Прелести нету былой. В желанье ненасытная,
 20 Вконец ослепла бешеная женщина!
 Сгинуть бы ей навсегда! Да не допустит Зевс того,
 Чтоб я в глазах соседей стал посмешищем,
 В жены развратницу взяв! Жениться страстно я хочу
 Лишь на тебе; не лжива, не корыстна ты,
 А Необула хитра, дружков не счесть у ней.
 Боюсь, как бы слепых и недоношенных,
 В деле таком поспешив, как пес, не наплодил бы я».
 Так я сказал. И девушку меж стеблями
 Свежераскрытых цветов я положил и тонкою
 30 Укрыл нас тканью, шею гладил ей,
 И трепетавшей, как лань, успокоенье стал дарить,
 И груди стал я трогать нежно пальцами;
 Явлена юная плоть, заманчивые прелести.
 И, к телу прижимаясь столь прекрасному,
 Жизненный сок я исторг, лаская кудри светлые.

61 (188)

Нежною кожею ты не цветешь уже: вся она в морщинах.
 И злая старость борозды проводит.

62 (196)

Сладко-истомная страсть,
 товарищ, овладела мной.

63 (193)

От страсти обезжизневший,
 Жалкий, лежу я, и волей богов несказанные муки
 Насквозь пронзают кости мне.

64 (191)

Эта-то страстная жажда любовная, переполнив сердце,
В глазах великий мрак распространила,
Нежные чувства в груди уничтоживши.

65 (30 + 31)

Своей прекрасной розе с веткой миртовой
Она так радовалась. Тенью волосы
На плечи ниспадали ей и на спину.

66 (48, 5 – 6)

...старик влюбился бы
В ту грудь, в те миррой пахнущие волосы.

67 (118)

Если б все же Небулы мог коснуться я рукой.

68 (218)

Храня молчанье, за тобою вслед иду.

69 (38)

Из дочерей Ликамба только старшую...

70 (197)

Зевс, отец мой! Свадьбы я не пировал!

71 (205)

Не стала бы старуха миррой мазаться.

72 (189)

Слепых угрей ты приняла немало.

73 (41)

От страсти трепыхаясь, как ворона.

74 (45)

И спесь их в унижение вся повыхлослась.

75 (36)

В тени густой под стенкой улеглись они.

76 (43)

...напрягся ... его,
Как у осла приенского,
Заводчика, на ячмене вскормленного.

77 (42)

Как тянет варвар брагу чрез соломинку,
Так и она сосала, наклонившись...

78 (119)

И упасть на..... и прижаться животом
К животу, и бедра в бедра...

79 (66)

Длинный тот нарост меж бедер...

80 (331)

Очень много ворон смоковница горная кормит,
Всем Пасифила гостям, добрая, служит собой.

АРХИЛОХ БАСНИ

ЛИСА И ОРЕЛ

81 (174)

Есть вот такая басенка:
Вошли однажды меж собой в содружество
Лисица и орел...

82 (179)

Принес обед ужасный он детенышам.

83 (176)

Взгляни-ка, вот она, скала высокая,
Крутая и суровая;
Сижу на ней и битвы не боюсь с тобой.

84 (178)

Чтоб горько поплатился ты!

85 (177)

О Зевс, отец мой! Ты на небесах царишь,
Свидетель ты всех дел людских,
И злых и правых. Для тебя не все равно,
По правде ль зверь живет иль нет!

86 (172)

Что в голову забрал ты, батюшка Ликамб?
Кто разума лишил тебя?
Умен ты был когда-то. Нынче ж в городе
Ты служишь всем посмешищем.

87 (173)

И клятву ты великую
Забыл, и соль, и трапезу...

ЛИСА И ОБЕЗЬЯНА

88 (185)

Мой Керикид, тебе скажу я сказочку
Про палку, больно бьющую.
Раз обезьянка, рой подруг покинувши,
Бродить пустилась по свету.
И повстречалась ей лиса-лукавица,
На кознодейства ловкая.

АРХИЛОХ

РАЗНОЕ

89 (190)

Словно ущелия гор обрывистых,
в молодости был я.

90 (223)

Цикаду ты схватил за крылышко!

91 (296)

Протягивая руку, подбираюсь я.

92 (302)

Часто копишь, копишь деньги — копишь долго и с трудом,
Да в живот продажной девке вдруг и спустишь все дотла.

93 (35)

Есть в доме круторогий, дюжий бык у нас, —
Не гулевой, в работе очень опытный.

94 (217)

И с гривой, до кожи с плеч остриженной.

95 (37)

Такой-то вот забор вокруг двора бежал.

96 — 100

Эрасмонов сын, Харилай мой!
Вещь тебе смешную,
Любимейший друг, расскажу я:
вдоволь будет смеху!

.....
Любить, хоть и очень он гадок,
и не сообщаться...

.....
И шли там иные из граждан
сзади, большинство же...

.....
И, руки к Деметре подъявши...

.....
С зари все за чаши схватились;
в исступление пьяном...

101 (236)

Весь заеден вшами.

102 (182)

Толпой народ валил на состязания,
Батусиад вместе с ним.

103 (225)

Войди: из благородных ты.

104 (184)

Воду держала она
Предательски в одной руке, огонь — в другой.

105 (234)

Ты желчи не имеешь в печени...

106 (232)

Законам критским обучается.

107 (49, 7)

О вор, что ночью рыскаешь по городу!

108 (224)

Дрожа, как куропаточка.

109 (227)

...царь овцепитательницы Азии.

110 (23, 7 — 21)

На это, женщина, тебе отвечу я:
«Дурной молвы не бойся. Я хочу навек
Тебя прославить. Будь спокойна, будет так!
Ужели ж я кажусь таким беспомощным?
Я был бы негодяем, если б я тебя
Предал — свою б навек я славу посрамил
И славу предков. Но поверь, что мастер я
Друзьям быть другом, а врагов своих язвить,
Как муравей. Одну лишь правду слышишь ты!

¹⁰ Живи и впредь в своем спокойно городе,
Запятнанном мужей поступком мерзостных;
Ведь ты их всех сразила боевым копьем,

Стяжав навеки славу средь людей себе.
Господствуй же и дальше, царствуй над людьми,
Владычествуй на зависть будущим векам...»

111 (34)

Без платы не надейся переправиться!

КАЛЛИН

1 (1)

ПРИЗЫВ К СОГРАЖДАНАМ

Будете спать вы доколе? Когда мощный дух обретете,
Юноши? Даже людей, окрест живущих, и тех
Вы не стыдитесь средь лени безмерной? Вы мните, что в мире
Жизнь провождаете? Нет! — всюду война на земле!

.....
...Пусть, умирая, копьё хоть напоследок метнет.
И достохвально и славно для мужа за родину биться,
Биться за малых детей, за молодую жену
С ворогом злым. Смерть тогда лишь наступит, когда нам
на долю

Мойры ее нарядут... Пусть же с поднятым копьём
10 Каждый стремится вперед и щитом свою грудь прикрывает,
Мощную духом, едва жаркий завяжется бой!
Ведь и судьбой решено, что никто из людей не избегнет
Смерти, хотя бы он был богом бессмертным рожден.
Часто, от битвы уйдя, от копейного стука, приходит
Ратник домой, и в дому смерть настигает его.
Только для города он ни желанен, ни дорог не будет;
Если ж погибнет храбрец, плачут по нем стар и млад.
Ведь крепкосердого мужа кончина — печаль для народа;
Если же он средь живых, все полубога в нем чтят,
20 И, как на кремль, на него обращают сограждане взоры, —
Подвиги многих бойцов он совершит и один.

2 (3)

Ныне вторгается к нам киммерийцев орда нечестивых...

ТИРТЕЙ БЛАГОЗАКОНИЕ

1 (1а)

Сам ведь Кронион, супруг прекрасноувенчанной Геры,
Зевс Гераклидам вручил город, нам ныне родной.
С ними, оставив вдали Эриней, обдуваемый ветром,
Мы на широкий простор в землю Пелопа пришли.

2 (1в)

Так нам из пышного храма изрек Аполлон-дальновержец,
Златоволосый наш бог, с луком серебряным царь:
«Пусть верховодят в совете цари богочтимые, коим
Спарты всерадостный град на попечение дан,
Вкупе же с ними и старцы людские, а люди народа,
10 Договор праведный чтя, пусть в одномыслии с ним
Только благое вещают и правое делают дело,
Умыслов злых не тая против отчизны своей, —
И не покинет народа тогда ни победа, ни сила!»
Так свою волю явил городу нашему Феб.

3 (2 — 4)

ВОЙНА С МЕССЕНИЕЙ

С нашим царем и вождем, любезным богам Феопомпом,
Взяли Мессению мы, землю широких равнин.
Ту, что для пашни годна, для садов и для овощи всякой.
Чтобы ее покорить, все девятнадцать годов
Бились упорно, лелея в груди терпеливое сердце,
Наших могучих отцов их копьеносцы — отцы.
Лишь на двадцатом году, покинув пышные нивы,
Враг от Ифомы-горы, с круч неприступных бежал.

4 (5)

ДОЛЯ ПОБЕЖДЕННЫХ

Словно ослы, что несут тяжкую ношу свою,
Волей владык отдают, уступая мрачной судьбине,
Равную долю плодов пашни своей господам.

* * *

Горько оплакать должны покоренные сами и жены,
Если кому из господ жребий смертельный падет.

ТИРТЕЙ К СОГРАЖДАНАМ

5 (8)

Так как потомки вы все необорного в битвах Геракла,
Будьте бодры, еще Зевс не отвратился от нас!
Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов,
Жизнь ненавистной считая, а мрачных посланниц кончины —
Милыми, как нам милы солнца златые лучи!
Опытны все вы в делах многослезного бога Аррея,
Ведомы вам хорошо ужасы тяжелой войны,
Юноши, вы и бегущих видали мужей и гонящих;
10 Зрелищем тем и другим вдоволь насытились вы!
Воины те, что дерзают, смыкаясь плотно рядами,
В бой рукопашный вступить между передних бойцов,
В меньшем числе погибают, а сзади стоящих спасают;
Труса презренного честь гибнет мгновенно навек:
Нет никого, кто бы мог рассказать до конца все мученья,
Что достаются в удел трусу, стяжавшему стыд!
Трудно решиться ведь честному воину с тылу ударить
Мужа, бегущего вспять с поля кровавой резни:
Срамом покрыт и стыдом мертвец, во прахе лежащий,
20 Сзади пронзенный насквозь в спину копья острием!
Пусть же, широко шагнув и ногами в землю упершись,
Каждый на месте стоит, крепко губу закусив,
Бедра и голени снизу и грудь свою вместе с плечами
Выпуклым кругом щита, крепкого медью, прикрыв;
Правой рукою пусть он потрясает могучую пику,
Грозный шелома султан над головой всколебав;
Пусть среди подвигов ратных он учится мощному делу
И не стоит со щитом одаль летающих стрел;
Пусть он идет в рукопашную схватку и длинную пикиой
30 Или тяжелым мечом насмерть врага поразит!
Ногу приставив к ноге и щит свой о щит опирая,
Грозный султан — о султан, шлем — о товарища шлем,
Плотно сомкнувшись грудь с грудью, пусть каждый дерется
с врагами,
Стиснув рукою копьё или меча рукоять!
Вы же, гимниты, иль здесь, иль там, под щиты припадая,
Вдруг осыпайте врагов градом огромных камней
Или мечите в них легкие копья под крепкой защитой
Воинов тех, что идут во всеоружии в бой!

6 (6)

Да, хорошо умереть для того, кто за землю родную
 Бьется и в первых рядах падает, доблести полн.
 Тот же, кто город родной и тучные нивы покинув,
 Станет с сумою ходить, — горькую вкусит судьбу,
 С матерью милой, с детьми неразумными, с юной супругой
 И с одряхлевшим отцом жалким скитальцем бродя.
 Всюду, куда ни придет он под бременем бедности горькой
 И безысходной нужды, всюду он будет врагом.
 Доблестный род обесчестит и лик опозорит блестящий,
 10 И вслед за ним по следам горе с бесчестьем пойдет.
 Если же странник бездомный нигде не найдет ни заботы,
 Ни уваженья — ни он, ни все потомство его, —
 Будем за эту страну с отвагою биться и сгинем
 За малолетних детей, жизни своей не щадя!
 Юноши, не отходя ни на шаг друг от друга, сражайтесь,
 И да не ляжет на вас в бегстве позорном почин, —
 Нет, себе в грудь вы вложите великое, мощное сердце,
 В битву вступая с врагом, жизнь не щадите свою
 И не бегите из боя, старейших годами покинув,
 20 Старцев, чьи ноги уже легкости чужды былой!
 Это — позор, если старый боец впереди молодежи
 В битве падет посреди первого ряда бойцов;
 Если, с могучей душою простясь, распрострется во прахе
 Воин, чьи кудри белы, чья в седине борода,
 Голое тело и член детородный, обрызганный кровью,
 Дланью прикрывши своей, — тяжело на это глядеть.
 Тяжко и стыдно! А юным, пока они цветом блестящим
 Младости дивной цветут, все к украшенью идет!
 Жив если юноша, дорог мужам он и сладостен женам,
 30 Сгинет он в первых рядах — смерть красоты не возьмет!
 Пусть же, шагнув широко, обопрется о землю ногами
 Каждый и крепко стоит, губы свои закусив!

7 (9)

Не вспомню я бойца, и во мне не найдет уваженья
 Он ни за ног быстроту, ни за искусство в борьбе,
 Хоть бы Киклопам он был и ростом и силой подобен
 И уступал бы ему в беге фракийский Борей;
 Хоть бы Тифона красу он своею затмил красотой
 Или богаче в сто крат был, чем Мидас и Кинир;
 Хоть бы он царственной был Пелопы, Танталова сына,
 И сладкоречьем своим вровень с Адрастом стоял;
 Хоть бы он славою всякой блистал, кроме воинской мощи,
 10 Ибо тому не бывать воином храбрым в бою,
 Кто не дерзнет смелым оком взглянуть на кровавую сечу

Или, к врагу подождая, руку над ним занести.
 В этом вся честь, и лишь это сочтется за подвиг отменный,
 Лучший из подвигов всех для молодого бойца.
 Гордостью будет служить и для города и для народа
 Тот, кто, шагнув широко, в первый продвинется ряд;
 И, преисполнен упорства, забудет о бегстве позорном,
 Жизни своей не щадя и многомогущей души;
 Кто ободрить может речью стоящего рядом гоплита, —
 20 Доблестным будет бойцом воин подобный в бою.
 Миг, и он вспять обратит густые ряды супостатов
 И, не смущаясь душой, выдержит битвы волну.
 Тот же, кто в первых рядах, распроставшись с жизнью
 желанной,
 Сгибнет, прославив отца, город и граждан своих,
 Грудью удары приняв, что пронзили и щит закругленный,
 И крепкий панцирь ему, — стоном застонут о нем
 Все без разбора, и дряхлый старик, и юноша крепкий,
 И сокрушенный тоской город родной заскорбит.
 Будет в чести и могила героя, отведают чести
 30 Дети, и дети детей, и все потомство его,
 И не погибнет вовек ни громкая слава, ни имя, —
 Будет бессмертным всегда, даже под землю сойдя,
 Тот, кто был доблести полн, кто в схватке за землю родную
 И малолетних детей злым был Ареем сражен.
 Если ж боец, избежав усыпляющей смерти, победой
 В ратном стяжает бою громкую славу себе,
 Чтят его все, и дряхлый старик, и юноша крепкий,
 И, сладость жизни вкусив, тихо он сходит в Аид.
 Он и стареясь меж граждан всегда пребывает в почете,
 40 Чести и прав у него не отнимает никто, —
 Нет, перед ним каждый отрок, и сверстник, и ветхий годами
 Встанут, и место свое все предоставят ему.
 Пусть же отныне всем сердцем стремится до доблести высшей
 Каждый дойти, забыв про нерадивость в бою!

8 (11)

С неукротимой душою, как лев, на охоту идущий...

9 (12)

Прежде доблесть явить, смерть ли в бою повстречать.

10 (10)

...Стойте под сводом щитов, ими прикрывши ряды,
 Каждый в строю боевом: Памфилы, Гиллеи, Диманы,
 Копья, угрозу мужам, крепко сжимая в руках.

- И на бессмертных богов храбро во всем положившись,
 Без промедленья словам будем послушны вождей.
 Тотчас все вместе ударим.....
 Возле копейщиков свой близко поставивши строй.
 Скоро с обеих сторон железный поднимется грохот:
 Это по круглым щитам круглые грянут щиты.
- 10 Воины копья метнут, друг друга железом сражая,
 В панцири, что у мужей сердце в груди берегут.
 Вот уж колеблется враг, отступая с пробитым доспехом,
 Каменный сыплется град, шлемы стремясь поразить,
 Медный разносится звон...

11*

...И совоокая дочь Зевса с эгидой его.
 Многие, дроты метнув...
 Острым ударом копья, воины...
 Пусть впереди выступают легкоснаряженные...
 Дети аргосцев...

 Или их всех перебьют...
 Тех из спартанцев, кого...
 Сзади бегущих всегда поражает...

СЕМОНИД АМОРГОССКИЙ

1 (1)

ДОЛЯ СМЕРТНЫХ

- По воле, мальчик, Зевса тяжкогромного
 Конец приходит к смертному. Не сами мы
 Судьбу решаем нашу. Кратковечные,
 Как овцы, мы проводим жизнь, не ведая,
 Какой конец нам бог готовит каждому.
 Бесплодно мы мятемся и, однако же,
 Все тешимся надеждой. Кто в ближайший день
 Ждет радости, а кто — в далеком будущем.
 Но каждый ждет — пора придет желанная,
- 10 Получит много-много он богатств и благ.
 Один же между тем печальной старостью
 До времени сражен. Болезни тяжкие —
 Удел других. Те, Аресом повержены,
 Низводятся Аидом в землю черную.
 Те в море ураганом настигаются

* Папирусный отрывок, опубликованный в 47-м томе Оксиринхских папирусов (1980), № 3316.

И в яростных пучинах волн пурпуровых
Находят смерть, хотя б могли пожить еще.
А те в петле кончают жизнь злосчастную
И с солнцем расстаются волей собственной.
20 Нейдет из бедствий мимо ни единое.
Но тысячи страданий, зол и горестей
Повсюду стерегут людей. По-моему,
Ни к бедствиям стремиться нам не нужно бы,
Ни духом падать, раз они настигли нас.

2 (2)

О мертвом, если б были мы разумнее,
Не дольше б горевали мы, как день один.

3 (3)

Чтоб умереть, у нас довольно времени,
Живем лишь только плохо годы краткие.

4 (4)

Нет человека вовсе безупречного.

5 (6)

Жены нет лучше, если добродетельна,
Но нет и хуже злой и привередливой.

СЕМОНИД АМОРГОССКИЙ

6 (7)

О ЖЕНЩИНАХ

Различно женщин нрав сложил вначале Зевс:
Одну из хрюшки он щетинистой слепил —
Все в доме у нее валяется в грязи,
Разбросано крутом — что где, не разберешь.
Сама ж — немытая, в засаленном плаще,
В навозе дни сидит, нагуливая жир.
Другую из лисы коварной бог создал.
Все в толк берет она, сметлива хоть куда.
Равно к добру и злу ей ведомы пути,
10 И часто то бранит, то хвалит ту же вещь:
То да, то нет. Порыв меняется что час.
Иной передала собака верткий нрав.
Проньпра: ей бы все разведать, разузнать,
Повсюду нос сует, снует по всем углам,

Знай лает, хоть кругом не видно ни души.
 И не унять ее: пусть муж угрозы шлет,
 Пусть зубы вышибет бульжником в сердцах,
 Пусть кротко, ласково усовещает он, —
 Она и у чужих, в гостях, свое несет:
 20 Попробуй одолеть ее крикливый нрав.
 Иную, вылепив из комьев земляных,
 Убогою Олимп поднес мужчине в дар.
 Что зло и что добро — не по ее уму.
 И не поймет. Куда! Одно лишь знает — есть.
 И если зиму Зевс суровую послал, —
 Дрожит, а к очагу стул пододвинуть лень.
 Ту — из волны морской. Двоится ум ее:
 Сегодня — радостна, смеется, весела,
 Хвалу ей воздает, увидев в доме, гость:
 30 «Нет на земле жены прекраснее ее,
 Нет добродетельней, нет лучше средь людей».
 А завтра — мочи нет, противно и взглянуть.
 Приблизиться нельзя: беснуется она,
 Не зная удержу, как пес среди детей;
 Ко всем неласкова — ни сердца, ни души;
 Равно — враги пред ней иль лучшие друзья.
 Так море иногда затихнет в летний день:
 Спокойно, ласково — отрада морякам —
 Порой же, грозное, бушует и ревет,
 40 Вздывая тяжкие ударные валы.
 Похожа на него подобная жена
 Порывов сменою, стихийных, словно Понт.
 Иной дал нрав осел, облезлый от плетей.
 Под брань, из-под кнута, с большим трудом она
 Берется за дела — кой-как исполнить долг.
 Пока же ест в углу подальше от людей:
 И ночью ест и днем, не свят ей и очаг.
 А вместе с тем, гляди, для дел любовных к ней
 Приятелю-дружку любому вход открыт.
 50 Иную сотворил из ласки — жалкий род!
 У этой ни красы, ни прелести следа,
 Ни обаяния, — ничем не привлечет.
 А к ложу похоти — неистовый порыв,
 Хоть мужу своему мерзка до тошноты.
 Да вороватостью соседям вред чинит
 И жертвы иногда не в храм несет, а в рот.
 Иная род ведет от пышного коня:
 Заботы, черный труд — ей это не под стать.
 Коснуться мельницы, взять в руки решето,
 60 Куда там! — труд велик из дому выместь сор.
 К печи подсесть — ни-ни! — от копоти бежит.
 Насильно мил ей муж. Привычку завела

Купаться дважды в день и трижды, коль досуг.
 А умощениям — ни меры, ни числа.
 Распустит локонов гривастую волну,
 Цветами обовьет и ходит целый день.
 Пожалуй, зрелище прекрасное — жена,
 Как эта, для иных, для мужа — сущий бич!
 Конечно, если он не царь или богач,
 70 Чтоб тешиться такой ненужной мишурой.
 Иную сотворил из обезьяны Зевс:
 Вот худшее из зол, что дал он в дар мужам.
 Лицом уродлива. Подобная жена
 Идет по городу — посмешище для всех.
 И шея коротка; едва-едва ползет;
 Беззая, как жердь. Увы, бедняга муж!
 Что за красотку он обвить руками рад!
 На выдумки ж хитра, уверткам счету нет,
 Мартышка чистая! Насмешки ж — нипочем.
 80 Добра не сделает, пожалуй, никому,
 Но занята одной лишь думой день-деньской:
 Какую пакость бы похуже учинить.
 Иную — из пчелы. Такая — счастья дар.
 Пред ней одной уста злословия молчат;
 Растет и множится достаток от нее;
 В любви супружеской идет к закату дней,
 Потомство славное и сильное родив.
 Срежь прочих жен она прекрасней, выше всех,
 Пленя прелестью божественной своей,
 90 И не охотница сидеть в кругу подруг,
 За непристойными беседами следя.
 Вот лучшая из жен, которых даровал
 Мужчинам Зевс-отец на благо, вот их цвет.
 А прочие — увы! — по промыслу его
 И были бедствием и будут для мужей.
 Да, это зло из зол, что женщиной зовут,
 Дал Зевс, и если есть чуть пользы от нее —
 Хозяин от жены без меры терпит зло.
 И дня не проведет спокойно, без тревог,
 Кто с женщиной судьбу свою соединил,
 И голод выголкнет не скоро за порог;
 А голод — лютей враг, сожигатель — демон злой.
 Чуть муж для праздника повеселиться рад:
 Во славу божию иль там почтить кого,
 100 Жена, найдя предлог, подымет брань и крик.
 Верь, у кого жена, тому не к дому гость,
 Заезжего с пути радушие не ждет,
 И та, что с виду всех невинней и скромней,
 Как раз окажется зловреднее других.
 Чуть зазевался муж... а уж соседи здесь:

Злорадствуют над тем, как слеп он и как прост.
Свою-то хвалит всяк — похвал не наберет,
Чужую — не скупясь, поносит и бранит.
Хоть участь общая, — о том не знаем мы;
110 Ведь это зло из зол зиждитель Зевс создал,
Нерасторжимые он узы наложил
С тех пор, когда одни сошли в подземный мрак,
В борьбе за женщину — герои и вожди...

.....

СЕМОНИД АМОРГОССКИЙ

7 (16)

СЛОВА ГЕТЕРЫ

Опрыскалась духами я и мазями
Натерлась: был у нас тогда в гостях купец.

СЕМОНИД АМОРГОССКИЙ

РАЗНОЕ

8 (5)

Мал жеребец, а мчится в ногу с матерью.

9 (9)

Меандрского утря, добычу сокола,
Пусть цапля у него отнять попробует!

10 (10)

Кому нужны такие речи долгие?

11 (12)

Нутро, подобно коршуну, разделявать...

12 (13)

Из насекомых, мимо пролетающих,
Какое досадить нам может больше всех?

13 (14)

Среди холмов, заросших лесом, вряд ли кто
Так льва или пантеры испугается,
Как встретиться с ними он на тропке узенькой.

14 (17)

Проник я сзади, дверью верхней пользуясь.

15 (18)

Ступаешь гордо ты, как конь породистый.

16 (19)

Слепой? Во тьме бредущий? Иль всевидящий?

17 (20)

Приносят жертвы сыну Майи с нимфами —
Те, в жилах у кого течет пастушья кровь.

18 (22 + 23)

Ты, Телемброт, довольно позаботился,
А сыр тромильский, что сюда принес
Я из Ахен, — просто удивителен.

19 (24)

Я осмолит свинью и разложил ее,
Как будто на пиру богов, — уж в этом-то
Я разбираюсь, кажется, достаточно.

20 (25)

Никто вина не подал молодого мне.

21 (26)

Забрал он чаши, на столе стоявшие.

22 (27)

Вот кубок из Аргоса — тонкой выделки.

23 (28)

Взметнулись у него копыта задних ног.

24 (41)

Спал на мешках под стать лесбийцу Прилису.

25 (10a)

Коль век не мылся — не предмет для гордости;
Воды не бойся, бороду отращивай,
Хитоном грязным тела не заляпывай.

МИМНЕРМ ИЗ ПЕСЕН К НАННО

1 (7)

Без золотой Афродиты какая нам жизнь или радость?
Я бы хотел умереть, раз перестанут манить
Тайные встречи меня, и объятия, и страстное ложе.
Сладок лишь юности цвет и для мужей и для жен.
После ж того как наступит тяжелая старость, в которой
Даже прекраснейший муж гадок становится всем,
Дух человека терзать начинают лихие заботы,
Не наслаждается он, глядя на солнца лучи,
Мальчикам он ненавистен и в женах презрение будит.
Вот сколь тяжелою бог старость для нас сотворил!

2 (8)

В пору обильной цветами весны распускаются быстро
В свете горячих лучей листья на ветках дерев.
Словно те листья, недолго мы тешимся юности цветом,
Не понимая еще, что нам на пользу и вред.
Час роковой настает, и являются черные Керы
К людям: у первой в руках — старости тяжкий удел,
Смерти удел — у другой. Сохраняется очень недолго
Сладостный юности плод: солнце взошло — и увял.
После ж того как пленительный этот окончится возраст,
Стоит ли жить? Для чего? Лучше тотчас умереть!
Беды несчастные душу нещадно терзать начинают:
У одного его дом гибнет, идет нищета.
Страстно другому детей бы хотелось иметь, и однако,
Старцем бездетным с земли грустно он сходит в Аид.
Душегубительной третий болезнью страдает. И в мире
Нет человека, кого б Зевс от беды сохранил.

3 (1)

Вечную, тяжкую старость послал Молневержец Тифону.
Старость такая страшней даже и смерти самой.

* * *

...Но пролетает стрелой, словно пленительный сон,
Юность почтенная. Вслед безобразная, трудная старость,
К людям мгновенно являсь, виснет над их головой —
Старость презренная, злая. В безвестность она нас ввергает,
Разум туманит живой и повреждает глаза.

4 (5)

Гелию труд вековечный судьбою ниспослан на долю.
Ни быстроногим коням отдых неведом, ни сам
Он передышки не знает, едва розоперстая Эос
Из океанских пучин на небо утром взойдет.
Быстро чрез волны несется он в вогнутом ложе крылатом.
Сделано дивно оно ловкой Гефеста рукой
Из многоцветного золота. Поверху вод он несется,
Сладким покоясь сном, из Гесперидской страны
В край эфиопов. Восхода родившейся в сумерках Эос
10 Ждут с колесницею там быстрые кони его.
Встав, Гиперионов сын на свою колесницу восходит...

5 (2)

...да встанет меж нами с тобою правдивость!
Выше, святей, чем она, нет ничего на земле.

МИМНЕРМ ВОЙНА ЗА КОЛОФОН И СМИРНУ

6 (3)

Пилос покинув высокий, Нелеев божественный город,
В Азию милую мы прибыли на кораблях
И в Колофоне желанном осели, — чрезмерные силой,
Всем показуя другим гордости тяжелой пример.
После того и оттуда уйдя, эолийскую Смирну
Взяли мы волей богов, Алент-реку перейдя.

7 (21)

Весть лишь дошла до царя, как свита его боевая
Вся устремилась вперед, дружно сплотивши щиты.

8 (23)

Не о такой его силе и храбрости мне говорили
Жившие раньше меня. Видели сами они,

Как пред собою густые ряды конеборных лидийцев
Гнал на Гермосских полях он, копьеносец лихой.
И не совсем недовольна бывала Паллада-Афина
Храбростью ярой его в час, как на лучших бойцов
Он устремлялся в кровавой сумятице боя в то время,
Как осыпали его горькие стрелы врагов.
Вряд ли тогда между всеми врагами его ты нашел бы
Мужа, который бы мог мощное дело войны
Лучше его направлять. Он носился, сияя как солнце...

МИМНЕРМ

Из поэмы О ПОХОДЕ АРГОНАВТОВ

9 (10)

Ввек не увез бы из Эи большого руна золотого
Собственной силой Ясон, трудный проделавши путь,
И, совершив для безбожного Пелия тягостный подвиг,
Ввек бы достигнуть не смог вместе с толпою друзей
Струй Океана прекрасных...

* * *

...У океанского берега, в твердыню Ээта. Покой в нем
Есть золотой, и лежат в этом покое лучи
Быстрого Гелия-бога. Туда-то Ясон и приехал...

10 (15)

...Вел пеонийских мужей, что славны породой коней.

МИМНЕРМ

РАЗНОЕ

11 (9)

Минет пора — и прекраснейший некогда муж пробуждает
Пренебрежение одно в детях своих и друзьях.

12 (11)

Если бы в мире прожить мне без тяжких забот и страданий
Лет шестьдесят, — а потом смерть бы послала судьба!

13 (12)

Душу свою услаждай. Одни из беспечных сограждан
Будут злословить тебя, но и похвалит иной.

14 (13)

Слава дурная о нем всюду идет меж людей.

СОЛОН

1 (3)

БЛАГОЗАКОНИЕ

Наша страна не погибнет вовеки по воле Зевеса
И по решению других присноблаженных богов.
Ибо хранитель такой, как благая Афина-Паллада,
Гордая грозным отцом, длани простерла над ней.
Но, уступая корысти, объятые силой безумья,
Граждане сами не прочь город великий ступить.
Кривдой полны и владыки народа, и им уготован
Жребий — снести много бед за своеволие свое.
Им непривычно спесивость обуздывать и, отдаваясь
10 Мирной усладе пиров, их в тишине проводить, —
Нет, под покровом деяний постыдных они богатеют
И, не щадя ничего, будь это храмов казна
Или народа добро, предаются, как тати, хищенью, —
Правды священной закон в пренебрежение у них!
Но, и молчанье храня, знает Правда, что есть и что было:
Пусть, хоть и поздно, за грех все-таки взыщет она!
Будет тот час для народа всего неизбежною раной,
К горькому рабству в полон быстро народ попадет!
Рабство ж пробудит от дремы и брань, и раздор межусобный:
20 Юности радостный цвет будет войной унесен.
Ведомо иго врагов: град любезный оно сокрушает
Через крамолу, — она неправдолюбцам любя!
Беды такие народу грозят, а среди неимущих
В землю чужую тогда мало ль несчастных пойдет,
Проданных в злую неволю, в позорные ввергнутых узы,
Дабы познали они рабства тяжелого гнет?
Так к дому каждого быстро идет всенародное горе,
Двери не в силах уже бега его задержать,
Через высокую стену оно перейдет и настигнет
30 Всюду, хотя б от него спрятался ты в тайнике.
Сердце велит мне афинян наставить в одном убеждение —
Что беззаконье грозит городу тучею бед,

Благозаконье же всюду являет порядок и стройность.
В силах оно наложить цепь на неправых людей,
Сгладить неровности, наглость унижить, ослабить кичливость,
Злого обмана цветы высушить вплоть до корней,
Выправить дел кривизну, и чрезмерную гордость умерить,
И разномыслия делам вместе с гневливой враждой
Быстрый конец положить навсегда, и тогда начинается
40 Всюду, где люди живут, разум с порядком царить.

СОЛОН

2 (1)

К МУЗАМ

Музы Пиерии, вас, светлых чад олимпийца Зевеса
И Мнемосины, молю просьб не отринуть моих!
Мне от блаженных богов вы даруйте достаток, от ближних —
Вечно, и ныне и впредь, доброю славой владеть,
Так чтобы сладостен был я друзьям, горек — вражьему сердцу,
И, чтимый другом своим, был бы грозой я врагу.
Я от богатства не прочь, только денег, добытых бесчестно,
Я не хочу: не избыть грозной расплаты потом!
Если достаток нам боги дают, пребывает незыблем
10 Он навсегда, от основ вплоть до вершины своей;
Если же люди дойдут до него чрез насилие, за ними
Он не по праву тогда и не по воле идет,
Но уступая неправде, и в нем злая гибель таится!
С искорки, как и огонь, гибель начало берет,
И, чуть затлевшись сперва, под конец она страшной бывает, —
Злого насилия делам срок небольшой уделен!
Смотрит Зевес за исходом всего, — он внезапен, подобно
Вешнему вихрю, что вмиг тучи сгоняет, сперва
20 Моря пустынного волны до дна всколебав и на берег
Бросив, чтоб смыли они пышную жатву с земли
Плодоносящей, и вот уже снова он к тверди небесной,
К трону несется богов, ясное небо открыв,
И над землей утучненной вновь яркого солнца сияет
Пламенный свет, и нигде туч не осталось следа.
Так же и Зевс совершает свой суд, только он не за каждый
Грех, что соделан пред ним, сразу карает, как мы...
Но от него не укрыться тому, кто преступен душою:
Будет и он наконец все же в грехе обличен!
30 Кто кару сразу несет, кто — позднее, а если от кары
Грешник уйдет и его божья не тронет рука,
Все же наступит расплата: невинные вины искупят,
Будь это дети его или же дети детей!

Мудр иль не мудр человек — все мы сходны в одном убежденье:
 Верим, что нам изменить наша не может мечта, —
 Верим, пока не нагрянет беда: тогда сетуем горько,
 Хоть и вверяли себя тщетной пред этим мечте!
 Если тяжелый больной, изнуряемый болезнью злою,
 Думает так про себя: «Завтра я буду здоров»;
 Если трусливый гадает соделаться доблестным мужем,
 40 И красотою блистать мнит, кто собой некрасив,
 То неимуший, страдая под бедности гнетом тяжелым,
 Мыслит, что все-таки он много богатств наживет.
 Люди то этак, то так свою волю пытаются... По морю,
 Полному рыбой, один смело блуждает с ладьей,
 Дабы вернуться к себе с добычей, и, всюду носимый
 Ветра порывом, своей вовсе души не щадит;
 Этот, лесистую землю взрывая, год целый над нею
 Бьется, служа в батраках, с плутом знакомый кривым;
 Тот, зная дело Гефеста-искусника или Афины,
 50 Тщится работой ручной средства себе раздобыть;
 Этот от Муз, что живут на Олимпе, дарами снабженный,
 С помощью их познает сладостной мудрости глубь;
 Этого царь Аполлон-дальновержец кудесником сделал,
 Может он людям проречь близость грядущей беды,
 Если сопутствуют боги ему... Но ни жертвы, ни птица
 Вещающая нас не спасут от неминуемой судьбы!
 Есть и врачи среди людей, что Пеана-целителя тайны
 Ведают, но и для них пользы от этого нет:
 Часто и малая боль вызывает большое страданье,
 60 И не ослабит его нежность лекарственных трав,
 Или же тот, кто томится под муками тяжелой болезни,
 Сразу здоровым встает от наложенья руки.
 Это — судьба смертным людям несет и печали и радость,
 И неизбывна для нас воля бессмертных богов!
 Вот почему в начинанье любом злые беды таятся,
 И неизвестно, какой делу положен конец!
 Часто, пытая удачу, возможность беды не предвидя,
 Мы попадаем в беду злую, где выхода нет.
 А неудачнику боги во всем посылают удачу
 70 Полную — выход простой из неразумья его.
 Но для людей и богатства границ не указано точных,
 И кто владеет казной, большей, чем прочие все,
 Жаждет удвоить ее: ибо досыта кто всех насытит?
 Средствами прибыль добыть смертных людей одарил
 Промысл бессмертных богов, но в богатстве и гибель таится, —
 Карой на тех иль других шлется от Зевса она.

СОЛОН ЖИЗНЕОТНОШЕНИЕ

3 (23)

Малый ребенок, еще несмышленьшем вырастив зубы,
Все их сменяет за срок первой седмицы годов.
Если ж седмицу вторую прожить ему боги дозволят,
Зрелости первой следы он начинает являть.
В третью седмицу хоть тело растет, но уже обрамляет
Щеки пушок, и затем кожа меняет свой цвет.
А за седмицы четвертой годá расцветает у мужа
Сила, — она для людей знаменье доблести их.
К пятой седмице пора, чтоб мужчина о браке подумал
И о рожденье детей, дабы потомство иметь.
В пору седмицы шестой укрепляется разум у мужа,
И необдуманных дел он уж не хочет свершать.
Но лишь в седьмую седмицу с восьмой вместе — будет в обеих
Ровно четырнадцать лет — ум расцветает и речь.
В пору ж седмицы девятой хоть муж и силен, но не могут
Разум и мудрость его с доблестью вровень стоять.
Если ж седмицы десятой семь лет отведут ему боги, —
В самую пору тогда смертная доля придет.

4 (6)

Много дурных богатеет, благие же в бедности страждут.
Но у дурных не возьмем их мы сокровищ в обмен
На добродетель, — она пребывает незыблемой вечно,
Деньги же вечно своих переменяют владык!

5 (18)

Столь же богаты и те, у кого серебро есть в запасе,
Золота груды, простор хлебом покрытых полей,
Кони и мулы, и те, кто в одном лишь имеет усладу,
В чреве, и в сне на боку, и в быстроте своих ног,
И, коль до этого дело дойдет, в том, чтоб тешиться цветом
Отрока или жены, — есть и на это пора!
Вот в чем богатство для смертных! А если кто ныне владеет
Денег избытком, его не унесет он в Аид,
И, хоть бы выкуп давал, не избегнет ни смерти, ни тяжкой
Хвори, и старости злой он не отсрочит приход!

6 (16)

Если пылает кто страстью, во цвете красы своей юной,
Бедр красотою прельщен, сладкою нежностью уст...

7 (24)

Милы теперь мне дела Афродиты, рожденной на Кипре,
И Диониса, и Муз — все, что людей веселит.

8 (17)

Счастлив, кто милых имеет детей и коней быstroногих,
Также охотничьих псов, гостя в чужой стороне.

9 (19)

Да и счастливым никто из людей не бывает, но жалки
Смертные все на земле — солнце кого только зрит.

10 (20)

Разума мерки нет ясной, ее очень трудно заметить,
Но лишь она всем делам точно пределы кладет.

11 (21)

Всюду бессмертных богов помышление неведомо людям.

СОЛОН

12 (2)

ВОЙНА ЗА САЛАМИН

С вестью я прибыл сюда от желанного всем Саламина,
Стройную песню сложив, здесь, вместо речи, спою.

* * *

Лучше бы мне позабыть об Афинах, оставить отчизну,
Лучше бы родиной мне звать Фолегандр и Сикини,
Чтобы за мною вослед худая молва не летела:
Вот он, из Аттики трус, вот саламинский беглец!

* * *

На Саламин! Поспешим и сразимся за остров желанный,
Чтобы с отчизны стряхнуть горький и тяжкий позор!

СОЛОН О СВОЕЙ РЕФОРМЕ

13 (4)

Да, понимаю, и в сердце глубоко кручина запала:
Виджу, как клонится ниц первая прежде страна
Меж ионийских земель.

* * *

Вы же в груди у себя успокойте могучее сердце:
Много досталось вам благ, ими пресытились вы.
Знайте же меру надменному духу: не то перестанем
Мы покоряться, и вам будет не по сердцу то.

14 (8)

Будет тогда лишь народ всего лучше идти за вождями,
Коль не живет без узды, не угнетен выпше сил.
От пресыщенья рождается надменность, коль средства большие
Людям приходят таким, меры не знает чей нрав.

15 (7)

Столько народу я власти вручил, сколько надобно было:
Чести его не лишив, лишней я не дал ему,
Но и о тех я подумал, кто силой владел и был славен
Деньгами, дабы они злых не вкусили обид.
Мощным щитом прикрывая и тех и других, не дозволил
Я ни одним, ни другим верх взять в неправо́й борьбе.

16 (29a, 29b)

«Нет, ни опытным, ни мудрым не был никогда Солон:
Божество ему давало много благ, но он не взял,
Радуюсь, он сеть закинул, только выгащить не мог.
Помутился его разум, был он мужества лишен.
А вот я, чтоб только властью и богатством завладеть
И тираном стать в Афинах на один всего денек,
Дал содрать с себя бы шкуру и весь род мой погубить».

.....
...Если землю пощадил

Я родную и тирана власть суровую не взял,
¹⁰ То свое тем самым имя не покрыл позором я,
И мне нечего стыдиться: так скорее всех людей
Я склоню к себе...

Те, что шли для расхищенья, шли, исполнены надежд,
 Мысля, что обрящет каждый изобилье всяких благ
 И что после мягкой речи покажу я жесткий нрав.
 Так они судили ложно, а теперь, душой гневясь,
 На меня косят очами, видя недруга во мне, —
 И напрасно: что сказал я, то, по милости богов,
 И свершил и зря не делал ничего — не по душе
 20 Мне насилье царской власти и чтоб в равной доле был
 Злой с хорошим при разделе тучных родины полей.

17 (30)

Из целей, ради коих я народ собрал,
 Какой не выполнив, с себя сложил я власть?
 Пред времени судом в том лучшем послухом
 В том будет из богов, Олимпа жителей,
 Бог величайший, мать их, Гея черная,
 Рабыня раньше, ныне же свободная,
 Столпы я с коей снял, в ней водруженные.
 На родину, в Афины богозданные,
 Вернул я многих, в рабство злое проданных
 10 И незаконно, и законно... С ними же
 Вернул и тех, кто, от нужды в бега уйдя,
 Язык аттический забыл, став странником...
 И тем, кто рабство здесь влачил позорное,
 На произвол владык взирая с трепетом,
 Свобода мной дана... Я, властью пользуясь,
 Свершил все это и обет свой выполнил,
 Соединивши вкупе силу с правдою...
 Для злых и благостных законы равные
 Я начертал, для всех введя суд праведный...
 20 Но если б муж другой, любостыжательный
 И зло замысливший, кормило в руки взял,
 Он не сдержал бы чернь! Ведь захоти я сам
 Того, что жаждали народа вороги,
 Или того, что им враги готовили,
 Сограждан многих бы лишился город наш!
 Вот почему, от всех обороняясь,
 Кружился я, как волк средь стаи лютых псов...

18 (31)

Народ коль нужно прямо порицать, скажу:
 Чем ныне обладают, никогда того
 Не видели б глазами и во сне...
 А кто знатней и с большей силой, должен бы
 Меня хвалить и другом сделать бы своим.

* * *

Народа б не сдержал и не отстал бы сам,
Пока не сбил бы масла, снявши молоко.
А я ж меж ними, как на спорном поле столб,
Встал на меже.

СОЛОН
ПРОТИВ ЕДИНОВЛАСТИЯ

19 (12)

Хмурая туча дождем проливается или же градом;
Пламенной молнии блеск в громе находит ответ.
А от великих людей гибнет город, и к единойдержцу
В плен попадает народ, если в нем разума нет.
Кто вознесется превыше других, нелегко того будет
После сдержать, — обо всем надо размыслить сейчас!

20 (15)

Коли беда вас постигла по слабости вашей постыдной,
То и богов обвинять нечего вам за нее.
Сами ведь этих людей вы усилили, дав им защиту,
И получили за то рабство лихое в удел.
Каждый из вас в одиночку лисиною поступью ходит,
Вместе же всех коль возьмешь, разумом слабы совсем.
Вы на язык лишь глядите и речи лукавого мужа,
Но не глядите совсем, что происходит кругом.

СОЛОН
21 (26)
МИМНЕРМУ

Если совет мой послушать ты хочешь, то выкини слово
И не сердись, что я стих лучше придумал, чем ты,
Но переделай его, сладкопеец, и так пой отныне:
«Лишь на десятке восьмом смерть да подходит ко мне!»

СОЛОН
22 (11)
ФИЛОКИПРУ, ЦАРЮ КИПРА

Ныне ты здесь, над солийцами царствуя долгие годы,
В городе сем обитай средь поколений своих.

Мне же Киприда да даст, что в венце из фиалок сияет,
С острова славного плыть здоровым на быстрой ладье.
За устроенье же града мне милость с великою славой
Да ниспошлет и возврат в землю родную мою.

СОЛОН

ПИРУШКА

23 (32)

Там пьют они, и кто из них печеньеице,
Кто хлеб жует, лепешек с чечевицей смесь —
Другие. Там в пирожных недостатка нет
Во всяких. Словом, то, что черная земля
Приносит людям, — все там в изобилие есть.

24 (33)

Спешит один со ступкой, с сильфием другой,
Кто с уксусом.

25 (34)

Другой несет гранатных зерен, тот кунжут.

СОЛОН

РАЗНОЕ

26 (13)

Ветром волнуется море, когда же ничто не волнует
Глади морской, тогда нет тише ее ничего.

27 (35)

Властям покорствуй — хочешь ты иль нет.

МАРГИТ

1 (1)

Старец пришел в Колофон, божественный песен слагатель,
Верный Музам слуга и далекоразящему Фебу.
Держал в руках он лиру благозвучную.

2 (2)

Не дали боги ему быть пахарем иль землекопом,
Или другого искусства; в ремеслах был всяких несведущ.

3 (3)

Много он знал разных дел, но все одинаково плохо.

4 (7, ст. 8 — 9)

Теплое ложе оставив, поднялся он стремительно...
И дверь открыл, и выскочил наружу.

5*

...Однажды так Геракл...
...В ночь, как впервые сошелся...

СУСАРИОН

1 (1)

Внимайте, люди, говорит Сусарион,
Из Триподиска он, Филина сын мегарского:
Все жены — зло; однако, о сограждане,
Нельзя жить домом, избежав зла этого.
Жениться ль, не жениться — все одна беда.

ФЕОГНИД ЭЛЕГИИ

Сын Кронида, владыка, рожденный Лето! Ни в начале
Песни моей, ни в конце я не забуду тебя.
Первого буду тебя, и последнего, и в середине
Петь я, а ты преклони слух свой и благо мне дай!

Феб-Аполлон — повелитель, прекраснейший между богами!
Только лишь на свет тебя мать-Лето родила
Близ круговидного озера, пальму обнявши руками, —
Как амвросический вдруг запах широко залил
Делос бескрайний. Земля-великанша светло засмеялась,
¹⁰ Радостный трепет объял море до самых глубин.

Зевсова дочь, Артемида-охотница! Ты, что Атридом
Жертвой была почтена в час, как на Трою он шел, —
Жарким молениям внимли, охрани от напастей! Тебе ведь

* Из отрывка, опубликованного в 59-м томе Оксиринхских папирусов (1992), № 3964.

Это легко, для меня ж очень немалая вещь.
Зевсовы дщери, Хариты и Музы! На Кадмовой свадьбе
Слово прекрасное вы некогда спели ему:
«Все, что прекрасно, то мило, а что не прекрасно — немило».
Не человечесьи уста эти слова изрекли.
Кирн! Мои поученья тебе да отмечены будут
20 Прочно печатью моей. Их не украдет никто,
Худшим никто не подменит хорошего, что написал я,
Буду везде говорить: «Это сказал Феогнид,
Славный повсюду меж всеми людьми, Феогнид из Мегары».
Но не могу я никак гражданам нравиться всем.
Этому, Полипайд, не дивись: и владыка Кронион,
Вёдро давая иль дождь, может ли всем угодить?

С умислом добрым тебя обучу я тому, что и сам я,
Кирн, от хороших людей малым ребенком узнал.
Будь благомыслен, достоинств, почета себе и богатства
30 Не добивайся кривым или позорным путем.
Вот что заметь хорошенько себе: не завязывай дружбы
С злыми людьми, но всегда ближе к хорошим держись.
С этими пищу дели и питье, и сиди только с ними,
И одобренья ищи тех, кто душою велик.
От благородных и сам благородные вещи узнаешь,
С злыми погубишь и тот разум, что есть у тебя.
Помни же это и с добрыми знайся, — когда-нибудь сам ты
Скажешь: «Советы друзьям были не плохи его!»

Город беременен наш, но боюсь я, чтоб им порожденный
40 Муж дерзновенный не стал грозных восстаний вождем,
Благоразумны пока еще граждане эти, но очень
Близки к тому их вожди, чтобы в разнузданность впасть.
Люди хорошие, Кирн, никогда государств не губили.
То негодяи, простор наглости давши своей,
Дух развращают народа и судьями самых бесчестных
Делают, лишь бы самим пользу и власть получить.
Пусть еще в полной пока тишине наш покоится город, —
Верь мне, недолго она в городе может царить,
Где нехорошие люди к тому начинают стремиться,
50 Чтоб из народных страстей пользу себе извлекать.
Ибо отсюда — восстанья, гражданские войны, убийства,
Также монархи, — от них обереги нас, судьба!

Город наш все еще город, о Кирн, но уж люди другие.
Кто ни законов досель, ни правосудья не знал,
Кто одевал себе тело изношенным мехом козлиным
И за стеной городской пасся, как дикий олень, —
Сделался знатным отныне. А люди, что знатными были,
Низкими стали. Ну, кто б все это вытерпеть мог?

Лжет гражданин гражданину, и все друг над другом смеются,
 60 Знаться не хочет никто с мнением ни добрых, ни злых.
 Кирн, не завязывай искренней дружбы ни с кем из тех граждан,
 Сколько бы выгод тебе этот союз ни сулил.
 Всячески всем на словах им старайся представиться другом,
 Важных же дел никаких не начинай ни с одним.
 Ибо, начавши, узнаешь ты душу людей этих жалких,
 Как ненадежны они в деле бывают любом.
 По сердцу им только ложь, да обманы, да хитрые козни,
 Как для людей, что не ждут больше спасенья себе.

К низким людям, о Кирн, никогда не иди за советом,
 70 Раз собираешься ты важное дело начать.
 Лишь к благородным иди, если даже для этого нужно
 Много трудов перенести и издалека прийти.
 Также не всякого друга в свои посвящай начинанья:
 Много друзей, но из них мало кто верен душой.

Дело задумав большое, умей доверяться немногим,
 Иначе будет, о Кирн, непоправима беда.
 Не дорожи серебром или золотом. Верные люди
 Стоят дороже, о Кирн, в жизненной тяжкой борьбе.

Полипайд мой! Немного найдешь ты товарищей в мире,
 80 Кто бы в труднейших делах верен остался тебе,
 Кто беззаветно и смело, душою душе откликаясь,
 Счастье и горе с тобой был бы готов разделить.
 Если бы даже весь мир обыскать, то легко и свободно
 Лишь на одном корабле все уместиться б могли
 Люди, которых глаза и язык о стыде не забыли,
 Кто бы, где выгода ждет, подлостей делать не стал.

Что мне в любви на словах, если в сердце и в мыслях иное!
 Любишь ли, друг мой, меня? Верно ли сердце твое?
 Или люби меня с чистой душою, иль, честно отрекшись,
 90 Стань мне врагом и вражду выкажи прямо свою.
 Кто ж, при одном языке, два сердца имеет, — товарищ
 Страшный, о Кирн мой! Таких лучше врагами иметь.

Если тебя человек восхваляет, пока на глазах он,
 А удалясь, о тебе речи дурные ведет, —
 Неблагородный тот друг и товарищ: приятное слово
 Только язык говорит, — мысли ж иные в уме.
 Другом да будет мне тот, кто характер товарища знает
 И переносит его, как бы он ни был тяжел,
 С братской любовью. Мой друг, хорошенько все это обдумай,
 100 Вспомнишь ты позже не раз эти советы мои.

Кто тебе стал бы советовать с низким дружить человеком?
 Выгоды нет никакой в дружбе с плохими людьми.
 В тяжких страданиях, в несчастье к тебе не придет он на помощь
 И не захочет ничем добрым делиться с тобой.
 Низкому сделав добро, благодарности ждать за услугу —
 То же, что семя бросать в белые борозды волн.
 Если глубокое море засеешь, посева не снимешь;
 Делая доброе злым, сам не дождешься добра.
 Ибо душа ненасытна у них. Хоть разок их обидел,
 110 Прежнюю дружбу тотчас всю забывают они.
 Добрые ж все принимают от нас как великое благо,
 Добрые помнят дела и благодарны за них.

Между дурными людьми никогда не ищи себе друга.
 Гавань плохая они. Мимо свой путь направляй.

Милых товарищей много найдешь за питьем и едою.
 Важное дело начнешь — где они? Нет никого!

Самое трудное в мире, о Кирн мой, узнать человека
 Лживого. Больше всего здесь осторожность нужна.

120 Золото ль, Кирн, серебро ли фальшиво — беда небольшая,
 Да и сумеет всегда умный подделку узнать.
 Если ж душа человека, которого другом зовем мы,
 Лжива и прячет в груди сердце коварное он, —
 Самым обманчивым это соделали боги для смертных,
 И убеждаться в такой лжи нам всего тяжелей.
 Душу узнаешь — мужчины ли, женщины ль — только тогда ты,
 Как испытываешь ее, словно вола под ярмом.
 Это не то что в амбар свой зайти и запасы измерить.
 Очень нередко людей видимость вводит в обман.

130 Полипайд! Не молись, чтоб тебе выдаваться богатством
 Иль добродетелью, — нет! Только бы счастье иметь!

Нет ничего в этом мире отца или матери лучше,
 Если священная в них, Кирн, справедливость живет.
 Кирн! Не сам человек — творец своей жизненной доли.
 Счастье и бедствия шлют боги-податели нам.
 Знает ли кто из людей, устремляясь к задуманной цели,
 Что достижение даст, благо иль тяжкое зло?
 Часто мы думаем зло сотворить — и добро совершаем;
 Думаем сделать добро — зло причиняем взамен.
 140 И никогда не сбывается то, чего смертный желает,
 Жалко-беспомощен он, силы ничтожны его.
 Тщетно мы, люди, гадаем и ждем. Ничего мы не знаем.
 Все совершается так, как порешит божество.

Кто обманул о защите молящего или же гостя,
Скрыться не мог от богов, Полипайд, никогда.

Лучше прожить с невеликим достатком, блюдя благочестье,
Чем достоянием большим несправедливо владеть.
Всю целиком добродетель вмещает в себе справедливость.
Если ты, Кирн, справедлив, — весь и вполне ты хорош.

150 И нехороших людей божество одаряет богатством,
Но добродетель, о Кирн, — только немногих удел.
Гордость — первейшее зло, которым разят человека
Боги, решив из-под ног почву отнять у него.

Если владеет богатством большим человек нехороший,
С глупым, неладным умом, — гордость родит оно в нем.

Бедностью, дух разрушающей, иль ницетою злосчастной
Не попрекай никого, как бы ни гневался ты.
Зевс то сюда наклоняет весы, то туда и сегодня
Людям богатство дает, завтра лишает всего.

160 Самонадеянных слов избегай: не дано человеку
Знать, что готовит ему день приходящий и ночь.

Многие разумом низки и скорбны, но счастье везет им.
То, что казалось бедой, им лишь на пользу идет.
Есть же другие, — умом хоть богаты, но бедны удачей.
И не венчает у них дела успешный конец.

Нет никого между смертных, кто был бы блажен иль несчастлив,
Был бы хорош или зол без изволения богов.

Разное горе у разных людей. Но на скольких ни смотрит
Солнце, счастливого нет между людей никого.

170 Раз ты богами любим, то тебя и насмешник похвалит.
Как ни тянись, ничего сам ты не сможешь достичь.

Жарко бессмертным молись: у бессмертных вся сила над миром,
Всякое зло и добро к людям приходит чрез них.

Доброго мужа ужасней всего ницета укрощает;
Старость седая, озноб менее страшны, о Кирн!

Чтоб ницеты избежать, и в глубокую бездну морскую
Броситься стоит, и вниз, в пропасть, с высокой скалы!
Каждый, кого ницета поразила, ни делать не может,
Ни говорить ничего: связан язык у него.

Всюду, о Кирн, по земле и по шире бескрайнего моря,
180 Нужно из тяжелой искать бедности выхода нам.
Лучше, мой Кирн дорогой, умереть бедняку, чем в страданиях
Жизнь на земле проводить, в тяжелой томясь нищете.

Кирн! Выбираем себе лошадей мы, ослов и баранов
Доброй породы, следим, чтобы давали приплод
Лучшие пары. А замуж ничуть не колеблется лучший
Низкую женщину брать, только б с деньгами была!
Женина также охотно выходит за низкого мужа,
Был бы богат! Для нее это важнее всего.
Деньги в почете всеобщем. Богатство смешало породы.
190 Знатные, низкие — все женятся между собой.
Полипаид, не дивись же тому, что порода сограждан
Все ухудшается: кровь перемешалась в ней.

Знает и сам, что из рода плохого она, и, однако,
Льстясь на богатство ее, в дом ее вводит к себе, —
Низкую знатный. К тому принуждаются люди могучей
Необходимостью: дух всем умирят она.

Если от Зевса богат человек, справедливо и чисто
Ставши богатым, тогда прочно богатство его.
Если ж, стяжательный духом, несправедно он и случайно
200 Или же ложно клянясь, средства свои приобрел, —
Сразу как будто и выгода есть, но в конце торжествует
Разум богов и бедой делает счастье его.
Вот что, однако, сбивает людей: человеку не тотчас
Боги блаженные мстят за преступления его.
Правда, бывает, и сам он поплатится тяжело за грех свой,
И наказание не ждет милых потомков его,
Но иногда беспощадная смерть, приносящая гибель,
Веки смыкает ему раньше, чем кара придет.
Нет у изгнанника милых друзей и товарищей верных.
210 Это в изгнанье больней даже, чем ссылка сама.

Вредно вином упиваться сверх меры. Но ежели люди
С разумом пьют, — от вина польза одна, а не вред.

Каждому другу, о Кирн мой, характер выказывай разный,
Приноровляя свой нрав собственный к праву его.
Пусть образцом тебе будет полип многохитрый: к какому
Камню прилепится он, вид он и примет того.
Нынче с одною являйся окраской, а завтра с другою.
Высшая мудрость гласит: приспособляйся, о Кирн!

Не возмущайся чрезмерно жестокою смутой сограждан,
220 Милый мой Кирн, и иди средней дорогой, как я.

Тот, кто уверен, что ближний понять ничего не способен,
 Что лишь один из всех он на все руки горазд, —
 Непроходимый глупец, повредившийся в добром рассудке.
 Право же, все мы равно многое можем свершить.
 Только один не желает последовать зову корысти,
 А у другого душа к козням коварным лежит.
 233 Для легкомысленной черни твердынею служит и башней
 Муж благородный, и все ж чести так мало ему!
 Дал я крылья тебе, и на них высоко и свободно
 Ты полетишь над землею и над простором морей,
 Будешь присутствовать ты на пирах и на празднествах пышных,
 240 Славное имя твое будет у всех на устах.
 Милые юноши в пышных нарядах красиво и звонко
 Будут под звуки тебя маленьких флейт воспевать,
 Ясно звучащих. Когда же сойдешь ты в жилище Аида,
 В мрачные недра земли, полные стонов и слез, —
 Слава твоя не исчезнет, о Кири, и по смерти, но вечно
 В памяти будет людской имя храниться твое.
 Ты по Элладе по всей пронесешься, бесплодное море,
 Полное рыб, перейдешь, все острова посетишь.
 И не на спинах коней ты поедешь, — фиалковенчаных
 250 Муз сладкогласных дары всюду тебя понесут.
 Всем, кому дороги песни, кому они дороги будут,
 Будешь знаком ты, пока солнце стоит и земля.
 А между тем от тебя и следа я не вижу почета.
 Будто мальчишку, меня словом ты вводишь в обман.

 Лучше всего — справедливость; желанней всего быть здоровым.
 Вещь же приятнее всех, — чтобы желание сбылось.
 Я — скаковая, прекрасная лошадь, но плох безнадежно
 Правящий мною ездок. Это всего мне больней.
 О, как мне часто хотелось бежать, оборвавши поводья,
 260 Сбросив внезапно с себя наземь того седока!

 273 Вот что, поверь мне, ужасней всего для людей, — тяжелее
 Всяких болезней для них, даже и смерти самой:
 После того как детей воспитал ты, все нужное дал им
 И накопил сколько мог, много понесши трудов, —
 Дети отца ненавидят и смерти отцовской желают,
 Смотрят с враждой на него, словно к ним нищий вошел.

 Что справедливо, что нет — не ведают низкие люди,
 280 Страха не знают совсем, кары не ждут впереди:
 Несколько первых шагов неуклюже пройдут — и довольны:
 Думают: все хорошо, все превосходно у них.

 Ныне несчастья добрых становятся благом для низких
 290 Граждан; законы теперь странные всюду царят:

Совести в душах людей не ищи; лишь бесстыдство и наглость,
Правду победно поправ, всею владеют землей.

Даже и льву не всегда пообедать приходится мясом.
Как ни могуч он, нужду все-таки знает и лев.

Кто болталив, для того молчанье — великая тягость,
Без толку он говорит — сразу заметит любой.

Все ненавидят его. И если с таким человеком

298 Рядом сидишь на пиру — это несчастье, поверь.

305 Люди дурные не все на свет явились дурными.

Нет, с дурными людьми многие в дружбу вступив,
Наглости, низким делам, проклятьям от них научились,
Веря, что все говорят сущую правду всегда.

313 Если безумствуют люди, я тоже безумствую с ними,
Меж справедливых людей всех справедливее я.

Множество низких богато, и в бедности много достойных.

Все же у подлых людей мы бы не стали менять

Качества наши на деньги. Надежна всегда добродетель,

Деньги же нынче один, завтра другой загребет.

Кирн, благородный везде сохраняет присутствие духа,

320 Плохо ль ему, хорошо ль — держится стойко всегда.

Если же бог негодяю довольство пошлет и богатство,

Этот, лишившись ума, явит негодность свою.

329 Быстрого умный догонит, не будучи вовсе проворным.

Кирн, помогает ему суд справедливый богов.

Так же спокойно, как я, иди посредине дороги,

Кирн, не заботься о том, где остальные пройдут.

335 Кирн, ни в чем не усердствуй. Во всем выбирай середину.

Тот же увидишь успех, что и трудясь тяжело.

341 Вовремя, Зевс-Олимпиец, мою исполни молитву,

Вместо несчастий, молю, дай мне отведать добра.

Если конца не найду своим тяжелым заботам,

Пусть я погибну, но пусть горем за горе воздам,

Было бы это по праву. Но вот не приходит расплата

С теми, кто деньги мои силой похитить посмел.

Я же подобен собаке, поток переплывшей в ущелье,

Сбросил я в бурную хлябь все достоянье свое.

350 Пить бы их черную кровь! И пусть божество бы смотрело

Доброе, то, что моим чаяньям сбыться дало.

Бедность проклятая! Что ты так цепко ко мне привязалась?

Что же к другим не идешь? Что так взлюбила меня?

- Ну же, иди, посети и жилище другого и вечно
С нами делить перестань эту несчастную жизнь!
- 355 Кири, будь стоек в беде. Ведь знал же ты лучшее время.
Было ведь так, что судьба счастье бросала тебе.
Что ж, коль удача — увы! — обернулась бедой, не робей
Силься, молитву творя, всплыть на поверхность опять.
Слишком с бедой не носись. Немногих заступников същещь,
360 Если несчастья свои выставишь всем напоказ.
- Кири! При великом несчастье слабеет душа человека,
Если ж отместить удалось, снова он крепнет душой.
- 367 Мыслей сограждан моих уловить я никак не умею:
Зло ли творю иль добро — все неуютен я им.
И благородный и низкий бранят меня с равным усердьем,
370 Но из глупцов этих мне не подражает никто.
- 373 Милый Зевс! Удивляюсь тебе я; всему ты владыка,
Все почитают тебя, сила твоя велика,
Перед тобою открыты и души и помыслы смертных,
Высшею властью над всем ты обладаешь, о царь!
Как же, Кронид, допускает душа твоя, чтоб нечестивцы
Участь имели одну с теми, кто правду блюдет,
Чтобы равны тебе были разумный душой и надменный,
380 В несправедливых делах жизнь проводящий свою?
В жизни бессмертными нам ничего не указано точно,
И неизвестен нам путь, как божеству угодить.
- 407 Лучший мой друг! Погрешил ты. А я — я ни в чем не виновен.
Сам к нехорошему ты этому мненью пришел.
- 413 Сколько б ни пил я, но так не упьюсь я, до этого пьяный,
Я не дойду, чтоб сказать страшное что про тебя!
- 421 Двери у многих людей к языку не прилажены плотно,
Даже малейший пустяк трогает этих людей.
Часто, внутри оставаясь, дурное становится лучше,
Выйдя наружу, добро хуже становится зла.
- Лучшая доля для смертных — на свет никогда не родиться
И никогда не видать яркого солнца лучей.
Если ж родился, войти поскорее в ворота Аида
И глубоко под землей в темной могиле лежать.
- Смертного легче родить и вскормить, чем вложить ему в душу
430 Дух благородный. Никто изобрести не сумел,
Как благородными делать дурных и разумными глупых.

- Если бы нашим врачам способы бог указал,
 Как исцелять у людей их пороки и вредные мысли,
 Много бы выпало им очень великих наград.
 Если б умели мы разум создать и вложить в человека,
 То у хороших отцов злых не бывало б детей:
 Речи разумные их убеждали б. Однако на деле
 438 Как ни учи, из дурных добрых людей не создашь.
- 447 Если омыгъ пожелаешь меня, то увидишь, какою
 Чистой, прозрачной вода будет бежать с головы.
 В деле найдешь ты любом, что с червонным я золотом сходен,
 450 Красный имеющим цвет, если потрешь о брусок.
 Ржавчины черной иль грязи на теле его не увидишь,
 Чистым и ясным оно цветом нетленным цветет.
- 457 Нет, не подходит жена молодая для старого мужа!
 Мало послушной рулю эта бывает ладья.
 Также и якорь не держит ее: оборвавши канаты,
 Рада зайти ночевать в гавань чужую она.
- Не заставляй никого против воли у нас оставаться,
 Не заставляй уходить, кто не желает того,
 И не буди, Симонид мой, заснувших из нас, кто упился
 470 Крепким вином и теперь сладким покоится сном.
 Тех же, кто бодрствует, спать не укладывай против желанья.
 Нет никого, кто б любил, чтоб принуждали его.
 Если же хочет кто пить, наливай ему полную чашу.
 Радость такую иметь можно не каждую ночь.
 Что ж до меня, то вина медосладкого пил я довольно
 И отправляюсь домой вспомнить о сладостном сне.
 Пить прекращаю, когда от вина наибольшая радость.
 Трезвым я быть не люблю, но и сверх меры не пью.
 Тот же, кто всякую меру в питье переходит, не властен
 480 Ни над своим языком, ни над рассудком своим,
 Речи срамные ведет, за которые трезвый краснеет,
 Дел не стыдится своих, совесть вином замутив.
 Прежде разумный, теперь он становится глупым. Об этом
 Помни всегда и вина больше чем нужно не пей.
 Из-за стола поднимайся, пока допьяна не напился,
 Чтоб не блевать за столом, словно поденщик иль раб.
 Или сиди и не пей. А ты, передышки не зная,
 Только твердишь: «Наливай!» Вот отчего ты и пьян.
 То за любовь, то для спора, то в честь небожителей выпьешь,
 490 То потому, что с вином чаша стоит под рукой.
 «Нет» же сказать не умеешь. Совсем для тебя недостижен
 Тот, кто и много хоть пьет, но не теряет ума.
 Добрые речи ведите, за чашей веселою сидя,
 И избегайте душой всяческих ссор и обид.

Пусть и застольные песни звучат — в одиночку и хором.
Так вот бывают для всех очень приятны пиры.

Легок становится мыслью любой человек, если выпьет
498 Больше, чем нужно, вина — глуп ли он был иль умен.
503 Как тяжело в голове, Ономакрит! Вино беспощадно
Одолевает меня, и языком уж своим
Я не владею, и стены кружатся. Но дай попыткаюсь
Встану — ударит ли мне также и в ноги вино?
В разум — ударит ли? Очень я в сердце боюсь, чтобы пьяным
Глупостей мне не свершить и не наделать беды.
Злом становится хмель, если выпито много. Но если
510 Пить разумно вино — благо оно, а не зло.

Вот и пришел ты, Клеарист, проплыв глубокое море,
К тем, у кого ни гроша, бедный мой, сам без гроша.
Мы под скамью корабля у борта положим, Клеарист,
Все, что осталось у нас, все, что нам боги дают.
Самое лучшее мы принесем. И если увидишь
Друга, поведай ему, что за друзья у тебя.
Прятать не стану того, что есть у меня, и не стану
Ради приезда гостей большего где-то искать.
Если же спросят тебя, хорошо ли живу, то скажи им:
520 Плохо — с богатым сравнить, с бедным сравнить — хорошо.
Гостя нашей семьи одного принять я сумею.
Если же больше гостей, всех одарить не смогу.

Не предавал никогда я друзей и товарищей верных.
530 В духе свободном моем рабского нет ничего.

Милое сердце теплом у меня наполняется, только
Сладкий услышу напев нежно-тоскующих флейт.
Любо мне пить беззаботно и петь свои песни под флейту,
Любо мне также держать звучную лиру в руках.

537 Ни гиацинтов, ни роз не дождешься от лука морского;
Также свободных детей не ожидай от рабынь.

541 Полипайд, я боюсь, что надменность погубит наш город,
Как погубила уже хищных кентавров она.

549 Вестник безмолвный, мой Кирн, войну возвещает и слезы.
Он на вершине горы, видно его далеко.
Ну-ка, давайте скорей коней бысролетных взнуздаем,
Выйти навстречу как враг людям я этим хочу.
Очень мало расстояние. Они его скоро покроют,
Если сужденьям моим правда богами дана.

- 581 Мне ненавистны жена-непоседа и муж ненасытный,
Любящий плугом своим пашню чужую пахать.
- 607 Есть поначалу во лжи какая-то польза. В итоге
Страшным позором она, злом для обеих сторон
Быстро становится. Тем, кто живет за спиною обмана,
Тем, кто однажды солгал, блага уже не видать.
- Ближних нетрудно ругнуть, и нетрудно себя возвеличить.
Низкие люди всегда так поступают, о Кирн!
Люди дурные молчать не желают и злое болтают,
614 Добрые люди во всем меру умеют блюсти.
- 617 То, чего хочется людям, сбывается в жизни нечасто,
Ибо во много мы раз ниже бессмертных богов.
- 625 Трудно разумному долгий вести разговор с дураками.
Но и все время молчать — сверх человеческих сил.
- 643 Много за чашей вина обретишь ты товарищей милых,
В деле серьезном — увы! — мало находится их.
- 647 Ныне давно уже нет никакого стыда в человеке.
Только бесстыдство одно бродит по нашей земле.
- Бедность проклятая! Как тяжело ты ложишься на плечи!
Как развращаешь зараз тело и душу мою!
Я так люблю красоту, благородство, — а ты против воли
Учишь насильно меня низость любить и позор!
- Слишком в беде не горюй и не радуйся слишком при счастье:
654 То и другое умеи доблестно в сердце нести.
- Клясться не следует в том, что что-то вовек не случится.
660 Это богов разозлит, властны они над концом.
Делай дело свое. Беда обращается в благо,
Благо выходит бедой. Смотришь — последний бедняк
Вдруг богатеет, а тот, кто средства имеет большие,
Их за одну только ночь сразу теряет порой.
Умный подчас ошибется, глупец же поступит разумно,
Или почетное вдруг место получит подлец.
- Если бы я, Симонид, богатство сберег, то, конечно,
Так бы не мучился я в обществе добрых людей.
Гибнет богатство мое у меня на глазах, и молчу я,
670 Бедностью скован, хотя вовсе не хуже других
Знаю, ради чего понеслись мы в открытое море,
В черную канули ночь, крылья ветрил опустив.
Волны с обеих сторон захлестывают, но отчерпать

Воду они не хотят. Право, спастись нелегко!
 Этого им еще мало. Они отстранили от дела
 Доброго кормчего, тот править умел кораблем;
 Силой деньги берут, загублен всякий порядок,
 Больше теперь ни в чем равного нет дележа,
 Грузчики стали у власти, негодные выше достойных.
 680 Очень боюсь, что корабль ринут в пучину валы.
 Вот какую загадку я гражданам задал достойным,
 Может и низкий понять, если достанет ума.

Знания нет у одних, но есть богатство. Другие,
 Мучась тяжелой нуждой, благо стремятся найти.

К делу и эти и те равно неспособны, однако:
 Деньги мешают одним, разум — помеха другим.
 687 Смертному против бессмертных богов невозможно бороться
 Или же в тяжбу вступать: этого нам не дано.

695 Сердце! Не в силах тебе я доставить, чего ты желаешь.
 Нужно терпеть: красоты хочешь не ты лишь одно.

Если дела у меня хороши, то друзей сколько хочешь;
 698 Если случится беда, мало кто верность хранит.

743 Или еще, о владыка богов: справедливо ли это,
 Что справедливейший муж, чуждый неправедных дел,
 Не совершивший греха и обманчивых клятв не дававший,
 Должен так часто терпеть незаслуженную скорбь?
 Кто же, о, кто же из смертных, взирая на все это, сможет
 Вечных богов почитать? Что перечувствует он,
 Видя, как злой человек, человек, что не ведает страха
 750 Ни перед гневом людей, ни перед гневом богов,
 Гордый, кичится надменно богатством безмерным, а честный
 В бедности жалкой влачит темные, тяжкие дни?
 Это познавши, мой милый товарищ, живи справедливо,
 Благоразумной душой дел нечестивых беги,
 Не забывай никогда о словах моих. Время настанет,
 Будешь ты рад, что внимал мудрым советам моим.

Зевс, живущий в эфире, пусть держит над городом этим
 К нашему благу всегда правую руку свою.
 Пусть охраняют нас и другие блаженные боги.
 760 Ты же, о бог Аполлон, ум наш исправь и язык.
 Пусть форминга и флейта священный напев заиграют,
 Мы же, во славу богов должный исполнив обряд,
 Пить вино и вести приятные всем разговоры
 Будем, ничуть не боясь мидян, идущих войной.
 Самое лучшее это: с веселой, довольной душою

Быть в стороне от забот, в радостях жизнь проводить,
Мысли подальше отбросив о том, что несчастная старость,
Страшные Керы и смерть всех поджидают в конце.

Вестник муз и слуга, особое знание имея,
770 Мудрость не должен свою только себе оставлять.
Он обязан еще искать, показывать, делать.
Что в нем за прок, если он прячет свое мастерство?

Благоволя к Алкофою, Пелопову славному сыну,
Сам ты, о Феб, укрепил город возвышенный наш.
Сам же от нас отрази и надменные полчища мидян,
Чтобы с приходом весны граждане наши могли
С радостным духом во славу тебе посылать гекатомбы
И, твой алтарь окружив, душу свою услаждать
780 Кликами, пеньем пеанов, пирами, кифарным бряцаньем.
Страх мою душу берет, как погляжу я крутом
На безрассудства, и распри, и войны гражданские греков.
Милостив будь, Аполлон, город от бед защити!

Некогда быть самому мне пришлось и в земле Сикелийской,
И виноградники я видел Евбейских равнин,
В Спарте блестящей я жил, над Евротом, заросшим осокой;
Люди любили меня всюду, где я ни бывал;
Радости мне ни малейшей, однако, они не давали:
Всюду рвался я душой к милой отчизне моей.

Пусть никогда у меня другой не будет заботы:
790 Доблесть и мудрость — о них думать хочу я всегда.
Только бы мне наслаждаться формингою, пляскою, пеньем,
Только бы ясность ума в радостях мне сохранять.

801 Не было, нет и не будет вовек человека такого,
Кто бы в Аид низошел, всем на земле угодив.
Даже и Зевс, повелитель бессмертных и смертных, не может
Действовать так, чтоб зараз людям понравиться всем.

811 То, что случилось со мной, с одной только смертью сравнится.
Все остальное, поверь, менее страшно, о Кири:
Предали подло меня друзья. С врагами поближе
Я сойду, чтоб узнать, что же за люди они.

821 В ком уважения нет к своим родителям старым,
Право же, тот человек стоит немногого, Кири.

825 Как же дерзаете вы распевать беззаботно под флейту?
Ведь уж граница страны с площади нашей видна!
Кормит плодами родная земля. Вы ж пируете праздно
В пурпурных ваших венках на волосах золотых!

- 830 Скиф! Пробудись, волоса остриги и покончи с пирами!
Пусть тебя болью пронзит гибель душистых полей!
- 833 К гибели, к воронам все наше дело идет! Но пред нами,
Кири, из блаженных богов здесь не виновен никто:
В бедствия нас из великого счастья повергли насилье,
836 Низкая жадность людей, гордость надменная их.
- 847 Крепко пятою топчи пустодушный народ, беспощадно
Острою палкой коли, тяжким ярмом придави!
Верно, народа с подобной любовью к тиранам ни разу
850 Не доводилось еще солнцу видать на земле.
- 853 Я уж давно это знал, а теперь еще лучше изведаль,
Что благодарности нет в сердце у низких людей.
- 855 Как уже часто наш город, ведомый дурными вождями,
Словно разбитый корабль, к суше причалить спешил!
- 873 Ни восхвалять, о вино, я тебя не могу, ни порочить.
Я ни люблю целиком, ни ненавижу тебя.
Ты и прекрасно и дурно. Ну, кто порицать тебя сможет?
Знающий меру вещей, — кто тебя сможет хвалить?
- Радуйся жизни, о дух мой! Появятся скоро другие
Люди, а я, умерев, черною стану землей.
- 880 Выпей вина, что под сенью высокой Тайгетской вершины
Мне виноградник принес. Вырастил лозы старик
В горных укромных долинах, любезный бессмертным Феотим.
С Платанистунга-реки влажную водунося.
Выпьешь его — отряхнешь ты заботы тяжелые с сердца.
В голову вступит вино — станет легко на душе.
- В городе мир и богатство да царствуют, чтоб с остальными
Мог пировать бы и я: злой не хочу я войны.
- Ухом не слишком склоняйся к призывам глашатая громким:
888 Помни — сражаемся мы не за родную страну.
- 895 Разум — прекрасней всего, что только ни есть в человеке.
Глупость — из качеств людских самое худшее, Кири.
- Если б Кронид за все на людей на смертных сердился,
Зная о каждом из них, что у кого на уме,
Зная поступки людей, дела бесчестных и честных, —
900 Это была бы для нас очень большая беда.

- Кто расходы свои со своим соразмерил богатством,
 Верх добродетели в том умный найдет человек.
 Если б нам знать наперед, какова продолжительность жизни,
 Сколько лет проживешь, прежде чем вступишь в Аид, —
 Тем из людей, конечно, что дольше пробудут на свете,
 Средства бы к жизни пришлось больше, чем прочим, беречь.
 Но ведь этого нет, и мучусь я тяжким сомнением,
 Душу изводит оно, дни отравляет мои.
 Я на распутье стою. Мне две открыты дороги.
 910 Но какую избрать — это вопрос для меня.
 То ли мне денег не тратить, убогой довольствуясь жизнью,
 То ли весело жить, долгих не зная трудов?
 Я ведь богатых встречал, которые вдосталь ни разу
 Даже поесть не могли, все берегли про запас.
 Так и спустились в Аид, не успев израсходовать деньги,
 Хоть норовили всегда деньги отнять у людей:
 Зря трудились они и себе не давали свободы.
 Я знавал и других. Чреву в угоду они
 Все промотали вконец, повторяя: «Умрем, насладившись».
- 920 Эти просят всегда, стоит им встретить друзей.
 Лучше всего, Демокл, свои приспособить расходы
 К деньгам своим и всегда счет и порядок блюсти.
 Так ты другим не отдашь плодов чрезмерных усилий,
 Но и не станешь рабом, ибо не будешь просить,
 Да и на старости лет не останешься вовсе без денег.
 Право же, лучше всего с деньгами так поступать.
 Если в достатке живешь — немало друзей. Обеднеешь —
 Мало, и сам по себе ты уж тогда нехорош.
 Лучше всего бережливость. Никто по тебе не поплачет,
 930 Ежели после тебя денег не видно твоих.
- 933 Мало кому из людей красота и доблесть присущи.
 Счастлив тот, у кого то и другое найдешь.
 Он в почете у всех. Одинаково младший и старший,
 Если увидят его, место уступят ему.
 К старости он на виду среди горожан. Справедливо
 938 Все обращаются с ним, вежливость помня и долг.
- 943 Возле флейтиста вот так я по правую сторону стану,
 Песню зачну и богам вечным мольбу вознесу.
 Буду идти по прямой, ни в ту не клонясь, ни в другую
 Сторону. Мне надлежит ясность ума сохранять.
 Родину буду беречь, прекраснейший город. Не сдамся
 Черни, не буду внимать слову бесчестных людей.
- 950 Крови не пил я, как лев, детеныша вырвав у лани,
 Я не гнался ни за кем, хвастая силой своей.

- Я не взбирался на стены, чтоб город предать разоренью,
И в колесницу коней мне не случилось впрягать.
Я не познал, испытав, конца не увидел, закончив, —
Сделав, не сделал, свершив, я завершить не сумел.
- 957 Ежели ты за добро благодарностью мне не заплатишь,
Я бы хотел, чтоб с нуждой снова пришел ты ко мне.
- 960 Прежде, когда в роднике черноводном я брал себе воду,
Сладкой казалась мне и превосходной вода.
Ныне она замутилась, вода загрязнилась илом.
Буду я пить из другой речки иль родника.
- Ты не хвали человека, узнать не успев хорошенько,
Что за нрав у него, что за характер и склад.
- Часто бывает, что люди со лживой, лукавой душою
Прячут ее, что ни день мысли меняя свои.
Душу этих людей лишь время откроет правдиво.
Вот ведь и я поступил с разумом здравым вразлад:
Я поспешил с похвалой, во всем тебя не проверив.
970 Впредь я, как судно скалу, буду тебя обходить.
- 1007 Всем я советую людям: пока еще ярко цветешь ты
Юности цветом, пока дух благороден в тебе, —
Пользуйся тем, что имеешь. Не дважды бессмертные боги
1010 Молодость людям дают, и не бывает от них
Нам избавленья от смерти. Придет невеселая старость,
И загрязнит нас она, и за макушку возьмет.
- Счастлив, удачлив, блажен, кто, всех не пройдя испытаний,
Спустится в черный Аид, в мрачные дома уйдет,
Так и не зная греха, что вызван бывает нуждою,
1016 Страху пред сильным врагом, истинных мыслей друзей.
- 1029 Сердце, спокойно терпи, как ни были б тяжки страданья,
Вспыльчивость — это, поверь, качество низких людей.
Там, где ничем не поможешь, не нужно вздыхать и сердиться,
Рану свою бередя, радовать злейших врагов,
Блиzkих друзей огорчать. Богами положенной доли
Даже с великим трудом нам избежать не дано,
Даже если спуститься на дно багряного моря,
1036 Даже если навеки в Тартар печальный уйти.
- 1041 Дайте сюда мне флейтиста! Бок о бок с рыдающим сядем,
Будем смеяться и пить, тешась печалью его!
- 1047 Будем теперь наслаждаться вином и прекрасной беседой.
Что же случится потом, — это забота богов.

Я, как ребенку отец, тебе наставленья благие
 1050 Дам и хочу, чтоб они в душу запали твою:
 Ты опрометчив не будь, чтоб зла не наделать, старайся
 Всякое дело свое взвешивать здоровым умом.
 Резкие взлеты ума и души бесноватым присущи.
 Трезвый расчет и совет — вот что к добру приведет.

 Но говорить перестанем об этом. Сыграй мне на флейте
 Песню, и оба с тобой вспомним божественных Муз.

 Нам они эти дары подарили, приятные сердцу, —
 1058 Мне и тебе, чтоб игрой души соседей пленять.
 1063 В юности ночь проводить с молодою подругой иль другом,
 Всею отдавшись душой пылу любовных утех,
 Или же песни на пиршестве петь беззаботно под флейту —
 Радостней этого нет в жизни людской ничего
 Ни для мужчин, ни для женщин. На что мне почет и богатство?
 Лишь наслаждение одно важно и радостный дух!

 Глухие мы, безрассудные люди! Упешую юность
 1070 Надо оплакивать нам, а не о мертвых тужить!

 1075 Очень трудно судить о конце несвершенного дела,
 Как его бог завершит, трудно сказать наперед.
 Мрак перед нами простерся. Пока не наступят события,
 Смертный не может сказать, где же незнанию предел.

 Не посмеюсь никогда над врагом, если он благороден.
 1080 Друга не стану хвалить, если он низок душой.

 1087 Кастор и ты, Полидевк, что живете над светлоструистым
 Быстрым Евротом-рекой в Лакедемоне свягом!
 Если я другу дурное советовал, пусть пострадаю!
 Если советовал он, пусть пострадает вдвойне!

 1091 Тяжесть, одну только тяжесть любовь мне твоя доставляет;
 Ни ненавидеть тебя я не могу, ни любить.
 Знаю я, как тяжело ненавидеть друзей своих прежних,
 1094 Но тяжело и любить тех, кто не хочет того.

 1097 Время придет, погоди, вспорхну, как над озером птица,
 Птица, которая вдруг, петлю свою разорвав,
 Прочь от плохого летит хозяина. Ты же позднее,
 Дружбы лишившись моей, мудрость узнаешь мою.
 1107 Горе, как я опустил! Посмешищем стал для врагов я,
 Бременем стал для друзей, страшный удар претерпев!

 1117 Всех ты божеств, о Богатство, желаннее, всех ты прекрасней!
 Как бы кто ни был дурен, будет с тобою хорош.

- 1123 Бедствия лучше забыть. С Одиссеем сравнюсь я в страданиях,
С тем, кто, Аид посетив, выйти оттуда сумел,
С тем, кто с жестокой душой сумел женихов Пенелопы,
Отданной в жены ему, радуясь в сердце, убить.
Долго ждала она и с сыном своим оставалась,
Прежде чем он, возвратясь, к пышному ложу пришел.
- Я не горюю за чащей о бедности, губящей душу,
1130 И злоязычье врагов мало печалит меня.
Юности милой приходит конец — вот о чем я горюю!
Плачу о том, что идет трудная старость ко мне!
- 1135 Людям одно божество благое осталось — Надежда.
Прочие все на Олимп, смертных покинув, ушли.
Скромность ушла от людей. Богиня великая — Верность
Тоже оставила нас вместе с Харитами, друг.
Клятвам верить нельзя. Они даются нечестно.
1140 Нет на земле никого, кто бы боялся богов.
- Род благочестных людей прекратился. О праведной жизни
Знать не желает никто, нет благочестья ни в ком.
Но покамест живешь и видишь сияние солнца,
Нужно богов почитать, ждать, что Надежда придет.
Нужно молиться богам и, прекрасное мясо сжигая,
С жертвы Надежде начав, жертвой Надежде кончать.
Нужно быть начеку, бесчестные речи услышав
Тех, кто, ничуть не боясь гнева бессмертных богов,
Все о достатке чужом, о чужом помышляет богатстве,
1150 Тех, кто для подлых затей в мерзкую сделку вошел.
1155 Я не молюсь о богатстве, его не хочу. Но желал бы
Скромные средства иметь, чтоб без лишений прожить.
- 1167 Слово достойных людей не расходится с делом хорошим.
Подлые речи дурных только на ветер идут.
- 1171 Самое лучшее, Кирн, что дали бессмертные людям, —
Разум. Любые дела можно рассудком обнять.
Счастлив, кто им обладает. Гораздо приятней разумно,
Нежели в чванстве пустом, в губительной гордости жить.
Гордость — несчастье для смертных. Страшнее, чем чванство
и гордость,
1176 Нет на земле ничего. Всякие беды от них.
- 1185 Ум и язык — это благо. Немного, однако, найдется
Смертных, чтоб тем и другим верно могли б управлять.
- 1191 Я не желаю по смерти на ложе покоиться царском.
Только бы мне хорошо было, когда я живу.

- Терн ли колючий, ковер ли подстилкою мертвому служит,
1194 Твердо ли ложе тогда, мягко ль, — не все ли равно?
- 1197 Птицы пронзительный крик услышал я, сын Полипая:
Нам возвещает она время весенних работ —
Пахоты время и сева. И черная боль охватила
1200 Сердце мое — не про нас пышного поля простор!
- 1203 Век не пойду я к тирану, не стану к себе его звать я,
В горе не буду я лить слез над могилой его,
И не хочу я, чтоб, если умру, обо мне горевал он,
1206 Чтобы ронял обо мне жаркие слезы с ресниц!
- 1219 Трудно заставить врага-ненавистника верить обману.
Друга же очень легко другу, о Кирн, обмануть.
- 1255 Полно и радостно тот не живет, кто душой неспособен
Мальчиков юных любить, резвых коней и собак.
- 1259 Непостоянному, мальчик, подобен ты коршуну нравом.
Нынче готов одного, завтра другого любить.
- 1386 О Киферея-Киприда, искусная в кознях, могучим
Даром тебя одарил Зевс, отличая тебя.
Ты покоряешь умнейших, и нет никого, кто настолько
Был бы могуч или мудр, чтобы тебя избежать.

ФОКИЛИД ИЗРЕЧЕНИЯ

1 (1)

Все негодяи леросцы, не тот или этот — все вместе;
Случай особый — Проклей; с Лероса, впрочем, и он.

2 (2)

Так говорит Фокилид: от четверки зверей происходят
Женщины все. Так, одна — от пчелы, от собаки — другая.
Та — от свирепой свиньи, та — от лошади с пышной гривой.
Эта легка и быстра, непоседлива, видом пригожа,
Та, что от злобной свиньи, ни худой, ни благой не бывает.
Та, что от псицы, дика, неуживчива, та ж, что от пчелки,
И к домоводству склонна, и ко всякой работе пригодна.
С женщиной этой ищи, милый друг, вождя брачного!

3 (3)

Так говорит Фокилид: что за прибыль быть знатного рода,
Если ни в слове твоём обаяния нет, ни в совете?

4 (4)

Так говорит Фокилид: малый град, на утесе стоящий,
Правопорядок блюдя, превосходит град Нина безумный.

5 (5)

Так говорит Фокилид: о друге заботиться надо,
Хоть бы несли всякий вздор, судача об этом, соседи.

6 (6)

Так говорит Фокилид: у плохого займы человека
Ты не бери: будет он не вовремя долг вымогать.

7 (7)

Хочешь достаток промыслить, о ниве радей плодоносной,
Тучную ниву недаром зовут изобилия рогом.

8 (8)

Ночь для раздумья дана: в ночи обострится разум,
Благоприятствует тишь устремлению к мыслям высоким.

9 (11)

Много людей ты найдешь, что, судя по осанке достойной,
Разумом редким полны, но на деле — увы! — легкоумны.

10 (14)

Надо на пире, когда вкрут идет чаша с хмельною брагой,
Благоприличье блюсти, проводя время в сладкой беседе.

11 (16)

Помни: по-разному к людям относятся вечные боги.
То вдруг в пришедшей беде выручать они нас поспешают...

12 (9)

Средства для жизни ищи: вместе с ними найдешь добродетель.

13 (10)

Да, в справедливости лишь в совокупности вся добродетель.

14 (12)

Среднее лучше всего, средним в городе быть я желаю.

15 (13)

Многое терпит невольно, кто к благородству стремится.

КСЕНОФАН

1 (1)

ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ПИРУ

Вот уже пол подметен, руки вымыты, вымыты кубки...
Кто возлагает на нас дивно сплетенный венок;
Кто по порядку разносит душистое масло в сосудах;
Выситя тут же кратер, полный утехой пиров;
Есть и другое в кувшинах вино, что сулит не иссякнуть, —
Сладкое: нежных цветов слышится в нем аромат;
Посередине хором льет ладан свой запах священный;
Чашы с холодной водой, сладкой и чистой, стоят;
Хлеб перед нами лежит золотистый, и гнется под грудой
10 Сыра и сотов густых пышно разубранный стол;
Густо украшен цветами алтарь, что стоит среди зала;
Песня, и пляска, и пир весь переполнили дом...
Прежде всего благочестных толпа священной песнью,
Речью чинной своей бога восславить должна.
Но, возлиянье свершив и о том помолясь, дабы силы
Были дарованы пир благопристойно провести, —
Это ближайший наш долг! — не грех столько выпить,
чтоб каждый,
Если не дряхл он, домой и без слуги мог дойти.
А из гостей тех почтим, кто, и выпив, нам с честью докажет,
20 Что добродетель живет в памяти, в слове его.
Но не пристало про битвы титанов нам петь, иль гигантов,
Или кентавров: они — вымыслы давних времен,
Или про ярость гражданской войны, — в этом пользы немного...
Зиждется благо в ином: в вечном почтенье к богам!

КСЕНОФАН

2 (2)

ГРАЖДАНСКАЯ ДОБЛЕСТЬ

Если кто резвостью ног надо всеми одержит победу
Иль пятиборствуя — там, где возле Писы меж рек

Зевса священный предел, в Олимпии, — если в кулачном
Кто одолеет бою, боль от ударов стерпев,
Или в борьбе, или в том, что «панкратий» зовут, состязанье,
И на него земляки с гордостью будут смотреть,
Если сидеть впереди он заслужит победами право,
Если получит прокорм он на общественный счет,
Если ему поднесет дары драгоценные город,
10 Или в ристаньях успех столько ж наград ему даст,
Все же достойным меня я его не признаю: ведь наша
Мудрость прекрасней любой силы людей и коней.
Глупо тут думать, как все, и с правдой ничуть не согласно
Силу мышц почитать мудрости выше благой.
Будет ли в нашем народе кулачный боец превосходный,
Будет ли мощный борец иль пятиборец средь нас,
Или бегун резвоногий (за что его все прославляют),
Словом, лучший из всех в подвигах силы людской, —
Благозаконнее город не станет от этого вовсе,
20 Городу, правду сказать, радости мало с того,
Что победил кто-нибудь, на Писейских берегах состязаясь:
Тем не умножит добра он в городских кладовых.

КСЕНОФАН О БОГАХ

3 (19)

Если быки, или львы, или кони имели бы руки
Или руками могли рисовать и ваять, как и люди,
Боги тогда б у коней с конями схожими были,
А у быков непременно быков бы имели обличье;
Словом, тогда походили бы боги на тех, кто их создал.

4 (18)

Черными пишут богов и курносыми все эфиопы,
Голубоокиими их же и русыми пишут фракийцы.

5 (15)

Что среди смертных позорным слышет и клеймится хулою, —
То на богов возвести ваш Гомер с Гесиодом дерзнули:
Красть, и прелюбы творить, и друг друга обманывать хитро.

6 (16)

Сколько наслышаны мы о богов бесчестных деяньях:
Ловко умеют украсть, обмануть и развратничать тоже.

7 (17)

Смертные верят, что боги рождаются, носят одежды,
Голосом наделены и видом, во всем им подобным.

8 (20)

Не показали всё сразу боги смертному роду;
Нет, люди в поисках сами со временем всё разузнали.

КСЕНОФАН

9 (6)

О ПИФАГОРЕ

Как-то в пути увидав, что кто-то щенка обижает,
Он, пожалевши щенка, молвил такие слова:
«Полно бить, перестань! Живет в нем душа дорогого
Друта: по вою щенка я ее разом признал».

10 (14)

Все мы школу свою сначала прошли у Гомера.

11 (5)

Козий послав кострец, получил ты жирный огузок,
Лучшую часть быка — знатный подарок тому,
Слух о котором по всей Элладе промчится и будет
Жить, покуда живет племя элладских певцов.

12 (13)

Речь за огнем мы такую послушаем в зимнюю пору,
Лежа на мягкой постели, насытившись всякого брашна,
Сладким вином запивая бобов угощенье каленых:
Кто ты? Откуда пришел ты, любезнейший? Много ли прожил?
Сколько лет, когда мидяне к нам ворвались? Ответствуй!

13 (4)

В кубок сперва наливай не вина, а воды должной мерой,
После, сбавив вина, первый отведай глоток.

КСЕНОФАН

14 (3)

О ЖИТЕЛЯХ КОЛОФОНА

К роскоши вкус переняв у изнеженных ею лидийцев,
Не помышляли они, что тирания близка,
И на собрания шли, шеголяя одеждой пурпурной;
Многие тысячи их, ежели всех посчитать.
Гордо они выступали, искусной прической красуясь,
Распространяя вокруг мазей и смол аромат.

КСЕНОФАН

15 (7)

О СЕБЕ САМОМ

Солнце уже шестьдесят и семь кругов совершило,
Как я из края и в край мысль по Элладе ношу.
От роду было тогда мне двадцать пять и не боле,
Ежели только могу верно об этом сказать.

КСЕНОФАН

Из поэмы «О ПРИРОДЕ»

16 (23)

Всё из земли возникает, и всё обращается в землю.

17 (24)

Море — источник воды, а также и ветра источник,
Ибо возникнуть внутри облаков, [наполненных влагой],
[Так же ветрам не дано] без участия бескрайнего моря,
Как не бывать без него ни дождям из эфира, ни рекам —
Только море творит облака, и потоки реки, и ветры.

18 (26)

Бог же, един, между смертных и между богов величайший,
Смертному он не подобен ни видом своим, ни душою.

19 (27)

Всем своим естеством он и видит, и слышит, и мыслит.

20 (28)

Мощью рассудка он всё без труда повергает в смятенье.

21 (29)

Вечно на месте одном без движения он пребывает,
Не подобает ему то сюда, то туда обращаться.

22 (30)

Верхний предел земли мы воочью у ног своих видим,
С воздухом он сопряжен, а нижний уходит в бездонность.

23 (31)

Почва и влага суть то, что рождается и произрастает.

24 (32)

Солнце, что, над землей обращаясь, ее согревает.

25 (33)

То, что Иридой зовут, происходит из облака тоже,
Нам она видится алой, пурпурной и светло-зеленой.

26 (34)

Ибо все как один из воды и земли мы родились.

27 (35)

Правды не знает никто, и никто никогда не узнает
Ни о богах, ни о том, что предметом бесед моих служит.
Если ж нам кто-то подчас безошибочно правду предскажет,
Сам он не знает о ней, — всё будет простою догадкой.

28 (36)

Будем за правду считать мы то, что с правдою схоже.

29 (37)

Что бы ни появлялось перед глазами у смертных...

30 (38)

Также в пещерах иных сочится вода, словно слезы...

31 (39)

Если б янтарного меда не выдумал бог, то намного
Слаще считались бы смоквы...

ГИППОНАКТ

1 (38)

О Зевс наш, Зевс — отец богов вышних,
Зачем мне золота не подарил вволю?

2 (32)

Гермес Килленский, Майи сын, Гермес, милый!
Услышь поэта! Весь в дырах мой плащ, дрогну.
Дай одежонку Гиппонакту, дай обувь!
Насыпь червонцев шестьдесят в кошну — веских!

3 (34)

Ты не дал мне хламиды шерстяной, теплой
В подарок перед стужей, ни сапог прочных;
И, полуголый, мерзну я зимой лютой.

4 (3а)

«Кандавл — по-меонийски, по-людски — Гермий!»
Так звал он: «Майи сын, цепной своры
Начальник, друг ночных воров, спаси, милый!»

5 (36)

Богатства бог, чье имя Плутос, — знать, слеп он!
Под кров певца ни разу не зашел в гости
И не сказал мне: «Гиппонакт, пока тридцать
Мин серебра тебе я дам; потом — больше».
Ни разу так он не зашел в мой дом: трус он.

6 (26+26а)

Он жил себе вольготно и легко, в холе,
Весь день отборных ел тунцов, творог с медом,
Как евнух из Лампсака, пировал жирно —
И все проел наследство. И пришлось камень
Копать ему в горах, жевать одни смоквы
И черствый хлеб ячменный — рабскую пищу.

.....
Ни рябчиков теперь не жрет он, ни зайцев,
Не мажет жареных лепешек он маслом
10 И не макает больше пирогов в соты.

7 (39)

Я злу отдам усталую от мук душу,
Коль не пришлешь ты мне ячменных круп меру.
Молю не медлить. Я ж из круп сварю кашу.
Одно лекарство от несчастья мне: каша!

8 (28)

Мимн, кознодей, не вздумай написать змея
Ты на борту многовесельной триеры,
Ползущего от носа к кормчему прямо.
Для кормчего — пойми, дурак ты набитый —
То будет знак плохой и горе большое,
Коль змей возьмет да и куснет его в ногу.

9 (182)

Для мужа лучший брак благоразумного —
Взять за женою честный нрав в приданое:
Таким богатством только дом спасается.
А кто жену возьмет, прельстившись пышностью...

.....
Не госпожу получит он — помощницу
На весь свой век, разумную, надежную.

10 (68)

Есть в жизни каждой женщины два дня лучших:
Когда женой берут — и на погост тащат.

11 (128)

Евримедонтова сына, пучину морскую, Харибду,
Муза, воспой! Иль мечом разрубает он пищу в желудке?
Пусть же по воле народа погибнет он жалкою смертью
По приговору суда на берегу многошумного моря.

12 (115)

...Бурной носимый волной.
Пускай близ Салмидесса ночью темною
Взяли 6 фракийцы его

Чубатые, — у них он настрадался бы,
 Рабскую пищу едя!
 Пусть взяли бы его, закоченевшего,
 Голого, в травах морских,
 А он зубами, как собака, ляскал бы,
 Лежа без сил на песке
 Ничком, среди прибоя волн бушующих.
 Рад бы я был, если б так
 Обидчик, клятвы растоптавший, мне предстал —
 Он, мой товарищ былой!

13 (40)

Прошу, любезный, не толкайся! Пусть барин
 Не в духе ныне — знаю: не дерись все же!

СИМОНИД КЕОССКИЙ ПОБЕДИТЕЛЯМ ПРИ ПЛАТЕЯХ

1 (11)

2 ...Или в ущельях сосну...
 Там лесорубы валили

 5 Скорбь обуяла безмерная войско, что так тебя чтило,
 В урне с Патроклом одной скрыли останки твои.
 Не усмирил же тебя никто из смертных ничтожных,
 Был Аполлона рукой ты навсегда укрощен.
 С Героею вместе Паллада разрушили славную Трою
 10 В гневе на царских детей, поросль Приама-отца,
 Из-за Париса злоумного: время пришло, колесница
 Правды священной в тот час смяла жестоко его.
 Те ж, разорив Илион многославный, домой возвратились —
 Храбрых данайцев вожди, лучшие в войске своем.
 Слава над ними витает бессмертная волею мужа,
 Что от самих Пиерид правду великую внял,
 Фиалкокудрых. Потомкам назвал он могучих героев,
 Род скоротечный мужей в памяти запечатлев.
 Ныне ж, могучий, прощай, сын девы, прославленной всеми,
 20 Дщери морского царя, старца Нерея. Но я,
 Многоименная Муза, тебя призываю на помощь,
 Если любезна тебе смертного мужа мольба.
 Лад заведи сладкозвучный, чарующий, песни ты нашей,
 Чтоб вспоминали всегда подвиг отважных мужей,
 Ибо от Спарты родной, [от Эллады] ярмо отвратили
 Горького рабского дня — больше он нам не грозит.

Да не забудется слава, что гордо подьмется к небу,
 Доблесть могучих мужей смерти навек избежит!
 Вот уж, покинув течение Еврота и пажити Спарты,
 30 В спутники взяли себе Зевса красавцев сынов,
 Дерзко коней укрощавших, и мощного духом Атрида,
 Отчего града вожди, [лучшие в бранных делах.]
 Вел же их сын благородный божественного Клеомброта,
; имя Павсаний ему.
 Скоро достигли на Истме] земли достославной Коринфа,
 Края, в котором царил] Тантала отпрыск — Пелоп.
 Вот миновали Мегары,] город древнего Ниса,
 Там и другие сошлись,] кто проживает окрест.
 В знаменья божьи уверовав, вместе они поспешили
 40 В землю, любезную всем, милый сердцам Элевсин.

2 (14, 3 — 6)

...Правду вещаю народам [у берега Асопа:
 Если на том берегу] первыми ввяжутся в бой,
 Неодолимое горе постигнет; лишь те, кто остался,
 Сладость победы вкусят, долго ей в памяти жить.

3 (14, 7 — 8)

Персов] изгонит из Азии грозный Арес, [коль Афины]
 Новый союз заключат, Зевса-Кронида почтив.

4 (13, 8 — 12)

И пока от мидян...
 Также от персов, дорийцы ж...
 Мощным Геракла сынам...
 Но когда на равнине...
 Встали лицом к лицу...

5 (15)

Те, что в середине стоят, из обильной ручьями Эфиры,
 Знают, как доблесть добыть в схватке суровой с врагом, —
 Люди, что родину Главка, город Коринф населяют.

6 (16)

...[Нам завещали] красу доблестных бранных трудов,
 Злата сиянье почетное, коего славой возрастают.
 Взявшие сами его, также героев отцы.

7 (86)

Ежели надо почтить, Афина, народ наилучший,
Я лишь достоин того, имя носящий твое.

СИМОНИД КЕОССКИЙ

8 (19, 20)

КРАТКОТЕЧНОСТЬ ЖИЗНИ

[Нет у людей ничего долговечного. Истину эту]
Выразил лучше всего славный хиосец, сказав:
«Так же, как листья деревьев, сменяются роды людские».
Редко, однако же, кто, слушая эти слова,
Воспринимает их сердцем своим — потому что надежда
В каждом живет, с юных лет укореняясь в груди.
...Каждый, пока не увял еще цвет его юности милой,
Много несбыточных дум носит в наивном уме;
Мысли о старости, смерти грозящей его не тревожат,
10 Нет до болезней ему дела, пока он здоров.
Жалок тот неразумный, кто даже подумать не хочет,
Что ненадолго даны смертному юность и жизнь!
Ты же, постигнувший это, ищи до самой кончины
Благ, от которых душе было б отрадно твоей.

СИМОНИД КЕОССКИЙ

9 (25)

ЗАСТОЛЬЕ

Только недавно фракийский Борей, на нас налетевший,
Снежным покровом густым склоны Олимпа скрывал;
Тем, кто остался без хлены, кусал он душу свирепо.
Нынче же снег уцелел лишь в Пиерийской глуби.
Влейте мне долю его, ибо вовсе вам не подобает
Доброго друга поить неохлажденным вином.

10 (22, 9 — 16)

Стоит увидеть мне раз златокудрого Эхекратида,
Взор насыщая красой, за руку милую взяв,
Кожи цветущей его аромат вбирая глубоко,
Полнятся очи мои сладостной негой любви.
Если бы мог я с любимцем моим наслаждение изведать
Среди цветов полевых, прочь седину отогнав,
Я бы душистый венок сияющего златоцвета, —
Радости спутник моей, — сплел из побегов младых.

ИОН ХИОССКИЙ

1 (26)

...много превыше других тирсоносный Дионис:
Повод здесь и исток всяческих слов и речей;
Празднеств всегреческих сходки, вождей пиры и веселья —
С той поры как лоза свой грозденосный росток
Из-под земли подняла и в объятья страстно схватила
Воздух; из почек ее выбежал мальчиков сонм
Тесный; упав друг на друга, они, молчавшие прежде,
Заголосили; когда ж вопль их совместный умолк,
Нектар потек из них, порожденный людям на благо
10 Сок, самородный бальзам, радость впитавший в себя.
Милые дети его — пиры, и веселья, и хоры:
Этих природу благ царь открывает — вино.
Славься ж, Дионис-отец, глава веселых застолий,
Милый всем тем, кто чело любит венками венчать,
15 Славься и дай нам весь век, о прекрасных дел зачинатель,
Пить вино и шутить, но и рассудок хранить.

2 (27)

Слава тебе и привет, наш отец, повелитель, спаситель!
Пусть виночерпии нам — слуги кувшин принесут,
В кружках смешают вино серебряных, а золотую
Чашу кто держит в руках, пусть ее на пол прольет.
5 С чистой душой возлиянья творя вам, потомки Персея, —
Прокл, Алкмена, Геракл, — мы от Зевеса начнем,
Будем и пить, и шутить; пусть всю ночь не кончается песня;
Кто-нибудь пляску начнет; празднуй, как хочет душа!
Если ж тебя еще ждет и красавица — ложа подруга,
Будешь сегодня ты пить радостней всех остальных.

3 (30)

Мужеством был он велик, и совестью был он украшен,
И принимает душой в смерти блаженную жизнь,
Ежели прав Пифагор и в знанье своем и в ученье:
«Мысль — превыше всего между людей на земле».

4 (32)

Лира в одиннадцать струн, целых десять даешь междузвучий,
Три сочетания их слаженный лад создают.
Прежде, однако, хватало, чтоб скромную лиру прославить,
Элинам всем лишь семи туго натянутых струн.

ДИОНИСИЙ

1 (1)

...В дар от меня, Феодор, это творенье прими,
То, что за чашей заздравною я сочинил. Посылаю
Первому справа тебе, прелесть Харит подмешав.
Ты, получив этот дар, отошли мне ответные песни,
Пир украшая и тем дело исполнив свое.

2 (3)

Гимны под правую руку слагать за вином нам с тобою.
Старому другу, из стран дальних прибывшему к нам,
Петь мы, гребя языком, как веслом, хвалебную песню
Станем на этом пиру. С Музами дружных гребцов
Ловкость изящная слов феакийских сажает на весла.

ИЗ НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА

1 (12)

Радуйтесь трапезе общей, ровесники. Речи начало
Доброе я положу, добрым концом завершу.
Если, друзья, собрались мы на пир, то нам нужно на деле
Меру приличья блюсти в смехе и играх своих,
Встрече предавшись в веселье, болтать о пустом меж собою,
Дружно шутить, находя то, что нас может смешить.
Пусть и серьезное следом идет. Говорящих по кругу
Будем выслушивать всех: пира закон так велит.
Старшему будем покорны за трапезой. Правила эти
10 Добрым мужам надлежат, пиру порядок дают.

КРИТИЙ

1 (1)

Коттаб пошел из земли сицилийской, отменное дело:
В цель недопитым вином метим из луков своих.
Роскошью также и видом возок превзошел сицилийский...

* * *

Стул фессалийский нежнее всех прочих седалищ для тела.
Славу стяжал красотой брачного ложа Милет,
Хиос прославился с ним, Энопиона город прибрежный.
Лучше тирренских нигде чаш золотых не найти,

Также и утвари медной, которая служит в хозяйстве.
 Буквы, хранящие речь, род финикийцев обрел.
 10 Фивы построили, всех упредив, колесницу для боя.
 Морем карийцы владеть стали в ладьях грузовых.
 Круга гончарного, глины и печи благое творенье,
 Всюду известный горшок, нужный в домашних делах,
 Та, что воздвигла прекрасный трофей Марафону, открыла.

2 (2)

Алкивиада афинского нынче венчать собираюсь,
 Клиния сына, воспев новым размером его.
 Не было прежде того, чтоб элегиям имя вверялось,
 В ямбе теперь обретет место, как требует стих.

3 (4)

Этот обычай, его соблюдение принято в Спарте:
 Кубок вина на пиру только один выпивать.
 Чаш не ведется заздравных у них и имен возглашенья,
 Нет и того, чтобы вкрут очередь с правой руки...

* * *

Чаши лидийской рукой ввел в обиход азиат,
 Здравницы справа решил поднимать, называя при этом
 Имя того, за кого пить он намерен теперь.
 Скоро во время пирушек таких языки распускают,
 Грязные речи ведут, чувствуют слабость в телах.
 10 Тьма непроглядная плотным покровом на взоры ложится,
 Память и ясность ума тают в пустом забытии,
 Мысли сбиваются в сторону. Нрав появляется дерзкий
 В слухах, и быстро растут траты, хозяйство губя.
 Юноши в Спарте настолько лишь пьют, чтобы все получалось
 С радостным сердцем у них, твердый рассудок хранят,
 Речь их всегда дружелюбна, и смеху предписана мера.
 Телу такое питье только на пользу идет,
 Впрок оно мыслям разумным и дому, для дел Афродиты
 Годно, в согласие со сном — гаванью тяжких трудов.
 20 Также приятно Здоровью, сладчайшему богу для смертных:
 С ним Благочестья сосед — здоровый Рассудок — всегда.

* * *

Если поднятие кубков превысило меру, то душу
 Слишком они веселят, позже приносят печаль.
 Жизни уклад равномерный спартанских мужей отличает,
 Есть они могут и пить в полном согласье с трудом,

Также и с разумом твердым. Особый у них не назначен
День для того, чтоб вином тело без меры грузить.

4 (8)

Песни на женственный лад сочинявшего, в прежнее время,
Теос в Элладу привел сладкогласого Анакреонта,
Пиршеств зачинщика, жен обольстителя, недруга флейтам,
Звук барбитона любившего, сладкого, гнавшего горе.
Нрав твой веселый не будет стареть, избежит он и смерти,
Воду доколе, вином разведя и разливши по чашам,
Мальчик разносит, гостям подавая для здравицы справа,
Женские хоры доколе на страже полночных застолий,
Медная чаша весов разместилась пока на вершине
¹⁰ Коттаба, шест увенчав, назначаясь для Бромия капель.

ЕВЕН

1 (2)

Лучшая мера для Вакха — не много, не мало чтоб было:
Может он вызвать печаль, может в безумье вовлечь.
Взятый четвертою частью к воде, он приносит веселье,
Также годится вполне к брачному ложу тогда.
Если окажется крепким сверх меры, прогонит Эроты:
Сразу опустится сон, смерти ближайший сосед.

2 (1)

Многие взяли привычку на все возражать без разбора,
Верно хоть раз возразить — то не в обычае их.
К людям таким изречение старинное часто годится:
«Мнение свое у тебя, я остаюсь при своем».
Так говоря, убедить очень скоро ты сможешь разумных,
Тех, для которых просты всякой науки пути.

АРИСТОТЕЛЬ

1 (2)

...В славную землю Афин прибыл и там основал
В память о честной и праведной дружбе алтарь, посвященный
Мужу: не смеют его люди дурные хвалить.
Муж тот единственный, первый из смертных, представил наглядно
Жизнью домашней своей, также ученым трудом,
Сколь справедливым во всем и блаженным он был человеком.
Ныне такого достичь больше не сможет никто.

ГЕРМЕСИАНАКТ

1

КАТАЛОГ ВЛЮБЛЕННЫХ

Некогда деву-фракиянку милый потомок Эагра
Вел Аргиону на свет, сильный кифарой своей,
Взяв из Аида. Уплыл он в безжалостный край и суровый,
Где увлекает Харон в общую всем им ладью
Души усопших, и в озере скрыго, гудя протяженно,
Между густых тростников катится шумно поток.
К этим волнам в одиночестве полном явиться с кифарой
Все же решился Орфей, всех умоливши богов:
Чуждый законам и хмуриющий брови Кокит улыбнулся,
10 Также и страшного пса грозный он выдержал взгляд,
Пса, что в огне закалил свой голос и взор беспощадный
И головами тремя страх леденящий внушал.
Там умолил песнопеньем великих владык Аргиопе
Жизни дыханье опять нежное он возвратить.
Нет, не забыл Антиопу, почтил ее даром достойным,
Меной рожденный Мусей, верный служитель Харит, —
Ту, посвященным которая радостный клич возглашала
Тайной окутанных слов на элевсинской земле
В дни, как жреца провожала рарийского, чтילה Деметру,
20 Тем соблюдая закон: славна в Аиде она.
Вспомню того беотийца, который, покинув чертоги, —
Имя ж его — Гесиод, всякой науки знаток, —
В край геликонский пришел, возлюбивши селенье аскреян,
В жены аскреянку взять деву Эою стремясь.
Многое он претерпел, как все «Перечней» книги составил,
Гимны слагая, рассказ с девушки первой начав.
Также певец, опекаемый долей, дарованной Зевсом,
Бог средь служителей Муз, сладостный самый из них,
К скудной Итаке Гомер устремлялся, божественный в песнях,
30 Благоразумной жене честь Пенелопе воздав.
Многое выстрадав, жил чрез нее он на острове малом,
Вдаль из просторной земли, вдаль от отчизны уйдя.
Славу Икария роду воздал и народу Амикла,
Также и Спарту воспел, помня страданья свои.
Много мучений досталось Мимнерму, который сладчайший
Некогда звук избрел — нежный пентаметра вздох.
Страстью к Нанно воспылал он, белеющим лотосом часто
Связан, на шумных пирах вместе с Гексамием был.
Грузного мучил Гермобия он непрестанно с Фереклом,
40 Недругом, — так и стихи, возненавидев, слагал.
Лидоу был Антимах и любовною страстию к Лиде
Ранен, — отправился он к струям, что катит Пактол.

Мертвую [в Сардском краю] засыпав сухой землею,
 Слезы, стелая, он лил. Прибыл оттуда затем
 В град Колофона высокий, составил священные книги,
 Скорби предавшись, и труд прочий забросил с тех пор.
 Сколько пиров повидать довелось лесбосцу Алкею,
 Нежное чувство к Сапфо лириною слава игрой,
 Знаешь прекрасно. Певец полюбил соловья, причиняя
 50 Мужу теосскому боль песен своих мастерством,
 Анакреонт поелику старался о ней сладкогласый,
 К разным лесбоскам она часто ходила порой.
 Он же скитался по свету, то Самос покинув, то город
 Бросив родной, что лежит, выю во гроздьях склонив
 К винопрекрасному Лесбосу; Лект многократно Мисийский
 Видеть случалось ему за эолийской волной.
 Холмообильный Колон покидая, афинская пчелка
 Во трагедийных стихах гласами славит хоров
 Вакха и страсть к Феориде...
 60 ...Зевсом Софоклу дана.
 Как не сказать и о том непрестанно опасливом муже?
 Ненависть он вызывал, [злым языком понося]
 Каждую женщину: не был сражен он изогнутым криво
 Луком, мучений ночных он на себе не познал.
 Нет, но в земле македонской по узким бродя закоулкам,
 К ключнику [поздней порой] он Архелаеву шел.
 Тут божество уготовило лютую смерть Еврипиду,
 Ибо Аррибия псов встретить ему довелось.
 Вакха кормилицы сами взлелеяли мужа-киферца,
 70 Чтобы он логос хранил, преданно службу неся.
 Музами так Филоксен был воспитан. Затем, устремившись
 В землю Ортигии, град сей он тогда посетил —
 Ведомо то, — а родившая жаркую страсть Галатея
 Дни проводила свои средь новоплодных ягнят.
 Введом тебе и певец, чей кумир под платаном поставлен
 Медный во косской земле, властвовал где Еврипил, —
 Быструю в беге Биттиду воспевший Филет, изнуренный
 Всеми словами вконец, множеством всяких речей.
 80 Даже и те из людей, что суровую жизнь проводили,
 Дикую страсть возымев темную мудрость постичь,
 Разум которых чрезмерных обилие слов изнуряло,
 Дар превосходства в речах, полный великих тревог,
 Даже они не спаслись от страсти ужасных ударов,
 Ярости полной, но их грозный возникший смирил.
 Так безумная страсть к Феано одолела самосца:
 Пал Пифагор, что сумел геометрический круг
 Ловко найти и окружность, в которой — эфира вращенье,
 Шар небольшой смастерив, полностью отобразить.
 Так распалила Сократа, что был Аполлоном объявлен

90 Силой ума своего лучшим средь прочих людей,
 Огненной мощью Киприда, ярься! Изгонял все печали
 Он без труда, что вошли в душу ему глубоко,
 Дом посещая Аспасии. Но от любви безуспешно
 Средство искал человек, знавший всю силу речей.
 Мужа киренского грозная страсть сокрушила на Истме
 [Невероятно], когда был он в Лаиду влюблен —
 Острый умом Аристипп. От ученых бесед отказавшись,
 Жизнь в наслаждении вел...

ГЕРМЕСИАНАКТ

2

ПРОКЛЯТЬЯ*

На голове у тебя нарисую я камень огромный,
 Тот, что в Аиде висит Тантала над головой.
 Речи своей не умел положить он предел, и за это
 В доме Аида над ним злая нависла беда.
 Был между тем сотрапезником часто богам он бессмертным,
 Тучегонитель Зевес сыном его называл,
 И за богатство свое, за детей был людьми почитаем,
 Но неуместную дал волю он речи своей.
 Кару злую понес. Так может ли ждать он спасенья?
 10 О, да не будет на то воли бессмертных богов!
 Я нарисую на лбу у тебя белозубого вепря,
 Что этолийцам принес множество тяжких забот:
 Воля была Артемиды божественной; ей же в угод
 Их разорял он поля, лозы свирепо ломал.
 Многих охотничьих псов истребил он в безжалостном гн
 Прежде чем в бок угодил зверю могучим копьем
 Оинеид Мелеагр, охотников всех наилучший.
 Много героев тогда вместе на бой собралось.
 Был там Тесей Питфеид, был там герой Пламеневший,
 20 Был там могучий Анкей с грозным своим топором.
 Были два сына там Леды и Крониона-владыки.

* Папирусный отрывок, опубликованный в 1991 г. бельгийским ученым М. Хойсом:
 H u y s M. Le poème élégiaque hellénistique. P. Brux. Inv. E 8934 et P. Sorb. Inv. 2254.

КАЛЛИМАХ ПРИЧИНЫ

1 (1)

ПРОЛОГ: ПРОТИВ ТЕЛЬХИНОВ

Знаю я, знаю — Тельхины ворчат на мои песнопенья,
Неучи — дружбу водить с Музою им не дано.
Злятся, что я не тяну одну бесконечную песню,
В тысячах строчек поэм не воспеваю царей
Либо героев — а так, катаю стихи по кусочку,
Словно дитя, а ведь мне лет не десяток, не два.
Я же, пожалуй, Тельхинам отвечу: «О гнусное племя,
Знаете вы, как припечь так, что печенка сгорит.
...стихами, которых немного, но тащит
10 Матерь Деметра большой груз...
То, что изыщен Мимнерм, — сказали две малых поэмы,
А не «Большая жена» в этом смогла убедить.
Пусть из Египта журавль во Фракию мчится на крыльях
Крови пигмейской испить — это его веселит,
Издали пусть массагеты из лука стреляют по медам —
Пусть себе, — мне все равно сладостней петь соловьем.
Зависти гнусное племя, изыди! Не схеном персидским
Мерят поэзию — нет! Мера — искусство само.
Вам не дожидаться, чтоб я породил громогласные звуки, —
20 Громами грозно греметь — Зевса удел, а не мой.
В пору, как в руки я взял, сочинять собираясь, таблички,
Вот что Ликийский тогда мне провещал Аполлон:
»Всякую жертву, певец, подобает вскормить потучнее,
Только не Музе — она тонкое любит, дружок.
Вот мой завет: направляйся путем, где телеги не ездят,
Там колесницу гони, где не увидишь следов.
Правь неширокой дорогой, была б неезжена только,
Узок твой путь — не беда, лишь бы не вытоптан был.
Мы же являемся к тем, кто любит кузнечиков звонких
30 Стройный напев, а не крик дико ревущих ослов».
Пусть уж другие орут натужно, как тот длинноухий.
Нет, не по мне это все — буду я легок, крылат,
Стану я петь, как цикада, божественным даром питаем —
Светлой, небесной росой. Кабы не старость моя!
Только стряхну ее с плеч — и снова навалится тяжело,
Как Энкелада, меня островом душит она.
Но не ропщу! Если Муза кого привечала ребенком, —
В пору, как стал он седым, друга не бросит она!

О ГОРОДАХ СИЦИЛИИ

- 12 Голову я украшал венками душистыми пышно,
Густо ее умащал, светлые мази втирал —
Все выдыхалось, увя! И то, что прошло через зубы
В благодарный живот, вглубь отправляясь, внутри
Не оставалось и дня. Лишь одно я в себе сохраняю —
17 Что через уши вошло, — то уж со мной навсегда.
-
- 46 ...Знаю я Гелу — сей град у истоков реки расположен,
Род старинный его прямо от Линда идет.
Критскую знаю Миною, где Миносу, сыну Европы,
Дщери Кокала в купель влили крутой кипяток.
- 50 Знаю я и Леонтины...
От мегарейцев других прибыли эти сюда —
Их мегарейцы Нисейские выслали, — я же Евбею
Тоже способен воспеть и Афродитин Эрикс.
Там на торжественном пире всех будут по имени кликать —
Всех, кто постройкою стен занят когда-либо был». —
Так говорил я — и Клио второй мне рассказ начинает,
Руку свою положив милой сестре на плечо.
«Люди, что некогда вышли из Кимы и древней Халкиды —
Вел их тогда Перьер, вместе с ним был Кратамен,
60 Оба отваги великой мужи, — на Тринакрии стали
Город стеной окружать, и не заботила их
Птица Гарпас — для строителей враг, если нет с нею цапли:
Башне, что строят тогда, зло предвещает она
В пору, как меряют землю и длинную крепят веревку,
Дабы прямыми легли улицы в городе сем.
Ястреба крыльями... молодого,
Если в колонию ты будешь народ выводить.
Башни зубцами затем укрепили строители града,
Выстроив их в полукруг Кронова возле серпа —
70 В глуби пещеры подземной таятся тот серп знаменитый —
Кронос Урану отсек часть детородную им.
Спор возникает о граде, один говорит, что желает
...с ним не согласен другой.
Ссора вскипает меж ними — и оба идут к Аполлону,
Дабы решилось, кому новый он град отдает.
Бог отвечает, что ни Перьеру и ни Кратамену
Городом сим не владеть — вот что решил Аполлон.
Вняли они, воротились — и с этого дня поименно
Тех, кто построил сей град, в местности той не зовут,
80 А к основателю града при жертвах зывают обычно:
«Милостив к городу будь, ты, кто построил его,
Кто бы ты ни был, на жертвы приходи — пусть будет вас двое.

Пусть и поболе, — прольем много мы крови быков!»
Муза умолкла — а мне захотелось еще и другое
Вызвать у ней и спросить — страх уж покинул меня, —
Как Феодесию, на Крите принятый праздник,
Возле Кисуссы блюдет Кадмов град Галиарт?..

ПОБЕДА БЕРЕНИКИ

3 (254, 1—10)

Зевсу воздать и Немее достойный я должен подарок, —
Царская дочь и жена, отпрыск четы двух богов! —
В честь скакунов твоих быстрых поем мы победную песню.
С дальних равнин, где царил телкой рожденный Данай,
В Нилову устье, на остров Елены, к пророчице славной,
К пастырю тварей морских, весть золотая пришла:
Там, где воздвигли надгробье Офельту, потомку Евфета,
Быстрых твоих коней не обогнал никто.
Их не касалось дыханье упряжек, что мчались за ними,
10 И, словно ветер, они не оставляли следов.

4 (267)

...Гневная Зевса жена людям послала его,
Аргос велел разорять (хоть ей был во владенье дарован),
Чтобы Крониона сын тяжкие принял труды.

5 (259, 9—17)

Дверь (в кладовую) открыл и рокот услышал он грозный,
Будто бы издалека вняла пугливая лань
Рыжего львенка рычанью. И слово сказал он такое:
«Что вы изгрызть собрались, твари несносные, вновь
В нищенском доме моем? Добра мне от вас не дожидаться!
Создал соседей мне бог — плач и стенанье гостям!»
Вымолвив так, он оставил то дело, которым был занят;
Стал для мышей мастерить втайне коварный обман.
Он положил в две ловушки губительной долю приманки...

6 (259, 29—35)

...Ведь из лампы они тянут безжалостно жир,
Внутрь хвосты опустив, если горло открыто сосуда.
... Ночью ж недавней свершили хищницы лютое дело,
Наглою отвагой своей гнев распалили его:
Стрызали, злодейки, тряпье, и овчину, и даже котомку.
Стал он готовить для них тотчас двуликую смерть,
Чтоб им под грузом погибнуть иль за крючок зацепиться.

7 (268 В)

Мужу защитой служила от стрел и от хладного снега
Львиная шкура

8 (264)

Батюшка-старец, за пиром услышишь ты все по порядку.
Нынче ж узнаешь завет, что мне Паллада дала.

9 (265, 5 – 9)

Дети Алета-царя, что в честь эгейского бога
Издавна близ алтаря празднуют игры свои,
Знаком Истмийской победы положат венок сельдерейный.
Споря с Немейской игрой, в чести откажут сосне,
Что победителей лик венчала в старинной Эфире.

10 (64)

МОГИЛА СИМОНИДА

И Камарина — ничто по сравнению с карой, грозящей
Всем, кто могильный курган честных тревожит людей.
Было: мой холм гробовой, что насыпали мне перед градом
Акрагантийцы-мужи, Ксения-Зевса почтив,
Скрыл злонамеренный муж — о нем не слышали вы? — Феник,
Военачальник такой гнусный в сем городе был.
Он-то мой камень могильный и взял для строительства башни,
Не устыдился письмен, ясно гласивших, что здесь
Сын Леопрепа, лежу, почитаемый Кеосом свято,
10 Мудрый и первый, кто смог память себе подчинить,
Кто не сробел пред тобой, Полидевк, когда вы вместе с братом
Вызвали только меня выйти из дома, ведь он
Рухнуть был должен тотчас же — а я пировал там с друзьями.
Горе! Погиб этот дом — и в нем крапnoneц Скопад.

АКОНТИЙ И КИДИППА

11 (67)

Сам Эрот научил Аконтia верному средству
В пору, как юноша сей к деке Кидиппе пылал.
Он на хитрости не был силен — и бог наставляет,
Как же Аконтию стать мужем любимой своей.
Прибыли в Делос — Аконтий с Иулида, с Наксосу — дева,
В праздник, справлявшийся там, Кинфий-владыка, тебе.
Был он Евксантида кровь, а она — Прометеева поросль,
И на родных островах каждый звездою блистал.

10 С детства Кидиппу сынам своим матери часто просили,
Выкуп сулили большой — тучных рогатых быков.
В звонкие воды потока Силена, косматого старца,
Не доводилось входить столь же прекрасной другой.
Схожая больше с зарей, не вступала ногой своей нежной
В пляску, что девы ведут, сон Ариадны храня.

12 (68)

Все воздыхатели тщились увидеть, как отрок прекрасный
В школу иль в баню идет...

13 (69)

Много влюбленных Аконтию в честь возлиянье творили
Каплей последней вина, на сицилийский манер.

14 (70)

Сам же стрелок наконец поражен был стрелою другого.

15 (72)

Он под предлогом любим за город часто ходил.

16 (73)

Столь же часто деревьев кору письма прорезали,
Весть, что Кидиппа мила, надписи эти несли.

17 (74)

Ах я, негодный такой, и зачем испугал тебя только!

18 (75)

...Был обряд совершен так, как обычай велит,
Должен был мальчик-малютка, чьи оба родителя живы,
Всю перед свадьбою ночь возле невесты проспать.
Гера, сказанье гласит... но умерь свою дерзость собачью,
Мой бесстыдный язык, — речь беззаконна твоя.
Счастье твое, что не видел ты таинств грозной богини:
Мог бы, пожалуй, о ней что-нибудь ты разгласить.
Да, многознание — беда тому, кто молчать не умеет:
Это — двуострый кинжал в слабых ребенка руках.

.....
10 Ранней зарею водой свой пыл быки охлаждали,
А над загривком у них был уже нож занесен.
Но пополудни невесту покрыла смертельная бледность;
Этот недуг от людей гоним на коз мы лесных,

- Ложно священным назвав. Но недуг этот злобен жестокий,
 Он в Аида чертог девушку чуть не увел.
 Вновь подготовлен был брак, но семь месяцев целых невесту
 В утро четвертого дня жег лихорадки огонь.
 Третью готовили свадьбу, но так же при третьей попытке
 Холод смерти опять тело Кидиппы сковал.
- 20 Больше отец и пыгаться не стал. У дельфийского Феба
 Он совета спросил. Феб ему ночью изрек:
 «Да, на браке ее заклатье лежит Артемиды.
 Ни Лигдамида в тот день не обличала сестра,
 Ни камышей не сплетала в Амиклах, ни после охоты
 Не омывала одежд на Парфенийской реке;
 Нет, на Делосской земле услышала клятву Кидиппы:
 “Только Аконтий, клянусь, станет моим женихом”.
 Если согласен теперь моего послушать совета,
 Дочери клятву твоей должен исполнить и ты.
- 30 Ты серебро со свинцом не сольешь, взяв Аконтия зятем, —
 Нет, поистине ты в золото вправишь янтарь.
 Ты, Кодрид, станешь тестем; жених — уроженец Кеоса,
 Отпрыск жрецов, что в горах Зевса-Аристия чтут,
 Зевса — подателя влаги; явление Мойры зловещей
 Должно им уследить, ярость ее укротить,
 Зевса о ветре молить, который бессчетные стаи
 Птиц загоняет всегда в тонко сплетенную сеть».
- Так изрекло божество. И отец, на Наксос вернувшись,
 Дочь расспросил, и она все рассказала ему.
- 40 Тут же стала здорова. Теперь ее дело, Аконтий,
 Взяв Дионисом тебя, вместе на Наксос взойти.
 Снято было заклатье богини — и песнь Гименя
 Девушек хор поспешил спеть для подруги своей.
 Верно я знаю, Аконтий: когда в ту ночь после свадьбы
 Пояс девический ты снял с новобрачной своей,
 Ты б не завидовал, нет, бегуну по колосьям Ификлу,
 Не соблазнил бы тебя златом келенский Мидас.
 Все, кому бог беспощадный неведом и чужд не остался,
 Словом неложным своим мнение мое подтвердят.
- 50 Этот брак породил немало мужей именитых,
 Аконтиадов семья и велика и славна.
 Да, и отныне твой род, кеосец, живет в Иулиде,
 Повесть о страсти твоей даже до нас донеслась.
 Старый о ней Ксеномед нам поведал, и острова имя
 Этим рассказом у нас в памяти он закрепил.
 Он рассказал нам, как там поселились корикские нимфы, —
 Их с Парнаса высот лев кровожадный согнал.
 Остров назвали Гидриссой они, но там жили недолго,
 После в Карийском краю стали они обитать.
- 60 Там, где воителю-Зевсу всегда возносились моления,
 Если труб боевых мощный сигнал призывал

В бой лелегов и каров. Дал острову новое имя
 Феба и Мелии сын — звался Кеосом он сам.
 Остров понес наказание: огнем поражен громоносным
 Был там вещатель Тельхин, с ним же погиб Демонакт;
 Вечных богов не чтили они; нам старец поведал,
 Что Макелó пощадил и Дексифею удар, —
 Только они уцелели. За дерзость безмерную остров
 Был во прах превращен волей бессмертных богов.
 70 Вскоре основаны были четыре града: Карфею
 Создал Мегакл, а Евпил, сын богоравной Хрисо,
 Сам Иулиду возвел многоводную, также и Аку,
 Храм пышнокудрых Харит он в Поиэссе воздвиг.
 Город Коресу построил Афрасий. Теперь же, кеосец,
 Ты Расскажи нам свою повесть жестокой любви.
 Зная ее от тебя, старик рассказал нам правдиво,
 И Каллиопу мою речь вдохновила его.
 О городов основаньях уже я поведал немало,
 Ныне кончаю я здесь повести эти мои.

19 (178)

ИКОС

Праздник открытия бочек с утра начинал он прилежно
 И Орестей справлял — светлый денек для рабов.
 Он отмечал и обряд ежегодный Икария дщери —
 В честь, Эригона, твою плачут всегда по тебе
 Аттики жены. Тогда и позвал он друзей угощаться,
 Был незнакомец средь них — прибыл в Египет сей гость
 Только недавно, имея какое-то частное дело.
 С Икоса родом, а я с ним на пиру возлежал,
 Так получилось само — ведь Гомерово слово неложно:
 10 То, что подобно, всегда сводит в одно божество.
 Он, как и я, не терпел манеру хлестать по-фракийски —
 Воду с вином не мешать, малую чарку любил.
 Вот что сказал я ему, как чаша по третьему разу
 Нас обошла и узнал имя его я и род:
 «Истинны эти слова — не только частично водою
 Надо вино разбавлять — любит беседу вино.
 Но не разносят ее в черпаках, и о ней не попросишь,
 Если виляет хвостом перед рабом гражданин,
 Раб же, носящий вино, глядит неподвижно-надменно.
 20 Мы же с тобою вдвоем — бросим лекарство в дурман!
 О Феоген, ведь душа моя жаждет рассказ твой услышать,
 Вот что поведай ты мне, вот что ты мне объясни:
 Чтут почему в отчизне твоей мирмидонца Пелея,
 Чем фессалийцы близки жителям Икоса, вам?

 30 Уши мои готовы для тех, кто захочет поведать.
 Только я это сказал...

«Трижды блажен, хоть счастливец подобных найдется немного,
Тех, кто от моря вдали жизнь провождает свою,
Я же веду свою жизнь, как нырок, среди волн...»

20 (384)

ЭПИНИКИЙ СОСИБИЮ

- 4 Было: неся сельдерей, с ним колесница пришла
В пору, как он из Эфиры вернулся, и конь асбистейский
Все еще слышит — скрипит ось колесницы его.
Словно сегодня то было, из уст у меня излетают
Те же слова, что тогда, в пору, как новость пришла:
«Бог, что живешь с двух сторон омытого морем прохода,
10 Род Сисифидов тебя издревле в клятвах зовет,
Там, где святой перешеек, у края земли Пелопидов —
Кромна с одной стороны, Лехий стоит на другой.
Строг, беспристрастен там суд коням быстроногим, ретивым,
И справедливость его золоту не обойти.
Золото! Это прекрасное зло для смертного люда,
Что создают муравьи...
(Пропущено примерно 5 строк)
- 17 Вот он в Немею спешит — и вновь сельдерей добавляет
Из Арголиты к тому, что из Пирены привез.
Чтоб Александра земля и все, кто живут по Кинифу,
20 Знали — Сосибий стяжал дважды победный венок:
В землях двух чад — Леархова брата родного, а также
В крае того, кто возрос, млеком миринским вспоен.
Так что сам Нил, несущий свои плододарные воды
Из году в год, на сие мог бы такое сказать:
«Да, мой питомец блестящую мне возвращает награду,
Так не бывало еще — приз он приносит двойной
С праздников тех погребальных и дарит родимому граду.
Я хоть велик, и исток вод моих никому не известен,
В этом одном я сравниться не мог с тех потоков теченьем,
30 Что перейти без труда женским лодыжкам легко
Белым, и даже ребенок своих не замочит коленей...
(Пропущено около 8 строк)
- ...Ведь у Афины в священных местах хранятся сосуды —
Не для убранства, а в знак, что проходила борьба. —
Мы не сробели тогда пред мужами и подали повод
Хору, что к храму Совы толпы веселые вел,
Сладостно грянув победную песнь — Архилоха творенье.
А при тебе, Птолемей, Лага потомок, впервой
В парном забеге стяжали победы мы...
(Пропущено около 13 строк)
- 40 «Дважды наш гость победил, и мы дочерям Евриномы
Статуй не ставим нагих в Герином храме теперь», —

Молвит — и сразу вознес певец свою стройную песню.
 Вот что про этот обряд я услышал от других,
 Сам же своими глазами я видел близ нильского устья,
 Что посвятил он во храм, там, на Касийских берегах:
 «С Кипра меня сидонский корабль торговый доставил».
(Пропущено около 13 строк)
 Слава ему за победы, за то, что с народом он дружен,
 Слава, что он бедняков не забывал никогда.
 Это великая редкость в богатом — обычно мы видим:
 Денег обилье у них мощно царит над умом.
 50 Нет, не воздать мне хвалы, какой он, конечно, достоин,
 Толпы людские, боюсь, в случае будут любом...

КАЛЛИМАХ

ЯМБЫ

1 (191)

КУБОК БАФИКЛА

Я — Гипнонакт! Внимайте! Я сейчас прибыл
 Из мест, где ни за грош себе быка купишь.
 Несу свой ямб, но не о том поют мои ямбы,
 4 Как бился я с Бупалом, [с тем, что был скульптор].

 6 Пред стен святыней встаньте, где бывал старец,
 Что нам панхейского придумал встарь Зевса,
 8 В своих безбожных книжках начесал чуши.

 10 О Аполлон! А люди — что твои мужи,
 Иль осы из гнезда, иль после жертв в Дельфах —
 Роятся тучей. О Геката, ну — толпы!
 И лысый запыхается, держа крепко —
 Не то сорвут с естеств — потертый плащ старый.
 Теперь молчанье! Запишите все мое слово:
 Бафикл-аркадец — будет мой рассказ краток, —
 А ты, любезный, не крути мне тут носом,
 Я сам спешу, увы, — мне в Ахеронт скоро, —
 Так вот: Бафикл-аркадец, тот, что жил прежде,
 20 Счастливец был, имея все, о чем мы, люди,
 А также боги, говорим, что жизнь — счастье.
 Когда заснуть последним сном пришли сроки,
 Бафикл наш, что прожил всю жизнь весьма честно,
 К одру созвал детей, и сыновья встали
 Вкруг ложа — ведь папашу ревматизм мучил.

 ...Что с женами валяться им уже время.
 С трудом поднявшись, опираясь на локоть,
 Как будто на пиру собрался он выпить.

30 Сказал тогда аркадец, в потолок глядя.

.....
Потом сказал...

Я ухожу, о дети, вы, о мой якорь...

(Пропущено около 15 строк)

...Поплыл в Милет. Фалес победу одержал в этом,

Фалес, что и во всем другом был муж мудрый —

В небесную телегу он собрал звезды,

По коим финикийцы в море путь держат.

Предлунный наш, благоприятный день выбрав,

Нашел его — у Дидимея был старик в храме,

40 Чертил он на земле своим жезлом-палкой

Фигуру, что Евфорб фригийский придумал,

Кто в круге треугольник рисовать начал

Неправильный, кто первым стал учить в пищу

Не брать того, что дышит, — и ему вняли

Не все, конечно, — в ком злой дух, не внял вовсе.

Так вот, ему-то наш аркадец и молвит,

Достав из сумки весь из золота кубок:

«Родитель мой послал меня вручить это

Тому из вас семи, кто всех мудрей прочих.

50 Как первенства залог даю тебе кубок!»

А тот, чертя тихонько по земле палкой,

Другой рукой бородку почесав, молвил:

«Ну нет, подарка твоего я не стою,

А если хочешь выполнить отца волю,

Неси Бианту кубок...

*(Пропущено около 20 стихов, из которых
следующие 4 известны из других источников)*

Солон его Хилону-мудрецу отдал...

.....
Фалесу той порой вернулся дар снова...

60 «Правителю нелейцев посвятил кубок

Фалес, кому сей дар был присужден дважды...»

.....
Едва завидят: «Алкмеон!» — ему кричат люди, —

«Беги, он нападает!» — так о нем скажут.

А соглядатай-корикеец уж стоит сзади,

Уж рот разинул, уж язык-то свой выпнул,

Как пес, что пить собрался, и затем молвит:...

4 (194)

СПОР ОЛИВЫ С ЛАВРОМ

6 С оливой спор у лавра был, о том басня

У древних есть лидийцев...

- «Твой снизу лист, как у змеи живот, — белый,
 10 А сверху весь до черноты сожжен солнцем.
 Найдется ль дом, где б рядом с дверью я не был?
 А жрец или пророк — чтобы не носил лавра?
 И восседает пифия сама в лавре,
 О нем поет, стеля его себе на ночь.
 Олива глупая, а помнишь ты, как-то
 Спас Бранх детей милетских, сделал их снова
 Здоровыми, покрыв им головы лавром
 И вещее к тому еще сказав слово?
 Хожу я на пиры, хожу в Пифо с хором,
 20 Наградой становлюсь я там борцам лучшим.
 В долине Темпы на холмах крутых режут
 Мои дорийцы ветви и несут в Дельфы,
 Когда священный праздник настает Феба.
 Олива глупая, не вижу вовсе я горя,
 Не знаю я, как гибель смертных гнет жалких,
 Я чист и свят, зачем меня топтать людям:
 Я неприкосновен. Тебя ж берут смело,
 Когда приходит время похорон, — время,
 Когда покойнику хотят стелить ложе,
 30 Иль надо сжечь его, или венком скрасить».
 Так кончил он, ни слова не сказал боле.
 В ответ же та ему, что нам дает масло:
 «Прекрасно, милый друг, ты все мои свойства,
 Как лебедь, что последнюю поет песню,
 Здесь перебрал. И я, клянусь, всегда буду
 Без устали людей, каких Арес грозный
 Сгубил навек, сопровождать.....

 Когда же дети Тефии седой жертвы
 40 Несут иль чтут Тифона, старика вечно,
 Им устилаю путь, иду всегда с ними,
 И рада больше я, чем ты, когда сходят
 Паломники к тебе с холмов Темпы.
 А впрочем, как награда разве я хуже,
 Чем ты? В Олимпии агон куда важней будет,
 Чем в Дельфах. О другом теперь смолчу вовсе.
 Ни в похвалу себе, и не в укор лавру
 Не пикну даже я. В моих ветвях птицы
 Давно уж две трещат, правдивы их речи,
 50 Хоть эта говорлива свыше сил пара.
 «Оливу кто родил? Земля (нам всем мать),
 Как все деревья: иву, дуб, сосну, ясень». —
 «Кто дал оливу?» — «Зевса дочь, когда спор их
 За берег Аттики с самим царем моря
 Судил Кекроп-змея, из-под земли выйдя».
 «Вот лавру наш удар. А из богов вечных

Кто почитает лавр, а кто олив зелень?»
 «Афина чтит кого дала, а Феб — лавр свой.
 Но не пристало нам судить богов вовсе».
 60 «А что за прок от лавра? В чем его польза?
 Не дарит людям он еды, питья, мазей».
 «Олива ж — плод для бедных, в час любой — пища.
 Хоть тот же жмых — его они сосут вечно.
 А масло? А маслины? Сам Тесей ел их».
 «Вот нанесли теперь второй удар лавру».
 «А чью листву несут к богам с мольбой люди?»
 «Оливы ветвь. Вот лавру наш удар третий».
 (Мой бог, что за созданья! Как трещат громко!
 Ворона гнусная, еще ли цел ꙗков твой?)
 70 «Чей ныне ствол на Делосе хранят свято?»
 «Оливы, что дала приют Лето бедной».

Сказала так она, смутив ему сердце.
 Хоть стало лавру на душе совсем горько,
 Он в долгий спор пылал вступить снова.
 Но рядом здесь стоял терновый куст колкий
 И так сказал: «Несчастный, прекрати споры,
 Не то на радость будем всем врагам нашим
 Друг друга вечно в злобе порицать гневно».
 80 Но лавр, напрягшись весь, как бык, взглянул дико
 На куст колючий и ему сказал: «Подлый
 Ругатель! Нам почетом ты ужель равен?
 Нет, Зевс, спаси! И без того ты мне ходу
 Своим соседством смрадным не даешь вовсе.
 Нет, Фебом я клянусь и госпожой нашей,
 Гекатою, которую кимвал славит,
 Клянусь Пактолом я, рекой, клянусь вечно...»

Ф Е Н И К ПЕСНЬ ВОРОНЫ

Подайте, люди, горстку ячменя птице,
 Что Феб своей считает, иль пшена миску,
 Иль хлеб, иль грош, иль что еще подать можно,
 Что держите в руках, вороне то дайте.
 Положим, пусть возьмет она у вас соли —
 То будет лучшим для нее всегда блюдом.
 Сегодня соли дашь, готовь потом меду.
 Открой, прислужник, дверь, — вишь, услышал Плутос,
 И девушка несет вороне в дар смоквы.
 10 Ей, боги, безупречно жизнь прожить дайте,
 Пусть мужа ей найдут, чтоб был богат, знатен;

Пускай она отцу скорей вручит внука,
А матушку пусть доброй наградит внучкой!
Пока же дома, пусть своих родных братьев
Едою вкусной хорошо всегда кормит!
А я, когда приду, то предложу Музам,
Чтоб голос отдали мне свой сладкий
И спела б я тому, кто даст, кто нет, песню.

.....
20 Всё, милые, чем закрома у вас полны,
Вороне дайте щедро хоть бы в день свадьбы.
Обычай есть давать ей все, когда просит.
Так я пою. Что дашь, то принесет пользу.

ФАНОКЛ ЛЮБОВНЫЕ СТРАСТИ, ИЛИ ПРЕКРАСНЫЕ

...Или же так, как фракийцем Орфеем, Эагровым сыном,
Всею душою любим был Бореад Калаид.
Часто под сенью тенистой он в рощах сидел, воспевая
Страстную эту любовь, духа утратив покой.
Нет, всякий раз, как цветущего зрели глаза Калаида,
Дух сокрушался его неусыпимой тоской.
Жены-бистонки злодейски, напав отовсюду, Орфея
Предали смерти, мечи острые в тело вонзив,
В казнь, что фракийскому племени чувство любви меж мужами
10 Оный впервые явил, женскую страсть не воспев,
Медью главу отсекли и с цевницей фракийскою вместе,
Из черепашьей кости, бросили в зыбкую соль,
Сбив их гвоздями, дабы по просторам морским, омываясь
Бурной лазурной волной, вместе носились они.
Вынесло их ко священному Лесбосу море седое.
Лиры стенающей звук волны тогда оглашал,
Твердь островов и соленые бреги, на коих певучей
Мужи Орфея главе дали могильный приют.
Водружена на кургане и звонкая лира, — безмолвный
20 Камень покорствует ей, темного Форка вода.
Пением славен оттоль и искусством прекрасным кифары
Лесбос: из всех островов он наиболее певуч.
Браннолюбивы фракийцы, проведав деяние женщин
Дикое, их обрекли тяжкую муку терпеть:
Раны наносят супружницам, чтобы, на теле имея
Темные знаки, забыть страшную смерть не могли.
Женщины так пред убитым Орфеем вину искупают
С давних времен до сих пор за преступленье свое.

Раздел III
МЕЛИКА

A decorative flourish consisting of a horizontal line with symmetrical, stylized floral or leaf-like motifs extending downwards from the center.

ЕВМЕЛ

Зевсу, владыке Ифомы, радостна Муза,
Чистой и вольной подошвой обувшая стопы.

ТЕРПАНДР

Зевс, ты — всех дел верх!
Зевс, ты — всех дел вождь!
Ты будь сих слов царь;
Ты правь наш гимн, Зевс!

АЛКМАН

ПАРФЕНИИ

1 (1)

...Сломили Судьба и Порос
Тех мужей — старейшие
Меж богов. Усилья же тщетны.
На небо взлететь, о смертный, не пытайся,
Не дерзай мечтать о браке с Афродитой,
Кипрскою царицей, или
С дочерью прекрасной Порка...
... Одни страстноокие
9 Входят Хариты в Кронидов дворец.
.....
11 ...От стрелы одни погибли,
И от мраморного жернова — другие.
Всех Аид их ныне принял.
...Замышлявшие
Зло претерпели ужасный конец.

Здесь уж есть бессмертных мечь.
Блажен, кто с веселым духом,

Слез не узнав, завершает
День свой. А я блистанье
20 Агидо пою. Гляжу,
Как солнце блесит; его нам
Агидо дает познать.
Но мне ни хвалить прекрасной,
Ни хулить не позволяет та, что хором
Славно правит. Ведь сама она меж прочих
Выдается, словно кто-то
Посреди коров поставил
Быстрого в беге коня звонконогого,
Сходного с быстролетающим сном.

30 Не видишь? Вон пред нами конь
Енетский, Агесихоры
Волосы, моей сестры
Двоюродной, ярко блещут
Золотом беспримесным;
Лицо же ее серебрится.
Но что еще тут говорить?
Ведь это — Агесихора!
Агидо за ней вторая красотою, —
Колаксаев конь за приз с ибенским спорит.

40 Поднимаются Плеяды
В мраке амвросийной ночи
Ярким созвездьем и с нами, несущими
Плут для Орфии, вступают в битву.

Изобильем пурпура
Не нам состязаться с ними.
Змеек пестрых нет у нас
Из золота, нет лидийских
Митр, что украшают дев
С блистающим томно взором.
50 Пышнокудрой нет Нанно
С Аретою богоподобной,
Нет ни Силакиды, ни Клеэсисеры.
И, придя к Энесимброте, ты не скажешь:
«Дай свою мне Астафиду!
Хоть взглянула б Янфемида
Милая и Дамарета с Филиллою!»
Агесихора лишь выручит нас.

Разве стройноногая
Не с нами Агесихора?
60 Стоя возле Агидо,
Не хвалит ли она наш праздник?
Им обеим, боги, вы

Внемлите. Ведь в вас — начало
И конец. Сказала б я:
«Сама я напрасно, дева,
Хором правя, как сова, кричу на крыше,
Хоть и очень угодить хочу Аотис:
Ибо всех она страданий
Исцелительница наших.

70 Но желанного мира дождалися
Только чрез Агесихору девы».

Правда, пристяжной пришлось

74 Но на корабле должны
Все кормчему подчиняться.
В пенье хоть не превзошли
Сирен — ведь они — богини, —
Дивно десять дев поют,
Одиннадцать заменяя.

80 Льется наша песнь, как на теченьях Ксанфа
Песня лебедя; кудрями золотыми...

2 (3)

Музы, царя Олимпийского дочери,
Переполните мне душу
Вожделеньем песен новых.
Пусть пленяющий напев
[Славословящих дев разлетается в шири
Ясных небес,]
Сон от ресниц отогнав усладительный,
Чтобы душой я восстал к состязанию,
Светлые кудри мои

10 Встряхнуть в такт песне.

60 страстью крушащая
Взглянет — и силы лишит, и, расслабленный,
Смерти, не сну обречен!
Не зря взгляд ласков.

Астимелеса мне слова не молвила,
Стройною ногой ступает,
Словно в небе осиянном
Восходящая звезда,
Словно поросль, цветущая золотом, словно
Нежность сама.

70 ...Мирры душистою влагой кинирскою
Умашены кудри девичьи пышные,
Башня цветочных гирлянд
Красу венчает.

Астимелеса — забота народная —
Выступает словно с войском,
Дань почтения собирая.

79 Только посмотрит, да только приблизится,
Только притронется нежными пальцами, —
Тотчас же я становлюсь
Ее молитель.

3*

11 ... надела прелестного Белых богинь,
Где два дерева сладких гранатов
Среди лоз, разросшихся пышно.
Только из реки прекрасной показались Нереиды,
Каждый возжаждал, чтоб, с девою ложе деля,
Все, что для жен, для мужей уготовано, —
Брака изведать конечную сладость...

АЛКМАН ИЗ ДРУГИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

4 (2)

Многочтимые от века
У богов и человека
Под землею вечно живы
В богосозданных чертогах
Укрощающие коней
Два умельца — сильный Кастор
И преславный Полидевк.

5 (27)

О Каллиопа! Зачни нам прелестную
Песню и страстью зажги покоряющей
Гимн наш и сделай приятным хор!

* Перевод на основании комбинации Оксиринхских папирусов № 2443 и 3213.

6 (14a)

Муза, приди к нам, о звонкоголосая,
Многонапевную песнь
На новый лад начни для дев прекрасных!

7 (28)

Муза небесная! Дочь Зевса-царя!
Звонко я песнь спою...

8 (59b)

Златокудрая Мегалострата, в девах
Блаженная, явила нам
Этот дар сладкогласных Муз.

9 (37b)

А он на флейте будет нам
Мелодию подыгрывать.

10 (29)

Будь мой приятен хор
Дому Зевса и тебе, о царь!

11 (39)

Слова и мелодию эту
Сочинил Алкман-певец,
У куропаток заимствовав их.

12 (40)

Знаю все напевы я
Птичьи...

13 (38)

И сколько их у нас ни есть,
Девы все кифариста хвалят.

14 (16)

Не деревенщина-мужик ты,
Не простак и не дурачина,
Не из фессалийских стран,

Не эрисихеец, не пастух ты —
Родом ты из Сард высоких!

15 (82)

Тщетно крик все девушки подняли,
Как стая, в которую ястреб влетел.

16 (26)

Милые девы, певицы прелестноголосые! Больше
Ноги меня уж не держат. О, если б мне быть зимородком!
Носят самки его над волнами, цветущими пеной, —
Тяжкой не знает заботы весенняя птица морская.

17 (89)

Спят вершины высокие гор и бездн провалы,
Спят утесы и ущелья,
Змеи, сколько их черная всех земля ни кормит.
Густые рои пчел, звери гор высоких
И чудища в багровой глубине морской.
Сладко спит и племя
Быстролетающих птиц.

18 (56)

Часто на горных вершинах, в то время как
праздник блестящий тешил бессмертных,
В чашу из золота, в кружку огромную —
у пастухов подобные кружки, —
Выдоив львицу рукою бестрепетной,
сыр ты готовила острый, великий
Аргобийце...

19 (60)

Я несу тебе с молитвой
Тот венок из златоцветов
Вместе с кипером прелестным.

20 (58)

Нет, не Афродита это, Эрос это бешеный дурачится, как мальчик.
Сердце, берегись его! Несется по цветущим он верхушкам кипериска...

21 (59a)

И сладкий Эрос, милостью Киприды
Нисходит вновь, мне сердце согревая.

22 (17)

Как-нибудь дам я треногий горшок тебе, —
в нем собирай ты различную пищу.
Нет еще жара под ним, но наполнится
скоро он кашей, которую в стужу
Любит всеядный Алкман подогретою.
Он разносолов различных не терпит,
Ищет он пищи попроще, которую
ест и народ...

23 (19)

Вот семь столов и столько же сидений,
На тех столах — всё маковые хлебцы,
Льняное и сесамовое семя,
И для детей в горшочках — хрисокола.

24 (96)

Он уж подаст бобовую вам кашу,
И плод воцанный пчел, и хидрон белый.

25 (20)

Три времени в году — зима
И лето, осень — третье.
Четвертое ж — весна, когда
Цветов немало, досыта ж
Поесть не думай...

26 (107)

Муж пускай Многословом зовется, жена — Вседовольной!

27 (81)

«Зевс, мой отец! Если б мне был он мужем!»

28 (115)

«Если б женщиной стать мне!»

29 (98)

В собрание мужей и на пире
Пред гостями пеан зачинать подобает сладостнозвучный.

30 (102)

И нить тонка, и жестока Ананке!

31 (125)

Опыт — вот основа познания.

32 (64)

[СЧАСТЬЕ]

Доброзаконья сестра и Рассудка,
Дочь Осторожности.

33 (104)

Кто же бы высказать мог когда-либо мысли другого?

34 (41)

Железный меч не выше прекрасной игры на кифаре.

АЛКМАН МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ

35 (169)

Также и ты, многомощная Зевсова дочь...

36 (87с)

...Многомощная Афина...

37 (47)

Вот и увидел я Феба во сне.

38 (55)

Кипр любимый оставив и Пафос, волной омываемый...

39 (170)

О Артемида, стрелами грозная!

40 (56)

Зевса дочь и Селены,
Поит их Роса...

41 (77)

Горе-Парис, Злосчастье-Парис для Эллады,
Мужей взрастившей.

42 (70b)

...Ты дала Александру себя покорить...

43 (68)

Там Аякс с копьем, безумный, и в крови весь Мемнон...

44 (80)

Кирка однажды друзьям Одиссея
Зельем уши намазала.

45 (50)

Моря владычица Ино́ от груди своей...

46 (87a)

... И лучник Геракл...

47 (63)

... Наяды, и Лампады, и Фиады...

48 (87d)

... Мелампода с Гарпаликом.

СТЕСИХОР ГЕРИОНЕИДА

1 (S7)

...напротив Эрифии славной,
Где с гор сереброносных струятся
Токи Тартесской реки
Многоструйной, в расселине скал
Родила его мать...

2 (S8)

Он по волнам бездонного моря приплыл
На остров прекрасный. Там боги
Насельники, там Геспериды в чертогах златых обитают.

3 (S17)

Уже сын Гипериона сильный
Сбирался взойти во златую ладью,
Чтобы в ней, низойдя Океаном,
Побывать бы в пустынности черной ночи заповедной
Подле матери, подле супруги своей,
Подле милых детей.
А сын Зевса направился в рощу священную,
В кущи лавровые.

4 (S19)

...кубок взяв — преогромную чашу в три меры,
Он выпил
Поднесенное Фолом с водою вино...

5 (S10)

Но, мой друг, помяни и мать Каллирою,
И пылкого в бранях Хрисаора...

6 (S11)

... в ответ же ему
Произнес многомогущий потомок
Хрисаора бессмертного и Каллирой:
«Не смущай мне отважную душу словами
О хладе смертельном Аида...
.....»

10 Если бессмертен мой род, то, вовек не старея,
 Пребуду всегда сопричастником жизни Олимпа,

 16 Если же я обречен достигнуть до старости страшной
 Мимолетным жильцом, непричастным к уделу
 Бессмертных богов,
 20 Лучше уж ныне и сразу мне все претерпеть,
 Что судьбою дано ...»

 23 Возразил Хрисаорову сыну:
 «Но блаженным богам да не будет любезно такое
 Слово твое
 наших коров».

7 (S13)

«... несказанно страдав, несказанно терпев,
 Родила я тебя, и теперь, Герион,
 Я твои обнимаю колена.
 Моею грудью ты вскормлен...»

8 (S14)

..... у Зевса-царя.
 Светлоокая дева Афина-богиня
 Прорекла Герионову деду,
 Отважному духом: «Коней повелитель,
 Памятлив будь о своем обещанье!
 Раз обещав, не желай Гериона от смерти избавить...»

9 (S15)

Геракл жребий смерти ужасной
 Уже ощущал у себя на челе.
Антистрофа
убийцы мужей
 Пестрой Гидры взял яд...
 ...кровью и желчью, которые та
 Изрыгнула в миг смертных страданий,
 Он стрелу напитал и нежданно врагу
 Изловчился попасть в переносье.
 Божеством предназначенный путь свой стрела совершила,
 10 Подле самого темени вышла
 И мышцы с кости совлекла.
 Тут на грудь, на покрытые кровью
 Запекшейся члены багряная хлынула кровь.
Эпод

Голова Гериона склонилась долу,
Как мак, отцветая, когда он
Вдруг потеряет красу свою нежную,
Разом все лепестки осыпая...

СТЕСИХОР

ФИВАИДА*

10

Антистрофа 10

«...страдания не множь сраженной горем,
Не угрожай мне бедой,
Грядущую скорбь предрекая.

Эпод 10

Нет, не навеки вражду
Бессмертные смертным дают; на земле священной
Нет ни распри неизбывной,
Ни неизменной любви; переменчивый ум человеку
Даруют боги.
210 Твои предвещанья, о Аполлон, серебролукий владыка,
Пусть не все свершатся.

Строфа 11

Если ж судьба мне узреть, как сына сын убивает,
Если судьбы моей нити так спряли Мойры,
Лучше бы сразу кончиною страшной жизнь завершилась,
Прежде чем здесь, во дворце,
Мне, стонущей тяжко от боли, плача, видеть
Мертвыми милых детей
Иль град в полоне вражьей рати.

Антистрофа 11

Дети, прислушайтесь к слову разумному матери вашей,
220 Спору детей я нашла исход невраждебный.
Жребию долю доверьте, с волею Мойр согласуясь.
Пусть остается один
В отеческих Фивах царить, владетель дома,

* Оригинал – в журнале «Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik». – 1977. – Т. 26. – С. 15–19.

Сын же другой пусть уйдет
Со стадом, с золотом отцовским.

Эпод 11

Так, разуменьем моим,
По вешему слову пророка избежите
Предреченных скорбей лютых.
Если же город и отпрысков юных Кадма-владыки
Кронид возлюбит,
230 Пусть на долгие годы отвратит несчастья и беды,
Судьбы к нам немилость».

Строфа 12

Молвила, так говоря, богине подобная, в доме
Распря детей прекращая словом ласки.
С нею вместе Тиресий... Они ж подчинились...
.....

Строфа 14

274 суждено, чтоб случилось
..... владыки Адраста,
..... пусть отдаст прекрасную деву...»
.....

Эпод 14

291 Так многославный прорек. И тотчас царевич-изгнанник
Чертог покинул.
Милому вслед Полинику фиванские лучшие люди
Шли...
.....

Строфа 15

295 вышел к великой стене.
299 к Истму пришел.

Антистрофа 15

302 к городам прекрасным Коринфа...

СТЕСИХОР

ЭРИФИЛА

11 (S148)

...Промолвил, к нему обращаясь, Адраст, герой могучий:
«Алкмеон, почему ты застолье оставил, прекрасную песню,
Встав, зачем прервал ты?»
Так сказал он. Тут, ему отвечая, промолвил
Сын Амфиарая, Арею любезный:
«Милый, ты пей и свой дух улади
Пированьем...»

12 (51)

«... Мой дед Мелампод богоравный...»

СТЕСИХОР

ЕЛЕНА

13 (10)

Горсти яблок кидонских бросали царю в колесницу,
Ворохи миртовых листьев,
Роз и фиалок венки, пучки ячменных колосьев.

14 (11)

...для омовения ног серебра самородного чаша...

15 (46)

...За то, что однажды царь Тиндарей
Киприду, дарящую кроткую нежность, забыл, совершая
Всем богам приношение. Гневом пылая, она
Обрекла дочерей Тиндареевых дважды и трижды
Замуж выйти и мужа покинуть.

СТЕСИХОР

ЕЛЕНА. ПАЛИНОДИЯ

16 (16)

Прииди, богиня, к храмам благосклонная...

17 (15)

Всё неправда в рассказе этом:
Ты на борт кораблей не ступала,
Никогда не бывала ты в Трое.

СТЕСИХОР РАЗРУШЕНИЕ ТРОИ

18 (S89 + 23)

- 5 ...Ныне поведай о том, как у ясных стремнин
Симеонских крутящихся волн
Волею грозной Афины-богини мужу
Смертному было дано видеть меру и суть
Мастерства...
- 10 Не славою браней и битв, но славою иной
Наделенный, троянскому граду с высокой стеною
Плен он измыслил.
[Трои паденье] трудами [Эпея свершилось].
Зевесова дочь пожалела его, ахейских царей
Водоноса...

19 (S 105b)

... Данаи,
Горящие яростью бранною, ринулись вдруг из коня.
...ни земли колыбель,
Трои священной защитник — Энносид...
Ни Аполлон...
Ни Афродита, ни Артемида святая...
Верно, Зевс решил город разрушить.

20 (S 88, I)

...они идут напролом,
...вождям своим повинуюсь. Давайте
.....криволучные...

21 (S 88, II)

Вы, Трои сыны, поспешайте строем сплоченным. И вы
Спешите, союзники Трои,
В крепость ко храму. Забудем нас обманувшие речи!
Идол обетный богине — в дань бесчестью
Мы отдадим на позор!

СТЕСИХОР ВОЗВРАЩЕНИЯ

22 (32)

...божий знак жена младая зрит Елена
И, обратясь к Одиссееву сыну, такое промолвила слово:
«О Телемах, ты сюда как вестник Олимпа приспел,

Пустыней эфира в наш дом с небес низойдя.
..... громко крича,
Что на нашем пороге явился сам Одиссей.
.....муж
..... волею девы Афины
..... само по себе дверное кольцо закрипело.
10 тебя задержу ненадолго.
..... ты настолько сын отца твоего
..... увидев тебя, Пенелопа...»

СТЕСИХОР

ОРЕСТЕЯ

23 (33 – 35)

Муза, о войнах забыв, ты нынче славись со мной
Женитьбы счастливых богов,
Застолье мужей, вечноблаженных пиры.
...Ласточки слышен когда щебет весенней порой...
...Время пришло оживить в честь милых кудрявых Харит
Фригийскую нежную песнь —
Гимн им во славу спеть: наступила весна.

24 (40)

«...дам я тебе этот лук —
Он рукою моей изукрашен,
Мощный, без промаха бьющий».

25 (42)

Ей же пригрезилось: змей к ней ползет
И кусает в самое темя;
Вдруг обернулся и стал рода Плисфенова царь.

СТЕСИХОР

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ИГРЫ ПО ПЕЛИЮ

26 (3)

...Ремни, поглотившие руку...

27 (1)

...Чад Подарги резвых — Гарпага и Флогия — им
Гермес для ристания дал,
А Гера — Киллара и Ксанфа.

28 (2 b)

Амфиарай в прыжках, а в метании копий
Был Мелеагр победитель.

29 (2a)

...деве приносят
Пóлбняной каши с сесамом, печений,
Сладких лепешек и светлого меда.

СТЕСИХОР ИЗ НЕИЗВЕСТНЫХ ПЕСЕН

30 (56)

...на землю широкую
Прыгнув, явилась [Паллада],
Доспехом сверкая...

31 (55)

Хоровода песни для Аполлона милы
И пляски хора.
Тяжкие стоны и плач — Аида доля.

32 (67)

Оплакивать мертвых совсем бесполезно, вовсе не нужно...

33 (68)

...Но лишь умрет, и благодарность сгинула.

34 (63)

...Снова сюда, Каллиопия сладостная...

35 (65)

...Первым тебя, на ворота напавшего...

36 (66)

Быстролетные копья метнули...

САПФО
БОЖЕСТВА-ПОКРОВИТЕЛИ

1 (1)

Пестрым троном славная Афродита,
Зевса дочь, искусная в хитрых ковах!
Я молю тебя — не круши мне горем
Сердца, благая!
Но приди ко мне, как и раньше часто
Откликалась ты на мой зов далекий
И, дворец покинув отца, всходила
На колесницу
Золотую. Мчала тебя от неба
10 Над землей воробушков милых стая;
Трепетали быстрые крылья птичек
В далях эфира.
И, представ с улыбкой на вечном лице,
Ты меня, блаженная, вопрошала,
В чем моя печаль, и зачем богиню
Я призываю,
И чего хочу для души смятенной.
«В ком должна Пейфо, укажи, любовью
Дух к тебе зажечь? Пренебрег тобою
20 Кто, моя Псапфа?
Прочь бежит? — Начнет за тобой гоняться.
Не берет даров? — Поспешит с дарами.
Нет любви к тебе? — И любовью вспыхнет,
Хочет не хочет».
О, приди ж ко мне и теперь! От горькой
Скорби дух избавь и, чего так страстно
Я хочу, сверши и союзницей верной
Будь мне, богиня!

2 (33)

Золотовенчанная Афродита,
Если б мне тот жребий на долю выпал!

3 (35)

Ты на Кипре ль, в Пафосе иль в Панорме...

4 (134)

Погрузясь в сон, речь я вела с Кипридой...

5 (133b)

Зачем, Сапфо, благодатную Киприду...

6 (23)

Киферея, как быть? Умер — увы! — нежный Адонис!
«Бейте, девушки, в грудь, платья свои рвите на части!»

7 (168)

Бедный Адонис!

8 (54)

Кто с небес снизошел, в пламенный плащ стан свой окутавши...

9 (159)

Ты и слуга мой Эрот...

10 (23*)

Золотоблещущей спутнице Афродиты.

11 (17)

Близко встал во сне предо мной сегодня
Образ твой прелестный, царица Гера!
Милый этот образ видали раньше
Братья-Атриды.
Дело ярой брани к концу приведши,
В Лесбос братья прежде всего приплыли
От Скамандра; дальше ж могли поехать
В Аргос отсюда,
Лишь когда в молитвах тебя призвали
10 С Зевсом и с Фионы желанным сыном.
Старый тот обычай блюдя, и ныне
Граждане чистой
Жертвой чтут тебя, и прекрасный пеплос
Девы [в храм] приносят.....
На тебя...

* Звездочкой обозначены стихи, принадлежащие либо Сапфо, либо Алкею и отнесенные к одному из поэтов современными филологами.

12 (127)

Музы, ниспуститесь, золотой оставив
[Дом отца] ...

13 (53)

Розоволокотные,
 чистые — вы,
Дочери Зевсовы,
О Хариты, ко мне...

14 (150)

В этом доме, дитя, полном служенья Музам,
Скорби быть не должно: нам неприлично плакать.

15 (32)

[Музы] мне в почет принесли даренья
От своих трудов...

16 (128)

Нежных Харит я призову, Муз пышнокудых с ними...

17 (124)

И ты, Каллиопа, и ты...

18 (141)

С амвросией там воду в кратере смешали,
Взял чашу Гермес черпать вино для бессмертных.
И, кубки приняв, все возлиянья творили,
И благ жениху самых высоких желали.

19 (154)

Вот встала луна огромным кругом,
Вот вокруг алтаря обстали [жрицы]...

20 (40)

Белую козу для тебя [я в жертву]...

21 (16*)

В былые года музыке в лад критянки
Вокруг алтаря в нежной кружились пляске,
...По мягкой траве мягкой ногой ступая...

**САПФО
ФИАС,
ПОДРУГИ, СОПЕРНИЦЫ**

22 (2)

К нам приблизься ко храму,
Там в священной роще цветут нарядно
Яблони, дымок с алтарей разносит
Вкруг благовонья.
Там, прохладен, плещется ток под сенью
Яблонь, сад весь в розанах, изукрашен
Сплошь, и, чуть колеблемы ветром, ветви
Сон навевают.

10 Луг в цветах раскинулся конепасный,
Пестры лепестки, и летят повсюду
Запахи медовые...

.....
Ты приди сюдаКиприда,
И налей, щедре, в золотые чаши
Смешанный с водой безызыанный нектар
Пиру на радость.

23 (160)

...теперь прелестные эти песни
Сладко буду петь я моим подругам.

24 (41)

А мои о вас, моих милых, думы
Ввек неизменны.

25 (118)

Черепаша священная,
Стань звучащею ныне!

26 (156)

И сладкозвучнее лир, и золотее золота...

27 (24b)

Венком охвати, Дика моя, волны кудрей прекрасных.
 Нарви для венка нежной рукой свежих укропа веток.
 Где много цветов, теплится там сердце богов блаженных,
 От тех же они, кто без венка, прочь отвращают взоры.

28 (94)

Нет, она не вернулась!
 Умереть я хотела бы...
 А прощаясь со мной, она плакала,
 Плача, так говорила мне:
 «О, как страшно страдаю я.
 Псапфа! Бросить тебя мне приходится!»
 Я же так отвечала ей:
 «Поезжай себе с радостью
 И меня не забудь. Уж тебе ль не знать,
 10 Как была дорога ты мне!
 А не знаешь, так вспомни ты
 Все прекрасное, что мы пережили:
 Как фиалками многими
 И душистыми розами,
 Сидя возле меня, ты венчалась,
 Как густыми гирляндами
 Из цветов и из зелени
 Обвивала себе шею нежную.
 Как прекрасноволосую
 20 Умащала ты голову
 Миррой царственно-благоухающей,
 И как нежной рукой своей
 Близ меня с ложа мягкого
 За напитком ты сладким тянулася.
 И ни жертвы, ни
 Ни не было,
 Где бы мы
 И ни рощи священной...»

29 (96)

.....
 И из Сард к нам сюда она
 Часто мыслью несется,
 вспоминая,
 Как мы жили вдвоем, как богинею
 Ты казалась ей славною
 И как песни твои ей
 были милы.

33 (27)

...А в ту пору девочкою была ты.
 Заведём же песню теперь, подруги,
 Общей чередой, чтобы в ней звучали
 Радость и милость.
 Путь наш — в брачный дом: не тебе ли ведать
 Это лучше всех? Отпусти, простившись,
 Девушек-подруг, и да будут боги
 К нам благосклонны.
 Ибо нет путей к олимпийским высям
 Для земных людей...

34 (56)

Между дев, что на свет солнца глядят, вряд ли, я думаю,
 Будет в мире когда хоть бы одна дева столь мудрая.

35 — 36 (49)

Ты была мне когда-то, Аттида, любимицей...
 Ты казалась неловкою маленькой девочкой...

37 (131)

Ты ж, Аттида, и вспомнить не думаешь
 Обо мне. К Андромеде стремишься ты.

38 (129)

...обо мне забыла
 Или полюбила кого на свете
 Больше, чем меня...

39 (32)

...Те, кому я
 Отдаю так много, всего мне больше
 Мук причиняют.

40 (91)

Противней тебя я никого, милая, не встречала!

41 (82)

Гиринны моей краше моя нежная Мнаседика...

42 (155)

Добрый день, славная дочь Поланакта!

43 (11)

И обучена мной дева Геро, в беге проворная,
Из Гиароса...

44 (153)

Сладкоголосую деву...

45 (163)

Ты, моя забота...

46 (126)

Засыпать на груди нежной любимицы...

47 (39)

...а ногу
Пестрый сапжок обувал, лидийской
Тонкой работы.

48 (125)

...заплетала цветы в венки...

49 (57)

И какая тебя так увлекла, в сполу одетая,
Деревенщина?.....
Не умеет она платья обвить около щиколотки.

50 (133a)

Достойный дар Андромеде был наградой...

51 (144)

От Горго мы пресытились...

САПФО
ЛЮБОВЬ

52 (31)

Богу равным кажется мне по счастью
Человек, который так близко-близко
Перед тобой сидит, твой звучащий нежно
Слушает голос
И прелестный смех. У меня при этом
Перестало сразу бы сердце биться:
Лишь тебя увижу, — уж я не в силах
Вымолвить слова.
Но немеет тотчас язык, под кожей
Быстро легкий жар пробегает, смотрят,
Ничего не видя, глаза, в ушах же —
Звон непрерывный.
Потом жарким я обливаюсь, дрожью
Члены все охвачены, зеленее
Становлюсь травы, и вот-вот как будто
С жизнью прощусь я.
Но терпи, терпи: чересчур далеко
Все зашло...

53 (16)

На земле на черной всего прекрасней
Те считают конницу, те пехоту,
Те — суда. По-моему ж, то прекрасно,
Что кому любо.
Это все для каждого сделать ясным
Очень просто. Вот, например, Елена:
Мало ль видеть ей довелось красавцев?
Всех же милее
Стал ей муж, позором покрывший Трою.
10 И отца, и мать, и дитя родное —
Всех она забыла, подпавши сердцем
Чарам Киприды.
.....согнуть нетрудно...
.....приходит
Нынче все далекая мне на память
Анактория.
Девы поступь милая, блеском взоров
Озаренный лик мне дороже всяких
Колесниц лидийских и конеборцев,
20 В бронях блестящих.
Знаю я — случиться того не может
Средь людей, но все же с молитвой жаркой...

54 (47)

Словно ветер, с горы на дубы налетающий,
Эрос душу потряс мне...

55 (130)

Эрос вновь меня мучит истомчивый —
Горько-сладостный, необоримый змей.

56 (48)

Мне на радость пришел: я томилась, ждала тебя,
Ты мне грудь охладил, что горела в огне тоски.

57 (102)

О матушка! Не в силах за станком сидеть я ткацким:
Мне сердце стройный мальчик покорил чрез Афродиту.

58 (36)

Страстью я горю и безумствую...

59 (138)

... выступи, если любишь:
Пусть из очей ясное вспыхнет чувство...

60 (37)

И по капле боль...

61 (38)

Обжигает нас несносимым жаром...

САПФО ЖИЗНЕОТНОШЕНИЕ

62 (50)

Кто прекрасен, — одно лишь нам радует зрение,
Кто ж хорош, — сам собой и прекрасным покажется.

63 (148)

Богатство одно — спутник плохой без добродетели рядом.

64 (55)

Ты умрешь и в земле будешь лежать; воспоминания
Не оставишь в веках, как и в любви; роз пиерийских ты
Не знавала душой; будешь в местах темных Аидовых
Неизвестной блуждать между теней, смутно трепещущих.

65 (147)

И не забудут об нас, говорю я, и в будущем...

66 (52)

Не достать до небес, хоть и вскинув ладонями...

67 (51)

Я не знаю, как быть: у меня два решения.

68 (158)

Пусть даже гнев в груди бушует —
Праздный язык удержи от брани...

69 (120)

...но своего гнева не помню я:
Как у малых детей, сердце мое...

70 (121)

Ты мне друг. Но жену в дом свой введи более юную.
Я ведь старше тебя. Кров твой делить я не решусь с тобой.

71 (58)

Всю кожу мою сетью морщин старость уже изрыла,
И стали белы пряди мои, прежде чернее смоли.
.....слабы, колени гнутся.
И силы не те, чтобы, как встарь, ланью по лугу мчаться.
..... что я могу поделать?
Никто из людей век не стареть, вечно цвести не в силах.
Давно, говорят, пыл повелел розоворукой Эос
В дорогу пойти к краю земли вслед за Тифоном смертным.
..... им овладела старость.
10милой предстать супруге.
..... видно, навек исчезло.
..... если бы даровал он!
А я красоте всею душой предана, и со мною,
Покуда люблю, солнечный свет, радостный, неразлучен.

72 (95, 8—13)

...Я промолвила: «Господи,
Будь, Киприда, свидетелем:
Нет на свете мне истинной радости —
Лишь тоска и желание
Пасть к росистому берегу
Ахеронта, поросшему лотосом...»

73 (137, 3—6)

Будь цель прекрасна и высока твоя,
Не будь позорным, что ты сказать хотел, —
Стыдясь, ты глаз не опустил бы,
Прямо сказал бы ты все, что хочешь.

САПФО СЕМЬЯ

74 (98)

Та, что жизнь мне дала, говорила встарь:
«Если, столь же юна, как ты,
В пышных девушка волосах
Носит только багряной повязки шерсть,
Ей не нужен убор иной.
А от рыжих твоих волос
Огневое сиянье струится вкруг —
Пусть украсит чело твое
Из раскрытых цветков венки».
10 А тебе еще больше к лицу убор
Пестротканый, из пышных Сард —
Град восточный...
Но такого убора нет
У меня — и откуда взять
Эту пеструю ткань? Виноват во всем
Митилены правитель...
.....
Это город наш доказал —
Знай, что Клеанактида власть
Пала в прах. В ней беды нашей был исток.

75 (132)

Есть прекрасное дитя у меня. Она похожа
На цветочек золотистый, милая Клеида.
Пусть дадут мне за нее всю Лидию, весь мой милый
[Лесбос]...

76 (5)

Нереиды милые! Дайте брату
Моему счастливо домой вернуться,
Чтобы все исполнилось, что душою
Он пожелает.

Чтоб забылось все, чем грешил он раньше,
Чтоб друзьям своим он доставил радость
И досаду недругам (пусть не будет
Век у меня их!).

Пусть захочет почести он с сестрою
10 Разделить. Пускай огорчений тяжких
Он не помнит. Ими терзаясь, много
Горя и мне он
Дал когда-то. К радости граждан, сколько
Он нападок слышал, язвящих больно!
Лишь на время смолкли они — и тотчас
Возобновились...

77 (15)

9 ...Горькой для нее ты явись, Киприда,
Пусть не смеет хвастаться нам Дориха,
12 Что опять любовь у нее, как прежде,
С другом желанным.

САПФО
ПРИРОДА

78 (34)

Звезды близ прекрасной луны тотчас же
Весь теряют яркий свой блеск, едва лишь
Над землей она, серебром сияя,
Полная, встанет.

79 (122)

...Что нежная девушка
Цветы собирала...

80 (143)

На ее берегах золотые цветут эревинфы...

81 (135)

Что ты, ласточка моя, Пандионида...

82 (136)

Соловей сладкогласный, вешний вестник...

83 (42)

В нежные сердца проникает холод,
Поникают крылья...

84 (123)

В золотых сандалиях мне недавно
Эос...

85 (157)

Властная Эос.

САПФО ЭПИТАЛАМИИ

86 (44)

СВАДЬБА ГЕКТОРА И АНДРОМАХИ

- 2 глашатай пришел...
Вестник Идей быстроногий, и вот что поведал он:
.....
- 4 Слава по Азии всей разнеслася бессмертная:
«С Плакии вечно бегущей, из Фивы божественной,
Гектор с толпою друзей через море соленое
На кораблях Андромаху везет быстроглазую,
Нежную. С нею — немало запястий из золота,
Пурпурных платьев и тканей, узорчато вышитых,
10 Кости слоновой без счета и кубков серебряных».
- Милый отец, услышавши, поднялся стремительно,
Вести дошли до друзей по широкому городу.
Мулов немедля в повозки красивоколесные
Трои сыны запрягли. На повозки народом всем
Жены взошли и прекраснородные девушки.
Розно от прочих Приамовы дочери ехали.
Мужь коней подвели под ярмо колесничное —

18 Все молодые, прекрасные юноши.....
30 закурились ладаном.
В радости жены вскричали, постарше которые,
Громко мужчины пеан затянули пленительный,
Звали они Дальновержца, прекрасного лирика,
Славили равных богам Андромаху и Гектора.

87 (111)

Эй, потолок поднимайте, —
 О Гименей! —
Выше, плотники, выше!
 О Гименей! —
Входит жених, подобный Арею,
Выше самых высоких мужей!

88 (106)

Выше, насколько певец лесбосский других превышает.

89 (115)

С чем сравнить тебя, о жених счастливый?
С чем сравнить мне тебя, как не с веткой стройной!

90 (109)

«Отдадим», — говорит отец...

91 (104)

Все, что рассеет заря, собираешь ты, Геспер, обратно:
Коз собираешь, овец, — а у матери дочь отнимаешь.

92 (105c)

Как гиацинт, что в горах пастухи попирают ногами,
И — помятый — к земле цветок пурпуровый никнет...

93 (105a)

Сладкое яблочко ярко алеет на ветке высокой —
Очень высоко на ветке; забыли сорвать его люди.
Нет, не забыли сорвать, а достать его не сумели.

94 (113)

В мире девы подобной, жених, не бывало!

95 (107)

«Все ли еще мне невинность хранить свою?»

96 (114)

«Невинность моя, невинность моя,
куда от меня уходишь?»

«Теперь никогда, теперь никогда
к тебе не вернусь обратно!»

97 (116)

Слава деве, слава, и зятю слава...

98 (117)

Радуйся, о невеста!
Радуйся много, жених почтенный!

99 (112)

Славен будь, муж: до свадьбы, столь для тебя желанной,
Дожил, владеешь девой, столь для тебя желанной.

* * *

Дивен твой облик, дева; сладостней меда взгляды,
Полностью завладела страсть несравненным ликом.

* * *

...являет милость высшую Афродита.

100 (30)

...Девушки всю ночь бы тебе во славу
И темнокудрявой твоей невесте
Пели бы песни.

Встань, жених, не медли, ступай и скликни
Молодых ровесников, и до света,
Словно соловьям, не смежит нам очи
Сон мимолетный.

101 (110)

В семь сажен у привратника ноги,
На ступнях пятерные подошвы,
В двадцать рук их башмачники шили.

САПФО

РАЗНОЕ

102 (142)

Очень близкие были подруги Лето́ и Ниоба.

103 (166)

Говорят, как-то раз Леда яйцо под гиацинтами
На прогулке нашла...

104 (167)

Белой белей скорлупы...

105 (46)

...я раскинусь на мягких подушках...

106 (145)

...Не толкни малого камешка...

107 (146)

Ни медуницы, ни меда мне...

108 (149)

...Очи их ночь напролет смежены...

109 (151)

Черный сон ночной на глаза...

110 (152)

...пестрые краски смешались воедино...

111 (164)

Кличет сына она...

112 (185)

Голос, как мед...

113 (188)

Сказки сплетать...

114 (192)

Золотом вздутый кубок.

115 (17*)

Пряла Малида ниточки тонкие, льняные...

116 (21*)

Таков-то в Фивы юноша въехал в колеснице...

АЛКЕЙ ИЗ ГИМНОВ БОГАМ

1 (34)

ДИОСКУРАМ

К нам, Пелопов край покидая дальний,
Зевсовы сыны и царицы Леды,
Просияйте к нам благосклонным духом,

Кастор и Поллукс,
Вы, что по морям и просторам суши
Мчитесь на конях, несдержимых в беге,
И от ледяной бережете в бедах
Смертных от смерти.

10 Вы, на крепкий клюв корабельный прянув,
По снастям скользнув на вершину мачты,
В злой ночи лучитесь желанным светом
Черному судну...

2 (308b)

ГЕРМЕСУ

Радуйся, державец горы Килленской!
О тебе пою, на святых вершинах

Маеию рожденный владыке Зевсу,
Кронову сыну.

3 (304)

АРТЕМИДЕ

...Златокудрому Фебу, от Коевой дочери
Сыну Зевса Кронида, над тучами славного.
Артемиде же кликнула клятву великую:
«Головою твоею клянусь, что безбрачною
Буду девой в пустынных горах звероловствовать, —
Утверди сию милость святым мановением!»
Царь блаженных богов наклонил свою голову —
И отселе она меж людьми и бессмертными
Слышет ловчею девой, оленеубийцею.

10 Разымающий Эрос ее не касается...

4 (327)

ЭРОСУ

.....
[Эрос], грознейший между бессмертными,
От златокудрого Зефира
Пышнообутой рожден Иридой...

5 (307a)

АПОЛЛОНУ

Владыка Феб, сын Зевса всевышнего...

6 (325)

АФИНЕ

Афина Дева, в битвы ведущая,
Над Коронеей мудро царящая
У Коралийского потока,
Где возвышается храм прибрежный...

7 (349)

ГЕФЕСТУ

И никто из богов не был силен освободить ее...
Погрозился Арес: будет Гефест пригнан насилием...

стать меж двенадцатью...
смехом гремят боги бессмертные...

8 (309)

МУЗАМ <?>

Кто стяжал вас, тому волей богов неувядаемо
Процвести...

9 (45)

ГИМН РЕКЕ ГЕБРУ

Гебр, река из рек, под стеной эносской
Рвущийся в багровые волны моря,
Из фракийских стран пробивая устье,
Славных конями, —
К берегам твоим собираясь, деву
Влагою твоей, как священным маслом,
Услаждают, нежной скользя ладонью,
Нежное тело...

О ДРУГИХ БОГАХ

10 (386)

Взяли для Крона тебя на грудь Хариты...

11 (200 сл.)

Ибо Зевс Кронион блюдет исход
Каждого дела.

12 (310)

Твоя нам дочь да будет водителем.

13 (343)

Нимфы! Молвит молва: Зевс — вам отец, грозный эгидою.

АЛКЕЙ
ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА

14 (339)

Как от отцов к нам дошло преданье...

15 (42)

Так гласит молва: от твоих, Елена,
От недобрых дел низошли напасти
На Приамов род, и в огне палящем
Сгинула Троя.

Не такую взял Эакид в супруги,
Весь блаженный сонм созывая к пиру,
На завидный брак из хором Нерее
Нежную деву

В свой Хиронов дом. Чистоты девичьей
10 Разрешил он пояс, и цвел любовью
Брак Пелея с лучшей из дев Нерее;

А через лето
Был ему рожден полубог могучий,
Рыжих жеребцов укротитель гордый;
А Елена смерть принесла фригийским
Граду и люду.

16 (283)

...А Елене в грудь заронила жажду,
Чтоб она, аргивянка, в исступленье
С вероломным вместе пустилась гостем

В дальнее море,
Оставляя дома и дочь родную,
И супругам выстеленное ложе:
Так гнала Киприда любовью чадо
Зевса и Леды.

.....
10 Черная земля поглотила много
Братьев, павших в прах на равнине Трои
Ради Елены.

17 (382)

Она сплотила силы развеянных
Мужей, вдохнувши в них порядок.

18 (354)

... Ахилл, царящий над скифами...

19 (387)

Зевса Крониона поросль, Аякс — после Ахилла лучший.

20 (S262)

.....
На них, творящих срам и нечестие,
Обрушилась Неотвратимость,
[Крепкой петлей] захлестнувши выи.
Стократ бы лучше мужи-ахеяне
..... предали гибели:
Суда их, миновавши Эги,
Верно бы, в мирное вплыли море, —
Но как во храме дочь Приамова,
Кумир Афины многодобычливой,
10 Обвив руками за колена,
Лютое городу.....
..... пал Деифоб за ним.
И над стенами к небу дарданскими
Взметнулся плач детей и женщин,
Всю оглашая равнину Трои.
Аякс, объятый гибельным бешенством,
Ворвался в сень Паллады священную,
Страшнее всех богов блаженных
Казнь назначающей святотатцам;
20 Двумя руками деву молящую
Прочь от кумира Зевсовой дочери
Локриец оторвал, без страха
Перед воительницей-богиней.
Но, исподбровья черные ужасы
Метнув, богиня к морю низринулась
И в темной, как вино, пучине
Взбила мгновенную непогоду...

21 (334)

И Посейдон еще не вздыбил
Острым трезубцем седое море.

А Л К Е Й ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

22 (71)

Ты был мне другом: вместе, как водится,
Мы хлеб и соль водили за трапезой...

23 (331)

Меланхр, меж граждан достопочтеннейший...

24 (332)

Приспело время: пей, через силу пей!
Пусть пьян напьется каждый: погиб Мирсил!

25 (72)

...На всех попойках бражник безудержный,
С утра пьянел он полными кубками
 Неразбавляемого хмеля,
 А по ночам клокотал в застолье.
Он не оставил прежних обычаев
И в новой доле, первый меж первыми,
 Задорясь пьяными ночами
 Так, что у бочек трещало днище.
Каким отцом, такой же и матерью
10 Рожденный, ты ли требуешь почести,
 Как будто вольный и достойный...

26 (70)

...А он, гордясь свойством с родом Атреевым,
Пусть грызет горожан так, как Мирсил их грыз,
Покуда нас Арес не призовет к мечам, —
И не раньше тогда гнев наш уляжется,
Чем кончится раздор братоубийственный,
Нам терзавший сердца с той приснопамятной
Поры, как некий бог вверх наш народ в беду,
А Питтаку принес славу желанную...

27 (348)

Худородный Питтак общей хвалой ставлен тиранствовать
Над усталым от мук злобной судьбы бедственным городом...

28 (119)

...Твоя пора урочная минула,
И что созрело, то и собирается;
 Еще, быть может, добрый отпрыск
 Новые тяжкие свесит гроздья,
Но слишком поздно: здесь, в винограднике,
Такие лозы.....
 И я боюсь, что их ощиплют

Раньше, чем кислое станет спелым,
Затем, что те бывлые садовники
10 Ушли в изгнание...

29 (68)

И того отца-то побить камнями
Впору, а его уж отца — подавно:
Нет на нем стыда...
Всем ненавистный.

30 (363)

...И надменным духом
Ввысь взлетает.

31 (67)

Не во всем...
Не лишенный ума...
Аполлонов алтарь был нам оградой,
Чтоб не встал на виду
Отпрыск худых отцов.

32 (141)

Наш удел — на весу: все вверх дном опрокинется,
Если в городе власть заберет он, рехнувшийся...

АЛКЕЙ ГЕТЕРИЯ АЛКЕЯ ТЕРПИТ ПОРАЖЕНИЕ

33 (326)

Мы потерялись в сшибке морских валов!
То справа грянет в борт перекатный вал,
То слева, а меж тем и этим
Мечется черное наше судно —
И мы без сил страдаем под бурей:
Вода под самой плещется мачтою,
Разорван парус, и лохмотья
Крупными клочьями свисли с реи;
Трещат канаты...

34 (6)

Волна под вихрем опережающим
Встает, и нам без счету вычерпывать

Захлестывающую воду...

.....

Огородиться бы скорее

И безопасной достичь лагуны!

Не поддавайтесь оцепенению!

10 Когда невзгода встала насущная

Перед глазами, — всякий помни

Быть пред бедой настоящим мужем.

Не посраим своим малодушием

Достойных предков, в мире почивших...

.....
Нам ненавистно самовластье,

Мы не хотим над собой тирана.

35 (73)

...И кораблю не до поклажи:

Лишь самому бы остаться целым.

Ревущим валом тяжко исхлестанный,

Устав бороться с бешеной бурей

И ливнем, чаёт он, что скоро

Треснет над треньем незримой мели.

Но пусть он праздно бьется и мечется —

О нем хочу забыть я, товарищ мой,

И вместе с Бикхидом и с вами

10 Душу отрадным предать утехам,

Чтоб вновь и вновь...

36 (355)

Между землею и снежным небом...

37 (58)

...Не плыть ковшу в кувшине с густым вином.

К чему стараться? Знаем и ты и я,

Что от рассвета до заката

Нам не дано распевать за чапшей.

Так что ж мы медлим в море отважиться,

Как будто зимней скованы спячкою?

Скорее встанем, весла в руки,

Крепким напором на шест наляжем

И оттолкнемся, в море открытое

10 Направив парус, реей расправленный, —

И веселее станет сердцу:

Вместо попоек рука при деле...

38 (69)

Зевс-родитель! Сжался над нашим горем,
Лидяне две тысячи полновесных
Дали нам монет, чтобы мы вступили
В город священный,
Хоть они от нас никогда не знали
И не ждали впредь никакой услуги.
Он же, словно лис, от беды надеясь
С легкостью скрыться...

39 (361)

Ежели Зевес нам поможет в деле...

А Л К Е Й В ИЗГНАНИИ

40 (129)

В былые годы мужи лесбийские
На видном месте это святилище
Богам блаженным посвятили
И алтари возвели в ограде.
Здесь славят Зевса именем Встречника,
Здесь нареклась богиня Эолии
Вселенской Матерью, а третьим
Здесь Дионис-Сыроядец чтится
С челом безрогим. Ныне, могучие,
10 Явите милость к нашим молениям
И вызволите нас из бедствий
Доли изгнаннической убогой.
А сыну Гирра, клятвопреступнику,
Да будет казнь от мстящей Эринии —
Не вместе ль дали мы обеты,
Что не отступит никто из наших,
Но или в землю ляжем, приняв судьбу
От тех, кто были сильными в городе,
Или, повергнув их мечами,
20 Вызволим граждан из горькой муки?
А он, толстяк, не в сердце давал обет —
И, выждав время, нынче на горе нам,
Поправ свою ногами клятву,
Он пожирает несчастный город...

41 (130, 16—35)

Здесь, в священной земле, Агесилаев сын,
Мне приходится жить, как мужики живут,

И завидовать тем, кто слышит,
 Как вестник зовет люд на собрание
 И совет. Этот крик знали отец и дед
 С молодых своих дней и до седых волос
 Меж взаимной вражды сограждан.
 А мне суждено вдалеке от них,
 На чужой стороне скрывшись, как беженцу.
 10 Точно так Ономакл...
 Подобно волку в облаве.

 Так, по черной земле тропы измеривши,
 Я пришел наконец в божье святилище,
 Где с пути не сбивает злоба
 И радуют взгляд людные празднества:
 Собираются здесь жены лесбийские
 Состязаться о том, кто всех красивее,
 А вокруг ежегодным хором
 20 Взлетают к богам звонкие выклики...

АЛКЕЙ

42 (357)

ЗАГОВОРЩИКАМ

Медью воинской блестит,
 весь оружием убран дом —
 Аресу в честь.
 Тут шеломы как жар горят,
 и колышутся белые
 на них хвосты;
 Там блестящие медные
 поразвешены поножи —
 покров от стрел;
 Вот холстинные панцири,
 вот и полые, круглые
 лежат щиты;
 Есть булаты халкидские,
 есть и пояс и перевязь:
 готово все,
 Ничего не забыто здесь:
 не забудем и мы, друзья,
 за что взяли!

43 (249, 6—9)

Кто знает дело, кто многоопытен,
 Тот путь морской наметит от пристани;

Когда же ты в открытом море,
То повинуйся волне и ветру...

44 (314)

Для нас победу боги бессмертные...

А Л К Е Й ПЕСНИ ПИРУШКИ

45 (333)

Вино — окошко в человеке...

46 (338)

Льет ливнем Зевс, ненастье великое
Напало с неба, смерзлась вода в ручьях

.....
Долой ненастье! Жарче огонь раскинь,
Вино разбавь нескучно медвяное
И запрокинься головою
Между подушек из мягкой шерсти...

47 (335)

Не поддавайся духом в несчастьях!
Какая прибыль нам от душевных мук?
Нет, Бикхид: лучшее лекарство —
Кликнуть вина и напиться пьяным.

48 (38)

Пей без просьбу вместе со мной, Меланипп, мой друг!
Разве нам суждено, миновав Ахеронтский вал,
Снова солнечных дней увидеть лучезарный свет?
Нет: не пробуй надежду питать непосильную!
Сын Эола, Сисиф, меж людьми хитроумнейший,
Мнил, что общую смерть удалось одолеть ему, —
Смертной Керой, однако, и он, многознающий,
Дважды был к ахеронтской волне принужден сойти.
Там, под черной землею, Кронид повелел ему
10 Бремя тяжкое взять...

49 (346)

Выпьем! Надо ли нам ждать темноты? С палец осталось дня!
Принеси нам больших чаш расписных, мальчик любимый мой!

Для забвенья забот бог, что рожден Зевсом с Семелою,
Нам вино даровал. Лей до краев! Два к одному смешай
Воду с чистым вином: пусть поспешат чаша за чашею
Друг за другом вдогон...

50 (347a)

Влей в иссохшую грудь каплю вина! Встала звезда в выси —
Нынче тяжкие дни: всё от жары мучится жаждою.
Лишь цикада в листе, сладко звуча, льет из-под крылышек
Звонкой песни поток, — а между тем
Над широкой землей жар распростерт всеиссушающий.
Колкий сколим зацвел. Жены теперь мерзки от похоти,
А мужчины — без сил: мышцу и мозг высушил Сириус...

51 (362)

Пусть сплетут венки из цветов пахучих,
Пусть наденут нам на крутые шеи,
Пусть плеснут на грудь, умащая тело,
Сладкую мирру...

52 (50)

Лей душистый елей мне на чело многострадальное
И на грудь в седине! С теми, кто пьет, [буду я пьянствовать].
Много мне и другим вынести бед боги назначили...

53 (352)

Будем пить! В небесах катится Сириус...

54 (366)

...это, милый, вино и правда...

55 (369)

То мне вино усладительней меда,
То возбудительней острого терна...

56 (374)

Иду на пир — дорогу мне! Прошу тебя,пусти меня.

57 (322)

Льется вина плеск из теосских чаш...

58 (376)

Ты ль, подсев к Диномену,
Цедишь вино из кубка...

59 (368)

Позовите ко мне, о друзья, дорогого Менона!
Коли он поспешит, веселее мне станет веселье!..

АЛКЕЙ БРАТУ

60 (350)

Ты с чужбины принес меч с рукояткою
Из слоновой кости, вкованной в золото:
Ты его заслужил при вавилонянах,
Их народ из беды вызволив подвигом, —
Ты такого убил рослого витязя,
Что пяти был локтей без четырех перстов...

61 (328)

В дальних окраинах обитая...

62 (329)

И, вскинув шлем, усеянный золотом...

63 (330)

В Аресовой смешались брани...

АЛКЕЙ ЖИЗНЕОТНОШЕНИЕ

64 (360)

Так молвил Аристодам
Разумное в Спарте слово:
«В богатстве — весь человек;
Кто добр, но убог — ничтожен».

65 (364)

Две сестры несносимые, Бедность и Бедствие,
Вы немалый народ под ярмо повергаете...

66 (391)

Между вами и нами
Благородством отменные...

67 (392)

Не прикрывая умысла обиньяками...

68 (400)

Красна погибель в брани Аресовой...

69 (353)

... не повредить нашему ближнему...

70 (341)

Если будешь болтать все, чего хочется,
Будь готов услышать, что и не хочется...

71 (342)

Никаких не сажай в землю деревьев до виноградных лоз...

72 (344)

Осторожнее, друг, ты шевели зыбкие камешки:
Тронешь круто — и вмиг грянет обвал прямо на голову...

А Л К Е Й ПРИРОДА

73 (367)

[В эту пору,] когда наступает весна, расцветая,
Растворите мне в чаше медвяную винную влагу
Поскорей...

74 (115)

В этот город летят из-за озер птицы
[С тех далеких] вершин, где аромат
[Где над] синей водой, свежей водой лозы...

75 (345)

Что за птицы летят из-за морей с дальних краев земли?
Стаи уток в выси, с шеей рябой, крылья раскинувши...

76 (319)

Безбурные вздохи легких ветров...

А Л К Е Й

РАЗНОЕ

77 (10b)

Не изжить зол, не избыть бед, вековать мне в горькой доле...
... Подошла хворь, ей конца нет...

78 (117, 24—31)

...щедро дарившие.

Вот урок мой для всех бывших и будущих:
Кто блуднице дает — тот одинаково
Мог бы бросить свой дар в море соленое.
Если скажешь ты «нет», — вот доказательство:
Так бывало с любим, кто ни повадится
К блудным девкам: едва дело доделано,
Как навалится срам гиблого нищества...

79 (336)

Кружусь я в вихре, обезумев...

80 (337)

Первый — Ангандр, лелегийский город...

81 (340)

Если ты пришлецу сможешь сказать: «Сам я оттуда же»...

82 (365)

Тяжкий камень навис над его головою, друг мой...

83 (356)

И над большим народом правил...

84 (359)

Чадо скалы и седого моря...
Ты развлекаешь детей, морская черепаха...

85 (318)

И выступает, обут по-скифски...

86 (311)

Твое жилье, твое злополучие...

87 (313)

...когда спасаешь их, гибнущих...

88

Тебе, Сапфо, улыбчивой чистой деве,
Сказал бы слово — только промолвить стыдно...

И В И К

1

ЭНКМИЙ ПОЛИКРАТУ

Антистрофа

...Город Приама, внука Дарданова,
Славный, великий, достатка исполненный,
Аргоса богатыри
В прах низвергли по воле Зевса,

Эпод

Елены-красавицы ради
Подъяв многопетую распря,
Бремя тяжкое битвы плачевной.
И несчастная выпала доля Пергаму
Из-за Киприды
10 О золотой косе.

Строфа

Но сейчас не по сердцу мне будет петь
Ни о Парисе, о госте-обманщике,

Ни о Кассандры красе,
Ни о детях других Приама,

Антистрофа

Ни о бесславном, погибельном дне, когда
Рухнула Троя высокотвердынная.
Доблести я не коснусь
Несказанной героев славных,

Эпод

20 Для гибели Трои прибывших
В ладьях крепкозданных, глубоких.
Вождем был у них Агамемнон,
Плисфенид, властодержец, народов владыка,
Отпрыск Атрея,
Славы сродника.

Строфа

Музы, конечно, могли б геликонские
Сказ повести своим словом затейливым
(Только не смертный певец!)
О ладьях, как на них под Трою,

Антистрофа

30 Конекормилицу, вышла из Аргоса,
Из-под Авлиды, по морю Эгейскому
Неисчислимая рать,

Эпод

Меднощитные дети ахейя.
Лучшим был Ахилл быстроногий,
Герой, копьеборец преславный,
И был в ней Аякс Теламонов,
Гордый силой своей необорной и ростом.

.....

Антистрофа

...Был и красавец в ней дивный, Гиллидою
Златопоясой рожденный. Троила с ним
Также равняли красу

Эпод

40 Троян и данаев рати,
Как чистое золото с медью.
Краса их обоих нетленна!
А с ними нетленную славу
Вкусишь также и ты, Поликрат-чарователь.
Я же за песен
Дар прославлюся.

2

Кассандра, Приама дочь,
Синеокая дева в пышных кудрях,
 в памяти смертных живет.

3

Первым, молвят, был Зевсу Геракл поборник
Вместе с сильной духом Палладой-девой,
Наилучшего дочерью. Ее же один рождал он:
Всколебалось темя у бога...

4

Белоконных сыновей
Молионы я убил —
Сверстников, крепко сращенных друг с другом,
Храбрых. В яйце родились серебряном
Вместе они...

5

О Евриал, Харит лучезарных ветвь,
Ты, о питомец Муз пышнокудрых! Кипридою
И нежною Пейфо ты
Под розами вскормлен, цветущими пышно.

6

Только весною цветут цветы
Яблонь кидонских, речной струей
Щедры питаемых, там, где сад
Дев необорванный. Лишь весною же
И плодоносные почки набухшие
На виноградных лозах распускаются.
Мне же никогда не дает вздохнуть
 Эрос. Летит от Киприды он —

Темный, вселяющий ужас всем —
Словно сверкающий молнией северный ветер фракийский,
и душу

10 Мощно до самого дна колышет
Жгучим безумием...

7

Эрос влажномерцающим взглядом очей своих черных глядит
из-под век на меня

И чарами разными в сети Киприды
Крепкие вновь меня ввергает.
Дрожу и боюсь я прихода его.
Так на бегах отличившийся конь неохотно под старость
С колесницами быстрыми на состязанье идет.

8

Сердце милое! Вечно меня, как пурпурица быстрая...

9

Мирты, и яблоки, и златоцветы,
Нежные лавры, и розы, и фиалки...

10

И соловьев полная звуков заря будит, бессонная.

11

На дереве том, на вершине его, утки пестрые сидят
В темной листве; много еще там яркозобых пурпурниц
И акион быстrokрылых...

12

...горя, как долгою ночью горят звезды блестящие в небе.

13

Гладких ту сушу создали руки людей,
...из камней
Где лишь хищные стаи рыб
Раньше паслись среди улиток.

14

Боюсь, чтоб чести у людей
Не купить ценой нечестья пред богами.

15

Чья жизнь уже погасла, для тех
найти невозможно лекарства.

АНАКРЕОНТ

1 (3)

ИЗ ГИМНА АРТЕМИДЕ

Пред тобой, русокудрая
Артемиде, дочь Зевсова,
Ланебойца, зверей гроза,
Я колени склоняю.
О явись и веселый взор
Брось на град у Лефея вод,
Где живут люди мощные, —
Брось и радуйся: ты царишь
Над людьми веледушными!

АНАКРЕОНТ

2 (12)

ИЗ ГИМНА ДИОНИСУ

Ты, с кем Эрос властительный,
Афродита в багрянце,
Синеокие нимфы
Сообща забавляются
На вершинах высоких гор, —
На коленях молю тебя:
Появись и прими мою
Благосклонно молитву.
Будь хорошим советником
10 Клеобулу! Любовь мою
Не презри, о великий царь,
Дионис многославный!

3 (65)

Свежую зелень петрушки в душистый венок заплетая,
Мы посвятим Дионису сегодняшний радостный праздник.

4 (20)

Весьма многошумного
Тебя, Диониса...

5 (73)

В золотой своей одежде, дева пышнокудрая,
Старика, меня, услышь ты...

6 (45)

Пышноволосые дочери Зевса непринужденно плясали.

АНАКРЕОНТ О СЕБЕ САМОМ

7 (71)

Я ненавижу всех
Тех, кто заботы дня, тягость трудов своих
В душах лелеют. Тебя, кажется мне, Мегист,
Жизнь без тревог вести я научил сполна.

8 (50)

Сединой виски покрылись, голова вся побелела,
Свежесть юности умчалась, зубы старческие слабы.
Жизнью сладостной недолго наслаждаться мне осталось.
Потому-то я и плачу — Тартар мысль мою пугает!
Ведь ужасна глубь Аида — тяжело в нее спускаться.
Кто сошел туда — готово: для него уж нет возврата.

9 (75)

Вот уже седые нити, примешавшись,
В черных вьются волосах.

10 (76)

Отупели мои мысли...

11 (9)

И ты меня развратником
Перед соседями срамишь!

12 (66)

Умереть мне было б лучше, ибо нет другого
Избавленья от несчастий, что со мной случились.

АНАКРЕОНТ ПИРШЕСТВА

13 (11)

Принеси мне чашу, отрок, — осушу ее я разом!
Ты воды ковшей с десятков в чашу влей, пять — хмельной браги,
И тогда, объятый Вакхом, Вакха я прославлю чинно.
Ведь пирушку мы наладим не по-скифски: не допустим
Мы ни гомона, ни криков, но под звуки дивной песни
Отпивать из чаши будем.

14 (89)

По три венка на пирующих было:
По два из роз, а один —
Венок навкратидский.

15 (52)

Сплели
Из лотоса венки, на грудь надели и на шею.

16 (38)

Носит вино бронзовоцветное,
Полною кружкой его наливая,
Мальчик-прислужник.

17 (82)

...И не греми, как вал морской,
А Гастродору шумному
Обильно кубок наливай
И пей ты с ним во здравие.

18 (67)

Снова меня не хочешь пьяным домой отправить?

19 (2 West)

Тот мне не люб, кто в гостях, пируя за полным кратером,
Речь заведет о вражде, о многослезной войне.

Тот мне любезен, кто Муз и дары золотой Афродиты
Вспомнит на радость гостям, полня весельем весь дом.

АНАКРЕОНТ
ЛЮБОВЬ

20 (33 + 34)

Ввысь на Олимп
Я возношусь
 На быстролетных крыльях.
Нужен Эрот:
Мне на любовь
 Юность ответить не хочет.
Но, увидав,
Что у меня
 Вся борода поседела,
10 Сразу Эрот
Прочь отлетел
 На золотистых крыльях.

21 (1, фр. 4)

Дрался, как лев, в кулачном бою.
Можно теперь мне передохнуть —
Я благодарен сердцем за то,
Что от Эрота смог убежать,
Спасся Дионис ныне от пут
Тяжких, что Афродита плела.
Пусть принесут в кувшинах вина,
Влаги бурлящей пусть принесут...

22 (31)

...бросился
 вновь со скалы Левкадской
И безвольно ношусь в волнах седых,
 пьяный от жаркой страсти.

23 (58)

Во тьме
Над скалой ношусь подводной.

24 (51)

Дай воды, вина дай, мальчик,
Нам подай венков душистых,

Поскорей беги — охота
Поборотся мне с Эротом.

25 (68)

Как кузнец молотом, вновь Эрот по мне ударил,
А потом бросил меня он в ледяную воду.

26 (53)

Бред внушать нам, смятеньем мучить
Для Эрота — что в бабки играть.

27 (83)

Люблю опять и не люблю,
И без ума, и в разуме.

28 (57b)

Говорят, в любви хороша справедливость.

29 (55 Джентили)

Пусть против воли твоей, а все ж я останусь с тобою.

30 (72)

Кобылица молодая, бег стремя неукротимый,
На меня зачем косишься? Или мнишь: я — не ездок?
Подожди, пора настанет, удила я вмиг накину,
И, узде моей послушна, ты мне мету обогнешь.
А пока в лугах, на воле ты резвишься и играешь:
Знать, еще ты не напала на лихого ездока!

31 (28)

Пирожком я позавтракал, отломивши кусочек,
Выпил кружку вина — и вот за пектиду берусь я,
Чтобы нежные песни петь нежной девушке милой.

32 (13)

Бросил шар свой пурпуровый
Златовласый Эрот в меня
И зовет позабавиться
С девой пестрообутой.
Но, смеясь презрительно

Над седой головой моей,
Лесбиянка прекрасная
На другого глазеет.

33 (2, 11-18)

С болью думаю о том я,
Что краса и гордость женщин
Все одно лишь повторяет
И клянет свою судьбу:
«Мать, всего бы лучше было,
Если б ты со скал прибрежных,
Горемычную, столкнула
В волны синие меня!»

34 (1, φp. 1)

[...иль чуждаешься]

2 Незнакомца ты сердцем своим?
Всех вокруг дев ты прекраснее.
В доме своем длеет тебя
Размышлением крепкая мать,
На лугу вволю пасешься ты,

Там, где Киприда в нежной траве
Гиацинты взрастив, лошадей
Под ярмо шлет, всем желанное.

10 Если бы ты, вспугнув горожан,
Средь шумливой промчалась толпы,
Всколебав разом сердца их вдруг,

Как Гермотима, всех до себя...

35 (63)

С ланью грудною, извилисторогою,
 мать потерявшею
В темном лесу, боязливо дрожащая
 девушка схожа.

36 (44)

Мила ты к гостям; дай же и мне, жаждущему, напиться.

37 (87)

Я потускнела вся, стала как плод перезрелый,
Виною — безумье твое.

38 (18)

Что же ты мчишься,
С душой, как сиринга, полой,
Грудь свои миррой намазав?

39 (40)

На берег я из реки выхожу, блеском сияя светлым.

40 (54)

Сбросила хитон, как у дорийцев...

41 (92)

Бегу я от нее, как будто я кукушка.

42 (95)

Заблотишься одна о слишком многих ты.

43 (94)

Сплетясь бедром к бедру.

44 (95)

Не мою деву нежную...

45 (15)

Мальчик с видом девическим,
Просьб моих ты не слушаешь
И не знаешь, что душу ты
На вожжах мою держишь.

46 (2, 1–10)

...Тех кудрей, что так чудесно
Оттенили нежный стан.
Но теперь — совсем ты лысый,
А венец кудрей роскошный
Брошен мерзкими руками
И валяется в пыли.
Грубо срезан он железом
Беспощадным, я ж страдаю
От тоски. Что будем делать?

10

Фракия ушла от нас!

47 (77)

Гривою тряся фракийской...

48 (69)

Ты остриг красу безупречную нежных волос...

49 (14)

Клеобула, Клеобула я люблю,
К Клеобулу я как бешеный лечу,
Клеобула я глазами проглочу.

50 (55)

Пифомандр меня снова сразил
Любовью, хоть я от Эроса спасался.

51 (29)

В двадцать струн на магадисе,
Левкаспид, пою твоей юности цвет.

52 (30)

Кто это, к юношам
Милым взор обратив, всем существом флейт полужвук ловит?

53 (21)

О ты, трижды вспаханный,
Смердис!..

54 (57a)

Я б хотел сойтись с тобою: ты имеешь нрав приятный...

55 (22)

Ты же был ко мне непреклонен.

56 (57c)

Ибо мальчики за речи полюбить меня могли бы:
Я приятно петь умею, говорить могу приятно.

57 (62)

...но стройность бедер
Покажи своих, о друг мой!

58 (79)

И спальня — не женился он, а замуж вышел в спальне той.

59 (78)

Варварскую речь смягчи ты, Зевс, его.

АНАКРЕОНТ ВОИНСКИЕ МОТИВЫ

60 (74)

Изю всех друзей отважных вопль мой первый — о тебе:
Юность отдал ты, чтоб рабства город не узнал родной.

61 (48)

Любит жестокий Арес тех, кто в бою не гнется.

62 (46)

Города стены — венец его; ныне они погибли.

63 (37)

Полные слез он возлюбил сраженья.

64 (4)

И вот наш Елсйсь снова
Свой щит черногрозный щиплет...

65 (36)

Бросив свой щит на берегах речки прекрасноструйной.

66 (84)

А кто сражаться хочет, —
Их воля: пусть воюют!

АНАКРЕОНТ

РАЗНОЕ

67 (43)

Раньше ходил в рубище он и в старой шляпе войлочной,
Вместо серег в мочках ушей носил кусочки дерева;
Облезлой бычьей шкурою
Плечи одев (шкуру содрал он со щита негодного),
Жил среди шлюх плут Артемон, среди торговок мелочных,
Нечестно добывая хлеб;
Часто на брус шею он клал и колесом пытаем был,
Часто ему шкуру витым спускали со спины бичом
И выдирали бороду.
10 Ну а теперь Кики сынок ездит в повозке, золото
Носит в ушах, темя покрыв слоновой кости зонтиком,
Как женщины.....

68 (27)

Еврипилу русому забота —
Артемон и его носилки.

69 (7)

Десять месяцев прошло уж, как Мегист наш благодушный,
Увенчав чело лозою, тянет сусло слаще меда.

70 (41)

Сймала я в хоре узрел — с пектидой он был прекрасной.

71 (42)

Изготовителя мазей Страттида
Спросил я, чего он чванится.

72 (19)

Говорит
Таргелий, что ты мечешь диск
Искусно.

73 (88)

Я поднял чашу полную в честь Эрксияна
С белым султаном — и осушил ее...

74 (16)

Не сули мне [обилъе благ],
Амалфеи волшебный рог,
И ни сто, да еще полста
Лет царить не хотел бы я
В столбленном Тартессе.

75 (80)

Подобно чужеземцам вы приветливы:
Лишь кров вам нужен да очаг нагретый.

76 (81)

Когда-то были доблестны милетяне...

77 (86)

Засовом смысла нет створки дверей запирать:
Спокойно спи и так.

78 (8)

Мятежники

На острове, Мегист,
Разоряют священный город.

79 (26)

И не то чтобы стоек,
Ни чтоб граждан приветить.

80 (39)

Не воссияло тогда еще среброликое им Убежденье.

81 (40)

Случку ослов с лошадьми
Изобрели мисийцы.

82 (41)

Вовсе не наше, к тому ж не прекрасно...

83 (42)

Отобрал большое сокровище.

СИМОНИД КЕОССКИЙ

1 (37)

ЭНКОМИЙ СКОПАДАМ

Трудно стать человеком, который хорош —
Безупречен, как квадрат,
И рукою, и ногою, и мыслью...
Даже слово Питгака, хоть и мудр его язык:
«Знатным мужем быть нелегко», —
Слышится мне неладным...
Только богу ведь это дано;
А смертному люду нельзя не быть дурным,
Если сжало его необорное несчастье.

10 Всякий в доброй доле добр, в злой доле зол:
Кого любят боги, тот и лучше всех...
Оттого и не брошу я сужденных мне лет
Вслед пустой надежде на несбыточное —
Между нами, рвущими плоды широкой земли,
Непорочного взыскаю человека:
А найдись мне такой — я повестил бы вам о нем...
И того я рад любить и хвалить,
Кто не делал в жизни нарочного зла;
С неизбежным же и боги не борются...
20 Пусть не будет он недобр, пусть не будет закоснел,
Пусть он знает Правду, нужную городу, —
И такой он здоров, и такого мне довольно, и такого я
не попрекну:
Ведь и так несчетно племя пустых людей;
Что без примеси дурного — то и благо!

2 (74)

Некое слово гласит:
Доблесть высоко на скалах живет неприступных
И зорко блюдет свой предел заповедный,
Очам не всякого смертного зрима,
Но только тому, кто со многим потом
И муками взыдет туда,
Мужества высей достигнув.

3 (76)

Кто, полагаясь на разум, похвалит Клеобула, жителя Линда,
Если вечных теченью рек, и вешних цветенью трав,
И пламени Солнца, и свету Луны золотой,
И вихрям морским уподобил

Он жизнестойкость кумира над гробом?
Все, что ни есть, слабее богов. А камень
Разрушат и руки смертных.
Только муж неразумный так мыслит.

4 (36)

...разделяет худое и хорошее.
Взговорит ли кто несдержными устами —
[В них] иное — ненужный дым,
А иное — нескверное золото.
Всеоборная Истина
Лишь немногих одаривает доблестью,
[А она] не пустое благо:
[Без нее] невольного пересиливает
Хитроумная Корысть неодолимая
10 Или жар всемогущей Афродиты.

СИМОНИД КЕОССКИЙ ИЗ ЭПИНИКИЕВ

5 (1)

Кто из нынешних
Увенчался от стольких побед
Листвой миртов, плетеньем роз
В состязаньях меж окрестников?..

6 (2)

Нескупо Баран пообстриг руно,
В светлодревесную
Представ святую Зевсову ограду...

7 (4)

На него бы ни Полидевк
Не занес могучую длань,
Ни железная порода Алкмены...

СИМОНИД КЕОССКИЙ
ИЗ ПЛАЧЕЙ

8 (16)

Ведь ты человек, --
Не говори ж,
 Что нам на завтра готовится.
Счастливица ли зришь, —
Ты не гадай,
 Счастье надолго ли.
Быстрее, чем мухи крылатой полет,
В нашей жизни все меняется.

9 (18)

Ибо даже и те, что богами-владыками
Были в прежние дни рождены, полубоги-мужи,
Бесконечно, беспечно, безмятежно не прожили
Вплоть до старости поздней.

10 (17)

Ибо все исчезает в одном устрашающем водовороте:
И богатство, и высшие доблести.

11 (15)

 ...Но мало сил
Есть у людей, и стремленья их тщетны, и краткий их век —
Только смена трудов и тягот,
А смерть нависает над каждым, неизбежна для всех:
И этот удел ниспослан равно
И лучшим,
И тем, кто плох.

12 (21)

Иначе как от богов
Никому не дается доблесть —
Ни человеку, ни граду.
Бог всеразумен. Но бrenно
Все среди смертных.

12 (22)

Нет такого зла,
Чтоб для смертных было неожиданным:
Во мгновение ока
Все низвергает.

СИМОНИД КЕОССКИЙ

14 (26)

ИЗ ПОХВАЛЬНОЙ ПЕСНИ ПАВШИМ ПРИ ФЕРМОПИЛАХ

Светел жребий и подвиг прекрасен
Убиенных перед дверью фермопильской!
Алтарь — их могила; и плач да не смолкнет о них, но да будет
Память о славных живою в сердцах! Время
Не изгладит на сей плите писем святых,
Когда все твердыни падут и мох оденет их следы!
Тут схоронила свой цвет Эллада, любовь свою.
Ты, Леонид, мне свидетель о том, спартанский воин,
Чей не увянет вечный венец.

СИМОНИД КЕОССКИЙ

15 (38)

ПЛАЧ ДАНАИ

...И ларь,
Искусно украшенный,
Била неукротимая буря,
Море бурлящее било, и страх
Не оставил без слез ее щеки.
Руками Персея обвив, говорила: «Дитя,
Какие терплю мученья!
А ты уснул, молоком насыщен,
Дремлешь блаженно в скорбном ларе,
10 Окованном медью, в ночи
Мерцающем, распростертый в сумраке сизом.
Ни толщей морской над волосами твоими,
Младенчески-нежными,
Не тяготишься, ни грохотом бури, — в багряный плат
Уткнул свое личико ясное.
А если бы страшного ты устранился, —
Внял бы речи моей твой нежный слух.
Усни, младенец, море, усни, усни,
Беда безбрежная. Да умирится буря,
20 Зевс-отец, волей твоею!
Дерзкую речь —
Просьбу без всякого права — прости мне!»

СИМОНИД КЕОССКИЙ

РАЗНОЕ

16 (98)

Что сбылось, тому уж не быть небывшим.

17 (79)

Но без наслаждения
Нежеланна смертным ни жизнь, ни власть,
Ни божественный удел незавиден.

18 (85)

По нужде и жесткое сладко.

19 (97)

Юное вино —
Явный дар недавней лозы,
Сказанное же слово —
Праздного и вспьщенного ума...

20 (62)

Бессчетные стаи птиц
Порхают над его головой,
И прямо прядают ввысь
Рыбы из темно-лазурных вод,
Когда сладкая манит их песнь.

21 (50)

...А дарует тебе сей дар
Гермес-Состязатель, сын
Крутоокой горной Майи, которую
Породил Атлант краше всех из семи
Синекудых дочерей,
Прозываемых небесными Плеядами...

22 (40)

...Воротясь же,
Не в Магнесии обитал, а в Коринфе,
Властвуя Лехейским престолом,
Однодомец колхидской супруги...

23 (59)

Он, метнув копье
За водоворотный Анавр,
Одолел
Всех юнцов виноградного Иолка:
Так Гомер и Стесихор спели миру.

24 (70)

Жестокое дитя,
От злоумной Афродиты
Злоискусному рожденное Аресу...

25 (72a)

Черпают к омовениям
Священную оттоле влагу
Прекрасноволосых Муз...

26 (80)

...Из пурпурных уст
Льется девичий голос.

27 (3)

Когда Зевс
Вразумляет четырнадцать зимних дней,
То зовется та пора между смертными
Святым безветрием,
Пестрокрылой алкионы лелеющим птенцов...

28 (92)

Синяя ласточка,
Звонкая вестница
Сладостно веющей весны...

29 (81)

Вешние говорливые
Зеленоголовые соловьи...

30 (90)

Не вставал листоколеблющий ветер,
Отвечая медвяный голос
От смертного слуха...

ЛАС

Славлю Деметру и Кору, певучую супругу Климена,
Песнь вывода в эолийском гремящем созвучье.

ТИМОКРЕОНТ

1 (1)

ПРОТИВ ФЕМИСТОКЛА

Славь, коли хочешь, Павсания, славь, коли хочешь, Ксанфиппа,
Славь хоть Леотихида, — а я воспую Аристида,

Сына священных Афин:

Лучшим явился он к нам. Фемистокл ненавистен Латоне —
Лжец, бесчестный предатель! На подлые деньги польстившись,
Тимокреонту, что был ему другом, он не дал вернуться

В город Иалис родной!

Взял три таланта и прочь уплыл. Плыви на погибель, —
Злых возвращая, благих изгоняя, иных убивая,

10 Брюхо набив серебром, а на Истме — скупой, как харчевник:

Все у него на пиру

Ели холодное мясо и кляли хозяина насмерть...

2 (2)

Муза, песню эту прославь
Ты меж элинов навсегда:
Эта честь подобает ей.

3 (3)

Знать, не только Тимокреонт
Присягал служить для мидян:
Есть другие не лучше его.
Не один я с куцым хвостом —
Есть и другие лисы!

4 (5)

Ах, слепое ты Богатство!
Не являлось бы ты людям
Ни на суше, ни на море,
А гнездилось бы в Аиде,
В Тартаре над Ахеронгом!
От тебя — все наши муки.

КОРИННА

1 (2)

Терпсихора мне велит
Звучной песнью петь героев
Для нарядных жен танагрских —
Да возрадуется город
Звонких звуков сладким ладом!

.....
Я, слова напевов отчих
В новый заключив порядок,
Хоровод девичий правлю:
Славлю я родной Кефис,
Славный песнями моими,
Громко славлю Ориона,
Породившего от нимф
Пятьдесят сынов могучих...

КОРИННА

2 (1, III)

ПРОРОЧЕСТВО О ДОЧЕРЯХ АСОПА

«Трех дочерей у тебя забрал
Тварей творец, владыка Зевес,
Трех увел хозяин морской
Потидаон, и двух силоком
Феб принудил к союзу,

Взял девятую славный Гермес,
Майи отпрыск, — вот как Эрот
Вместе с Кипридой богов влечет
Красться тайком в заповедный дом
10 За невестой желанной.

Выйдет из чресл девяти юниц
Племя героев-полубогов,
Чадобильных, вечномолодых,
Взысканных честью, — треножник-вещун
Мне уста отверзает.

Мне, Акрефею, от братьев дан,
От пятидесяти — мне одному,
Жребий благой, жреческий сан:
Ныне реку в ограде святой
20 Правды горней глаголы.

В оные дни дал Летоид
В дар Евониму треножник свой,
Дабы ему во храме вещать,
Но Евонима низверг Гирией,
Отпрыск Поттидаона.

Отнял оракул вместе с землей
У Гириея отец Орион,
Но от земли он ввысь вознесен,
Дабы вовеки хранить небосклон,
30 Я же — храма хранитель.

Свыше моя вдохновенна речь,
Словом неложным судьбу возвещу:
Ты подобру уступи богам,
Ты не таи злобу в душе —
Стал ты тестем блаженных».

Так промолвил провидец святой,
Тотчас сердцем смягчился Асоп,
Хоть из очей слезы лились.
За руку взяв Акрефея, речет
40 Он ответное слово...

КОРИННА

3

СОСТЯЗАНИЕ ГЕЛИКОНА С КИФЕРОНОМ

[Он поет] куретов дела:
Как таили богини плод
В темноте скалистых пещер,
Как от Крона коварных ков
Укрыла младенца блаженная Рея —

Потому великий почет
Меж бессмертных ей. Лишь пропел,
Побуждают Музы богов
Киферону победу судить,
10 Бросив в урну жребий благой, —
И боги решили по их совету.

Возвестил собранью Гермес,
Что желанной чести достиг
Победивший счетом камней
Киферон — и главу певца

Украшают боги венком.
А душу его веселие полнит.

Геликону же грудь теснит
Тяжесть скорбная: в злой тоске,
20 Сотрясая громады гор,
Он могучий схватил валун
И метнул его с воплем вниз,
Бессчетных осколков лавину руша.

4 (11a)

...я Миртиде
Ставлю в упрек звонкоголосой:
Спорить за приз с Пиндаром ей —
Женщине — смысл был ли какой?

5 (11b)

Дела героев и героинь
На ионийский лад я пою.

ПРАКСИЛЛА

1 (1)

Вот что прекрасней всего из того, что я в мире оставил:
Первое — солнечный свет, второе — блестящие звезды
С месяцем; третье же — яблоки, спелые дыни и груши.

2 (8)

Ты, что в дверной проем зовуще смотришь вдаль,
Девушка ликом, нутром — зрелая женщина...

3 (2)

Не удалось мне твой дух укротить в груди непокорной.

4 (4)

Скорпион под любым камнем тебе может попасться, друг.

ТЕЛЕСИЛЛА

О девы! Артемида,
Что мчится от Алфея...

СОФОКЛ

Флегия дочь многославная, мать бога, забот отвратителя, —
Родила ты его Неостриженному! —
Песнь громкогласную я с тебя начну...

ДИАГОР

Бог, бог
Простирает всевышний дух
Над всеми делами смертных:
Без него и у Доблести путь недолог...
...Все свершения смертных —
От божества и случая.

ИОН ХИОССКИЙ

1 (5)

...Неуемный отпрыск,
Ликом бык, дитя — не дитя,
Сладкий служитель гулких страстей,
Вино —
Вздыматель духа, властитель смертных!

2 (6)

...Подождем заревой звезды —
Белокрылой предвестницы Солнца!

3 (7)

Весь побит, клеван в оба глаза,
Все он помнит прежнюю силу,
Ипуская свой немеющий крик:
Ибо смерть ему лучше рабства.

ЕВРИПИД

ИЗ ЭПИНИКИЯ АЛКИБИАДУ

Тебе моя песнь, сын Клиния!
Красна победа,
Но красней всего между эллинами —
Неуемною колесницею прористав,

Первым, и вторым, и третьим
Зевсовой оливы стяжать венец
В выкрик гласящему глашатаю...

МЕЛ АНИ ППИ Д

1 (1)

ДАНАИДЫ

Не мужской в них облик,
Не женский голос,
Но, воссев они в колесницах,
Между солнечных роц
Рыщут,
Те — ловитвою услаждая сердце,
Те — священных ладанных слез,
Те — благоуханных
Фиников взыскуя, а то
Гладких зерен сирийской корицы.

МЕЛ АНИ ППИ Д

2 (2)

МАРСИЙ

Из святых извергнувши рук
Певчую снасть,
Молвила бессмертная: «Прочь,
Срам для тел:
Не в добычу я твоей скверне!...»

МЕЛ АНИ ППИ Д

3 (3)

ПЕРСЕФОНА

...А зовется
Прорывающаяся сквозь подземные узы —
Узь-рекой: Ахеронтом...

4 (4)

Только что не зная вина,
Все уже взгнушались водой —
Диво ли, что вскорости выдалась
Одним — смерть,
А другим — исступленный зык...

5 (6)

Внемли, отче,
Дивный смертным,
Вечную питающий душу...

ЛИКИМНИЙ

1 (2)

Ясноокая, всевысокая,
Чтимого царица престола Феба,
Вожделенное Здравие,
Улыбчивая Гигиеня...

2 (4)

Упокоил юного Сон,
Вскинув спящему веки,
Радуюсь сиянью очей...

ТИМОФЕЙ

1 (12)

ПЕРСЫ

.....

...Рвались они смять
Сосновые руки весел.
Налетал ли неоттяжный удар,
10 Щепящий гребные упряжи, —
Скопом рушились пловцы на ударивших;
Лучился ли у досок просвет —
Всплескивал вновь
Стук пенных сосен в кривом бегу;
А когда, размыканные,
Зияли ладейные тела
Боковицами в опоясках льнов, —
То иных доковеркивал новый гром,
А иные стремглав шли вглубь,
20 Обезблещенные хватким железом.
Опетленный Арес,
Взнузданный в огне,
Твердым древком
Взлетал из рук и падал меж тел,

Трепеща на ветру оперением.
 Смерть
 Нес полновес свинца
 И смольный огонь,
 Обжимавший стрекальные обрубину,
 30 Теснящаяся жизнь
 Жертвою стлалась
 Медному жалу змей,
 Крылящих с натянутых жил.
 А зеленогливое море
 Рубцевала
 Красная роса кораблей, —
 И все было боль и крик.

В напор и в отпор
 Наш и вражий строй
 40 Вплавь резал грудь
 Амфитриты,
 В венце из рыб,
 Меж мраморных крыл.
 И тогда-то
 Гермский долинник,
 Чьей земли не обстичь и в день,
 Плугом ног,
 Стуком рук
 Взрыл дождевое поле
 50 Сам по себе остров под кнутами волн.
 Взыска исхода,
 Завлеченный туда, где все уже едино...
 53 ...Взмолился он к морскому отцу:

 60 ...А когда и щадил его ветер —
 Врушивался в рот
 Пенный ливень не Вакхова литья,
 Полное захлестывая снедалище,
 Горлом изрыгая соль,
 Криком, как визг, и мыслью, как бред,
 Сквозь скрежет зубов
 Вдосталь клял он
 Море, сокрушителя тел:
 «Лжешь, неистовое,
 70 Хищную шею твою
 Уж вломило ты под канатное ярмо:
 Мой, мой царь
 Ныне тебя возмутит
 Соснами, отродьями гор,
 Ныне замкнет
 В свой беглый взгляд твою плавную гладь.

Лживая буйственница,
Вековая ненавистница,
Любовница ветров, гончих меж волн».
80 Так хрипел он, спершись в груди,
Крутою пеною
Извергая из губ глубинную соль.

Но уже расточалась в бег
Торопливая вражеская сила;
Шеями вперед
Гибли струи, дробясь о мель;
Рвались из рук
Черные ладейные ноги,
В челюстях крушились
90 Мраморными брызгами дети ртов.
Было море в трупах, как небо в звездах:
Ослепшие,
Бездыханные,
Щекотали они волны, бременили берега,
А там, на песке,
Дрогла нагота,
Кипели слезы
С криком и стуком
Рук о грудь,
100 С похоронным стоном
О земле отцов:
«Мисия моя,
Горные складки в космах лесов,
Вырваться бы к вам
Из ристалища ветров,
106 Да не канет моя плоть незасыпанною!
.....
115 ...Умчаться бы мне туда,
Где вовек бы моему властелину
Над плавью Геллы
Крыши не крыть для дальновидного пути!
Тогда бы
120 Не шел я на эллинского Ареса
От Тмольских круч и лидийских Сард.
А ныне
Где обрести мне
Сладкий приют от избежимой ли судьбы?
Илионский брод —
Единое мне разрешение от бед,
Если пасть там к колену Горной Матери,
Охватить те руки о дивных локтях
Владычицы, одетой в черную листву:
130 «Вызволи, золотоволосая,

Меня, меня, прегражденного в днях,
Да не вынет мне жизнь
Бьющее под челюсть
Скорое железо в привычной руке,
Да не разметет меня
Северный ветер, губитель кораблей,
Ходок по волнам,
Ледящий в ночи, —
Ибо уже одичалый вал
140 Разымает мне с членом член,
Чтобы лечь мне в снедь
Пагубным клювам плотоядных стай».
Таковы лились горючие стенания.
А как пал,
Сирый, в бою
Пажитных насельник Келен
Пред железным рубителем эллином,
И заворотило его за волосы горлом вверх, —
Он обвил молящей рукой сгиб нависших ног,
150 Он заплел язык азийский эллинским,
Он взломал чекан печати на устах своих,
След следя ионийских слов:
«Я тебя как?
Какое дело?
Никогда обратно:
Вести меня сюда мой царь;
Больше, отче, нет, нет,
Никогда воевать сюда,
Сяду тихо!
160 Я не тебя сюда, я там —
Сарды, Сузы, Агбатаны!
Артемис, мой великий бог,
В Эфес защита!»

Но уже, расточившись вспять,
Быстропутные беглецы
Обоюдоострые дроты пометали из рук,
Врезали в лица острия ногтей,
Растерзали на грудях персидскую ткань,
Сладили голосами азийский вопль,
170 И царев собор
Оттрянул их стонущему ужасу,
Вскинувши взоры на встающую страду.
А царь,
Взвидев силу свою
В завороте, в смуте, в отпоре, в беге,
Поверг себя на колени,

Вскинул на себя руки
И, обуреваемый вспененною судьбой,
Молвил:

180 «Горе дому, которому не стоять!
О, палящие струги эллинов,
Извели вы
Юных лет многолюдный цвет:
Не увить ему ладей в их обратной тропе,
Ибо их сгрызет
Пышущая пасть безъяремного огня,
Да восстанет скорбь по всей Персиде.
О, тяжек мне и горек эллинский путь!
Так не медлите же,
200 Запрягите мне колесницу о четырех конях,
Бессчетную благодать вздымите на возы,
Запалите шатры, —
Да не станет им впрок мое обилие».

А те,
Вскинувши победный столб
И святейший удел Кронида,
Прозвенели песнь —
Иэ, иэ — Спасителю Пеану,
Стуча стопой
200 В лад высокой переступи пляса.

«Иэ, Пеан,
Величатель
Новозданной Музы,
Золотой лирницы,
Приди подспорником песнословиям моим!
Ибо мощный народ,
Знатный отцами,
Долгий днями,
Правящий Спарту,

210 Брызжущий юным ее цветом,
Стрекалом меня жжет,
Вменяя в бесчестье
Древней Музе
Юные песни.
А я от тех песен
Не чуждаю
Ни старого, ни юного, ни сверстного,
А гоню я прочь
Лишь охальников старой Музы,
220 Терзателей лада,
Истошных во плеников,
С площадными горланами мерящих голоса.

Первым Орфей,
 Сын Каллиопы, пиерийский горец,
 Пестрозвучную породил черепаху;
 За ним Терпандр,
 Вскормленник Антиссы в эолийском Лесбосе,
 В славных песнях
 Запряг свою Музу на десять сторон;
 230 И вот Тимофей,
 Вздвигнув кифару
 В мере и ладе одиннадцати струн,
 Отверзает залежь
 Певчего сокровища в тереме Муз.
 А родил его Милет,
 Первый город
 Ахейского люда о двенадцати стенах,
 И к тому ли святому городу
 Низойди,
 240 Пифийский стрелец,
 Одаряя непомутимый народ
 Зацветающим обилием и миром
 Благозакония».

ТИМОФЕЙ

2 (4)

КИКЛОП

Чащу из змеиноного дерева
 Он наполнил черной бессмертной влагой,
 В дышащей пене,
 Вливши двадцать мер вакхической крови
 С новопроритыми слезами нимф...

ТИМОФЕЙ

3 (10)

НИОБА

Ежели Харон, Тимофеев сын,
 Нам претит пренебрегать Ниобеиным,
 Но велит отваливать от причала,
 И зовет ночная судьба,
 Коей долженствует внимать...

ТЕЛЕСТ

АРГО

1 (1a)

...что мудрая-де богиня,
Мудрую снасть
Взявши Афина в руки,
В страхе стыда за неладный облик
Бросила прочь,
В славу рукоплескателью Марсию,
Нимфорожденной твари, —
Этого не приемлет мой ум!
Статочно ли жалиться
10 Страстью о стройной красоте
Той, кому от Клофо велено быть
В девстве, безбрачном и бездетном?..

2 (1)

...Праздно и неладно
Те пустые вздоры торговцев Муз
Ввились в Элладу
На укор людям умного ремесла.

3 (1c)

...В лучший дар дареного Бромиею
От святой богини, чей вздох — как ветер
И как блеск — вихрекрылатые пальцы.

АРИФРОН

ПЕАН ГИГИЕЕ

Гигиея-Здравие,
Старейшая меж блаженных,
С тобою,
Прозорливою однодомницею,
Мне дожить бы остаток жизни!
Ежели даруется радость
В деньгах, в детях,
В царской ли богоравняющей мощи,
В страсти ли, настигаемой
10 Афродитиною тайною снастью,
В чем ли ином,

От богов людям данном в сласть и отдых, —
Лишь с тобою,
Блаженная Гигия,
Все цветет и блещет в песнях Харит,
Без тебя же ни единый не счастлив.

АРИСТОТЕЛЬ
СКОЛИЙ В ЧЕСТЬ ГЕРМИЯ,
ТИРАНА АТАРНЕЙСКОГО

Добродетель,
Многотруднейшая для смертного рода,
Краснейшая добыча жизни людской,
За девственную твою красоту
И умереть,
И труды принять мощные, неустомимые —
Завиднейший жребий в Элладе:
Такою силой
Наполняешь ты наши души,
10 Силой бессмертной,
Властнее злата,
Властнее предков,
Властнее сна, умягчающего взор.
Во имя твое
Геракл, сын Зевса, и двое близнецов Леды
Великие претерпели заботы,
Залучая силу твою.
Взыскав тебя,
Низошли в обитель Аида Ахилл и Аякс.
20 И, о твоей ревнуя красе,
Вскормленник Атарнея не видит более полдневных лучей.
Не за это ли ждет его песнь
И бессмертье
От Муз, дочерей Мнемосины,
Которые во имя Зевса-Гостеприимца
Возвеличат дар незыблемой его дружбы?

ЛИКОФРОНИД

1 (1)

Будь то юноша,
Будь то девушки, златом увешанные,
Будь то жены полногрудые, —
Красота — не в лике, а в скромности,

Если дана от рождения.
Лишь стыдливости цвет чело украшает.

2 (2)

Посвящаю тебе эту розу, цветок прекрасный,
И сандалии, и шапку пастушью,
И свой дротик, зверей поражающий, —
Мысль моя течет теперь в другую сторону:
К деве прекрасной, Харитам любезной.

КАЛЛИМАХ

1 (229)

БРАНХ

Гимны поют вам, божества, Фебу и Зевсу, праотцу Дидимы:
«Да не падет мор на стада четвероногих, хищный мор проклятый,
Юноша, ты, сердцем моим трижды любимый, отврати несчастье.
4 Тучный мой скот пусть без вреда травку зеленую
мирно поедает.
.....
7 Отчий твой род к Дайту идет, матери предки кровные
восходят
К тем, от коготы производишь прямо от Лапифа».
Только ты, Феб, это сказал — он уж ликует от твоих подарков,
Место в лесу, где он тебя видел впервые, делает священным,
Ключ где двойной бьет из земли, крепит он в землю лавровые ветки.
Милостив будь, наш господин, ты, о Дельфиний, — имя таковое
Ставаю в зачин, с Делоса ведь ты в град Экусий прибыл
на дельфине.

ГЕРМОЛОХ

1 (1)

Жизнь наша непостижима; среди ее превратностей
Бредем, надежного нигде не видя признака.
Полнится сердце мечтами, но смертному неведомо,
Куда несет его грядущее.
Часто удаче навстречу злой вихрь свирепствует,
И бог в беде, и горе правит всеми.

ФИЛОДАМ ПЕАН ДИОНИСУ

- I Эвий! Эвий великий, сюда!
В облике бычьем, плющом обвив
Кудри, к весенней приди земле,
Бромий, в священную пору!
 Эвоз, Иовакх! О Пеан, из!
Древле в Фивах вакхических
Ты рожден был Фионою —
Гимн запели бессмертные,
Возвеселилися смертные,
10 Вакх, твоим появлением!
 Изэ, Пеан-Спаситель, изэ!
 Град сей, Вакх всеблагой, храни
 С благодатным богатством!
- II Стали славить тебя неистово
Славная Кадмом гладь равнин,
Бухты минийской ширь,
Щедрый остров Евбея!
 Эвоз, Иовакх! О Пеан, из!
В Дельфах гимнами гордое
20 Возликовало святилище,
Ясен лик ослепительный
В хороводе дельфийских дев
Вакха в ущельях Парнаса!
 Изэ, Пеан-Спаситель, изэ!
 Град сей, Вакх всеблагой, храни
 С благодатным богатством!
- III [Леопардовый мех] рукой
Сотрясая неистово,
Вихрем мчишься ты, о Пеан,
30 К элевсинским святыням!
 Эвоз, Иовакх! О Пеан, из!
Племя элинов и земля
Ждут тебя и зовут
Со жрецом Дионисовым
К тайнствам — не дано
Созерцать их смертным...
 Изэ, Пеан-Спаситель, изэ!
 Град сей, Вакх всеблагой, храни
 С благодатным богатством!
-
- V После к благодным пажитям
Фессалийским он держит путь,
К склону Олимпа, наделу Муз,
К славной Пиерии!

Эвоз, Иовакх! О Пеан, из!
Музы-девы венками в круте
Плющевыми увенчаны,
60 Воспоют на бессмертного,
И Пеаном почествуют.
Песнь Аполлон заводит.
Из, Пеан-Спаситель, из!
Град сей, Вакх всеблагой, храни
С благодатным богатством!

IX Завершить побуждает бог
Дело амфиктионов
Споро, пока молодой стоит
Месяц в небе и медлит!
Эвоз, Иовакх! О Пеан, из!
110 В ежегодных празднествах
Ты, с богами сроднившийся,
Гимн священный и жертву яви
От богатства Эллады всей
Всенародным молением!
Из, Пеан-Спаситель, из!
Град сей, Вакх всеблагой, храни
С благодатным богатством!

X Ты — блаженство и радость нам,
Счастье смертного племени,
120 Вечно юный, ты наделил
Паствой храм Феба владычного!
Эвоз, Иовакх! О Пеан, из!
... с золотыми кумирами
златом блещущий...
...волосы —
серебро и слоновая кость,
властный ладом исконным...
Из, Пеан-Спаситель, из!
Град сей, Вакх всеблагой, храни
130 С благодатным богатством!

XI Ты в пифийском святилище
Раз в пять лет повелел справлять
Празднество с пеньем и пляскою
И состязанья годичные —
Эвоз, Иовакх! О Пеан, из!
Равно звонкоголосыми
Запеваньями статую
Вакха ставить у золотых
Львов, ты устроил священному
140 Богу приют подобающий!
Из, Пеан-Спаситель, из!
Град сей, Вакх всеблагой, храни

С благодатным богатством!
XII Так встречайте Диониса
Хороводными плясками,
Плющевые венки надев!
Эвоз, Иовакх! О Пеан, из!
Во славу изобилья Эллады...

ИСИЛЛ ПЕАН АПОЛЛОНУ И АСКЛЕПИЮ

Из, Пеан! Восхвалим бога, народы,
Обитающего в Эпидавре свягом!
Ибо так заповедали предки
И праотцы наши, о Феб-Аполлон!
Промыслом Зевса-родителя Эрато
Сочеталась священными брачными узами с Малом.
Флегий, что жил в Эпидавре родимом,
Дочь Мала взял в жены — была Эрато
Матерью Клеофемы, — так ее звали.
10 Имя дали дочери Флегия — Эгла,
За красоту прозвали ее Коронидой!
Феб златострельый, узрев ее в домах
Мала, девичество Эглы похитил,
Возлегли на сладостном ложе, —
О Лето златокудрый отпрыск!
Чту тебя: родила в благовонном наделе Эгла,
Роды ей облегчили Дия дитя и с Мойрами
Лахесис, именитая повивальная бабка!
Прозванье ему от матери Эглы — Асклепий —
20 Дал Аполлон, Асклепий, целитель болезней,
Даятель здоровья, великого дара для смертных!
Из, Пеан! О из, Пеан! Радуйся, боже Асклепий!
Чтимый твоим Эпидавром, матери градом,
Лучезарного дай процветанья
Телу и разуму — Пеан, из!

* * *

Дивную силу свою ты явил перед нами, Асклепий:
В те времена, когда ходил Филипп на спартанцев
С войском, ревнуя награду отторгнуть почести царской,
Из Эпидавра святого воинственный прянул Асклепий,
30 Род Гераклидов храня, на помощь — и Зевс пощадил их!
Как-то пришел сюда изнуренный отрок с Боспора,

И повстречался он с богом; воинским грозным доспехом
 В злате блистал ты, Асклепий, и отпрыск, бога завидев,
 Руки подъяв, умолял, с прошением к нему обращаясь:
 «Я обделен твоими дарами, целитель Асклепий,
 Смилуйся!» Ты, пресветлый, на речи такие ответил:
 «Здесь побудь, ободрись, к тебе приду, но сначала
 Тяжкий жребий войны отведу я от лакедемонян —
 Чтут они Феба пророчества, столь справедливо по коим
 40 В граде законы Ликург для жизни сограждан устроил!»
 В Спарту он устремился, во мне побудив помышление
 Лакедемонянам тотчас божественный в слове поведать
 Промысел. И от меня тогда услышали спартанцы
 Вести спасительной глас — и вправду, Асклепий, ты спас их!
 Пышно велели они принять тебя, величая:
 Пелопоннеса просторноравнинного дивный Спаситель!
 Гимн этот, бог из бессмертных добрейший, сложен Исиллом,
 Славившим силу твою, владыка, как то подобает!

ГЕРМОКЛ НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЕМЕТРИЯ ПОЛИОРКЕТА

Как боги всеблагие и всеильные
 Городу мирволят!
 Издалека Деметрия с Деметрою
 К нам приводит случай:
 Она справляет девы Кору в городе
 Таинства святыя,
 А он, улыбчивый, сияя красотой,
 Словно бог, нисходит...
 Величественно выступает он, кольцом
 10 Встали тесные дружи,
 Как звезды в небе, верные соратники —
 Сам он словно солнце!
 О, здравствуй, отпрыск Посейдона мощного,
 Здравствуй, сын Киприды!
 Иные боги далеко находятся,
 К ним мольбы напрасны,
 И нет их здесь, не внемлет ни один из них,
 Ты — стоишь пред нами
 Не каменный, не деревянный, но живой!
 20 Молимся мы тебе:
 О милосерднейший, дай поскорей нам мир,
 Всемогуц ты ныне!
 Не Фивы, нет, теперь Элладу целую

Сфинга одолела,
На этолийских скалах возлегла она,
Словно встарь, ужасна,
И жизни наши похищает, алчная,
Нет в нас сил сражаться,
Вор этолийский крал, что далеко лежит,
30 Ныне — что поближе!
Карай его своею властью — если нет,
Нам найди Эдипа,
Чтоб Сфингу эту он со скал высоких сверг
Или опозорил.

АРИСТОНОЙ ПЕАН АПОЛЛОНУ

У Пифо богозданного,
Камня в Дельфах священного,
У святого оракула
Ты — о изйэ, Пеан! —
Аполлон, обитаешь — лик
Чтимый Дия и девы Лето,
Коя дщери, — таков божественный
Промысл, — из, Пеан, из!

10 Там, у треножника божьего,
Лавр колебля нарезанный,
Ты приступаешь к пророчествам
Вещим, изйэ, Пеан!
Из святилища грозного
Правду благочестивую
Лирой звонкой о будущем
Возвещаешь — из, Пеан!

В доле темпейском очистившись
Милостью Зевса всемогущего,
Лишь Паллада уверила
20 Гею плодную — о Пеан! —
С пышнокудрой Фемидой,
Вняв Афины внушению,
Ты в Пифо и направился
Благовонный — из, Пеан!

Оттого-то и девы храм
Тригогении в пророчествах
С благодарностью вечною
Ты и чтишь — из, Пеан! —

С благородством и прелестью,
 30 И бессрочною памятью
 Деву — богиню горною
 Чествуешь ты — из, Пеан!

 Дарят тебя бессмертные:
 Посейдон — округой святой,
 Нимфы-девы — пещерами
 Корикийскими — о Пеан! —
 Бромий — факельным празднеством,
 Артемида — охотничьей
 Псов добычей, хранят они
 40 Край твой — изъез, Пеан!
 От зеленых парнасских круч,
 От потоков Касталии
 Полноводных, цветя красой
 Утонченной, — из, Пеан! —
 Славимый гимнами нашими,
 Дай, по обычаю божьему,
 Нам богатства и с нами будь,
 О Спаситель! Изъ, Пеан!

АРИСТОНОЙ ГИМН ГЕСТИИ

Средь святых святую владычицу Гестию
 Восславим: о ты, Олимпа
 И земли царица, ты владеешь срединным
 Лавром пифийским,
 Святыми плясками
 Правишь ты в храме высоковратном Феба,
 Радуясь в сердце пророчествам у треножников
 И златой Аполлона кифаре,
 Когда бог, веселясь, на лире
 На семизвучной бряцая,
 Гимнами почитает бессмертных!
 Славься, Рен и Крона дочь!
 Полнишь одна ты гласом божественным
 Издревле чтимые жертвенники олимпийцев!
 Даруй, о Гестия, милости
 Божеской — нам пляски священные,
 Вечно владея великим богатством прекраснопредстольным,
 У твоего алтаря справлять!

КЕРКИД

1 (1)

...почему мешок денежный,
Обжора-Ксенон не превратился
В оборванца, по ветру пустившего деньги, к нам не попавшие?
Что мешает отнять — если б кто спросил —
(Богу-то легко свершить, что замыслил)
У лжезаимодавца, за-грош-душегубца, мота, мошенника
Деньги и лишить его свинского богатства,
Раздав его тем, кто по чужим пирушкам ходит,
10 Для кого и малая трата — погибель?!
Иль нет у Дики глаз — словно крот, ослепла?
Иль окривел Фазтон — да так и ходит?
Иль Фемида светлая покрылась мраком?
Божества ли это? Ни слуха, ни зренья!
А ведь весы неподкупные мечущий молнийный огонь
Держит — они никогда не дрогнут...
Слово Гомер в «Илиаде» молвил:
«Склонятся в день роковой весы для доблестных мужей...»
А для меня почему не склонились
20 Весы, весовщик справедливый?
Что до отродья мисийского — и сказать-то неловко —
Чашу готов для них Дий накренить!
Каким владыкам земным иль небесным
Жалиться, правды искать,
Когда и Кронид-родитель, всех и все порождающий,
Одним — отчим, другим — отец!
Пусть ответят на это звездогататели!
Работа для них, надеюсь, нетрудная!
Лучше молиться богу Пеану и доброй Метадос —
30 Богиня она, как Немесида, только земная!
Шлет божество нам попутные ветры...
Чтите богиню, люди...
... не пришлось бы изрыгнуть вам
Все, что сожрали!

2 (4)

И, умирая, смертный
Не своею волей глаза закроет!
В груди у тебя неприступное
И суровое сердце —
Не одолеют его заботы чревоугодников!
Ничто прекрасное не осталось тебе чуждым,
И глубоко познал ты изысканные Муз чудеса!

Пиерид соглядатаем ты было искуснейшим, сердце,
 И ловцом терпеливым!
 10 А ныне уже седины виднеются,
 Пух желтоватый на подбородке,
 И что искать
 Приятного в старости,
 И льстить этой поре...
 Глядя на некогда необъятные пределы жизни...

3 (2)

Говорят, Дамоном, с разных сторон
 Лазаревкрылый сын Афродиты
 Дует... Об этом, конечно, ты знаешь!
 На кого из смертных
 Нежно подует и благосклонно
 С правой ланиты —
 Тот бестревожно в ладье любви
 Мудрым кормилом увещеванья правит!
 На кого он с левой дохнет, бурный, —
 10 Среди смерчей и алчных похоти вихрей
 По валам зыбучим они устремятся...
 Хорошо говорил Еврипид об этом...
 И лучше нам будет выбрать попутный ветер
 И средь умеренных влечений править
 Веслом, ведь в гавань ведет нас Киприда...

 ...а это дикое стремление к соитию
 Разрушение приносит и сожалений горечь...
 Ведь есть Афродита-девка, и никаких забот
 С ней; пожелай, и все — спокойно и безопасно!
 20 Дай ей обол, уложи, да и строй из себя
 Тиндареева зятя!

4 (6)

Вовсе не таков этот Синопец,
 С плащом да посохом по миру бродивший, —
 Он взошел на небо, стиснув зубы до боли
 И прервав дыханье,
 Дия отпрыск — истинно Диоген ты,
 Дия отпрыск — и пес небесный...

АНОНИМНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОБРЯДОВЫЕ
ПЕСНИ

1 (2)

Прилетела ласточка,
Принесла погоду,
Добрые годы
Да на брюшке белом,
Да на спинке черной.

Выносите сладости
Из полного дома,
Да сыру кусок,
Да вина глоток.

10 Не откажется она
 От пшеничной булки,
 От бобовой каши.

С чем вернемся, что возьмем?

Дай хоть немного!

А не дашь, так не уйдем,

Прямо вместе с косяком

Двери утащим

Иль жену твою возьмем

Прямо из дома,

20 Она ростом-то мала —
 Легче потащим.

Если дашь нам что-нибудь —

Хорошо отдаримся.

Отворяй-ка, отворяй

Ласточке двери!

Мы не старцы-старики —

Малые дети!

2

Смело вступи, Кора, на мост:
Поле трижды еще не вспахано.

3

Дождик, дождик, Зевс, пошли
На поля родных Афин
И на пажити равнин.

4 (6)

— Где мои розы? Где мои фиалки?
Где мой сочный сельдерей?
— Вот они, розы! Вот мои фиалки!
Вот он, сочный сельдерей!

5 (36)

Получай свою удачу!
Получай свое здоровье!
Вам дает его богиня,
Та, кого мы призывали.

ПОХОДНАЯ ПЕСНЬ

1 (10)

В бой, сыны достойных граждан,
Дети мужественной Спарты!
Крепко щит рукой сжимая,
Грозно копьями потрясши,
Жизней ваших не щадите
За отечество, за Спарту!

ЗАСТОЛЬНЫЕ ПЕСНИ

1 (1)

О Паллада, владычица Афина,
Тритогена! Правь градом и народом,
Охраняя от мора и смут,
Ранней смерти лихой, — ты и родитель твой.

2 (2)

Час венки надевать — пою Деметру,
Олимпийскую мать Богатства славлю,
Персефону с ней, Зевсову дочь.
Слава, богини, вам! Город блюдите сей.

3 (3)

Делос! Здесь родила Лето когда-то
Златокудрого Феба-Аполлона
С Артемидой, что ланей разит,
Девой-охотницей, властной над женами.

4 (4)

Пан! Хозяин Аркадии преславной!
О плясун, спутник Вакха, нимф шумливых!
Рассмейся, о Пан, улыбнись!
Песни веселья звук пусть усладит тебя!

5 (5)

Мы хотели того — мы победили.
Даровали бессмертные победу,
Что Пандросу, любезную Афине.

6 (6)

Было б можно проникнуть внутрь другого —
Грудь раскрыть и его увидеть мысли,
Все узнать и обратно закрыть,
Чтобы друзьями звать тех, в ком обмана нет.

7 (7)

Благо высшее смертному — здоровье,
А второе — пригожим уродиться,
Третье — честно богатством владеть,
А четвертое — молодость с друзьями!

8 (8)

Пока на суше — путь свой рассчитывай,
Коль ты моряк и дельный, и стоящий,
А вышел в море — тут уж надо
Мчаться туда, куда ветер дует.

9 (9)

Клешнею зажав змею,
Такое вымолвил рак:
«А другу надо быть прямее!
Не надо кривить душой!»

10 (10)

С веткой миртовой меч нести я стану,
Как Гармодий нес с Аристогитоном,
Умертвивши тирана вдвоем,
Равнозаконие граду Афинам дав.

11 (11)

О любимый Гармодий, ты не умер!
Говорят, ты на острове блаженных,
Где Ахилл быstroногий живет,
Отпрыск Тидея где, доблестный Диомед.

12 (12)

С веткой миртовой меч нести я стану,
Как Гармодий нес с Аристогитоном,
Ведь тирана Гиппарха они
Умертвили на празднестве в Афинах.

13 (13)

Ваша слава вовеки не померкнет,
О Гармодий, и ты, Аристогитон.
Вы тирана убили вдвоем,
Равнозаконие граду Афинам дав.

14 (14)

Друг! Адмета завет знай хорошо — храбрых люби душой!
Трусов, друг, сторонись! Помни всегда — нет благородства в них!

15 (15)

Аякс, Теламонов сын, о копейщик, молва идет —
После Пелида сильнейшим был ты под Троей меж воинов.

16 (16)

Говорят, что Теламон первым был, Аякс вторым
Среди всех, кто на Трою шел, после Ахилла мощного.

17 (17)

О, если б стал я лирою кости слоновой — несли б меня
В хороводе вакхическом отроки превосходные.

18 (18)

Вот бы мне самородком стать золота чистейшего,
Вот бы носила меня тогда та жена, что душой чиста!

19 (19)

Пью — так пей, а люблю — тоже люби! Вместе возьмем венки!
Я шалею — шалей! В разуме я — в разум и ты войди.

20 (20)

Друг! Под камнем любим злой скорпион может запрятаться,
Ты смотри берегись! Всякий обман с глаз наших прячется.

21 (21)

Зуб свинья вонзает в желудь — а уж сгрызть другой не прочь!
У меня девчонка — прелесть, но другую я — не прочь!

22 (22)

Свойство есть, что роднит между собой девку и банщика:
Всех в корытто одно — плох ли, хорош — всех одинаково.

23 (23)

Ну-ка, слуга, смотри не забудь, налей за Кедона,
Долг твой — за добрых мужей добрым мужам наливать.

24 (24)

Эх, Липсидрий — товарищей предатель!
Сколько ты погубил мужей прекрасных!
Сколько отпрысков славных домов!
Битва явила всем — дети отцам под стать.

25 (25)

Кто друзей никогда не предавал — стоит заслуженно
От богов и людей чести большой, — вот что я думаю.

26 (26)

Богатство велико мое — копье да меч,
Да добрый щит, удары отражающий.
Они мне и пашут, они мне и жнут
И мне вино из гроздьев дают сладкое,
За них я господином величаюсь.
А кто иметь не смеет ни копье, ни меч,
Ни добрый щит, удары отражающий,
Целуют, припав, колено мое
.....
Зовут царем великим и хозяином.

27 (27 = 873)

Юноши, вы, чей удел наследный — подвиги предков, дары Харит!
Не чуждайтесь водить знакомства с добрыми в цвете юности!
Ведь среди городов Халкиды Эрос разымчивый с Мужеством
Равно сияют.

28 (34)

Кратер наполним, чтоб был он Харитами
Полон до края, слово потайное скажем!
Дайте знак, что Деве
Сплетем мы песен венки,
Той, что, явившись, копьем сокрушила
Под Троей у достопамятных кораблей
Пойманного во тьме
Ночной соглядатая.

29

Муз ласковоокая мать,
Следуй... собственных чад:
Свежерасцветишую песнь,
Новейшей премудростью изукрашенную,
Мы воспоем.
Корабль наш омыли Ахелоевы росы.
Хватить бродяжить, ослабим канаты,
Опустим крылья льняные и торопливо
Ступим на светлую гальку побережья!
10 Дружно! Следите за морем,
К суше прибившись, грозной страшитесь
Ярости мрачной бродяги морского — южного ветра.

ГИМНЫ БОГАМ

ДИОНИСУ

1 (5)

Расступитесь, расступитесь!
Богу место дайте!
Бог желает, явившись во всем своем блеске,
Пройти посредине!

* * *

Тебя, о Вакх, мы песнопеньем радуем,
Простой напев выводим переливчатый,

Веселый, новый, совершенно девственный,
Никем еще не петьй прежде, ранее,
Нетронутый, чистейший начинаем гимн.

2 (25)

Приди, о Дионис-герой,
В элейский храм священный!
Приди во храм с Харитами,
Ворвавшись бычьей поступью,
Бык досточтимый,
Бык досточтимый!

3 (11 = 929)

Голос устремим к небу!
Песнь Дионису мы грянем,
В дни священные споем!
Не был здесь двенадцать лун,
Срок пришел, и все цветы...

4—5 (8 = 926)

И там луга бессмертные, цветистые,
И рощи, тени полные, дают приют
Прелестным хороводам дев вакхических...

* * *

Кто пляской хороводной сердце радует...

* * *

Для Ор он — любимец желаннейший,
Для смертных — покой от трудов...

* * *

Бог благодетельный, детище чистой
Матери, древле от Кадма родившейся,
В граде Фивах многосчастном.

* * *

10 Все сюда, сюда спешите,
Все сюда, сюда смотрите!
Эта дева — кто она?
[Бога] нежно обняла.

МОЙРАМ

6 (100 = 1018a)

Внемлите, о Мойры!
При троне Зевеса
Ближе всех богов восседаете вы!
Адамантовыми челноками
Ткете вы, сплетаете
Непременные, неизбежные
Помыслы всех стремлений!

7 (100 = 1018b)

Айса, Клофó и Лакесис!
Дивнолокотные дочери Ночи!

10 Вы, богини небес и недр,
Всех приводящие в трепет, —
Нашим внемлите молениям.
Вы, всеустрашающие!
О, ниспослите нам
Розоволонную Благозаконность,
С нею сестер пышноотронных —
Мир венценосный и Справедливость.
О, дайте граду
Изгладить из памяти
20 Печаль о несчастье!

8 (16 = 934)

АСКЛЕПИЮ

I Юноши, бога воспойте искусного,
Сына Лето, дальновержца Пеана, —
Из, Пеан!
Радость великую смертным родил он,
Ложь в любви разделив с Коронидой
В отчей земле ее Флегейской.
Воспоем Асклепия,
Бога преславного, из, Пеан!

II Ведь от него родились Подалирий,
10 Дочь Иасо, врачеватель Махаон, —
из, Пеан! —
Эгла, Панакия, ликом прекрасная, —
Всё Эпионовы чада, и с ними
Чистая, славная Гигиия.
Воспоем Асклепия,
Бога преславного, из, Пеан!

III Радуйся, бог, и, светло озирая
Город родной наш, пространноравнинный, —
из, Пеан! —
20 Нас удостой в ликовании видеть
Света дневного сияние, с ним же
Чистую, славную Гигиену!
Воспоем Асклепия,
Бога преславного, из, Пеан!

9

ЮНОМУ ЗЕБСУ

Ио, юнец великий,
Радуйся, сын Крона,
В блеске всемогущий!
Ты здесь, и за тобою
Демонов толпа.
Приди ж на Дикту, насладись
Песнопеньем ежегодным.

I Звоном тебя славят пектиды звучные,
 Авалы им вторят, в хорах сливаясь,
 10 Вкруг алтаря прекрасноградного
 Песню тебе в небо возносим радостно.
 Ию, юнец великий,
 Радуйся, сын Крона,
 В блеске всемогущий!
 Ты здесь, и за тобою
 Демонов толпа.
 Приди ж на Дикту, насладись
 Песнопеньем ежегодным.

20 П В гроте тебя, смерти неподвластного
Здесь укрыли, Реей младенца рожденного
На руки взяв, стражи, щиты носящие,
В лад ударяя вместе стопою гулкою.

Йо, юнец великий,
 Радуйся, сын Крона,
 В блеске всемогущий!
 Ты здесь, и за тобою
 Демонов толпа.
 Приди ж на Дикту, насладись
 Песнопеньем ежегодным.

III 30Эос, богини прекрасной.
Ио, юнец великий,
Радуйся, сын Крона,
В блеске всемогущий!
Ты здесь, и за тобою

- Демонов толпа.
 Приди ж на Дикту, насладись
 Песнопеньем ежегодным.
- IV Дети богов, Оры цвели год за годом,
 40 Смертных в узде властно держала Дика,
 Всем, что живет, правила щедро Ирена,
 Людям даруя блага обильные.
 Ио, юнец великий,
 Радуйся, сын Крона,
 В блеске всемогущий!
 Ты здесь, и за тобою
 Демонов толпа.
 Приди ж на Дикту, насладись
 Песнопеньем ежегодным.
- V Вниди в кувшины наши, вином полные,
 50 Вниди в стада наши густошерстные,
 Вниди в поля наши плодоносные,
 Вниди ты в соты, сладостный мед дающие!
 Ио, юнец великий,
 Радуйся, сын Крона,
 В блеске всемогущий!
 Ты здесь, и за тобою
 Демонов толпа.
 Приди ж на Дикту, насладись
 Песнопеньем ежегодным.
- VI Вниди ты в грады наши, тебе любые,
 60 Вниди в челны наши, морем плывущие,
 Вниди в сограждан, городом принятых,
 Вниди в закон наш, согласьем славный!
 Ио, юнец великий,
 Радуйся, сын Крона,
 В блеске всемогущий!
 Ты здесь, и за тобою
 Демонов толпа.
 Приди ж на Дикту, насладись
 Песнопеньем ежегодным.

10 (17 = 935)

МАТЕРИ БОГОВ

.....
 О богини, с вышины
 Появитесь предо мной!
 Станем вместе величать
 Песнопеньем Мать богов.
 Как пошла она бродить
 По лощинам, по горам,

[Сквозь терновые кусты,
 Раня плоть и рвя власы,
 С помутившимся умом.
 10 Как взглянул владыка Зевс,
 Как увидел Мать богов,
 Бросил огненный перун —
 И тимпаны подхватил,
 Скалы мощные потряс —
 И тимпаны подхватил.
 — Воротись к богам, о Мать,
 Не скитайся по горам!
 Да не будет ярый лев,
 Да не будет волк седой...
 20 — Я к богам не ворочусь,
 Если доли не возьму, —
 Половину всех небес,
 Половину всей земли
 И от моря третью часть,
 Вот тогда вернусь к богам.
 — Слава мощной госпоже,
 Матери Олимпа!

11 (18 = 936)

ПАНУ

Я тебя пою, о Пан,
 Нимфагет, наяд любимец,
 Ты — краса золотого хора,
 Господин болтливой Музы!
 Легким шагом в тень пещеры
 Пан заходит и оттуда
 Разливает в стройной песне
 Он божественные чары
 На сиринге звонкогласой,
 10 Благозвучный и прекрасный,
 С белокурой бороною.
 Звуки песни долетают
 И до звездного Олимпа,
 И до сонма олимпийцев,
 Муз бессмертных улаждая.
 Вся земля и глубь морская
 Благодать твою впитали,
 Ты грядешь, всему опора,
 О, из, Пан, Пан!

12 (101 = 1019)

ТИХЕ

О Тиха!
Ты — начало и конец всего для смертных!
Ты воссела на трон премудрости,
Ты делам людским назначаешь цену,
От тебя больше блага, чем зла,
И вокруг золотых твоих крыл
Прелесть сияет.
Все, что дано твоими весами, — к полному счастью!
В беде — ты ведаешь путь из безысходности,
10 Во мраке — ведешь, как яркий светоч,
 О полезнейшая из божеств!

АРТЕМИДЕ

13 (37 = 955)

О Артемиде! В сердце проникло мне
Желанье гимн, приятный тебе, соткать...
.....
...Другая, золотом сияя,
Держа в руках крембалы меднощечие...

14 (79 = 997)

Тут начинало и течь, и струиться,
Как из источника чистая влага,
Млеко густое у маток всех.
Быстро наполнились млеком кувшины,
Скоро и амфоры не было в доме,
Каменной бочки, подойника, мехов,
Что до краев не наполнились млеком.

ПОСЕЙДОНУ

15 (21 = 939)

Бог преблагой,
О Посейдон с золотым трезубцем,
Влагообильный земледержец!
Вкруг тебя ведя хоровод,
Жабрами плещут плавучие твари;
А плавники тутие возносят
Прыгать гораздых, проворных, курносых, толстошеих,
Подобных резвым щенятам, песнелюбивых

10 Дельфинов — морской табун
Божественных дев Нереид,
Амфитритой рожденных.
Вы к Пелоповым землям, к уступу Тенарского мыса
Домчали меня, в Сицилийском тонувшего море,
На выгнутых спинах неся,
Бороздой разрезая Нереева поля
Заповедную гладь, ибо был я низвергнут коварно
Средь открытого моря с искуснодолбленного судна
В гибельный сумрак вздыбленных вод.

16 (11 = 929c)

...Зевс зарычал грубым раскатом,
Посейдон колеблет землю
Златоклыкшим трезубцем...

ДРУГИМ БОГАМ

17 (11 = 929d)

...плодами
Дуб священный;
Рос с ячменем вперемешку хлебный колос,
Разносемянные всходы;
И цветет светлохитонная полба
С [ячменем] темноволосым рядом...

18 (11 = 929e)

...Аммона
Вдали поселился, сокрывшись
В безлюдье ливийском;
И, празднуя, нежные стебли
Цветов луговых пятой топгал
Муж неукротимый...

19 (11 = 929f)

...Деву багрянокрылую.
В недрах земных приложила
К груди мощное чадо
Бряцающего Ареса,
Питомицу Злосчастья...

20 (11 = 929g)

Сон нежноокий,
Завладевший телом его всецело;

Словно мать, что увидела сына
После долгой разлуки, овеваает крылами,
К груди родной прижав...

ИЗ ДРУГИХ ХОРОВЫХ ЖАНРОВ

1 (67 = 985b)

[Но трудно доискаться]
Кто вышел первым на свет из людей.
Или в Беотии Алакоменей
При водах озера Копайдского,
Или куреты идейские, поросль богов, иль корибанты фригийские
Первыми были, кого
Солнце узрело возросшими, словно деревья.
Быть может, первой Аркадия
Породила Пеласга,
10 Кто старше самой Луны,
Иль элевсинская пашня Рарийская —
Жителя своего Дисавла,
Или Лемнос —
Дивных чад своих Кабиров
С их заповедными таинствами,
Или Пеллена —
Флегрейского Алкионея,
Старейшего из гигантов?
Ливийцы же рассказывают,
20 Будто среди их выжженных равнин
Явился на свет перворожденным Иарбант
От услады Зевесовых чресл.

2 (70 = 998)

В жизни людской безнадежной
Самая редкость — не яркое золото,
Не адамант, не носилки работы серебряной —
Так полагают, кому это взоры слепит, —
И не просторы земельных наделов,
Нивы, родящие пышно.
Самая редкость —
Единые мысли у добрых людей.

3 (47 = 965)

[Превратилась Гекуба] в собаку с ярым взором,
И медный вой,

Из пасти ее старой исторгавшийся,
Слыхала Ида,
Слыхал волной омытый Тенедос,
Слыхали скалы Фракии, излюбленные ветром.

4

ИЗ ПЕАНА ЛИСАНДРУ

Сына спартанских равнин,
Эллады прекрасной вождя,
Мы песней прославим своей —
Ио, пеан!

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕК

К первой строке приступая, я Муз хоровод с Геликона
Сердце мое вдохновить умоляю на новую песню, —
С писчей доской на коленях ее сочинил я недавно, —
Песню о брани безмерной, неистовом деле Арея.
Я умоляю, да чуткие уши всех смертных услышат,
Как, на лягушек напавши с воинственной доблестью, мыши
В подвигах уподоблялись землею рожденным гигантам.
Дело, согласно сказанью, начало имело такое.

- Раз как-то, мучимый жаждою, только что спасшись от кошки,
10 Выгннув жадную мордочку, в ближнем болоте мышонок
Сладкой водой упивался, — его на беду вдруг увидел
Житель болота болтливый и с речью к нему обратился:
«Странник, ты кто? Из какого ты роду? И прибыл откуда?
Всю ты мне правду поведай, да лживым тебя не признаю.
Если окажешься дружбы достойным, сведу тебя в дом свой
И, как любезного гостя, дарами почту торовато.
Сам я прославленный царь Вздумоморда и здесь на болоте
Искони всепочитаемый вождь и владыка лягушек.
Родом же я от Грязного, который с царевною Водной
20 На берегах Эридана в любви сочетался счастливо.
Впрочем, и ты, полагаю, из роду не вовсе простого:
Может быть, царь-скинпродержец и мощный в боях
предводитель?»

Ну, не таи же, открой мне скорее свой род именитый».

- Тут на расспросы лягушки мышонок пространно ответил:
«Что ты о роде моем все пытаешь? Он всюду известен:
Людам, бессмертным богам и под небом витающим птицам.
Имя мое — Крохобор, я горжусь быть достойным потомком
Храброго духом отца Хлебогрыза и матери милой,
Ситолизуньи, любезнейшей дочки царя Мясоеда.
30 А родился в шалаше я и пицей обильной взлелеян:
Смоквою нежною, сочным орехом и всяческой снедью.
Дружба же вряд ли меж нами возможна: мы слишком несхожи.
Жизнь вся твоя на воде протекает, а мне вот на суше
Пища привычна людей, и меня на дозоре не минет:
Ни из красивооплетенной корзины калач белоснежный,
Ни с чечевичной начинкой пирог с творогом многослойный,

Ни окровавленный окорок, ни с белым жиром печенка,
 Ни простокваша, ни сыр молодой, ни парная сметана,
 Ни пирожочки медовые — их же вкушают и боги, —
 40 Словом, ничто из того, что к пирам повара припасают,
 Вкусно приправами всякими пищу людей услащая.
 Не убегал никогда я с опасного поля сраженья,
 Первому следуя зову, я в первых рядах подвигаюсь.
 Даже его не страшусь, человека с огромнейшим телом:
 Смело на ложе взобравшись, цепляюсь за кончики пальцев
 Или пяди ухвачу, и, хоть боль до людей не доходит,
 Скованный сном человек моего не избегнет укуса.
 Но, признаюсь, опасаясь и я двух чудовищ на свете:
 Ястреба в небе и кошки — великое с ними мне горе, —
 50 Также и скорбной ловушки, где рок затаился коварный.
 Эти напасти — все страшные, напуганнейшая — кошка:
 Даже к зарытым в норе норovit она ловко пробраться.
 Редьки же грызть я не склонен, ни толстой капусты, ни тыквы,
 И не питаюсь ни луком зловоннейшим, ни сельдереем —
 Яства отменные, впрочем, для тех, кто живет у болота...»
 На Крохобора слова Вздумоморда со смехом ответил:
 «Что ты, о друг, все о брюхе толкуешь? Поверь мне, немало
 Есть и у нас, на воде и на суше, чему подивиться.
 Жизнь нам, лягушкам, завидно-двойную назначил Кронион:
 60 Можем мы прыгать по суше, можем плясать под водою
 И обитаем в жилищах, обеим стихиям открыты.
 Если жаляешь, ты можешь и сам в том легко убедиться:
 На спину только мне прыгни, держись, понадежней усевшись,
 А уже я тебя с радостью в самый свой дом переправлю».
 Так убеждал он и спину подставил, и тотчас мышонок,
 Лапками мягкую шейку обняв, на лягушку взобрался.
 Был он вначале доволен: поблизости виделась пристань,
 Плыл на чужой он спине с наслаждением... Но, как внезапно
 Буйной хлестнуло волною в него, проклиная затею,
 70 Жалобно тут завопил он, стал волосы рвать и метаться,
 Горестно лапки под брюхом ломать, а трусливое сердце
 Билось неистово и порывалось на берег желанный.
 От леденящего страха стенаньями глушь оглашая,
 Правит меж тем он подвижным хвостом, как послушным
 кормилом,
 И умоляет богов привести его на берег целым.
 Так, чем он более тонет, тем стонет безудержней, громче
 И, наконец, исторгает из уст своих слово такое:
 «Верно, не так увозил на хребте свою милую ношу
 Вол, что по волнам провел до далекого Крита Европу,
 80 Как, свою спину подставивши, в дом свой меня перевозит
 Сей лягушонок, что мордой противною воду пятнает!»
 Вдруг над равниною водной, высокую выгнув шею, —
 Вот уж где ужас обоих, — явилась грозная гидра.

Гидру увидев, нырнул Вздумоморда, о том и не вспомнив,
Гостя какого, коварный, на верную смерть обрекает.
Сам углубился в болото и гибели близкой избегнул,
Мышь же, опоры лишившись, немедленно навзничь упала,
Лапками лагодя влагу и жалобный писк испуская.

Часто ее заливала волна, но, живучая, снова

90 Наверх она выплывала... Однако судьбы не избежешь...

Шерстка намокшая с большей все тяжестью книзу тянула,
И, уж волной заливаем, пред смертью промолвил мышонок:

«Ты, Вздумоморда, не думай, что скроешь коварством
проступок:

Как со скалы — потерпевшего в море кораблекрушение,
С тела меня ты низвергнул... В открытой борьбе или беге
Не превзошел бы меня ты на суше. Так наглым обманом
В воду меня заманил... Но всевидящий бог покарает
(Грозного не избежишь ты возмездья от рати мышьиной)!»

Так он сказал и свой дух на воде испустил. Но случайно

100 Это узрел Блюдолиз, на крутом побережье сидевший.

С писком ужасным пустился он весть сообщить всем мышатам.

Эти же, новость проведав, вспыхнули ужаснейшим гневом

И повелели глашатаям громко прокликать, чтоб утром

Прибыли все на собрание в палаты царя Хлебогрыза,

Старца, отца Крохобора, которого труп по болоту

Выплывший жалко носился — не к берегу родному, однако,

Нет, уносился, несчастный, в открытого моря пучину.

Спешно, с зарей, все явились, и первым в собрание поднялся,

Скорбью по сыну томимый, отец Хлебогрыз и промолвил:

110 «Друзи, хотя и один я теперь претерпел от лягушек,

Лютая может беда приключиться внезапно со всяким,

Жалкий, несчастный родитель, троих сыновей я лишился:

Первого сына сгубила, свирепо похитив из норки,

Нашему роду враждебная, неукротимая кошка.

Сына второго жестокие люди на смерть натолкнули,

С необычайным искусством из дерева хитрость устроив,

Эту-то пагубу нашу ловушкой они называют.

Третий же сын — был и мой он любимец, и матери нежной...

Ах, и его погубил Вздумоморда, сманивши в пучину.

120 Но ополчимся, друзья, и грянем в поход на лягушек,

Тело, как должно, свое облачив в боевые доспехи».

Речью такую он всех убедил за оружие взяться.

Их возбуждал и Арей, постоянный войны подстрекатель.

Прежде всего облекли они ноги и гибкие бедра,

Ловко для этого стручья зеленых бобов приспособив, —

Их же в течение ночи немало они понагрызли.

А с камышей прибрежных сняв шкуру растерзанной кошкой

Мыши, ее разодравши, искусно стоговили латы.

Вместо щита был блестящий кружочек светильни, а иглы —

130 Всякою медью владеет Арей — им как копья служили.

Шлемом надежным для них оказалась скорлупка ореха.
Во всеоружье таком на войну ополчились мышата.

Живо узнали про это лягушки, и, вынырнув, тотчас
В место одно собрались, и совет о войне учредили.
Только пошли пересуды, откуда и кто неприятель,
Вражий внезапно явился, жезлом потрясая, глашатай —
Творогоеда бесстрашного сын, Горшколаз знаменитый.
Он, объявляя войну, к ним со словом таким обратился:

140 «Я от мышей к вам, лягушки, и послан я с вызовом грозным:
Вооружайтесь поспешно, готовьтесь к войне и сраженьям.
Ибо в воде увидали они Крохобора, в чьей смерти
Царь Вздумоморда повинен. Так будьте теперь все в ответе.
Тот же из вас, кто храбрее, на бой пусть скорее дерзает».

Так объявил им глашатай, и, грозное слово услышав,
Затрепетали сердца и у самых бесстрашных лягушек,
Но Вздумоморда, поднявшись, их речью такой успокоил:

«Други, не я убивал Крохобора и даже не видел,
Как он погиб: верно, сам утонул он, резвясь у болота,
В плаванье нам подражая. А эти гнуснейшие мыши

150 Вздумали ныне меня обвинять. Ну, тем лучше. Изыщем
Способ мы раз навсегда весь их род уничтожить коварный.
Вот что я вам предложу и что кажется мне наилучшим:
В броню себя заковавши, мы сомкнутым строем, все рядом
Станем у края болота, на самом обрывистом месте,
Чтобы, когда устремятся на нас ненавистные мыши,
Каждый ближайшего мог супостата, за шлем ухвативши,
Вместе с оружием грозным низвергнуть в пучину болота.
Там уже, плавать бессильных, мы быстро их всех перетопим,
Сами же мы, мышейбойцы, трофей величавый воздвигнем».

160 Речью такой убедил он лягушек облечься в доспехи:
Голени прежде всего они листьями мальвы покрыли,
Крепкие панцири соорудили из свеклы зеленой,
А для щитов подобрали искусно капустные листья.
Вместо копья был тростник у них, длинный и остроконечный,
Шлем же вполне заменяла улитки открытой ракушка.
Так на высоком побережье стояли, сомкнувшись, лягушки,
Копьями все потрясали, и каждый был полон отваги.

Зевс же богов и богинь всех на звездное небо сзывает
И, показав им величье войны и воителей храбрых,

170 Мощных и многих, на битву огромные копья несущих,
Рати походной кентавров подобно иль гордых гигантов,
С радостным смехом спросил, не желает ли кто из лягушек
Иль за мышей воевать. А Афине промолвил особо:

«Дочка, быть может, прийти ты на помощь мышам
помышляешь,

Ибо под храмом твоим они пляшут всегда с наслажденьем,
Жиром, тебе приносимым, и вкусною снедью питаюсь?»
Так посмеялся Кронид, и ему отвечает Афина:

«Нет, мой отец, никогда я мышам на подмогу не стану,
 Даже и в лютой беде их: от них претерпела я много:
 180 Масло лампадное лижут, и вечно венки мои портят,
 И еще горшей обидою сердце мое уязвили:
 Новенький плащ мой изгрызли, который сама я, трудясь,
 Выткала тонким утком и основу пряла столь усердно.
 Дыр понаделали множество, и за заплаты починщик
 Плату великую просит, а это богам всего хуже.
 Да и за нитки еще я должна, расплатиться же нечем.
 Так вот с мышатами... Все ж и лягушкам помочь не желаю:
 Не по душе мне их нрав переменчивый, да и недавно,
 С битвы когда, утомленная, я на покой возвращалась,
 190 Кваком своим оглушительным не дали спать мне лягушки,
 Глаз из-за них не сомкнувши, я целую ночь протомилась.
 И, когда петел запел, поднялась я с больной головою.
 Да и зачем вообще помогать нам мышам иль лягушкам:
 Острой стрелою, поди, и бессмертного могут поранить.
 Бой у них ожесточенный, пощады и богу не будет.
 Лучше, пожалуй, нам издали распрей чужой наслаждаться».
 Так говорила Афина. И с ней согласились другие.
 Тотчас все боги, собравшись, пошли в безопасное место.
 200 Временем тем комары в большие трубы к сраженью
 Вражеским станам обоим знак протрубили, а с неба
 Зевс загремел Громовержец, начало войны знаменуя.
 Первым Квакун Сластолиза — тот в первых рядах
 подвизался —
 Метким копьем поражает в самую печень по чреву:
 Навзничь упал он, и нежная шерстка его запылилась.
 С грохотом страшным скатился, доспехи на нем зазвенели.
 Этому вслед Норолаз поражает копьем Грязевого
 Прямо в могучую грудь. Отлетела от мертвого тела
 Живо душа, и упавшего черная смерть осеняет.
 Острой стрелою тут в сердце Свекольник убил Горшколаза.
 210 [В брюхо удар Хлебоеда на смерть Крикуна повергает:
 Наземь упал он стремглав, и от тела душа отлетела.
 Гибель героя увидев и мщеньем за друга пылая,
 Камень огромный, на жернов похожий, схватил Болотняник,
 В шею метнул Норолазу; в глазах у того потемнело.
 Тут уже жалость взяла Травоглода, и дротиком острым
 Он упредил нападение врага. Но и сам поплатился:
 Ловко копьем дальнолетным в него размахнулся Облиза,
 Меток удар был, под самую печень копьё угодило.
 Он на Капустника, по побережью бежавшего, яро
 220 Ринулся, но, не смутившись, тот сам обратил его в бегство.
 В воду злосчастный упал и живой уж не выплыл, багровой
 Кровью окрасил болото, и, вздутый, с кишками наружу,
 Долго еще труп героя у берега горестно бился.]
 Творогоед же от смерти и на берегу не сберегся.

В ужас пришел Мятолюб, когда Жирообжору увидел:
 Бросивши щит, он проворно спасается бегством к болоту.
 Соня Болотный убил знаменитого Землеподкопа
 [А Водорад поразил беспощадно царя Лизопята,]
 Тяжким булыжником череп ему раскроив. Размягченный
 230 Из носу мозг его вытек, и кровью земля обогрилась.
 Соне Болотному смерть причинил Блюдолиз безупречный,
 Дротик свой бросив, и тьма ему взоры навеки покрыла.
 Это увидел Чесночник и, за ноги труп расторопно
 Крепкой рукою схвативши, в болото Болотного бросил.
 Тут за убитого друга герой Крохобор заступился,
 Ранил жестоко Чесночника в печень, под самое чрево.
 Тело простерлось бессильно, душа же в Аид отлетела.
 Болотолаз, то увидев, горсть грязи швырнул в Крохобора:
 Тина лицо облепила, он зрения чуть не лишился.
 240 Гневом вспыхнул Крохобор и, могучей рукою ухвативши
 Камень из долу огромный — земли многолетнее бремя —
 В Болотолаза метнул его яростно. Вся раздробилась
 Правая голень его, и, подрубленный, пал он на землю.
 Тут и Пискун на него напустился и сильно ударил
 В чрево. Проникло в утробу копьё глубоко, и, как только
 Крепкой рукою копьё извлек из брюха противник,
 Тотчас наружу за ним и все внутренности потянулись.
 Видя, что на побережье от смерти не убережешься,
 Еле плетясь и измученный страшно, сражение покинув,
 250 В ров Зерногрыз пробирался, чтоб гибели лютой избегнуть.
 В пятку копьём уязвив, поразил Хлебогрыз Вздумоморду.
 [Позже, хоть раненный тяжко, он вынырнул вновь из болота.]
 Видя, что дышащий трудно во прахе простерт Вздумоморда,
 К первым рядам устремившись, копьё в него Луковник бросил,
 Но уцелел крепкий щит, и копьё острое в нем застряло.
 Также и дивный Польщик, в сражениях равный Арею,
 Сбросить не смог с головы Вздумоморды тяжелого шлема,
 Хоть средь лягушек воинственных витязем первым считался:
 Слишком уж много врагов на него устремилось. Пред грозным
 260 Натиском не устоял он и спешно в болоте укрылся.
 Был средь мышей еще юный, но храбростью всех
 превзошедший,
 Славный герой Блюдоцап, знаменитого сын Хлебоскреба.
 Из дому вызвавши сына, отец его в бой посылает.
 Этот же витязь, с угрозою весь истребить род лягушек,
 Гордо вперед выступает, пылая с врагами сразиться.
 Тотчас лягушки, объятые ужасом, в бегство пустились.
 Силой владея великою, тут бы их всех погубил он,
 Если бы зоркий Кронион, отец и бессмертных и смертных,
 270 Гибнущих видя лягушек, к ним жалостью вдруг не проникся
 И, головой сокрушенно качая, богам не промолвил:
 «Боги! Великое диво я вижу своими глазами.

Скоро, пожалуй, побьет и меня самого сей разбойник,
 Что на болоте свирепствует. Впрочем, его успокоим.
 Тотчас Афины пошлем или шумного в битвах Аррея:
 Эти его, хоть отважного, живо от битвы отвадят».
 Кроноса сын так промолвил. Аррей же ему возражает:
 «Ныне, Кронид, уж ни мудрость Афины, ни сила Аррея
 Любую смерть отворотить не сумеют от жалких лягушек,
 Разве на помощь им все мы направимся, да и оружие,
 280 Коим когда-то сразил Капаней, могучего мужа,
 Дерзостного Энкелада и дикое племя гигантов,
 Ты и теперь пустишь в ход — перед этим и храбрый смирится».
 Только промолвил Аррей, громовою молнией грянул
 Кроноса грозного сын, — и великий Олимп содрогнулся,
 Знаменье страшное в ужас повергло мышей и лягушек,
 Все же мышинное войско сражения не прекращало,
 Крепко надеясь лягушачий род истребить совершенно,
 Что и могло бы случиться, если б с Олимпа Кронион,
 Сжалившись, в помощь лягушкам не выслал защитников новых.
 290 Вдруг появились создания странные: кривоклешневые,
 В латы закованы, винтообразны, с походкой кривою,
 Рот словно ножницы, кожа — как кости, а плечи лоснятся,
 Станом искривлены, спины горбаты, глядят из-под груди,
 Рук у них нет, зато восьмеро ног, и к тому двуголовые —
 Раками их называют... И тотчас они начинают
 Мышью хвосты отгрызать, заодно уж и ноги и руки.
 Струсил жалкие мыши и, копыта назад повернувши,
 В бегство пустились постыдное... Солнце меж тем закатилось,
 И однодневной войне волей Зевса конец наступает.

ВОЙНА МЫШЕЙ С ЛАСКОЙ

- 3 среди первых Пискун подвизался,
 был из мышей он храбрейшим.
 Но не вернулся он больше в отчую землю родную,
 Ибо, схватив посеред, раньше всех его ласка загрызла.
 Дома осталась супруга, нещадно терзая ланиты,
 В гладкообкусанной спальне. Хоть в мыслях была и разумна
 Дочь ...сеона царя, все ж наружу она выбегала.
 10 Вот какое несчастье от ласки мышам приключилось.
 Тотчас стремительным шагом помчался к супруге глашатай
в мышинном народе.
 И, обратившись к ней, слова он крылатые молвил:
 «Умер Пискун, что в сраженьях всегда у нас был безупречен».
 Горько стенать, власы вырывая и щеки терзая,
 Стала она по супругу...
 «.....обуздай.....
не тревожь наши души».

Боги меж тем пировали на гордой вершине Олимпа.
20 К месту, где сушатся фиги, Гермес поспешил илленийский,
..... (из всех своих нор) показалиcь,
Где полевой виноградна всех.....
Лозы оставивших, — к бою судьба их и боги собирали.
Тотчас мышинные рати, грядущие купно на вече,
Ласка, увидев, рекла своему беспокойному сердцу:
«Горе мне, что это мыши во множестве здесь собрались?
Видю я, грозная брань и сражение тяжкое грянет,
Ежели мне и мышам за победу придется бороться.
29гложет забота мне сердце».
31под корнями оливы сокрылась.
51 ...Спарту они населяли и Пилоса город священный,
И не в подвалах ютились, и на чердаки не взбирались —
Жили в равнинах привольных и средь лесов густолистных.
С лаской на страшную битву так они собирались.
Мельничий им возвещал, который..
Не был он в беге искусен, но мыслил инаких мудрее —
Этим средь всех выделялся и многое прошлое ведал.
Он, благомыслия полный, витийствовал так перед сонмом:
«Ведал я все это, мыши, отца поучения помня
60 Нашего, он...»

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Произведения древнегреческих поэтов VII–III вв., содержащиеся в настоящем собрании, сохранились в источниках трех типов текста.

Во-первых, это средневековые рукописи, в которых представлены наиболее крупные из включенных сюда сочинений: обе подлинные поэмы Гесиода («Теогония» и «Труды и Дни»), а также приписанный ему «Щит Геракла», гомеровские гимны, дистихи из так называемого Феогнидовского корпуса. Число рукописных книг, содержащих какое-либо из этих сочинений, может превышать две с половиной сотни (например, для «Трудов и Дней»), но для издателей представляют интерес, как правило, около 30 или несколько меньше наилучших рукописей, составленных от X в. до конца XV в., когда начали выходить первые печатные издания древних классиков («инкунабулы») в венецианской типографии Альда Мануция (так называемые «альдины», приравняемые к рукописям, поскольку образец, с которого они печатались, мог быть утерян). Так как средневековые рукописи отделились примерно полутора тысячами лет от создания произведений, то в них легко могли вкратце искажения, пропуски, вставки и т. п. — определение надежности того или иного экземпляра, исправление ошибок, сравнение рукописей и выбор наиболее вероятных чтений являлось задачей многих поколений филологов, начиная от представителей поздней византийской науки и кончая исследованиями наших дней.

Другую группу текстов составляют отрывки из сочинений, включенные в виде цитат в произведения более поздних авторов. Так, до нас дошли целиком большие элегии Солона, крупные отрывки из элегий Тиртея, большая часть «поэмы» Симонида о женщинах, знаменитый гимн Сапфо к Афродите. При этом иные сочинения цитируются где-нибудь от начала до конца, а в другом месте из них даются выдержки, не всегда полностью совпадающие с более обширным текстом. В другой раз поздний автор, процитировав, положим, 4 двустишия какого-нибудь элегического поэта, пишет: «...и дальше (такой-то) продолжает», — следует новая порция двустиший. Что значит в этом случае «дальше»? Сразу же за первой цитатой шла в тексте более раннего автора вторая, или между ними надо предполагать пропуск? К тому же и сами поздние авторы представлены обычно отнюдь не одной рукописью, и по отношению к сохранным ими цитатам возникают те же вопросы, что и к дошедшим полностью произведениям: подлинность, полнота, надежность. Установлением наиболее удовлетворительного текста занимается наука, которая в наше время называется текстологией (она продолжает оставаться актуальной и для писателей нового времени, когда одно произведение имеет разночтения в разных изданиях или в их авторской правке, в черновиках и беловиках и т. д.), а по отношению к древним принят термин «критика текста». Разумеется, оценить ее успешность удастся, только читая античных поэтов в подлинниках, но важнейшие результаты, насколько возможно, находят отражение в русских переводах и в комментариях к ним.

Более обширную группу цитат составляют, к сожалению, значительно меньшие по объему: одна или несколько строф или элегических двустиший, приводимых

каким-нибудь поздним историком или географом для подтверждения сообщаемых им сведений, либо автором риторического сочинения — в целях эстетической оценки, или вовсе одна строчка, цитируемая поздним грамматиком ради редкой или необычной лексической или грамматической формы. Поэтому во II и III разделах нашего собрания читатель встретит так много коротких или однострочных текстов. (В научных изданиях эллинических поэтов фиксируется и каждое отдельное слово, обнаруженное у поздних компиляторов, но перевод их на русский язык лишен смысла и здесь не приводится.)

Наконец, с середины прошлого века стали появляться, а в нашем столетии хлынули обильным потоком папирусные публикации античных текстов, найденных главным образом в эллинистическо-римском Египте, где сухие пески способствовали сохранению папирусных списков или их обрывков в течение многих столетий. Как правило, это были экземпляры сочинений античных авторов, использованные с оборотной стороны листа для каких-нибудь хозяйственных записей, документов и т. п. или просто выброшенные за ненадобностью. В новое время эти тексты из папирусных свалок разошлись по собраниям всего света, и папирология стала наукой, которой и историки и филологи обязаны неисчислимым множеством нового материала из всех областей общественной и культурной жизни античного мира на протяжении доброй тысячи лет: от IV в. до н. э. вплоть до VI—VII вв. н. э. Что касается литературы, то папирусные тексты древних авторов восходят чаще всего к изданиям, вышедшим в III—II вв. из стен александрийской филологической школы. Впоследствии эти собрания сочинений почти всех древнегреческих классиков переписывались целиком или в выборках и в специальных мастерских по изготовлению папирусных изданий, и в школах, и образованными людьми для домашних библиотек. Благодаря таким находкам только из авторов, вошедших в наш двухтомник, стали известны многие тексты Стесихора, Сапфо и Алкея, Архилоха, Симонида и Каллимаха и многих других поэтов.

Впрочем, папирусы — материал очень специфический и неравноценный. Иногда удается обнаружить достаточно связный кусок текста (например, «Персы» Тимофея, или Кельнский эпод Архилоха, фр. 60, или фр. 20 Алкея, две половины которого были найдены в двух разных хранилищах — в Лондоне и в Кёльне); однако и в этом случае могут обкрошиться поля или черви проесть самое важное слово. Чаще же папирологи имеют дело с обрывками, которые сначала, исходя из направления волокон в материале и смысловой связи текста, надо расположить в порядке, делающем их доступными если не для чтения, то хотя бы для понимания. Иногда отрывки из одной и той же или двух родственных рукописей обнаруживаются с интервалом в 30—40 лет; так, например, обстоит дело с рукописью, из которой восстанавливается элегия Симонида (фр. 1). Часто папирусный текст представляет собой полосу, в которой читается только начало, или середина, или конец колонки, и по ним надо хотя бы предположительно восстановить ход мысли автора.

К прежним источникам папирусных текстов в последние десятилетия прибавился еще один: демонтирование мумий. Древние египтяне пеленали своих покойников в длинные полосы, которые за отсутствием льняных полотен заменяли цельными или разрезанными вдоль папирусными свитками. Мало того, что в этом случае буквы от каждого последующего ряда бинтов накладывались на предыдущий и теряли отчетливость и ясность, свивальники эти для прочности пропитывали особым составом. Достаточно представить себе несколько страниц, исписанных чернилами и наклеенных друг на друга: много ли удастся на них прочесть, если даже со всей аккуратностью отделить их одну от другой? Поэтому специалисты, способные на такую ювелирную работу в отделении картонажей от мумий, ценятся не меньше, чем изобретатели космического топлива.

Из сказанного ясны три основные особенности переводов папирусных текстов: либо в них остается много пропусков, когда ни один филолог не берется заменить собой античного поэта с его образом художественного мышления; либо какие-то части произведения переводятся по общему смыслу, если он достаточно ясен. В

первом случае пропуски обозначаются отточиями (которые по маргинальной нумерации в нашем собрании условно принимаются обычно за один стих), во втором — дополненные части текста помещаются в квадратные скобки или выделяются курсивом. Наконец, в разделах II и III сохранились совсем короткие (1–2 стиха), но достаточно осмысленные фрагменты — они тоже сочтены достойными перевода.

В заключение разговора о папирусах следует сказать, что название науки «папирология» уже материала, который она охватывает, занимаясь и текстами, начертанными на черепках, которые нередко служили в античной школе писчим материалом, и текстами, начертанными на пергамене — листах, выделанных из телячьей кожи. (Написание «пергамент» — ошибочное; слово «пергамен» происходит от названия города Пергама, где впервые стали обрабатывать для письма шкуры животных, когда египетские цари запретили вывоз из страны папируса. Прилагательное «пергаменный» для обозначения писчего материала следует отличать от определения «пергаментный», которым в наше время обозначается промасленная бумага.)

Переходя к составу предлагаемого издания, следует обратить внимание на его деление на три части (I. Послегомеровский эпос; II. Элегия и ямб. III. Мелика), чем достигается более полная картина основных поэтических жанров древнегреческой поэзии в их развитии. При этом, правда, нескольких авторов (например, Симонида Кеосского, Каллимаха) пришлось поделить каждого между двумя разделами, но в этом нет большой беды, так как характеристика отдельных поэтов не входит в задачу данного издания.

При расположении материала в наследии каждого автора принят принцип, отличный от тех, которые проводятся в научных изданиях оригинала: там отрывки стараются распределить либо в соответствии с их последовательностью в собраниях, осуществленных alexandрийскими филологами, либо по метрическому принципу (отдельно элегические дистихи, отдельно ямбы, тетраметры и т. д.). Для русского читателя большее значение имеет тематический принцип, по которому отрывки и расположены в настоящем издании. Поясним это на примерах.

Подборка стихотворений (или отрывков из них) Архилоха начинается с тех, в которых он выступает как воин и поэт (фр. 1–21); затем идут те, которые относятся к переселению с Пароса и жизни на Фасосе (фр. 22–28), затем те, которые характеризуют его жизненное отношение (фр. 29–38), религию (фр. 39–44), описывают кораблекрушение у Пароса (фр. 45–53), отношение к друзьям и врагам (фр. 54–59). Следующий раздел посвящен любовной тематике (фр. 60–80), затем идут отрывки из басен (фр. 81–88) и, наконец, группа фрагментов (89–111), тематическая принадлежность которых остается неопределенной.

Фрагменты Алкея открываются остатками гимнов к богам (фр. 1–13) — с таких песнопений могло начинаться очередное собрание членов гетерии; затем идут отрывки на мифологические темы (фр. 14–21), которые в сознании поэта были неразрывно связаны с современными обстоятельствами, в частности, с отношением к друзьям и врагам (фр. 22–32); следующие разделы посвящены положению гетерии Алкея (фр. 33–39), его изгнанию (фр. 40–41), призывам к заговорщикам (фр. 42–44), которые могли звучать на совместном пиршестве. Отсюда возникает естественный переход к песням пирушки (фр. 45–59). Затем выделяются стихи, обращенные к брату (фр. 60–63) и характеризующие жизненное отношение Алкея (фр. 64–72); несколько стихов с описанием природы (фр. 73–76) образуют переход к «разному» (фр. 77–88).

Дошедшие фрагменты Стесихора располагаются таким образом, что сначала идут более крупные тексты — из «ГерIONEИДЫ» и «ФИВАИДЫ», за которой следует небольшой отрывок из примыкающей к ней по содержанию «ЭРИФИЛЫ». Затем, опять же по ходу изложения мифа, подобраны фрагменты из поэм, относящихся к Троянской войне, и, наконец, мелкие отрывки.

Конечно, при тематическом расположении материала возможно проявление известного субъективизма составителя — в тех случаях, когда какой-нибудь одно-

строчный отрывок дошел без указаний на то, откуда он заимствован. Хочется, однако, надеяться, что составитель ошибался не так часто.

Следующий момент, о котором должен быть предупрежден читатель, — это не решенный до сих пор вопрос о способе передачи в русском переводе метрических основ древнегреческого стихосложения, которое строилось не на чередовании ударных и безударных (как русское силлабо-тоническое), а на сочетаниях долгих и кратких слогов, различавшихся к тому же не только по времени их произнесения (долгий слог относился по длительности к краткому как 2:1), но и по тональности (повышение и понижение). Сочетания разных по длительности слогов могли быть относительно простыми и вполне поддающимися передаче в русском переводе (например, ямбы или дактили), но могли быть и достаточно сложными, состоящими, например, из двух долгих слогов, обрамляющих один краткий (— — —), или из двух кратких в сопровождении двух долгих (— — —). Попытка передать в переводе долгие слоги ударными, а краткие — безударными скорее всего сделала бы стих лишенным какой-либо мелодической структуры и, следовательно, совершенно неудобочитаемым.

Поэтому в настоящем издании читатель встретится с переводами трех типов. Стрфы, состоящие из четко фиксированных по мелодическому рисунку стихов (например, сапфическая, алкеева) и поддающиеся адекватной передаче в русском стихосложении, переведены так называемым размером подлинника (то есть ударные слоги соответствуют долгим, безударные — кратким). Произведения с несколько более свободной, но тем не менее легко воспринимаемой современным слухом ритмической организацией переведены с возможным к ней приближением. Наконец, сочинения, построенные по принципам, близким к структуре музыкального произведения, переданы по большей части свободным стихом без попыток воспроизвести мелодический рисунок оригинала, в том числе и симметрию между строфами. Это касается главным образом мелических поэтов — Стесихора, Симонида и др.

Затем, трудно преодолимым бедствием в изданиях античных авторов остается до сих пор весьма хаотическая передача по-русски древнегреческих имен собственных. Явление это имеет свои исторические корни и связано главным образом с различными путями проникновения в русский язык греческих имен — с одной стороны, через Византию, где произношение классических времен в достаточной степени видоизменилось; с другой стороны — через Западную Европу, где греческие имена воспринимались в латинской транскрипции. Неразбериха эта еще больше усиливается, когда под одним переплетом собирается добрых два десятка переводчиков, работавших в течение многих десятилетий. В настоящем издании сделана попытка унификации имен собственных в той мере, в какой это не противоречит культурной традиции и здравому смыслу. Однако и здесь не удалось выдержать принятые принципы до конца; в одном случае это было ясно с самого начала: греческое слово *ἔρος* — «любовная страсть» передается переводчиками и как «ἔрос» и как «ἔрот», и устранить эту двойственность оказалось невозможным без разрушения ритма переводов. Точно так же пришлось сохранить дубликаты типа «Крон — Кронос», «Кронид — Кронион», «Тритогея — Тритогена» и т. п.

Наконец, нередки случаи, когда различные произведения одного и того же поэта переводили разные лица. В этом случае имена их указываются в оглавлении, а что именно кем переведено, обозначается в преамбуле к примечаниям при каждом поэте. Переводы, выполненные специально для этого издания и публикуемые впервые, отмечаются звездочкой — либо при фамилии переводчика, либо при номерах фрагментов. Поскольку в двухтомнике принята своя нумерация фрагментов, то в скобках при каждом порядковом номере проставлена нумерация того издания оригинала, по которому сделан новый или сверен старый перевод. Издания эти следующие:

для «Иды Геракла» — Hésiode. Théogonie. Les Travaux et les Jours. Le Bouclier. Texte établi et traduit par P. Mazon. Paris, 1928;

для «Каталога женщин» и других мелких отрывков из поэм, приписанных Гесиоду, а также для «Песни гончаров» — *Fragmenta Hesiodica*. Ed. R. Merkelbach et M. L. West. Oxford, 1967;

для киклических поэм и других эпических авторов VII–V вв. — *Poetarum epicorum Graecorum testimonia et fragmenta*. Pars I. Ed. A. Bernabé. Leipzig, 1987;

для Антимаха — *Antimachi Colophonii Reliquiae*. Collegit ... B. Wyss. B., 1936 (1974);

для философского эпоса — H. Diels — W. Kranz. *Die Fragmente der Vorsokratiker* 10. Aufl. Berlin, 1961. Для Парменида также использовано издание: *Parmenides*. Ed. L. Taran. 1974;

для Каллимаха — *Callimachus*. Ed. R. Pfeiffer. Vol. I–II. Oxford, 1949–1953, а также *Supplementum Hellenisticum*. Ed. H. Lloyd Jones, P. Parson. Berlin — New-York, 1983; то же издание использовано для перевода папирусных фрагментов Риана;

для Каллина, Тиртея, Мимнерма, Солона, Фокилида, Ксенофана, Иона Хиосского, Дионисия, Крития, Евена — *Poetarum elegiacorum testimonia et fragmenta*. Ed. B. Gentili et C. Prato. Partes I — II. Leipzig, 1979–1985;

для Архилоха, Семонида Аморгосского, «Маргита», Сусариона, Гиппонакта, элегий Симонида Кеосского и Иона Хиосского — *Iambi et elegi Graeci ante Alexandrum cantati*. Ed. M. L. West. Vol. I — II. Ed. 2. Oxford, 1978–1992;

для Феогнида — *Theognis* ... post E. Diehl ed. D. Young. Leipzig, 1961;

для Феника и Керкида — *Anthologia lyrica Graeca*. Ed. E. Diehl. Fasc. 3. Ed. 3. Leipzig, 1954;

для Сапфо и Алкея — *Poetarum Lesbiorum fragmenta*. Ed. E. Lobel et D. Page. Oxford, 1955;

для остальных мелических поэтов, включая Гермалоха, анонимные земледельческие обрядовые песни, походную песнь, застольные песни, гимны богам (кроме гимна юному Зевсу), отрывки из других хоровых жанров, — *Poetae melici Graeci*. Ed. D. L. Page. Oxford, 1962. Пометка S перед номером фрагмента в скобках означает издание: *Supplementum lyricis Graecis*. Ed. D. Page. Oxford, 1974;

для Евфориона, Гермесианакта, Риана, Клеанфа, Филодама, Фанокла, Исилла, Гермокла, гимна юному Зевсу — Powell J. U. *Collectanea Alexandrina*. Oxford, 1925;

начало пеана Лисандру сохранено в его биографии (гл. XVIII), принадлежащей Плутарху.

Раздел I. ЭПОС

ГЕСИОД

Семья Гесиода происходила из эолийского поселения Кимы в Малой Азии (южнее Лесбоса), но переселилась в беотийскую деревню Аскру; вероятно, Гесиод родился уже здесь, так как сообщает в «Трудах и Днях», что никогда не совершал путешествия по морю, кроме поездки на соседний о-в Евбею, где он принял участие в погребальных торжествах в честь покойного царя Амфидаманта и завоевал в награду бронзовый треножник. Амфидамант погиб во время так называемой Лелантской войны, которую историки датируют по-разному, но, вероятнее всего, она происходила где-то около 700 г. Если к этому времени Гесиод уже успел овладеть искусством эпического сказителя (рапсода), то время его рождения надо отнести примерно к 730 г. Поэмой, с которой Гесиод выступал на Евбее, было его первое произведение — «Теогония», — посвященное смене трех поколений богов и их родственным связям.

Для следующего произведения Гесиода — поэмы «Труды и Дни» — был, по-видимому, личный повод. То ли отец Гесиода, умирая, не вполне равномерно поделил наследство между ним и его братом Персом, то ли последний, подкупив судей, оттягал большую часть и тем самым заставил Гесиода вложить много сил в хозяйство, чтобы добиться прежнего благосостояния. Впрочем, путь обмана не привел

Перса к желаемому обогащению: он промотал несправедливо приобретенное имущество и явился к брату с протянутой рукой. В ответ Гесиод и написал свою поэму, главный смысл которой сводится к тому, что только честный труд крестьянина в соответствии со знанием земледельческого календаря и соблюдением исконных нравственных заветов и норм повседневного поведения обеспечивает человеку благополучную жизнь. Кроме того, Гесиоду приписывали в античности целый ряд других поэм: «Щит Геракла», «Каталог женщин» (дошли многочисленные папирусные фрагменты и цитаты), «Великие труды» (то есть поэма о «трудах» большого размера, чем дошедшая до нас), «Астрономия» (от двух последних сохранилось только несколько цитат) и некоторые другие.

ТЕОГОНИЯ

Поставив себе задачей систематизацию греческих мифов, Гесиод сгруппировал в поэме по генеалогическому признаку около 300 имен различных божеств. Впрочем, каталогообразный характер поэмы не помешал включению в нее отдельных самостоятельных картин, отличающихся яркостью и выразительностью (например, история Прометея и Пандоры, описание зимы, война с титанами и др.).

«Теогония», будучи первой на греческой почве поэмой о происхождении и функциях богов, не является вместе с тем изолированным явлением в Средиземноморском регионе. Известны — в отрывках или пересказах — сходные по тематике произведения, созданные во втором тысячелетии в Месопотамии, Финикии, у хурритов — народа, проживавшего в юго-восточной Малой Азии, севернее Сирии и Месопотамии, и завоеванного в XIV в. хеттами, которые переняли его мифологию. Во всех версиях малоазийских космогонических мифов обращает на себя внимание смена поколений богов, борьба между ними за верховную власть, в ходе которой используется и такой метод, как кастрация старшего божества, отражающая очень древний мотив отделения неба от земли. Многие говорят за то, что в микенскую эпоху (XVIII–XII вв.) эти представления успели проникнуть в Грецию и стать составной частью той картины мира, которую впервые в таком связном виде запечатлел в своей «Теогонии» Гесиод. Если учесть, что не позднее VI в. к ней была присоединена еще одна генеалогическая поэма — «Каталог женщин», давших от союза с богами начало поколениям героев, то легко представить себе, какое значение имели эти произведения для всего последующего развития греческой мифологии, пусть даже более поздние авторы отступали от изложенных в ней версий или вариировали их.

Именно по этой причине имена и названия, упоминаемые в «Теогонии», и описываемые в ней события в дальнейшем не комментируются, и только на менее известные из них даются отсылки к стихам этой поэмы. Имена наиболее известных олимпийских богов не комментируются и здесь.

Чтобы облегчить читателю ориентировку в божественной генеалогии, оформленной Гесиодом, предлагаем здесь краткий обзор ее содержания:

1–115. Гимн к Музам и обращение к ним за помощью.

116–122. Первые существа: Хаос, Гея, Тартар, Эрос, Ночь.

123–153. Поколение первое: потомство Хаоса, Земли и Урана (Понг; титаны, среди них Крон).

154–210. Оскопление Урана, рождение Афродиты.

211–239. Поколение второе: потомство Ночи и дети Понга.

240–336. Поколение третье: внуки Понга: дети Нерей, потомство Фавманта, дети Форкия и Кето, среди них Горгоны (277–294; Персей сражает Медузу, из отрубленной шеи являются конь Пегас и Хрисаор, отец Герионея, убитого Гераклом), Ехидна с ее потомством (313–318: Лернейская гидра, 327–333: Немейский лев — оба убиты Гераклом; 319–325: Химера, поверженная Беллерофонтом).

337–410. Внуки Урана (потомство Океана и Тефии, Гипериона и Фейи, Крия и Еврибии, Коя и Фебы).
 411–452. Внучка Коя – Геката. Ее прославление.
 453–467. Потомство Крона и Реи (будущие олимпийские боги). Крон пожирает своих детей.
 468–506. Рождение Зевса, обман и свержение Крона.
 507–616. Потомство титана Иапета: Прометей и его хитрости; создание женщины и осуждение женского рода.
 617–725. Война богов с титанами.
 726–819. Описание Тартара и его обитателей.
 820–880. Сражение Зевса с Тифоем; потомство Тифоея.
 881–885. Утверждение власти Зевса.
 886–929. Браки Зевса с богинями (Метида, Фемида, Деметра, Мнемосина, Лето, Гера) и их потомство.
 930–937. Потомство Посейдона, дети Ареса и Афродиты.
 938–962. Другие браки богов.
 965–968. Новое вступление.
 969–1018. Браки богинь со смертными.

Наконец, следует помнить, что «Теогония», как и все произведения греческих авторов, дошла в средневековых рукописях, содержащих ошибки или «исправления» переписчиков. Стихи, вызывающие у современных исследователей сомнения, заключаются в тексте в квадратные скобки. С другой стороны, Вересаев здесь и в других переводах нередко постулировал лакуны там, где они не выявляются новейшими издателями. В таких случаях, где перевод это позволяет, лакуны не обозначаются; в других случаях отмечаются отточиями.

Ст. 2. *Геликон* – гора в Беотии.
 Ст. 5. *Пермисс* – река в Беотии.
 Ст. 6. *Иппокрена* – источник на вершине Геликона, чьи воды вдохновляли поэтов. *Ольмей* – река в Беотии.
 Ст. 12. *Аргос* – город в Пелопоннесе, один из культовых центров Геры.
 Ст. 16. *Фемида* – в позднейшем представлении богиня правосудия; во времена Гесиода – олицетворение «должного» порядка вещей. См. 135, 901.
 Ст. 17. *Геба* – олицетворение вечной юности. См. 922, 953. *Диона* – по позднейшей мифологии, мать Афродиты от Зевса. Так как Гесиод изображает происхождение Афродиты иначе (см. 189–202), то здесь *Диона*, вероятно, – одноименная титанида.
 Ст. 18. *Лето* – титанида. См. также 406–408, 918 сл. *Иапет* – титан. См. также 134, 507–511. *Крон* – титан, глава второго поколения богов и отец старших олимпийских богов. См. также 154–181.
 Ст. 19. *Гелий* – Солнце, *Селена* – Луна.
 Ст. 20. *Океан*, в представлении древних греков, обтекает вокруг землю, лежащую посередине.
 Ст. 35. *...говорить о скале или дубе* – поговорка, смысл которой, судя по множеству толкований, был утерян еще в античности.
 Ст. 48. *В самом начале...* – Стих считается подложным, так как странно воспевать Зевса в конце.
 Ст. 50. *Гиганты* – существа, рожденные Землей. См. 185.
 Ст. 53. *Пиефия* – область в Македонии, родина легендарного Орфея и любимое местопребывание Муз.
 Ст. 54. *Мнемосина* – титанида, имя которой происходит от слова *mnēmo* «память», являющейся условием творчества. *Елевфер* – одна из вершин на Кифероне (горный хребт между Аттикой и Беотией), служившая, как видно, местом культа Мнемосины. См. также 135, 915.

Ст. 64. *Хариты* — божественные деви, олицетворение красоты и радости. См. также 907—911 и примеч., 945—946.

Ст. 77—79. Первое упоминание в греческой поэзии определенного числа Муз (девять) и их имен. *Полимния* — Полигимния.

Ст. 81—92. Похвальное слово «хорошему царю» (ср. 434) объясняется, возможно, тем, что «Теогония» исполнялась на погребальных торжествах в честь умершего царя Амфидаманта.

Ст. 85 сл. ...*решенья, с строгой согласные правдой*. — Ср. образ «справедливого» города в «Трудах и Днях», 225—237.

Ст. 111. *Кто из бессмертных...* — Стих считается подложным, так как в оригинале целиком повторяет ст. 46.

Ст. 116. *Хаос* — беспредельная, неоформленная субстанция, бездна, что не мешает ему производить потомство (123). Ср. также 736—745, 807—814.

Ст. 118 пропущен В. Вересаевым:

Вечных богов — обитателей снежных вершин олимпийских.

Ст. 119. *Тартар*. — См. 720—819.

Ст. 123. *Эреб* — область вечной тьмы, часть Тартара. См. также 515, 669.

Ст. 124. *Эфир* — бесплотная субстанция, окружающая землю.

Ст. 134. *Кой*. — См. 404; *Крий* — 375; *Гиперион* — 374, 1011; *Ианет* — 18, 508.

Ст. 135. *Фея* — богиня, почти неизвестная из других источников. *Рей* — дочь Земли и Урана, впоследствии — жена Крона. См. 453—458.

Ст. 136. *Феба* — персонифицированное «сияние», мать Лето. См. 404 сл. *Тетфия* — супруга Океана. См. 337, 349—360.

Ст. 149. *Котт*, *Бриарей*, *Гигес*... — Сторукии. См. 617—675, 713—719, 815—819.

Ст. 185. *Эринии* — первоначально богини, карающие за кровь, пролитую в пределах рода; затем вообще божества кровной мести.

Ст. 187. *Мелии* — древесные нимфы (от *melia* «ясень»).

Ст. 192. *Киферы* (Кифера) — остров южнее Пелопоннеса; одно из древнейших мест культа Афродиты.

Ст. 195—197. Стих 196 считается подложным, так как следующий ст. 197 явно относится к Афродите, а не к Киферее, попавшей сюда из ст. 198. ...*Афродитой*... — Объяснение, заимствованное от слова *aphrós* «пена».

Ст. 200 пропущен переводчиком:

Также любезной мужам, раз от члена мужского родилась.

Ст. 202. *Эрос* — здесь олицетворение любовного влечения, облегчающего задачу Афродиты, в то время как в ст. 120 — божество космического порядка, организующее мир прочих богов. *Гимер* — любовное желание (ср. 64).

Ст. 209. ...*руку... простерли они...* — От греч. *titainō* «протирать».

Ст. 211. *Мор*, *Кера*. — Оба слова обозначают смерть.

Ст. 213 пропущен переводчиком:

Мрачная Ночь, ни к кому из богов не всхлотивши на ложе,

Ст. 214. *Мом* — бог насмешки и поношения.

Ст. 215. *Геспериды* (*hespéra* «запад») — нимфы, живущие в саду с золотыми яблоками на крайнем западе греческого мира (Португалия? Канарские острова?).

Ст. 217. *Мойра* — собственно, доля жизни, выделенная каждому человеку; затем *Мойры* — богини судьбы, прядущие нить человеческой жизни. *Керы* — божества смерти.

Ст. 218 сл. считаются подложными, так как почти буквально повторяют 905 сл.

Ст. 223. *Немесиды* — богиня возмездия.

Ст. 225. *Эрида* — олицетворение вражды и споров. См.: «Труды и Дни», 11—24.

Ст. 237. *Фавмант*. — См. 266.

Ст. 239. *Еврибия* — морское божество. См. 375.

Ст. 244. *Амфитрита* — морская нимфа, супруга Посейдона. См. 256, 930. *Фетида* — супруга Пелея, мать Ахилла. См. 1006 сл.

Ст. 245–262. Имена многих nereid производятся от свойств моря: Евдора — «приносящая добро», Галена, Главка — «морская гладь», Кимофоя, Кимодока, Киматолега и просто Кимо — от *kúma* — «волна», Феруса — «несущая» (корабли?), Актея — от *akte* — «берег», Несея — от *nésos* — «остров», Галия, Галимеда — от *hals* — «соленая морская вода», «море», Псамафа — от *psámathos* — «прибрежный песок» и т. д.

Ст. 266. *Ирида* — вестница богов.

Ст. 267. *Гарпии* — олицетворение вихря, бурного движения воздуха.

Ст. 272. *Граи* — по-гречески «старухи».

Ст. 278. *Черновласый* — эпитет Посейдона.

Ст. 282. *...рожден у ключей...* — от греч. *pegai* — «ключи (океана)».

Ст. 283. *...с мечом золотым...* — от греч. *áo* — *chrýseion*.

Ст. 287–294. *Герioneй* (*Герион*) — трехголовый и шестирукий великан, живший на крайнем западе на мифическом острове *Ерифее*. См. также 309, 981 и разд. III, Стесихор, «Герионеида». *Тириф* — город в Пелопоннесе. *Орф*. — См. 309.

Ст. 305. *...в Ариах*. — По тексту оригинала может иметься в виду и местность, и народ аримы, проживавшие в районе Лидии, или Мизии, или Киликии (все три области — в Малой Азии).

Ст. 313–318. *Лернейская Гидра* — чудовище с 9-ю головами, которое локализовали в среднем Пелопоннесе. Трудность борьбы с ней состояла в том, что вместо каждой отрубленной головы вырастали три новые. Геракл одолел ее благодаря тому, что его племянник *Иолай* прижигал головней место, где была отрублена голова. Ее отравленной кровью Геракл смочил свои стрелы. *Гера* пылала *неукротимую злобой* к Гераклу как сыну смертной женщины Алкмены, рожденному от Зевса. См. 526, 943, 950; «Щит Геракла», 1–56.

Ст. 323 сл. — Интерполяция из «Илиады», VI, 181 сл.

Ст. 325. *Беллерофонт* — коринфский царевич, нечаянно убивший своего соотечественника и очищенный от пролитой крови царем Тиринфа Претом. Влюбившаяся в Беллерофонта жена Прета, не получив удовлетворения своего чувства, оклеветала юношу, которого Прет отослал к своему тестю в Ликию (М. Азия), где он и совершил ряд подвигов, в том числе — победил *Химеру*.

Ст. 326. *Кадмейцы* — жители Фив, основанных Кадмом (см. 937, 975 сл.). *Грозного Сфинкса...* — Передача имени Сфинкс мужским родом — распространенная ошибка. Греческая Сфинкс — полуженщина-полульвица (в оригинале ее имя — Фикс, и она не имеет ничего общего с египетскими сфинксами).

Ст. 331. *Немея* — город в Пелопоннесе (в Арголиде). *Апесант*, *Трет* — горы в окрестностях Немен.

Ст. 337–345. Перечень рек, рожденных Океаном и Тефией. *Алфей* — в Олимпии, *Эридан* — совр. По, *Стримон* — совр. Струма, *Меандр* — Мендерес, *Истр* — Дунай, *Фасис* — Рион, *Ахелой* — в Акарнании (Средняя Греция), *Граних*, *Симоент*, *Скамандр*, *Эсеп*, *Герм*, *Каик*, *Парфений* — на восточном побережье Малой Азии, *Пеней* — в Фессалии, *Ладон* — в Аркадии (сев. Пелопоннес).

Ст. 346–361. Дочери Тефии не играют существенной роли в мифологии, кроме *Стикс*. См. 383–385, 397–400, 775–806.

Ст. 376. *Астрей* — вероятно, выдуманный персонаж. *Паллант* — имя нескольких богов, в том числе гиганта, убитого Афиной.

Ст. 377. *Перс* — отец Гекаты. См. 410.

Ст. 380. *Борей* — северный ветер. См. 870; «Труды и Дни», 506–518, 547–556; *Нот* — южный, *Зефир* — западный.

Ст. 384. *Нике* — олицетворение победы.

Ст. 411. *Геката* у Гесиода сильно отличается от ее образа в классической античности, где она связана с охраной перекрестков, фазами луны и всякой хтонической магией.

- Ст. 441. *Энносигей* («потрясающий землю») — Посейдон.
- Ст. 454. *Гестия* — богиня, покровительница домашнего очага (см. гомеровский гимн к Афродите, 21–32); *Деметра* («мать-земля») — земля как кормилица, производительница злаков и растительности.
- Ст. 477. *Ликтос* — один из семи главных городов на Крите.
- Ст. 481. *Дикта* — гора на о-ве Крит, с пещерой, в которой скрывали новорожденного Зевса. Отсюда его частое прозвище «Диктейский».
- Ст. 484. *Эгейская гора* — недалеко от Ликтоса, названная по Эгейскому морю.
- Ст. 499. *Пифон* (Пифо) — равнина у подошвы *Парнаса*, место будущего культа Аполлона (см. гомеровский гимн к Аполлону Пифийскому). В классическую эпоху этот камень считали «пупом Земли».
- Ст. 513. *...девушку... принял...* — Пандору. См. 570–589 и «Труды и Дни», 59–105.
- Ст. 526. *Алкмена* — фиванская царевна. Ср. 531; «Щит Геракла», 1–56.
- Ст. 535–557. История о дележе в *Меконе*, с одной стороны, изображает Прометея как фольклорного обманщика («трикстера»), еще не помышляющего о том, чтобы облагодетельствовать человеческий род (как это будет в «Прикованном Прометее» Эсхила), с другой — носит этиологический характер, то есть объясняет причину того, что богам в жертву сжигают кости, а мясо поедают люди.
- Ст. 571. *Хромеу обоногий* — бог Гефест.
- Ст. 576 сл. Эти стихи, оставленные Вересаевым без перевода, большинство исследователей считают интерполяцией: во-первых, в них снова называется имя Афины, упомянутое тремя стихами раньше; во-вторых, говорится, что богиня украсила девушке голову венком из луговых цветов, — в противоречие со ст. 578.
- Ст. 590. Стих: «Вот от нее и пошла слабосильная женщин порода» повторяет по смыслу ст. 591; один из них является интерполяцией.
- Ст. 591–612. Ср.: «Труды и Дни», 699–705, а в разд. П ямбы Семонида о женщинах (фр. 6) и сокращенный вариант у Фокилида (фр. 2).
- Ст. 632. *Офрийская гора* — во Фтиотиде (область в Фессалии), на юго-запад от Олимпа.
- Ст. 642. *После того как...* — Стих считается подложным, так как повторяет ст. 640.
- Ст. 732. *Посидон* — Посейдон.
- Ст. 734–745. Стихи находятся под подозрением у филологов. Во-первых, о Сторуких сказано иначе в ст. 815–819; во-вторых, 736–739 = 807–810; в третьих, за позднюю интерполяцию принимают и стихи 740–745.
- Ст. 746. *Сын Иапета* — Атлант, держащий на плечах небесный свод.
- Ст. 768. *Персефонея* (Персефона) — дочь Деметры, похищенная в жены Аидом. См. 913. Подлинность ст. 768, как и 774 — под сомнением, так как подземных богов не принято называть по именам. Ср. 769.
- Ст. 769. *Пес беспощадный* — Кербер. См. 310.
- Ст. 786. *Многоименную* — «часто упоминаемую».
- Ст. 828. Стих считается поздним, так как повторяет ст. 826 сл.
- Ст. 846. Пропущен стих: «И ураганные ветры, и полные молний перуны»¹.
- Ст. 861. *...Этны, скалистой горы*. — В оригинале Этна не упоминается и внесена в перевод по аналогии с более поздними версиями мифа, по которым Тифоей был погребен под этой горой. См.: Пиндар. Пиф. I, 15–28; Эсхил, «Прикованный Прометей», 367–369.
- Ст. 885. Этим стихом поэма о происхождении богов и утверждении власти Зевса, в сущности, кончается, хотя история его последующих браков придает ему дополнительный авторитет (до ст. 929). Вместе с тем новая тема — о браках богинь со смертными мужчинами, переходящая в «Каталог женщин» (см. 1021–1022), начинается только со ст. 965. Поэтому высказывается предположение, что «Теогония»

¹ Перевод ст. 118, 590, 846 — из кн. «Эллинские поэты в пер. В. В. Вересаева». — М., 1963.

кончалась перечнем браков Зевса, завершалась положенными для финала стихами, и только позже, когда к ней присоединили «Каталог женщин», конец «Теогонии» исчез и был заменен новым текстом. По мнению авторитетного английского издателя «Теогонии» М. А. Веста (Оксфорд, 1966), текст Гесиода должен был окончиться на ст. 900. Во-первых, целый ряд генеалогий (происхождение от Медеи родоначальника мидийцев Медея; от Одиссея и Кирки — царя этрусков Латина) не мог еще возникнуть во времена Гесиода. Во-вторых, формульный стиль ст. 901–1022 гораздо ближе к «Каталогу», датируемому VI в., чем к основному корпусу «Теогонии». В-третьих, ст. 1019–1022 явно представляют переход к «Каталогу», вместе с которым предыдущие 100 с лишним стихов составляли одно целое, созданное поэтом VI в.

Ст. 895. *Тритогея* — этот эпитет Афины остается до сих пор необъясненным. См. 924 и примеч.; «Щит Геракла», 197.

Ст. 902. *Оры* — собственно, богини времен года. Гесиод придает им другое значение, связанное с нормальным гражданским устройством: *Евнания* — «Благозакононие» (см. разд. II, Тиртей, фр. 1 и 2), *Дика* — «Справедливость», *Ирена* — «Мир».

Ст. 905. *Клофо* — «Прядильщица», *Лакесис* — «Бросающая жребий», *Атропос* — «Неотвратимая».

Ст. 907–909. *Евринома* — вероятно, одна из nereид, хоть и не упомянутая в ст. 243–262. *Аглая* — «Блестящая», «Сияющая», *Евфросина* — «Радость», «Веселье», *Фалия* — «Цветущая». Так же зовется одна из Муз (77).

Ст. 912–914. См. гомеровский гимн к Деметре.

Ст. 919. *Феб* — культовое имя Аполлона.

Ст. 922. *Илифия* — покровительница рожениц.

Ст. 924. *Сам он родил...* — Параллель к ст. 924–929 составляет фрагмент, вероятно, ошибочно приписанный Гесиоду римским врачом Галеном:

Гера во этой вражде родила многославное чадо —
Сына Гефеста без действия эгидодержавного Зевса —
Сына, что дланей искусством был первым в Урановом роде.
С дочерью тогда Океана и Тефии пышнокудрявой
Зевс возлег, удалившись от Геры прекраснотанцующей.
Велеразумную онный коварством осилил Метиду:
В дланях ее возымел и к себе во утробу упрятал
В страхе, да сына она не родит, что молний сильнее.
Высоковластный Кронид, обитатель заоблачных высей,
Вне ожиданий ее проглотил, она же носила
В чреве Афины Паллады: отец и бессмертных и смертных
Дщерью на бреге Тритона-реки чрез главу разрешился.
С оной поры у Зевса в утробе Метиды осталась
Скрытой — Афины родившая мать справедливых законов,
Знавшая больше богов и людей, умирающею подвластных.
С ним и богиня Фемида тогда возлегла, что затмила
Дланими прочих бессмертных, имущих чертоги Олимпа:
Ратеустрашную в чреве эгиды Афине она сотворила,
С коей Зевес и родил во доспех облаченную дочь.

(Пер. О. Цыбенко)

Ст. 931. *Тритон* — морское божество, впервые здесь упоминаемое. Видимо, автор этих стихов считал его сыном Посейдона и Амфитриты.

Ст. 937. *Кадм* — финикийский царевич, отправленный отцом на поиски Европы, похищенной Зевсом. Дельфийский оракул велел ему основать Фивы (Кадмею).

Ст. 938. *Майя* — аркадская горная нимфа (сев. Пелопоннес).

Ст. 947. *Минос* — легендарный царь Крита. *Ариадна*, спасшая Тесея, покинула вместе с ним родной остров, но была взята в жены Дионисом.

Ст. 956 сл. *Кирка* — волшебница; *Эт* — царь Колхиды.
 Ст. 985. *Мемнон* — царь эфиопов, сраженный под Троей Ахиллом.
 Ст. 986. *Кефал* — сын Гермеса; *Фазтон* — «сверкающий». Обычно — сын Гелиоса.
 Ст. 992–998. *Дочь Ээта-владыки* — Медея. *Сын Эсона* — Ясон, отправленный своим дядей *Пелием* за золотым руном в Колхиду. *Иolk* — область в Фессалии.
 Ст. 1001. *Хифон* — мудрый кентавр, воспитатель многих героев, в том числе Ясона, Геракла, Ахилла. *Филиридом* он назван по матери, отцом его был Крон.
 Ст. 1004–1007. *Псамафа*. — См. 260. *Эак* — первый царь о-ва Эгина, сын Зевса и одноименной нимфы. Его сыновья — *Пелей*, отец *Ахиллеса*, и *Теламон*, отец *Аякса*.
 Ст. 1008. *Эней* — троянский герой, сын Анхиса и Афродиты. См. гомеровский гимн к Афродите.
 Ст. 1010. *Ида* — гора, у подножия которой расположена Троя.
 Ст. 1013. *Могучий Латин*. — К нему возводили свое происхождение некоторые знатные римские роды.
 Ст. 1014. Стих добавлен значительно позже, когда утвердилось убеждение, что Телегон был основателем древних итальянских городов Пренесте и Тускул.

ТРУДЫ И ДНИ²

Вторая поэма Гесиода возникла в русле «поучений», также известных в ближневосточной словесности 2-го — 1-го тысячелетий. Принципиальная ее новизна состояла, однако, в том, что гомеровский гексаметр, предназначенный для воспевания героических подвигов эпических героев, здесь был с соответствующими модификациями приспособлен для совершенно иной тематики — воспевания честного труда и наставлений по земледелию.

Социальная обстановка в Беотии была в это время мрачной. «Лучшие», «цари», то есть бывшие племенные вожди, которые в эпоху межплеменных и всяких прочих войн в самом деле должны были показывать соотечественникам примеры доблести в бою, составили теперь привилегированную прослойку общества и, не имея сил для набегов на чужие земли, прибирали к рукам имущество своих сограждан — у кого за долги, у кого по суду, у кого силой. Отстоять свою самостоятельность было в таких условиях еще одной задачей Гесиода.

На протяжении всего прошлого века композиционное единство «Трудов и Дней» оценивалось не слишком высоко. В частности, в ст. 345–372 видели набор сентенций, мало связанных между собой и с их окружением (поэтому Вересаев печатал их с отбивкой). Под подозрением находился и раздел «дней» (765–828), который не все издатели признавали подлинным. В последние десятилетия усилиями ряда исследователей было показано, что «Труды и Дни» достаточно убедительно членятся на части, каждая из которых вносит свой вклад в целое. Определенную роль играет и первоначальная направленность поэмы, вызывающая отступления в виде обращений к Персу (213–224, 274–286, 298–302), также не свободных от назиданий. Не следует недооценивать и ассоциативность мышления, и употребление так называемых лейтмотивов, когда автор, назвав одно понятие, развивает его в примыкающих стихах (ср. 345–349: сосед). Для удобства читателей приводим примерное членение поэмы на разделы:

1–8. Обращение к Музам.

9–39. Призыв к Персу и выделение двух Эрид, из которых Перс выбрал худшую.

40–46. Переход к мифу о Прометее и Пандоре.

47–105. Миф о Пандоре, объясняющий трудности жизни.

106–201. Миф о смене веков, объясняющий ухудшение человеческого рода.

² Ниже в ряде случаев использованы примечания В. В. Вересаева, отмеченные инициалами В. В.

202–212. Переход к виновникам несправедливого суда → «царям-дарождцам». Басня в назидание им.

213–224. Отступление: обращение к Персу; необходимость следовать Правде.

225–247. Притча о двух городах: праведном и неправедном, обращенная к царям.

248–273. Следует помнить, что Справедливость (Дика) следит за поведением людей и сообщает о нарушении ее заповедей Зевсу.

274–292. Новое обращение к Персу; призыв избрать верную дорогу.

293–341. Важность здравого размышления, честного труда и справедливого обогащения.

342–380. Наставления для повседневной жизни.

381–382. Только здесь начинается раздел «трудов», то есть свод наставлений по временам года, способствующих благосостоянию.

383–404. Практическим предписаниям предшествует еще одно назидание.

405–413. Необходимые условия для разумного хозяйствования.

414–457. Подготовка к пахоте и озимому севу.

458–492. Вспашка земли.

493–563. Зима. Меры предосторожности от холода и болезней.

564–570. Наступление весны.

571–581. Жатва.

582–596. Летний отдых.

597–608. Жатва.

609–616. Сбор винограда и заключительный стих.

618–694. Мореплавание: наставления и предостережения.

695–705. Выбор жены.

706–764. Житейские советы. Суеверия.

765–828. Перечень дней, удобных и нежелательных для исполнения разных дел.

Ст. 1. *Вас, пифийские Музы...* — Ср.: «Теогония», 1–74.

Ст. 11. *...две ... различных Эриды...* — По-видимому, изобретение Гесиода. Ср.: «Теогония», 225.

Ст. 41. *Асфодели и мальва* употреблялись в пищу бедняками. Асфодели — из семейства лилейных, растение, очень распространенное в Греции, особенно в сырых местах. По Феофрасту, в пищу употреблялись поджаренные стебли асфоделей, семена и особенно корень, толченный вместе с фигами. — В. В.

Ст. 48. *...обманул Прометей хитроумный.* — Ср.: «Теогония», 535–569.

Ст. 52. *Нарфекс* — полевой тростник.

Ст. 60–89. Миф о Пандоре. Ср.: «Теогония», 570–590.

Ст. 67. *Аргоубийце Гермесу...* — убившему стоглазого Аргуса, которого Гера поставила сторожить Ио, возлюбленную Зевса.

Ст. 73. *Пейфо* — олицетворенное Убеждение.

Ст. 80. *Пандора* — «всеми (или всем) одаренная».

Ст. 85. *К Эпиметю.* — См.: «Теогония», 511–514.

Ст. 93 выпущен:

Быстро стареют в страданиях для смерти рожденные люди,

заимствованный из «Одиссеи» (XIX, 360) и здесь неуместный.

Ст. 108 пропущен, так как считается поздней вставкой:

Как появились на свет и боги, и смертные люди.

И в самом деле, речь пойдет дальше не о появлении богов и людей, а о смене веков.

Ст. 120, вероятно, заимствован из какой-нибудь другой поэмы Гесиода.

Ст. 122. *Демон* — в языке эпоса просто не называемое точнее божество.

Ст. 124–125. *Зорко... смотрят.* — В оригинале эти стихи повторяют 254–255, где они больше на месте.

Ст. 157. ...поколение четвертое создал Кронион... — Представление о четырех сменяющих друг друга поколениях людей (золотое, серебряное, медное, железное) восходит к индоевропейскому фольклору, причем в смене двух последних поколений отражается исторически верное воспоминание о переходе от меди (бронзы) к железу. Однако в эту схему Гесиоду надо было как-то включить весь комплекс греческой героической мифологии — так появился четвертый, «героический» век и уже вслед за ним — современный Гесиоду пятый, «железный».

Ст. 162 сл. *В Кадмовой области* — то есть в походе семерых против Фив (см. в разд. III, Стесихор «Фиваида»).

Ст. 164. *В Трое другие погибли...* — Ср. разд. III, Алкей, фр. 15, 16.

Ст. 167. ...к границам земли перенес... — Намек на острова Блаженных, где проводят свою вторую жизнь герои: Ахилл, Кадм и другие.

Ст. 169 пропущен:

Там, вдалеке от бессмертных, под властью живут они Крона.

Поскольку, по Гесиоду, Зевс отправил Крона в Тартар, стих этот считается позднейшей вставкой, когда возникла версия о прощении Крона и отправлении его на острова Блаженных.

Ст. 200. *Совесть и Стыд*. — В оригинале *aídos* и *némesis* — «стыд» и «боязнь воздаянья».

Ст. 202. *Басню теперь расскажу...* — Первый образец литературно зафиксированной басни в греческой поэзии. Ср. в разд. II, Архилох, фр. 81–88; Каллимах «Спор оливы с лавром».

Ст. 219. *Орк*. — См.: «Теогония», 231 сл.

Ст. 252. *Три мириады* — тридцать тысяч.

Ст. 299. *Перс, о потомок богов*. — В оригинале: «божественный род». Едва ли Гесиод помышляет о своем происхождении от богов. Это скорее ироническое обращение к обедневшему брату.

Ст. 327 сл. ...*Кто обидит просящих защиты или чужестранцев...* — И те и другие находились под особым покровительством Зевса, на чем основан, в частности, конфликт в «Молящих» Эсхила и Еврипида.

Ст. 337. *Блестящие бедра* — то есть увитые салом. Ср.: «Теогония», 540 сл., 553–555.

Ст. 370. *Другу всегда обеспечена...* — Ст. 370–372 современные издатели считают позднейшей вставкой, которую более естественно было бы поместить после ст. 352.

Ст. 373. *Женщин беги...* — Ср.: «Теогония», 591–612.

Ст. 383. *Атлантиды-Плеяды* — дочери Атланта, превращенные богами в созвездие, когда за ними гнался великан Орион. Ср. 619 сл. Восход Плеяд по утрам наблюдается в Греции в середине мая, заход — в середине ноября.

Ст. 392. *Голым работай всегда!* — Стих истолковывают по-разному; может быть, в его основе лежит какой-нибудь религиозный обычай.

Ст. 425. *Колотушка* употреблялась для разбивания на пашне земляных комьев и глыб. Бороны Гесиод не знает. — *В. В.*

Ст. 426. *Косяки* — составная часть колесного обода. — *В. В.*

Ст. 427. *Падуб* — вечнозеленый дуб. По Плутарху, дерево это редко встречается в Беотии, поэтому Гесиод советует собирать его всюду, где только можно. — *В. В.*

Ст. 430. *Рабочий Афины*. — Одной из функций богини было также покровительство ремесленникам (Афина-Эргана). Здесь скорее всего имеется в виду плотник или кузнец.

Ст. 448. *Крик журавлиный* — при их перелете на юг, совпадающем с началом озимого сева. Ср. разд. II, Феогнид, 1197–1200.

Ст. 479–492. Как видно, Гесиод считает предпочтительным сев до осеннего равноденствия; в противном случае землепашца может выручить только погода.

Ст. 504. *Ленеон* — по нашему календарю — декабрь-январь.

Ст. 525. *Безжостый* — полип.

- Ст. 533. *Триногий* — то есть старик, опирающийся на палку.
- Ст. 560. *Благосклонная* — ночь (букв. перев. греческого слова *euphrónē*).
- Ст. 566. *Арктур* — звезда в созвездии Волопаса.
- Ст. 569. *Ласточка-Пандионида*. — Согласно мифу, у афинского царя Пандиона были две дочери — Прокна и Филомела. Первая вышла замуж за фракийского царя Терей. Когда она попросила привезти к ней для свидания Филомелу, Терей изнасиловал девушку в пути и вырезал ей язык, чтобы скрыть следы преступления. Однако Филомела сумела открыть тайну сестре, они убили сына Терей и подали ему его в виде еды. Когда Терей, узнав правду, погнался за сестрами, боги превратили их в птиц: Прокну — в соловья, Филомелу — в ласточку. Прилет ласточек в Грецию — в конце февраля — начале марта.
- Ст. 572. *Дамонсеу* — улитка (букв. перев. греч. *phéréoiikos*).
- Ст. 582–588. — Ср. разд. III, Алкей, фр. 50. *Артишоки* цветут в июне. *Сириус* находится в зените над Беотией 19 июля.
- Ст. 589. *...вином запасися библинским*. — Неизвестно, отчего оно получило свое имя, — от библинских ли гор во Фракии, от реки ли Библоса на острове Наксосе или от финикийского города Библоса. Во всяком случае, трудно предположить, чтобы при том укладе жизни, который описывается в поэме, мужики бедной деревушки употребляли привозное вино, особенно раз они сами разводили виноград. Библинским назывался сорт винограда, разводившийся, между прочим, и в Аскре (В. В.).
- Ст. 596. *Часть лишь одну...* — Греки употребляли вино, смешивая его с водой в пропорции 1:3 или 1:2.
- Ст. 597. *Только начнет восходить...* — Созвездие Ориона появляется по утрам в конце июня — начале июля.
- Ст. 605. *Спящий днем человек* — вор (букв. перев. с греч.).
- Ст. 610. *Уж начинает Заря розоперстая...* — Арктур восходит вместе с зарей 6 сентября.
- Ст. 615. *Гиადы* — семь звезд в созвездии Тельца. Они заходят вскоре после Ориона в середине ноября. Ст. 615 = Ил, XVIII, 486.
- Ст. 651. *Авлида* — гавань на побережье Беотии. *Евбея* — остров, тянувшийся вдоль побережья Аттики, Беотии и далее на северо-запад до Малийского залива.
- Ст. 655. *Халкида* — город на о-ве Евбея.
- Ст. 675. *Нот* (см. «Теогония», 380) дует у берегов Греции преимущественно с ноября по март. — В. В.
- Ст. 697. *Лет тридцати оженишься*. — Ср.: разд. II, Солон, фр. 3, 9–10.
- Ст. 701. *Чтоб не на смех соседям...* — Ср.: разд. II, Архилох, фр. 60, 22.
- Ст. 702. *Лучше хорошей жены...* — Ср.: «Теогония», 607–612; разд. II, Семонид, фр. 6, 83–93.
- Ст. 706. Стих явно не относится к предыдущей мысли и попал сюда случайно из другого места, может быть, из разд. 724–759 (после 726? 741?).
- Ст. 717 сл. *Также людей не дерзай попрекать...* — Ср. разд. II, Феогнид, 155–158.
- Ст. 719. *...язык неболтливый*. — Ср. разд. II, Феогнид, 295, 613 сл.
- Ст. 721. *Станешь злословить других...* — Ср. разд. III, Алкей, фр. 70.
- Ст. 736. *...с пира пришедши бессмертных* — поскольку боги мыслятся присутствующими на каждом пиру, который начинается с возлияний бессмертным.
- Ст. 742–743. *Пятипалый сук* — рука. Смысл, по-видимому, тот, что во время жертвоприношения не следует стричь себе ногтей. — В. В.
- Ст. 744. *...на кратерную крышку...* — Кратер — сосуд, в котором вино смешивали с водою. — В. В.
- Ст. 770 сл. Счет дней месяца у Гесиода довольно запутанный. Во-первых, счет ведется от первого числа до тридцатого, как у нас (напр., ст. 766, 792); во-вторых, по лунным фазам, по растущей или убывающей луне (ст. 773–798); наконец — самое частое — по десяткам: «первая десятка» (785), «шестое число в среднем десятке» (782), «четвертый день, идущий за двадцатым» (820). — В. В.
- Ст. 778. *Запасливый* — муравей. — В. В.

Ст. 801. *Птиц перед тем вопросив* — то есть совершив гадание по полету птиц. Ср. 828. Если верно античное сообщение, что у Гесиода была также поэма «О птицегадании», то ст. 828 мог служить к ней переходом. Ср. также: гомеровский гимн к Гермесу, 543—549.

В виде приложения к «Трудам и Дням» приводятся (в переводе О. Цыбенко) отрывки из других произведений, которые в древности приписывались Гесиоду. Все эти фрагменты носят, как правило, назидательный характер и вполне согласуются с содержанием поэм Гесиода.

[ГЕСИОД]

НАСТАВЛЕНИЯ ХИРОНА

См.: «Теогония», 1001, и примеч.

[ГЕСИОД]

ВЕЛИКИЕ ТРУДЫ

«Великими» они названы, по-видимому, из-за объема поэмы, превосходившей «Труды и Дни».

[ГЕСИОД]

АСТРОНОМИЯ

Фр. 1—3. Ср.: «Труды и Дни», 383, 571, 615, 620.

Фр. 4. *Харитам подобные нимфы* — Гиады, дочери Атланта, сестры Плеяд. См.: «Труды и Дни», 615.

[ГЕСИОД]

ИЗ ДРУГИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Фр. 1. Ср.: «Труды и дни», 105; «Теогония», 613.

В. ЯРХО

[ГЕСИОД]

ЩИТ ГЕРАКЛА

Хотя эта небольшая поэма сохранилась вместе с бесспорно гесиодовскими «Теогонией» и «Трудами и Днями» во многих средневековых рукописях, а отрывки из нее — в папирусах, уже в IV в. до н. э. ее считали неподлинной, а современные филологи единогласно относят к первым десятилетиям VI в. Автор поэм являлся, вероятно, рапсод из Фессалии, предназначавший ее к исполнению в Пагасейском святилище Аполлона.

Композиционно поэма делится на четыре части: 1) ст. 1—56, посвященные рождению Геракла и заимствованные из «Каталога женщин» (кто бы ни был их автором). Эта часть начинается с выражения о *hoio*, которым вводились все родословные в «Каталоге»; 2) ст. 57—138 — приготовления Геракла к сражению с фессалийским богатырем Кикном, вызывающему необходимость вооружиться щитом; 3) ст. 139—320 представляют собою достаточно вычурное описание этого щита, подражающее знаменитому изображению щита Ахилла в «Илиаде» (XVIII, 478—607),

но сильно уступающее ему в художественности и чувстве меры; 4) ст. 321–480 — сражение между Гераклом и Кикном, на стороне которого выступает сам бог Арес, что, впрочем, не избавляет Кикна от гибели.

В тексте поэмы явно обнаруживаются чужеродные вставки, внесенные то ли ее автором, то ли позднейшими переписчиками. Они либо заключены в тексте в квадратные скобки (если не мешают изложению и если среди филологов не достигнуто согласие в их подлинности), либо вынесены в примечания.

Ст. 2. *В Фивы пришла...* — История Алкмены и Амфитриона, принятая в поэме, сводится к следующему: Тафий, сын Посейдона и внук Пелопа, в силу какой-то необходимости оставив родные Микены, удалился в дальние края, а именно на Эхинадские острова (в Ионическом море), и назвал своим именем тех, кто оказался под его началом, *тафиями* и *телебоями*. Спустя много лет он возвратился в Микены и потребовал царство у Электриона, дочь которого была Алкмена. Получив отказ, Тафий убил сыновей Электриона, защищавших отцовские стада. Электрион прибегнул к помощи Амфитриона и отдал ему Алкмену в жены. Случилось так, что Амфитрион бросил палицу в корову и случайно поразил насмерть Электриона. Поэтому он бежал в Фивы вместе с Алкменой, с которой не вступал в связь до тех пор, пока не свершил, наконец, возмездие над тафиями, воздав им за убийство братьев Алкмены. С Алкменой в течение трех дней сочетался Зевс, а затем и возвратившийся с победой Амфитрион. У Алкмены родились близнецы: от Зевса — Геракл, а от Амфитриона — Ификл.

Ст. 13. *Кадмейцы*. — См.: «Теогония», 326, 940.

Ст. 16. *...к прекраснородыжной Электрионе* — то есть к Алкмене, названной так по имени отца.

Ст. 32–33. *Тифаоний, Фикий* — горы в Беотии.

Ст. 57. *Кикн* — сын Ареса, занимавшийся грабежом путников, которые направлялись в Дельфы, почему Геракл и сражается с Кикном, следуя воле Аполлона.

Ст. 70. *Пагасейский Аполлон* — почитавшийся в местности Пагасы в Беотии.

Ст. 74. *Илалей*. — См.: «Теогония», 317 и примеч.

Ст. 75–76 — явная вставка, заимствованная из характеристики Сторуких в «Теогонии», 150 сл., 671 сл.

Ст. 81. *Тириф*. — См.: «Теогония», 291 и примеч.

Ст. 89. *Зевс ... рассудок восхитил...* — Необычная версия мифа, по которой Зевс отдал в услужение Еврисфею не Геракла, а Ификла, а Гераклу велел убить Кикна за непреднамеренное убийство Электриона, совершенное Амфитрионом.

Ст. 104–105. *Твердевоздыматель, Бычий* — эпитеты Посейдона.

Ст. 112. *Алкеид* — Амфитрион.

Ст. 120. *Арион* — сказочный конь, родившийся от любви Посейдона и Деметры. Арион принадлежал ряду героев из разных поколений (ср. «Фиваида», фр. 5).

Ст. 126. *Паллада*. — См. гомеровский гимн XI, 1 и примеч.

Ст. 134. *Флегий* — одно из названий или разновидность орла.

Ст. 137. *Адамант* («несокрушимый») — сказочная порода (камень или металл).

Ст. 154. *Сириус*. — См.: «Труды и Дни», 587 сл. и примеч.

Ст. 156–159 заимствованы из «Илиады», XVIII, 535–538.

Ст. 165. *Амфитриониад* — Геракл, «божественный сын» Амфитриона.

Ст. 178 сл. *...сражение шло...* — Сражение *лапифов* и *кентавров* — излюбленный сюжет античной литературы и изобразительного искусства. В «Илиаде» (I, 262–268) упоминаются имена пяти вождей лапифов, четыре из которых совпадают с перечисленными в «Щите Геракла». Упоминаемые в «Щите Геракла» имена кентавров встречаются у эллинистических и римских авторов. *Лапифы* (м и ф.) — племя, обитавшее в Фессалии. *Кентавры* — дикие существа, полулюди, полукони.

Ст. 197. *Зевсова дочь* — Афина. Эпитет *Тритогея* истолковывается, в частности, как «рожденная у Тритона» (река в Беотии); см.: «Теогония», 895, 924 и примеч.

Ст. 200. *Эгида* — щит, атрибут Зевса и Афины.

Ст. 202. *Зевса сын и Лето*. — См. гомеровский гимн к Аполлону Делосскому.
Ст. 203—205 — поздняя вставка:

То Олимп блаженный — богов обитанье,
Вкруг же площадки несметная роскошь венцом замыкалась —
Сонм богов в состязанье.

Ст. 209—211 — опять поздняя вставка:

...много в его середине
Рыбоиграющих тут и там дельфинов сновало,
Схожих с плывущими.

Ст. 220. *Хромеу*. — См.: «Теогония», 571 и примеч.

Ст. 224. *Горгона* — Медуза.

Ст. 249. *Керы* — См.: «Теогония», 217 и примеч.

Ст. 258—260 — поздняя вставка под влиянием «Теогонии», 904—906:

Их предводили Клофо и Лахесис, за коими следом
Атропос шла, что великой богинею так и не стала, —
Старше иных, однако, она и много древнее.

Ст. 271. *Семеро врат...* — возможный намек на поход семерых против Фив.

Ст. 280. *Форпинга* — струнный музыкальный инструмент, разновидность лиры.

Ст. 283 выпущен в переводе как неподлинный.

Ст. 293—295 — поздняя вставка:

От виноградарей там иные сносили в корзины
Черные с белыми кисти, на лозах возросшие длинных,
Отягощенных листвою и вскрутленьями серебряных ягод.

Ст. 327. *Линкей* — сын Египта, царь Аргоса, предок Геракла и Иолая.

Ст. 340. *Зевсородный* — то есть «потомок Зевса», эпический эпитет царей и героев из царского рода (поскольку Иолай не происходил от Зевса).

Ст. 353. *Трахин* — город в Фессалии.

Ст. 354. *Кеик* — племянник Амфитриона, друг и гостеприимец Геракла.

Ст. 360. *Пилос песчаный* — о походе Геракла на Пилос см. «Каталог женщин», фр. 18. Пилос — город на западной окраине Пелопоннеса.

Ст. 368. *Пышноясенный* — то есть с копьем, изготовленным из ясеня.

Ст. 371. *Эниалий* — культовое прозвище Ареса.

Ст. 380. *Миридоняне* — фессалийское племя, участвовавшее в Троянской войне под предводительством Ахилла. Под *градам миридонян* понимают либо Трахин, либо Фарсалы, либо легендарную столицу царства Пелея (гомеровская Фтия). *Иолк* — город, известный по мифу об аргонавтах.

Ст. 381. *Арна* — город в Фессалии. *Гелика*, *Анфеля* — по всей вероятности, фессалийские города, точное местоположение которых неизвестно.

Ст. 384 считается поздней вставкой:

Грянул долу, с небес низвергнув кровавые росы.

Ст. 473. *Басилей* — царь.

Ст. 477. *Анавр* — река в Фессалии, возле Иолка.

[ГЕСИОД]

КАТАЛОГ ЖЕНЩИН, ИЛИ ЭОИ

Вопрос об авторе этой поэмы, которая занимала 6 книг, и о времени ее создания принадлежит к числу достаточно трудных в классической филологии. Никто из современных исследователей не считает ее произведением Гесиода. Если он и

был составителем такого каталога, примыкавшего к «Теогонии», то это должно было быть произведение, значительно более лаконичное, составленное по образцу ст. 886–1018 «Теогонии» как краткий перечень родоначальниц героических родов. Кроме того, в дошедшем тексте есть упоминание событий, имевших место в конце VII в., о которых Гесиод, естественно, не мог ничего знать за сто лет до того. Встречаются и отдельные противоречия. Кроме того, сам жанр каталога с его формульным стилем давал возможность исполнителю-рапсоду, сообразуясь с обстановкой, вставлять новые куски, с более подробной генеалогией тех царей, при дворе которых исполнялась поэма или куски из нее. Возможно, что разрозненное творчество отдельных рапсодов было объединено в середине VI в. до н. э. неким редактором и в таком виде приобрело значение канонического текста. Как бы то ни было, и для нас, и для древних греков «Каталог женщин» был неисчерпаемым источником сведений о мифологических героях, что подтверждается большим количеством обнаруженных на папирусах отрывков (около сотни), число которых продолжает увеличиваться.

Что касается второго названия (Эои), то оно образовано из двух греческих букв: о hoio — «или такая, как» (следует имя), соединившись с упоминаемым далее героем, родила ему таких-то сыновей.

Фр. 1. 1. *Ныне ж... поведайте...* — Зачин поэмы указывает, что она мыслилась как продолжение «Теогонии» (ср. ст. 965). Ср. также ст. 2 «Каталога» с «Теогонией», 25, 52, 966, 1021.

Фр. 1. 6. *Общими были тогда...* — События, о которых пойдет речь в поэме, относятся к «веку героев» («Труды и Дни», 157–173). 8. *Вовсе они не равны* — то есть смертные — богам.

Фр. 2. 1. *Девкалион* — сын Прометея и Пандоры. Во времена Девкалиона произошел мировой потоп, после которого начинается новый отсчет человеческой истории. Сыновьями Девкалиона были Эллин и Амфикион (эпоним союза ряда племен центральной Греции и Фессалии, ведавших опекой Дельфийского святилища). *Дева Пандора*. — По всей вероятности, речь идет не о жене Эпиметея (ср.: «Труды и Дни», 80–85), а о дочери Девкалиона (Пандора II). 3. *Грек* — эпоним племени, областью обитания которого были горы Пинда, а также Эпир.

Фр. 3. 1. *Ею*. — Речь идет о Фие, дочери Девкалиона. 2. *Македон* — эпоним македонян и Македонии. *Магнет* — эпоним племени магнетов и области Магнесия в юго-восточной части Фессалии.

Фр. 4. *Палидект*, царь острова Сериф (Киклады), и его брат *Диктис* — персонажи, известные по мифу о Персее.

Фр. 5. 1. *Эллин*, сын Девкалиона (или Зевса) — эпоним небольшого племени, обитавшего во Фтии (Фессалия) и у северного побережья Малийского залива. Таким образом, и Греки, и Эллины — сыновья «божественного отца» Зевса и «смертного отца» Девкалиона. 2. *Дор*, *Эол* и *Ксуф* (согласно более поздней традиции, отец Иона и Ахей) — эпонимы-родоначальники основных греческих племенных групп.

Фр. 6–9 определяются сейчас как части большого папирусного отрывка поэмы «Потомки Эола», опубликованного впервые в 1981 г. Кроме того, к нему же принадлежит, как теперь выясняется, фр. 39.

Фр. 6 — новый кусок папирусного текста. Отдельные стихи в нем совпадают с ранее известными цитатами из Гесиода.

Первые 15 стихов очень испорчены. Ясно, что речь идет о потомках Эола — Девкалионе, Доре, затем о дочерях последнего, от которых произошли *горные нимфы* и т. д. 17–20. *Сатиры* — низшие лесные божества греческой религии, мужские демоны плодородия. *Куреты* — критские божества, спутники Великой матери богов — Кибелы. Оберегали в пещере на Крите младенца Зевса, спрятанного Реей от Крона. *Ксуф* — сын Дора. *Эрехфей* — легендарный афинский царь. 26 сл. О *Салмоне* и *Крефее* см. фр. 16 и примеч., об *Афаманте* — фр. 33 и примеч., о *Сисифе* — фр. 22. *Периер*. — Более поздняя традиция считает Периера отцом мессенских ге-

роев Афарея, Левкиппа и Галиррофия. 30–32 — обрывки. Начинался раздел о пяти дочерях Эола, *подобных Харитам* (33). Сначала приводилась генеалогия *Перимеды* (34), одним из правнуков которой оказался *Ойней* (52), отец *Тидея* (55), участника похода семерых против Фив. *Гипподамант* (45) — сын Перимеды. Имя его супруги (*та же*) не сохранилось.

Фр. 7–8. Речь идет о Перибее из Олена в Ахее, жене калидонского царя Ойнея и матери Тидея.

Фр. 7. 2. *Фиктей* — эпоним города Фиктей в Элиде. Эпейцы — более древнее население Элиды, затем также название элейцев, более поздних обитателей этой области.

Фр. 8. 1. *Скала Оленийская* — гора у г. Олена на сев.-вост. побережье Ахеи.

Фр. 9. Речь идет о *Кеике* и *Алкионе*, дочери Эола. Супруги так любили друг друга, что Алкиона стала звать Кеика Зевсом, а он ее — Герой. Разгневанный Зевс превратил их в зимородков (вариант: Кеика — в чайку, а Алкиону — в зимородка). 9. *Мирмидон* — сын Зевса (который зачал его в образе муравья — греч. *μῦρμηξ*), эпоним племени мирмидонян, обитавшего во Фтии (Фессалия) (ср. фр. 76). 10. *Писидика* — дочь Эола. 12–13. ...*другая / Дочь Эолова*. — По-видимому, речь идет о Канаке, родившей от Посейдона пятерых сыновей.

Фр. 10. Речь идет о некоей Молионе, родившей от *Актора* двух чудовищных воинов, о которых упоминает «Илиада» (XI, 750). Их небесным отцом считали Посейдона. Ср. разд. III, Ивик, фр. 4.

Фр. 11. 4. *Агенор* — внук Эола, сын Плеврона (эпонимы соответственно области Этолия и города Плеврон), отец Порфаона и *Демодики* (или Демоники). Сыном Демодики был Фестий, о дочерях которого идет речь в следующих фрагментах.

Фр. 12. 5. *Леда*, *Алфея* и *Гиперместра* — дочери Фестия. 7. *Тиндарей* — сын Ойбала (или Перiera), царь Спарты. О дочерях Тиндарея см. также фр. 64 и примеч. 10–12. *Филоноя* получила от Артемиды (*стреловержицы*) бессмертие. Культ ее существовал в Лаконии. 16. *Ифимеда* — позднее Ифигения. 19. *Илион* — другое название Трои по имени ее царя Ила. 20. *Аргивянка* — Елена. 26. *Артемиды Дорожная* отождествлялась с Гекатой, хранительницей перекрестков. 31. *Эхем* — герой, отразивший первое нашествие Гераклидов на Пелопоннес.

Фр. 13. «Эои» двух других дочерей Фестия — *Алфеи* (9–17) и *Гиперместры* (34–40). 10. *Меллагр* — сын Алфеи и Ойнея (14), участник Калидонской охоты (см. разд. II, Гермесианакт, фр. 2 и примеч.), победитель общегреческих игр в метании копья (см. разд. III, Стесихор, фр. 28). 13. *Плеврон* — город в Этолии. *Куреты* — здесь (в отличие от куретов фр. 6) племя, населявшее Плеврон и, вероятно, отличное от этолийцев соседнего Калидона. 21. *Гибельным зельем* — кровью кентавра Несса. См.: «Трахинянки» Софокла. 26–33. Ср. фр. 83 и «Теогония», 950–955. 35. *Оикл* — прорицатель, внук прорицателя Мелампода (фр. 20), участник похода Геракла против Трои. *Амфиарай* — знаменитый герой-прорицатель, участник похода семерых против Фив.

Фр. 14. 2. *Амфимах* — предположительно внук Актора и Полибеи, дочери Гиперместры и Оикла, или же (судя по имени) внук Амфиарая (как Амфилох, Амфотер, Амфалкант). 3. *Фея* — город и гора в Элиде. 5. *Порфаон* — сын Агенора (фр. 11). 25. *Меланей* — сын Аполлона, искусный лучник. Согласно одному из мифов — основатель города Эхалии. Автор, по всей вероятности, считает Меланея основателем знаменитой Эхалии на острове Евбея, царем которой был его сын *Еврит*. 31a — вставка из другого текста.

Фр. 15. *Анфемозсса* — остров Сирен. *Им* — Сиренам. Сирены были дочерьми речного бога Ахелоя.

Фр. 16. «Эоя» *Тиро*, дочери *Салмоней*. Салмоней, сын Эола, эпоним города Салмона в Элиде, требовал, чтобы подданные воздавали ему почести как Зевсу. На своей колеснице Салмоней производил грохот и зажигал огни, подражая громам и молниям Зевса. 29. *Крефей* — сын Эола и брат Салмоней (фр. 6). 35 — тождествен стиху «Одиссеи» (XI, 240). Дан в переводе В. Жуковского. *Энипей* — река в Элиде, в образе бога которой Посейдон сочетался с Тиро.

Фр. 17. 1. «*Радуйся...*» — слова Посейдона, обращенные к Тиро. 2. *Сыновья* Посейдона и Тиро — Пелий и Нелей.

Фр. 18. 4. *Порознь они поселились во градах...* — Пелий стал царем Иолка, а Нелей — Пилоса. 6. *Амфион*, сын Иаса, — царь Орхомена Минийского (Беотия).

Фр. 19. 7. *Конник Геренский*. — Герен — местность в Элиде, где гостил Нестор. 14. *Анаксибия* — дочь Кратиея.

Фр. 20. Речь идет о *Мелампode* и *Бианте* — сыновьях Амфиона (сына Тиро от Крефея). 2. *Провидец* — Мелампод. 3. *...год оставалось в неволе...* — Мелампод был пойман, когда похищал для Бианта коров Ификла, царя фессалийского города Филаки (фр. 30 и примеч.), которых требовал Нелей в качестве свадебного выкупа за свою дочь *Перо*. Фрагмент переключается с изложением мифа в «Одиссее» (XI, 288–297). 10. *Аргос* — здесь: Арголида. *Прет* — царь Тиринфа. О Прете и его дочерях см. фр. 42–44.

Фр. 21. 1. *Эсон* — сын Тиро и Крефея. 2. *Пелион* — гора на востоке Северной Греции.

Фр. 22. 18–69. «Эоя» *Местры*, дочери Эрисихтона, который вырубил рошу Деметры. Разгневанная богиня наслала на него страшную прожорливость, не позволявшую избавиться от голода (см. гимн Деметре Каллимаха). У Эрисихтона была дочь — чародейка Местра, умевшая превращаться во всякое животное. Она-то и стала отцу средством для утоления голода: чтобы прокормиться, Эрисихтон ежедневно продавал дочь, а та убегала, изменив свой облик, и снова возвращалась к отцу. 18. *Сисиф* — сын Эола. Сисиф сватал Местру для своего сына Главка. 51. Речь идет о Сисифе. 58. *Еврипил* — царь племени меропов на о-ве Кос. 61. *Сын Зевса* — Геракл. 65. *Флегра* — древнее название полуострова Паллена на Халкидике. 67. *К холмам священных Афин...* — Возможно, смешение Эрисихтона, потомка Эола, с Эрисихтоном аттической традиции — сыном Кекропа. О такого рода смешении говорит и судейство *Афины* в споре за Местру. 70. *Нис* — царь Мегар, сын афинского царя *Пандиона*. 71. Имя героини этой «Эои» *Евринома* реконструировано (вариант: Евримеда). 75. *Оной Сисиф ... домогался...* — Евриному, как и Местру, Сисиф сватал для своего сына Главка. 88. *Иобат* — царь Ликии. В отличие от широко распространенной версии («Илиада», VI, 155–170), здесь Иобат не является тестем Прета.

Фр. 23. *Сем* и *Алази* — внуки Перiera (фр. 6).

Фр. 24. 1. *Арсиноя* — дочь мессенского царя Левкиппа, сына Перiera. По более распространенной версии, матерью Асклепия была Коронида (фр. 28). См. раздел III, пеан Исиды.

Фр. 25. 3. *Летонид* — здесь: Асклепий, сын Аполлона и внук Лето. Зевс поразил Асклепия молнией за то, что тот дерзнул воскрешать мертвых.

Фр. 26. 7 и далее. — «Эоя» *Астеродии*, дочери *Деиона* (или Деиона), сына Эола. 8. *Фок* — сын Эака (фр. 76). *Пышноясенный*. — См.: «Щит Геракла», 368, примеч. 9. *Филака* — город в Фессалии. 10. *Крис* и *Панопей* — основатели-эпонимы фокидских городов Крисы и Панопея.

Фр. 27. Начало «Эои» Корониды, матери Асклепия. Гора *Дидимы*, *Дотийская равнина*, город *Амиф* и озеро *Бебеида* находятся в Фессалии.

Фр. 28. 2. *Обитель Пифийская*. — См. гомеровский гимн к Аполлону Пифийскому, 195. 3–4. *Исхий, сын Элата*. — Элат — сын Посейдона, царь лапифов в Ларисе (Фессалия), или же сын Аркада, помогавший фокейцам в войне с флегиями и основавший в Фокиде город Элатею.

Фр. 30. Речь идет о Филаке, вероятно, одном из потомков Эола, отличавшемся необычайной быстротой ног. О нем рассказывали, что он состязался в беге с ветрами и мчался *по верхушкам колосьев*, не причиняя вреда стеблям благодаря легкости своего бега.

Фр. 31. 14. *Филонида* — дочь Деиона, сына Эола. 18. *Бог Килленский*. — См. фр. 61 и примеч. и гомеровский гимн к Гермесу, 3.

Фр. 32. Речь идет об Автолике, сыне Гермеса и Филониды, прославленном хитреце и воре. Похищая лошадей, быков и овец, он каждый раз менял им клейма и таким образом вводил в заблуждение их хозяев.

Фр. 33. *Афамант* — сын Эола (фр. 6), отец Фрикса и Геллы. Речь идет либо о решении Афаманта принести в жертву Фрикса и Геллу, либо о безумии, когда он преследовал свою жену Ино и рожденных от нее сыновей.

Фр. 34. 28. *Левкон* — сын Афаманта. 29. *Копрей* — сын Галиарта (?). Согласно одной из версий, он подарил Гераклу коня Ариона («Щит Геракла», 120). 30. *Орхомен* — эпоним одноименного города в Беотии, одного из центров древней микенской культуры. 36. *Евемон* — эпоним одного из городов, подвластных Орхомену. 39. *Камет*. — Речь может идти об одном из следующих персонажей: 1) отце аргонавта Астериона и участнике игр в честь Пелия; 2) сыне Фестия, брате Алфея, убитом Мелеагром; 3) лапифе, участвовавшем в битве с кентаврами на свадьбе Пирифоя.

Фр. 35. 1. *Схеней* — сын Афаманта и Фемисто, отец Атланты, о сватовстве которой речь идет в фр. 36.

Фр. 38 сомнителен. Истоки протекающей у Аргоса реки *Инаха* находятся у селения *Ойнея*, названного в честь Ойнея, деда царя Аргоса Диомеда.

Фр. 39. См. фр. 6, ст. 17–19 и примеч.

Фр. 40. Уличенный Герой Зевс превратил Ио прикосновением в белую корову, поклявшись, что не сходилась с ней. Вот потому-то, говорит Гесиод, дающие клятву о том, что связано с любовью, не навлекают на себя гнева богов (Аполлодор, II, 1, 3).

Фр. 41. Аргос, согласно преданиям, некогда был *безводным*, а затем стал *многочисленным* благодаря Данандам (*дочерям Даная*), принесшим сюда из Египта умение сооружать колодцы.

Фр. 42. 9. *Прет* и *Акрисий* — сыновья Абанта, внуки Линкея и Гипермestры. 11. ...*гибельным камнем*. — Возможно, речь идет о случайной гибели Акрисия от руки его внука Персея. 12. *Лакедемон* — сын Зевса, эпоним Лакедемона (Спарты). 18. *Аркад* — сын Зевса (по другой версии — Пана) и нимфы Каллисто, предок Авги (см. фр. 57, 6 и примеч.).

Фр. 43–44. Речь идет о дочерях Прета.

Фр. 45. 2. *Абант* — зять Аргоса, дед Даная. 7. *Электрион*, *Алкей*, *Сфенел*. — Их детьми были соответственно Алкмена, Амфитрион и Еврисфей. Историю Алкмены и Амфитриона см. «Щит Геракла», 1–56 и примеч.

Фр. 46. 1. *Дочь Араба* — Кассиопея, жена Феника (сына Агенора), мать Килика, Финея, Дорикла и Атимна (Араб, Феник, Килик — эпонимы восточных стран и народов). 2. *Бел* — сын Посейдона и Ливии (эпоним страны).

Фр. 47. «Эоя» *Европы*, дочери *Феника*. 14 и далее. — Речь идет о *Сарпедоне*, царе *Ликии* (область в М. Азии). 25. ...*знаки явив роковые*. — Вероятно, о кровавой росе, посланной Зевсом как знамение о гибели Сарпедона («Илиада», XVI, 459–461). (Античная традиция вообще смешивает двух Сарпедонов — сына Европы, который по хронологическим соображениям не мог принимать участия в Троянской войне, и сына Лаодамии, дочери Беллерофонга).

Фр. 48. Речь идет о Миносе, владыке Кносса на о-ве Крит.

Фр. 49. Речь идет о Критском *быке*, посланном Зевсом из моря Миносу, с которым сошлась Пасифая, жена Миноса, дочь Гелиоса, родив Минотавра (15–17).

Фр. 50. *Еврипил* был назван сын Миноса Андрогей, погибший в Аттике. В его честь устраивали поминальные игры в афинском Керамике (квартал гончаров).

Фр. 51. Предположительно речь идет об эпизоде из истории Финея, сына Феника и брата Европы, а именно — о преследовании аргонавтами Гарпий, которые досаждали Финею. Фрагмент содержит описание земного круга, окраины которого населены сказочными или полусказочными народами. 9. *Пигмеи* — полусказочный народ крошечных людей (*pygmé* — «кулак»), обитающий на крайнем юге. 15. *Эфиопы* — полусказочное племя, которое помещали на крайнем юго-востоке тогдашнего мира. 16. *Скиф* — эпоним Скифии и скифов. 19. *Мощнокрушитель* — Посейдон. 21. *Гипербореи* — сказочный народ, живущий на крайнем севере («за Бореем»). 23–24. *Эридан* (см.: «Теогония», 338) — сказочная река на северо-западе известного

мира, из вод которой якобы добывали янтарь. 26. *Ортигия* — сказочный остров, связанный с культом Артемиды и локализованный в различных частях античного мира. *Лестригонский люд* — племя великанов-людоедов, с которыми впоследствии столкнулся во время своих скитаний Одиссей («Одиссея», X, 81–132). 30. *Кефаллены* — обитатели о-ва Кефалления в Ионическом море. 32. *Нис, сын Арета*, — царь о-ва Дулихий (возможно, позднейшая Кефалления). 33. *Силены* (м и ф.) — божественные певцы, полуженщины-полуптицы.

Фр. 52. *Млекоеды* — народ, обитавший на севере известного мира, упоминаемый в «Илиаде» вместе с мисийцами и фракийцами и, возможно, тождественный массагетам.

Фр. 53. *Эн* — гора на Кефаллении, на которой находилось святилище Зевса Энейского.

Фр. 56. *Пеласг* — сын Земли, эпоним племени пеласгов. *Ликаон* — сын Пеласга, царь Аркадии.

Фр. 57. Согласно распространенной версии мифа, Геракл, находясь в гостях у аркадского царя Алея, овладел его дочерью Авгой, которая родила Телефа. Разгневанный отец велел бросить ее в ковчеге в море, но она спаслась и прибыла в Мисию (область в М. Азии). Здесь эта история излагается таким образом, что Авга разрешилась от бремени, только прибыв во владения Тевфранта, царя Мисии (3–7). 9–11. Речь идет о возвращении Геракла из похода на Трои (ср. фр. 22, 61–64). *Твердь Азийская* — Троя. 12. *Потамки Дардана* — троянцы (ср. фр. 65).

Фр. 58. *Эпит* — сын Элата и внук Аркада (фр. 28).

Фр. 59. *Фелл* — вероятно, эпоним одноименного города в Аркадии. *Мелибей* — жена Ликаона (фр. 56).

Фр. 61. *Киллена* — горный кряж в Аркадии. См. гомеровский гимн к Гермесу, 3.

Фр. 62. 1. *Амикл* — эпоним города Амиклы близ Спарты, сын Лакедемона (сына Зевса и Тайгеты — фр. 60). 2. *Лапиф* — здесь: местный (лаконский) герой, имевший свое святилище. *Дочь Лапифа* — Диомеды. 6. *Гиакинф* — сын Амикла и Диомеды, любимец Аполлона.

Фр. 63. Речь идет о детях Елены и Менелая.

Фр. 64. Согласно преданию, приносивший жертвы богам Тиндарей забыл почтить Афродиту, и разгневанная богиня сделала так, что его дочери выходили замуж по два и три раза и покидали своих супругов. О дочерях Тиндарея см. также фр. 12, 9–14 (ср. разд. III, Стесихор, фр. 15).

Фр. 65. 5. *Электра* — дочь Атланта (фр. 60). 7. *Дардан* — основатель-эпоним Дардании (древнейший город в Троаде, а также древнее название всей области). 8. *Этион*. — У Гомера («Одиссея», V, 125–128) и в позднейшей традиции — Иасион. 14. *Эрихтоний* — отец Троса (эпонима города). 15. *Ил* — эпоним Илиона (ср. фр. 86). Согласно Гомеру («Илиада», XX, 231–232, 236), — сын Троса и отец Лаомедонта.

Фр. 66. Отрывочность фрагмента позволяет дать лишь весьма гипотетическую сюжетную (мифолого-генеалогическую) реконструкцию. Предположительно речь идет о переселении Дардана с о-ва Самофракия в Троаду, в связи с чем возможно изложение малоазийских (вифинских и лидийских) сюжетов, в общих чертах сохранных Аполлодором. 4. *Герм* — река, протекающая по Фригии и Лидии. 6. *Бротей* — предположительно сын царя Лидии Тантала. На его дочери женился Дардан (?). 12. *Пандион*. — «На Клеопатре женился Финей, от которого она родила сыновей Плексиппа и Пандиона. Уже имея этих сыновей от Клеопатры, Финей женился на Идее, дочери Дардана. Последняя ложно обвинила пасынков, будто они пытались ее соблазнить, и Финей, поверив ей, ослепил обоих» (Аполлодор, III, 15, 3).

Фр. 67. Возможно, «Эоя» Антиопы, дочери Никтея (сына эпонима *Гирии* Гиридея, сына Алкионы, см. фр. 60). Антиопа родила от Зевса фиванских героев Зета и Амфиона.

Фр. 68. Речь идет о Гипподамии — супруге Пелопа, дочери Эномея и Астеропы (см. фр. 60). 2. ...на кровь ополчились родную. — Сыновья Пелопа Атрей и Фiest убили своего сводного брата Хрисиппа, а затем люто враждовали друг с другом.

Фр. 69. 1—4. Речь идет о героях фиванского цикла. (Генеалогическая связь с фр. 68 состоит, возможно, в том, что, согласно одной из версий, *Эдип* был женат на Астимедузе, дочери Сфенела.) *Алкмеон* — сын аргосского прорицателя Амфиарая и Эрифилы (см. фр. 13, 35). 12—20. *Ею сыны рождены...* — См.: «Щит Геракла», примеч. к ст. 2. 17. *Острова Эхинадские* — о-ва в Ионическом море у западного побережья Средней Греции.

Фр. 70. *Аэропа* — дочь Катрея (сына Миноса), которую взял в жены Плисфен. Агамемнон, а также Менелай, согласно Гесиоду и Эсхилу, были сыновьями Плисфена, сына Атрея, но согласно Гомеру и всем прочим авторам, — сыновьями самого Атрея. Поэтому многие считают их Атридами. Вслед за ст. 7 начинается «Эоя» Алкмены, представляющая собой начало «Щита Геракла».

Фр. 71—75. Перечень женихов Елены. Названные здесь герои (кроме сыновей Амфиарая) — участники Троянской войны, выступающие также в «Перечне кораблей» «Илиады» (кн. II).

Фр. 72. 13. *Кастор и Полидевк* — Диоскуры, сыновья Зевса и Леды. 16—18. Речь идет о сыновьях *Амфиарая* — Алкмеоне и Амфилохе. 19. *Гнев бессмертных* — в наказание за матереубийство (сыновья Амфиарая убили свою мать Эрифилу, мстя за отца). См. разд. III, Стесихор, «Эрифилы». *Возмездие смертных*. — Алкмеон был убит из-за приносящих несчастье их обладателям ожерелья и пеплоса Гармонии. 36. *Филака*. — См. фр. 26, 9 и примеч. 37. *Филак* — фессалийский герой, потомок Девкалиона и Эола (см. также фр. 30 и примеч.).

Фр. 74. 1. *Потомки Эака* — сыновья Пелей и Теламон (см.: «Теогония», 1005 и примеч.). 2. *Амфианонова поросль* — сын Мелампод и его потомки Оикл и Амфиарай (все — знаменитые прорицатели).

Фр. 75. 20. *Прибыль... Оглово моря* — то есть прибыл с Крита. 91. *Беззвалоса* — змея. Пассаж о змее недостаточно ясен по причине отрывочности текста.

Фр. 76. Речь идет о происхождении племени мирмодонян, созданного Зевсом для *Эака* — своего сына от Эгины, дочери речного бога Асопа и эпонима острова.

Фр. 77. Отрывок заимствован из более обширного рассказа о том, как Пелей прибыл во Фтию (см. фр. 78) и Астидамия, жена царя Акаста, влюбилась в него и послала ему любовное предложение. Но она была отвергнута гостем и оклеветала Пелея перед Акастом, заявив, будто Пелей пытался овладеть ею. Услышав это, Акаст не захотел убивать того, кого только что очистил от скверны убийства Фока, и взял Пелея с собой на охоту близ горы Пелион. Когда Пелей заснул, Акаст, бросив его, ушел, предварительно спрятав меч Пелея в коровьем навозе. Проснувшись, Пелей увидел, что на него нападают кентавры, и стал искать свой меч. Он погиб бы, но его спас Хирон, который отыскал меч Пелея и отдал ему.

Фр. 78. 1. *...Во Фтию ... прибыл...* — Речь идет о свадьбе Пелея и Фетиды. 5. *Пышно воздвигнутый град он повергнул...* — Пелей вместе с Ясоном и Диоскурами разграбил Иолк и убил Астидамию, жену Акаста (см. фр. 77 и примеч.).

Фр. 79. 2. *Кирена* — дочь Гипсея, царя лапифов, охотившаяся на горе Пелион. Похищенная Аполлоном Кирена была увезена богом в Ливию, где стала эпонимом греческого города в Африке.

Фр. 81. Речь идет об элевсинских героях. *Евмолп*, сын Посейдона, легендарный певец и учредитель Элевсинских мистерий, упомянут вместе с *Далихам* в гомеровском гимне к Деметре (154). *Гиппофонт*, сын Посейдона, — эпоним аттической филы Гиппофонтиды.

Фр. 82. *Керик* — сын Евмолпа.

Фр. 83. 6 и сл. — Речь идет о Геракле. См. фр. 13, ст. 26—33; ср. «Теогония», 950—955.

Фр. 84. 1. *...Или троедольное всем наречение.* — На Крите обитали три эллинские народности — пеласги, ахейцы и дорийцы.

Фр. 85. 1. *Локр* — эпоним племени локров, населявших две области в Средней Греции — Локриду Опунтскую и Локриду Озольскую. *Лелеги* — догреческое население ряда областей Эгейского бассейна. Согласно Аристотелю, — древнее название локров. 3. *...рати землю рожденных.* — Вероятно, речь идет о происхождении леле-

гов из глыб земли, брошенных Девкалионом и Пиррой после потопа (ср. фр. 2).

Фр. 86. 1. *Илей* (или *Оилей*) — сын Аполлона, отец Аякса Локрийского, участника Троянской войны. 2. *Имя такое...* — Имя Илей истолковывается здесь как производное от названия города Илион (Троя).

Фр. 88. 1. *Геллопия* — здесь: местность возле *Додоны* (5), храма и прорицалища Зевса, находившихся на западе Средней Греции.

Фр. 89. Принадлежность этого фрагмента к «Каталогу» оспаривалась, почему Меркельбах и Уэст не включили его в свое собрание. Однако новое исследование, проведенное в 1969 г., делает принадлежность приводимых стихов к «Каталогу» вполне вероятной. Речь в нем идет, по всей вероятности, о приходе к *Хирону* либо *Афины*, либо *Артеиды*, которая избавляла от бешенства собак, растерзавших по ее наущению Актеона (имя его встречается среди плохо сохранившихся отрывков в ст. 17). Если принять за говорящее лицо Афины, то она, возможно, предвещала возвращение в Фивы Диониса.

[ГЕСИОД]

ВЕЛИКИЕ ЭОИ

Фр. 1–2. Слова Алкмены, обращенные к Гераклу.

Фр. 3. 1. *Евехма* и *Аристеяма* — дочери Гилла (сына Геракла) и (?) Иолы. 2. *Бутиды* — сыновья Бута *Поликаон* и *Паликреонт*. Их место в легендарных генеалогиях, а также связь с Кеиком неясны. 10. *Херсилаи*, сын *Иасия*. — Возможно, речь идет об отце Пемандра, согласно одной из версий, бывшего основателем Танагры (Беотия).

Фр. 4. 1. *Филант* — сын Антиоха, сына Геракла. 3. *Гиппот* — участник «возвращения Гераклидов» на Пелопоннес, отец Алета, ставшего родоначальником династии дорийских царей Коринфа. 6. *Херон* — эпоним Херонеи (Беотия).

Фр. 5. 1. *Мекионика* — дочь Еврота. 2. *Евфем* — участник похода аргонавтов. *Земледержец*, *Вздыматель суши* — Посейдон.

Фр. 6. «...Во время царствования Орхомена из Аргоса прибыл Гиегг, бежавший оттуда из-за убийства Могура, сына Арибанга, которого он убил, застав в прелюбодеянии со своей женой. Орхомен выделил ему землю, включающую нынешнее селение Гиегг и его окрестности». (Павсаний, IX, 36, 6).

[ГЕСИОД]

СОШЕСТВИЕ ПИРИФОЯ

В поэме речь шла о сошествии в Аид *Тесея* и *Пирифоя* (*соратник верный*, 5), царя лапифов, с целью взять *Персефонею* (Персефону) в жены Пирифоем. В царстве мертвых Тесей и Пирифой встречают тень *Мелеагра* и ведут с ней разговор. 1–6. *...Ни силой сразить...* — слова Мелеагра (см.: «Каталог женщин», фр. 13 и примеч.), обращенные к Тесею.

[ГЕСИОД]

ЭГИМИЙ

Эгимий — сын Дора, мифический предок дорийцев, давший им законы, когда они жили еще в долине Пеней в Фессалии. Впоследствии он усыновил Гилла, сына Геракла, дав ему третью часть своего царства. По имени Гилла и родных сыновей Эгимия — Дима и Памфила — три древних родовых объединения дорийцев назывались Гиллеи, Диманы и Памфилы (см. разд. II, Тиртей, фр. 10, 2).

Авторство Гесиода крайне сомнительно.

Фр. 3. Речь идет о Тесее.

[ГЕСИОД]

МЕЛАМПОДИЯ

Мелампод — сын Амифаона (см.: «Каталог женщин», фр. 74), врач и пророк, наделенный даром понимать голоса птиц и животных. Он исцелил, в частности, от безумия дочерей Прета (см.: «Каталог женщин», фр. 20 и примеч.).

Фр. 3. Речь идет об исцелении Ификла Меламподом. 4. *Филак* — См.: «Каталог женщин», фр. 30 и примеч., фр. 72, 37 и примеч.

Фр. 6. Имеется в виду античное предание, по которому прорицателю Тиресию пришлось быть и мужчиной и женщиной. Поэтому, когда между Зевсом и Герой возник спор, кто получает большее наслаждение при соитии, они обратились к Тиресию. Тот ответил, что если наслаждение измерить десятью долями, то мужчина получает одну долю, а женщина — девять. Разгневанная Гера лишила его зрения, а Зевс наделил даром прорицания и жизнью, равной жизни семи поколений.

Фр. 7. Слова Тиресия.

Фр. 8. Речь идет о состязании прорицателей — Мопса, сына Манто (дочери Тиресия) и Калханга: Калханг задает вопрос (а), а Мопс отвечает на него (б).

О. ЦЫБЕНКО

КИКЛИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

Свое название эти поэмы получили оттого, что каждая из них (напр., «Титаномахия») или, чаще, несколько в совокупности (напр., «Эдиподия», «Фиваида», «Эпигоны», «Алкмеонида») охватывали определенный *круг* (г р е ч. *kuklos*) мифов, дополняя одна другую. В древности их автором считали либо Гомера, либо называли имена других поэтов, нам мало что говорящие. В художественном отношении поэмы, по-видимому, не отличались цельностью и единством, что и явилось, вероятно, одной из причин их почти полного исчезновения, так что содержание их приходится извлекать из поздних пересказов и отсылок. Другой причиной, по которой киклические поэмы до нас не дошли, надо считать то обстоятельство, что их материал обильно использовался лирикой (напр., Стесихором) и афинской трагедией V в. Поскольку, таким образом, содержание поэм стало известно из других источников, они перестали интересовать более поздних читателей.

ТИТАНОМАХИЯ

Автор неизвестен. Время создания — VII в. К содержанию см. «Теогония», 617–625.

Фр. 3. *Племя людское...* — Речь идет о кентавре Хироне, воспитавшем Геракла, Ясона и Ахилла. Ср.: «Каталог женщин», фр. 21, 75, ст. 49–51.

ЭДИПОДИЯ

Автор неизвестен. Временем создания считают VIII в.

Содержание составляло освобождение Эдипом Фив от Сфинкса, выяснение тайны убийства Лаия и самоубийство Иокасты, которая, однако, еще не успела произвести на свет потомство от собственного сына.

Фр. 1. *Также среди прочих...* — По принятому здесь варианту, *Гемон* был растерзан Сфинксом.

ФИВАИДА

Автор неизвестен. Временем создания считают VIII в. Содержание составляла распря сыновей Эдипа и поход семерых вождей, собравшихся в Аргосе (ср. фр. 1), под Фивы.

Фр. 2. 1. *Палиник* — сын Эдипа. 6. *Даф многоценный отца* — чаша, из которой пил Лайи. Эдип увидел в этом напоминание о совершенном им по неведению отцеубийстве и *проклял* сыновей.

Фр. 3. *Наземь он бросил бедро...* — Еще одна причина, по которой Эдип проклял сыновей: по сану ему полагалась от каждого жертвоприношения лопатка.

Фр. 4. *Амфилох* — либо сын одного из участников похода семерых Амфиарая, либо его внук (тогда фрагмент должен быть отнесен к «Алкмеониде»).

Фр. 5. *Мчал Арион* — конь, вынесший из битвы самого прорицателя Амфиарая (о нем — фр. 6), поглощенного затем разверзшейся землей.

ЭПИГОНЫ

Автором считают Антимакха с о-ва Теос (нач. VII в.). Содержание составлял новый поход на Фивы сыновей семерых вождей, завершившийся разорением города.

Фр. 3 заимствован из комедии Аристофана «Мир», 1286 сл. Достоверность его сомнительна.

АЛКМЕОНИДА

Автор неизвестен. Время создания — начало VI в.

Уходя на войну под давлением своей жены Эрифилы, Амфиарай завещал своему сыну Алкмеону отомстить матери, когда он подрастет. Алкмеон выполнил завещание отца и убил мать. В сохранившихся фрагментах нет, впрочем, никакого намека на основные события, послужившие содержанием поэмы.

Фр. 1. *Теламон и Пелей* были сыновьями Эака от Эгины (см.: «Каталог женщин», фр. 74 и примеч.), *Фок* — от нимфы Псамафы (см.: «Теогония», 1004—1005). Убийство сводного брата Теламон и Пелей совершили, по-видимому, из ревности, как впоследствии Атриды убили Хрисиппа (ср.: «Каталог женщин», фр. 68 и примеч.). Какое отношение эта история имела к Алкмеону, неясно.

Фр. 3. *Загрей* — сын Зевса и Персефоны, почитавшийся как божество орфиками. Нередко отождествлялся с Дионисом.

КИПРСКИЕ ПЕСНИ

Автором их считали Стасина с о-ва Кипр (VII в.). Содержание поэмы охватывало события от состязания трех богинь в красоте на свадьбе Пелея и Фетиды (см.: «Каталог женщин», фр. 78) до спора Ахилла с Агамемноном, которым начинается «Илиада».

Фр. 1. *В оные дни...* — Версия, по которой Зевс развязал Троянскую войну, чтобы облегчить бремя Земли, повторяется несколько в ином варианте в «Каталоге женщин», фр. 75, 58—65.

Фр. 2. *Тело свое...* — Речь идет, по-видимому, о приготовлениях Афродиты к суду Париса (ср. фр. 3 и 4).

Фр. 5. *Внутрь устремляется он...* — Вероятнее всего, Парис, прибывший в Лакедемон. Фрагмент заимствован из «Кипрской Илиады» римского поэта Невия, как и предыдущий фр. 4.

Фр. 6. *Кастор и Полидевк*. — См.: «Каталог женщин», фр. 72, 13 и примеч.

Фр. 7. *Третьей она родила...* — Согласно одному из вариантов мифа, Елена была рождена Немесидой и только воспитана Ледой, супругой Тиндарея.

Фр. 8. *Линкей и Ид* — двоюродные братья Диоскуров, с которыми они повздорили либо потому, что не поделили захваченную добычу, либо потому, что последние, явившись на свадьбу двоюродных братьев, похитили их невест. Так как Линкей обладал сказочно острым зрением, он мог с вершины *Тайгета* обозреть весь Пелопоннес (*остров ... Пелоп*).

Фр. 12. *Нет, не желал...* — Вероятно, слова Агамемнона после его размовки с Ахиллом.

Фр. 13. 1. *Чудищ ужасных ... Горгон...* — См.: «Теогония», 274–279. 2. *Сарпедон* — здесь: название острова среди Океана.

Фр. 15. *Плыли на Скирос...* — Принадлежность этого фрагмента к «Кипрским песням» находится под сомнением. По существу же, имеется в виду, что Ахилл по дороге в Авлиду захватил о-в Скирос, поскольку обитавшие там долопы отложились от Пелея. По более поздней версии, Ахилл был спрятан Фетидой на Скиросе среди служанок местной царевны Дедами, у которой от Ахилла родился сын Пирр (Неоптолем). Скирос находится в Эгейском море, к северо-востоку от Евбеи.

ЭФИОПИДА

Автором считается Арктин из Милета (конец VIII в.). Содержание составляло прибытие под Трою после гибели Гектора (фр. 1) царицы амазонок Пенфесилеи и вождя эфиопов Мемнона, их гибель от руки Ахилла и смерть самого Ахилла, за чьи доспехи разгорелся спор между Аяксом и Одиссеем.

Фр. 2. *Мне расскажи...* — содержит вопрос, обращенный кем-то к Пенфесилее.

МАЛАЯ ИЛИАДА

Автором называют Лесха из Пирры на о-ве Лесбос (начало VII в.). По содержанию поэма примыкала к предыдущей, так как начиналась со спора об оружии Ахилла. Далее следовали прибытие под Трою Филоктета и его поединок с Парисом, гибельный для последнего, а также прибытие Неоптолема, сооружение деревянного коня и введение его в Трою.

Фр. 2. 1. *Ибо поднял Аякс...* — Вероятно, один из аргументов в споре за обладание оружием Ахилла. 2. *Пелид* — Ахилл. 4–5. Стихи заимствованы из комедии Аристофана «Всадники», 1056–1057.

Фр. 4. *Ночи середина была...* — время взятия Трои.

Фр. 5. 1. *Сын знаменитый* — Неоптолем, которому после взятия Трои досталась пленницей *Андромаха* (6), жена *Гектора* (2). 3. *Чудо ж, отторгнув...* — Астианакт, сын Гектора и Андромахи, был сброшен ахейцами с городской стены. 6–11. Существует предположение, что эти стихи (если не весь отрывок) принадлежат другому автору — эллинистическому поэту Симию, так как по содержанию текст фр. 5 опережает события: о разделе добычи речь еще не могла идти в «Малой Илиаде». 9. *От расль Анхиса* — См. гомеровский гимн к Афродите. По традиционной версии, однако, Эней по приказанию своей божественной матери Афродиты покинул горящую Трою, чтобы возродить ее на новом месте.

Фр. 6 считается сомнительным.

Фр. 7. См.: «Кипрские песни», фр. 15 и примеч.

Фр. 8. *Град Илион...* — Двустопные производят впечатление зачина новой поэмы, из чего испанский филолог Бернабе делает вывод о существовании по меньшей мере двух поэм под названием «Малая Илиада». *Илион*. — См.: «Каталог женщин», фр. 12, 19 и примеч. *Данаи* (данайцы) — греки.

Фр. 9. Необычная версия мифа. Ср. гомеровский гимн к Афродите, 202–217.

Фр. 10. Папирусный фрагмент, отнесение которого к «Малой Илиаде» является предположительным, так как по содержанию (гибель Ахилла и бой за его тело) он больше подходит к «Эфиопиде». 1. *К островам посреди Оксана...* — Речь идет об островах Блаженных (см.: «Труды и Дни», 167–174).

РАЗРУШЕНИЕ ИЛИОНА

Автором считается Арктин из Милета (конец VIII в.). По содержанию эта поэма отчасти совпадала с предыдущей, так как в ее начале троянцы еще обсуждали, как им поступить с деревянным конем. Только после гибели Лаокоонта и его сыновей, в которой троянцы увидели божье знамение, конь был введен в город. Кончалась поэма отплытием ахейцев из-под Трои.

Фр. 1. *В гряде, тобою основанном...* — Имеется в виду пророчество, данное Дардану, чей сын Трос или внук Ил основали Трою (Илион). 4. *Дар от Зевесовой дщери* — палладий, статуя Афины. *Супруге твоей* — Хрисе, дочери Палланта.

Фр. 2. 1. *Их ведь обоих почтил...* — Речь идет о сыновьях Посейдона (или Асклепия?) Махаоне и Подалирии, бывших врачами в ахейском войске. Первый считался хирургом, второй, как видно, терапевтом и психиатром (*узнал о безумье Аякса*). 7. *Аякс* впал в безумье после того, как Одиссею были присуждены доспехи Ахилла, и в этом состоянии перебил стада скота, полагая, что расправляется с оскорбившими его ахейцами.

Фр. 3. 1. *Чадам Тесея*. — «Илиада» (II, 546–556) упоминает одного Менесфея в качестве предводителя афинян под Троей.

ВОЗВРАЩЕНИЯ

Автором считался Агий из Трезена (середина VII в.). Содержание поэмы составляли различные способы, которыми уцелевшие ахейцы добирались до дому: буря, обрушившаяся на их флот у Каферейского мыса (ср.: разд. III, Алкей, фр. 20), скитания Менелая и убийство вернувшегося Агамемнона Эгисфом и Клитеместрой, которым отомстил Орест.

Фр. 1. *Юношей милым...* — Речь идет об отце Ясона Эсоне, которому вернула молодость Медея.

Фр. 3. *Гермионей, Ис* — персонажи, из других источников неизвестные.

ТЕЛЕГОНΙΑ

Автором поэмы считали Евгамона из Кирены в Африке (VI в.). Содержание ее составляли поиски Телегоном, сыном Одиссея и Кирки, неведомого ему отца, встреча не узнавших друг друга отца с сыном и смерть Одиссея от руки более молодого соперника.

Фр. 1. *Жадно и мясам питаюсь...* — Говорится об образе жизни Одиссея в старости.

ДРУГИЕ ЭПИЧЕСКИЕ ПОЭТЫ VIII — V вв.

Е в м е л, поэт из Коринфа (VIII в.). Выступал и в мелике (см. разд. III).

Фр. 1. «Коринфские сказания». Речь идет о сторожком исполнине Бриарее («Теогония», 149), который был судьей в споре между Посейдоном и Аполлоном за обладание Коринфом.

Фр. 2. 2. *Антиопа* — дочь речного бога Асопа. Согласно более известной версии, Антиопа — дочь Никтея, родившая от Зевса фиванских героев Зета и Амфи-

она (ср.: Асий, фр. 1). 3. *Гипериона блистательный сын* — Гелиос (см.: «Теогония», 371–374). 4. *Асоповы земли*. — Асоп — река в Беотии (между Фивами и Платеями), однако здесь Асоповы земли — это Аркадия или Сикион. 5. *Эфира* — древнее название Коринфа. Здесь Эфира — дочь Океана и Тефии. 6. *Бун* — сын Гермеса. 7. *...из его поколения...* — В Коринф вернулась дочь Ээта Медея.

Фр. 3. Слова сивиллы Герофилы — дочери Зевса и Ламии, дочери Посейдона. Речь идет об учреждении Истмийских игр.

Фр. 4. «Европия». Речь идет о храме Аполлона в Дельфах.

«Форонида». Автор неизвестен. Поэма датируется VII — VI вв. По поверью, аргосец Фороней — первый человек, сотворенный на земле.

Фр. 1. 2. *Идейцы Фригийские* — так называемые Идейские дактили, божества кузнечного ремесла, обитавшие на Иде Фригийской (близ Трои).

«Данаида». Поэма неизвестного автора (VI в.?). Данаиды — 50 дочерей Даная, потомка Зевса и жрицы Ио, искавшие спасения бегством от брака с двоюродными братьями. См. трагедию Эсхила «Молящие».

«Навпактские сказания». Автором считают некоего Каркина из Навпакта, с запада Средней Греции (VI в.). Содержание поэмы составляла, как видно, местная хроника.

Фр. 1. 1. *Наречение дал* — ее муж Оилей, отец Аякса Локрийского.

Фр. 3, 4. Речь идет о бегстве Ясона и Медеи из дворца Ээта.

А с и й с о-ва Самос (VII в.). В своих поэмах упоминал генеалогии царей малоазиатского побережья.

Фр. 1. По преданию, *Антиопу*, беременную от Зевса *Зетом* и *Амфионом*, взял в жены царь Сикиона *Энопей*.

Фр. 2. *Дий* — Зевс.

Фр. 3. Рождение Землею *Пеласга*, чье имя носили раньше греки, связывалось с Аркадией.

Фр. 4. *Пенелопа* — супруга Одиссея, мать Телемаха.

Фр. 5 — из поэмы неизвестного автора о нравах самосцев, которые славилась утонченным образом жизни. 2. *Геры святыня* — известный храм Геры на Самосе. 3. *...До земли ниспадавшие платя* — особенность ионийской одежды. 4. *Цикады* — украшения из золота, служившие для скрепления волос.

«Меропида». Отрывки из поэмы примерно VI или V в. стали недавно известны из папирусных фрагментов сочинения афинского филолога Аполлодора (II в. до н. э.) «О богах». В данном отрывке автора интересовало происхождение эпитетов Афины, и он сообщал, что натолкнулся на поэму неизвестного автора «Меропида». В ней описывались события, связанные с пребыванием Геракла после взятия Трои на о-ве Косе (фр. 1). Версия эта известна и из других источников, но только в «Меропиде» противником Геракла выступает неуязвимый великан Астер (фр. 2), причем Гераклу явно пришлось бы плохо (фр. 3), если бы в битву не вмешалась его постоянная помощница Афина (фр. 3, 4). С ней связаны и фр. 5–6, противоречащие обычному рассказу о том, что в битве богов с гигантами Афина одолела Палланта и содрала с него шкуру, — отсюда якобы ее прозвище Паллада. Как видно, местный автор захотел возвеличить свою родину, перенеся сюда одно из важнейших событий в мифологической биографии Афины.

«Миниада». Автором считают некоего Продика из Фокеи (нач. V в.?), а содержанием — нисхождение Тесея и Пирифоя в Аид (фр. 1). Ср.: «Сошествие Пирифоя».

Херсий из Орхомена (VI в.?). Личность практически неизвестная.

Фр. 1. *Мидея, Асплендон* — эпонимы одноименных городов в Беотии.

«Аттида». Поэму, как и ее сомнительного автора Гегесина, многие исследователи склонны считать поздним изобретением.

Фр. 1. *Аскра* — эпоним беотийской деревни, в которой поселилась семья Гесиода. 3. *Сыны Алоэя* — великаны-богоборцы От и Эфиальт, которые первыми оказали божеские почести Музам на Геликоне.

Аристей из Прокоонесса (на берегу Мраморного моря) — полулегендарный поэт и путешественник (VI в.), автор эпической поэмы «Аримаспия» в 3-х книгах, в которой он описал живущие далеко на севере племена одноглазых аримаспов (фр. 3), *исседонов* (фр. 1) и гиперборейцев, особо любимых Аполлоном.

Фр. 4. Идентификация этого народа неясна.

«Астрология». Автором считают Клеострата с о-ва Тенедос (сер. VI в.). Поэма характерна как еще один образец дидактического произведения в гексаметрах.

Фр. 1. 2. *...погрузится в море...* — Имеется в виду созвездие Волопаса.

Креофил. Поэт с о-ва Самос (VII в.). В поэме «Взятие Эхалии» разрабатывался сюжет, использованный впоследствии Софоклом в трагедии «Трахинянки».

Фр. 1. *Зри, о жена...* — слова Геракла, обращенные к Иоле.

Писандр из Камира с о-ва Родос (VI в.). Из поэмы о подвигах Геракла сохранились ничтожные отрывки.

Фр. 1. По преданию, Афина, чтобы дать успокоение утомленным членам Геракла, открыла ему теплые источники у *Фермопил*, самое название которых означает «теплые ворота».

Фр. 2. Предположительно, из разговора Геракла с карликами-кекропами.

Фр. 3. *...разуму чужды кентавры...* — Во время охоты за Эриманфским вепрем Геракл попал в пещеру к кентаврам, которые встретили его не слишком приветливо.

Панасид из Галикарнаса (1-я пол. V в.), двоюродный брат или дядя историка Геродота. Главным его произведением считалась поэма «Гераклия» (по преданию, в 14-ти книгах), а его самого причисляли к канону пяти лучших эпических поэтов наряду с Гомером и Гесиодом. Сохранившиеся наиболее крупные отрывки (фр. 8 и 9) и примыкающие к ним фр. 5 и 11 относятся, вероятно, к пребыванию Геракла у кентавра Фола (ср. разд. III, Сгесихор, фр. 4).

Фр. 1. Предположительно речь идет о посещении Гераклом Дельфийского проориалища после убийства им своих детей от Мегары. 2. *Касталия* — источник в Дельфах; здесь: нимфы источника.

Фр. 2. Вероятно, слова некоего божества, повелевающего Гераклу служить Еврисфею (или Омфале). Пассаж о «страждущих божествах», очевидно, восходит к аналогичному пассажу «Илиады» (V, 383–415). 1. *Храмец*. — См.: «Теогония», 571 и примеч. 3. *Службу у смертного мужа...* — Говорится о службе Аполлона у Адмета.

Фр. 3 и 4. Речь идет о Немейском льве. *Бембина* — деревня близ Немеи.

Фр. 6. Речь идет о младенце Дионисе. *Фиона* («Неистовая») — имя, данное матери Диониса Семеле после ее обожествления. Здесь Фиона — не мать, а кормилица Диониса.

Фр. 7. Речь идет о Сисифе в царстве мертвых.

Фр. 12. *Тремил* — ликийский герой. 2. *Огиг* — древний царь Беотии, живший в незапамятные времена («Огигов потоп» предшествовал «Девкалионову потопу»). От имени Огига ликийцы назывались также огигиями.

Херил с о-ва Самос (2-я пол. V в.). Его поэма «Персидская война» — единственный отклик в эпосе на современное событие.

Фр. 3. Речь идет о персидском войске.

Фр. 4. Из «Перечня» народов персидского войска. *Саки* — ираноязычные племена, обитавшие в Центральной Азии.

Фр. 5. Из «Перечня» народов персидского войска. Возможно, что речь идет о так называемых «восточных эфиопах». — Ср.: Гомер, «Одиссея», V, 283; Геродот, VII, 79; 89 (возможно, III, 8). 3. ...*в горах Салимских*... Салимы — сказочный (?) народ, с которым воевал Беллерофонт.

Фр. 6. ...*с личиной свиной* — самосский корабль с изображением головы свиньи.

Фр. 8. Сказано о персах, славившихся верностью слову. Идея о ненужности клятв богам принадлежит Пифагору.

О. ЦЫБЕНКО, В. ЯРХО

ГОМЕРОВСКИЕ ГИМНЫ

Под таким названием почти в трех десятках позднесредневековых рукописей (главным образом XV в.) сохранился сборник гимнов (за исключением гимна к Деметре, обнаруженного в середине XVIII в. всего лишь в одной рукописи, хранившейся в Москве), которые неизвестный составитель архетипа этих манускриптов включил в единый кодекс вместе с гимнами Каллимаха, Прокла и так называемыми Орфическими гимнами. Название «Гомеровские» — совершенно случайное и дано сборнику, вероятно, по той простой причине, что все произведения, сочиненные дактилическим гексаметром, приписывались в древности, если не был известен другой автор, Гомеру. Что касается гимнов, исполнявшихся, в частности, на Делосе, то Геродот (IV, 35) сообщает о некоем Олене из Ликии, сочинившем для жителей Делоса гимн к Илифии (ср. гимн I, 102–116) и другие древние гимны. Спустя почти шесть столетий того же Олена с его гимном к Илифии и к другим богам несколько раз вспоминает Павсаний, считая его поэтом, жившим еще до легендарного Орфея³. Однако имел ли упомянутый Олен какое-нибудь отношение к «гомеровским» гимнам, сказать трудно. При всех расхождениях между современными филологами в датировке крупных гимнов, мало кто относит их ко времени, предшествующему середине VII в., то есть отстоящему по меньшей мере на два поколения от создания «Илиады». Да и с точки зрения языка и стиля в них видят скорее гесиодовскую, чем гомеровскую традицию. (Из мелких гимнов некоторые могут относиться к достаточно позднему времени, вплоть до эпохи эллинизма и даже Римской империи.)

Гимны, судя по всему, предназначались для открытия праздника в честь того божества, которому они посвящались, ибо, изложив его мифологическую «биографию», сказитель (рапсод) завершал ее словами:

Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

По художественному значению собранные гимны далеко не равноценны. Наиболее впечатляющими являются первые пять из них (они же — самые древние и обширные). Позднейшие часто сводятся к нескольким стихам, поминающим божество и его свойства. К сожалению, рукописная традиция крупных гимнов оставляет желать лучшего — в тексте есть лакуны, а в гимне к Деметре испорчены ст. 387–395, от которых читаются только начала. Наиболее грубые ошибки и опiski в тексте исправлены в течение нескольких веков после первого печатного издания гимнов (1488) поколениями издателей, но никто, разумеется, не стал заполнять очевидные лакуны.

Известное недоумение современного читателя может вызвать порядок гимнов — как в наиболее авторитетной, бывшей московской (M), так и в других рукописях.

³ I, 18,5; II, 13,3; V, 8,9; VIII, 21,3; IX, 27,2.

Так, например, три гимна к Дионису занимают в М 1-е, 7-е и 26-е места, два гимна к Деметре — 5-е и 13-е и т. д. Поэтому современные издатели предлагают различное размещение гимнов. Воспроизводя здесь перевод В. В. Вересаева, мы сохранили и принятую им последовательность гимнов.

В собрании своих сочинений (т. X. М., 1929) Вересаев не указал, с какого издания он делал перевод, но ясно, что оно было более критическим в отношении целостности гимнов, чем у позднейших издателей. Поэтому в публикуемом своде ликвидированы указания переводчика на лакуны там, где их, по всей вероятности, не было и где перевод позволяет сделать это безболезненно. Там, где лакуны постулируются и современными издателями, проставлены строчки многоточий.

І. К АПОЛЛОНУ ДЕЛОССКОМУ

Этот и следующий за ним гимн составляют в рукописях одно целое, и только в 1781 г. голландский филолог Д. Рункен распознал здесь два произведения: первое (гимн Аполлону Делосскому) оканчивается на ст. 178, а затем, после переходных ст. 179—181 (у Вересаева — ст. 1—3 гимна II) начинается второе (гимн Аполлону Пифийскому). Соответственно в различных изданиях либо продолжается маргинальная нумерация первого гимна, либо она начинается снова. Так поступил, в частности, и Вересаев. В датировке обоих гимнов исследователи расходятся достаточно далеко: от начала VII до начала VI в.

Ст. 13. *Радуйся, что родила...* — После этого стиха в переводе Вересаева пропущены ст. 14—18:

Радуйся ныне, Лето, что детей родила ты преславных,
Феба-царя и сестру, стреловержицу Артемиду,
Эту — в Ортигии роще, того ж — на суровом Делосе,
К Кинфской горе прислонясь, у склонов ее каменистых
Около пальмы цветущей, близ вод текучих Инопа.

И в самом деле, по традиционной версии, Аполлон и Артемида были близнецами, и странно было бы, если бы одного из них Лето родила на Делосе, а другую — в роще Ортигии неподалеку от Эфеса. Возможно, указание на это место принадлежит более позднему автору, знавшему о существовании в Ортигии знаменитого святилища Артемиды. Кроме того, ст. 19 явно примыкает по смыслу к ст. 13, поскольку обращен не к Лето, а к Аполлону.

Ст. 25. *Снетъ ли...* — У Вересаева снова пропуск — оставлены без перевода ст. 20—24

Всюду обычай есть, Феб, прославлять тебя радостной песней,
Всюду, на всех островах, на лутах, что скотину питают,
Все почитают тебя: и холмы, и высокие горы,
Реки, текущие с гор, что впадают в бездонное море.
[Гавани и берега, что спускаются к шумному морю.]

На этот раз изъятие стихов 20—23 представляется не столь убедительным (ст. 24, в сущности, повторяет ст. 23; к тому же ничего не известно о специальном культе Аполлона в прибрежных местностях и гаванях). В пользу атетезы (исключения) говорит разве только сходство со ст. 144—145.

Ст. 31. *Эгина* — остров в Сароническом заливе; *Евбея* — См.: «Труды и Дни», 651 и примеч.

Ст. 32. *Пепареф* — остров, расположенный на запад от северной оконечности Евбеи; *Пейреские Эги* — по-видимому, описка переводчика. В оригинале речь идет об Эгах (на Евбее) и Пиресиях, расположенных в Фессалии.

Ст. 33. *Фракийский Афон* — гора, завершающая один из отрогов п-ова Халкида; *Пелион*. — См.: «Каталог женщин», фр. 21, 2 и примеч.

Ст. 34. *Самофракия* — остров в северной части Эгейского моря. *Идские горы*. — Вероятно, имеется в виду гора в Трояде, у подножия которой со временем возникнет Троя.

Ст. 35. *Скирос* — См.: «Кипрские песни», фр. 15 и примеч.; *Фокея* — город на побережье М. Азии; *Автоканы* — предгорье близ Фокеи.

Ст. 36 — 38. *Имброс*, *Лемнос*, *Лесбос*, *Хиос* — большие острова в северо-восточной части Эгейского моря. Лесбос назван *Эолиона Макара обителью*, так как, по преданию, он был заселен под руководством некоего Макара, сына Эола.

Ст. 39. *Мимант* — гора на малоазийском побережье, напротив северной оконечности Хиоса; *Корик* — вероятно, имеется в виду Корикий — гора на том же побережье, но против южной оконечности Хиоса.

Ст. 40–44. Продолжается описание скитаний Лето в восточной части Эгейского моря (посещение городов *Кларос* с горой *Эсагией*, *Милета*, *Книда*, островов *Самос* с расположенным напротив мысом *Микале*, *Коса*, *Карпафа*), откуда она возвращается в центр Кикладских островов (*Наксос*, *Парос* — южнее Делоса, *Рения* — соседний с ним остров). 42. Меровы. — См.: «Меропида».

Ст. 47. *Но трепетали все земли...* — так как Гера из ревности запретила всякой земной тверди давать прибежище Лето, беременной от Зевса (ср. 97–101). Впрочем, ниже приводятся и другие доводы (66–73).

Ст. 57. *Гекатамбы* — сначала жертвоприношение одной сотни быков, затем — вообще обильная жертва.

Ст. 62. *Кой*. — См.: «Теогония», 404–408.

Ст. 85. *Стикс*. — См.: «Теогония», 775–806.

Ст. 87. *Фебов душистый алтарь*. — В историческую эпоху храм Аполлона на Делосе являлся одним из его главных общеэллинских святилищ. См. 146–164.

Ст. 93. *Фемиды*. — См.: «Теогония», 16, 901. *Ихния* — то есть почитаемая в городе Ихны в фессалийской Фтиотиде, считавшейся местом рождения Ахилла.

Ст. 94. *Рейя*, *Амфитрита*, *Диона*. — См.: «Теогония», 135, 453–458; 244; 17. Здесь Амфитрита выступает, очевидно, не как одна из Нереид, а как супруга Посейдона.

Ст. 96 в переводе пропущен:

Ибо в чертогах она оставалась сбирателя молний.

Некоторые издатели считают этот стих поздней вставкой, близкой по смыслу к ст. 98.

Ст. 97. *Илифия*. — См.: «Теогония», 922.

Ст. 102. *Ирида*. — См.: «Теогония», 266, 780–787.

Ст. 124 сл. *Нектар*, *амвросия* — бестелесная пища богов. Ср.: «Теогония», 640, 642, 796; «Каталог женщин», фр. 12, 21–23.

Ст. 131. *...любезную лиру*. — Версия, находящаяся в противоречии с гомеровским гимном к Гермесу, где Аполлон получает лиру в подарок от своего младшего брата, см. 476–490.

Ст. 136–138. Стихи, пропущенные в некоторых рукописях, изымаются и отдельными современными издателями:

¹³⁶ Поросль узревши Лето и владыки Зевеса-Кронида,
В радости, что Аполлон избрал его собственным домом
Средь островов и земель, возлюбив его всею душою.

Серьезных доводов в пользу сохранения или изъятия этих стихов нет.

Ст. 146–150. Стихи эти цитирует в своей «Истории» Фукидид (III, 104), однако с некоторыми лексическими отклонениями от текста, зафиксированного рукописями. Возможно, существовали разные редакции гимна и Фукидиду была известна более древняя.

Ст. 172. *Обитает на Хиосе он...* — слова, в которых видели намек на Гомера. Вернее, однако, предположить, что Делос посещал (и, возможно, является автором гимна) кто-нибудь из представителей школы рапсодов, существовавшей на Хиосе.

II. К АПОЛЛОНУ ПИФИЙСКОМУ

Ст. 1. *Ликия*. — См.: «Каталог женщин», фр. 47, 16 и примеч.; *Меония* — область в М. Азии, первоначально тождественная всей Лидии, затем ее части, примыкающей к Мисии и Фригии.

Ст. 4. *Пифон* — См.: «Теогония», 499 и примеч.

Ст. 7. *Плектр* — палочка для извлечения звука из струнных музыкальных инструментов.

Ст. 16–17. *Хариты*, *Оры*, *Гармония*, *Геба*. — См.: «Теогония», 907–911; 902; 937; 922, 953.

Ст. 23. *Аргоубийца*. — См.: «Труды и Дни», 67 и примеч, 77. *Кифара* — струнный музыкальный щипковый инструмент, разновидность лиры.

Ст. 31–32. *Азанова дочь* — Коронида, забеременевшая от Аполлона Асклепием, но затем отдавшаяся *Исхию*, сыну *Елатиона*, и за это сраженная стрелой Артемиды. Еще не рожденного Асклепия Аполлон извлек из ее чрева.

Ст. 33. *Форбант* — кулачный боец, побежденный Аполлоном; *Амаринф* — персонаж неизвестный.

Ст. 34. *Левкипп* — здесь, вероятно, сын элидского царя Эномая, а жена его — Дафна, но ст. 33–35 очень испорчены, и роль Дафны неясна.

Ст. 38. *Пиерия*. — См.: «Теогония», 53 и примеч.

Ст. 39–40. Путь Аполлона не очень последовательно пролегает через Северную и Среднюю Грецию: *Лакмиос* — сев. склон горы Пинд, отделяющей Фессалию от Македонии; пограничная между ними область — земля *перребов*; *Эниены* — область в Фессалии, а *Лакмиос* — в Македонии. *Иолк*. — См.: «Теогония», 997 и примеч. Впрочем, и Лакмос и *Эмафия* — результат конъектур. В рукописях читается «песчаный Лект», что не решает проблемы, так как Лект был известен как мыс по соседству с Троей.

Ст. 42. *Лелантская равнина*. — См. вступительную заметку к Гесиоду.

Ст. 44. *Евфип* — пролив между Евбеей и Беотией.

Ст. 46. *Микалесс* — город, *Тевмесс* — гора в Беотии.

Ст. 52. *Онхест* — город в Беотии. Что касается ст. 52–60, то Вересаев делает к ним следующее примечание: «Место очень темное, различно толкуемое. Несомненно только то, что речь идет о колесницах, которые приносились в дар богу Посейдону. По-видимому, с этим был связан обычай, что лицо, приносящее такой дар, перед въездом в священную рощу сходило с колесницы и лошади одни, без управления, должны были везти ее в рощу. В том, куда направлялись лошади, могло заключаться знамение, принимает ли Посейдон милостиво приносимый дар или нет».

Ст. 62–66. *Кефис* — здесь: река в Беотии; *Лелея* — город в Фокиде, в верхнем течении Кефиса; *Окалейские башни* — собств., «многобашенную Окалею» — город в Беотии; *Галиарт* — город в Беотии; *Тельфуса* — нимфа и одноименный источник в Беотии.

Ст. 71. *Гекатамбы*. — См. гомеровский гимн к Аполлону Делосскому, 57 и примеч.

Ст. 91. *Криса* — город в Фокиде.

Ст. 95. *Изпеан* — наименование Аполлона, образованное из культовых восклицаний «Иэ! Пеан!»

Ст. 100. *Город флегийцев*. — Флегийцы — народ, обитавший в Фокиде.

Ст. 102. *Болота кефисийские* — вероятно, в Аттике, где течет река Кефис.

Ст. 118. *Трофоний с Агамедом* — сыновья орхоменского царя Эргина; по другим версиям, Трофоний — сын Агамеда или самого Аполлона, славившийся прорицательским даром. После его смерти почитался как местный герой в знаменитом пророческом святилище в Лебадии (Беотия).

Ст. 122. *Прекраснотруистый родник* — Кастальский ключ, берущий начало на Парнасе и протекающий мимо Дельфов.

Ст. 123. *...дракон умерщвлен...* — Пифон, сын Ареса, сраженный Аполлоном.

Ст. 128. *Тифаон*. — По-видимому, вариант мифа о Тифее (см.: «Теогония», 820–880), хотя из гимна неясно, каким образом он покинул Дельфы и где нашел себе прибежище.

Ст. 190. *Химера*. — См.: «Теогония», 320–324.

Ст. 191. *Гиперион*. — См.: «Теогония», 1011; здесь, однако, Гиперион — эпитет самого Гелиоса.

Ст. 193–195. Игра слов, основанная на сходстве имени Пифона (Python) с глаголом *pytho* «сгнаивать». Ср. выше, 185, 190.

Ст. 215. *Кнос* — город на Крите, столица легендарного царя Миноса.

Ст. 218. После этого стиха в переводе пропущены еще три:

Жертвы свершали, приказы ему возвещали от бога,
С луком златым Аполлона, что их изрекал непреложно.
Этот ответ получали у лавра в долине Парнаса.

Стихи явно поздние: Аполлон только собирается учредить свое прорицалище, и критские моряки еще не могут знать об этом и плыть, чтобы услышать его пророчества.

Ст. 230–233. *Нот*. — См.: «Теогония», 380; *Малея* — мыс на юго-восточной оконечности Пелопоннеса (земли *Лаконской*); *Гелос* — город на северном берегу Лаконского залива; *Тенар* — мыс на его западной оконечности.

Ст. 244–255. Довольно путанный маршрут. Некоторые из географических названий совершенно неизвестны, другие позволяют представить себе, что корабль шел вдоль западного берега Пелопоннеса, мимо *Пилоса*, *Халкиды*, *Крун*, *Фриоса* (названного не на своем месте), *Димы* (на северо-западном берегу Ахей) к *Крисе* (см. примеч. к ст. 91). *Итака*, *Дулихий*, *Сам* и *Закинф* — острова в Ионическом море, опять названные в странном порядке: мимо Закинфа корабль должен был пройти гораздо раньше, так как остров лежит напротив Элиды. Следовательно, либо автор гимна плохо знал географию западной Греции, либо ст. 247–252 — поздняя вставка. *Крисейский залив* — Коринфский.

Ст. 318. ...*Жертвенник этот дельфийский*. — На самом деле между Дельфами и дельфином нет этимологически ничего общего. Это игра слов (ср. примеч. к ст. 193–195) в духе народной этимологии.

Ст. 322. *Пean* — первоначально благодарственная культовая песнь в честь Аполлона-исцелителя, затем — его сына, бога-врачевателя Асклепия (см.: разд. III, *пеан* Исила).

III. К ГЕРМЕСУ

Похождения героя гимна — хитреца и пройдохи Гермеса — делают вероятным «низовое» происхождение этого гимна, рассчитанного на крестьянскую аудиторию Средней Греции. Временем его создания считают обычно последнюю четверть или конец VI в. Хотя местом рождения Гермеса является Аркадия в Пелопоннесе, он гонит стадо Аполлона из Пиерии через Онхест в Беотии: не был ли автором гимна рапсод из этой области, обязанный Гесиоду также некоторыми стилистическими особенностями текста?

Ст. 3. *Киллена*. — См.: «Каталог женщин», фр. 61 и примеч.

Ст. 11 выпущен Вересаевым без достаточных оснований:

Месяц десятый сменился на небе, пространно лежащем.

Ст. 12–13 сведены в переводе в один ст. 13.

Ст. 25 выпущен:

Из черепахи хитро смастеривши певучую лиру.

Ст. 36. Стих, известный из «Трудов и Дней» (365), но здесь употребленный иронически.

Ст. 37. ...*защитой от чар вредоносных*... — Черепахам приписывалась способность защищать дом от порчи.

Ст. 68. *Гелий меж тем ... опустился...* — Древние греки представляли себе заход солнца таким образом, что колесница Гелиоса опускается в Океан, где он омывает утомившихся за день коней, а затем переправляется вместе с ними в ладье на восток, чтобы назавтра снова взойти на небе.

Ст. 85 выпущен:

Сзади оставив Пиерию, славный Аргоубийца

Ст. 99—100⁴. Пропущены стихи, подозрительные из-за генеалогии Селены (ср.: «Теогония», 19, 371):

Только что вышла с дозором на небо Селена-богиня,
Дочь Палланта-царя, Мегамедова славного сына.

Однако большинство издателей оставляют эти стихи в тексте, считая их отголосками местного сказания.

Ст. 101. *Алфей* — река, протекающая через Элиду.

Ст. 107. *Кипер* — осоковое растение.

Ст. 111 пропущен:

Так даровал он огонь и средство к его добыванью.

Действительно, изобретателем огня считался не Гермес, а Прометей; кроме того, остается неясным, каким образом из очищенной ветки лавра явился огонь.

Ст. 125. *И до сих пор еще...* — Один из примеров того, как причудливые очертания гор объясняются каким-нибудь древним событием.

Ст. 128. *...на двенадцать частей* — по числу олимпийских богов.

Ст. 141. Выпущен стих, оставляемый в тексте большинством издателей:

Светом же ярким своим озаряла окрестность Селена.

Ст. 148—149. Выпущены стихи, оставляемые в тексте современными издателями:

Только в пещеру вступил, к очагу, обильному снедью,
Шагом направился легким, не топая громко ногами.

Ст. 167. *...скотоводничать вместе с тобою.* — Одной из функций Гермеса, почитаемого в Пелопоннесе, было покровительство стадам и пастушеству.

Ст. 184. *Эос.* — См.: «Теогония», 371.

Ст. 187. *Земледержатель.* — См.: «Великие Эои», фр. 5, 2 и примеч.

Ст. 221. *...луг асфodelьный.* — Асфodelь — растение из семейства лилейных с крупными белыми цветами. В Греции асфodelи занимают иногда большие пространства на влажных лугах. Когда они цветут, луга кажутся как бы покрытыми снегом. — В. В.

Ст. 259. *...погибших людей провожая.* — Еще одна функция Гермеса — сопровождать в Аид души умерших, в соответствии с чем он и назывался «психопомп» — «проводящий душ» (ср. 572). Но, исполнив свою работу, он, разумеется, возвращался на землю.

Ст. 409—415. Издатели постулируют здесь лакуны либо после 409 и 415, либо только после 415. В любом случае на своем месте остается пропущенный В. Вересаевым ст. 412:

Легкою ношей; коровы же все оказались на месте.

Ст. 416. *Спрятать пытаясь.* — По-видимому, в лакуне шла речь о лире, с которой Гермес не расставался.

Ст. 500—504 пропущены Вересаевым по непонятной причине:

⁴ Перевод ст. 25 и 99 — 100 заимствован из примечаний в издании 1963 г.

Сын преславный Лето, владыка далекоразящий,
Плектром попробовал струны, и лира под пальцами бога
Сладко звучала, а он прекрасной отвечал песней.
Стадо оставив пастись на лугу, божеством освященном,
Оба Зевесовых сына, прекрасные ликом, обратно

Ст. 543–544. ...*доверясь / Лёту и голосу птицы...* — См.: «Труды и Дни», 828.
Ст. 551. *Эгиох* («державший эгиду») — эпитет Зевса.

IV. К АФРОДИТЕ

По языку, использованию целых стихов, полустихий, формул — самый «гомеровский» из гимнов. В нем насчитывается всего 23 слова, не встречающихся у Гомера (в гимне к Гермесу их 190). Временем создания считают конец VII — начало VI в.

Ст. 6. *Киферея*. — См.: «Теогония», 198 и примеч к ст. 192.

Ст. 23. ...*Снова ж потом и последнорожденная валею Зевса*. — Крон, боясь, что дети свергнут его с небесного престола, проглатывал каждого своего ребенка немедленно по его рождении. Жене его Рее удалось скрыть от мужа последнего своего ребенка — Зевса. Когда Зевс вырос, он победил Крона и заставил его извергнуть обратно проглоченных детей. «Первороденная» Гестия, проглоченная первой, естественно, была извергнута обратно последней. Поэтому она названа во второй раз «последнорожденная» (В. В.).

Ст. 53. *Анхис* — сын Каписа и Фемиды, в будущем — царь Дардана в Троаде.

Ст. 61. *Хариты*. — См.: «Теогония», 64, 907–911.

Ст. 63 пропущен в переводе:

Нежным, нетленным, нарочно надушенным для Киферей.

Современные издатели оставляют его в тексте.

Ст. 94. *Фемида*. — См.: «Теогония», 16, 901.

Ст. 111. *Отрей* — фригийский царь.

Ст. 112. *Фригией* в те времена называли область, расположенную по северному берегу Мраморного моря и граничащую на западе с Троадой. Позднее и Троаду нередко называли Фригией.

Ст. 177. *Дарданид* — Анхис.

Ст. 196. *Над троянцами он воцарится*. — Собственно, Эней не был царем Трои, но, возможно, политическая цель гимна как раз состояла в том, чтобы утвердить за Энеадами право на царский трон в Трое.

Ст. 198. Очередная игра слов: *Aíneías* («Эней») — *aínós* («ужасный»). См. гимн к Аполлону Пифийскому, 318 и примеч.

Ст. 202. *Ганимед* — троянский царевич, сын Троса (см. 207).

Ст. 218. *Тифон* — брат троянского царя Приама, которому Эос выпросила у Зевса бессмертие, забыв прибавить просьбу о его вечной молодости.

Ст. 263. *Силены* — демоны плодородия.

Ст. 276–277. Пропущенные стихи, которые, однако, сохраняют современные издатели:

Я же, как только душою со всем, что случилось, управлюсь,
Снова на пятом году посещу тебя с сыном любезным.

Ст. 280. *Илион*. — См.: «Каталог женщин», фр. 12, 19 и примеч.

V. К ДЕМЕТРЕ

Сохранился в единственной рукописи XIV в., обнаруженной в 1780 г. в Москве (в настоящее время — в Лейдене). Датируется по археологическим, лингвистическим и религиозным признакам скорее всего последней четвертью VII в.

Ст. 2. *С дочерью тонколодыжной* — то есть с Персефоной. См.: «Теогония», 768, 912–914.

Ст. 9. *Полидект* («многих принимающий») — то есть Аид. Ср. ст. 18: *Гостеприимец-владыка* — он же.

Ст. 17. *Нисийская равнина* — название, которое носили многие местности от Кари (в М. Азии) до Сицилии.

Ст. 25. *Геката*. — См.: «Теогония», 410–452.

Ст. 37. В лакуне после этого стиха, вероятно, описывалось, как Персефона увидела вход в подземное царство и громко возопила.

Ст. 47. *Део* — прозвище Деметры.

Ст. 86. *...как натрог братья делились*. — После свержения Крона Зевс, Посейдон и Аид бросили жребий, по которому земля и небо достались Зевсу, морская гладь — Посейдону, а подземное царство — Аиду. См.: «Илиада», XV, 189–193.

Ст. 97. *Элевсин* — поселение примерно в 20-ти км к северо-западу от Афин, древнейший центр культа Деметры, известный своими мистериями. Объяснение истории их учреждения составляет одну из задач гимна.

Ст. 126. *Форикос* — город на побережье Аттики, севернее мыса Суний.

Ст. 154. *Евмолп* — в будущем родоначальник элевсинских жрецов-евмолпидов.

Ст. 188–189. *...и достала до потолка головой...* — Ср. IV гимн к Афродите, 173 сл.

Ст. 202–205. Имя *Ямбы* ассоциируется здесь со стихотворным размером, принятым, в частности, в культовых песнях.

Ст. 209. *Полей* — разновидность мяты.

Ст. 211. *...стал напиток обрядным*. — Подразумевается кикен, который пили участники Элевсинских мистерий.

Ст. 262. *Керы*... — См.: «Теогония», 217.

Ст. 267. *...Против афинян вчинять...* — Вересаев перевел по конъектуре *Athenaiois* при рукописном *en allélois* («друг с другом»). Речь идет, вероятно, о каком-то ритуальном состязании.

Ст. 272. *Каллихор* — священный колодец в Элевсине.

Ст. 310. *...племня... людей, говорящих раздельно...* — в отличие от животных, издающих нечленораздельные звуки.

Ст. 335. *Эреб*. — См.: «Теогония», 123 и примеч.

Ст. 386. *Менада* (букв.: «обезумевшая»). — Менады обычно составляли свиту Диониса.

Ст. 399. *...Третью будешь ты часть проводить...* — Персефона, отождествляемая с хлебным зерном, должна находится под землей, пока прорастает озимый урожай, и выходить на свет, когда пробивается колос, то есть с началом весны.

Ст. 404. *Полидегмон* — «многих принимающий». (Ср. примеч. к ст. 9.)

Ст. 450. *Рафион* — поселение на равнине близ Элевсина.

Ст. 489. *Плутос* — бог богатства. См.: «Теогония», 969.

Ст. 491. На *Паросе* (остров из группы Кикладских) и в *Антфоне* (в Фессалии) находились древнейшие святилища Деметры.

VI. К АФРОДИТЕ

Гимн интересен тем, что, не отрицая связи Афродиты с Кипром и Киферами, автор избегает натуралистических подробностей ее происхождения, известных из «Теогонии», 189–201. По содержанию — призыв к богине перед состязанием поэтов на празднике в ее честь. Ср. гимн X.

Ст. 4. *Зефир*. — См.: «Теогония», 380 и примеч., 870.

Ст. 5. *Оры*. — Там же, 902 и примеч.

Ст. 9. *Золотомедь* (орихалк) — судя по составу слова, добываемая в горах желтая медь; в позднее время — сплав меди с цинком.

VII. ДИОНИС И РАЗБОЙНИКИ

Различные исследователи датируют гимн очень широкой временной амплитудой: от рубежа VII — VI до середины III в. до н. э. Наиболее вероятным временем его создания кажется конец V — начало IV в.: в «Киклопе» Еврипида (11–14) впервые рассказывается о пленении Диониса пиратами, в «Вакханках» (443–448) с его спутниц сами собой спадают узы. Место создания — возможно, Атика. Ср. гимны XXVI и XXXIV.

Ст. 8. *Мужи тифренские* — вероятно, этруски.

Ст. 29. *Гиперборейцы*. — См.: «Каталог женщин», фр. 51, 21 и примеч.

Ст. 39–40. *Лозы и плющ* — постоянные атрибуты Диониса, увивающие его тирс (скипетр).

VIII. К АРЕСУ

По своему характеру гимн явно не является зачином праздника, по языку отличен от гомеровского, по накоплению эпитетов в ст. 1–10 ближе всего к так называемым орфическим гимнам и попал в число гомеровских только по ошибке составителя или переписчика какой-нибудь из ранних рукописей. К тому же датируется он не ранее IV — V в. н. э. — эпохи синкретизма религиозных верований и свободного перенесения на одних богов свойств, больше присущих другим.

Ст. 2. *Оплет городов* — постоянное качество Афины (ср. гимн XI, 1; XXVIII, 3); ее же обычно ассоциируют с *Победой* (Никой, 4), а отнюдь не Ареса — бога жестокого убийства.

Ст. 7–8. *Меж семипутиных светил...* — Каждой планете античная астрономия выделяла свою сферу; Марс помещался на третьей, начиная отсчет от Сатурна.

IX. К АРТЕМИДЕ

Маленькое вступление к празднованию, которое считают достаточно древним (VII в.), поскольку в нем находят подтверждение связям, возникшим между прибрежными городами М. Азии: *Смирной* (4) и *Кларосом* — недалеко от Эфеса (см. гимн I, 40 и примеч.). Ср. гимн XXVII.

Ст. 3. *Мелит* — река в М. Азии, близ Смирны.

X. К АФРОДИТЕ

Ни время, ни место создания гимна неизвестны.

Ст. 4. *Саламин* — город на Кипре.

XI. К АФИНЕ

Довольно неуклюжее творение (в оригинале в ст. 3–5 семь раз повторяется соединительный союз *te*), время и место создания которого неизвестны. Ср. гимн XXVIII.

Ст. 1. *Паллада* — эпитет Афины, остающийся до сих пор необъясненным. Сами греки производили его либо от имени убитого ею великана Палланта, чьей шкурой она прикрывалась во время битвы богов с гигантами (см. примеч. к «Меропиде»), либо от ее изображения — палладия, хранившегося в ее троянском храме, либо — в духе народной этимологии — от глагола *πάλλω* «прыгнуть, прыгнуть»: Афина «прыгнула» в битву с гигантами (ср. разд. III, Стесихор, фр. 30).

ХII. К ГЕРЕ

Дошедшие 5 стихов производят впечатление начала гимна, большая часть которого утрачена. К «генеалогии» Геры, «сестры и супруги» Зевса, см.: «Теогония», 453 сл., 921–923.

ХIII. К ДЕМЕТРЕ

Центон, в котором ХIII,1 = V,1; ХIII,2 = (в оригинале) V, 493; ст. 3 заимствован из гимна к Деметре Каллимаха, ст. 134. Стало быть, время создания — не ранее III в. до н. э.

ХIV. К МАТЕРИ БОГОВ

Матерью богов называли либо Рею (ср. «Теогония», 453), либо малоазийскую (фригийскую) богиню Кибелу, изображаемую часто в колеснице, запряженной львами, и в сопровождении свиты, вооруженной *трещотками*, *бубнами* и *флейтами* (ср. ст. 3 сл.). Гимн считается достаточно древним (V – IV в.). Ср. гимн Матери богов в разделе «Мелика».

ХV. К ГЕРАКЛУ ЛЬВИНОДУШНОМУ

Ни время, ни место создания гимна неизвестно. Определение в заглавии — очень позднего происхождения, возможно, византийского. См.: «Щит Геракла», 27–36, 48–56.

Ст. 4. *Еврисфей* — микенский царь, на службе у которого Геракл совершил свои 12 подвигов.

Ст. 8. *Геба*. — См.: «Теогония», 950–953.

ХVI. К АСКЛЕПИЮ

Култ Асклепия, возникший очень рано в Фессалии, распространился после V в. в Афинах, Эпидавре и других городах Греции, чем затрудняется датировка гимна. Ср. пеан Исилла и гимн неизвестного автора Асклепию в разделе III.

Ст. 3. *Дотийская равнина*. — См.: «Каталог женщин», фр. 27 и примеч.

ХVII. К ДИОСКУРАМ

Кастор и Полидевк (Диоскуры — «юноши Зевса»), сыновья Леды, по земному отцу названы *Тиндаридами*, сыновьями спартанского царя Тиндарея. В отличие от гимна ХХХIII гимн ХVII представляет собой краткое вступление к празднеству.

Ст. 3. *Тайгет* — горная цепь на Пелопоннесе, между Спартой и Мессенией.

ХVIII. К ГЕРМЕСУ

Краткое вступление к празднеству, повторяющее начальные стихи гимна III. В оригинале ст. 2–3, 5–9 почти буквально повторяют соответствующие стихи гимна III.

ХІХ. К ПАНУ

Наиболее поздний из сравнительно крупных гимнов, датируемый александрийской эпохой, то есть III в. до н. э. Ср. гимн неизвестного автора к Пану в разделе III.

Ст. 34. *К дочери Дриопы* — то есть одной из нимф-дриад (от греч. *dryas* — «дуб»).

Ст. 47. *Всех ... Панами*. — Очередной пример народной этимологии, хоть и восходящей к Платону (Кратил, 408 d): *pan* — по-гречески «всё».

ХХ. К ГЕФЕСТУ

Наиболее вероятное назначение гимна — вступление к празднику в честь Гефеста, учрежденному в Афинах в последние десятилетия V в.

О рождении Гефеста см.: «Теогония», 927–929; об участии (вместе с Афиной) в создании Пандоры — «Труды и Дни», 60–64; о его кузнечном и ювелирном искусстве — «Щит Геракла», 123, 244, 297, 313.

ХХІ. К АПОЛЛОНУ

Прославление Аполлона ассоциируется с песнью лебедя в «Птицах» Аристофана, 769–776. Если эти стихи навеяны коротким гимном к Аполлону, то его наиболее вероятная дата — 20–10-е годы V в.

Ст. 2. *С водоворотов Пенейских...* — Пеней — река в Фессалии.

ХХІІ. К ПОСЕЙДОНУ

Ни время, ни место создания гимна неизвестны.

Ст. 3. *На Геликоне царит...* — Почитание Посейдона на Геликоне — отражение его древней функции «земледержателя» (ср. гимн III, 187). *Эли*. — Под этим названием были известны три города в Греции: в Македонии, в Ахее и на о-ве Евбее. Здесь имеется в виду один из двух первых, известных как место культа Посейдона.

Ст. 5. *Диких коней укрощать...* — Связь Посейдона как хтонического бога с конем — очень древняя, как и его власть над морем (*спасать корабли от крушения*).

ХХІІІ. К ЗЕВСУ

Гимн скорее всего позднего происхождения.

Ст. 3. *Фелида*. — См.: «Теогония», 901–906.

ХХІV. К ГЕСТИИ

Дата неизвестна. Ср. гимн ХХІХ.

Ст. 1. *Дом священный* — храм Аполлона в Дельфах.

Ст. 4. *Этот ... дом посети...* — загадочный стих: если Гестия уже охраняет храм Феба, зачем призывать ее снова? Может быть, в гимне объединились отрывки из гимнов, обращенных к Гестии как обитательнице храма в Дельфах (1–3) и как покровительнице всякого домашнего очага.

ХХV. К МУЗАМ И АПОЛЛОНУ

Цейггон, в котором ст. 2–5 целиком повторяют ст. 94–97 из «Теогонии».

XXVI. К ДИОНИСУ

Место создания — возможно, Атика, и назначение гимна — открытие праздника сбора урожая (ср. ст. 12). Ср.: гимн VII.

Ст. 1. *...венчанного хмелем...* (ср. ст. 9) — В оригинале: «плющом». Ср. гимн VII, 39–40 и примеч.

Ст. 4–5. *...от владыки-отца...* — Зевс извлек не доношенного Семелой Диониса из ее чрева и зашил себе в бедро. После рождения младенца он отдал его на воспитание нимфам, жившим у горы *Нисы* (в Индии?).

XXVII. К АРТЕМИДЕ

Гимн относят к началу VI в. и находят в нем влияние обоих гимнов к Аполлону. Ср. XXVII, 5–10 и I, 1–12; XXVII, 18–20 и II, 11–12. По-видимому, гимн должен был составить параллель к гимну Аполлону Пифийскому.

XXVIII. К АФИНЕ

Гимн считается одним из древних (ок. 580 г.) и предназначенным для праздника Панафиной. О рождении Афины из головы Зевса см. «Теогония», 886–900, 924–926.

Ст. 1. *Паллада*. — См. гомеровский гимн XI, 1 и примеч.

Ст. 13. *Гиперионов сын*. — См. Евмел, фр. 2, 3 и примеч.; гимны V, 26 сл.; XXXI.

XXIX. К ГЕСТИИ

Дата гимна не устанавливается, хотя и не отрицается его сравнительно раннее происхождение. Обращает на себя внимание объединение Гестии, хранящей очаг, то есть внутренние покои храма (и всякого дома), с Гермесом (7 сл.), стерегущим дом снаружи.

Ст. 10–12. Текст испорчен и переведен по общему смыслу.

XXX. К ГЕЕ, МАТЕРИ ВСЕХ

Гимн относят к первым десятилетиям VI в. и находят в нем отражение гомеровского гимна к Деметре. В самом деле, функции Земли — кормилицы всего живущего на ней — больше соответствуют образу Деметры, чем Геи как пространственной характеристики Земли. О возникновении Геи см.: «Теогония», 117–118.

Ст. 7–8. *Блажен между смертных...* — Ср. гомеровский гимн к Деметре, 486–489.

Ст. 12. *...правят по добрым законам.* — Ср. «Труды и Дни», 225–237, особенно 235.

Ст. 17. *...мать богов...* — определение, обычно прилагаемое к Рее. См. гимн XIV и примеч. *...жена ... Неба* — то есть Урана. См. «Теогония», 132–138, 176–178.

Ст. 18–19. *...жизнь ниспошли...* — Ср. гомеровский гимн к Деметре, 494–495.

XXXI. К ГЕЛИОСУ

Этот гимн, как и следующий за ним гимн к Селене (XXXII), симметричны и по величине, и по объектам изображения: солнце освещает землю днем, луна — ночью. Соответственно делают вывод либо об общем авторе, либо о влиянии гимна к Гелиосу на гимн к Селене (ср. XXXI, 11 и XXXII, 5 — в оригинале их сходство еще

отчетливее; XXXI, 18–19 и XXXII, 18–19). Увлечение в первом из них мифологической генеалогией выдает достаточно позднее время создания — во всяком случае не ранее александрийской эпохи.

Ст. 1. *Каллиопа* — муза эпической поэзии. См.: «Теогония», 79 сл.

Ст. 2. *Эйрифаесса* («широко сияющая») — имя больше нигде не встречается. По «Теогонии», 371, Гелиос — сын Фейи, равно как *Селена* и *Эос* (6).

Ст. 16. *...в Океан опускается...* — См. гомеровский гимн к Гермесу, 68.

XXXII. К СЕЛЕНЕ

Ст. 1. *О длиннокрылой...* — Эпитет, нигде более к Селене не применяемый.

Ст. 15. *Пандия* — в других источниках как дочь Селены не указывается; возможно, это эпитет самой Луны («сияющая»).

XXXIII. К ДИОСКУРАМ

Гимн относится к VI в. и, видимо, более других считался «гомеровским»: Феокрит в своем эпилии «Диоскуры» (идиллия XXII), написанном явно под влиянием этого гимна, говорит, что Диоскуров уже прославил некогда «Хиосский певец», под которым однозначно подразумевался Гомер. В отличие от короткого гимна XVII здесь достаточно обстоятельно описывается одна из основных функций Диоскуров: оказывать помощь терпящим бедствие в море (5–16).

XXXIV. ОТРЫВКИ ГИМНА К ДИОНИСУ

Первые девять стихов сохранились в «Истории» Диодора Сицилийского (III, 66, 3), вторая часть — в начале той же московской рукописи, что и гимн к Деметре. По расчетам одного из исследователей, сохранилась примерно одна десятая часть гимна. Обращает на себя внимание опровержение различных версий мифа, не согласующихся с традиционной (1–6, 17, 20; ср. гимн XXVI, 4–5 и примеч.).

Ст. 1. *Дракан* — мыс на о-ве Икарии (*Икаре*) у побережья М. Азии.

Ст. 2. *Наксос*. — См. гимн к Аполлону Делосскому, 44 и примеч. *Алфей*. — См. гимн к Гермесу, 101 и примеч.

Ст. 21. *Фиона*. — См.: Паниасид, фр. 6 и примеч.

ПЕСНЬ ГОНЧАРОВ

Под этим условным названием приводится текст анонимного автора (вероятно, VI в.), который в древности приписывали и Гомеру, и Гесиоду. По существу, это «гимн наоборот» — безымянный певец обещает помощь Афины-Эрганы, то есть покровительницы ремесленников, если ему будет обеспечена награда, и грозит гневом мелких демонов в противоположном случае. Таким образом, гимн постепенно переходит в заклинание.

Ст. 15. *Кирка* — волшебница, опоившая зельем спутников Одиссея; почему она должна вмешиваться в отношения автора с гончарами, неизвестно.

Ст. 18. *Тех, что избегли Геракловых дланей...* — Имеется в виду сражение Геракла с кентаврами, из которого он вышел победителем. Чтобы предводительствовать ими, меньше всего годится *Хифон* (ст. 17), выделявшийся среди диких и необузданных кентавров своей спокойной мудростью.

В. ЯРХО

ФИЛОСОФСКИЙ ЭПОС

Парменид из Элеи в Южной Италии (конец VI — начало V в. (ок. 540—470? ок. 520—450?). Его поэма «О природе» (в которой он называет себя «юноша», фр. 1, 24), соответственно написана, видимо, в самом начале V в. По Пармениду, истинно существует только Бытие, бесконечное, безначальное, неделимое, бескачественное, равное самому себе, постигаемое только мыслью (тождественное мысли), не имеющее иных атрибутов, кроме того, что оно есть; этому посвящена первая часть поэмы («Мир Истины»), сохранившаяся в уцелевших отрывках, по-видимому, в очень значительной части. Множественный мир отдельных вещей, возникающих из смешения света и тьмы, существует лишь в ложных представлениях людей, опирающихся не на разум, а на ощущения, и допускающих в Бытии подобную разнокачественность («Мир Мнения»); этому посвящена вторая, хуже и отрывочнее сохранившаяся часть поэмы.

Фр. 1. Поэт в сопровождении богинь — дочерей Солнца является к Богине Правде, и она возвещает ему учение Истины.

Фр. 6. 5. *Люди о двух головах...* — Выпад против последователей Гераклита с его диалектикой единства противоположностей.

Фр. 8. 37. *Мойра* — у Парменида — олицетворение порядка природы (как и Неизбежность во фр. 10). *Шар* (43) избран символом равного себе Бытия, по-видимому, потому, что он один сохраняет равновесие, будучи поставлен на любую свою точку.

Фр. 10. 2—3. *...светоч ... незримость творит...* — имеются в виду затмения Солнца; 4. *...труд ... Селены* — фазы Луны.

Фр. 11. 2. *Небесное млеко* — Млечный Путь. 3. *Крайний Олимп* — небесный свод.

Фр. 17. Речь идет о зачатии в женской матке.

Фр. 18. Отрывок сохранился в пересказе латинского медика Целия Аврелиана (V в. н. э.), отсюда римские имена (*Венерино семя*). 6. *...двояким семенем страждет...* — То есть рождается гермафродитом.

Эмпедокл из Акраганта в Сицилии (V в.). «Расцвет» его творчества греческие биографы условно относили к 444—441 гг. Он был политическим деятелем, врачом и поэтом, а в подражание Пифагору старался держаться пророком и полубогом; об этом ходило много легенд. Написал две поэмы общим объемом ок. 5000 строк (может быть, преувеличено): «О природе», с изложением собственного учения о строении мира, и «Очищения», с изложением пифагорейского учения о переселении душ, возмездии и искуплении. Эмпедокл представлял Бытие не единым, а состоящим из 4-х стихий — Огня (Солнца, Гепфеста), Воздуха (Эфира и пр.), Воды (Моря и пр.) и Земли, над которыми властвуют две силы — Любовь (Афродита) и Раздор (Гнев, Вражда); под влиянием Любви все стихии сливаются в единый шар-Сферос (образ парменидовский), под влиянием Раздора вновь разделяются, и этот круговой цикл повторяется вновь и вновь.

Из поэмы «О ПРИРОДЕ»

Фр. 1. *Павсаний* — возлюбленный Эмпедокла и адресат его поэмы, ближе неизвестен.

Фр. 3. 11. *...языка показаниям...* — то есть вкусу (а не слову).

Фр. 6. *Зевсом* здесь Эмпедокл называет Огонь, *Аидоном* — Землю, *Герой* — Воду, *Нестис* (темное мифологическое имя) — Воду.

Фр. 14. 3. *...двояко рожденье, двояка и гибель...* — в зависимости от того, находится ли мир на стадии перехода от царства Раздора к царству Любви или от царства Любви к царству Раздора.

Фр. 19—20. Видимо, это оправдание больших повторений, встречающихся у Эмпедокла (напр., между фр. 14 и 21).

Фр. 26. 1. *...среди членов...* — шара-Сфероса. Клятвой Эмпедокл называет, по видимому, порядок природы (то же, что Мойра и Невозможность — см. примеч. к Пармениду, фр. 8).

Фр. 27. *...божьи члены* — части Сфероса, которые приходят в движение, когда Раздор вновь начинает вытеснять Любовь.

Фр. 28–29. Речь идет о срастании всего в Любви.

Фр. 30. Эмпедокл представляет, что в пору господства Любви она занимает место в середине шара (*вихря*) четырех стихий, а Раздор оттесняется на периферию, в пору же господства Раздора — наоборот; но понятия «выше» и «ниже» в такой картине у него смешиваются, и отсюда — неожиданное упоминание о *недрах* (3).

Фр. 33. Текст испорчен, перевод условный. *Эфиром* (4) здесь назван Огонь (*Титан* — это Солнце), хотя обычно Эмпедокл называет Эфиром воздух.

Фр. 34. 2. *...празднотворные многих людей утверждения...* — Аристотель, цитирующий эти стихи (О небе, II, 13, 294a21), относит этот выпад к Ксенофану.

Фр. 38–39. Эмпедокл представлял, что, как луна светит лишь отражением солнечного света, так и само солнце светит лишь отражением вселенского Огня, скопившегося в другом полушарии и отражаемого на него то ли землею, то ли тою же луною.

Фр. 40. Описывается луна; ср.: Парменид, фр. 12.

Фр. 43. *Земля* преграждает лучи солнца, когда оно заходит за горизонт на другую ее сторону.

Фр. 47–48. Речь идет о движении эфира, тяготеющего то вверх (фр. 47), то вниз (фр. 48).

Фр. 51–60. Живые существа, по Эмпедоклу, начинают возникать, смешиваясь из четырех стихий при постепенном торжестве Любви над Раздором; при этом на первой стадии появляются отдельные, еще не сросшиеся члены тел (фр. 51–52); на второй они срастаются в беспорядочные чудовищные сочетания, вроде кентавров и химер (фр. 55); на третьей они уже образуют «естественные» гармонические тела, но еще рождающиеся непосредственно из стихий, а не друг от друга (фр. 56); и, наконец, на четвертой они сами проникаются Любовью и начинают совокупляться и порождать подобные себе тела (фр. 57 сл.).

Фр. 61. *...сок появляется белый* — грудное молоко.

Фр. 62. 1. *Гавань Киприды* — царство Любви с ее всеслиянностью.

Фр. 63. То есть состав костей складывается в соотношении 2 : 2 : 4 части (соответственно Земли, Воды и Огня — *Гефеста*).

Фр. 76. Фонари в Древней Греции представляли собою масляные светильники, заслоненные от ветра прозрачными роговыми стенками. Эмпедокл рассуждает: как через такую стенку не проникают внутрь более грубые частицы воздуха, но проникают наружу более тонкие частицы огня, так и в глазу через зрачок не проникает снаружи водяная стихия слез и т. п., но проникает изнутри огненная стихия зрения.

Фр. 88. 9. *Клепсидра* («водокрад») — металлический сосудик для добывания жидкости со дна глубоких бочек и т. п., имевший форму опрокинутой воронки с затянутым решеткою широким концом. Если, зажав узкий конец пальцем, опустить клепсидру в воду, то вода в нее не вливалась; если же отпустить палец, дать воде войти в сосуд, опять зажать отверстие и выгащить клепсидру, то вода из нее не выливалась. Впоследствии словом «клепсидра» стали называться водяные часы.

Фр. 95. 1. *...из них* — то есть из четырех стихий.

Из поэмы «ОЧИЩЕНИЯ»

Фр. 103. 3. *Демоном* Эмпедокл в данном случае называет душу человека: она тоже участвует в мировом кругообороте, достигая высшего блаженства в пору господства Любви и худших мучений в пору господства Раздора (*тридцать тысяч*

времен, ст. 6 — может быть, продолжительность периода между этими фазами), но дурными поступками она может ускорить свой переход от блаженства к мятарствам, а праведной жизнью — оттянуть его.

Фр. 116. Мифологическая картина золотого века отождествляется Эмпедоклом с фазой господства Любви в мироздании.

Фр. 117. Цитирующий эти слова позднеантичный биограф Пифагора относит их к нему, хотя Пифагор жил, конечно, не в золотом веке, а всего лишь за столетие до Эмпедокла.

Фр. 122. 4. *Дух* — в подлиннике: *phōn*, средоточие человеческой одушевленности, локализуемое обычно в диафрагме.

Фр. 124—128. Пересказ пифагорейских заветов воздержания — неперменного условия спасительной праведности: воздержания от мяса (потому что при переселении душ в убиваемых животных могут оказаться человеческие души), от листьев лавра, от бобов (самый знаменитый из пифагорейских запретов) и т. п.

Фр. 130. Описывается обряд ритуального омовения.

Фр. 133. Описывая это возрождение праведных душ, Эмпедокл думает и о себе самом — пророке, поэте, враче и политическом вожде одновременно.

М. ГАСПАРОВ

К л е а н ф (332—233) из Асса (М. Азия), ученик философа-стоика Зенона из Китиона. Был кулачным бойцом и зарабатывал себе деньги на жизнь тем, что по ночам носил воду и месил тесто; затем переехал в Афины и посвятил себя философии. В его гимне Зевс предстает как начало всего, и даже такой его атрибут, как молния, отождествляется с вечным мировым огнем. Впрочем, не чужды образу Зевса и антропоморфные черты («темнокудрый», 30), и осуществление нравственных функций в духе Гесиода и Солона (наказание за тщеславие, корыстолюбие, неумеренность в наслаждениях).

В. ЯРХО

ПОЗДНИЙ ЭПОС

А н т и м а х из Колофона (юсл. четверть V — 1-я пол. IV в.) — последний эпический поэт, причисленный античными филологами к выдающимся представителям этого жанра. Сопровождал, как и Херил, спартанского полководца Лисандра во время похода в М. Азию. Высоко ценился Платоном, который, согласно античному анекдоту, один остался слушать его темную и скучную поэму «Фиваида», когда все остальные слушатели разошлись. В остальном при жизни Антимаха и позже его читали мало, Каллимах ставил его невысоко. Тем не менее любовь к раритетам и архаизмам снискали ему звание «ученого поэта». Кроме «Фиваиды» (вероятно, в 24-х книгах), написал поэму в элегических дистихах «Лида» (может быть, по имени его возлюбленной лидийской гетеры), в которой попытался совместить эротический момент с повествовательно-мифологическим, указав тем путь эллинистической элегии. Своим образцом он считал, по-видимому, «Нанно» Мимнерма. От «Лиды» дошли совершенно незначительные отрывки.

Поэма «Фиваида» была посвящена походу семерых против Фив и сражению за город. О связи между отдельными фрагментами приходится только догадываться. Во всяком случае ясно, что Антимах начинал с похищения Европы и более редкого мифа о ее сокрытии в пещере (фр. 3).

Фр. 5. *Тидей* — участник похода с аргосской стороны.

Фр. 6. *Эгалеяне* — встречающееся у авторов эллинистической эпохи общее название греков.

Фр. 7—13 — описание пиршества в доме Адраста накануне похода.

Фр. 14. ...*Дима* — город в Ахее, который по протекающей вблизи реке Кавкону называли *городом кавконов*. О каких событиях идет речь во фр. 14–15, не ясно.

Фр. 16. У *Адраста*, возглавившего поход, был конь Арион, который впоследствии вынес его из боя (ср.: «Фиваида», фр. 5). Ранее он принадлежал Гераклу. См.: «Щит Геракла», 120.

Фр. 18. *Ладон* — здесь название реки в Беотии. Близ него находилось святилище *Деметры-Эринии* (фр. 19).

Фр. 20. Речь идет, вероятно, об Арионе.

Фр. 21. *Ужас* и *Страх* — обычно имена спутников Ареса; здесь имена его коней.

Фр. 25. Ср.: «Теогония», 176–181. *Акмонид Уран*. — Вероятно, изображение на щите Тидея или Капанея, которому принадлежит угроза и в фр. 28.

Фр. 26. Изображение титаномахии на щите (?).

Фр. 27. *Мосихл* — гора на о-ве Лемнос, где находилась кузница Гефеста.

Фр. 31. *Немесида*. — См.: «Теогония», 223. Другое ее имя *Адрастес* сближается с именем Адраста. *Эсеп* — река в М. Азии.

Принадлежность фр. 32–34 к «Фиваиде» недостоверна. Упоминаемый здесь *Ид* — герой пелопоннесского круга. *Сын Пелея* — Ахилл, то есть участник Троянской войны, которая имела место после похода семерых.

О. ЦЫБЕНКО

Э р и н н а. Согласно античному преданию, Эринна (кон. IV в.) происходила с дорийского о-ва Телос (недалеко от о-ва Родос) и умерла девятнадцати лет от роду, успев написать три эпиграммы и поэму в гексаметрах (объемом примерно в 300 стихов), посвященную памяти своей тоже рано умершей ближайшей подруги (может быть, даже родственницы, выросшей вместе с ней в одном доме, — см. ст. 31) Бавкиды (Бавкис). Поэма впоследствии получила название «Прялка». Нам она известна только частично благодаря папирусной находке, а в древности пользовалась большим успехом, о чем говорит эпиграмма младшего современника Эринны поэта Асклепиада Самосского:

Это Эринны пленительный труд, девятнадцатилетней

Девушки труд, — оттого и невелик он; а все ж

Лучше он многих других. Если б смерть не пришла к ней так рано,

Кто бы соперничать мог славою имени с ней?

(Палат. антол. VII, 11; перев. Л. Блуменау)

Впрочем, в недавнее время английский ученый М.-Л. Уэст, тщательно разобрав поэму, обнаружил в ней такой уровень мастерства, который, по его мнению, не мог быть доступен девочке, привыкшей проводить время за прялкой, только изредка отвлекаясь на игры. По мнению Уэста, имя Эринны — фикция, которой прикрылся более опытный, неизвестный нам поэт. В любом случае надо признать, что употребление эпического гексаметра для передачи сугубо личных переживаний предвещает стилистические эксперименты эпохи эллинизма. Перевод дается по реконструкции, предложенной Уэстом в журнале «Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik», 1977, В. 25. S. 95–119.

Ст. 14–18. *Мы хороводом ходили...* — Следует описание игры в «черепаху» (наподобие наших салочек), когда водящая, находясь в центре хоровода, вдруг выскакивала и хватала кого-нибудь из окружающих ее девочек, которая теперь становилась, в свою очередь, «черепахой».

Ст. 27. *Мормо* — сказочное чудовище, наподобие нашей Бабы-яги, которым пугали детей.

Ст. 39. *Мойра*. — См.: «Теогония», 217–222 и примеч., 904–906.

Ст. 40. *Гелло* — чудовище, живущее в подземном мире.

Каллимах (ок. 310–245) из Килены, греческой колонии на северном берегу Африки. Переселившись в Александрию, проявил себя и как филолог (составил «Таблицы» в 120-ти книгах, содержавшие описание всех дотоле известных литературных произведений), и как виднейший поэт — теоретик новой александрийской поэзии, ориентировавшейся на сравнительно небольшие произведения, оснащенные мифологической и прочей ученостью. В дошедших от Каллимаха шести гимнах к богам не воспроизводится, как в древнейших гомеровских гимнах, легендарная «биография» божества, а выбирается какой-нибудь эпизод из нее, изображенный в бытовых тонах. Приводимый здесь гимн к Деметре при его сопоставлении с соответствующим гомеровским гимном показывает все различие в мировоззрении безымянного автора VII в. и ученого александрийского поэта I-й половины III в.: там — священный трепет перед богиней — кормилицей человеческого рода, здесь — бытовой эпизод, «героем» которого за свое кощунство становятся одержимый вечным голодом Эрисихтон и его родители.

О других сочинениях Каллимаха см. в разделах II и III.

ГИМН К ДЕМЕТРЕ

- Ст. 7. *Геспер* — вечерняя звезда.
 Ст. 9. ...*Деву ... искала*. — См. гомеровский гимн к Деметре, 47–50.
 Ст. 11. *Черные мужи* — эфиопы; *Гесперидин сад* — по поверьям, на крайнем западе Средиземноморья.
 Ст. 13. *Ахелой* — река в Этолии.
 Ст. 15. *Каллихоф*. — См. гомеровский гимн к Деметре, 272 и примеч.
 Ст. 24. *Дотий* — город в Фессалии, откуда переселился в Азию *Триоп* (см. ст. 30), основавший там одноименное святилище близ города *Книда*.
 Ст. 25. *Пеласги* — древнейшее население Греции.
 Ст. 28. *Электр* — сплав из золота и серебра.
 Ст. 30. *Энна* — гора в Сицилии, один из центров культа Деметры.
 Ст. 51. ...*в горах ... Тмарийских*... — Тмар (Томар) — гора в Иллирии.
 Ст. 56. ...*записана речь Немесидой*. — Своеобразный вариант представления о том, что все деяния смертных заносятся на скрижали Зевса и за порочными поступками следует со временем кара. Здесь, однако, наказание постигает Эрисихтона без промедления, так что никакой нужды в записи нет.
 Ст. 58. ...*глава ... касалась Олимпа*. — Возрастание до огромных размеров — один из способов явить божественное величие. Ср. гомеровский гимн к Афродите, 173; к Деметре, 275.
 Ст. 74. *Афина итонская* — то есть почитаемая в своем храме в Итоне в Фессалии. *Ормениды* — представители знатного рода.
 Ст. 76. *Краннон* — город в Фессалии.
 Ст. 78. *Ахтофион* — сын фессалийского героя Актора.
 Ст. 82. *Пинд* — горная цепь на границе Фессалии и Эпира.
 Ст. 86. *Офрийское стадо*. — Офрис — гора в Фессалии.
 Ст. 91. *Мимант*. — См. гомеровский гимн к Аполлону Делосскому, 39 и примеч.
 Ст. 99. *Эол*. — См.: «Каталог женщин», фр. 5, 2 и примеч., фр. 6.
 Ст. 110. *Белохвостка* — ласка, которую держали в доме против мышей.
 Ст. 131. *Илифия*. — См.: «Теогония», 922 и примеч.

ГЕКАЛА

«Гекала» принадлежала к популярному в александрийскую эпоху жанру «эпипоэмы», то есть повествования в гексаметрах о каком-либо эпизоде из героической мифологии, в котором, однако, главный интерес для автора представлял не совер-

шенный героем подвиг, а окружающая его бытовая обстановка. Содержание «Гекалы», заимствованное скорее всего у афинского историка Филохора (кон. IV — нач. III в.), сводилось, как сообщает античный комментарий к поэме, к следующему.

Тесей был сыном афинского царя Эгея (по другой генеалогии — самого бога Посейдона) и царевны Эфры из Трезена, города на северном побережье Пелопоннеса. Здесь он вырос, а когда достиг возмужания, отправился на поиски своего земного отца. По дороге он освобождал Коринфский перешеек от всяких злодеев и чудовищ. Среди них он убил и разбойника Керкиона.

Когда Тесей прибыл инкогнито в Афины, он был узнан Медеей, которая нашла убежище у Эгея после своих злодеяний в Коринфе (см. названную ее именем трагедию Еврипида) и пыталась отравить юношу, чтобы обеспечить афинский престол своим детям от Эгея. Однако царь узнал сына по своему мечу, оставленному у Эфры в качестве опознавательного знака, и предотвратил вкушение Тесеем отравленного вина. Об этом, судя по дошедшим обрывкам, речь шла в начале поэмы.

Признанный царским сыном, Тесей решил освободить так называемое марафонское «четыреградье» (четыре города, расположенные на Марафонской равнине) от дикого быка, опустошавшего окрестности и угрожавшего местным жителям. По дороге, однако, он был застигнут бурей и нашел убежище в хижине бедной старушки Гекалы. Недавно найденный, хоть и плохо сохранившийся новый папирусный отрывок из «Гекалы» содержал ее рассказ о себе: она происходила из богатой семьи, была выдана замуж за молодого красавца и родила двух сыновей, которых окружила всяческой заботой. Но счастью ее не суждено было долго длиться: муж погиб в кораблекрушении, смерть постигла и выросших мальчиков; одного из них, в частности, убил Керкион. Узнав, что Тесей укротил этого злодея, Гекала, и без того известная своим добросердечием и гостеприимством, прониклась к юному герою еще большей симпатией. Она пообещала, если Тесей одолеет марафонского быка, принести жертву Зевсу, покровителю ее родных мест, но, когда царевич вернулся, ведя на привязи покоренного быка, он застал старушку умершей. В ее честь он учредил праздник Гекалессии, который справлялся в историческое время.

Приводимый здесь наиболее крупный и связный отрывок из «Гекалы» был обнаружен в конце прошлого века в записи на деревянных дощечках и начал собой теперь уже столетнюю историю открытий текстов Каллимаха.

Первая часть описывает возвращение Тесея с быком и испуг при его виде местных жителей, переходящий в ликование и благодарность герою-победителю (1–15). После лакуны следует рассказ о том, как Афина скрыла в ларце рожденного Землей от Гефеста змееподобного Эрихфония и поручила дочерям Кекропа стеречь ларец, не открывая его до ее возвращения. Сама она отправилась в Пеллену, чтобы принести оттуда огромный камень, который защищал бы ее город. На обратном пути богиню встретила ворона, сообщившая ей, что дочери Кекропа нарушили волю богини (ср. ниже, Евфорион, фр. 1, 4–6), чем вызвала ее гнев и запрет селиться в Афинах. Обо всем этом, судя по тексту, у Каллимаха рассказывала сама ворона (18–34). К этому присоединяется пророчество об еще одном несчастье, ожидающем ворону, — ее оперение из белоснежного превратится в черное. Это будет кара Аполлона, которому фессалийская девушка Коронида, нося под сердцем плод от бога (будущего Асклепия), изменила со смертным, — принеся богу эту весть ворона и заслужит от него такое наказание (38–50). Кто произносил это прорицание — неясно (может быть, старая ворона делилась своим знанием с молодой? См. ст. 51), как неясно, в какой связи оба эти рассказа и присоединяемая к ним картина пробуждающегося города (52–58) находились с основным содержанием эпиллия. Несомненно только, что героический гексаметр становится у Каллимаха формой для передачи отнюдь не героического содержания.

Ст. 1. ...приладил вторую... — Тесей.

Ст. 11. Нот, Борея. — См.: «Теогония», 378–380 и примеч.

Ст. 13 ... посылалось веток и листьев... — как знак признания его заслуг.

Ст. 19. ...надолго соккрыла — в ларце.

- Ст. 20. *Кекропиды* — дочери Кекропа (ср. ст. 29: *девы*).
- Ст. 27. *...Что получила ... она...* — Речь идет о состязании между Афиной и Посейдоном за Аттику: Посейдон ударом трезубца вызвал из скалы поток соленой влаги, Афина же взрастила оливу. Боги присудили победу Афине.
- Ст. 33–34. *...поколение восьмое ... я ныне живу...* — Древние верили в долголетие ворон, а Эгей был, по афинской генеалогии, восьмым царем после Кекропа. Таким образом, вся хронология сходится.
- Ст. 36. *Кикс* — ритуальный напиток из вина и меда с примесью сыра и ячменя; просыпавшимися на землю ячменными зернами ворона и утоляла свой голод.
- Ст. 39. *Фрии* — три нимфы, жившие на Парнасе; их считали наставницами прорицателей. См. гомеровский гимн к Гермесу, 552–556.
- Ст. 42. *...не сломало колёса и дышло...* — в колеснице, на которой Солнце совершает свой путь по небу с востока на запад.
- Ст. 50. *Флегия* дочь, *Коронида*. — См. разд. III, пеан Исилла и примеч.
- Ст. 55. *Вот уж и песни свои...* — Образ пробуждающегося большого города, подобно Александрии, Каллимах переносит в обстановку скромного селения.

Риан (2-я пол. III в.) из г. Бенны на Крите. По преданию, сначала был сторожем при гимнасии, потом получил образование и занялся наукой. Издал «Илиаду» и «Одиссею», писал героические эпосы из истории Элиды (не менее трех книг), Ахей (не менее четырех), Фессалии (не менее шестнадцати), Мессении (в шести кн.), мифологический эпос о Геракле. Сохранились незначительные отрывки. Фр. 1 — из неизвестной поэмы, фр. 2–4 — из мифологизированной истории 2-й Мессенской войны (см. разд. II, Тиртей, фр. 3 и примеч.).

Фр. 1. дается в переводе М. Грабарь-Пассек, фр. 2 — С. Кондратьева, фр. 3–4 — В. Ярхо*.

Фр. 1. 17. *Ата* — олицетворенное заблуждение. 20. *Дика*. — См.: «Труды и Дни», 256–260.

Фр. 2 — по-видимому, из начала поэмы.

Фр. 3 — папирусные отрывки. После первого из них стоит знак, указывающий на окончание книги. Вероятно, дошедшие отрывки — из описания борьбы за крепость Гиру, которую восставшие мессеняне временно захватили у спартанцев. Во фр. 3 наступление ночи прерывает битву, фр. 4 содержит призыв вождя мессенян готовиться к завтрашнему бою.

Фр. 4. Принадлежность его к «Истории Мессении» не вполне достоверна. Вероятно, речь идет о тех мессенянах, которые после поражения в войне со спартанцами решили отплыть в Сицилию. Здесь они овладели городом Занклой, переименовав его в Мессену (отсюда в ст. 16: *Стены на прежних устоях*).

Евфорион из Халкиды на о-ве Евбея (род. ок. 276 г. до н. э.). Учился в Афинах. После 223 г. получил пост главного библиотекаря в столице Сирийского царства Антиохии. По-видимому, там же и умер. Писал филологические сочинения, от которых ничего не дошло, и эпиллии, стараясь брать редкие и никем не разработанные темы и насыщая текст иносказательными характеристиками, не сразу понятными образами. Отношение к нему в последующие века было неоднозначным: римские элегики высоко его ценили; Цицерон порицал за темноту слога и называл его римских последователей «подголосками Евфориона». Судя по тому, что оба приводимых фрагмента сохранились в отрывках пергаменной рукописи V в. н. э., творчество Евфориона продолжало привлекать к себе интерес до самого конца античности.

Фр. 1. «Проклятья, или Похититель чаши» принадлежали, по-видимому, к популярной в александрийской и позднеэллинистической поэзии разновидности эпиллиев, в которых незначительный предлог давал повод для изощренных проклятий с использованием всей возможной мифологической учености. Родоначальником этого жанра был, вероятно, Гермесианакт (см. разд. II, фр. 2 и примеч.). 4–6. *Гер-*

са. — Речь идет о дочерях Кекропа — жрицах Афины Герсе, Пандросе и Аглавре, которые, нарушив запрет богини, приоткрыли данный им Афиной на хранение ларец, в котором находился младенец Эрихфоний. В наказание Афина наслала на дочерей Кекропа безумие, и они бросились со скалы Акрополя. (Ср. Каллимах «Гекала», 18–30.) *Главкопий* — скала Паллады в Аттике. Название созвучно эпитету Афины «совоокая» (или «голубоглазая»). 6–9. *Или так...* — Речь идет о победе Тесея над разбойником *Скироном*. 8. *Чадэ Эфры* — Тесей. 9. ... *нашей ... черепахи* ... — то есть черепаха, которая, по преданию, подплывала к скалам и хватала сброшенных вниз. «Нашей», то есть афинской, черепаха названа по причине жительства Евфориона в Афинах, которым некоторое время принадлежала Мегарида, где происходит действие мифа. 11. *Дева Тенарская*. — Мыс Тенар (см. гомеровский гимн к Аполлону Пифийскому, 233 и примеч.) считался одним из входов в царство мертвых. 13–15. *Аскалаф*, сын *Ахеронта*, бога реки в царстве мертвых, выступил свидетелем против Персефоны на суде, когда решался вопрос о возвращении Персефоны к Аиду, и в наказание Деметра придавила его в царстве мертвых огромным камнем. *Персефонея* — Персефона. См.: «Сшествие Пифифоя», 12, 20.

Фр. 2. Описание адского пса Кербера. 7. ...*глаза под бровями*... — Змеи с бровями — поэтический образ, восходящий к «Теогонии» Гесиода (826–828) и далее — к сказочному змею-чудовищу. 8. *Мелигунова твердь* — предположительно, известные своей вулканической активностью Липарские острова. 11. *Астероп* — «Звездный». Возможно, эпитет заключенного в *Этне* Тифоея как «мирового змея». 14. *Мидея* — поселение в Арголиде, неподалеку от Тиринфа, один из центров микенской культуры.

В. ЯРХО

Раздел II. ЭЛЕГИЯ. ЯМБЫ

Архилох был сыном знатного паросского гражданина Телесикла и фракийской рабыни. В последнем некоторые современные ученые сомневаются — по-видимому, без достаточных оснований, ибо, будучи законным сыном, Архилох не должен был бы вести такую беспокойную скитальческую жизнь в поисках своего места под солнцем. По преданию, дед его основал на о-ве Фасосе святилище богини Деметры, а отец вывел колонию безземельных паросцев, к числу которых принадлежал и Архилох. Время жизни его определяется по косвенным свидетельствам: во фр. 32 упоминается лидийский царь Гигес, правивший с 687 по 652 г., во фр. 24 — разорение Магнесии, приходящееся на конец 650-х гг., во фр. 31 — затмение солнца, датируемое 6 апреля 648 г. Таким образом, наиболее вероятным временем жизни Архилоха представляется 1-я половина VII в., может быть, 680–640 гг. Погиб он в бою с жителями соседнего острова Наксос, стычки с которыми имели место, по-видимому, неоднократно (ср. фр. 20–21). На родине Архилоху было воздвигнуто святилище (героон), на стенах которого в III в. была высечена история Пароса, подкрепляемая цитатами из стихотворений поэта. В новое же время была найдена база статуи сидящего Архилоха, переделанная в нач. IV в. из капители колонны.

В жанровом отношении творчество Архилоха достаточно разнообразно: он писал элегические дистихи, ямбические триметры, трохейские тетраметры, а также эподы, составленные из двустиший, в которых второй стих обычно короче первого. К числу эподов относятся и басни Архилоха. К сожалению, от всего этого многообразия сохранилась только очень небольшая часть: за редким исключением (фр. 60, 110), в очень скверном состоянии доходят и папирусные отрывки.

В настоящем издании фрагменты Архилоха даются в переводах С. Лурье (59, 100), А. Парина (60), Г. Церетели (6, 88), В. Ярхо (20, 21, 77); все остальные — В. Вересаева.

Фр. 1. *Эниалий*. — См.: «Щит Геракла», 371 и примеч.

Фр. 2. Традиционный перевод исходит из значения слова *dógu* — «копье». Никому, однако, непонятно, как можно спать, опершись на копье. Поэтому в последнее время было выдвинуто предположение, что под *dógu* Архилох разумеет ящик с деревянной крышкой, идущий вдоль борта корабля (ср.: Феогнид, ст. 513). Тогда становится понятным, что в ящике прячут съестные припасы, а на крышке его располагаются на ночь. *Исмар* — город на южном побережье Фракии.

Фр. 3. 5. *Евбея*. — См.: «Труды и Дни», 651 и примеч.

Фр. 5. 1. *Саицу* — представитель одного из фракийских племен, с которыми жители Фасоса вели длительную войну за обладание серебряными рудниками на фракийском побережье (ср. фр. 6, 10, 12).

Фр. 7. 1. *Главк* — боевой товарищ Архилоха, вероятно, командир одного из отрядов колонистов. В наше время была найдена посвященная ему надпись рубежа VII — VI вв. от воздвигнутого на Фасосе кенотафа. 2. *Гирейские вершины* — гора на о-ве Тенос, севернее Пароса.

Фр. 8. ...*дорог наемник*. — Из этого стиха и фр. 14 часто делают вывод, что Архилох служил наемником. Однако наемничество в VII в. не использовалось для войн в самой Греции; наемников набирали для войны на Ближнем Востоке или в Египте, где Архилох никогда не был.

Фр. 12. *Сириус* — звезда в созвездии Большого Пса, восходящего в Греции в самое жаркое время года (ср. разд. I, «Труды и Дни», 587; разд. III, Алкей, фр. 50).

Фр. 14. *Кариец* — выходец из малоазийской области Карии.

Фр. 17. 1. *Дифирамб* — первоначально культовая песнь в честь Диониса; затем значение жанра сильно расширилось.

Фр. 18. *Пеан*. — См. гомеровский гимн к Аполлону Пифийскому, 322 и примеч.

Фр. 20–21. Описание боевых эпизодов из борьбы паросцев с жителями Наксоса, сохранившиеся отчасти в надписи, отчасти в папирусных отрывках. По-видимому, паросцы выдерживают осаду со стороны нападающих.

Фр. 28. 4. *Сирус* — река в Южной Италии.

Фр. 29. 1. *Сердце, сердце!* — В оригинале поэт обращается к своему *thymós*, продолжая гомеровскую традицию «разговора героя со своим духом».

Фр. 31. По сообщению античного комментатора к «Риторике» Аристотеля, этот отрывок — слова отца к некрасивой дочери, чьи шансы на замужество может сильно повысить хорошее приданое.

Фр. 39. Принадлежность Архилоху недостоверна, как и фр. 41.

Фр. 44. Некоторые издатели относятся к авторству Архилоха с сомнением.

Тенелла — звукоподражательное, праздничное восклицание.

Фр. 45–53. Существует два рассказа о кораблекрушении, случившемся в проливе между Паросом и Наксосом. К первому относятся, очевидно, фр. 45–51. *Перикл* — зять Архилоха. Ко второму — фр. 53, связанный с посольством, которое плыло из Милета. Из всех пассажиров уцелел один *Койран*, якобы спасенный дельфином. Фр. 52 по смыслу подходит к тому и к другому, но по размеру скорее относится ко второму. *Посидаон*. — См.: «Теогония», 732 и примеч.

Фр. 59. Папирусный отрывок. По-видимому, Архилох приветствует друга, вернувшегося из морского плавания. *Гортина* — город на о-ве Крит.

Фр. 60–80. Здесь собраны отрывки, в основе которых лежит следующая история из жизни Архилоха. Богатый паросец *Ликамб* просватал за поэта свою дочь *Необулу*, но затем отказал ему в руке девушки. Архилох обрушил на дочь и на отца поток язвительных ямбов. Сохранившиеся отрывки передают всю гамму чувств Архилоха: от восхищения влюбленного (фр. 65–68) до изображения Необулы в самом непристойном виде (фр. 61, 71–77). Что касается фр. 60, найденного в начале 1970-х годов в Кельнском собрании папирусов, то он содержит вторую половину рассказа поэта о некоем фиктивном эпизоде, который дает ему повод лишний раз опозорить Необулу. Принадлежность Архилоху фр. 80 — под сомнением.

Фр. 81–87. Басня о вероломстве орла, рассказанная в назидание Ликамбу (фр. 86, 87). Орел и лиса заключили договор о дружбе, но орел нарушил его, по-

хитив из норы лисят и отдав их на прокорм своим птенцам (фр. 82). Гнездо его для лисы было недоступно (фр. 83), но орел каким-то образом занес в него тлеющий уголек, от которого сгорело все его потомство. Так было наказано вероломство орла — может быть, не без участия Зевса, которому лиса жалуется на обиду (фр. 85).

Фр. 91–92. Авторство Архилоха недостоверно.

Фр. 96–100. Цигаты, заимствованные из одного и того же эпода, возможно, направленного тоже против Ликамба.

Фр. 110. Папирусный отрывок, содержание которого неясно. По мнению советского филолога С. Я. Лурье, речь идет о царице женщин с о-ва Лемнос Гипсипиле: оскорбленные изменой мужей, лемносские женщины истребили всех мужчин на острове и теперь с тревогой ожидают последствий. Непонятно, однако, кто же то лицо, которое ободряет Гипсипилу.

К а л л и н происходил из Эфеса и жил в то время, когда из северного Причерноморья вторглись в Малую Азию киммерийцы (ок. 675 г.).

Фр. 1 переведен Г. Церетели, фр. 2 — В. Ярхо.

Фр. 1. 9. *Мойры*. — См.: «Теогония», 217–219 и примеч., 904–906.

Т и р т е й, согласно античному анекдоту, был хромым учителем, которого афиняне послали на подмогу спартамцам, когда те находились в тяжелом положении во время 2-й Мессенской войны (сер. VII в.). Однако тон и содержание элегий Тиртея выдают в нем исконного спартамца, занимавшего достаточно высокое положение, чтобы давать советы своим согражданам и побуждать их к бою. Словарь «Суда» определяет время «расцвета» Тиртея 640–637 гг.

Фрагменты Тиртея даются в переводах В. Латышева (2), Г. Церетели (1, 5–7), В. Ярхо* (3, 4, 8–11).

Фр. 1–2. 2. ...*Зевс Гераклидам вручил*... — Спартамцы возводили свое происхождение к детям Геракла (ср. фр. 5). 3. *Эриней* — город в среднегреческой области Дориде, откуда, по преданию, спартамцы пришли в Пелопоннес. 4. *Пелоп* — сын лидийского царя Тантала, переселившийся в Южную Грецию и подчинивший себе Пелопоннес («остров Пелопа»). 5. ...*из пышного храма*... — из храма Аполлона в Дельфах, общегреческого пророческого центра. Текст фрагмента переведен здесь по цитате у Диодора, VII, 12, 6; однако 4 последних стиха отсутствуют в той же цитате у Плутарха («Ликург», VI, 7) и считаются позднейшим добавлением.

Фр. 3. Речь идет о первой войне с Мессенией (ок. 736–715 гг.), которую спартамцы во главе со своим царем *Феопампом* закончили успешно, подчинив себе мессенян (ср. фр. 4). Одна из важнейших кампаний этой войны — осада занятой мессенянами горы *Ифомы*.

Фр. 5. 35. *Гимниты* — легковооруженные воины.

Фр. 7. 4. *Борей*. — См.: «Теогония», 380 и примеч. 5. *Тифон*. — См. гомеровский гимн к Афродите, 218 и примеч. 6. *Мидас* — легендарный фригийский царь, славившийся своим богатством. *Киниф* — столь же сказочно богатый царь с о-ва Кипр. 8. *Адраст* — аргосский царь, предводитель первого похода «семерых против Фив». 19. *Гоплит* — тяжеловооруженный воин.

Фр. 10. Папирусные отрывки из элегий Тиртея. 2. *Памфилы*, *Гиллеи*, *Диманы* — названия трех фил — родовых объединений, из которых сложилось спартамское государство.

Фр. 11. 1. *Савоокая дочь Зевса* — богиня Афина.

Семонид Аморгосский происходил с о-ва Самос и в конце VII в. руководил выведением колонии на о-в Аморгос, откуда и его прозвище.

Фрагменты Семонида даются в переводах В. Вересаева (1, 2), Я. Голосовкера (6), Я. Мееровича* (8–24), В. Ярхо* (3, 5, 7, 25).

Фр. 17. *Сыну Майи* — Гермесу.

Фр. 18. 2. *Сыф трамилский* — из Тромилей, города в Ахее, славившегося своей брызнзой.

Фр. 24. *Прилис*. — Под этим именем известен прорицатель, сын Гермеса.

М и м н е р м (конец VII в.) происходил из Колофона или Смирны в М. Азии. Его предки переселились сюда, вероятно, из Пелопоннеса (см. фр. 6), и среди них, по-видимому, сохранились свидетели войны, которую жителям Смирны пришлось вести против царя Гигеса (ср. фр. 7, 8, может быть, из поэмы «Смирнеида»). Однако главной заслугой Мимнерма считается создание сборника любовных элегий (в одной или двух книгах), посвященных его возлюбленной флейтистке Нанно (фр. 1—5). Носили ли эти элегии эротический или мифологически-повествовательный характер, решить трудно. Во всяком случае, заимствованный из «Нанно» фр. 1, равно как и фр. 9 и 12, говорят за то, что повествовательный элемент был представлен в этом сборнике достаточно широко.

Фрагменты Мимнерма переведены В. Вересаевым, кроме фр. 7 и 10, данных в переводе В. Ярхо*.

Фр. 2. Ср.: Симонид, фр. 8. *Керы*. — См.: «Теогония», 211, 217 и примеч.

Фр. 4. 8. *Гесперидская страна* — в представлении греков крайний Запад. 9. *Край эфиопов* — Восток.

Фр. 6. 1. *Пилос*. — См.: «Щит Геракла», 360 и примеч. *Нелей* — сын Посейдона, отец Нестора, участника Троянской войны.

Фр. 8. 4. *Гермоские поля* — Герм (Гермос). — См.: «Теогония», 343; «Каталог женщин», фр. 66, 4 и примеч.

Фр. 9. 1. *Эя* — царство *Эта*, которое греки отождествляли с Колхидой. 3. *Пеллий*. — См.: «Теогония», 996 и примеч.

Фр. 10. *Пеонийские мужи* — в «Илиаде» — союзники троянцев.

Фр. 12. Ср. ответ Солона, фр. 21.

С о л о н (род. ок. 640 г.) принадлежал к старинному аттическому роду. Расположение сограждан он завоевал умелой агитацией за войну с соседней Мегарой за о-в Саламин (см. фр. 12). Так как предприятие завершилось полным успехом, Солон был избран в «примирители» между простым народом и знатью, когда в самом начале VI в. социальные противоречия достигли в Аттике невиданной остроты. В 594 г. он провел законы, заложившие экономическую основу афинской демократии: запрещалось долговое рабство, а также отчуждение и продажа земельных участков. Проданных за долги в рабство Солон выкупил за счет государства и вернул на родину. В политическом плане Солон поделил все гражданское население на 4 класса, предоставив им, в зависимости от имущественного ценза, неравные права в государственном управлении. Компромиссный характер реформ Солона навлек на него недовольство с обеих сторон: богатых — за вторжение в их права собственности, бедных — за неполное обладание политическими правами (см. фр. 15—18). Подробно о Солоне — в его биографии, составленной Плутархом, и в «Афинской политике» Аристотеля.

Согласно сообщению Диогена Лаэртского, Солон написал 5 тысяч элегических двустиший, от которых сохранилось 219 стихов.

В настоящем издании фрагменты Солона даются в переводах М. Гаспарова (12), С. Радцига (6—11, 13, 14, 18, 20, 22—27), Г. Церетели (1—5, 15—17, 19, 21).

Фр. 1. 15 сл. *...знает Правда...* — Ср.: «Труды и Дни», 256—264.

Фр. 2. 1. *Музы Пиерии*. — Ср.: «Труды и Дни», 1. 57. *Пеан-целитель* — Аполлон или Асклепий.

Фр. 12. 4. *Фолегандр и Сикини* — острова в Эгейском море, восточнее о-ва Мелос, ничем не примечательные.

Фр. 17. 6. *...ныне же свободная...* — то есть освобожденная от залоговых камней.

Фр. 20. 1. *Кали беда вас постигла...* — Солон отнесся отрицательно к захвату единоличной власти в Афинах Писистратом.

Фр. 21. Ответ на фр. 12 Мимнерма.

Фр. 22. *Солійцы* — жители города Солы, названного так Филокипром в честь Солона.

«Маргит» — комическая поэма, которую в древности приписывали Гомеру. В действительности ее автором был неизвестный рапсод из Колофона VII — VI вв. (фр. 1). Герой поэмы — фольклорный дурачок, ничего не умеющий (фр. 2 и 3), вплоть до исполнения супружеских обязанностей, которых он стремится избежать в первую же брачную ночь (фр. 4). Впрочем, позже, наученный невестой, он готов вообразить себя на сексуальном поприще Гераклом и справить еще не одну свадьбу (фр. 5). Поэма была написана в чередовании гексаметров с ямбами. Фр. 4 и 5 — папирусные отрывки, из которых выбраны наиболее связанные фразы.

Су с а р и о н из Мегар (VI или V в.) — полулегендарный основатель мегарской комедии. Приводимое пятистишие — единственное, что от него сохранилось.

Фр. 1. 2. *Триподиск* — город в Мегариде.

Феогнид (сер. VI в.) происходил из Мегар и вынужден был покинуть родной город после победы демократов, ненависть к которым он сохранил до конца своей жизни, противопоставляя «низких» и «худых» — «добрым» и «лучшим». Назидания в форме элегических дистихов он обращал к своему любимцу, мальчику Кирну. В дошедшем до нас под именем Феогнида сборнике ему принадлежит далеко не все. Исследователи почти единогласны в том, что самим Феогнидом написаны ст. 1–254, выделение же его собственного творчества в дальнейших стихах остается предметом трудноразрешимых споров. Назидательный характер двустий Феогнида способствовал включению в феогнидовский корпус стихов из Тиртея, Солона, Мимнерма, а ст. 773–782 вообще относятся к событиям более поздним, чем время, которым предположительно датируется составление корпуса (V в.).

Стихи Феогнида даются в переводе В. Вересаева (1–278, 289–294, 313–314, 351–354, 361–362, 367–370, 373–382, 407–408, 413–414, 425–438, 447–452, 457–460, 467–498, 503–510, 529–534, 537–538, 541–542, 581–582, 617–618, 625–626, 643–644, 647–654, 687–688, 695–698, 743–756, 773–788, 801–804, 825–830, 833–836, 847–850, 853–856, 873–888, 943–944, 1007–1012, 1041–1042, 1047–1048, 1055–1058, 1063–1070, 1079–1080, 1086–1093, 1107–1108, 1117–1118, 1155–1156, 1191–1194, 1203–1206, 1219–1220, 1255–1258, 1386–1389) и С. Апта (279–282, 295–298, 305–308, 315–322, 329–332, 335–336, 341–350, 355–360, 421–424, 511–522, 549–554, 607–614, 659–686, 757–772, 789–792, 811–814, 821–822, 847–850, 895–930, 933–938, 945–954, 957–970, 1013–1016, 1029–1036, 1049–1054, 1075–1078, 1097–1100, 1123–1132, 1135–1150, 1167–1168, 1171–1176, 1185–1186, 1197–1200).

Ст. 1. *Сын Кронида* — Аполлон. По преданию, Гера заклала земную твердь не давать места Лето для разрешения от бремени, и только плавучий остров *Делос* (ст. 9) не попал под это заклятие. С тех пор он был прикреплен корнями к морскому дну и стал одним из важнейших мест культа Аполлона. См. гомеровские гимны к Аполлону.

Ст. 12. *...жертвой была почтена...* — Речь идет о заклании Ифигении, дочери Агамемнона, которую царь — предводитель греков принес в жертву Артемиде, чтобы обеспечить благополучное плавание под Трою.

Ст. 15. *Кадм*. — См.: «Теогония», 937 и примеч.

Ст. 153 сл. Ср.: Солон, 14, 3–4. В подлиннике — почти абсолютное сходство.

Ст. 549. *Вестник безмолвный* — сигнальный костер, возвещающий приближение неприятеля.

Ст. 671–674. К образу гетерии в виде корабля, застигнутого бурей, ср. в разд. III: Алкей, фр. 33–37. Ср. также ниже, ст. 855 сл.

Ст. 764. *Мидяне* — персы. Ср.: Симонид, фр. 4, 1. О какой войне идет речь, не-

ясно: угрозе со стороны Кира (40-е гг. VI в.), походах Дария и Ксеркса (490 и 480)? В последнем случае ст. 757–768 надо признать поздней вставкой.

Ст. 773–782. Здесь речь идет об очевидной угрозе Мегарам во время похода Мардония в 480 г., и, следовательно, стихи не принадлежат Феогниду.

Ст. 773. *Алкофой* — легендарный мегарский царь, для которого Аполлон воздвиг городские стены, заставив камни подчиняться звуку его лиры.

Ст. 777. *Гекатамба*. — См. гомеровский гимн к Аполлону Делосскому, 57 и примеч.

Ст. 785. *Еврот* — река, протекающая по Лаконской равнине.

Ст. 825–830. Конкретные обстоятельства положения, описываемого Феогнидом, не ясны.

Ст. 879. *Тайгетская вершина*. — См. гомеровский гимн XVII, 3 и примеч.

Ст. 882. *Платанистунт* — какая-то река, берега которой богаты платанами.

Ст. 1087. *Кастор* и *Полидевк*. — См. гомеровские гимны XVII, XXXIII и примеч.

Ст. 1255. Этот и последующие отрывки — из кн. II феогнидовского корпуса, где были собраны дистихи эротического содержания.

Ст. 1259. Дистих, составленный Вересаевым из ст. 1261 + 1258.

Фокилид из Милета (2-я пол. VI в.) слыл первым греческим поэтом, который помечал свои высказывания собственным именем («Так говорит Фокилид»). На рубеже I в. до н. э. — I в. н. э. получил хождение приписанный ему сборник «Изречения Фокилида».

Фр. 2, 3, 4, 7–10 даются в переводе Г. Церетели, фр. 1, 5, 6, 11–15 — В. Ярхо*.

Фр. 1. 2. *Лерос* — острова из группы Спорадских, к юго-западу от Милета.

Фр. 2. Сокращенный вариант ямбов Семонида (фр. 6).

Фр. 4. 2. *Град Нина* — Ниневия на р. Тигре в Ассирии. Разрушена в 612 г. персами и халдеями.

Ксенофан (ок. 570–480) из Колофона, странствующий рапсод и философ, которому приписывается основание элейской школы философии в Южной Италии. Был настроен критически по отношению к антропоморфным богам (фр. 3–7) и аристократической доблести (фр. 2), а в поэме «О природе» — одной из первых под таким названием в Древней Греции — изложил свое представление о единстве и неподвижности истинно сущего бытия, в том числе и некоего находящегося в вечном покое единого бога, управляющего миром с помощью одной своей мысли, все видящего и слышащего (фр. 18–21).

В настоящем издании фрагменты Ксенофана приводятся в переводах М. Гаспарова (9, 15), Ф. Зелинского (4, 5, 12–18), Я. Мееровича (11, 17, 19–31), С. Ошерова (2), Ф. Петровского (3), Г. Церетели (1), В. Ярхо* (6–8, 10, 13, 14).

Фр. 1. 21. *Титаны. Гиганты...* — См.: «Теогония», 629–725; 185–186. 22. *Кентавры*. — См.: «Щит Геракла», 178 сл. и примеч.

Фр. 2. 2. *Писа* — город, близ которого расположен священный участок для Олимпийских игр. 5. *Панкратий* — соединение борьбы и кулачного боя.

Фр. 9. 1. *Как-то в пути увидав...* — Полемика с учением о переселении душ, которое проповедовал Пифагор.

Фр. 11. Адресат этого послания достоверно неизвестен.

Фр. 13. *В кубок ... наливай...* — См.: «Труды и Дни», 596 и примеч.

Фр. 14. Колофон был взят в 545 г. персами. Причиной поражения Ксенофан считал, как видно, беззаботность и изнеженность своих земляков.

Фр. 25. *Ирида* — в традиционном представлении, радуга.

Гиппонакт происходил из знатной семьи в Эфесе, но за нападки на местных тиранов был изгнан из города и жил неподалеку в Клазоменах. Расцвет его творчества падает на 3-ю четверть VI в. (см. вступительную статью). Кроме триметров, тетраметров, гексаметров, Гиппонакт, по-видимому, первым ввел в поэзию

хоялямб («хромой ямб»), в котором последняя стопа заменяется трохеем или спондеем, чем обеспечивается перебивка ритма:

○ — ○ — ○ — ○ — ○ — — —

Фрагменты Гиппонакта даются в переводе В. Вересаева (12), Вяч. Иванова (2, 3, 4, 6, 7), С. Ошерова (9), Г. Церетели (8), В. Ярхо* (1, 10, 11).

Фр. 4. 1. *По-лионийски* — то есть по-лидийски.

Фр. 6. Против кого направлено стихотворение, неизвестно. 3. *Лампсак* — город на берегу Геллеспонта.

Фр. 8. 1. *Мимн* — художник, современник Гиппонакта.

Фр. 9. Принадлежность этого стихотворения Гиппонакту сомнительна.

Фр. 11. *Евримедонтова сына...* — Насмешливая характеристика некоего обжоры, выдержанная в эпических гексаметрах и с привлечением эпической лексики. Один из первых образцов пародии в греческой литературе.

Фр. 12. Папирусный фрагмент, о принадлежности которого филологи давно спорят. Многие считают его автором Архилоха. Поскольку, однако, он найден вместе с другим отрывком эпода, где упоминается имя Гиппонакта, авторство последнего представляется более вероятным. 2. *Салидеес* — город на фракийском побережье Черного моря (в нынешней европейской части Турции).

Симонид Кеосский (ок. 556–468) — разносторонний поэт, выступавший во многих видах греческой лирики. Писал элегии, эпиграммы, мелические произведения. Был современником крупнейших событий в истории Греции: побед над персами при Марафоне (490), Саламине (480) и Платеях (479). Ему приписывается множество эпиграмм, в частности, в честь воинов, погибших в сражениях за свободу Эллады.

Фр. 1–6 — из его элегии, посвященной походу греков под Платеи и сражению с персами, которое закончилось победой объединенного греческого ополчения. Фр. 1–4 — недавно открытые папирусы с восстановлениями английского филолога М. А. Веста. См. также в разделе «Мелика».

Фрагменты Симонида даются в переводах Л. Блуменау (8), остальные — В. Ярхо*.

Фр. 1. Начинается необычно для элегии с мифологического примера — воспоминания о похоронах Ахилла, которого «*так чтили*» все войско (5). Сначала, как видно, описывалось сооружение погребального костра (ст. 2–3), затем говорилось о гибели Ахилла от стрелы, направленной *рукой Аполлона*, и захоронении его останков в одной урне с прахом *Патрокла*, о чем сообщала киклическая поэма «Малая Илиада». 10. *...в гневе на царских детей...* — в первую очередь *Париса*, оскорбившего похищением Елены гостеприимный кров Менелая. К характеристике «злоумного Париса» (собств., «злокозненного», «злоумышляющего») ср.: Алкман, фр. 41; Алкей, фр. 16, 3. 15. *...волею мужа...* — Гомера, сохранившего память о героях Троянской войны. 19–20. *...сын деви* — Ахилл, сын морской нимфы Фетиды, дочери *морского старца Нерей*. 25. *...ибо от Спарты родной...* — Основу пешего ополчения под Платеями составляли спартанские и коринфские гоплиты (тяжеловооруженные воины). Согласно Геродоту (IX, 28), первых было 10 000, вторых — 5 000. 30. *Зевса красавицы сыны* — Диоскуры. 31. *Атрид* — здесь Менелай, спартанский царь, покинутый супруг Елены. 33. *Клеомброт* — спартанский царь, незадолго до того умерший. 34. *Павсаний* — спартанский полководец, опекун малолетнего царя, главнокомандующий греческого войска. 36. *Кра́я, в котором царил...* — то есть северных пределов Пелопоннеса. См.: Тиртей, фр. 1. 4 и примеч. 40. *Элевсин*. — См. гомеровский гимн к Деметре, 97 и примеч.

Фр. 2. *Правду вещаю народам...* — По сообщению Геродота (IX, 36), прорицатель Тисамен, сопровождавший греческое войско, предсказал, что жертвоприношение предвещает удачу, если греки останутся в обороне по эту сторону реки Асоп, и неудачу, если они переправятся на другой берег, занятый армией Павсания.

Фр. 3. Как видно из того же прорицания, имеющего в виду создание Афинского морского союза в 479 г.

Фр. 4. Отрывок из описания боевых порядков противников. 3. *Мощным Геракла сынам...* — Ср.: Тиртей, фр. 1, 2; 5, 1–2.

Фр. 5. 1. *Эфира*. — См. разд. I, Евмел, фр. 2, 5 и примеч. 3. *Главк* — участник Троянской войны. См.: «Илиада», VI, 119–211.

Фр. 6. 2. *Злата сиянье* — то есть богатые золотые доспехи, снятые с персов. Обычно трофеи такого рода вывешивались в местном храме Аполлона.

Фр. 7 долгое время с середины XIX в. приписывали Семониду Аморгосскому; в настоящее время фрагмент возвращен Симониду Кеосскому.

Фр. 8. 2. *Славный хиосец* — Гомер. 3. «*Так же, как листья деревьев...*» — Ср.: «Илиада», VI, 146; Мимнерм, фр. 2.

И о н (ок. 480–422) с о-ва Хиос, разносторонний поэт, автор трагедий (до нас не дошли), элегий и лирических стихотворений.

Фрагменты Иона в этом разделе переведены М. Гаспаровым (3), С. Ошеровым (1, 2), В. Ярхо* (4). См. также разд. III.

Фр. 1. Отрывок из элегии, предназначенной, по-видимому, для исполнения на пиру. 1. *Тифсоносный*. — Тирс — жезл Диониса, увитый виноградом и плющом.

Фр. 2. 6. *Прокл* — спартанский царь. *Алкимена*. — См.: «Теогония», 526 и примеч. 943 сл.; «Щит Геракла», 2–3 и примеч.

Фр. 3. Четверостишие из элегии, посвященной памяти поэта и философа Фебекида (VI в.) с о-ва Сирос.

Фр. 4. Отклик на попытку добавить к семиструнной лире еще четыре струны.

Дионисий из Афин (V в.) по прозвищу «Медный», так как он советовал афинянам пользоваться медными деньгами. По преданию, вывел афинскую колонию на юг Италии и основал там г. Фурии.

Из неизвестного автора — хорошо сохранившийся папирусный отрывок, относимый по содержанию и стилю к застольным элегиям V в., как и два предыдущих фрагмента.

К р и т и й (460–403) — афинский политический деятель, философ, поэт, драматург. Дядя философа Платона, принадлежал к кружку последователей Сократа. Не скрывал своего враждебного отношения к афинскому демократическому устройству и в 404 г. возглавил коллегия 30-ти тиранов. В 403 г. пал в бою с демократическим ополчением.

Фр. 1 написан по типу каталогов, отмечающих вклад каждого города в цивилизацию и бытовое устройство. 1. *Коттаб* — популярная в Греции игра, смысл которой состоял в том, чтобы, плеснув из кубка остатком вина, попасть в подвешенный на шесте медный сосуд, напоминающий тарелку. Ср. фр. 4, 9–10; *Хиос* — большой остров и одноименный город на нем у побережья М. Азии. *Энопион* (Οινόπιον) — собств. «винопийца»: Хиос славился своим вином, и Критий сделал «винопийцу» его владельцем. 7. *Тирренские* — этрусские, то есть из Средней Италии, примыкающей к Тирренскому морю. 11. *Карийцы* — См.: Архилох, фр. 14 и примеч. 12–13. Ср.: разд. I, Песнь гончаров. Похожий перечень всякого добра, доставляемого отовсюду в Афины, содержится в комедии Гермиппа, современника Крития:

Ныне воспойте, о Музы, чей дом на высоком Олимпе,
Что и откуда привозит Дионис по винному морю,
Блага какие сюда доставляет корабль чернобокий:
Шлет для мечей рукояти и кожи воловьы Кирена,
Скумбрию и солонину везут с берегов Геллеспонта,
А из Фессалии — скот и крупу из толченой пшеницы.

- ...Из Сиракуз — сицилийских свиней нам и сыр доставляют...
 ...Снасть корабельную, холст и папирус везут из Египта,
 И благовонья — из Сирии...
 10 С Крита прекрасного шлют кипарис для богов многочистимых,
 Ливия кость для поделок слоновую нам присылает,
 Родос — изюм и инжир, погружающий в дрему хмельную.
 ...Сладкий каштан и миндаль, изумрудом сверкающий, ввозят
 Из Пафлагонии; финики шлют и муку финикийцы,
 А Карфаген поставляет ковры и подушки цветные.

(Фр. 63. Пер. В. Ярхо)

Фр. 2. *Алкивиад* (ок. 450—404) — афинский политический деятель из старинного рода. 4. Осуществил ли Критий свое намерение воспеть Алкивиада в *яambe* — неизвестно. Ср. разд. III, Еврипид.

Фр. 3. Характерный образец спартанофильских симпатий Крития.

Фр. 4. См. разд. III, Анакреонт. 2. *Теос* — город на малоазийском побережье, родина Анакреонта. 4. *Барбитон* — одна из разновидностей лиры. 6. *Воду... вином разведя...* — См.: «Труды и Дни», 596 и примеч. 10. *Коттаб*. — См. выше, фр. 1, 1. *Бромий* — культовое прозвище Диониса.

Евген с о-ва Парос (2-я пол. V — нач. IV в.), поэт, хорошо известный в Афинах и высоко ценимый Сократом и Платоном.

Аристотель из Стагира (384—322) — великий греческий философ. См. также разд. III.

Фр. 1 посвящен учителю Аристотеля Платону, но обращен к философу Евдему с о-ва Родос, воздвигшему, по преданию, в Афинах, алтарь Платону.

В. ЯРХО

Гермесанакт из Колофона (кон. IV — нач. III в.) — александрийский поэт, автор трех книг любовных элегий, объединенных именем его (скорее всего фиктивной) возлюбленной Леонтион. Из кн. 3-ей дошел курьезный каталог (98 стихов) влюбленных поэтов и философов, от Орфея до современника Гермесианакта поэта Филета (фр. 1).

Фр. 1. «Каталог влюбленных». Гермесианакт перечисляет здесь влюбленных Орфея (*потомок Эзифа*) (1—14), затем столь же легендарного *Мусея* (15—20), *Гесиода* (21—26), делая предметом его страсти некую *Эю* (то есть превращает в собственное имя слова *e hoie*, которыми начинался каждый отрывок в «Эоях» Гесиода, — см. разд. I, «Каталог женщин», вступит. заметка к примеч.), *Гомера* (27—34), внушая ему страсть к *Пенелопе*, *Мимнерма* (35—40) — см. выше примеч. к нему, *Антимаха*, автора «Лиды» (41—46) — см. также примеч., *Алкея* (47—50), чья любовь к *Сапфо* составляла одну из античных легенд (см. разд. III, Сапфо, фр. 73; Алкей, фр. 88); другим влюбленным в Сапфо поэтом Гермесианакт называет *Анакреонта* (51—56), — невозможность такой комбинации имен по хронологическим соображениям заметили уже в древности. Напротив, любовь *Софокла* к *Феориде* (57—60), по видимому, достоверный факт его биографии в отличие от анекдота об *Еврипиде*, якобы растерзанном собаками. Как Гомер в Пенелопу, так *Филоксен* (69—74) влюблен в нимфу *Галатею*, героиню его дифирамба «Киклоп». Наконец, для *Филета* (75—78) *Биттида* — такой же (реальный или фиктивный) объект страсти, как для самого Гермесианакта — Леонтион. История любви философов — *Пифагора* (85—90), *Сократа* (91—94) и *Аристиппа* (95—98) — крайне недостоверна. Во всяком случае, ни один серьезный источник не сообщает о влечении Сократа к *Аспасии* — гражданской жене Перикла.

Ст. 2. *Ариона* — возлюбленная Орфея (в более известном варианте — Евриди-ка). Ст. 8. *...всех умоливши богов...* — Имеются в виду боги подземного царства, среди которых назван и *Кокит* — божество одноименной реки в Анде. Ст. 15. *Анти-она* — вероятно, персонаж, вымышленный Гермесианактом или заимствованный из какого-нибудь редкого мифа. Ст. 16. *Меной рожденный Мусей...* — Мена — иносказа-тельное название Луны (от греч. *теп* — «месяц»). Ст. 17. *...посвященный...* — то есть посвященным в Элевсинские мистерии. Ст. 18. *...на элевсинской земле...* — См. гомеровский гимн к Деметре. Ст. 19. *... жреца провожала рафийского...* — См. гомеровский гимн к Деметре, 450 и примеч. Ст. 22. *...Гесиод, всякой науки знаток...* — как зачи-натель дидактического эпоса. Ст. 25. «*Перечни*» — «Каталог женщин, или Эои», см. разд. I. 33. *Икария род.* — Икарий — отец *Пенелопы*, брат спартанского царя Тинда-рея. *Амикл.* — См.: «Каталог женщин», фр. 62 и примеч. Ст. 34. *Также и Спарту воспел...* — то есть Елену, ставшую причиной Троянской войны. Ст. 37–39. *...белею-щим лотосом часто / Связан на шумных пирах...* — Лотос — обозначение флейты, которую привязывал во время игры к щекам флейтист Гексамий; *Гермобий*, *Фе-рекл* — лица неизвестные. Ст. 42. *Пактол* — золотоносная река в Лидии (М. Азия). Ст. 43. [в *Сардском краю*] — восстановлено по смыслу. Сарды — древняя столица Ли-дии. Ст. 49. *Певец полюбил саравья...* — то есть Сапфо. Ст. 50. *Мужу теосскому* — Анак-реонту (см. разд. III). Ст. 55. *Лект ... Мисийский* — мыс, составляющий юго-запад-ную оконечность Трояды. Ст. 56. *...за эзийской волной* — то есть на северо-западном побережье М. Азии и прилежащих островах (в том числе на Лесбосе). Ст. 57. *Ко-лон* — предместье Афин, родина Софокла, которого за его язык называли «пчелой». Ст. 59. *...Вакха и страсть к Феориде...* Далее текст испорчен. Ст. 62. [злым языком понос] — восстановлено по смыслу. Речь идет об Еврипиде, пользовавшемся славой хулиателя женщин (см. комедию Аристофана «Женщины на празднике Фесмофо-рий»). Ст. 65. *...в земле македонской...* — Последние годы своей жизни Еврипид про-вел при дворе македонского царя Архелая. Ст. 66. *К ключнику ... Архелаяву...* — По античному преданию, македонянин Аррибий убедил царского домочадца по име-ни Лисимах, подкупив его за десять мин, напустить на Еврипида выкормленных им собак; [поздней порой] — восстановлено по смыслу. Ст. 69. *Вакха кормилицы* — здесь: *Музы; мужа-кифера...* — Кифера — см.: «Теогония», 192 и примеч. Ст. 70. *Лотос.* — См. выше 37 и примеч. Ст. 72. С *Ортигией* обычно отождествляли Сицилию. Ст. 76. *Еврипил* — сын Посейдона, царь о-ва Кос, убитый Гераклом. Ст. 79–84. Типичное насмешливое изображение философов. Ст. 84. *Грозный возничий* — Эрот. Ст. 95. *Мужа киренского...* — Аристиппа из Кирены, основателя школы киренаиков; *...на Истие...* — то есть в Коринфе, где в то время жила знаменитая гетера Лаида. Ст. 96. [Невероятно] — восстановлено по смыслу. Ст. 98. Стих испорчен. *Жизнь в на-слаждениях вел...* — Античные источники сообщают, что много странствовавший Ари-стипп два месяца в году проводил в бездействии на о-ве Эгина.

Фр. 2. «Проклятья». Принадлежит к жанру фиктивных проклятий, распро-страненному в эллинистической и римской поэзии (ср. поэму Овидия «Ибис»). По-вод для проклятия мог быть самым ничтожным (в данном случае он неизвестен), реализация его — фантастическая (как здесь — татуировка). Главное было — пока-зать свою ученость в изображении вытатуированных картин.

Ст. 1–10 — участь *Тактала*, постигшая его в подземном царстве за разглаше-ние разговоров богов. Ст. 11–21. Описание охоты на вепря, которого Артемиды наслала на Калидон в Этолии (зап. Греция). Предводительствовал охотниками сын царя Ойнея (*Ойнеид*) *Мелеагр*, среди участников охоты были *Тесей*, внук Питфея (*Питфеид*), Пелей (*Пламенеющий*), Анкей из Аркадии, Диоскуры (*два сына Леды*). См. выше, разд. I, Евфорион, фр. 1 и примеч.

О. ЦЫБЕНКО, В. ЯРХО

ПРИЧИНЫ

В жанре элегии наиболее крупным произведением Каллимаха был сборник поэм в четырех книгах под названием «Причины» — в каждой из них объяснялась причина учреждения какого-либо обычая, обряда или культа, при этом большей частью редких или малоизвестных. Судя по дошедшим отрывкам и комментариям (главным образом папирусным), сначала Каллимах издал первые две книги; затем он продолжал писать элегии, которые под конец жизни объединил в III и IV книги, обрамленные «Победой Береники» и «Косой Береники», то есть посвященные египетской царице, супруге Птолемея III Еввергета (246–221). Тогда же был дописан пролог, обращенный к злым демонам Тельхидам (фр. 1), под которыми разумелись литературные противники Каллимаха. Количество элегий в окончательном варианте «Причин» неизвестно; вероятно, оно колебалось между 40 и 50. Что касается объема каждой элегии, то он не был строго фиксирован: «Могила Симонида», сохранившаяся, по-видимому, почти целиком (фр. 10), насчитывает всего 14 стихов; «Победа Береники» (фр. 3–9) и «Аконтий и Кидиппа» (фр. 11–18) могли достигать двух сотен строк. При всей недостаточности материала («Причины» стали известны в относительно крупных папирусных отрывках лишь на протяжении нашего столетия) все же очевидно, что элегии Каллимаха только в формальном плане (употребление элегического дистиха) принадлежат к этому жанру, как он сложился в VI–V вв.: в них нет общественно-нравственной проблематики, представленной у Тиртея и Солона, а эротический элемент, если он и присутствует, носит совершенно объективный характер.

В настоящем издании приведены отрывки, имеющие достаточно законченный характер (исключение составляют отдельные стихи из «Аконтия и Кидиппы», фрр. 12–17, сохранившиеся в позднеантичных источниках). Кроме фр. 18, опубликованного в свое время в переводе М. Грабарь-Пассек, все остальные фрагменты из элегий Каллимаха публикуются здесь впервые: фрр. 1–2, 10–17, 19–20 — в переводе О. Смыки, фрр. 3–9 — в переводе В. Ярхо.

Фр. 1. «Пролог. Против Тельхинов». 4. *В тысячах строчек поэм не воспевая царей...* — творческое кредо Каллимаха, противника крупных героических поэм (ср. ниже, 23 сл.). 6. *...а ведь мне лет не десяток...* (ср. 34, 38) — свидетельство позднего происхождения этого пролога. 11. *Минерм* — см. выше. 12. «*Большая жена*». — Имеется в виду либо его «Нанно», либо «Лида» Антимаха, большие поэмы, посвященные их возлюбленным. 13 сл. *Пусть из Египта журавль...* — намек на миф о сражении журавлей с племенем карликов-пигмеев, живших якобы в верховьях Нила. 15. *Массагеты* — скифское племя, жившее на восток от Каспийского моря. Как и *меды* (т. е. мидийцы), славились искусством стрельбы из лука. 16. *...пять соловьем* — то есть рассыпать непродолжительные, но чарующие трели. 17. *Схен* — употребительная в Египте персидская мера длины, которой меряли землю; составляла в разных местностях от 30 до 60 стадиев, то есть примерно от 5,5 до 11 км. 21. *Таблички* — деревянные дощечки, покрытые слоем воска, на которых писали заостренными палочками. 22. *Ликийский Аполлон* — эпитет, применяемый к Аполлону либо потому, что его мать Лето (см.: «Теогония», 18 и примеч.) происходила из Ликии, либо потому, что он считался охранителем стад от волков (греч. *lykos* — «волк»). 25. *Вот мой завет...* — еще один творческий принцип Каллимаха: избегать общеизвестных сюжетов. 36. *Эккелад* — гигант, восставший против Зевса, который накрыл его островом Сицилия.

Фр. 2. «О городах Сицилии». Принадлежит ко II книге «Причин» и, как вся их первая половина, выдержан в форме беседы поэта с явившимися ему Музами (ср. 56 сл.). В ст. 12–17 поэт говорит от себя, в ст. 46–55, как видно, отвечает на вопрос, заданный Клио, в ст. 58–87 передает ее второй рассказ.

Ст. 17–46. От этой лакуны сохранились три стиха, из которых видно, что речь шла об основании Камарины, дорийской колонии в Сицилии, учрежденной в 599 г. 46 сл. *Гела* — тоже дорийская колония в Сицилии, основанная в 690 г. выходцами с о-ва Крит и из города *Линда* с о-ва Родос. 48. *Критская Миноя* — город на южном берегу Сицилии, названный, возможно, по имени легендарного критского царя Миноса (на Крите была своя Миноя). 49. *Кокал* — царь сицилийский Минои, у которого нашел прибежище бежавший с Крита Дедал. Когда преследовавший его *Минос* (сын *Европы* от Зевса) явился к Кокалу, его дочери, желая спасти Дедала, устроили гостю ванну и наполнили ее *кипятком*. 50. *Леонтины* — колония, выведенная ок. 729 г. жителями о-ва Наксос. 51. *От мегарейцев других...* — то есть сицилийская Мегара, близ Сиракуз; была основана выходцами из греческой (*Нисейской*) Мегары. 52. *Евбея*. — См.: «Труды и Дни», 651 и примеч.; по ее имени назван город в Сицилии. 53. *Эрикс* — город на горе в Сицилии с храмом Афродиты, которая считалась его покровительницей. 58. *Кима и Халкида* — названия нескольких греческих городов, в том числе на Евбее; вероятно, они здесь и имеются в виду. 60. *Тринакрия* («Треугольная») — древнее название Сицилии. 62. *Гарпас*. — О птице Гарпас есть рассказ в «Метаморфозах» Антонина Либерала (гл. XX). Однако из него нельзя понять, почему присутствие цапли ослабляет ее злобность. 66. *Ястреба крыльями...* — Из-за лакуны в тексте связь ястреба с выведением колонии тоже не ясна. Вероятно, имеется в виду какая-то примета. 70. *...тот серп знаменитый...* — См.: «Теогония», 154–181. Упоминаемый выше *Кронов серп* — город Занкла, основанный ок. 725 г. в северо-восточном углу Сицилии и переименованный позднее в Мессану (Мессину). 74. *...идут к Аполлону...* — То есть в Дельфы, чтобы спросить оракул. 80. *А к основателю града...* — Это и есть тот непонятный для непосвященных обычай, причина которого излагается в настоящей элегии. 86 сл. *Феодесия* — критский праздник в честь Диониса. *Киссуа* — источник в Беотии, в котором, по преданию, нимфы омыли Диониса, извлеченного Зевсом из чрева Семелы. *Галиарт* — город в Беотии.

Несохранившаяся часть этой элегии должна была дать ответ на вопрос, поставленный поэтом: какая связь существует между местным фиванским сказанием и праздником на Крите?

«Победа Береники». Элегия посвящена победе четверки коней, посланных египетской царицей Береникой на состязание в Немею, в Арголиде. (Победителем считался владелец упряжки). Однако это событие является для Каллимаха только поводом для рассказа о том, как Гераклом были установлены игры в честь победы над Немейским львом.

Фр. 3. 2. *Царская дочь и жена, отпрыск...* — обычная титулатура египетской царицы, которая могла приходиться сестрой своему брату-царю, будучи дочерью его родителей — тоже царственных брата и сестры. Береника, кстати, не была родной сестрой своего мужа Птолемея III Еввергета. 4. *Телкой рожденный Данай* — потомок Ио, обращенной Зевсом в телку, чтобы скрыть ее от Геры. 5. *...на острове Елены...* — о-в Фарос; к *профетице славной...* — Эйдодее, сестре царя Протея, *пастыря тварей морских*. 7. *Офельт* — малолетний сын немейского царя Ликурга, погибший от укуса змеи.

Фр. 4. *Гневная Зевса жена* Гера наслала льва на свой культовый центр *Аргос*, чтобы заставить сразиться с ним Геракла — *Крониона сына*.

Фр. 5. По дороге на сражение со львом Геракл останавливается в избушке старика Молорха, который в отсутствие героя ведет войну с одолевшими его мышьями. Об их поведении — фр. 6.

Фр. 7. Геракл возвращается, покрыв плечи шкурой задушенного им льва.

Фр. 8. Геракл не пускается в описание подробностей сражения, только что изложенных Каллимахом.

Фр. 9. 1–2. *Дети Алета-царя* — коринфяне, справляющие Истмийские игры в честь Посейдона — *бога Эгейского*. 5. *Эфира*. — См. разд. I, Евмел, фр. 2, 5; разд. II, Симонид, фр. 5, 1.

Фр. 10. «Могила Симонида». О Симониде см. выше в этом разделе. Он умер в Сицилии и был похоронен вблизи г. Акраганта (нынешний Агридженто). Элегия написана от имени поэта, вещающего из своей могилы. 1. *Камарина* — здесь: озеро вблизи одноименного города (см. примеч. к фр. 2, 17–46), жители которого были предупреждены оракулом, чтобы они не трогали озера. Они, однако, осушили его, и впоследствии город был взят неприятелем. 4. *Ксений-Зевс* — покровитель чужеземцев. 5. *Срыл знаменитый муж...* — во время войны Акраганта с Сиракузами, подробности которой неизвестны, как и что-либо о *Фенике*. 7. *...и взял для строительства башни...* — Достаточно распространенная в Греции практика, когда во время военной опасности, угрожавшей городу, для строительства укреплений использовались каменные надгробья. 10. *... память себе подчинить...* — Симониду приписывали изобретение мнемонических приемов. 11–14. Известная в древности история о том, как во время пира в доме Скопадов (см. разд. III, Симонид, фр. 1 и примеч.) двое неизвестных юношей вызвали поэта наружу, и, как только он вышел, дом рухнул. Все гости вместе с хозяином погибли, а юноши оказались Диоскурами — Полидеком и Кастором (см.: «Каталог женщин», фр. 72, 13). *Краннон*. — См. разд. I, Каллимах, «Гимн к Деметре», 76.

Фр. 11–18. «Аконтий и Кидиппа». История Аконтия и Кидиппы сводится вкратце к следующему. Юноша Аконтий с о-ва Кеос увидел на празднике Аполлона на о-ве Делос прекрасную Кидиппу и влюбился в нее с первого взгляда. По наущению Эрота он подбросил ей яблоко с вырезанными на нем словами: «Клянусь Артемидой, я выйду замуж за Аконтия». После этого все попытки отца Кидиппы выдать дочь замуж кончались ее загадочной болезнью. После трех неудач в сватовстве отец обратился к оракулу Аполлона, который объяснил ему, что Кидиппа связана невольной клятвой и единственное средство ее спасти — выдать замуж за Аконтия. Отец так и поступил. См.: Овидий, «Героиды», 20 и 21.

Фр. 11. 5. *Иулид* (Иулида) — город на о-ве Кеос, родина Симонида. *Наксос* — о-в из группы Кикладских. 6. *Кинфий-владыка* — Аполлон; от названия холма, где он родился. 7. *Евксантид* — сын Миноса, переселившийся на Кеос. *Прометеева поросль*. — Имеется в виду сын афинского царя Кодра, переселившийся на Наксос. 11. *Силен, косматый старец*, отождествляется с рекой на Наксосе. 14. *Ариадна*. — См.: «Теогония», 947 и примеч.

Фр. 12. Внешность Аконтия.

Фр. 13. *Каплей последней вина...* — то есть во время игры в коттаб (см. выше: Критий, фр. 1 и примеч.).

Фр. 14. *Сам же стрелок...* — Аконтий, внушивший к себе любовь других, был сам охвачен любовью к Кидиппе.

Фр. 15. *Он под предлогом любви...* — Возможно, чтобы не выдать окружающим свое чувство.

Фр. 16. Поведение Аконтия.

Фр. 17. Вероятно, упрек Аконтия себе самому.

Фр. 18. 4. *Гера, сказанье гласит...* — Речь идет о «священном браке», заключенном между Герой и Зевсом до «официальной» церемонии. 6. *... таинства грозной богини...* — Элевсинских мистерий. См. гомеровский гимн к Деметре, 476–482. 10. *... свой пыл быки охлаждали...* — то есть на их заливки перед жертвоприношением лили священную воду. 13. *Этот недуг* — эпилепсия. 23. *Лигдамид* — киммерийский царь, который ок. 670 г. сжег храм Артемиды в Эфесе, впоследствии заново отстроенный. 24. *Амиклы* — культовый центр в Спарте, на берегу Еврота. 25. *Парфенийская река* — находится в Пафлагонии (М. Азия). 26. *...на Делосской земле...* — По-видимому, Аконтий увидел Кидиппу во время праздника на о-ве Делос и там же подбросил ей яблоко. 32. *Кодрид* — потомок афинского царя Кодра. 33. *Аристий* — сын Аполлона и нимфы Кирены (по ее имени был назван родной город Каллимаха), который некогда освободил остров от эпидемии и стал почитаться под именем Зевса-Аристия. 41. *Взяв Дионисом тебя...* — Оригинал испорчен. Вероятно, намек на похищение Дионисом Ариадны с о-ва Наксос. 46. *Ификл* — то же, что

Филак. См.: «Каталог женщин», фр. 30 и примеч. 47. *Мидас*. — См. выше: Тиртей, фр. 7, 6 и примеч. 52. *Иулида*. — См. фр. 11 и примеч. 54. *Ксенамед* — автор местной хроники с Кеоса (ок. 450). 58. *Гидрисса* — «обильная водой». 65–70. Местный житель *Тельхин* оскорбил богов, и за это Зевс и Посейдон обрушили весь город в Тартар, пощадив только *Макелó* и ее дочь *Дексифею*.

Фр. 19. «Икос». Место этой элегии среди четырех книг «Причин» неизвестно. Содержание же ее сводилось к следующему. Каллимах присутствует на пиру у некоего Поллида, афинского гражданина, живущего в Египте, но свято соблюдающего праздники своей отчизны (1–5). На одном из таких симпозиев соседом Каллимаха оказывается Феоген с о-ва Икос, расположенного на северо-восток от Евбеи и ничем в истории Греции не примечательного, кроме того, что на нем чтут *мирмидонца Пелея* (23), отца Ахилла, о чем из других источников ничего не известно. К сожалению, ответ Поллида, составляющий как раз объяснение причины, в папирусном отрывке не дошел.

1. *Открытие бочек* — первый день трехдневного праздника Анфестерий (конец февраля), когда впервые открывают бочки с молодым вином осеннего урожая. 2. *Орестей*. — Так Каллимах называет второй день Анфестерий, «Кружки», восходящий якобы к тем временам, когда Орест после убийства Клитемestры пришел в Афины. Местный царь, не желая нарушать правила гостеприимства, но и боясь осквернения своих граждан от контакта с матереубийцей, велел всем принести с собой собственные кружки, в которые и разливалось вино. В этот день рабы пользовались особой вольностью (*светлый денек для рабов*). 3 сл. *Икарий* — афинянин, которого Дионис научил виноделию. Был убит своими опьяневшими односельчанами, а его дочь *Эригона*, найдя могилу отца, повесилась на дереве, росшем над ней. За это Дионис наслал безумие на афинских женщин, многие из которых повесились вместе с Эригоной. Избавление оставшихся в живых от напасти отмечалось с тех пор специальным празднеством, вероятно, входившим в состав третьего дня Анфестерий. 12. *Воду с вином не мешать*... — признак варварского образа жизни. Ср.: «Труды и Дни», 596 и примеч. 18 сл. Ср. примеч. к ст. 2 о вольности рабов.

Фр. 20. «Эпиникий Сосибия». Название «эпиникий» носит здесь такой же условный характер, как применительно к «Победе Береники». Это — элегическая поэма, посвященная спортивным победам Сосибия, знатного сановника при дворе Птолемея. Непосредственный повод для ее написания — двойная победа, одержанная колесницей Сосибия на Истмийских (4–14), а затем Немейских (17–22) играх. Это известие приводит в радостное восхищение саму реку Нил, которая, несмотря на свое многоводье по сравнению с засушливыми греческими реками (28–31), еще никогда не называлась при имени победителя в состязании.

Затем автор, по примеру Пиндара, возвращается к ранее одержанным победам Сосибия: на Панафинейских играх, где он, несмотря на свою молодость, принимал участие в одной группе со взрослыми мужчинами (34–36), и в Александрии, где Птолемей II учредил в 279/278 г. состязания в беге для мальчиков (37 сл.). Также по примеру Пиндара в заключительной части прославляются достаточно проблематичный демократизм Сосибия и его забота о бедняках (46–50).

О времени жизни Сосибия и написания элегии мнения исследователей расходятся: одни яростно отстаивают ее раннее происхождение, другие столь же убежденно относят ее к последним годам жизни поэта. Как бы то ни было, ясно, что этот достаточно вычурный панегирик, лишенный малейшего чувства юмора, значительно уступает аналогичной по замыслу «Победе Береники».

4. *Сельдерей*. — См. выше, фр. 9. 5. *Эфира*. — См.: разд. I, Евмел, фр. 2, 5 и примеч. ...*конь асбистейский*... — вскормленный в племени асбистов в Киренаике, на севере Африки (Ливии). 9. *Бог, что живешь*... — Посейдон, почитавшийся на Истме — Коринфском перешейке, с двух сторон омываем морем. 10. *Род Сисифидов*. — Сисиф был мифологическим царем Коринфа. 11. *Земля Пелопидов* — Пелопоннес. 12. *Крамна* — коринфская гавань со стороны Саронического залива (чаще называемая Кенхрей), *Лехий* (Лехеон) — со стороны Коринфского залива. 16. *Что созда-*

ют муравьи... — Намек на предание, что муравьи в Индии строят свои муравейники в золотоносном песке. 17. *Немеля*. — См. выше, фр. 9. 18. *Пирена* — священный источник в Коринфе, здесь синоним Истмийских игр. 19. *Киниф* — река у западных границ царства Птолемея. 21 сл. *Леархов брат* — Меликерт, в честь которого были установлены, по преданию, Истмийские игры. ...*млекомиринским воем*. — Сыном немейского царя был Офельт (см.: «Победа Береники», фр. 3, 7 и примеч.), его кормилицей — изгнанная или бежавшая с Лемноса царица Гипсипила, дочь Мирины. В память о смерти младенца были, по одному из вариантов мифа, учреждены Немейские игры. 26. *Так не бывало еще...* — Отсюда ясно, что «Эпипиний Сосибий» в любом случае написан до «Победы Береники» — иначе Нил не мог бы сказать, что его питомец впервые одержал победу на общегреческих играх. 32. ...*хранятся сосуды...* — знаменитые расписные амфоры, которые вручались победителям на Панафинейских играх. 35. ...*к храму Совы...* — к Парфенону, храму Афины, чьим символом была сова. 36. *Архилоха творенье*. — См. выше: Архилох, фр. 44. 39 сл. «*Дважды наши гости победили...*» — Кому принадлежали эти слова, при существующем состоянии текста установить невозможно. *Дочери Евриномы* — Грации. Их статуи приносили в дар Гере в ее знаменитом храме в Аргосе. Почему их теперь там не ставят — так же неизвестно, как и то, чьи это слова. 42. *Вот что про этот обряд...* — Теперь Каллимах говорит от себя, стараясь и здесь найти объяснение очередному обряду. 44. ...*посвятил он...* — Сосибий; ...*храм ... на Касийских берегах...* — вероятно, храм Зевса-Касия (по названию мыса Касий на северном берегу Египта), расположенный недалеко от г. Пелусий близ дельты Нила. 45. *Сидон* — город в Финикии.

ЯМБЫ

Как следует из заключительных стихов «Причин», к ним в полном прижизненном издании сочинений Каллимаха присоединялся сборник из 13 ямбических поэм, названный так потому, что основным размером в нем были холиямбы — размер, введенный в греческую поэзию Гиппонактом (см. выше). Из дошедшего папирусного комментария к ямбам известно содержание каждого из них, хотя текст самих ямбов дошел далеко не в лучшем состоянии. Ниже приводятся ямб I и ямб IV.

Ямб I. «Кубок Бафикла». Содержание его сводилось к следующему. Явившийся с того света Гиппонакт обращался с призывом к современному Каллимаху ученым не вздорить между собой, приводя в пример отношения между легендарными «семью мудрецами»: некий аркадянин Бафикл перед смертью завещал сыновьям вручить принадлежавший ему золотой кубок самому мудрому из греков. Они посчитали таким милетского философа Фалеса и передали кубок ему (34–50); тот, однако, решил, что житель Приены Биант (55) мудрее его, и переслал ему кубок; тот, в свою очередь — правителю Коринфа Перияндрю, от которого он перешел к афинянину Солону (56; см. выше), от него — к спартанцу Хилону (56), затем — Питтаку из Митилены, Клеобулу из Линда на Родосе и вернулся к Фалесу (61), который посвятил его в храм Аполлона в Дидиме. К сожалению, текст со второй половиной «странствий» кубка не сохранился.

2. ...*где ни за грош...* — Дешевизна товаров в подземном царстве была поговорочной. 4. *Бупал* — скульптор; по преданию, враг Гиппонакта. 6–8. Речь идет о писателе Евгемере (1-я пол. III в.), авторе утопического романа «Священная записка», в котором описывалось общественное устройство на сказочном о-ве Панхей и передавалось содержание некоей «золотой записи» с изложением деяний Урана, Крона и Зевса. Во времена Каллимаха, как видно, сочинение Евгемера не пользовалось доверием (8). 10. *О Аполлон!* — Причина перехода к многолюдству на земле из-за отрывочного характера текста неясна. 18. *Ахеронт* — река в подземном царстве. 29. *Как будто на пиру...* — Древние располагались на пиру на ложах, опираясь на локоть левой руки, а в правой держа угощение. 34–37. *Поплыл в Милет* — кубок Бафикла. *Фалес* (640–546) — древнегреч. философ и ученый из Милета. Ему приписываются открытия в астрономии и описание звезд, которыми руководствовались

финикийские мореходы. *Небесная телега* — Малая Медведица. 38. *Предлунный наш* — то есть посланный аркадец; аркадцы считались «древнее луны». 39. *У Дидимея* — то есть в храме Аполлона в Дидиме, близ Милета. 41. *Евфорб фригийский* — троянец, убитый Менелаем. Пифагор утверждал, что в него вселился дух Евфорба, и все следующие сведения относятся к Пифагору, а не к Евфорбу. 46. *Елиу-то* — Фалесу. 60 сл. Посвятительная надпись на кубке. *Правитель нелейцев* — Аполлон; по аттической традиции, основателем Милета считался Нелей, сын легендарного афинского царя Кодра. 64–68. Кто из современников Каллимаха имеется в виду, неизвестно. *Алкмеон*. — См.: «Каталог женщин», фр. 69, 1 и примеч.; разд. III, Стесихор, фр. 11. 66. *Корикеец* — житель г. Корика в М. Азии. Их считали способными на всякий обман и коварство.

Ямб IV. «Спор оливы с лавром». Воспроизводит в аллегорической форме литературную полемику между Каллимахом и его неизвестным ближе оппонентом. В конце спора в него вмешивается третий участник (*терновый куст*, 76), идентификация которого тоже крайне спорна. Произведение интересно как образец басни, литературно обработанной таким тонким стилистом, как Каллимах.

9–30. Речь лавра — священного дерева Аполлона. 16. *Бранх* — прорицатель, почитаемый Аполлоном; во время эпидемии чумы в Милете якобы спас местных детей от болезни, возложив им на головы лавр и сопровождая эту процедуру мистическим песнопением. 19. *Пифо*. — См.: «Теогония», 499 и примеч. 21. *Долина Темпы*. — См. разд. III, Аристоной, фр. 1, 17 и примеч. 25. *Не знаю я...* — Богам вообще не подобало присутствовать при кончине смертных. 39. *Тефия* — дочь Земли и Неба, супруга Океана; см.: «Теогония», 136, 337; такой же символ вечной старости, как и упоминаемый далее *Тифон* (см. гомеровский гимн к Афродите, 218 и примеч.). 53 сл. Речь идет о споре за обладание Аттикой, когда от удара трезубцем Посейдона из скалы забил источник влаги, а по воле Афины выросла олива, плоды которой греки использовали и в сыром и в засоленном виде и выжимали из них масло, а жмых от него бедные люди еще долго высасывали до последней капли (62 сл.). 55. *Кекроп-земля* — легендарный афинский царь, первый насельник аттической земли. 66. *...несут к богам с мольбой...* — Направляясь в храмы за прорицанием и помощью, древние несли с собой оливковые ветви, обычно увитые шерстяными нитями. 70 сл. *Ствол... оливы...* — По преданию, Лето разрешилась от бремени, упершись ногами в ствол финиковой пальмы. См. гомеровский гимн к Аполлону Делосскому, 13 и примеч. 86. *Геката*. — См.: «Теогония», 411–452 и примеч. 87. *Пактол*. — См. выше: Гермесианакт, фр. 1, 42 и примеч.

Феникс (III в.) известен только несколькими небольшими отрывками. Приводимая здесь «Песнь вороны» — стилизованные колядки, ср. разд. III, обрядовые песни.

Ст. 1–2. *...птице, что Феб своей считает...* — Ворона считается птицей Аполлона, так как ее название (греч. «когоне») напоминает о возлюбленной Феба Корониде (см. разд. III, пеан Исиды и примеч.).

Фанокл — элегический поэт александрийской поры (вероятно, II в. до н. э.). Составил сборник элегий о любви к прекрасным мальчикам начиная с древнейших времен. Каждый эпизод он начинал словами «или же так, как», подражая в этом «Эюм» псевдо-Гесиода. Сохранился приводимый здесь отрывок о смерти Орфея, ставшей расплатой за его страсть к юноше Калаиду — сыну Борей (см.: «Теогония», 380, 870) и участнику похода аргонавтов.

Ст. 7. *Жены-бистонки*. — Бистоны — одно из фракийских племен.

Ст. 20. *Форка вода* — море. Форк (или Форкий) — морской старец (см.: «Теогония», 237, 270, 333, 336).

Ст. 21 сл. *Пением славен... Лесбос*. — О древнейшей поэтической школе на Лесбосе, давшей Ариона, Терпандра, Алкея и Сапфо, см. вступительную статью.

В. ЯРХО

Раздел III. МЕЛИКА

Е в м е л. Уцелели два стиха из гимна, написанного в связи с отправлением жителями Мессении священного посольства в храм Аполлона на о-ве Делосе. *Ифома* — гора в Мессении.

Т е р п а н д р. Основатель мусической школы на о-ве Лесбос. Ок. 676—673 гг. учредил музыкально-поэтические состязания в Спарте на празднестве Аполлона и, по преданию, был их первым победителем. Также по преданию, изобрел семиструнную лиру (взамен ранее существовавшей четырехструнной). Сохранившийся фрагмент в оригинале — двустиише, предназначенное, по-видимому, для зачина праздника или пиршества. Оно состоит сплошь из долгих слогов, которые Вяч. Иванов передал четверостишием из одних ударных слов. Подлинность этих строк оспаривается многими филологами.

А л к м а н (2-я пол. VII в.). О его происхождении шли споры уже в древности: одни считали его уроженцем Сард, другие — Спарты. Недавно найденный папирусный отрывок подтверждает первое мнение. В любом случае писал Алкман для Спарты, которая в VII в. еще не была столь консервативным государством, боящимся всякого чужеземного влияния, каким она стала в V в. Произведения Алкмана были изданы александрийскими филологами в пяти книгах. Имя его — первое в хронологическом порядке в каноне девяти мелических поэтов (см. вступит. ст.).

Фр. 2—4 переведены Н. Казанским, 35—48 — В. Ярхо*, все остальные — В. Вересаевым.

Парфении. Фр. 1. Папирусный отрывок, начало которого испорчено. Начальные несколько десятков стихов парфения вообще утрачены, в связи с чем возникают многочисленные трудности в его толковании. Вероятнее всего, он исполнялся девичьим хором в честь богини Артемиды, почитавшейся в Спарте уже в IX в. под культовым именем Орфии — покровительницы плодородия, рождаемости, роста детей. По-видимому, на празднике выступали два соперничающих хора, исполнявшие каждый свою песнь. Эта состязательность («агональность») характерна вообще для всей греческой культуры, особенно в эпоху архаики (вспомним предание о состязании Гомера с Гесиодом, творческое соревнование драматургов в афинском театре).

Перед стихами, с которых начинается приводимый здесь перевод (несколько уточненный по новым изданиям текста), сохранилась первая половина еще 12-ти строк, из которой ясно, что речь шла о легендарных царях и героях спартанского прошлого. 1. *Судьба* — точнее «Доля», выпадающая каждому смертному при его рождении. Примерно таково же значение местного спартанского божества *Пороса*. 7. *Порк* — спартанское морское божество, тождественное общегреческому Нерею. ...*мечтать о браке... с дочерью... Порка* — то есть с одной из божественных Нереид. 11. *От стрелы... погибли* — гиганты, поднявшие восстание против Зевса и укрошенные его перунами. 12. ...*от мраморного жернова...* — так был сражен один из гигантов. 30. *Конь Енетский* — либо из области венетов (сев. побережье Адриатического моря), либо из Иллирии (вост. побережье того же моря). 39. *Колаксаев конь ... с ибенским спорит...* — Под первым разумеется конь скифского царя Колаксы (то есть царственный скакун); ибенский, по объяснению античного комментатора, — от племени ибенов в Лидии. Первый так же превосходит второго, как *Агесихора* свою помощницу *Агидо* (38). 40. *Плеяды* — здесь, возможно, соперничающий хор. 43. *Плау* — то есть его миниатюрное изображение, посвящаемое богине. 67. *Аотис* — либо еще одно культовое наименование Артемиды, отождествляемой с восходящей на рассвете луной, либо эпитет Зари-Эос. 77. *Сирены*. — См.: «Каталог женщин», фр. 51, 33 и примеч. 80. *Ксанф* — река в М. Азии.

Фр. 2. Текст составляется из двух папирусных отрывков, между которыми следует предположить лакуну в 50 стихов. 1—7 — перевод выполнен по тексту, допол-

ненному современным издателем. 60. ...*страстью крушащая*... — Как видно, описание *Астимелесы*, предводительницы хора; имя ее (букв.: «заботящаяся о городе») Алкман в дальнейшем (ст. 74) переосмысливает, чтобы показать значение совершаемого ею обряда для благополучия гражданской общины. 70. *Влага кинифская* — благовония, производившиеся на Кипре.

Фр. 3. Текст, составленный из двух папирусных фрагментов. 1. ...*надел ... Бельных богинь* — то есть Нереид.

Из других произведений. Фр. 4. 3. *Под землею вечно живы*... — По наиболее распространенной версии мифа, один из Диоскуров был взят после смерти на небо, а другой оказался в Аиде; затем братья стали меняться своим местонахождением. Алкман, как видно, использовал другой вариант.

Фр. 14. 4. *Не эрисихееу*. — Эрисиха — город в Аккарнии (юго-зап. часть Средней Греции). 5. *Сарды* — см. разд. II, Гермесианакт, фр. 1, 43 и примеч.

Фр. 17. Отрывок, обработанный В. Гёте и М. Ю. Лермонтовым.

Фр. 18 — изображение менад — спутниц Диониса. 7. *Аргубийца*. — См.: «Труды и Дни», 67 и примеч.

Фр. 19. *Кипер*. — См. гомеровский гимн Гермесу, 107 и примеч.

Фр. 23. 4. *Хрисокала* — кушанье из льняного семени с медом.

Фр. 24. 2. *Хидрон* — блюдо из пшеничной муки.

Фр. 30. *Ананке* — неотвратимость, судьба.

Мифологические мотивы. Скучные фрагменты показывают, что, кроме обычных обращений к богам (к Афине — фр. 35 и 36), Афродите (фр. 38), Артемиде (фр. 39), обожествления природы (фр. 40), Алкман пользовался мифологическими примерами и для обоснования каких-то своих взглядов, как в парфениях (фр. 1). Наиболее частым источником имен и сюжетов была Троянская война. В сохранившихся отрывках находим осуждение Париса (фр. 41) и Елены (фр. 42), сцену боя после гибели Гектора, когда на помощь троянцам пришел царь эфиопов Мемнон (фр. 43), эпизод из скитаний Одиссея (фр. 44; *зельем уши намазала* — необычная версия); сюда же, вероятно, надо отнести фр. 45: Ино, бросившаяся в море от преследовавшего ее Афаманта, превратилась в Левкофею, морскую богиню, которая спасла обессиленного от борьбы с волнами Одиссея, вручив ему свою непотопляемую одежду.

Фр. 47. *Наяды* — нимфы источников; *Лампады* — нимфы, спутницы Гекаты-Селены, освещающие ночью дорогу факелами; *Фиалды* — вакханки, участницы дионисического праздника (фиаса).

Фр. 48. *Мелампод*. — См.: разд. I, «Каталог женщин», фр. 20, 13 и примеч.; [Гесиод], Меламподия.

С т е с и х о р (ок. 632–556) из сицилийского города Гимеры. Настоящее его имя было Тисий, а Стесихор — прозвище («устроитель хоров»), на основании которого его поэмы считали предназначенными для хора. Однако папирусные находки последнего времени показывают, что поэмы эти насчитывали много сотен стихов, часто содержали прямую речь персонажей, и поэтому исполнение их носило, возможно, смешанный характер: повествовательные части пел хор, монологи героев — солист, которым скорее всего был сам поэт. 26 книг его сочинений, изданных alexandрийскими грамматиками, соответствовали, по-видимому, 26-ти поэмам. Расположение фрагментов соответствует реконструкции поэм, предложенной переводчиком.

Все переводы — Н. Казанского, кроме фр. 34–36, переведенных В. Ярхо*.

«Герионеида». Сюжетом послужил один из подвигов Геракла (*сына Зевса* — фр. 3, 7) — похищение стада трехтелого великана Герiona, сына *Хрисаора* и нимфы *Каллироэ* (фр. 5; 6, 3), дочери Посейдона (фр. 8, 3; *Герионов дед* — Посейдон).

Фр. 1. Происхождение Евритиона, пасшего стадо Герiona. *Эрифия* — остров напротив Гадеса (совр. Кадикс) в Испании.

Фр. 2 и 3 — путешествие Геракла к месту совершения подвига в ладье бога Солнца (Гелиоса) — сына *Гипериона*.

Фр. 4. *Фал* — кентавр.

Фр. 6. Герион претендует на бессмертие. Ему возражает, по предположению исследователей, некий Менет, пасущий здесь стадо бога Аида. Предостерегает Гериона и Каллироя (фр. 7), но судьба великана уже решена (фр. 8), и расправа с ним Геракла (фр. 9) совпадает с приговором богов.

Фр. 9. 4. *Гидра*. — См.: «Теогония», 313—318 и примеч.

«Фиванда» — условное название для поэмы, из которой недавно найден папирусный отрывок. Сохранившийся в нем знак, обозначающий число 300, показывает, что дошедшему тексту предшествовало 175 стихов; следующие за ними еще 25 — в очень плохом состоянии. Содержанием поэмы был спор за фиванский престол между сыновьями Эдипа Этеоклом и Полиником, грозивший им взаимным убийством. По наиболее распространенной версии, Этеокл изгнал Полиника, который бежал в Аргос. У Стесихора дети Эдипа по совету матери (*богине подобной*, 232) пытаются решить спор полюбовно. Переводимый отрывок начинается с речи матери, испуганной прорицаниями Тиресия и к нему обращающейся.

«Эрифилла». Содержание поэмы — второй поход против Фив. Первый, с участием Полиника, окончился неудачей: уцелел один *Адраст. Алкмеон*. — См.: «Каталог женщин», фр. 69, 1 и примеч. *Амфиарай*. — См.: «Каталог женщин», фр. 13, 35 и примеч.

Фр. 12. Слова Амфилоха, брата Алкмеона. *Мелампод* — по одной из версий, дел или прадед Амфиарая. См. также: «Каталог женщин», фр. 20 и примеч.

«Елена». Содержание составляла предыстория Троянской войны — похищение Елены Парисом.

Фр. 13 — описание свадебного поезда Елены и Менелая. *Кидонские яблоки* — из г. Кидонии на Крите.

Фр. 14 — вероятно, приданое Елены.

Фр. 15. 4. *...дважды и трижды замуж выйти...* — Елена после смерти Париса в осажденной Трое вышла замуж в третий раз — за его брата Деифоба. Возможно, что отрывок этот — из «Орестей» (см. ниже), и тогда имеется в виду судьба другой дочери Тиндарея — Клитеместры, после убийства Агамемнона вышедшей замуж за его двоюродного брата Эгисфа.

«Елена. Палинодия». По преданию, сочинив первую поэму про Елену, Стесихор был наказан свыше слепотой (спартанцы чтили Елену как богиню). Тогда он написал «палинодию» («обратную песнь»), согласно которой Парис увез в Трою всего лишь призрак Елены. Реабилитировав таким образом Елену (см. фр. 17), Стесихор прозрел.

Фр. 16 — начало поэмы. По сообщению античного комментатора, у Стесихора была еще одна поэма на ту же тему, которая тоже начиналась обращением к Музе: «Златокрылая дева...».

«Разрушение Трои». Фр. 18. 6. *Симоент* — река на Троянской равнине. Дальше речь идет о том, как Афина (*Зевсова дочь*) внушила мысль до того ничем не примечательному ахейскому воину *Эпею* (13) соорудить деревянного коня.

Фр. 19. 1. *Данаи*. — См. разд. I, «Малая Илиада», фр. 8, 2 и примеч. 3 сл. *Земли колебатель... Энносид* — Посейдон.

Фр. 21 — вероятно, речь какого-нибудь троянского вождя. 3. *...нас обманувшие речи* — выдуманный рассказ подосланного к троянцам грека Синона, согласно которому те, кто владеет конем, будут властвовать над Троей.

«Возвращения». Содержание отрывка — посещение Спарты сыном Одиссея Телемахом в поисках известий об отце. 1. *Божий знак*. — См.: «Одиссея», XV, 160—178. 12. *Пенелопа*. — См. разд. I, Асий, фр. 4 и примеч.

«Орестей». Содержание поэмы, примыкающей по сюжету к предыдущей, — возвращение Агамемнона из-под Трои, его убийство Клитеместрой и месть за отца его сына Ореста.

Фр. 23 — отрывки из вводной части поэмы.

Фр. 24 — слова Аполлона, вручающего Оресту лук, — вероятно, для обороны от Эриний, которые будут преследовать его за убийство матери.

Фр. 25 — сон Клитемestры, предвещающей месть Ореста (*рода Плисфенова царь*, см. ниже: Ивик, фр. 1, 22 и примеч.). Ср.: Эсхил, «Хозфоры», 523–534.

«Погребальные игры по Пелию»

Пелий — царь фессалийского города Иолка, умерщвленный колхидской волшебницей Медеей. В погребальных играх, посвященных его памяти, приняли участие знаменитые герои Греции.

Фр. 26 — снаряжение кулачных бойцов.

Фр. 27. Перечисляются кони Диоскуров.

Фр. 28. 2. *Мелеагр*. — См.: «Каталог женщин», фр. 13, 10 и примеч.

Фр. 29. *Деве* — Афине.

Из неизвестных песен. Фр. 30. Появление Афины из головы Зевса. Ср.: «Теогония», 886–900, 924 и примеч.

Фр. 34. *Каллиопа* (Каллиопа). — См. гомеровский гимн XXXI, 1 и примеч.

Сапфо. Хотя античные источники несколько расходятся в определении времени жизни Сапфо, известно, что между 604 и 596 гг. она находилась вместе с семьей в ссылке в Сицилии, имея уже дочь, с которой можно было обсуждать вопрос об украшениях (см. фр. 74). Если предположить, что Сапфо была выдана замуж, как это было тогда принято, лет 15–16 от роду, то год ее рождения надо поместить где-нибудь между 630–620 гг.

Сапфо происходила из знатного рода на Lesbos; одному из ее братьев, Лариху, была оказана честь совершать возлияния богам в городском совете г. Митилены, где прошла вся жизнь Сапфо после возвращения из ссылки. Зато другой брат, Харакс, причинял своей сестре много волнений: решив соединить знатность с богатством, он отправился на корабле с грузом лесбосского вина в Египет, где в последние десятилетия VII в. возникло греческое поселение Навкратис с известным храмом Афродиты. Сначала дела у него шли хорошо, но потом завязался скандальный роман с гетерой Дорихой (или Родопис), грозившей нанести ущерб не только его состоянию, но и репутации и самого Харакса, и его близких (фр. 76, 77).

По сообщению античных источников, Сапфо изобрела (или первой ввела в обиход) пектиду — лидийскую разновидность арфы. Всю свою жизнь она считала посвященной служению Афродите и Музам: александрийские грамматиканы издали ее сочинения в 9-ти книгах.

Фрагменты Сапфо даются здесь в переводах В. Вересаева (1, 2, 6, 11–14, 16, 18, 23, 25, 27–31, 34, 37, 39, 40, 43, 49, 52–55, 57–58, 62–65, 67, 69, 70, 75, 76, 78, 81, 84, 86–88, 91–96, 98, 101–103), М. Гаспарова (3–5, 7–10, 15, 17, 19–21, 24, 26, 32, 33, 35, 36, 38, 41, 42, 44–48, 50, 51, 59–61, 66, 68, 72, 73, 79, 80, 82, 83, 85, 90, 97, 100, 104–116), С. Ошерова (77), А. Парина (22, 56, 71, 74, 99), Г. Церетели (89).

Фр. 1. 18. *Пейфа*. — См.: «Труды и Дни», 73 и примеч. 20. *Псапфа* — эолийская форма имени Сапфо.

Фр. 3. Перечисляются места культа Афродиты: *Пафос* на о-ве *Кипр*, *Панорм* (совр. Палермо) — в Сицилии.

Фр. 6. *Адонис* — возлюбленный Афродиты (*Кифереи*), фригийское божество; погиб от удара клыком кабана.

Фр. 8. Речь идет об Эроте.

Фр. 11. Перевод сделан с текста, дополненного современными издателями. 4. *Братья-Атриды* — Агамемнон и Менелай, прибывшие на *Лесбос* после разорения Трои (от *Скамандра*). 10. *Фионы... сын* — Дионис. *Фиона*. — См. разд. I, Паниасид, фр. 6 и примеч. Триада Зевс — Гера — Дионис пользовалась на Lesbos особым почитанием. См.: Алкей, фр. 40, 5–9.

Фр. 17. *Каллиопа*. — См. гомеровский гимн XXXI, 1 и примеч.

Фр. 18. Возможно, речь шла о свадьбе Пелея и Фетиды, которую почтили своим присутствием боги. См.: Алкей, фр. 15.

Фр. 22. 1. *К нам приблизься...* — обращение к *Киприде* (13).

Фр. 25. *Черепаша священная* — то есть лира с резонатором из черепашьего панциря. См. гомеровский гимн к Гермесу, 24–56.

Фр. 29. 1. *Сарды*. — См. разд. II, Гермесианакт, фр. 1, 43 и примеч.

Фр. 30. Перевод сделан по тексту, дополненному современными издателями. 4. *Гермиона* — дочь Менелая и Елены. См.: Алкей, фр. 16, 5.

Фр. 35–36. Два стиха объединил римский грамматик Теренциан Мавр.

Фр. 37. 2. *Андромеда* — предводительница фиаса, соперничающего с фиасом Сапфо.

Фр. 42. *Полианакт* — представитель знатного рода на Лесбосе, ближе неизвестный.

Фр. 43. 2. *Гиарос* — остров из группы Кикладских. Впрочем, текст и перевод ненадежны.

Фр. 49. 2. *Спала* — одежда из звериной шкуры.

Фр. 51. *Горгó* — соперница Сапфо.

Фр. 52. Изображенная здесь ситуация вызывает споры у исследователей. Наиболее естественным представляется объяснение, согласно которому Сапфо присутствует при обручении или на свадьбе одной из девушек ее фиаса.

Фр. 53. 16. *Анактория* — девушка из круга Сапфо, выданная замуж на чужбину. Ср. фр. 28 и 29.

Фр. 70. Загадочные стихи. Известно, что Сапфо была замужем за неким Керкилом, очень богатым человеком, переселившимся на Лесбос с о-ва Андрос. Может быть, она рано овдовела?

Фр. 71. 8. *Тифон*. — См. гомеровский гимн к Афродите, 218 и примеч.

Фр. 73. По преданию, ответ Сапфо Алкею (см.: Алкей, фр. 88).

Фр. 74. Единственное стихотворение Сапфо, содержащее намек на общественно-политическую обстановку на Лесбосе. 18. *Клеанактиды* — аристократический род, из которого происходил тиран Мирсил (*Митилены правитель*); находясь в изгнании, Сапфо не может подарить своей дочери, к которой обращено стихотворение, дорогое одеяние.

Фр. 76. 1. *Нефеиды*. — См.: «Теогония», 240–264.

Фр. 80. *Эревинфы* — растение типа вьющегося горошка.

Фр. 81. *Пандионида* — Филомела. См.: «Труды и Дни», 569 и примеч.

Фр. 86. Вероятно, описание свадебного поезда Гектора и Андромахи приурочено к бракосочетанию представителей знатных родов на Лесбосе. 5. *Плакия* — река в М. Азии близ города *Фивы* (не смешивать с беотийскими Фивами!). 33. *Дальновержеу* — Аполлон.

Фр. 91. 1. *Геспер*. — См. разд. I, Каллимах «Гимн к Деметре», 7 и примеч.

Фр. 102. Неизвестная из других источников версия о дружбе Ниобы с Лето.

Фр. 103. Версия, по которой Елена вылупилась из яйца, снесенного Немесидой от союза с Зевсом в образе лебедя и найденного Ледой. Ср. фр. 104. См. также разд. I, «Кипрские песни», фр. 7.

Фр. 115. *Малида* — по античным источникам, прозвище Афины.

А л к е й. Принадлежал к одному из аристократических родов на Лесбосе, соперничавших между собой за власть. В свержении тирана Меланхра (612–609) Алкей по своему малолетству участия еще не принимал. Зато уже 4 года спустя (608–605) он воевал в митиленском войске против афинян за область г. Сигей на побережье Трояды. Так как молодые люди считались годными для военной службы с 18 лет, год его рождения можно отнести к интервалу между 626 и 623 гг. В дальнейшем он вместе со своими единомышленниками выступал против тирана Мирсила (фр. 24, 26) и Питтака, в конце концов избранного уставшими от междоусобиц гражданами в 590 г. «примирителем» (фр. 27). В ходе этой борьбы Алкею дважды пришлось уйти в изгнание — один раз в пределах Лесбоса (фр. 40, 41), другой раз — в более далекие края. Возможно, что впечатления второго изгнания получили отражение во фр. 6 и 9.

- Александрийские граммматики издали сочинения Алкея в 10-ти книгах.
- В настоящем издании, фр. 42 приводится в переводе Вяч. Иванова, все остальные — М. Гаспарова, причем фр. 5–8, 10–14, 17–19, 21–24, 29–32, 39, 43–45, 53–58, 61–63, 66–72, 75, 76, 78–86 печатаются впервые.
- Фр. 1. *Диоскуры*. — См. гомеровские гимны XVII, XXXIII и примеч. *Поллукс* — латинизированное имя Полидевка.
- Фр. 2. Ст. 1. *...державец горы Килленской!* — См. гомеровский гимн к Гермесу, ст. 1–3 и примеч.
- Фр. 3. Некоторые исследователи считают автором этого папирусного отрывка Сапфо. 1. *Ковва дочь* — титанида Лето.
- Фр. 4. Ст. 2. *Зефир*. — См.: «Теогония», 380. Ст. 4. *Ирида* — там же, 266, 780.
- Фр. 6. Ст. 2. *Коронея* — город в Беотии с храмом Афины, воздвигнутым над *Коралийским потоком*.
- Фр. 7. Речь идет о том, как Гефест, изгнанный Герой за его хромоту с Олимпа, послал ей трон с невидимыми золотыми нитями, которые опутали ее так крепко, что никто из богов не мог ее освободить. Удалось это только Дионису, который напоил Гефеста допьяна и в таком виде доставил на Олимп. 3. *...стать меж двенадцатью...* — Имеется в виду двенадцать олимпийских богов.
- Фр. 9. 1. *Гебр* — река во Фракии (совр. Марица). *Энос* — город вблизи ее устья.
- Фр. 12. *Твоя ... дочь* — вероятно, Афина.
- Фр. 15. 5. *Эакид* — Пелей, сын эгинского героя Эака. От брака Пелея с Фетидой родился Ахилл (*палубог могучий*, 13). 9. *Хирон* — кентавр, в чьей пещере справлялся брак Пелея и Фетиды.
- Фр. 16. 1. *...заронила жажду...* — Киприда (ср. 8). 3. *С вероломными ... гостем...* — Парисом.
- Фр. 17. 1. *Она сплотила...* — Вероятно, имеется в виду Афина.
- Фр. 18. По одной из версий мифа, *Ахилл* после смерти был перенесен на о-в Левку в устье Дуная; отсюда его связь со *скифами*.
- Фр. 20. Речь идет о преступлении Аякса Оилеида, который после взятия Трои изнасиловал в храме Афины Кассандру (*дочь Приамова*, 8), за что *ахейцы* (4) должны были побить его камнями, но не сделали этого. Разгневанная богиня обрушила на возвращавшийся из-под Трои греческий флот страшную бурю. 6. *Эги* — город на юге о-ва Евбеи. 12. *Деифоб* — младший брат Париса. 22. *Локриец* — Аякс.
- Фр. 21. О начальном этапе отпльгтия ахейцев из-под Трои(?).
- Фр. 25–31. Против Питтака.
- Фр. 25. 3. *...неразбавляемого хмеля...* — См.: «Труды и Дни», 596 и примеч. (ср. фр. 35, 10; 46, 4; 49, 4).
- Фр. 38. 2. *Лидяне* проявляли постоянный интерес к островам, расположенным у побережья М. Азии. Возможно, субсидируя Алкея и его сторонников, они рассчитывали укрепить свои позиции на Лесбосе. 4. *Город священный* — вероятно, Митилена. Кого Алкей называет *лисам* (7) — вне контекста неясно.
- Фр. 40. 2. *Это святилище* — вероятно, в Пирре, на Лесбосе. 6. *Богиня Эалии* — Гера. Ср.: Сапфо, фр. 11, 10. 8. *Дионис-Сыроедец*. — В культ Диониса входили оргии, сопровождаемые поеданием сырого мяса. 13. *Сын Гифра* — Питтак, сначала заключивший союз с гетерией Алкея, но затем изменивший данной клятве.
- Фр. 41. 1. *Агесилаев сын* — глашатай в Митилене. 10. *Ономак* — лицо неизвестное. 17. *Собираются здесь жены...* — Речь идет о ритуальных состязаниях в красоте, происходивших в рамках культа Геры.
- Фр. 42. 5. *Булаты халкидские* — из Халкиды на о-ве Евбея, славившейся изготовлением стального оружия.
- Фр. 48. 2. *Ахеронтский вал* — то есть граница подземного царства. 5. *Сисиф* дважды пытался обмануть смерть (*Кера*. — См.: «Теогония», 211, 217 и примеч.); когда его наконец удалось заточить в подземном царстве, на него взвалили тяжелое бремя — катить на верх скалы камень, который срывался и падал вниз, как только Сисиф достигал вершины.

Фр. 49. 3. ...*бог, что рожден...* — Дионис. 4. *Два к одному...* — См. фр. 25 и примеч.

Фр. 50. 6. *Скалм* — род колючего кустарника. 7. *Сирус*. — См. разд. I, «Труды и Дни», 587 и примеч.; разд. II, Архилох, фр. 12, 1 и примеч.

Фр. 57. *Теос*. — См. разд. II, Критий, фр. 4, 2 и примеч.

Фр. 60. Антименид, брат Алкея, участвовал в походе вавилонского царя Навуходоносора в Палестину — вероятно, в последнем из трех (ок. 588–560 гг.), так как предыдущие годы были заняты борьбой с Питтаком.

Фр. 64. 1. *Аристодам* — полупоэтический спартанский мудрец, время жизни которого относят к VII в.

Фр. 77. Начало стихотворения, содержащего жалобу девушки. Дальнейший текст неизвестен.

Фр. 80. *Антандр* — город в Троаде. *Лелеги*. — См.: «Каталог женщин», фр. 85, 1 и примеч.

Фр. 82. *Тяжкий камень*. — Возможно, говорится о Сисифе. Ср. фр. 48.

Фр. 88. Подлинность этих стихов сомнительна. Ср.: Сапфо, фр. 73.

И в и к (2-я пол. VI в.) происходил из Регия в Южной Италии. Некоторое время провел при дворе тирана Поликрата (ок. 533–522) на о-ве Самос. Творчество Ивика традиционно относят к хоровой лирике, однако характер энкомия (фр. 1) и чисто субъективное восприятие власти Эроса (фр. 6 и 7) наводят на мысль о сольном исполнении.

Александрийские филологи издали его произведения в 7-ми книгах, от которых дошли только отрывки.

В настоящем издании фр. 1 дается в переводе Г. Церетели, фр. 3 — Н. Казанского, остальные — В. Вересаева.

Фр. 1. Исследователи спорят, написан ли энкомий в честь самого Поликрата или его сына, носившего то же имя. В перевод внесены незначительные изменения по уточненному папирусному тексту. 8. *Пергам* — здесь: Троя. 22. *Плисфенид* — так иногда называют Агамемнона по имени Плисфена, бывшего, по некоторым мифам, сыном *Атфея*. 30. В *Аелиде* (см.: «Труды и Дни», 651 и примеч.) собрался перед походом на Трою ахейский флот. 38. *Троил* — сын Приама.

Фр. 3. Речь идет о борьбе олимпийских богов с восставшими против них гигантами. 3. *Ее же один рождает он...* — См.: Стесихор, фр. 30 и примеч.

Фр. 4. Из речи Геракла. 3. *Сверстников, крепко сраженных...* — сыновей-близнецов элидской героини *Малионы*. См.: «Каталог женщин», фр. 10 и примеч.

Фр. 6. 2. *Кидонский*. — См. выше: Стесихор, фр. 13, 1 и примеч.

Фр. 8. *Пурпурница* — водоплавающая птица.

Фр. 11. 3. *Алкиона* — зимородок.

Анакреонт. Род. ок. 570 г. в городе Теосе на малоазийском побережье. Ок. 545 г., когда его родина была захвачена персами, переселился с группой своих соотечественников на южное побережье Фракии. Жил при дворе Поликрата на Самосе и при дворе Гишарха, сына Писистрата, в Афинах. Дожил до глубокой старости. Его сочинения были изданы александрийским филологом Аристархом, вероятно, в пяти книгах.

Фрагменты Анакреонта переведены В. Вересаевым (2, 22, 27, 31, 32, 45, 54, 56–58, 63, 65, 66, 69), Я. Голосовкером (49, 74), С. Лурье (33, 46), Л. Меем (3, 14, 24, 35), С. Ошеровым (60, 67), А. Париным (21, 26), Г. Церетели (1, 8, 13, 20, 25, 30), В. Ярхо (4–7, 9–12, 15–19, 23, 28, 29, 34, 36–44, 47, 48, 50–53, 55, 59, 61, 62, 64, 68, 70–73, 75–83).

Фр. 1. 6. *Лефей* — приток реки Меандра (совр. Большой Мендерес).

Фр. 5. Предполагается, что это обращение к богине — Артемиде или Музе (ср. фр. 6).

Фр. 8. 4. *Тартар*. — См.: «Теогония», 721–819.

Фр. 13. 2. ...воды ковшей с десятков ... пять — хмельной браги... — См.: «Труды и Дни», 596 и примеч.

Фр. 14. 3. *Венок навкратидский* — то есть из растений, из которых сплетали венки жители греческого города Навкратиса в Египте: по одной версии, из листьев майорана и папируса, по другой — из листьев и цветов мирта.

Фр. 17 обращен к женщине.

Фр. 22. ...со скалы *Левкадской*... — Левкада — скала на побережье Эпира (зап. часть Средней Греции), с которой, по преданию, бросались в море влюбленные, не получившие ответа на свою страсть. Здесь — в переносном значении.

Фр. 30. *Кобылица*. — Отождествление девушки с необъезженной кобылицей — частый образ у Анакреонта (ср. фр. 34, 6–9) и вообще в греческой поэзии.

Фр. 31. 2. *Пектида* — струнный инструмент.

Фр. 34. Папирусный фрагмент, толкование которого остается предположительным. Ясно, что девушка, к которой обращены ст. 2–9, — не *Гермитима*, *всех до себя* (13) допускающая. По-видимому, стихотворение было построено на противопоставлении нравственного облика этих двух девушек.

Фр. 36. Как полагают, обращение к гетере, и жажда говорящего — особого рода.

Фр. 37. О ранней старости как результате бурных увлечений в молодости (ср.: разд. II, Архилох, фр. 60, 17–19).

Фр. 38. 2. *Сирина* — музыкальный инструмент, состоящий из *палых* трубок убывающей длины. Обычно — атрибут Пана.

Фр. 39. Из речи девушки, совершившей омовение в реке.

Фр. 40. *Сбросила хитон*... — У *дорийцев* девушки принимали участие в спортивных состязаниях, одетые только в короткую рубашку с разрезами на боках.

Фр. 46 предшествует в папирусном экземпляре фр. 33 без видимых признаков их разделения. Так как, однако, по содержанию они трудносовместимы, современные переводчики принимают их за два разных произведения.

Фр. 51. 1. *Магадис* — струнный инструмент лидийского происхождения.

Фр. 52. *Флейт ползвук*. — В оригинале речь идет о «половинных» флейтах, то есть меньшего размера, чем обычные, и отличавшихся тихим, нежным звучанием.

Фр. 60. Из обращения к другу поэта Аристоклиду, как видно, погибшему при захвате Теоса персами.

Фр. 65. *Бросив... щит*... — Мотив, известный нам из Архилоха (фр. 5), а в римской поэзии — у Горация.

Фр. 67. Характеристика выскочки Артемона.

Фр. 68. *Артемон и его носилки*. — По свидетельству древних, выражение, ставшее поговорочным.

Фр. 74. 2. *Амалфея* — коза, выкормившая маленького Зевса. Ее *волшебный рог* — рог изобилия. 5. *Тартесс* — финикийская колония в Испании, славившаяся богатым жизненным укладом.

Фр. 75. По мнению некоторых исследователей, обращение к беднякам, которые рады заполучить крышу над головой.

Фр. 76. Стих, ставший поговоркой: все хорошее давно ушло.

Фр. 77. Обращение к бедняку, у которого нечего украсть.

Фр. 78. *Мятежники*. — Речь идет о рыбаках, поднявших восстание на о-ве Самос.

Фр. 80. По свидетельству древних, имеются в виду легендарные поэты прошлого, которые не получали гонорара за свои произведения.

Фр. 81. 2. *Мисийцы* — жители Мисии, области в М. Азии.

С и м о н и д . — См. разд. II.

Фрагменты Симонида приводятся в этом разделе в переводах М. Гаспарова (1, 4–7, 16–19, 21–30), Вяч. Иванова (14), С. Ошерова (2, 3, 9–13, 20), А. Парина (15), Г. Церетели (8).

Фр. 1. *Скопады* — знатный фессалийский род, у одного из представителей кото-

рого гостил Симонид. На просьбу хозяина изложить свое понимание высказывания Питтака: «Трудно быть доблестным» — Симонид ответил энкомием, текст которого восстанавливается из прозаического пересказа в диалоге Платона «Протагор».

4. *Питтак*. — См.: Алкей, вступ. к примеч.

Фр. 3. 1. Мудрецу *Клеобулу* из г. *Линда* на о-ве Родос приписывали эпиграмму на медную статую девы, установленную на могиле мифического царя Мидаса.

Фр. 6. Из эпиникия в честь борца, носившего имя Крий (в переводе с греч. — *Баран*).

Фр. 7. 1. *Палидевк*. — См.: «Каталог женщин», фр. 72, 13 и примеч. 3. *Порода Алкмены* — Геракл. См.: «Щит Геракла», 1—56.

Фр. 14. *Фермопилы* — горный проход в Средней Греции, где 300 спартанцев под командованием царя *Леонида* выдерживали натиск персов и погибли все геройской смертью.

Фр. 15. Из поэмы, посвященной происхождению Персея. Его деду, царю Аргоса Акрисию (см.: «Каталог женщин», фр. 42, 9—11) была предсказана смерть от руки внука. Поэтому Акрисий заключил свою единственную дочь Данаю в медную башню, оберегая ее от зачатия. Когда же Данаю родила сына от союза с Зевсом, проникшим к ней в виде золотого дождя, Акрисий велел заточить ее вместе с младенцем в деревянный ларь и бросить в море. К этому моменту и относится сохранившийся от поэмы плач Данаи.

Фр. 20. Описание Орфея.

Фр. 22. Судьба предводителя аргонавтов Ясона, поселившегося после возвращения вместе с Медеей (*колхидской супругой*) в *Коринфе* и получившего во владение прибрежный город и гавань *Лехей*.

Фр. 23. *Подвиг Мелеагра*. — См. разд. I, «Каталог женщин», фр. 13, 10 и примеч.; разд. II, Гермесианакт, фр. 2, 17 и примеч. 2. *Анавр*. — См.: «Щит Геракла», 477 и примеч. 4. *Иалк*. — См.: «Теогония», 997 и примеч. 5. *Так Гомер и Стесихор спели миру*. — См.: Гомер «Илиада», IX, 527—599.

Фр. 24. Одна из генеалогий Эрота.

Фр. 25. 2. *Священную ... влагу*... — из Кастальского источника в Дельфах.

Фр. 27. 5. *Алкियोны* (ср.: Ивик, фр. 11) сидят на яйцах две недели во время зимнего солнцеворота.

Л а с из Гермियोны (на юге Арголиды), ок. 548—496. Был известен как поэт и музыкант-теоретик. Сохранившийся отрывок — из гимна к Деметре. *Климен* — культовое прозвище Аида. *Кора* — Персефона (см.: «Теогония», 768, 913).

Т и м о к р е о н т из г. Иалиса на о-ве Родос, поэт и пятиборец.

Фрагменты 1 и 2 переведены М. Грабарь-Пассек, фр. 3 и 4 — М. Гаспаровым.

Фр. 1. В 80-е годы V в. Тимокреонт был в Афинах гостем Фемистокла, организатора Саламинской победы над персами. Когда же после 480 г. Тимокреонт был изгнан с Родоса по обвинению в симпатиях к персам и надеялся на заступничество Фемистокла, тот, как видно, его надежд не оправдал. Об этом и идет речь во фр. 1, относимом к началу 70-х годов. *Павсаний*. — См.: разд. II, Симонид, фр. 1; *Леотихид* — спартанский царь, победитель в морской битве при Микале (479); *Ксанфипп* — предводитель афинян в той же битве; *Аристид* — афинский политический деятель, противник Фемистокла.

Фр. 3. Намек на изгнание Фемистокла из Афин (471 г.) по обвинению в сношениях с персами (*мидянами*).

К о р и н н а. Беотийская поэтесса из Танагры, о времени жизни которой в науке до сих пор идут споры. Сохранившаяся у позднеантичных авторов и, вероятно, вымышленная история о неоднократном состязании Коринны с Пиндаром и даже одержанных над ним победах заставляет все же относить ее поэтическую деятельность к первой половине V в. Содержание ее творчества, насколько мож-

но судить по открытым в начале XX в. папирусным текстам, составляли местные беотийские сказания.

Фр. 1–3 даются в переводе Е. Рабинович, фр. 4–5 – В. Вересаева.

Фр. 1. 1. *Терпсихора* – одна из Муз; первоначально покровительница хоровой лирики, затем – танца. 9. *Кефис*. – См. гомеровский гимн к Аполлону Пифийскому, 64 и примеч. 11. *Орион* – беотийский герой, великан-охотник, превращенный в созвездие (см. фр. 2, 28 сл.).

Фр. 2. Пророчество, вложенное в уста жреца Аполлона *Акрефея*, сына Ориона. Из дочерей *Асопа* (см. разд. I, Евмел, фр. 2 и примеч.) наиболее известна *Эгина*. 4. *Потидеон* – беотийская форма имени Посейдона. 22. *Евоним* – беотийский герой, сын речного бога Кефиса.

Фр. 3. *Геликон*. – См. «Теогония», 1–2 и примеч. *Киферон* – горный кряж на границе Аттики и Беотии. 1. *Куреты*. – См.: «Каталог женщин», фр. 6, 19 и примеч. 4. *Крон*. – См.: «Теогония», 18 и примеч. 5. *Рей*. – См.: «Теогония», 135 и примеч. 14. *Счетом камней* – то есть голосованием, при котором камушки различного цвета обозначали победу или поражение соревнующихся.

Фр. 4. 1. *Миртида* – по преданию, беотийская поэтесса, наставница Коринны.

Праксилла из Сикиона (1-я пол. V в.).

Фр. 1 и 4 даются в переводе В. Вересаева, фр. 2 и 3 – А. Парина.

Фр. 1. Из гимна в честь Адониса: ответ погибшего героя на вопрос, заданный ему в царстве теней.

Фр. 3. Из дифирамба, посвященного Ахиллу.

Телесилла из Аргоса (1-я пол. V в.). Уцелевшие два стиха, возможно, из эпизода сказания об *Алфее*, пытавшемся овладеть Артемидой.

Софокл (496–406) – знаменитый афинский трагик. Переведенные стихи – начало пеана к Асклепию, найденное на каменной плите у подножия Акрополя. *Флегия дочь* – Коронида. *Неостриженный* – частый эпитет Аполлона. См. подробнее в примечаниях к Исилу.

Диогорс о-ва Мелос (2-я пол. V в.) больше известен как философ-атеист, изгнанный из Афин по обвинению в нечестии. Сохранившиеся от него стихи ничем не выдают его взглядов.

Ион Хиосский – см. разд. II.

Фр. 1. Из характеристики Диониса.

Фр. 3. Из описания петушиного боя.

Еврипид (484–406) – знаменитый трагический поэт. *Алкивиад* – См. разд. II, Критий, фр. 2.

Меланиппид о-ва Мелос (2-я пол. V в.) высоко ценился современниками как автор дифирамбов. Ему приписывается отказ от симметрии между строфами и введение новшеств в музыкальное сопровождение текста.

Фр. 1. *Данаиды* – дочери Даная, потомка аргосской жрицы Ио. Отказавшись от брака со своими двоюродными братьями, сыновьями Египта, Данаиды бежали в Аргос. Поэтому иногда изображаются мужененавистницами наподобие амазонок, как и в этом отрывке.

Фр. 2. 3. *Бессмертная* – Афина, проклявшая изобретенную ею флейту, так как игра на ней искажала черты божественного лица.

Фр. 3. 2–3. Игра слов в переводе («узы – Узь-река») соответствует аналогичному приему в подлиннике.

Фр. 5. Обращение к Зевсу.

Л и к и м н и й с о-ва Хиос (последняя четверть V в.) известен также как автор руководства по риторике, составленного под влиянием знаменитого софиста и ритор Горгия.

Фр. 1. Отрывок из гимна Гигиее, предназначенного, возможно, для исполнения в Эпидавре. Ср. ниже: пеан Гигиее Арифрона.

Фр. 2. Речь идет о юном красавце Эндимионе, погруженном в сон по воле Зевса.

Т и м о ф е й из Милета (ок. 450–360) известен как реформатор классического дифирамба, отказавшийся от симметрии строф в пользу непрерывного лирического повествования. Найденный на папирусе IV в. до н. э. отрывок из его сольного нима «Персы» отличается к тому же изощренностью и вычурностью языка, часто затемняющими авторскую мысль.

Фр. 1 и 2 переведены М. Гаспаровым, фр. 3 — Е. Рабинович.

Фр. 1. Начальные стихи очень испорчены, и перевод их здесь не дается. 21. *Оплетенный Арес...* — Перечисляются метательные орудия, включая зажигательные стрелы. 40 сл. *Грудь Амфитриты* — морская гладь. 44. За описанием битвы следует речь борющегося со стихией перса. 45. *Гериский дальник* — житель долины реки Герма в М. Азии. 70. *Хищную шею твою.* — Перс вспоминает мост, перекинутый Ксерксом через Геллеспонт. 83–94. — Гибель персидского флота. 88. *Ладейные ноги* — весла. 90. *Дети ртов* — зубы. 102–142. — Окончание речи перса. 121. *Тмольские кручи* — горный хребет в Лидии. 127. *Колено Горной Матери* — скорее всего имеется в виду малоазийская Великая Мать богов (см. посвященный ей гимн в разд. III). 144–163. — Речь другого перса, на ломаном языке. 146. *Желены* — город в М. Азии, у истоков Меандра. 161–163. *Сузы, Агбаты* — столицы Персии и Мидии. *Эфес* — город на восточном берегу Эгейского моря, славившийся храмом Артемиды. 173–193. — Плач персидского царя. 194–200. — Торжество победителей. 201–243. — Обращение автора к Аполлону с просьбой одобрить его нововведения. 212. *Вменяя в бесчестье...* — По преданию, спартанцы обрезали на кифаре у Тимофея струны, которые они сочли излишними против традиционных семи. 225. *Пестрозвучная черепаха.* — См.: Сапфо, фр. 25 и примеч. 235. *Милет* — крупный торговый город на побережье М. Азии. 237. *...о двенадцати стенах...* — ионийский союз двенадцати городов, возглавляемый Милетом.

Фр. 2. *Киклоп.* — См.: «Теогония», 139. Здесь: одноглазый великан, символ дикости.

Фр. 3. *Харон* — перевозчик в царстве мертвых. *Тимофеев сын.* — Имя Тимофей состоит по-гречески из двух частей: значение первой — «почет», «почетная доля», второй — «бог»; Тимофей — «почитающий бога» или «получивший почетную долю от бога», как Харон — право на переправу покойников через подземные воды.

Т е л е с т из Селинунта (в Сицилии). Одержал победу в состязании дифирамбических поэтов в Афинах в 402–401 гг.; вскоре после его смерти правитель Сициона Аристрат (ок. 360–340 г.) воздвиг ему памятник. Александр Македонский, находясь в Азии, велел прислать ему дифирамбы Телеста наряду с трагедиями Эсхила, Софокла и Еврипида.

Все три отрывка — из дифирамба «Арго», названного по имени корабля, на котором греческие герои (аргонавты) отправились в Колхиду за золотым руном. Содержание отрывков — защита флейты, изобретенной Афиной. Ср.: Меланиппид, фр. 2.

А р и ф р о н из Сициона. На рубеже V — IV вв. сочинил гимн Гигиее, пользовавшийся впоследствии широкой известностью и исполнявшийся во время застолий вплоть до II — III вв. н. э. 2. *Старейшая меж блаженных...* — Гигия как персонификация здоровья принадлежит к числу древних богов; культ ее сохранялся до III — IV вв. н. э.

Аристотель. См. разд. II. Атарней — город близ побережья М. Азии, против о-ва Лесбос. Аристотель жил здесь некоторое время при дворе тирана Гермия. Приводимое стихотворение античные источники называют и гимном, и сколием, и пеаном; поскольку Гермия к моменту сочинения уже не было в живых (ст. 21 сл.), вернее всего рассматривать сочинение Аристотеля как сколий в честь умершего. 24. *Дочери Мнемосины.* — См.: «Теогония», 915–917.

Ликофронид известен только по двум отрывкам, сохранившимся в сочинении одного из учеников Аристотеля. Время жизни поэта — вероятно, последняя четверть IV в.

Фр. 2. Речь влюбленного пастуха перед жертвенником какого-то местного божества, скорее всего Пана.

Каллимах. См. разд. I и II. Наряду с произведениями Каллимаха в гексаметрах, элегических дистихах и ямбах были известны его 4 лирические поэмы. О них сообщают папирусные комментарии; дошли также фрагменты, один из которых здесь приводится.

Фр. 1. *Бранх* — юноша из Милета, любимец Аполлона, который даровал ему способность пророчествовать и велел построить храм в Дидиме (см. разд. II, Каллимах «Спор оливы с лавром», вступит. заметка и ст. 16). Размер поэмы — четыре хорямба, сопровождаемые тремя слогами, длительность которых варьируется. Вторая половина стиха передана в переводе достаточно свободно. 2–8. Слова Аполлона. 7. *Дайт* — дед Бранха, сын дельфийского жреца. 8. *Лалиф* — сын Аполлона и Стильбы, дочери речного бога Пеней. Таким образом, род Бранха восходит по матери к Аполлону. 12. *Дельфиний* — культовое имя, под которым Аполлон почитался в округе Милета (см. гомеровский гимн к Аполлону Пифийскому, 317). 13. *Экусий* — либо древнее название Милета, либо его древнейшей части.

Гермомах — из других источников неизвестен.

Филодам из Скарфеи (недалеко от Фермопил) — автор пеана (325 г.), обнаруженного на каменной плите в Дельфах. Первый из известных нам поэтов, удостоенный звания почетного гражданина Дельфов. Строфы I — V посвящены рождению Диониса и его путешествию на Парнас, в Элевсин и Фессалию. В строфах IX — XII воспевается установление культа Диониса в Дельфах.

«Пеан Дионису». 1. *Эвий* — культовое прозвище Диониса. Происходит от возгласа ликования «эвое». 4. *Бромий*. — См. разд. II, Критий, фр. 4, 10 и примеч. 5. *Иовахх* — обращение к Дионису, образованное от междометия «ио!» и имени Вахх. *Из!* — то же, что «ио!». 7. *Фиона*. — См. разд. I, Паниасид, фр. 6 и примеч. 15. *Славная Кадмом гладь равнин* — Беотия с ее столицей Фивами. 16. *Бухты Минийской ширь* — город Орхомен, расположенный в устье реки Копайды. 17. *Евбея*. — См.: «Труды и Дни», 651 и примеч. 23. *Парнас* — гора, у отрогов которой расположены Дельфы. 30. *Элевсинские святыни*. — См. гомеровский гимн к Деметре, 476–482. 106. *Амфиктионы* — собственно, граждане, живущие в окрестностях какого-либо святилища и объединяющиеся для его защиты. Здесь имеются в виду члены дельфийской амфиктионии, содействовавшие укреплению в Греции Филиппа Македонского. 120. *...ты наделил паствой...* — Имеется в виду присоединение культа Диониса в Дельфах к культу Аполлона. 132. *Раз в пять лет...* — Пифийские игры праздновались раз в четыре года, но греки включали в расчет интервал между ними и год предыдущих игр.

Исилл из Эпидавра известен по надписи, обнаруженной при раскопках в святилище Асклепия в 1885 г. В ее начале Исилл делится своими взглядами на государственное устройство и сообщает, что именно он воздвиг эту надпись в священном участке Аполлона. Затем следует приводимый здесь пеан. В первой его поло-

вине Исилл излагает храмовую легенду о рождении Асклепия, существенно переиначивая традиционную версию, по которой фессалийский царь Флегий и его дочь Коронида не имели ничего общего с Эпидавром. Больше того, в изображении, например, Пиндара (3 Пиф. песнь), Коронида, зачав от Аполлона Асклепия, польстилась на ложе смертного (см. гомеровский гимн к Аполлону Пифийскому, 31–32 и примеч.), за что была сражена стрелой Артемиды. На погребальном костре Аполлон исторг из ее чрева неродившегося младенца и передал его на воспитание кентавру Хирону. Естественно, что в передаче Исилла мрачные стороны мифа устраняются, и Коронида, чье имя якобы первоначально было Эгла, представлена добродетельной внучкой Мала. (Во всех других источниках имя Эглы носит одна из дочерей Асклепия.) Вторую половину пеана Исилл посвящает рассказу о посетившем его в юношеские годы чудесном видении: придя в Эпидавр за исцелением, он встретил в святилище самого бога, который сообщил ему о своем намерении взять Спарту под защиту от грозящей ей извне опасности. Здесь имеется в виду военнополитическая обстановка в Греции в 338 г., когда Филипп Македонский после битвы при Херонее, разорив окрестности Спарты, не захотел или не смог взять сам город. Естественно, что спартанская аристократия расценила это как дар богов за верность спартанцев законам Ликурга (40), а Исилл видит в спасении Спарты руку покровителя Эпидавра Асклепия.

Время сочинения пеана — ок. 300 г.

5. *Эрато* — одна из Муз; ее бракосочетание с Малом — местная версия. 16. *В благовонном наделе* — в священном участке Аполлона (*Дня дитя*). 17–18. *С Мойрами Лахесис* — достаточно редкое противопоставление Лахесис остальным Мойрам. 19. *Прозвание ... от матери*. — Образование имени Асклепия от Эглы объясняется, вероятно, тем, что у спартанцев его иногда называли Эглаэр или Аглаоп. Этимологизация, конечно, фантастическая, но пригодная для целей Исилла. 26. *Дивную силу свою...* — Здесь и в ст. 48 понятием «силы» (*areté*) обозначается сверхъестественная способность творить чудеса. 30. *Гераклиды* считались предками спартанцев (см.: разд. II, Тиртей, фр. 1 и 5). 31. *Отрок с Босфора* — вероятно, сам Исилл. *Босфор*. — Не ясно, идет ли речь о Боспорском проливе, отделяющем Европу от Азии, или о какой-то одноименной, ближе неизвестной местности в Арголиде. 40. *Ликург* — легендарный спартанский законодатель. 41. *...во мне побудив...* — в оригинале также переход от 3-го лица к 1-му.

Гермокл из Кизика известен как один из вдохновителей волны низкопоклонства афинян перед полководцем Деметрием Полиоркетом. В гимне, посвященном его возвращению в Афины после похода на о-в Керкиру (290 г.), победивший Деметрий сблизается с *Деметрой*, его происхождение возводится не больше и не меньше, как к *Посейдону* и *Киприде*. 5. *Кора*. — См. выше, Лас, I и примеч. 6. *Таинства святые* — элевсинские мистерии, см. гомеровский гимн к Деметре, 476–489. 24. *Сфинга* (Сфинкс. См.: «Теогония», 326 и примеч.) — чудовище, терзавшее своей загадкой в далеком прошлом жителей Фив. Гермокл отождествляет с ней государства *Эталийского* союза, к возвышению которого в III в. афиняне относились очень ревниво. 32. После того как *Эдип* разгадал загадку Сфинги, она бросилась со скалы и разбилась.

Аристоной сочинил два гимна, текст которых был найден на каменных плитах при раскопках в Дельфах: пеан Аполлону (ок. 222 г.) и короткий гимн Гестии. За них он, как и ранее Филодам, был удостоен звания почетного гражданина Дельфов с вытекающими отсюда привилегиями. Аристоною сверх обычно присуждавшихся прав было еще присвоено звание «благодетеля».

«Пеан Аполлону». 1. *Пифо*. — См.: «Теогония», 499 и примеч. 7. *Коя дщерь*. — См.: Алкей, фр. 3 и примеч. 17. *Темпейский дол* — долина, образуемая рекой Пенеем между горами Олимпом и Оссой. 20–24. Пророческий престол в Дельфах (*Пифо*) принадлежал первоначально *Гее* и *Фемиде*. 25. *Девы храм* — так называемый про-

наос, святилище Афины (*Тритогеи*. См.: «Теогония», 895, 924), расположенное по дороге в Дельфы. 35 сл. *Корикийские пещеры* — на Парнасе, примерно в трех часах хода от Дельфов. Считалось, что в них обитают Пан и нимфы. 37. *Бромий*. — См. разд. II, Критий, фр. 4, 10 и примеч.

«Гимн Гестии». Автор наделяет богиню очага *Гестию* несколько необычными функциями, называя ее и царицей Олимпа и Земли, и владычицей пифийского *лавра*. Причина этого отчасти в торжественном характере гимна, отчасти — в древней связи культа Гестии с культом дельфийского Аполлона. 12. *Рейя*. — См.: «Теогония», 453–458.

Керкидиз Мегалополя (2-я пол. III в.) играл заметную роль в политической жизни своего города, но в поэтическом творчестве выступал как философ-киник, критически настроенный по отношению к богам и неравномерному распределению материальных благ.

Фр. 1–3 — найдены на папирусах. Фр. 1. Скептическое отношение к справедливости богов. 11. *Дика* — персонификация справедливости, см.: «Труды и Дни», 256–260. 12. *Фазтон* — сын Солнца; здесь — само Солнце. 15. *Мечущий молнийный огонь* — Зевс с его перунами. 17. *Слово Гамер ... молвил...* — Керкид свободно цитирует «Илиаду», VIII, 72. 21. *Отроде мисийское* — выражение, обозначающее нищего бродягу. 29. *Метадос* — букв.: «Поделись». 30. *Немесида*. — См.: «Теогония», 223 и примеч.

Фр. 3. 2. *Сын Афродиты* — Эрот. 12. *Хорошо говорил Еврипид...* — Ср.: Еврипид, «Ифигения в Авлиде», ст. 543–557. 18. *Афродита-девка* — то есть продажная любовь. 20. *Обал* — мелкая монета, равная 4–6 копейкам. 21. *Тиндареев зять* — Менелай, обладавший Еленой. См.: «Каталог женщин», фр. 75, 1–3.

Фр. 4. Стихи, посвященные философу-кинику Диогену из Синопа (ок. 412–323), который, по одной версии, умер, задержав дыхание. 5. *Дия отпрыск*. — Имя Диоген обозначает «рожденный Зевсом (Дием)». 6. *Пес* — название школы киников; происходит от греческого слова *куникос* — «собачий».

АНОНИМНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Земледельческие обрядовые песни сохранились в поздних источниках, но их раннее происхождение едва ли может вызвать сомнение. Фр. 1, 4, 5 переведены О. Смылкой, фр. 2 и 3 — В. Ярхо.

Фр. 1. Песнь, которую исполняли на о-ве Родос мальчики, обходившие дома поселян по случаю прилета ласточек. Ср. «Песнь вороны» Феника в разд. II.

Фр. 2. Из гимна, исполнявшегося в священном шествии из Афин в Элевсин. *Мост* — через реку Кефис, за которой находился Элевсин. *...трижды еще не вспахано*. — Имеется в виду священная пахота в трех местах, с которой примерно через месяц начинался следующий праздник в честь Деметры и Керы.

Фр. 3. Из афинской молитвы.

Фр. 4. Весенняя песнь, сопровождавшая, вероятно, пляску двух хоров.

Фр. 5. Припев пастухов, благодарящих за подаяние.

Застольные песни. Фр. 28, 29 переведены А. Париным, остальные — О. Смылкой.

Фр. 1–25. Сборник аттических сколиев, составленный на рубеже VI – V вв.

Фр. 3. *Делос*. — См. гомеровский гимн Аполлону Делосскому.

Фр. 5. *Пандроса* — дочь легендарного афинского царя Кекропа.

Фр. 8. Сколий заимствован у Алкея (фр. 43 в другом переводе).

Фр. 9. Намек на басню Эзопа о живших вместе честном раке и хитрой змее. Не в силах бороться с ее коварством, рак умертвил змею и, видя, как тело ее вытянулось, сказал: «Быть бы тебе прямой (то есть бесхитростной) при жизни».

Фр. 10–13. *Гармодий* и *Аристогитон* — афинские граждане, составившие заговор против правивших Афинами двух сыновей Писистрата (ок. 511 г.). Вооружившись кинжалами, они во время праздничной процессии сумели убить младшего из них,

Гиппарха. И хотя оба друга были казнены, а тирания продержалась еще несколько лет, афиняне почитали их как героев, открывших путь демократическому устройству (*равнозаконию*). Это событие А. С. Пушкин вспоминал в стихотворении «Гречанка верная! не плачь...»: «Как Аристогитон, он миртом меч обвил...»

Фр. 11. 2. *Остров блаженных* — обетованная земля далеко на Западе, куда после земной смерти переносятся герои. Среди них — *Диомед*, участник Троянской войны.

Фр. 15–16. *Теламона и Аякса* афиняне особо почитали как героев входившего в их государство о-ва Саламин. *Пелид*. — См. разд. I, «Малая Илиада», фр. 2, 2 и примеч.

Фр. 23. *Кедон* — лицо, ближе неизвестное. Аристотель называет его имя в связи с попыткой свергнуть тиранию Писистратидов.

Фр. 24. *Липсидрий* — поселение в гористой местности на севере Аттики. Представители знатного афинского рода Алкмеонидов укрепились в нем, рассчитывая вести отсюда борьбу с Писистратидами, но потерпели поражение.

Фр. 26. Сколий, сохранившийся под именем критянина Гибрия. Современные исследователи полагают, что Гибрий служил в армии персидского царя Кира. Исполняя сколий, он указывает на свое оружие, делающее его господином.

Фр. 27. Четверостишие, условно отнесенное к сколиям по сходству его тематики с фр. 19 и 25.

Фр. 28. 3. *Дева* — Афина, которая, согласно «Илиаде», помогла своим любимцам, греческим героям Диомеду и Одиссею, перехватить и убить троянского соглашения Долона.

Фр. 29. 1. *Муз ... мать* — Мнемосина. См.: «Теогония», 54 и примеч., 915–917. 6. *Ахеловы росы* — дожди.

Гимны богам. В этом разделе не выделяются различные виды гимнов — пеан, дифирамб и т. п., так как при отрывочном характере источников классификация является затруднительной.

«Дионису». Фр. 3 переведен А. Париным, остальные — О. Смычкой.

Фр. 1. Отрывок из песен, исполнявшихся еще во II в. участниками процессий в честь Диониса. Фр. 2. Из гимна женщин в Элиде (область в сев.-зап. части Пелопоннеса). 5. *Бык досточтимый*. — См.: Филодам, фр. 1, ст. 2. Фр. 3 и 4 — папирусные отрывки V — III вв. Фр. 3. 4. *Не был здесь двенадцать лун...* — Возвращение Диониса приурочивается к весеннему равноденствию. Фр. 4–5. 5 *Оры*. — См.: «Теогония», 902 и примеч. 7–8. *Детище ... Матери* — Семелы.

Фр. 6 и 7. «Мойрам». Два отрывка, приписываемые в античной антологии соответственно Еврипиду и Софоклу, но больше напоминающие хоровую лирику V в. См.: «Теогония», 904–906. 8. *Айса* — «Доля», соответствующая гесиодовской Атропос.

Фр. 8. «Асклепию». Текст найден в начале нашего века на камне при раскопках древнего города Эрифры (в М. Азии, напротив о-ва Хиос). Надпись датируется 380–360 гг., сам пеан принадлежит, вероятно, более раннему времени. Вначале воспроизводится традиционная генеалогия Асклепия и его детей: сам он — сын Аполлона и Корониды, родившийся в отчей земле ее *Флегейской*, то есть в Фессалии; среди детей Асклепия от *Эпионы* названа и *Элла* (ср.: пеан Исилла и примеч.). Имена других дочерей — говорящие: *Иасо* — «Исцелительница», «Врачующая»; *Панакия* — «(Применяющая) все средства» (для исцеления). Присоединение к дочерям Асклепия (и с ними) *Гигиен* указывает, что первоначально она была самостоятельным божеством, олицетворяющим Здоровье. См. выше: пеан Гигиен Арифрона. *Подалирий* и *Махаон* известны уже из «Илиады» как сыновья Посейдона.

Текст эрифрейского пеана дошел также с незначительными вариациями в эпиграфических памятниках I — II вв. н. э. из Египта, Афин и Македонии.

Фр. 9. «Юному Зевсу». Найден в начале нашего века при раскопках храма Зевса в Паликастро (вост. берег о-ва Крит) на каменной плите, относящейся ко II —

III в. н. э. Однако, судя по языку и стихотворной технике, гимн составлен во времена раннего эллинизма (ок. 300 г. до н. э.). Он исполнялся в составе торжественной церемонии, которой в период весеннего равноденствия ежегодно отмечалось возвращение на Крит Зевса в виде юноши, оберегаемого куретами.

5. *Демонов толпа* — сопровождающие Зевса куреты. 6. *Дикта*. — См.: «Теогония» 481 и примеч. 8 сл. *Пектида*. — См. выше: Анакреонт, фр. 31, 2 и примеч. *Авл* (авлос) — духовой музыкальный инструмент типа флейты (или гобоя), издающий резкие, пронзительные звуки. 20. *Здесь укрыли... стражи* — о спасении Зевса от Крона, пожиравшего своих детей (см.: «Теогония», 453—491). Спрятав Зевса в пещере на Крите, куреты, вооруженные щитами, совершали воинственные пляски, сопровождая их ударами в щиты, чтобы заглушить плач ребенка. 40. *Ирена* — мир и олицетворяющая его богиня. 49. *Вниди* (букв.: «впрыгни») — Благополучие и процветание людей и природы представляется как результат внедрения в них юноши Зевса. 61. *...сограждан, городам принятых...* — то есть новых поселенцев, включенных за истекший год в число полноправных граждан.

Фр. 10. «Матери богов». Этот гимн, как и следующий за ним гимн Пану, были высечены на одной плите, найденной при раскопках в святилище Асклепия в Эпидавре. Время изготовления надписи — ок. II в. н. э. Что касается времени создания гимнов, то исследователи расходятся во мнениях, датируя их от V до III в. до н. э. Мы присоединяемся к тем ученым, которые относят гимн Матери богов ко времени не ранее IV в., гимн Пану — к IV — III вв.

4. *Мать богов* — малоазийская богиня Кибела, уже с V в. нередко отождествляемая в греческом культе с «матерью-Землей» Деметрой (ср.: Еврипид, «Елена», 1301—1352). О похищении Персефоны Плутонем см. гомеровский гимн к Деметре, 1—37, 441—447, 460—465. Требования, излагаемые от лица Матери богов в нашем гимне (20—25), следует отнести на счет фантазии его неизвестного автора. 7 — 9. Текст испорчен; перевод предположительный. 12 и 14. *И тимпаны подхвати...* — Загадочная фраза: тимпаны — атрибут Матери богов, Зевс ими не пользуется. В то же время оригинал не допускает перехода к новому подлежащему (то есть Зевс бросил перун, а Мать богов подхватила тимпаны). Может быть, это фраза, дважды вторгшаяся в текст по недосмотру резчика. 19. *Валк седой...* — После этих слов в тексте лакуна, смысл которой предположительно «угрожать тебе». Ср. гомеровский гимн XIV.

Фр. 11. «Пану». Гимн изображает Пана в соответствии с его основными функциями как предводителя нимф (*нимфагета*), мастера искусной игры на многотрубной пастушеской свирели (*сифинге*). 16. *Вся земля ... всему опора...* — Имя Пана сблизается в духе народных этимологий с греческим прилагательным среднего рода *παῖς* — «всё». Ср. гомеровский гимн XIX.

Фр. 12. «Тихе», то есть богине случая. Дата гимна — не раньше IV в.

Фр. 13. «Артемиде». Отрывок из парфения, иногда приписываемого Алкману.

Фр. 14. Отрывок, автором которого многие исследователи считают Пиндара.

Фр. 15. «Посейдону». Отрывок из дифирамба, вероятно IV в., приписываемый Ариону, поскольку в ст. 12—18 излагается миф о том, как морские разбойники, желая овладеть имуществом поэта, сбросили его с корабля в море. Здесь его, однако, подхватили дельфины и доставили в сохранности к *Тенарскому мысу* — южной оконечности Пелопоннеса. 11. *Амфитрита*. — См.: «Теогония», 244 и примеч.

«Другим богам». Фрагменты извлечены из папирусного сочинения о дифирамбических поэтах V — IV вв.

Фр. 18. 1. *Аммон* — египетское божество, отождествлявшееся греками с Зевсом.

Фр. 19. 1. *Деву багрянокрылую* — какое-то женское божество, связанное со смертью. 3. *Мощное чад* — возможно, царица амазонок Пенфесилея, убитая под Троей Ахиллом.

Из других хоровых жанров. Фр. 4 дается в переводе М. Грабарь-Пассек, фр. 1—3 — О. Смыки.

Фр. 1. Отрывок из хоровой лирики, предположительно V в., восстанавливаемый по прозаическому пересказу позднеантичного автора. 5. *Корибанты* — фригийские демоны плодородия. 8. *Аркадия* — область на севере Пелопоннеса. 9. *Пеласг*. — См.: «Каталог женщин», фр. 56, 2 и примеч. 11. ...*пашня Рарийская*. — См. гомеровский гимн к Деметре, 450 и примеч. 14. *Кабиры* — местные божества о-ва Лемнос, объект мистериального культа. 16. *Пеллена* — западная оконечность Халкидского п-ова, где локализовали *Флегру* — место сражения богов с гигантами. 21. *Иарбант* — сын Аммона.

Фр. 3. Отрывок из дифирамба, возможно, VI в. Царица Трои, престарелая *Геккуба*, присужденная в рабство Одиссеею, на пути через Геллеспонт превратилась в собаку. 4. *Ида* — См.: «Теогония», 1010 и примеч. 5. *Тенедос* — остров, расположенный у побережья М. Азии, южнее Трои.

Фр. 4. *Лисандр* — спартанский флотоводец, завершивший Пелопоннесскую войну победой над Афинами (404 г.). Он был первым из людей, в честь кого стали петь пеаны.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕК

Эту пародийную поэму в древности приписывали наряду с «Маргитом» Гомеру, однако уже в прошлом веке возобладало мнение, что «Война...» написана в V в. или несколько раньше. Между тем стилистические и лингвистические наблюдения над текстом, начавшиеся с конца XIX в. и особенно усилившиеся во второй половине нашего столетия, показали, что поэма эта создана в позднеэллинистическое время, если не в эпоху Августа. Пародия на гомеровский эпос, достигаемая перенесением его героического содержания на низменный сюжет войны мышей с лягушками, не носит характера идейной полемики с эпическими идеалами, а представляет собой скорее литературную игру с использованием гомеровской фразеологии — гомеровских полустижий, формул, отдельных слов, из которых составляются стихи-центоны. Целые стихи, заимствованные у Гомера, встречаются очень редко (152, 205).

Ст. 1. ...*муз хоровод с Геликона*... — Ср.: «Теогония», 1 сл.

Ст. 9. ...*от кошки* — собственно, от ласки, которых греки держали в доме для защиты от мышей.

Ст. 19. *Родом же я от Грязного*... — Намек на имя отца Ахилла, по-гречески Peleus, обручившегося с морской нимфой Фетидой — здесь: *царевной Водной*.

Ст. 20. *Эридан*. — См.: «Теогония», 337 и примеч.

Ст. 39. *Пифрожочки медовые* — подношение богам. Бедные люди нередко вылепляли их в форме того животного, которого положено было приносить в жертву богу.

Ст. 50. *Также и скорбной ловушки*... — Ср. разд. II: Каллимах. «Победа Береники», фр. 3–4.

Ст. 79. *Вол, что по валнам провел*... — Зевс, похитивший Европу.

Ст. 83. *Грозная гидра* — то есть водяной уж.

Ст. 210–223 изымаются рядом издателей как поздняя вставка.

Ст. 228 считается неподлинным.

Ст. 252 считается неподлинным.

Ст. 280 сл. *Капаней* — участник похода семерых против Фив, отличавшийся надменностью. Зевс сразил его молнией. *Энкелад*. — См. разд. II, Каллимах. «Причины», фр. 1, 36 и примеч.

ВОЙНА МЫШЕЙ С ЛАСКОЙ

Папирусный отрывок, опубликованный в 1983 г.⁵ Папирус, извлеченный из картонажа мумии, относится ко II – I вв. Вероятно, и время создания поэмы – около II в. Из сохранившихся на обрывках папируса стихометрических пометок 400 и 900 видно, что поэма превышала «Войну мышей и лягушек» более чем в три раза, а нашему отрывку предшествовали 360 стихов. Содержание его представляется в следующем виде: мышиный герой Пискун отправился на разведку и попал в зубы к ласке; об этом становится известно его соплеменникам. Параллельно происходит совет богов на Олимпе, и Гермес отправляется передать мышам их волю. Начинается описание сбора мышей, напоминающее знаменитый каталог кораблей из II книги «Илиады». К собравшимся обращается Мельничий – видимо, из тех мышей, что живут на мельнице и питаются просыпавшимся зерном.

В. ЯРХО

⁵ См.: Вестник древней истории. – 1985. – №2. – С. 52 – 66.

СОДЕРЖАНИЕ¹

<i>В. Яrho. Пять веков древнегреческой поэзии</i>	5
---	---

Раздел I. ЭПОС

Гесиод. <i>Перевод В. Вересаева</i>	29
Теогония	29
Труды и Дни	50
[Гесиод.] <i>Перевод О. Цыбенко*</i>	68
Наставления Хирона	68
Великие труды	69
Астрономия	69
Из других произведений	69
Щит Геракла	70
Каталог женщин, или Эои	80
Великие Эои	105
Сошествие Пирифоя	106
Эгимий	106
Меламподия	107
КИКЛИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ. <i>Перевод О. Цыбенко*</i>	109
Титаномахия	109
Эдиподия	109
Фиваида	109
Эпигоны	110
Алкмеонида	110
Кипрские песни	111
Эфиопида	113
Малая Илиада	113
Разрушение Илиона	115
Возвращения	116
Телегония	116
ДРУГИЕ ЭПИЧЕСКИЕ ПОЭТЫ VIII – V вв. <i>Перевод О. Цыбенко*</i>	117
Евмел. Коринфские сказания	117
Форонида	117
Данаида	118
Навпактские сказания	118
Асий	119
Меропида	119

¹ Переводы, печатающиеся впервые, отмечены здесь или в примечаниях звездочкой.

Миниада	120
Херсий.....	120
Аттида	121
Аристей. Аримаспия.....	121
Астрология	121
Креофил. Взятие Эхалии	122
Писандр. Гераклия	122
Паниасид. Гераклия	122
Херил. Персидская война	124
Гомеровские гимны. <i>Перевод В. Вересаева</i>	125
I. К Аполлону Делосскому	125
II. К Аполлону Пифийскому	129
III. К Гермесу	137
IV. К Афродите	149
V. К Деметре	155
VI. К Афродите	166
VII. Дионис и разбойники	166
VIII. К Аресу	167
IX. К Артемиде	168
X. К Афродите	168
XI. К Афине	168
XII. К Гере	169
XIII. К Деметре	169
XIV. К Матери богов	169
XV. К Гераклу Львинодушному	169
XVI. К Асклепию	169
XVII. К Диоскурам	170
XVIII. К Гермесу	170
XIX. К Пану	170
XX. К Гефесту	171
XXI. К Аполлону	171
XXII. К Посейдону	172
XXIII. К Зевсу	172
XXIV. К Гестии	172
XXV. К Музам и Аполлону	172
XXVI. К Дионису	172
XXVII. К Артемиде	173
XXVIII. К Афине	173
XXIX. К Гестии	174
XXX. К Гее, матери всех	174
XXXI. К Гелиосу	175
XXXII. К Селене	175
XXXIII. К Диоскурам	176
XXXIV. Отрывки гимна к Дионису	176
Песнь гончаров. <i>Перевод О. Цыбенко*</i>	177
 ФИЛОСОФСКИЙ ЭПОС	178
Парменид. Из поэмы «О природе». <i>Перевод М. Гаспарова</i>	178
Эмпедокл. <i>Перевод Г. Якубаниса в переработке М. Гаспарова</i>	183
Из поэмы «О природе»	183
Из поэмы «Очищения»	197
Клеанф. Гимн Зевсу. <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	202

ПОЗДНИЙ ЭПОС	203
Антимах. Фиваида. <i>Перевод О. Цыбенко*</i>	203
Эринна. Прялка. <i>Перевод О. Смыки</i>	206
Каллимах. Гимн к Деметре. <i>Перевод С. Аверинцева</i>	207
Каллимах. Гекала. <i>Перевод О. Смыки*</i>	210
Риан. <i>Перевод М. Грабаль-Пассек, С. Кондратьева, В. Ярхо*</i>	211
Из поэмы «История Мессении»	212
Евфорион. Проклятья, или похититель чаши. <i>Перевод О. Цыбенко*</i>	213

Раздел II. ЭЛЕГИЯ. ЯМБЫ

Архилох. <i>Перевод В. Вересаева, С. Лурье, А. Парина, Г. Церетели, В. Ярхо*</i>	217
Воин и поэт	217
Переселение с Пароса. Жизнь на Фасосе	219
Жизнеотношение	220
Религия	222
Кораблекрушение у Пароса	222
Друзья и враги	223
Любовь. Небула	224
Басни	227
Разное	228
Каллин. Призыв к согражданам. <i>Перевод Г. Церетели, В. Ярхо*</i>	231
Тиртей. <i>Перевод В. Латышева, Г. Церетели, В. Ярхо*</i>	232
Благозаконие	232
К согражданам	233
Семонид Аморгосский. <i>Перевод В. Вересаева, Я. Голосовкера, Я. Мееровича*, В. Ярхо</i>	236
Доля смертных	236
О женщинах	237
Слова гетеры	240
Разное	240
Мимнерм. <i>Перевод В. Вересаева, В. Ярхо</i>	242
Из песен к Нанно	242
Война за Колофон и Смирну	243
Из поэмы о походе аргонавтов	244
Разное	244
Солон. <i>Перевод М. Гаспарова, С. Радуга, Г. Церетели</i>	245
Благозаконие	245
К музам	246
Жизнеотношение	248
Война за Саламин	249
О своей реформе	250
Против единовластия	252
Мимнерму	252
Филокипру, царю Кипра	252
Пирушка	253
Разное	253
«Маргит». <i>Перевод В. Ярхо*</i>	253
Сусарион. <i>Перевод В. Ярхо*</i>	254
Феогнид. Элегии. <i>Перевод С. Апта, В. Вересаева</i>	254
Фокилид. Изречения. <i>Перевод Г. Церетели, В. Ярхо*</i>	273

Ксенофан. Перевод М. Гаспарова, Ф. Зелинского, Я. Мееровича*, С. Ошерова, Ф. Петровского, Г. Церетели, В. Ярхо*	275
Приготовление к пиру	275
Гражданская доблесть	275
О богах	276
О Пифагоре	277
О жителях Колофона	278
О себе самом	278
Из поэмы «О природе»	278
Гиппонакт. Перевод В. Вересаева, Вяч. Иванова, С. Ошерова, Г. Церетели, В. Ярхо*	280
Симонид Кеосский. Перевод А.Блуменау, В. Ярхо*	282
Победителям при Платеях	282
Краткотечность жизни	284
Застолье	284
Ион Хиосский. Перевод М. Гаспарова, С. Ошерова, В. Ярхо*	285
Дионисий. Перевод Р. Златинского*	286
Из неизвестного автора. Перевод Р. Златинского*	286
Критий. Перевод Р. Златинского*	286
Евн. Перевод Р. Златинского*	288
Аристотель. Перевод Р. Златинского*	288
Гермесанакт. Каталог влюбленных. Перевод О. Цыбенко*	289
Гермесанакт. Проклятья. Перевод В. Ярхо*	291
Каллимах. Причины	292
Пролог. Против Тельхинов. Перевод О. Смыки*	292
О городах Сицилии. Перевод О. Смыки*	293
Победа Береники. Перевод В. Ярхо*	294
Могила Симонида. Перевод О. Смыки*	295
Аконтий и Кидиппа. Перевод М. Грабарь-Пассек, О. Смыки*	295
Икос. Перевод О. Смыки*	298
Эпиникий Сосибью. Перевод О. Смыки*	299
Каллимах. Ямбы	300
1. Кубок Бафикла. Перевод О. Смыки*	300
4. Спор оливы с лавром. Перевод В. Ярхо*	301
Феник. Песнь вороны. Перевод В. Ярхо*	303
Фанокл. Любовные страсти, или Прекрасные. Перевод О. Цыбенко*	304

Раздел III. МЕЛИКА

Евмел. Перевод М. Гаспарова	307
Терпандр. Перевод Вяч. Иванова	307
Алкман. Перевод В. Вересаева, Н. Казанского, В. Ярхо*	307
Парфении	307
Из других произведений	310
Мифологические мотивы	314
Стесихор. Перевод Н. Казанского, В. Ярхо*	316
ГерIONEИДА	316
ФИВАИДА	318
ЭРИФИЛА	320
ЕЛЕНА	320
ЕЛЕНА. ПАЛИНОДИЯ	320
Разрушение Трои	321

Возвращения	321
Орестея	322
Погребальные игры по Пелию	322
Из неизвестных песен	323
Сапфо. <i>Перевод В. Вересаева, М. Гаспарова*, С. Ошерова, А. Парина, Г. Церетели</i>	324
Божества-покровители	324
Фиас, подруги, соперницы	327
Любовь	332
Жизнеотношение	333
Семья	335
Природа	336
Эпиталамии	337
Разное	340
Алкей. <i>Перевод М. Гаспарова², Вяч. Иванова</i>	341
Из гимнов богам	341
Троянская война	344
Друзья и враги	345
Гетерия Алкея терпит поражение	347
В изгнании	349
Заговорщикам	350
Песни пирушки	351
Брату	353
Жизнеотношение	353
Природа	354
Разное	355
Ивик. Энкомий Поликрату. <i>Перевод В. Вересаева, Н. Казанского, Г. Церетели</i>	356
Анакреонт. <i>Перевод В. Вересаева, Я. Голосовкера, С. Лурье, А. Мея, С. Ошерова, А. Парина, Г. Церетели, В. Ярхо*</i>	360
Из гимна Артемиде	360
Из гимна Дионису	360
О себе самом	361
Пиршества	362
Любовь	363
Воинские мотивы	368
Разное	369
Симонид Кеосский. <i>Перевод М. Гаспарова, Вяч. Иванова, С. Ошерова, А. Парина, Г. Церетели</i>	371
Энкомий Скопадам	371
Из эпиникиев	372
Из плачей	373
Из похвальной песни павшим при Фермопилах	374
Плач Данаи	374
Разное	375
Лас. <i>Перевод М. Гаспарова</i>	377
Тимокреонт. Против Фемистокла. <i>Перевод М. Гаспарова, М. Грабарь-Пассек</i>	377
Коринна. <i>Перевод В. Вересаева, Е. Рабинович</i>	378
Пророчество о дочерях Асопа	378
Состязание Геликона с Кифероном	379

² См. преамбулу примечаний к Алкею.

Праксилла. <i>Перевод В. Вересаева, А. Парина</i>	380
Телесилла. <i>Перевод А. Парина</i>	380
Софокл. <i>Перевод В. Ярхо</i>	381
Диагор. <i>Перевод М. Гаспарова</i>	381
Ион Хиосский. <i>Перевод М. Гаспарова</i>	381
Еврипид. Из эпиникия Алкивиаду. <i>Перевод М. Гаспарова</i>	381
Меланиппид. <i>Перевод М. Гаспарова</i>	382
Данаиды	382
Марсий	382
Персефона	382
Ликимний. <i>Перевод М. Гаспарова</i>	383
Тимофей. <i>Перевод М. Гаспарова, Е. Рабинович</i>	383
Персы	383
Киклоп	388
Ниоба	388
Телест. Арго. <i>Перевод М. Гаспарова</i>	389
Арифрон. Пеан Гигиее. <i>Перевод М. Гаспарова</i>	389
Аристотель. Сколий в честь Гермия, тирана Атарнейского. <i>Перевод М. Гаспарова</i>	390
Ликофронид. <i>Перевод В. Ярхо</i>	390
Каллимах. Бранх. <i>Перевод О. Смыки</i> *	391
Гермомах. <i>Перевод В. Ярхо</i>	391
Филодам. Пеан Дионису. <i>Перевод Ю. Голубца</i>	392
Исилл. Пеан Аполлону и Асклепию. <i>Перевод Ю. Голубца</i>	394
Гермокл. На возвращение Деметрия Полиоркета. <i>Перевод Ю. Голубца</i>	395
Аристой. <i>Перевод Ю. Голубца</i>	396
Пеан Аполлону	396
Гимн Гестии	397
Керкид. <i>Перевод Ю. Голубца</i>	398
Анонимные произведения	400
Земледельческие обрядовые песни. <i>Перевод О. Смыки, В. Ярхо</i>	400
Походная песнь. <i>Перевод О. Смыки</i>	401
Застольные песни. <i>Перевод А. Парина, О. Смыки</i>	401
Гимны богам	405
Дионису. <i>Перевод А. Парина, О. Смыки</i>	405
Мойрам. <i>Перевод О. Смыки</i>	407
Асклепию. <i>Перевод В. Ярхо</i>	407
Юному Зевсу. <i>Перевод В. Ярхо</i>	408
Матери богов. <i>Перевод О. Смыки</i>	409
Пану. <i>Перевод О. Смыки</i>	410
Тихе. <i>Перевод О. Смыки</i>	411
Артемиде. <i>Перевод О. Смыки</i>	411
Посейдону. <i>Перевод А. Парина, Е. Рабинович</i>	411
Другим богам. <i>Перевод А. Парина</i>	412
Из других хоровых жанров. <i>Перевод М. Грабарь-Пассек, О. Смыки</i>	413

ПРИЛОЖЕНИЯ

Война мышей и лягушек. <i>Перевод М. Альтмана</i>	417
Война мышей с лаской. <i>Перевод В. Ярхо</i> *	423
Примечания. <i>Сост. М. Гаспаров, О. Цыбенко, В. Ярхо</i>	425

Эллинские поэты VII—III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы.
Мелика / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. — М.: Ладомир, 1999, 515 с.
(«Античная классика»)

ISBN 5-86218-237-3

Настоящее издание заполняет пробел, существующий в представлении широкого круга читателей о древнеэллинской поэзии. В сборник входят соответственно представители трех поэтических жанров в их развитии за пять столетий: послегомеровский эпос во всех его разновидностях от Гесиода до Ригана, элегия и ямб от Архилоха до Каллимаха, мелика от Алкмана до гимнов III в. и анонимных земледельческих и застольных песен. Впервые специально переведена значительная часть текстов, включая новейшие папирусные отрывки.

ЭЛЛИНСКИЕ ПОЭТЫ
VII—III вв. до н. э.

Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика

Художественный редактор *Е. В. Гаврилин*

Технический редактор *Е. А. Молодова*

Корректор *Г. Н. Володина*

Компьютерная верстка *О. Н. Бойко*

ЛР № 064340 от 05.12.95 г.

ГЗ № 77.ФЦ.8.953.П.135.1.99 от 05.01.1999 г.

Сдано в набор 04.01.99. Подписано в печать 31.03.99.

Формат 60х90^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Баскервиль».

Печать офсетная. Печ. л. 33,0. Усл. печ. л. 33,00.

Тираж 2000 экз. Зак. № 4281.

Научно-издательский центр «Ладомир»

при содействии ООО «ВРС»

103617, Москва, К-617, корп. 1435

Отпечатано с оригинал-макета

ООО ПФ «Полиграфист»

160001, Вологда, ул. Челюскинцев, 3

ISBN 586218237-3

9795862182377

**В серии «Литературные памятники»
готовится к изданию:**

Т. ДЕ КВИНСИ

Исповедь англичанина, любителя опиума

Опиум, пришедший с таинственного и притягательного Востока, был окружен в XIX веке ореолом чудодейственного зелья. В медицине он использовался в качестве единственного тогда эффективного болеутоляющего средства, а в литературе служил способом мотивации всевозможных «чудес». Английский писатель Де Квинси (1785–1859) эту легендарность одновременно разрушил и упрочил, потому что, пожалуй, со времен «Робинзона Крузо» не было в английской литературе произведения с оттенком необычайности, которому бы столь послушно доверялись читатели. «Исповедь» (1822) начинается воспоминаниями о юности де Квинси. Он рассказывает о бегстве из школы, о скитальческой жизни в Уэльсе и Лондоне. Нужда и лишения, расшатав здоровье автора и подорвав его душевные силы, способствовали, по его мнению, началу его болезни – опиомании. Затем воспоминания оттесняются наркотическими видениями и сами порою приобретают фантастический оттенок. «Дитя, видевшее ад», – так охарактеризовал де Квинси Т. Карлейль, познакомившийся с ним в его преклонных годах и поразившийся его физической миниатюрности, хрупкости в сочетании с размахом ума, силой духа. «Исповедь» оказала влияние на Э. По, Ш. Бодлера, Ж.-К. Гюисманса, русских декадентов. В «Приложении» будет опубликован этюд де Квинси «Убийство как один из видов изящных искусств».

Любые книги «Ладомира» можно заказать
наложенным платежом по адресу:
103617, Москва, Зеленоград, корп. 1435, НИЦ «Ладомир»
тел. (095) 537-98-33

Для получения бесплатного перспективного плана издательства
и бланка заказа вышлите по этому же адресу
маркированный конверт с Вашим адресом.

Серия
«Русская потаенная литература»

АННА МАР

Женщина на кресте

Анна Мар (1887 — 1917) — одна из наиболее скандально знаменитых русских беллетристок начала XX в., известная своей экстравагантной жизнью, многочисленными возлюбленными и наделавшим много шума самоубийством. В ее нервной, эротически-утонченной прозе описаны взлеты и падения любовного чувства, необычные страсти, быт артистической богемы и тайны католических исповедален. Современному читателю впервые удастся познакомиться с полным, без цензурных изъятий текстом ее романа «Женщина на кресте» (1916) — женским вариантом романа Захер-Мазоха «Венера в мехах». Повести «Невозможное», «Идущие мимо» раскроют красоту полнокровной любви женщины нового, XX в.

А. П. КАМЕНСКИЙ

Мой гарем

Трагически погибший в сталинском концлагере беллетрист А. П. Каменский (1876 — 1941) приобрел в начале XX века громкую славу как проповедник полной свободы и естественности человеческих и, в частности, сексуальных отношений. В сборник включен его знаменитый роман-бестселлер «Люди» (1910), герои которого проделывают над собой рискованные эксперименты, проверяя в парадоксальных ситуациях разные облики любви, похоти и страсти. В циклах его рассказов, включающих скандально нашумевших «Леду» и «Четырех», легкий юмор, фривольность сочетаются с проповедью разрушения устаревшей «мещанской» морали, воспеванием свободного чувства и красоты человеческого тела. Легкая, изящная проза Каменского не ищет ответов на трагические «мировые вопросы», для нее величайшая мировая ценность — любовь, не требующая каких-либо моральных, социальных или прочих обоснований.

Серия
«Русская потаенная литература»

«А СЕ ГРЕХИ ЗЛЫЕ, СМЕРТНЫЕ...»

Русская сексуальная культура X—XVII вв.

В 2-Х ТОМАХ

Первый том состоит из двух частей. Первая часть представляет собой попытку собрать воедино свидетельства различных источников по истории, сексуальной этике и эротической культуре X—XVII вв. Это прежде всего списки вопросов, задававшихся на исповедях и связанных с активной сферой жизни людей, а также соответствующие части и разделы практических руководств для священников — требников и сборников епитимий (церковных наказаний за прегрешения). Помимо этих «вопросников», в сборник вошли и другие редкие источники по истории сексуальной культуры в допетровской России — чудом сохранившиеся источники личного происхождения (письма, записки), тексты заговоров, выдержки из лечебников и путевых заметок иностранных путешественников, наблюдавших русский быт XV—XVII вв., а также тексты литературных памятников —городских повестей второй половины XVII столетия.

Во второй части будет опубликовано исследование американского историка, профессора государственного университета шт. Огайо Ив Левин «Воспрещенный секс», построенное на анализе древнерусских и южнославянских церковных источников X—XVII вв. Сюда же войдут статьи современных исследователей, освещающие самые различные аспекты секса и эротики в жизни русских.

Второй том составят малоизвестные исследования, опубликованные в конце прошлого — начале нынешнего века и давно признанные научной классикой.

«Ладомир» готовит к выпуску:

П. П. ПАЗОЛИНИ

Теорема

Первая в России книга, знакомящая читателя с блистательным литературным наследием Пьера Паоло Пазолини (1922–1975) — прозаика, кинорежиссера, сценариста, критика, публициста, эссеиста, художника и прежде всего — поэта, поэта во всем. Творчество Пазолини — мифотворца, мистика, нарушителя канонов и одновременно продолжателя художественных традиций, корсара и пророка, ощущавшего себя изгоем и мессией, — неотделимо от его жизни, а разные формы самовыражения продолжают друг друга: в них разрабатываются одни и те же темы и мотивы, вновь и вновь возникают основополагающие для Пазолини образы и категории — Мать и Отец, Море и Пустыня, Эрос, Смерть, Священное, История, Власть... От страницы к странице парадоксы его произведений и интервью, складываются в уникальное мировидение.

А. ГРАБАР

Император в византийском искусстве

Андре Грабар (1896–1990) — ведущий французский историк искусства, академик, ученик крупнейших русских византологов Кондакова и Айналова, опубликовал свой главный труд «Император в византийском искусстве» в 1936 году. Академик Лазарев называл эту монографию «самой интересной из новейших работ в византистике».

Книга дает не только типологическое исследование изображений византийских императоров, их символического смысла, идеологического содержания и функционального назначения, но включает также фундаментальный анализ связей между императорским и христианским искусством, повлиявших на формирование всей христианской иконографии. Издание богато иллюстрировано.

«Ладомир» готовит к выпуску:

М. ЭЛИАДЕ

Собрание сочинений

В 9-ти томах

Первое в России собрание сочинений румынского философа и писателя (1907 – 1986), полжизни проведенного в эмиграции; последние 30 лет – в США, где он возглавлял кафедру религиоведения Чикагского университета.

Дар художника (в его беллетристическое наследие входит десяток романов и множество новелл) счастливо сочетался в нем с привычкой к скрупулезной работе ученого. Его философия, подкрепленная эрудицией этнографа, историка, фольклориста, герменевтика и эзотериста, уже более полувека будоражит умы. Уже более полувека во всем мире немислимы труды ученых в соответствующих областях знания без оглядки на Элиаде.

Через кропотливое исследование памятников древних цивилизаций Элиаде шел к исправлению исторической оптики; перед нами попытка рассмотреть первобытную космологию «изнутри», представить доисторические науки не как набор суеверий, а как свод извечных эзотерических приемов. Восстанавливая картину мирового развития, ритмов деградации и умирания древних способов синтеза, прослеживая их рудименты в современности, Элиаде стал апологетом мифа. Он искал в мифе (главным образом, в идее цикличности миропорядка) выход из «кошмара истории», утешение для человека и человечества. Поэтому его научное творчество интересно далеко не одним специалистам.

Собрание научных трудов Элиаде, вышедших после войны на французском и английском языках и принеших ему мировую известность, дополнено практически неизвестными довоенными работами, переведенными с румынского, снабжено научным аппаратом и заключено эссеистикой и мемуарами – откровением этой ренессансной личности, осмысляющей Лабиринт своей жизни.

Т. 1. Азиатская алхимия. Вавилонская космология и ал-

химия. Кузнецы и алхимики. Миф о воосоединении. Мефистофель и андрогин. (Вышел.)

Т. 2. Очерки сравнительного религиоведения. (Вышел.)

Т. 3. Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Мифы, сновидения, мистерии.

Т. 4. Шаманизм и архаические техники экстаза.

Т. 5. Йога: бессмертие и свобода. Патанджали и йога.

Т. 6. Сакральное и профанное. Мистическое рождение.

Поиски. История и смысл в религии.

Т. 7. От Залмоксиса до Чингис-хана.

Т. 8. Эссеистика.

Т. 9. Мемуары.

Ж. БАТАЙ

Ненависть к поэзии

Том литературной прозы крупнейшего французского писателя и мыслителя XX века Жоржа Батая (1897–1962) включает романы и повести «История глаза», «Небесная синь», «Юлия», «Невозможное», «Аббат С.» и «Divinus Deus», первой частью которого является «Мадам Эдварда». Стремясь к «невозможному» мистическому опыту, герои Батая исследуют мрачные, зачастую отталкивающие глубины человеческой психики, разврат служит им средством религиозных исканий. Издание снабжено богатым научным аппаратом и предназначено как специалистам по современной литературе и культуре, так и более широкой аудитории.

Х. ХАБИХТ

Афины. История античного города

Международный исторический бестселлер 1995 года, в котором крупнейшим современным историком, профессором Принстонского университета изложена история одного из самых знаменитых городов древности периода его расцвета. Увлекательно написанные биографии выдающихся политических деятелей древности являются подлинными жемчужинами этого актуальнейшего издания.

«Ладомир» готовит к выпуску:

КОРАН

Второе, существенно переработанное издание нового смыслового перевода Корана с фундаментальным комментарием, параллельным арабским текстом и причинами ниспослания аятов. Издание адресовано как верующим, так и тем, кто хотел бы получить возможность углубленного изучения Священного Писания мусульман. Всё, что традиционно вызывало трудности в восприятии Корана, подробно разъяснено. Лишь чтение Корана на языке оригинала и в добротном, тщательно прокомментированном переводе, способно дать истинное представление об Исламе как о величайшей религии человечества, ставшей одной из его духовных опор и повлиявшей на формирование мировой культуры. Публикуемый перевод признан религиозными деятелями и научными работниками лучшим из имеющихся на сегодняшний день.

Коран — последнее по времени Божественное Откровение, ниспосланное Пророку Мухаммаду в VII в. н. э. и адресованное всему человечеству. А поэтому каждому человеку, независимо от вероисповедания, следовало бы прочитать эту великую Книгу, несущую Благоую Весть от Бога и дающую людям надежные ориентиры к праведному пути в жизни.

АЛ-МАСУДИ

Золотые копи и россыпи самоцветов

Академический перевод одного из самых замечательных произведений на арабском языке. Автор — знаменитый арабо-мусульманский географ, историк и путешественник. Помимо сведений географического и этнографического характера, это сочинение содержит яркие исторические свидетельства — историю мусульманской общины с начала деятельности Пророка Мухаммада и возникновения ислама и кончая пятидесятью годами X в. Особый интерес представляет изложенная ал-Масуди история Аббасидской династии. Автор был свидетелем многих из описываемых им событий.

«Ладомир» готовит к выпуску:

М. САНУЙЕ

Дада в Париже

Уникальная монография известного французского ученого, директора Центра XX века при университете в Ницце Мишеля Сануйе, посвященная одному из замечательнейших и загадочных явлений столетия. Особая ценность книги Сануйе в том, что он опирается на материалы, полученные из первых рук. Автор сотрудничал и общался с непосредственными участниками и очевидцами давних событий, получил доступ к их богатейшим архивам. Книга представляет несомненный интерес не только для искусствоведов, но и для самого широкого круга читателей, ибо в доступной и занимательной форме повествует о нравах парижской богемы, о творческих и жизненных перипетиях обитателей Монмартра и завсегдатаев знаменитых кафе, о судьбах тех, кто во многом определил лицо столетия: Аполлинера, Бретона, Арагона, Элюара, Тцара, Пикабиа, Пикассо, Сати, Кокто, Стравинского и многих других. Дадаизм — связующее звено между символизмом и поздними интеллектуальными и художественными течениями, прародитель сюрреализма и абсурдизма. Это одно из важнейших направлений в общем потоке авангарда, без которого невозможно представить XX век.

АРИСТОФАН

Комедии

Серия «Литературные памятники»

Комедии издаются в классических переводах Адриана Пиотровского (1898—1938). Тексты переводов заново сверены и унифицированы в соответствии с оригиналом. К переводу сохранившихся комедий прилагается выполненный М. А. Гаспаровым специально для настоящего издания перевод многочисленных фрагментов из недошедших пьес, а также впервые переведенные В. Н. Ярхо античные свидетельства о жизни и творчестве Аристофана.

В 1998 г. вышли:

Ф. БЛЮШ

Людовик XIV

В увлекательно написанной романизированной биографии, составленной ведущим современным французским историком Ф. Блюшем, подробно описывается жизнь Людовика XIV, прозванного Великим, с момента его рождения и до кончины. Со страниц книги перед читателем предстает колоритная фигура самого знаменитого в христианском мире тех времен короля во всех его человеческих проявлениях, покровителя литературы и искусства, ценителя красивых женщин и государственного реформатора. Блюш блестяще описал жизнь французского двора, мастерски изобразил страсти, интриги, победы и поражения, которыми жило окружение Короля-Солнце. Книга читается на одном дыхании.

О. В. ДМИТРИЕВА

Елизавета I. Семь портретов королевы

Образ Елизаветы I Английской, которой посвящена эта книга, не случайно вдохновлял великих Шиллера и Цвейга — она была одной из самых одаренных личностей эпохи Ренессанса, оставаясь при этом загадочной женщиной, тайна которой до сих пор будоражит умы.

В книге О. В. Дмитриевой, много лет занимающейся историей Англии XVII в., Елизавета предстает не только во всем блеске своего политического гения, но и во множестве других ипостасей — «доброй королевы Бесс», отважной воительницы Глорианы, обворожительной Дианы... Автор на основе богатейших архивных материалов прослеживает, как формировалась личность молодой правительницы, которая, пройдя через все испытания — соперничество за престол с Марией Стюарт, нашествие Великой Армады, бесчисленные заговоры, стала величайшей из английских монархов, олицетворением национальной независимости и могущества Британии.

В 1999 г. вышли:

ЕВРИПИД

Трагедии

В 2 ТОМАХ

Серия «Литературные памятники»

В древности Еврипида называли «философом на сцене». Действительно, в конфликтах между мифическими героями, действующими в его трагедиях, решаются важнейшие вопросы человеческого бытия, человеческой нравственности. И вместе с тем в каждой трагедии воплощена правда характеров, правда страстей, позволившая другому великому афинскому трагику, Софоклу, сказать о своем младшем современнике, что тот изображает людей «такими, как они есть». Все эти свойства в сочетании с могучим поэтическим талантом Еврипида принесли его творениям бессмертие — не только в книгах, но и на многих сценах мира. Настоящее издание впервые дает полного Еврипида в подлинном переводе Иннокентия Анненского (при этом снята правка Ф. Ф. Зелинского прежних изданий). Перевод двух трагедий — «Умоляющие» и «Троянки» — публикуется впервые по сохранившимся в архивах рукописям Инн. Анненского. В разделе «Дополнения» помещены трагедия «Рес», приписываемая Еврипиду, и трагедия «Вакханки» в переводе Ф. Ф. Зелинского.

ЗАВЕТНЫЕ ЧАСТУШКИ ИЗ СОБРАНИЯ

А. Д. ВОЛКОВА

В 2-Х ТОМАХ

Серия «Русская потаенная литература»

Впервые публикуется уникальная отечественная коллекция эротических и политических частушек (около 14 тысяч), в которых, словно в зеркале, отразилась история России XX века (от Октябрьской революции до послеперестройчных времен). Издание подготовлено ведущим специалистом по русскому фольклору профессором МГУ А. В. Кулагиной.

*В серии «Готический роман»
изданы:*

INFERNALIANA

*Французская готическая проза
XVIII–XIX веков*

Сборник включает лучшие «готические» произведения французской прозы прошлого века. Среди авторов: Ж. Казот, С. А. Бертю, Ш. Нодье, П. Борель, Ш. Рабу, О. де Бальзак, Ж. де Нерваль, Т. Готье, П. Мериме, Ж. Барбе д'Ореви́льи, Ж. Буше де Перт, К. Виньон, О. Вилье де Лиль-Адан, Г. де Мопассан. Большую часть сборника составляют тексты, впервые переведенные на русский язык.

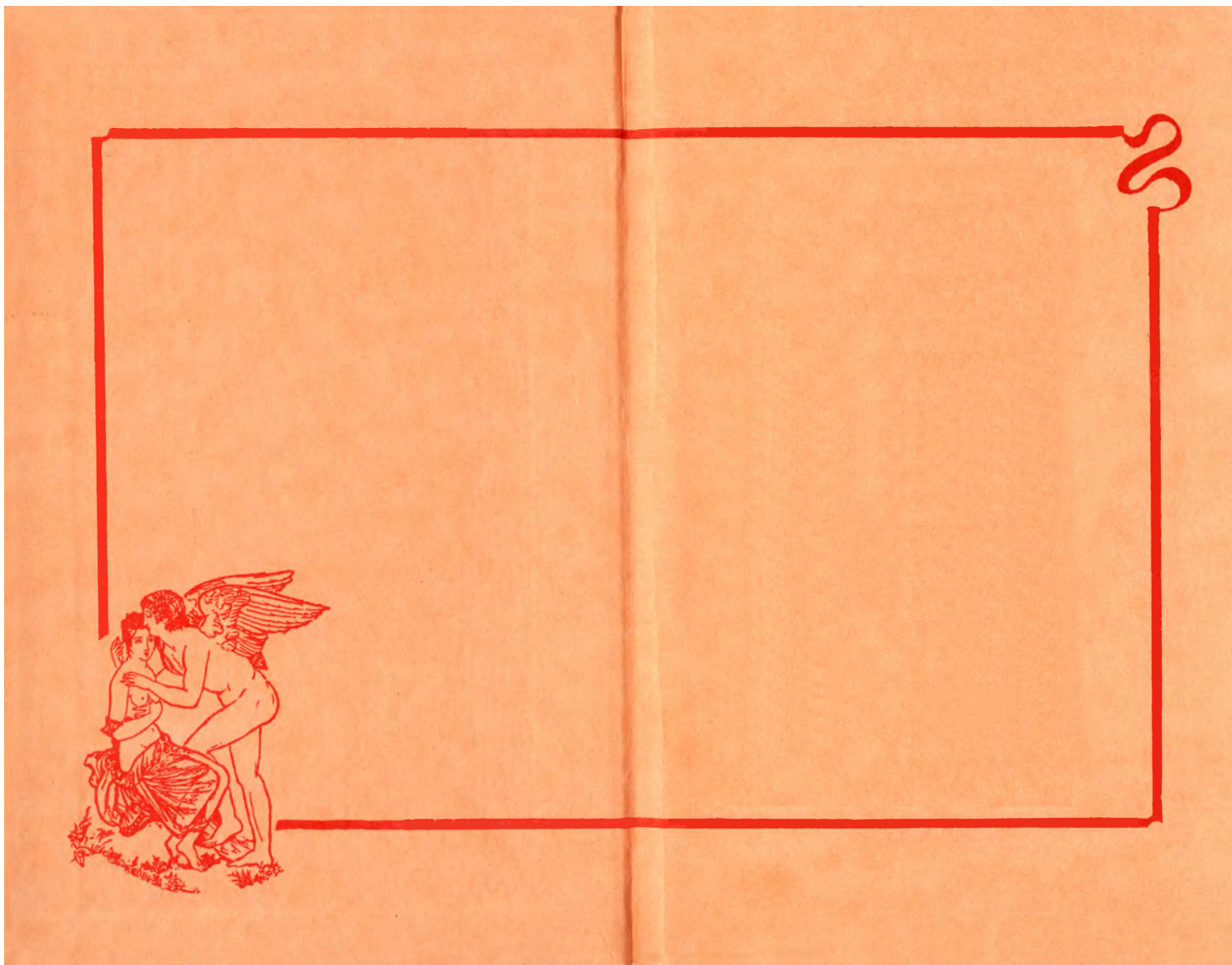
АННА РЭДКЛИФФ

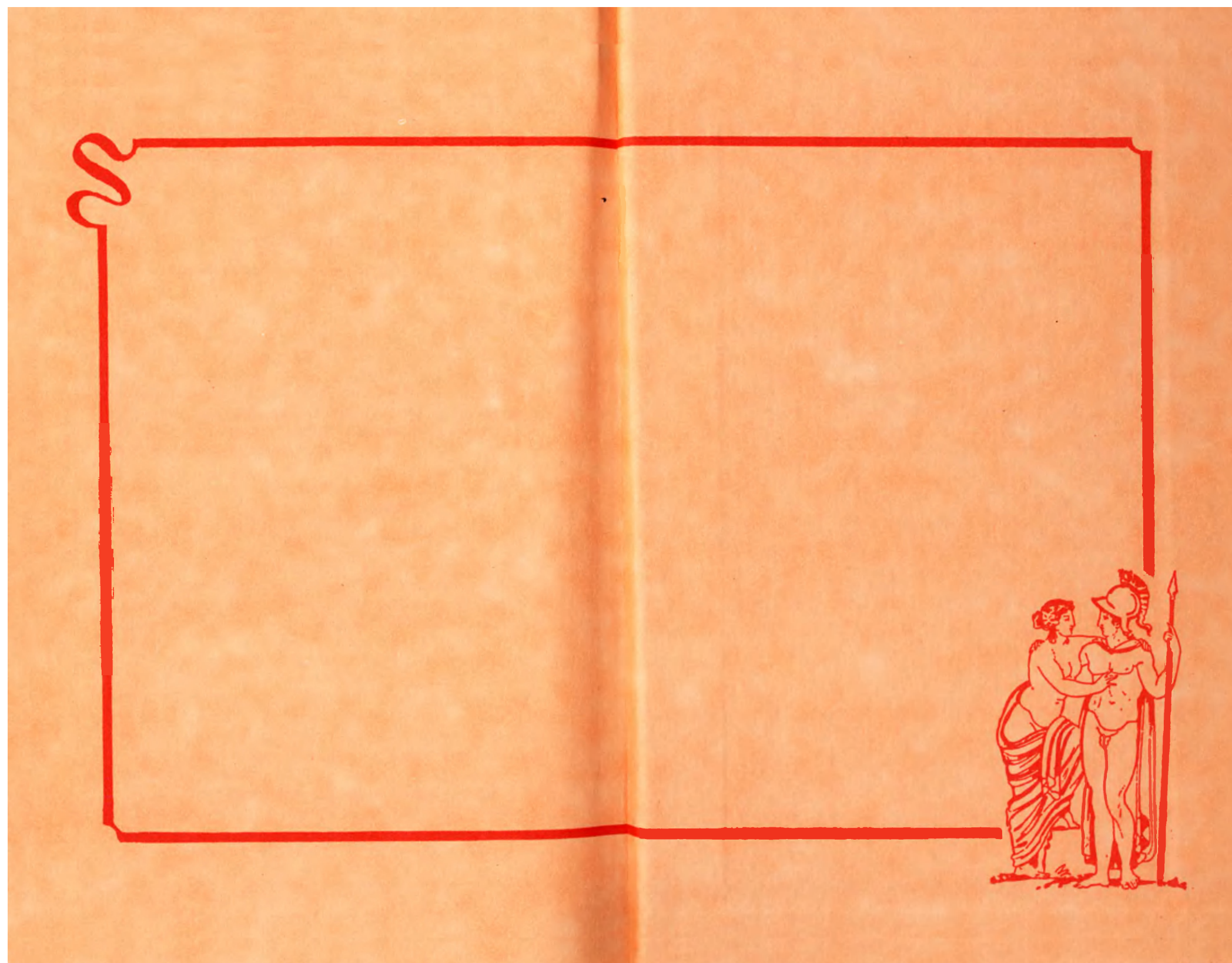
Роман в лесу

Английскую писательницу Анну Рэдклифф (1764 – 1823) по праву называют королевой «черного» (готического) романа. Без преувеличения можно сказать, что Тайна, Ужас, Страх – главные действующие лица ее сочинений.

Как и двести лет назад, от страниц «Романа в лесу» (1791), принесшего его создательнице наряду с «Удольфскими тайнами» и «Итальянцем» мировую славу, невозможно оторваться. В центре повествования – судьба не знающей о своем благородном происхождении девушки, которая храбро сражается с Роком за свою любовь. Сражается и побеждает.

Предлагаемое русскому читателю издание впервые выходит в полном переводе, снабжено статьей и комментариями.

ЭЛЛИНСКИЕ ПОЭТЫ

ЭЛЛИНСКИЕ ПОЭТЫ

